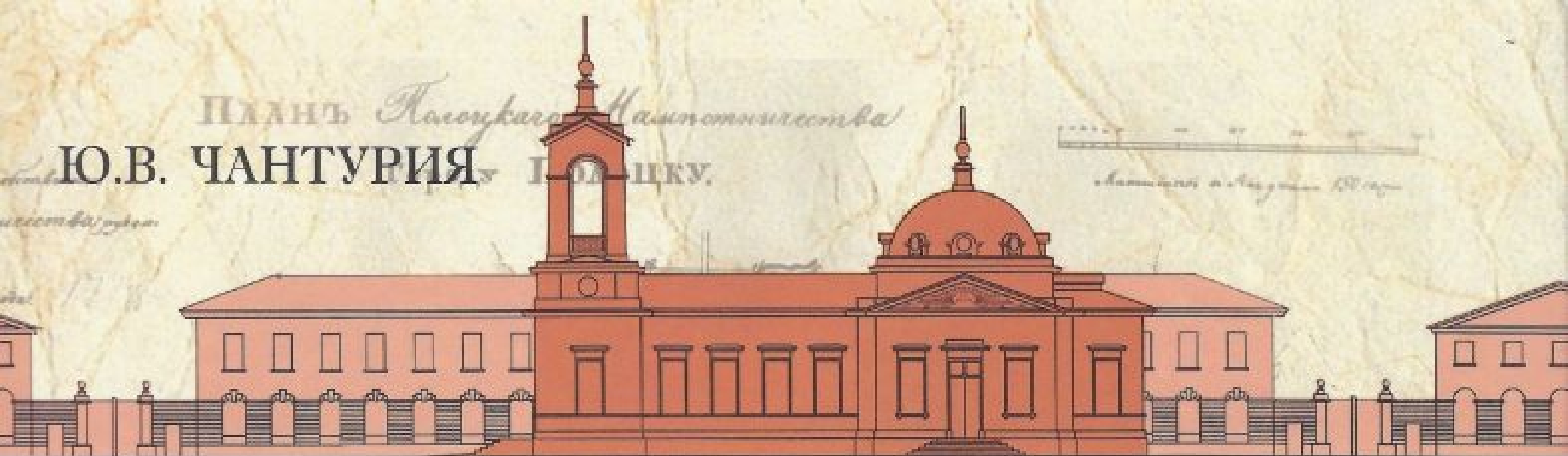

Ю.В. ЧАНТУРИЯ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО БЕЛАРУСИ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЛЕДИЕ
РЕНЕССАНС
БАРОККО
КЛАССИЦИЗМ

второй половины XVI – первой половины XIX в.

рѣка

Предмѣстіе Пяски

Бугъ

Тираспол

Старый Бугъ

Предмѣстіе

въ Г. Брестѣ Литовскомъ

Главнѣйшія Строенія

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
Острогъ
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Улицы

AA	Песочная
ЬB	[illegible]
CC	Волынская
DD	Бернардинская
EE	Базиліанская
FF	[illegible]
GG	[illegible]
H	Рынокъ
II	[illegible]
KK	Кобринская
LL	Старая Конецка
MM	[illegible]
NN	Виленская
OO	[illegible]
PP	Новая Конецка
QQ	[illegible]
RR	[illegible]

Пла[…]
Горо[…]
Бреста Ли[…]
и Мѣс[…]
Тирас[…]

БРЕСТЪ ЛИТОВСКIЙ

ПРЕДМѢСТIЕ КОБРИНСКОЕ

Мухавецъ

Волынское

въ М. Тирасполѣ

...анъ
...рода
...итовскаго
...течка
...споля

Главнѣйшiе Строенiя

a. Монастырь Доминикановъ
b. Церковь Униатская
c. Домъ Князя Чарторыйскаго
d. Ратушъ и Лавки
e. Конюшни военные
f. Манежъ
g. Пекарни военные
h. [illegible]

Улицы

АА. Варшавская
ВВ. Брестская
СС. Косовская
DD. Церковная
ЕЕ. [illegible]
FF. Спасская
GG. [illegible]

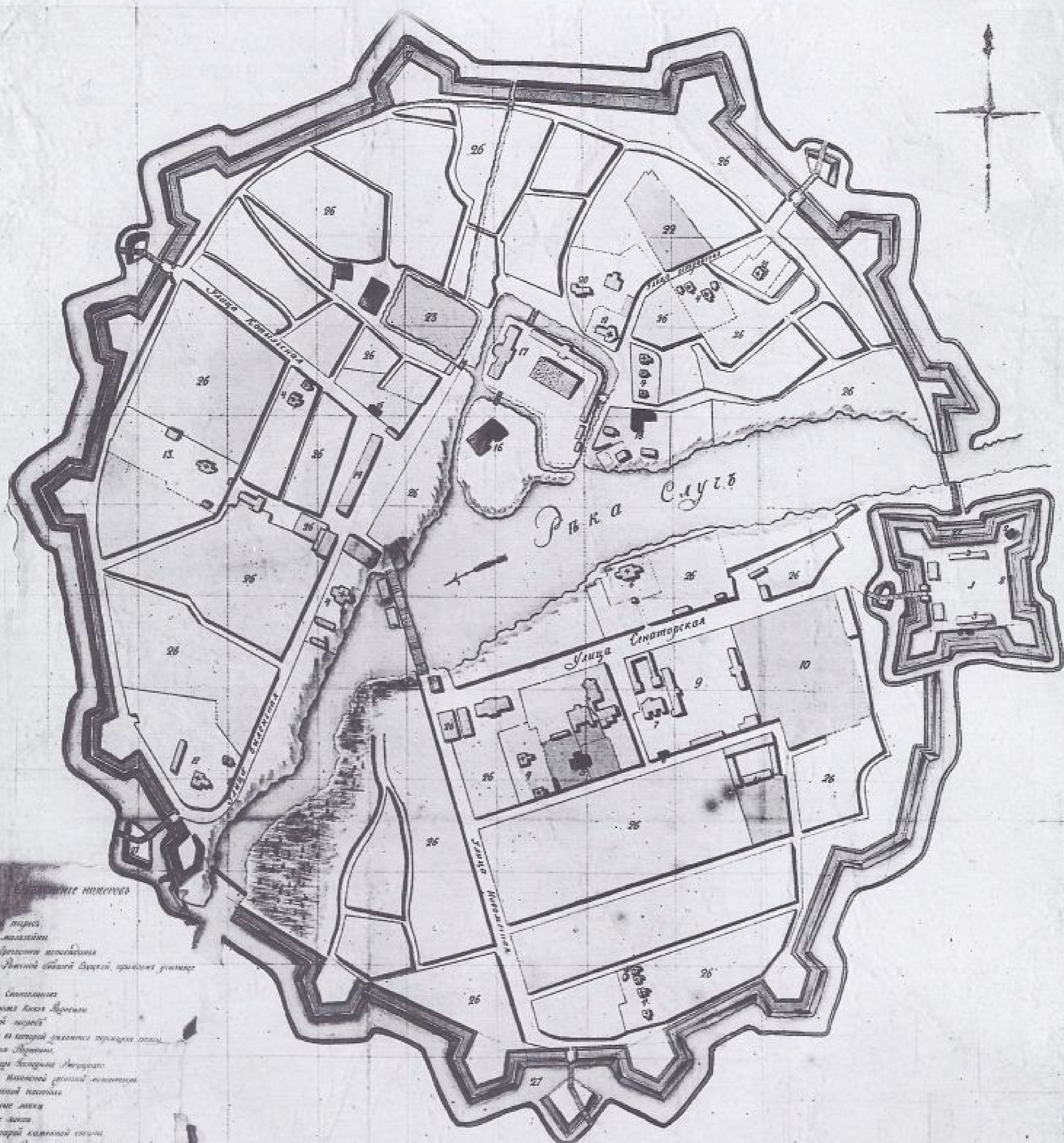

Масштабъ

Посвящается 85-летию
Белорусского национального
технического университета

Планъ минской губерніи города Слуцка

Ю.В. ЧАНТУРИЯ

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО БЕЛАРУСИ

второй половины XVI – первой половины XIX в.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЛЕДИЕ

РЕНЕССАНС

БАРОККО

КЛАССИЦИЗМ

Минск
«Белорусская наука»
2005

УДК 711.03(476)«15/18»
ББК 85.118(4Беи)
Ч-18

Выпуск издания осуществлен
по заказу Министерства информации Республики Беларусь
и при финансовой поддержке
Министерства информации Республики Беларусь,
Белорусского национального технического университета,
Унитарного предприятия «Орбела»

Рецензенты:

член-корреспондент НАН Беларуси, доктор архитектуры, доктор исторических наук, профессор,
директор Института искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы,
академик Белорусской академии архитектуры А. И. Локотко;
доктор архитектуры, профессор, лауреат Государственной премии Республики Беларусь,
заведующий кафедрой «Градостроительство»
Белорусского национального технического университета,
академик Белорусской академии архитектуры Г. А. Потаев

Чантурия, Ю. В.
Ч-18 Градостроительное искусство Беларуси второй половины XVI — первой половины XIX в.: Средневековое наследие, Ренессанс, барокко, классицизм / Ю. В. Чантурия. — Мн.: Бел. наука, 2005. — 375 с.
ISBN 985-08-0658-3.

Разработано решение крупной научной проблемы теории развития градостроительства Беларуси второй половины XVI — первой половины XIX в. Впервые проанализировано и обобщено богатейшее и национально специфичное градостроительное искусство белорусского средневековья, Ренессанса, барокко и классицизма в его взаимодействии с архитектурой Западной Европы и России. На основе исследования 115 городских поселений, анализа более 260 архивных историко-картографических документов, выполнения около 200 графических реконструкций и графоаналитических построений обнаружены ранее не известные закономерности организации поселений и ансамблей сооружений: генетические, стилевые, функциональные, морфологические, композиционные, метрологические. Научное открытие работы — выявление особенностей городов как возведенных наподобие раннехристианских столиц и библейских образов.

Предназначена для архитекторов, историков, культурологов, реставраторов, студентов различных вузов, а также для всех, интересующихся зодчеством.

УДК 711.03(476)«15/18»
ББК 85.118(4Беи)

ISBN 985-08-0658-3

ВВЕДЕНИЕ

Исследования по истории архитектуры имеют непреходящее общественное значение. Они повышают уровень теоретических представлений о духовной и материальной культуре, выявляют более полную картину действительности, создают методическую и фактологическую базу для решения современных проблем реконструкции городов. Особую важность приобретает изучение истории градостроительства Беларуси, актуальное также в связи с ее политическим и культурным развитием как независимого государства, необходимостью укрепления национального самосознания и оценки пройденного страной исторического пути.

Место настоящего исследования среди других трудов по истории архитектуры Беларуси и соседних стран характеризуется тремя аспектами.

Во-первых, при наличии большого числа литературных источников XIX — начала XX в., 1920—1930-х годов, фундаментальных работ 1950—2000-х годов по истории белорусского зодчества история градостроительства еще требует целостного исследования. Искусство возведения городов не получало широкого в географическом и временно́м отношениях, систематизированного и углубленного осмысления. Не разрабатывались типологии многообразных свойств поселений и отдельных комплексов застройки. Не были в полной мере известны закономерности формирования городов и их общественных центров, требовавшие выявления в результате анализа планировочных структур и объемно-пространственных композиций в разные исторические периоды. Не изучались главные компоненты центров — ансамбли площадей. Градостроительство белорусских земель не рассматривалось в контексте развития Западной и Восточной Европы.

Немногочисленные труды, освещающие белорусское градостроительство второй половины XVI — первой половины XIX в., отличаются конспективностью, отсутствием многопланового и детального анализа явлений и объектов или тематической зауженностью — изучением только одного из нескольких регионов или малой группы городов. Многие важные проблемы не рассматриваются, а некоторые вопросы нуждаются в уточнении, вызванном обновлением научных воззрений. Так, круг работ требует существенного теоретического, научно-методического и фактологического дополнения. Новый уровень развития историко-градостроительной науки Беларуси достижим только на основе принципиального расширения и углубления ее аналитической базы, вовлечения в исследование ранее не изучавшихся явлений.

Во-вторых, настоящий труд входит составной частью в широкое научное направление — историю зодчества Беларуси, которое можно представить как систему исследований архитектуры всех исторических эпох, а внутри каждой эпохи — градостроительной культуры и всех объемно-планировочных типов сооружений. Настоящая работа восполняет пробел в историографии градостроительства средневековья, Ренессанса, барокко и классицизма.

В-третьих, во второй половине XX в. выполнены обширные по анализируемым проблемам и временному охвату исследования русского градостроительства периодов Киевской Руси и самостоятельных княжеств, Московского государства, Российской империи, а также труды, связанные с Украиной, Польшей, Литвой. В соотнесении с этими исследованиями необходима ликвидация существующей «лакуны» в сфере белорусского градостроительства, богатейшее достояние которого со своими оригинальными чертами складывалось в условиях взаимовлияния архитектурных традиций Западной и Восточной Европы. Выполнение настоящей работы на указанном научном фоне определило использование в некоторых ее частях методических положений, свойственных и другим трудам. Вместе с тем специфика регионального материала вызвала методы, ранее редко применявшиеся. Проведенная работа явилась обязательным этапом, без которого невозможно дальнейшее углубленное изучение истории градостроительства Беларуси по принципиально новым методам как необоснованное, не

опирающееся на выявленную систему свойств пространственной организации поселений.

Актуальность данного исследования обусловлена и особым современным значением прикладных проблем реконструкции и развития исторических районов городов, выявления, охраны, реставрации и всестороннего использования недвижимого культурного наследия. В связи с этим выделяются следующие аспекты.

Для решения указанных проблем необходим не только учет сохранившихся памятников, но и изучение созидательной деятельности прошедших эпох, материальные следы которой утрачены. Освоение зодчими-практиками закономерностей и фактологии эволюции городов влияет на формирование их профессионального менталитета и, следовательно, на эстетический уровень создаваемой ими городской среды.

Кроме того, важнейшей задачей преобразования исторических районов и городов в целом является сохранение, восстановление и преемственное развитие традиционных для той или иной градостроительной культуры объемно-пространственных и пластических качеств среды, обусловленных функциональным, художественным, сакрально-семантическим и другими факторами. Выявлению этих качеств посвящено настоящее исследование. В частности, большое внимание уделяется характеристике планировочных структур. В связи с высокой степенью сохранности исторической планировки данная работа служит обоснованием ее ценности и необходимости сохранения в генеральных планах городов, детальных планах их центров, другой проектной документации.

Исследование градостроительного искусства Беларуси второй половины XVI — первой половины XIX в. имеет целью разработку научно обоснованной системы знаний о путях его становления и развития. При этом поставлены отдельные взаимосвязанные задачи, раскрывающие существо проблемы:

определение основных направлений развития градостроительства Беларуси во второй половине XVI — первой половине XVIII в.;

выявление структурно-планировочных и композиционных свойств градостроительных направлений, представленных городскими поселениями со средневековыми нерегулярной и регулярной, а также с ренессансной планировочными структурами;

установление характерных черт процесса преобразования городских поселений и их общественных центров в период классицизма во второй половине XVIII — первой половине XIX в.;

определение ведущих свойств и типологизация важнейших градостроительных образований в общественных центрах — комплексов застройки площадей во второй половине XVIII — первой половине XIX в.;

выявление принципов и приемов формирования объемно-пространственной композиции площадей, раскрывающих их значение как произведений градостроительного искусства.

Объектом исследования служат города и местечки на территории современной Беларуси во второй половине XVI — первой половине XIX в. (115 поселений). Их перечень определился следующими требованиями: значительное отличие по историческому происхождению, величине, административному статусу, планировочной структуре, системе доминант и др.; равномерность распределения объектов исследования по территории Беларуси; типологическая близость поселений, позволяющая обобщить их свойства; наличие архитектурных ансамблей. Предметом исследования является пространственная организация городских поселений.

Объекты исследования разделяются на три группы. К первой относятся города и местечки, пространственная организация или отдельные ансамбли которых в настоящей работе проанализированы подробно (Бобруйск, Быхов, Витебск, Гродно, Желудок, Лида, Минск, Мозырь, Несвиж, Ошмяны, Пинск, Полоцк, Поставы, Рогачев, Слоним, Слуцк, Чаусы, Чериков, Чечерск).

Вторая группа включает городские поселения, привлеченные для разработки отдельных, существенных аспектов темы (Бешенковичи, Борисов, Вилейка, Волковыск, Ворняны, Глуск, Мир, Могилев, Старый и Новый Мядель, Речица, Сураж, Туров, Щучин).

Третья группа — поселения, исследованные рекогносцировочно с целью типологизации по определенным признакам или освещения других особенностей (Антополь, Бабиновичи, Белица бывшей Могилевской губернии, Белыничи, Береза, Березино, Большая Берестовица, Брагин, Браслав, Брест, Верхнедвинск, Видзы, Воложин, Высокое, Глубокое, Гольшаны, Гомель, Городок, Давид-Городок, Дисна, Докшицы, Дрогичин, Друя, Дубровно, Дятлово, Ельск, Жировичи, Заславль, Иваново, Ивенец, Ивье, Игумен — современный Червень, Каменец, Клецк, Климовичи, Кобрин, Койданово — современный Дзержинск, Копыль, Копысь, Кореличи, Коссово,

Краснополье, Кричев, Крупки, Лельчицы, Лепель, Логишин, Логойск, Лоев, Любань, Любча, Ляховичи, Миоры, Мстиславль, Наровля, Новогрудок, Новый Свержень, Озеры, Орша, Островец, Паричи, Петриков, Порозово, Пропойск — современный Славгород, Пружаны, Радошковичи, Ружаны, Свирь, Сенно, Скидель, Смоляны, Сморгонь, Столбцы, Столин, Стрешин, Толочин, Уваровичи, Ушачи, Хойники, Хотимск, Шерешево, Шклов). Сельские поселения изучаемого периода не рассматриваются.

Хронологическими границами исследования приняты вторая половина XVI и первая половина XIX в. Нижняя временна́я граница определилась следующим:

датой образования нового государства — Речи Посполитой, объединившей Великое княжество Литовское и Польское Королевство (1569 г.);

широким распространением, в отличие от более раннего времени, регулярной планировки городских поселений, имеющей средневековый характер;

возникновением ренессансного градостроительства;

появлением первых известных изображений городов, позволяющих представить их композицию.

Верхняя временна́я граница обусловилась окончанием эпохи Просвещения, развитием и упадком стиля классицизм, а также завершением к середине XIX в. процесса массового составления проектов перепланировки городов и их реализации в натуре.

В пределах хронологических границ наибольшее внимание уделено периоду второй половины XVIII — первой половины XIX в., насыщенному достижениями и событиями в градостроительном отношении. Во-первых, для нерегулярных структур вторая половина XVIII в. зафиксировала содержательный итог их постепенного преемственного развития, что дает возможность их всестороннего изучения. Во-вторых, большой исследовательский интерес представляет начавшийся в 1770-х годах, наполненный творческим пафосом и поиском процесс преобразования, ломки нерегулярных стереотипов с формированием новой градостроительной идеологии классицизма. В-третьих, художественностью, ассоциативной образностью отличается само классицистическое искусство планировки городов, развивавшееся на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в. В-четвертых, в этот период площади, образуемые в основном барочной и классицистической застройкой, обладали наиболее совершенной, эстетически содержательной композицией. Это обусловилось тем, что в предшествующее время были меньшими размеры и число высотных сооружений, которые, кроме того, часто выполнялись в дереве. С другой стороны, позже середины XIX в. начался процесс фрагментарного разрушения ансамблей и возведения крупномасштабных зданий, исказивших пропорциональный строй композиции. Кроме вышесказанного существует множество картографических документов, определенный круг иконографических и письменных источников второй половины XVIII — первой половины XIX в., а в натуре сохранились градостроительные образования этого периода. Такая фактологическая база предоставляет и возможность графической реконструкции предыдущих этапов формирования городов.

Методология исследования истории белорусского градостроительства основывалась на широком во временно́м и географическом отношениях, систематизированном и углубленном познании градостроительных явлений и их значения в белорусском зодчестве, а также на изучении условий и выявлении свойств развития городских поселений и архитектурных комплексов.

Методами исследования служили изучение литературных источников, анализ архивных историко-картографических и иконографических документов, анализ современных геодезических съемок поселений, натурные обследования городской среды, разработка графических реконструкций градостроительных объектов.

Использованы также методы, до недавнего времени не применявшиеся или ограниченно применявшиеся в историографии белорусского градостроительства досоветского периода: типологизация градостроительных образований; идеализация градостроительных композиций; пропорциональный анализ объемно-пространственного построения поселений и отдельных ансамблей; семантико-теологический анализ, гипотетически устанавливающий подобие свойств градостроительных структур христианской символике; сравнительный анализ, оценивающий искусство возведения белорусских городов в контексте европейской архитектуры.

Настоящее исследование является теоретическим обобщением процессов развития градостроительства Беларуси в период высокой степени сохранности планировочного наследия средневековья, распространения Ренессанса и барокко, возникновения и развития классицизма. Оно позволяет существенно расширить знания по истории и тео-

рии архитектуры, способствует постановке дальнейших исследований. Вкратце отметим главные новые теоретические положения, отражающие формирование городских поселений.

Белорусское градостроительство второй половины XVI — первой половины XVIII в. представляло собой единое и синтетическое явление национального зодчества. Комплексное понимание этого явления включает учет его своеобразной закономерности. Она состоит в эволюции, в контексте общеевропейской архитектуры, трех градостроительных направлений: свободно сложившихся нерегулярных, регулярных средневековых по характеру (готических), а также ренессансных планировочных структур. В отличие от ранее выполнявшихся разрозненных описаний планировки отдельных поселений установление этой закономерности характеризует искусство возведения городов как содержательный и целостный феномен.

В настоящем исследовании обнаружена система концептуальных отличительных и общих свойств вышеуказанных градостроительных направлений. Она отразила культурно-исторический и стилевой генезис, типологические, функциональные, морфологические, композиционные и метрологические характеристики планировочных структур, а также художественную организацию размещения высотных архитектурных доминант, особенности общественных центров городов и их составных компонентов. Кроме того, выявлены черты градостроения барокко в Беларуси во второй половине XVIII в.

Градостроительство классицизма, вобравшее идеи мирового художественного мышления и опыт белорусского зодчества, изучено на масштабно-иерархических уровнях региона, города, общественного центра или другого района, отдельного комплекса застройки. В связи с этим разработана целостная система структурно-планировочных и эстетических идейных основоположений, представляющих классицистическое градостроительное искусство (методы реконструкции поселений, типы и приемы создания планировочных структур, композиций городов и центров, направления и ветви романтизма). Эта система значительно дополняет известные, ранее опубликованные положения, узкие в фактологическом, типологическом, географическом, историко-культурном и художественном отношениях.

Многообразие и традиции формирования городской среды раскрыты также на примере важнейших градостроительных образований — комплексов застройки площадей. Выполнены многоуровневые типологии площадей по функциональному, временнóму и пространственным признакам, установлены характерные типологические единицы комплексов. Типологизации предшествовала разработка ее методики, соответствующей историческим условиям белорусского градостроительства.

Кроме того, исследованы процессы формирования и выявлена система принципов и приемов композиции ансамблей площадей, что позволило определить их как произведения искусства и в качестве значимой составляющей градостроительства в отличие от простого упоминания или краткой характеристики их застройки в единичных предшествующих трудах. К многочисленным принципам и приемам относятся, например: системность умозрительных линий построения, равенство и целочисленность размеров, модульность, удвоения и утроения, единство пропорций, подобие, типизация, симметрия и асимметрия, равновесие, узловые точки построения и восприятия, геометрическая идеализация при реконструкции, тенденция романтизма и др.

Влияние богословского фактора на организацию белорусских поселений ранее не рассматривалось. Поэтому особое научное значение имело выявление системы символов сакрализации города, означавших уподобление раннехристианским столицам и воплощение в архитектурной среде образов теологических понятий, а также выявление взаимосвязанных священной нумерологии и фигуративного подхода. Обнаруженная в настоящем исследовании символика поднимает идейно-культурную значимость городов Беларуси, ориентированную на мировые центры христианства. Показано, например, что не только Москва XVI—XVII вв., но еще ранее Полоцк восприняли пространственные символы Святых мест и Константинополя.

Кроме того, определены черты общности белорусского и русского градостроительства в типах планировок и особенностях пространственной композиции поселений до середины XVIII в. Это позволяет уточнить и существенно дополнить известное в науке утверждение о единстве только древней восточнославянской градостроительной основы городов.

В предлагаемом исследовании выполнена также серия оригинальных графических реконструкций и графоаналитических разработок градостроительных объектов, что значительно расширило ранее применявшийся преимущественно

текстологический и иллюстративно-фиксационный подход к истории градостроительного искусства. Кроме этого в научный обиход введены новые архивные историко-картографические и иконографические документы, дополнившие сведения об отечественном зодчестве.

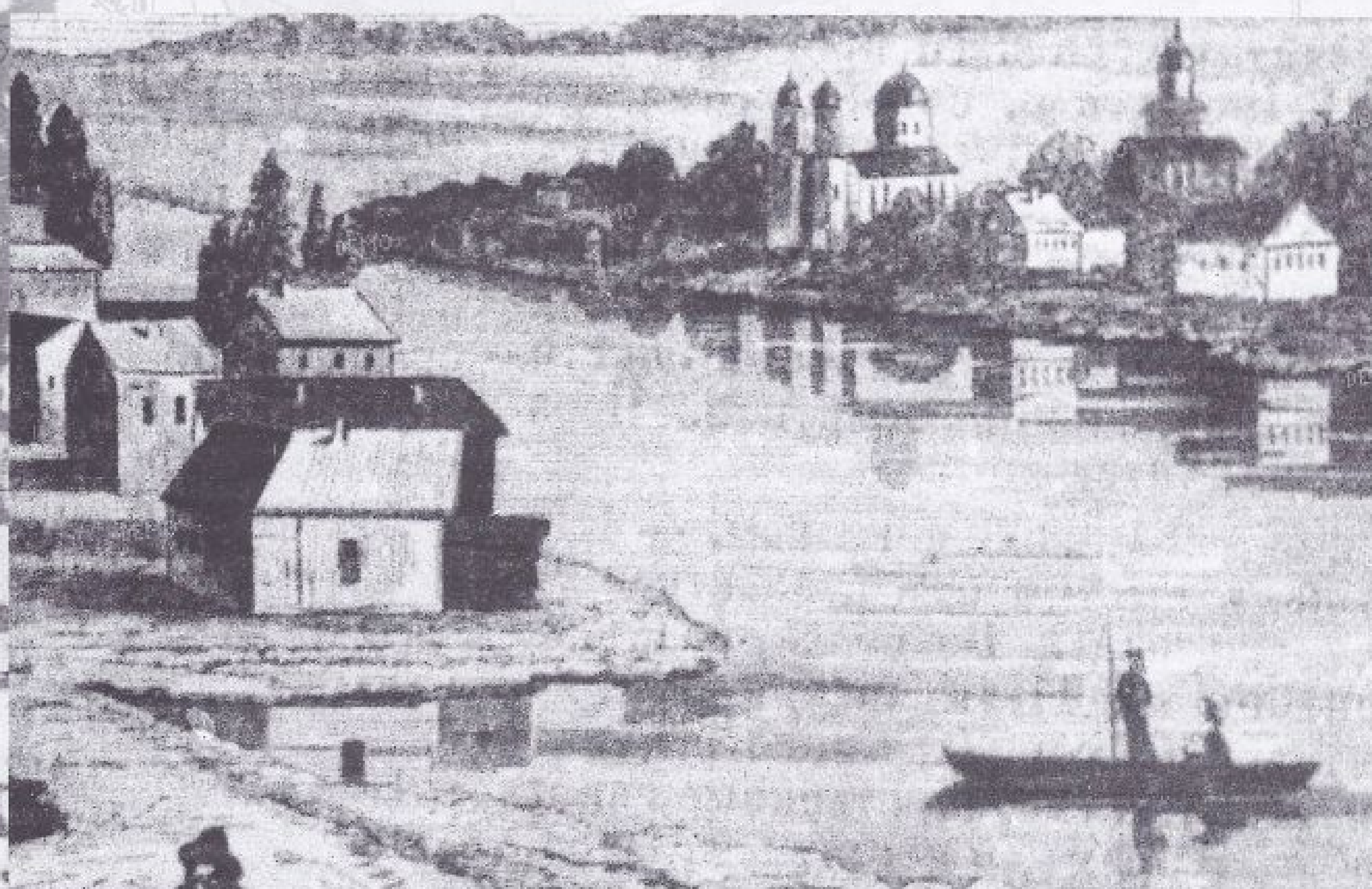
Знание закономерностей развития градостроения Беларуси помимо его научного значения способствует их потенциальной прикладной применимости. Структурно-планировочные и композиционные свойства пространственной организации городских поселений могут использоваться в практике реконструкции, при решении проблем охраны и использования культурного наследия, формирования регионального своеобразия и индивидуальности городской среды. Использование этих свойств важно в градостроительном и объемном архитектурном проектировании, при разработке генеральных планов поселений, детальных планов их центров и других районов, историко-архитектурных и инженерных обоснований регенерации исторической застройки (или проектов регенерации), а также проектов реконструкции и реставрации архитектурных комплексов и отдельных сооружений, проектов новых зданий. При этом методы и степень использования указанных свойств определяются в каждом конкретном случае в зависимости от пространственного уровня проектирования и решаемых реконструктивных задач. Некоторые из направлений использования — сохранение, восстановление и композиционный учет систем планировки, историко-культурная значимость которых обоснована в настоящей монографии, а также применение на практике выявленных принципов и приемов композиции ансамблей площадей. Важно и отражение исторических закономерностей в нормативной и методической литературе по современным проблемам градостроительства и территориальной планировки.

Исследование искусства возведения поселений существенно расширило теоретические и исторические знания о белорусской архитектуре, о городах как центрах достижений европейской культуры, способствовало углублению формирования национального самосознания. Кроме того, в исследовании разработаны принципиальные положения историко-градостроительной идейной основы перспективного переустройства исторических районов и восстановления наследия. Она нацелена на сохранение богатейшего общенародного духовного и материального культурного достояния, на распространение информации о нем в мировом сообществе, на повышение эстетических и культурно-семантических качеств городской среды.

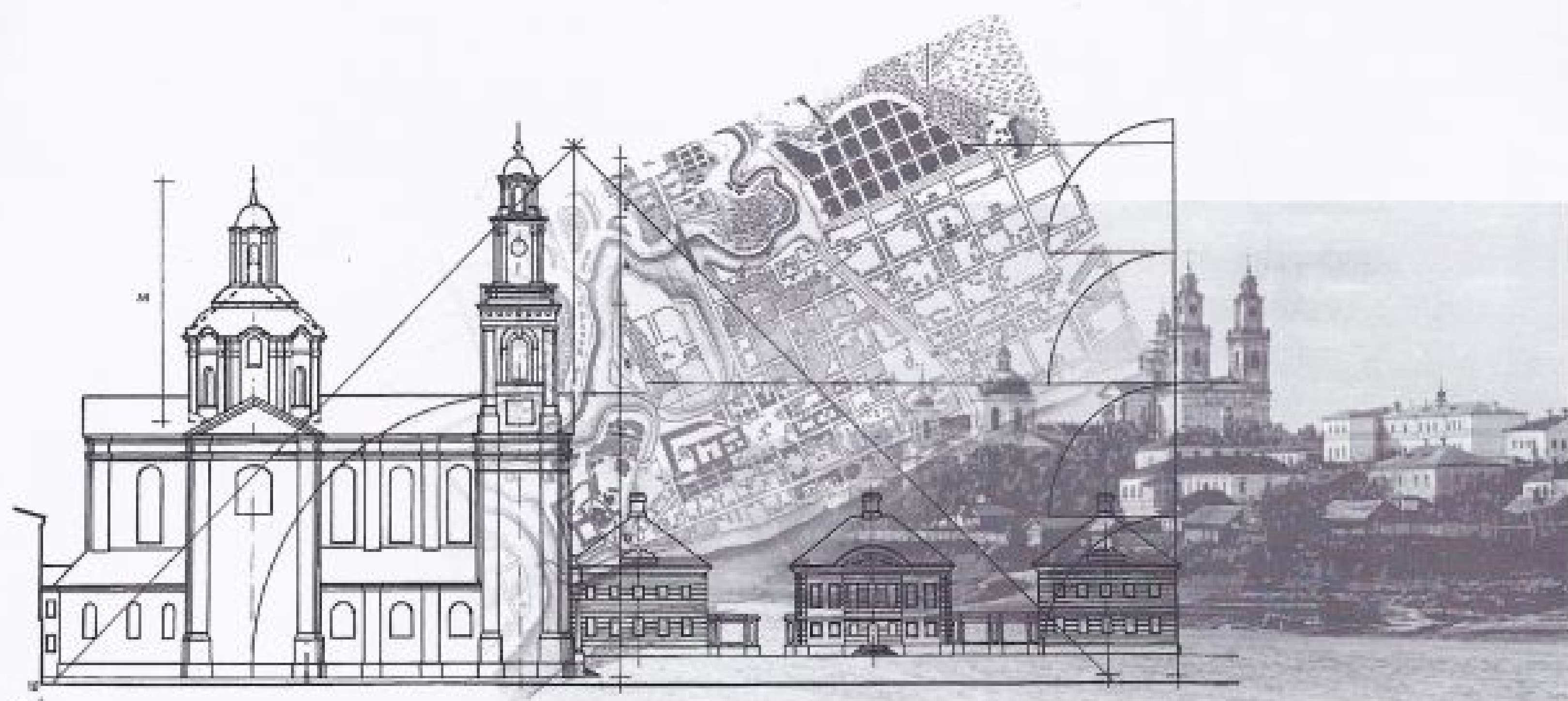
1

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ ЭПОХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, РЕНЕССАНСА И ПРОСВЕЩЕНИЯ

Бреста Литовскаго и Мѣстечка Тирасполя

1.1. Анализ процессов развития городов в литературе конца XVIII — начала XXI в.

Литературные источники по теме разделяются на две категории. Одна посвящена градостроительству Беларуси изучаемого периода, другая — трудам об искусстве строительства городов европейских стран, в общем процессе развития которого складывалась и белорусская архитектура, а также публикациям по теории градостроительства, касающимся направленности исследования. В настоящем разделе в хронологическом порядке приведен анализ литературы первой категории. При этом рассматриваются труды только по градостроительству, касающиеся планировочных структур и пространственных композиций городских поселений, а также комплексов застройки. Публикации об архитектуре отдельных зданий из обзора исключены. Источники второй категории, повлиявшие на разработку методологии исследования, рассмотрены в разделе 1.2.

Среди работ по градостроительству Беларуси выделяются шесть групп публикаций. К первой относятся труды краеведческой направленности конца XVIII — начала XX в., в которых использованы более ранние исторические документы. Эти работы, в основном русскоязычные, а также польскоязычные, явились важным этапом накопления научных знаний. Однако они отличаются описательностью, не содержат профессионально архитектурных аналитических суждений и обобщений. В них не рассматриваются градостроительные структуры, встречаются лишь отрывочные данные о планировочной сети. Указываются названия, места размещения, время строительства основных сооружений и связанные с ними исторические события, значение и наименование площадей и улиц; даны некоторые черты облика городов.

Одним из ранних источников служат «Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества...», где отмечены основные сооружения Могилева, Мстиславля, Полоцка и других поселений [520]. В. М. Севергин [472, 473] в кратких путевых сообщениях привел географические характеристики местностей, упомянул состояние и материал отдельных зданий Борисова, Витебска, Гродно, Дубровно, Желудка, Кореличей, Лиды, Минска, Мира, Могилева, Новогрудка, Орши, Полоцка, Сверженя, Сенно, Столбцов, Толочина, Шклова, Щучина. Несмотря на множество посещенных городов, автор не указывает особенностей уличной сети, облика центра или силуэта поселения. И. И. Григорович в 1824 г. описал историю существования, размещение и состав застройки православных монастырей Витебска, Могилева, Мстиславля, Орши, Полоцка, Шклова [109]. Исторические сведения о городах, местечках и замках Беларуси изложены в трудах М. Балиньского, Т. Липиньского, В. Сырокомли [643, 754—756]. В конце XIX в. опубликован дневник Б. Таннера, сопровождавшего в 1678 г. польское посольство в Москву. Автор отметил наиболее яркие черты Минска, Могилева, иных поселений. В Несвиже

он подчеркнул наличие крепостной городской стены, большую величину площади, регулярность размещения торговых лавок у ратуши, что служит редкой письменной информацией градостроительного содержания [509]. Русский вельможа П. А. Толстой в 1697 г. оставил краткие заметки о Борисове, Дубровно, Могилеве, Орше и других городах [431].

В рассматриваемый период изданы записки немецкого и польского хрониста, дипломата XVI в. Р. Гейденштейна [89], который описывает рельеф местности Полоцка, очертания рек Двины и Полоты вблизи укреплений. Автор указывает, что город состоял из трех разных по значению, связанных мостами замков, приводит данные об их валах, рвах, стенах. М. О. Без-Корнилович [34] характеризует топографию витебских и полоцких замков XVI—XVII вв., их градостроительное значение, публикует сведения о местоположении и времени строительства основных сооружений, общем облике застройки этих городов и других поселений восточной Беларуси: Бабиновичей, Белыничей, Бешенковичей, Быхова, Гомеля, Городка, Дриссы, Дубровно, Копыси, Краснополья, Кричева, Лепеля, Могилева, Мстиславля, Орши, Рогачева, Пропойска, Смолян, Суража, Толочина, Ушачей, Черикова, Чечерска, Шклова. Описания Полоцка Р. Гейденштейна и М. Без-Корниловича являются одними из наиболее содержательных.

В 1858 г. П. М. Шпилевский дал краткую выразительную информацию о посещенных им городах — Борисове, Бресте, Заславле, Игумене, Клецке, Кобрине, Койданово, Логойске, Минске, Мире, Несвиже, Столбцах [605]. В «Полном собрании законов Российской империи» с показом опорной ситуации и проектного решения приведены составленные в 1778 г. планы городов Могилевского и Полоцкого наместничеств, планы Минска 1817 г., Могилева 1851 и 1862 гг., Пинска 1856 г. [417—420]. Аналитическую ценность имеет здесь графическое совмещение нерегулярной и классицистической планировок городов.

Поселениям Витебской губернии посвящены работы А. П. Сапунова [461, 465, 467, 469, 470]. Характеризуются ландшафт и укрепленные территории древнего Витебска, приводятся «чертеж» города 1664 г., сведения о его застройке в различные периоды, данные инвентарей, статистические материалы. Автор указывает состав и размеры полоцких крепостей XVI—XVII вв., время их развития и упадка, места возведения важных построек, публикует аксонометрический рисунок города 1579 г. и документ 1778 г., иллюстрирующий доклассицистическую структуру Полоцка [461, 463]. Выдающимся сооружениям посвящены специальные публикации [460, 462, 464, 468]. Приводится также информация о Могилеве [466].

В работах, изданных под редакцией П. П. Семенова [145, 474], В. П. Семенова [439], В. М. Долгорукова [76], кратко описываются губернские, уездные и заштатные города и местечки — Брест, Витебск, Гомель, Гродно, Кобрин, Минск, Мир, Могилев, Мстиславль, Несвиж, Новогрудок, Пинск, Полоцк, Поставы, Ружаны, Слоним и многие другие. Текстовые материалы не дают представления о функциональной организации городов, планировочной сети площадей и улиц, архитектурном облике зданий до середины XIX в. А. М. Сементовский приводит исторические сведения о Витебске, Гродно, Минске, Могилеве, Полоцке, а также перечисляет кварталы, названия улиц, назначение и размеры площадей, их связь с улицами, местоположение и материал основных построек во второй половине XIX в. [263, 475—478]. Н. Я. Никифоровский публикует даты возведения и перестройки, иные сведения о сооружениях Витебска, Бешенковичей, других поселений [348, 349]. Его данные способствуют выявлению первоначальной композиции главного ансамбля Витебска. Важная фактологическая информация встречается в изданиях Витебской ученой архивной комиссии [422, 524], а также работах К. К. Случевского [484], Н. Столпянского [504], В. К. Стукалича [506].

Отрывочные описания сооружений и элементов планировки населенных мест, многообразные статистические данные по Виленской, Минской, Могилевской и Гродненской губерниям приводят соответственно А. Корева [245], Н. Зеленский [168], А. С. Дембовецкий [119], П. О. Бобровский [42—44]. Например, А. Корева характеризует Вилейку, Воложин, Гольшаны, Дисну, Желудок, Ивье, Лиду, Ошмяны, Свирь, Сморгонь, Щучин; П. Бобровский — Брест, Гродно, Дрогичин, Кобрин, Пружаны, в частности указывает наименования улиц и площадей Слонима, относящиеся к 1863 г., и расположенные на них здания. Гродненской губернии посвящены также публикации Л. Солоневича и А. Турчиновича [500, 529], Минской — труды статистического комитета [525].

Т. С. Корзон и И. Г. Гибянский охарактеризовали королевские мануфактуры второй половины XVIII в. в Гродно и Поставах [90, 694]. Опубликованы письменные сведения и иконогра-

фический материал, касающиеся застройки поставской площади [312]. Данные о Гродно, Кобрине, Слониме и других городах привел М. Де Пулле [122], о Гродно — Д. М. Милютин [324]. Архитектурный облик городов края широко иллюстрирован в альбомах Н. Орды [726, 727].

В первой группе источников выделяются монографии и статьи по отдельным местностям, городам или их крупным культовым и замковым комплексам. Труды А. В. Товарова посвящены Минской епархии [519], К. Т. Аникиевича — Сенненскому [14], И. Д. Горбачевского — Лепельскому [98], Ч. Янковского — Ошмянскому [676] уездам. Бресту посвящены работы Х. Зоненберга, Л. С. Паевского, О. В. Щербицкого [170, 366, 622], Витебску — А. М. Павлинова [362], Гомелю — Л. Виноградова, Д. И. Довгялло, Ф. А. Жудро, Г. К. Лукомского, И. А. Сербова, В. Шебякина [75, 149, 303, 598], Гродно — П. О. Бобровского, Е. Ф. Орловского [42, 44, 355, 356]. Минск описывают А. Смородский, Т. С. Корзон [497, 695], Могилев и Белыничи — Ф. А. Жудро [146—148], Полоцк — В. П. Викентьев, Н. Зорин, И. И. Лаппо [74, 171, 291, 292], Слоним — М. Милаковский, И. Романовский [319, 438]. Д. Булгаковский характеризует Волковыск [63], М. Гаусман и Я. Нивич — Туров [87, 346], И. Глебов — Слуцк [93], А. С. Грушевский и А. И. Миловидов — Давид-Городок, Пинск, Туров [106, 107, 320—323], М. Дмитриев и Э. Павлович — Новогрудок [123, 730], Д. И. Довгялло — Борисов, Лепель, Пинск, Радошковичи [125—128, 238]. В. Г. Краснянский рассматривает Мстиславль [259], Л. О. Паевский — Каменец [367], Е. Р. Романов — Чечерск [437], И. С. Рябинин — Бешенковичи [451], И. В. Шелепин — Вилейку [600], С. И. Ярославцев — Климовичи [633].

Например, В. П. Викентьев предполагает, что главная площадь и магистраль Полоцка созданы одновременно с крупнейшим сооружением города — иезуитским коллегиумом. Автор описывает историю его возведения, характеризует примыкающие к нему участки, топографию местности центрального района. М. Милаковский привел сведения о точном местоположении и истории строительства основных культовых и гражданских зданий Слонима с XIV по XIX в. Указаны названия и ширина площадей и улиц, данные о материале застройки в разных районах города. Впервые высказывается аналитический тезис о радиально-кольцевом характере планировки: «От центра расходятся приблизительно по радиусам все главные улицы, между тем как второстепенные соединяют радиусы, составляя примерно концентрические окружности по отношению к центру» [319, с. 22].

А. И. Миловидов одним из первых высказал мысль о членении Пинска в XV—XVIII вв., как и других белорусских городов, на паркан — район, ограниченный, по его мнению, первым кольцом укреплений (отождествлялся с замком), и място — район между первым и вторым (внешним) оборонительными поясами. Приведены данные о числе, размещении и времени строительства главных сооружений [321, 322]. Правильнее трактовал деление территории Пинска в XVI в. А. С. Грушевский. Он выделил первое укрепление — замок, район между ним и второй оборонительной линией — паркан, а также территорию между вторым и третьим (внешним) поясами укреплений — място. Автор изложил сведения о развитии города между 1553 и 1565 гг., процессе уплотнения застройки в центре по сравнению с периферией. Указаны размеры землевладений, общая площадь Пинска, число и названия улиц, культовых и гражданских построек, время их строительства [106]. Сведения о городах и местечках содержатся и в периодических изданиях [17, 18, 104, 183—185, 220, 247, 264, 311, 342, 424, 606, 607].

Кроме того, фрагментарные данные по развитию поселений опубликованы в сборниках документальных первоисточников и энциклопедических трудах. К ним относятся «Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии...» [499], «Акты, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов» [4], «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси» [19], «Писцовая книга бывшего Пинского староства...» [410], «Писцовая книга Пинского и Клецкого княжеств...» [412], «Хроника белорусского города Могилева...» [537], «Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской ...» [181, 182], Мейер А. «Описание Кричевского графства 1786 года» [313], «Писцовая книга Гродненской экономии...» [411]. В частности, последняя включает документ 1560 г. — «Уволочное измерение города Гродны». Краткие суждения о планировке населенных мест содержатся в энциклопедии «Słownik geograficzny Królestwa Polskiego...» Например, по данным очевидцев (Целлариус, Старовольский) указано, что в середине XVII в. центр Ружан отличался прямыми улицами, монументаль-

ными постройками на рыночной площади [749, т. 9, с. 853].

Вторая группа источников — послереволюционная советская литература, по времени ограниченная Великой Отечественной войной. Общие черты белорусского зодчества отмечены Н. И. Касперовичем [196]. Д. И. Довгялло, публикуя архивные документы, описал историю возникновения, развитие территории, системы укреплений и других сооружений Полоцких, Борисовского и Оршанского замков, а также Минска и Заславля [129—133]. В. Г. Краснянский выполнил анализ аксонометрического плана Витебска 1664 г. [260]. Н. Н. Щекотихин охарактеризовал Рогачевский замок, изучил планировочные и стилистические черты замков XIII—XVI вв. Гродно, Лиды, Мира, Новогрудка, впервые отметил особенности белорусской готики, исследовал архитектурные памятники Минска XVII—XVIII вв. [612—614]. Описание Койдановского замка принадлежит М. Адерихо [3]. Краткие сведения о процессе формирования и основных зданиях Бабиновичей приводит Я. Сергеенко [508], Бешенковичей — В. Адамов [2], Борисова и Логойска — В. Самцевич [458, 459], Минска — В. Друщиц [136], Мозыря и Турова — А. Я. Круковский [269, 270], Орши и Смолян — Д. Василевский [70—72], Чечерска — А. Ганжин [85]. С точки зрения описания поселений в литературе данной группы продолжается краеведческая традиция XIX — начала XX в., сосредоточивается внимание на исторических событиях и примечательных сооружениях, а градостроительная функция и форма не рассматриваются.

К третьей группе источников относятся польскоязычные труды о белорусских городах, изданные в 1921—1939 гг., когда современные Гродненская, Брестская, части Витебской и Минской областей входили в северо-восточный регион Польши. Этот период отмечен научным освоением польскими исследователями архитектурного и краеведческого материала присоединенных территорий. Абстрагируясь от политического содержания работ, можно констатировать, что в отличие от типичного для второй половины XIX — начала XX в. описательного подхода впервые встречаются положения градостроительного анализа в его современном понимании. Кроме того, градостроительство края на основе сравнительного анализа стало рассматриваться с теоретических позиций, в контексте эволюции западно- и центральноевропейской архитектурной мысли периодов готики, Ренессанса и барокко.

М. Мореловски анализирует особенности замков, храмов разных вероисповеданий, дворцов и других построек, отмечая их градостроительное значение и стилистику, проводит аналогии с французскими, голландскими и бельгийскими образцами [722]. Замки Витебщины характеризует Б. Брэжго [59]. И. Иодковски и Я. Войцеховски описывают историю развития и памятники Гродно [678—681, 768], С. Лоренц — Ворнян, Гольшан, Дисны, Дятлово, Жировичей, Мяделя, Слонима [709—711], Б. Таурогиньски — Несвижа, публикуя примечательные документы [762, 763], В. Абрамович и Е. Змигродски — Мира, Новогрудка и других городов [634, 774], Г. Гольдберг — Слонима [660].

Поселения Новогрудского воеводства характеризуют также А. Вислоцки и А. Карчевски [767], Виленского — Е. Ремер и В. Студницки [739, 753]. Последний отмечает Вилейку, Высокое, Гольшаны, Радошковичи, Свирь, приводит даты основания монастырей многочисленных католических орденов. История городов и местечек Браслава, Видз, Глубокого, Дисны, Друи, Миор отражена О. Хедеманом [664—666]. Полесскому воеводству посвящены труды Ю. Сенницкого и Ф. Оссендовского, предоставляющего иконографию по ныне утраченным сооружениям [728, 748]. Р. Горошкевич и М. Марчак приводят данные об облике Пинска, элементах городской планировки, истории строительства храмов [670, 671, 673, 716]. Р. Горошкевич рассматривает сведения, связанные с развитием Бреста и Столина [669, 672], М. Розанов — Пружан, Шерешево и других поселений [744], Р. Якимович — Давид-Городка [674].

А. Кунцевич выполнил краткую инвентаризацию планов польских и ряда белорусских городов (Береза, Домачево, Сморгонь, Щучин) [701]. Работа явилась одной из первых попыток научного и проектно-творческого осознания пространственной структуры городского района как памятника культуры. Социальные и, отчасти, планировочные аспекты польского градостроительства X—XVIII вв. анализирует Я. Птасьник [735, 736].

Остановимся подробнее на примечательном труде В. Ревеньской «Города и местечки в северо-восточной Польше» [742], в котором введены в научный обиход многие архитектуроведческие положения, связанные с регионом. Объектом изучения были поселения Виленского, Новогрудского и севера Белостокского воеводств, подавляющее большинство которых сейчас находится в Беларуси.

В. Ревеньска характеризует размещение населенных мест в ландшафте с выделением долинного, приозерного и повышенного типов. Первый тип дифференцирован на положение во влажных и сухих речных долинах. Размещение во влажных условиях делится на низинное и среди болотистой местности на сухих участках. В сухих долинах города формировались на террасах рельефа, в их срединной части или вблизи кромки террасы, обращенной к реке. Локализация посередине террас — наиболее распространенный случай из всех, отмечаемых в регионе, — 36%.

Приозерное размещение разделяется на полуостровное и обычное прибрежное. Повышенное положение поселений наблюдается на равнинном плато и выраженной холмистой местности. Кроме основных типов встречаются нехарактерные ситуации (3%). Нанесенные на карту приемы образуют ареалы концентрации, отражающие ландшафтно-топографическую специфику сети городов и местечек [742, с. 7—38].

Впервые планировка белорусских городов разделена В. Ревеньской на естественно сложившуюся, которая формировалась постепенно, «стихийно», и регулярную, созданную за короткий промежуток времени по единому композиционному замыслу. Как центры, стимулировавшие незапланированное развитие вокруг себя селитьбы, указаны замки, усадьбы, монастыри, костелы. Фиксируется трансформация поселения из сельского в городское с появлением функции товарного обмена, отмечается сельский генезис в становлении многих естественно сложившихся структур. Высказываются суждения о стадиях эволюции уличной сети, о переходах одних планировочных форм в другие, более сложные. В городах Понеманья и запада Поозерья с естественно сложившимися структурами констатируется отсутствие внешнего пояса оборонительных сооружений. По характеру планировочного каркаса автор, хотя и не всегда обоснованно, выделяет поселения, образовавшиеся вдоль одной улицы (Голубичи, Козловщина, Козьяны, Комаи, Трокели, Цирин), двух или трех улиц (Бытень, Вороново, Деречин, Илья, Лебедево, Радунь) и на перекрестках дорог (Каменка, Столовичи) [742, с. 42—62]. При этом некоторые из приводимых в книге схем неточны и отличаются от реальной ситуации.

Регулярные же структуры различных архитектурных стилей привнесены из Западной Европы как зрелые, художественно законченные образцы и укоренились в изучаемом регионе. В этой связи привлекается труд Т. Толвиньского «Урбанистика», в котором исследуются проявления стилей в планировке европейских городов [764].

Предпринята попытка классифицировать площади по композиционным признакам, однако на том этапе развития знаний не удалось дифференцировать и обобщить все многообразие функциональных и художественных приемов. Первообраз площади — небольшое расширение сельской улицы, вызванное появлением торговли и тяготеющее к храму, который собирал население округи и способствовал сбыту продукции. Со ссылкой на тезис П. Лаведана [703] об отсутствии в западноевропейском средневековье обширных площадей перед монументальными сооружениями указывается раннее происхождение рассматриваемых маломасштабных пространств.

Прямоугольные площади, примыкающие одной стороной к улице, а противоположной — к храму, отнесены к XVII—XVIII вв. — периоду широкого костельного строительства, проводимого монашескими орденами. Важным наблюдением В. Ревеньской явилось установление связи между конфессиональностью храма и стереотипом окружающего его городского пространства. Православные церкви с планом в виде равноконечного креста размещались посередине площади либо в застройке улицы. Фасады храма центричной композиции незначительно отличались между собой, а при «островном» положении на площади обеспечивалась органично необходимая круговая обозреваемость сооружения. Отказывая местным церквам в признании художественных достоинств главного фасада, В. Ревеньска считала это одной из причин их постановки на линии уличной застройки, что не обеспечивало благоприятного восприятия главного фасада в связи с преобладанием его ракурсного обозрения. В костелах же с каноническим планом в форме латинского креста этот фасад логично трактовался как основной носитель средств выразительности, поле для развертывания профессиональных ордерных композиций и скульптурных сюжетов. Это качество и определило размещение храмов в завершение видовых перспектив прямоугольных площадей.

Кроме расширения улицы нерегулярной или прямоугольной формы торг возникал и в местах смыкания нескольких дорог. Такой генезис имеют треугольные площади Новогрудка, Мостов, Ивенца, а также ратушная площадь Вильнюса. Треугольная зона пересечения коммуникаций — спонтанно сложившийся элемент, иногда подвергалась выравниванию под шнур линий застройки сторон [742, с. 47—49].

Ошибка В. Ревеньской — отрицание ренессансного градостроительства на белорусских землях. По ее мнению, если в Западной Европе в эпоху Возрождения происходили значительный рост городов, обогащение мещанства и усиление его социально-политической роли, то в Речи Посполитой отмечался упадок городского строительства. Как считает этот автор, не осуществлялась массовая реконструкция поселений, вызванная возросшими общественными потребностями и сопряженная с проникновением новых стилевых тенденций [742, с. 71]. Другой исследователь, Ю. Клос [693], обоснованно утверждает о запаздывании культурного развития изучаемых территорий — еще в XVI в. в Великом княжестве Литовском преобладала готика. Проникновение Ренессанса дополнилось в конце XVI—XVII вв. глобальным распространением барокко.

В. Ревеньской разработана также типология массовой застройки. В городском жилье XVIII — первой половины XIX в. выделены здания сельского типа, «местечковые», классицистические, дома с подсенями, городские усадебные дома, а также сохранившиеся более древние постройки [742, с. 77—88].

К рассматриваемой группе литературных источников следует отнести также немногочисленные польские послевоенные издания и публикации 1960—1990-х годов, связанные с отдельными вопросами истории белорусского градостроительства. В. Калиновски, освещая ренессансные принципы строительства городов Польши, отмечает также Несвиж и Слуцк [687]. В. Тжебиньски характеризует социально-экономические основы сложения польских частновладельческих поселений в эпоху Просвещения, упоминая и белорусские — Ворняны, Поставы, Ружаны. Важны его суждения об эволюции приемов формирования городских рынков [765, 766]. Анализ классицизма в Польше XVIII — начала XIX в., выполненный Т. Шафером, может быть использован в отношении градостроительства белорусских губерний [758]. С. Александрович рассматривает систему расселения Беларуси, города как центры торговли, изучает иконографию по Полоцку, анализирует планировку и застройку Любчи на карте И. Нароновича-Нароньского середины XVII в. [636—641]. Архитектуре Несвижа посвящены работы Т. Бернатовича, А. Грушецкого, Б. Гуэркуина, Ф. Марковского, Е. Пашенды, Р. Сегеша [646—648, 662, 663, 717, 729, 747], Гродно — Б. Качоровского, Е. Лилейко, С. Шиманского [684, 707, 760], Полоцка — А. Барановского [644], Слонима — А. Дычковского [657], Слуцка — М. Каламайской-Саед [686], Глубокого — М. и Я. Жарыновых [775], Новогрудка — Б. Качоровского [685].

К четвертой группе относится отечественная литература 1950—2000-х годов по истории градостроительства Беларуси. Фундаментальные исследования дают характеристику общих вопросов развития планировки и застройки большого ряда городов. Ю. А. Егоровым освещены основные периоды градостроительства, показаны отдельные этапы формирования планировочных структур и наиболее важной застройки некоторых поселений. В общих чертах рассмотрена радиально-полукольцевая планировка, прослежен характер размещения главных сооружений. Указаны принципы и результаты преобразования структур при регулярной перепланировке последней четверти XVIII и первой половины XIX в. Кратко описаны композиции планов населенных мест, отмечен учет сложившихся ансамблей при реконструкции [141, 142]. Общие вопросы истории формирования поселений изложены также М. С. Кацером [199].

Регулярная перепланировка белорусских городов в период классицизма как прогрессивное явление охарактеризована В. А. Чантурия [543, 544]. Указано использование в проектах существовавшей сети улиц и капитальной застройки. «История архитектуры Белоруссии» в общих чертах освещает состояние планировки городов на отдельных этапах их развития [545]. Кратко рассматриваются также сохранившиеся к настоящему времени памятники градостроительства ряда поселений [546]. В т. 6 «Всеобщей истории архитектуры» указаны некоторые черты планировочных композиций центральных частей Быхова, Витебска, Гродно, Дисны, Клецка, Климовичей, Могилева, Мстиславля, Несвижа, Пинска, Полоцка, Постав [80]. В этом издании Е. Д. Квитницкая отметила типичность двух планировочных центров — замка и торговой площади, выполнила классификацию городов XVII в. по характеру укреплений. Интересно ее предположение о возникновении в XVI в. регулярной сети улиц северо-западного района Слонима. Е. Д. Квитницкой рассмотрены планировочная структура и основные сооружения Гродно XVI—XVIII вв., ансамбль района Городница, крупные архитектурные комплексы Бобруйска, Бреста, Витебска, Минска, Могилева, Несвижа, Орши, Полоцка, Постав, иных городов, в том числе в их общественных центрах [200—214].

Исследования И. Н. Слюньковой посвящены, главным образом, градостроительству Приднепров-

ского региона XVII — первой половины XIX в. Отмечены особенности профессиональной деятельности периодов Речи Посполитой и Российской империи в сфере строительства государственных и частновладельческих поселений, их оборонительных систем, углублены воззрения на процессы регулярной перепланировки городов, приведены черты их общественных центров, архитектурные решения ведущих зданий [486—492, 494]. Труды М. А. Ткачева предоставляют сведения о наличии, времени возникновения, числе и характере городских линий укреплений, особенностях отдельных оборонительных сооружений. Исследования этого автора основаны на археологических и архивных изысканиях широкого круга поселений [515—518]. Публикации А. И. Локотко касаются планировочной организации и застройки местечек Белицы Лидского района, Королищевичей, Лужков, Мурованo-Ошмянки и других. Указывается рост числа подобных поселений как рыночных центров в конце XVI — начале XVII в. после снятия ограничений на создание феодальных частновладельческих и монастырских торгов. Автор разделяет мнение В. Ревеньской о наличии одно-, двух-, трехуличной, крестовидной естественно сложившихся и регулярных готической и барочной планировок, о распространении треугольных площадей, отмечает Т-подобную схему коммуникаций. Выделяются восточный и западный регионы, где последний отличается большей концентрацией местечек на территории, плотностью и капитальностью застройки центра [37, 299—302]. В. В. Трацевский, рассматривая структуру сел, приводит планы некоторых местечек середины XIX в., в частности Станиславова с регулярно организованным торгом [521, с. 18], фиксирует отдельные особенности композиции площади Ворнян [522]. Черты планировки местечек Понеманья отмечены В. В. Шаблюком [590, 591].

В рассматриваемой группе источников выделяются монографические исследования отдельных городов или комплексов застройки, выполненные архитекторами, историками, искусствоведами. В этих работах собраны фактологические данные исторических документов и печатных изданий второй половины XIX — начала XX в., результаты натурных изысканий, имеются сведения о системе планировки, проанализированы более или менее подробно многие постройки.

М. С. Осмоловский кратко отметил некоторые черты градостроительной истории Минска [358]. В. И. Кудряшов рассмотрел основные этапы архитектурного развития Гродно до середины XX в. [282]. Т. И. Чернявская характеризует формирование Могилева [584], Витебска [585], Минска (совместно с Е. Ю. Петросовой) [586] и других городов [92] с древнейшего до настоящего времени, объекты их градостроительного наследия. Ю. Н. Кишик выполнил анализ преемственного исторического развития системы размещения высотных сооружений Витебска, Гродно и Могилева в аспектах ее соотношения с ландшафтом, взаимного положения доминант и визуальных связей между ними. Автор реконструировал аксонометрические картины Витебска XVII, конца XVIII и XIX вв., описал серию архитектурных пейзажей художника И. Пешки. Отмечен характер рельефа Витебска как пологого амфитеатра, направленность видовых перспектив вдоль тальвегов на общественный центр, расположение доминант XVIII в. в плане города наподобие прямоугольника, дополненного их радиальными цепочками (в других публикациях — наподобие двух концентрических полуколец). В Гродно указано размещение ведущих зданий центра по треугольнику с интервалами 250—350 м, в Могилеве — по кольцу, сочетающемуся с радиальными направлениями. Отмечен прием сдвоенной постановки вертикальных доминант. Для перечисленных городов предложена классификация высотных сооружений по композиционной роли на три группы. Рассмотрены также особенности силуэта Мстиславля [222—237].

В. Ф. Морозов приводит развернутую картину формирования архитектуры Гомеля периода классицизма, освещает меценатскую деятельность, описывает структуру города и застройку площадей. Рассматривается творчество мастеров зодчества и примечательные сооружения конца XVIII — первой половины XIX в. других поселений, в том числе черты классицизма в планировке гродненских королевских владений. В целом автором прослежена эволюция, определены характерные качества и особенности классицизма Беларуси во взаимосвязи с идеологией эпохи. Тем не менее уделено недостаточно внимания теории и практике градостроительства, не рассмотрены глубоко его типологические, структурно-планировочные и художественные аспекты [336—339, 723]. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего исследования искусства строительства городов рассматриваемого периода.

А. И. Лозицкий графически восстановил основы городского плана и другие особенности древнего Пинска [297]. А. Н. Кулагин кратко описал историческое развитие, памятники архи-

тектуры Слонима и Койданово, проанализировал принципы размещения дворцово-парковых комплексов в структуре поселений [69, 194, 284]. Черты градостроительного развития Мира и особенности Мирского замка установлены Д. С. Бубновским, а также В. В. Калниным, который опубликовал и важные исторические документы по ансамблю Городницы в Гродно [60, 191, 192]. Сложение застройки Верхнего рынка Минска XVI–XIX вв. подробно охарактеризовано В. Н. Денисовым [120, 121].

Формирование планировки и застройки Бреста кратко освещено И. Б. Лавровской [290], Ушачей – С. А. Сергачевым [480], Чечерска – Г. П. Жаровиной [143, 144]. Т. В. Габрусь приводит сведения о постройках Несвижа конца XVI в., существенные для уяснения пространственной организации города [82]. Особенности истории Слуцка и других частновладельческих городов описаны А. П. Грицкевичем [102, 103], Могилева и Слонима – В. И. Мелешко [314, 315], Вилейки – В. А. Булгаком, Г. А. Кахановским и др. [62, 197], Орши – Ю. И. Драгуном и А. Н. Шинкевичем [357, 615], Гольшан – Э. С. Корзуном [246], Мозыря – А. С. Никитиным и Е. Е. Зальцманом [347], Волковыска – М. М. Гашимовым и др. [88]. Историко-градостроительная тематика, в разной мере, получила отражение и в некоторых других публикациях [15, 28, 29, 97, 345, 533, 602, 625, 690].

Пятую группу составляют издания энциклопедического характера 1970–2000-х годов, посвященные истории Беларуси и затрагивающие наряду с другими аспектами градостроительную проблематику. Фундаментальным трудом явился «Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі» [160–165, 471]. В нем дана краткая характеристика исторического развития городов, представляющая собой материал фактологического содержания, а также описания сохранившихся памятников архитектуры, археологии, искусства и истории. Этому изданию методически близки «Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі» [624] и справочник «Архітэктура Беларусі» [22]. Развитие исследований в последние десятилетия получило отражение в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі», которая с современных научных позиций всесторонне освещает исторические явления [623]. Отдельные градостроительные аспекты с привлечением иконографии отражены на общем социально-политическом и культурном фоне в обширной серии историко-документальных хроник «Память» [370–405]. Описание элементов планировки и застройки городов по архивным источникам приведено Ю. А. Якимовичем [626]. (Учитывая общеизвестность содержания и распространенность перечисленных энциклопедических изданий [22, 160–165, 370–405, 471, 502, 623, 624], а также учебников по истории зодчества Беларуси, заимствованные из них даты строительства сооружений и другие исторические сведения приводятся в настоящей работе без ссылок на источники, за исключением отдельных, наиболее важных случаев.)

Для научного фактологического обеспечения представляют интерес работы Р. В. Борового, В. Н. Денисова, О. Г. Кукуни и других авторов, включающие перечни архивных историко-картографических документов по белорусским городам. Опубликованы списки большей части таких материалов, хранящихся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота и архивных хранилищах Литвы [118]. Информационная значимость указанных работ состоит в создании предпосылок для широкого научного использования многих малоизвестных карто- и иконографических материалов. В качестве справочной историко-краеведческой литературы учету подлежат труды Л. Р. Козлова, А. К. Титова, Е. Е. Ширяева, характеризующие содержание географических карт исследуемого региона разных периодов [240, 603].

Источники шестой группы освещают итоги археологических исследований, проведенных в 1950–2000-х годах в исторических районах городов Л. В. Алексеевым, Н. Н. Ворониным, Ф. Д. Гуревич, Э. М. Загорульским, Ю. А. Зайцем, Я. Г. Зверуго, Н. И. Здanович, М. К. Каргером, Л. В. Колединским, А. К. Кравцевичем, А. Н. Кушнеревичем, О. Н. Левко, П. Ф. Лысенко, Г. И. Пехом, Т. В. Равдиной, В. Е. Соболем, В. Г. Супруном, С. В. Тарасовым, В. Р. Тарасенко, М. А. Ткачевым, О. А. Трусовым, И. М. Чернявским, Г. В. Штыховым и др. [5–9, 78, 116, 117, 150, 151, 159, 166, 167, 195, 253–255, 287, 293, 294, 304–307, 361, 408, 432, 498, 507, 510, 511, 515–518, 526–528, 583, 588, 608–611]. Результаты раскопок в ряде случаев дают представление о фрагментах древней сети улиц и площадей, местонахождении и характере утраченных зданий и поясов укреплений, этапах территориального роста поселений, а также уточняют отдельные историко-градостроительные датировки.

Например, отсутствие в городах Понеманья XV–XVII вв. внешней системы валов и рвов объяснено малой военной угрозой, связанной с

внутриполитической ситуацией и географическим положением; обнаружены отдельные элементы планировочной структуры поселений XI–XVII вв. [253, 254]. В Пинске выявлено несколько участков улиц XI–XIII вв., образовавших веерные и полукольцевые направления, ориентировочно установлены границы города XIII и XIV вв. [304–306, 608]. Определены этапы расширения Полоцка, места оборонительных сооружений и храмов, входивших в пространственную систему доминант, другие элементы планировки, выдвинуто предположение о существовании главной улицы, трассированной от замков вдоль Двины [6, 361, 421, 510, 609, 610]. Фрагменты улиц детинцев обнаружены в Минске, Слониме и других городах [150, 361].

Рассмотрев литературу XIX–XXI вв., в которой освещены отдельные градостроительные положения по теме исследования, необходимо указать также фундаментальные труды по социальной, экономической и политической истории Беларуси. Архитектуроведческие аспекты анализируются в монографии с учетом широко обрисованных общественных явлений в работах В. Б. Антоновича, П. Н. Батюшкова, И. Д. Беляева, М. В. Довнар-Запольского, В. М. Игнатовского, М. О. Кояловича, М. К. Любавского, В. И. Пичеты, а также А. П. Грицкевича, П. Г. Козловского, З. Ю. Копысского, А. М. Лютого, В. Т. Пашуто, М. Ф. Пилипенко, Г. М. Сагановича, В. В. Чепко и других ученых [16, 33, 39, 102, 134, 172, 241, 243, 244, 251, 252, 308, 309, 407, 409, 430, 587, 623].

В заключение подытожим анализ изученности градостроительства Беларуси, сделав следующие выводы.

Литературные источники отразили важнейшие исторические этапы накопления научных знаний, определили фактологическую и теоретическую базу для дальнейшего изучения белорусского градостроительства. Выделены шесть групп публикаций: краеведческие труды конца XVIII – начала XX в.; послереволюционная довоенная советская литература по зодчеству Беларуси; польскоязычные труды 1920–1930-х годов о западнобелорусских городах; фундаментальные исследования истории градостроительства 1950–2000 гг.; современные энциклопедические издания, затрагивающие градостроительные проблемы; источники об археологических изысканиях 1950–2000 гг. в городах.

Однако крупные достигнутые результаты не дали комплексного, системного представления о градостроительном искусстве Беларуси второй половины XVI – первой половины XIX в. Не определены основные направления и система свойств его исторического развития. Не рассмотрено планировочное наследие средневековья, существовавшее в городах рассматриваемого периода. Не выявлены характерные черты градостроительства Возрождения и барокко. Мастерство возведения и реконструкции городов эпохи классицизма не оценивалось как типологически, структурно-планировочно и эстетически содержательное явление; не анализировались историко-культурные и художественные особенности композиций.

За немногим исключением, не определены особенности пространственной организации городских поселений разных эпох, их центров и главных ансамблей. Не выполнен, за малым исключением, подробный анализ выдающихся произведений зодчества – барочно-классицистических ансамблей площадей, не выявлены принципы и приемы их объемно-пространственной композиции. Искусство строительства городов осознавалось ограниченно в географическом аспекте, в исследованиях не затронут большой круг поселений разных регионов Беларуси. Не разработаны развернутые типологии градостроительных объектов: планировочных структур различного генезиса, общественных центров, площадей как наиболее примечательных комплексов застройки, других элементов города.

Историография белорусского градостроительства изучаемого периода имеет недостаточно широкую научно-методическую базу. Не применялись типологический, пропорциональный и семантико-теологический методы исследования. Редко использовались методы: сравнительный, графического реконструирования, идеализации градостроительной композиции. В настоящее время преобладает текстологический и иллюстративно-фиксационный подход к исследованиям. В научном обиходе отсутствует массив информации, позволяющий представить пространственную организацию городов по реконструкциям на определенные периоды и графоаналитическим разработкам.

Не проведены аналогии, не установлены черты общности и различия между белорусским и русским градостроительством. В структурах городов и местечек Беларуси, кроме единичных случаев, не обнаружены элементы, привнесенные из западно- и центральноевропейского градостроительного искусства.

1.2. Методология и материалы исследования истории белорусского градостроительного искусства

Общая концепция настоящей монографии включает установление ранее не известных свойств пространственной организации городских поселений в изучаемый период, характеризующих высокий уровень развития духовной и материальной культуры. В основе исследования — подробный анализ группы городов и их главных комплексов, а также привлечение для разработки различных аспектов темы большого числа других городских населенных мест.

Исследование проводится по хронологическому и дедуктивному принципам. В главе 2 анализируется эволюция пространственной организации городских поселений во второй половине XVI — первой половине XVIII в., а в главах 3, 4 — их реконструкция и основные комплексы застройки во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Главы 2 и 3 посвящены пространственной организации городов в целом, глава 4 и таблица 3 — отдельных комплексов. В главе 2 сперва рассматриваются города с древнейшими по происхождению нерегулярными планировочными структурами, затем — с более поздними регулярными средневековыми и ренессансными.

Градостроительство барокко получило сравнительно ограниченное распространение на белорусских землях в отличие от классицистического градостроения. Особенности крупномасштабных мероприятий по перепланировке городов в эпоху классицизма значительно больше, чем процессы средневекового градостроительства, обусловились регионами, в которых они реализовывались. Поэтому в главе 3 используется географический принцип рассмотрения материала по губерниям.

Кроме того, в главах 2 и 3 принят следующий принцип изложения. Во вступительных частях приводится общая характеристика рассматриваемого исторического этапа развития градостроительной культуры, типология и другие основные положения. Затем выполняется анализ городов, объединенных в группы по тому или иному признаку. Рассмотрение поселений по отдельности дает возможность углубленного, фактологически насыщенного анализа разных градостроительных составляющих в их естественной взаимосвязи и целостности. В большинстве города рассматриваются в следующем порядке: система планировки и ее специфика в рамках данного типа; функциональное зонирование (в наиболее примечательных случаях); схема размещения высотных доминант; структура и композиционные особенности общественного центра. В зависимости от историко-градостроительной содержательности того или иного из перечисленных аспектов ему уделяется больше или меньше внимания. Анализ групп городов завершается обобщениями — выявленными свойствами, которые приведены в виде заключения каждой главы.

В главе 4 и таблице 3 рассматриваются основные и малоизученные компоненты планировочного каркаса поселения — комплексы застройки площадей, улиц и монастырей. При этом наиболее углубленно исследованы площади, необходимость чего обусловлена следующим.

1. В городах Беларуси второй половины XVI — первой половины XIX в. площади имели уникальное значение как произведения искусства, представляя собой, за исключением немногочисленных примеров других комплексов, единственные архитектурные ансамбли. Среди улиц и кварталов массовой застройки ансамблей не наблюдалось, хотя эти компоненты городской среды также обладали художественной организацией пространства. Например, в отличие от улиц качество площадей — концентрация в узких пространственных рамках средств художественной выразительности, демонстрируемых часто большим числом сооружений. «Компактность» визуальных связей являлась одним из свойств целостной, ансамблевой композиции наряду с иерархичностью элементов, их необходимым многообразием и сложностью композиционных отношений [631, с. 150]. Общественное значение ансамблей площадей возрастало благодаря их наличию во многих городах.

2. Изучаемые поселения в большинстве были малыми и неукрепленными. Для их структуры свойственны значительные размеры торгово-культового форума сравнительно со всем поселением, представлявшим собой экстенсивно застроенные усадьбами кварталы с большой долей сельхозугодий. Комплекс застройки главной площади был не только общественным центром города и прилегающей округи, но в сознании городских и сельских жителей территориально, функционально, идеологически и эстетически мог вообще отождествляться с городом, будучи единственным носителем признаков урбанизации.

В отличие от планировочного каркаса территории между его узловыми и линейными компонентами, являвшиеся полностью жилыми зонами, в настоящей работе подробно не рассматриваются и могут служить объектом специального исследования. Также не изучаются отдельные элементы городской среды, представлявшие собой функционально самостоятельные архитектурные типы: храмы, ратуши, торговые ряды, дворцы, замки, массовые жилые здания, оборонительные сооружения, парки и др., анализу которых должны посвящаться особые архитектуроведческие темы.

В главе 4 также использован хронологический принцип. Анализируются площади с барочно-классицистической застройкой, широко распространенные во второй половине XVIII — первой половине XIX в. и представлявшие собой главные функционально-художественные узлы городов. Они имели нерегулярную средневековую планировочную основу, регулярную средневекового генезиса, ренессансную, барочную, а также классицистическую, созданную с учетом существовавшей древней неправильной структуры, либо полностью новую, симметричную. Анализ начинается с предварительной общей характеристики объектов и методики типологизации комплексов застройки площадей по различным признакам (содержание типологий вынесено в таблицу 3). Затем подробно рассматриваются отдельные ансамбли, как правило, в следующем порядке аспектов: значение в структуре города, состав застройки и функциональная организация площади; система планировки, ее пропорциональный анализ; высотная композиция ансамбля, оценка его основных пропорций по вертикали; объемная композиция отдельных архитектурных доминант и рядовых зданий; декоративно-стилевые особенности доминант и массовой застройки; развитие ансамбля на протяжении второй половины XVIII — первой половины XIX в. Анализ площадей завершается обобщениями — выявленными принципами и приемами их композиции. Рассмотрение основных комплексов застройки городов заканчивается характеристикой градостроительных особенностей улиц и других компонентов планировочного каркаса поселения. В заключение всей работы приводятся основные итоги исследования градостроительного искусства Беларуси второй половины XVI — первой половины XIX в.

Как указывалось выше, общими методами исследования служат: изучение литературных источников, анализ историко-картографических документов и современных геодезических съемок, натурные обследования, разработка графических реконструкций. Кроме изучения литературных источников, описанного в предыдущем разделе, рассмотрим научные материалы, на которых применяются перечисленные методы, или получаемые в результате их применения.

Историко-картографические документы. Планы городов и местечек можно разделить на три группы. К первой группе относятся малочисленные и схематичные изображения периода Речи Посполитой второй половины XVI — первой половины XVIII в.: аксонометрический рисунок Полоцка 1579 г., «чертеж» Витебска 1664 г., планы Гродно 1655, 1706 и 1758 гг., Ляховичей и Речицы середины XVII в., Полоцка и Копыси 1707 г. По ним можно судить об особенностях топографии местности, очертаниях рек и оборонительных линий, размещении главных сооружений, иногда — об их архитектурном облике. Планировочная сеть улиц и площадей показана с неточностями, фрагментарно или вообще не нанесена.

Вторая группа планов — основная и наиболее многочисленная. Документы составлены после присоединения белорусских земель к Российской империи профессиональными картографами, часто военными инженерами, и датируются 1770-ми годами — первой половиной XIX в. Их отличительная черта сравнительно с предшествующим периодом и многими документами последующего времени — как правило, высокая точность, графическое качество и подробность изображения. Планы дают содержательную картину города. Кроме ландшафта поселения и прилегающей местности показаны система укреплений, сеть площадей, улиц и переулков, основные здания, а в ряде случаев — детально большинство построек. Некоторые документы иллюстрируют существовавшую и спроектированную планировочную сеть, что позволяет судить о степени преемственности в преобразовании структур. Как и в документах других групп, большую информацию несут экспликации, где приводятся названия и принадлежность построек, наименования улиц и других элементов планировки, иногда указаны строительные материалы зданий. На планах изображены некоторые ныне сохранившиеся здания, что подтверждает достоверность информации документов.

В третью группу входит ряд планов второй половины XIX — начала XX в., периода за пределами временных границ данного исследования. Однако стабильность планировки на протяжении развития города, а также незначительный терри-

ториальный рост малых поселений позволяют широко использовать эти документы.

Историко-картографические материалы по городским поселениям Беларуси хранятся в основном в Российском государственном военно-историческом архиве (г. Москва), Российском государственном архиве древних актов (г. Москва), Российском государственном архиве Военно-Морского Флота (г. Санкт-Петербург), Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург), Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), Национальном историческом архиве Беларуси (гг. Минск и Гродно). Небольшая часть документов находится в различных музейных хранилищах, например Музее Белорусского Полесья (г. Пинск), Полоцком краеведческом музее (г. Полоцк), Слонимском краеведческом музее (г. Слоним).

Значительную ценность имеет коллекция планов последней четверти XVIII — первой половины XIX в., хранящаяся в РГВИА, фонде Военно-ученого архива (ф. 846, оп.16). Она отличается широким охватом поселений разных регионов и административного статуса, подробностью и точностью передачи существовавшего и проектного состояния города, высоким художественным качеством изображения. Среди наиболее важных материалов — дело 1778 г. «Планы городов Полоцкого наместничества» (№ 21574), включающее документы по Полоцку, Витебску, Городку, Дриссе, Суражу; дело 1778 г. «Планы городов Могилевского наместничества» (№ 21564), состоящее из материалов по Могилеву, Бабиновичам, Белице, Быхову, Климовичам, Копыси, Мстиславлю, Орше, Рогачеву, Чаусам, Черикову; дело конца XVIII в. «Планы городов Минской губернии» (№ 21563) по Минску, Бобруйску, Борисову, Вилейке, Давид-Городку, Дисне, Докшицам, Игумену, Мозырю, Пинску, Поставам; дело «Планы оставленных без уездов городов Российской империи, собранные по высочайшему повелению в 1798 г.» (№ 21529) по Бабиновичам, Быхову, Видзам, Волковыску, Давид-Городку, Докшицам, Дриссе, Климовичам, Копыси, Лепелю, Лиде, Несвижу, Ошмянам, Поставам, Слониму, Суражу. В другом изученном деле 1798 г. (№ 21528) содержатся планы Белицы, Бобруйска, Борисова, Вилейки, Витебска, Городка, Дисны, Игумена, Минска, Могилева, Мстиславля, Орши, Пинска, Полоцка, Речицы, Рогачева, Слуцка, Чаус, Черикова.

Представляют интерес планы Белыничей 1810 г. (д. 21758), Бобруйска 1794 г. (д. 21704), два плана Борисова 1810 г. (дд. 21715, 21716), планы Бреста и Тересполя (д. 21722), Быхова (д. 21760), Высокого 1795 г. (д. 21852), Глуска 1812 г. (д. 21864), Гродно 1758 г. (д. 21871), 1783 г. (д. 21872 — на польском языке), 1795 г. (д. 21873) и конца XVIII в. (д. 21874), Дубровно 1811 г. (д. 19678), Копыси 1707 г. (д. 22062), Кричева 1788 г. (д. 22075), Минска (д. 21540), Могилева 1811 г. (д. 22159), Пинска 1794 г. (д. 22359), Полоцка 1707 г. (д. 22367), Пружан 1803 г. (д. 22375), Слонима 1796 г. (д. 22595), Толочина 1810 г. (д. 22676), Хотимска (д. 22753). Материалы примерно одного времени иногда существенно различаются по подробности изображения города. Многие документы характеризуют не только поселение, но и обширные окрестности.

Среди фондов РГВИА следует отметить ф. 349 — «Главное военно-техническое управление» (1672—1918 гг.) и ф. 418 — «Планы и описания городов, крепостей, селений и других населенных пунктов бывшей Российской империи, их окрестностей и построек» (XVIII в. — 1917 г.). Наиболее содержательны, например, планы Бобруйска (ф. 349, оп. 3, д. 5979), Могилева (ф. 349, оп. 19, д. 2483 — план 1779 г., д. 2484 — план 1780 г.), Полоцка (ф. 418, оп. 1, д. 171), Сенно (ф. 349, оп. 38, д. 234; ф. 418, оп. 1, д. 170) и др.

В Российском государственном архиве древних актов интерес представляет фонд 1356 (опись 1) — «Материалы генерального и специального межевания губерний, уездов и городов», включающий планы городов Витебской и Могилевской губерний конца XVIII — начала XIX в. Примечательны два плана Витебска (дд. 54/122, 55/123), планы Полоцка (д. 62/130), Суража (д. 66/134), датированные в архивном реестре 1785 г., а также Могилева (д. 2163), Быхова (д. 2181), Орши (д. 2175), Рогачева (д. 2177), Чаус (д. 2183), Черикова (д. 2184), обозначенные 1783 г. В фонде 1356, описи 1 хранятся планы Бабиновичей (дд. 2162, 2164), Белицы (дд. 2165, 2166, 2167), Городка (д. 58/126), Дриссы (д. 141), Климовичей (дд. 2168, 2169), Копыси (дд. 2170, 2171), Мстиславля (дд. 2172, 2173), Сенно (дд. 2179, 2180), другие планы Быхова (д. 2182), Орши (дд. 2174, 2176), Полоцка (д. 63/131), Рогачева (д. 2178), Суража (д. 67/135), Черикова (д. 2185), а также карты Витебского, Городокского, Полоцкого, Суражского и других уездов (дд. 64—121). Планы городов РГАДА по уровню и детальности исполнения в целом уступают подобным материалам РГВИА.

Значительное число документов содержится в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота в фонде «Главного инженерного управления Военного министерства России» (ф. 3 л.). Например, в описи 23 фонда 3 л. находятся планы Борисова (д.1653), Быхова 1778 г. (д. 2107), Витебска 1853 г. (д. 2698), Волковыска 1809 г. (д. 2834), множество планов Бобруйска, его крепости и форштадтов (1828 г. — д. 1517; 1829 г. — дд. 1424, 1518; 1830 г. — дд. 1425, 1514; 1831 г. — дд. 1426, 1427, 1429; 1832 г. — дд. 1428, 1430, 1431; 1833 г. — д. 1432; 1834 г. — д. 1433; 1836 г. — дд. 1437, 1441; а также дд. 1422, 1423, 1519). Опись 25 включает планы Городка, Дриссы, Суража (все — д. 2459), Новогрудка 1834 г. (д. 1197), Орши 1778 г. (д. 1747), Полоцка (д. 2455), фрагмент плана Гольшан 1849 г. (д. 1567). Среди перечисленных документов информативной содержательностью, мастерством исполнения, а также большим форматом выделяются план Полоцка (оп. 25, д. 2459) и малоизвестный план Бобруйской крепости 1831 г. (оп. 23, д. 1426).

В Российском государственном историческом архиве коллекции планов белорусских городов сосредоточены в фондах 485, 1293, 1350, 1399 и др. В фонде 485 необходимо отметить план Полоцка 1793 г. (оп. 1, д. 241), в фонде 1293 — три плана Быхова (оп. 165, д. 166 — 1862 г.; оп. 167, д. 25 и д. 26, л. 1), два плана Витебска (оп. 166, д. 5; оп. 168, д. 22), планы Гродно (оп. 168, д. 4), Чаус (оп. 167, д. 30). «Атлас Могилевского наместничества» 1784 г. (ф. 1350, оп. 312, д. 16) включает планы Могилева, Бабиновичей, Белицы, Быхова, Климовичей, Копыси, Мстиславля, Орши, Рогачева, Сенно, Чаус, Черикова, а также карты уездов. Планировочная информация и фасады важнейших сооружений содержатся в «Атласе Минской губернии» 1800 г. (ф. 1350, оп. 312, д. 14), где приведены документы по Минску, Бобруйску, Борисову, Вилейке, Дисне, Игумену, Мозырю, Пинску, Речице, Слуцку. Высоким графическим качеством, точностью и подробностью изображения отличаются выполненные в цвете планы Минска 1809 г. (ф. 1293, оп. 168, д. 6), Гродно 1824 г. (ф. 1293, оп. 168, д. 3), Витебска рубежа XVIII и XIX вв. (ф. 1399, оп. 1, д. 260, л. 1).

Среди материалов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки особую ценность имеют планы фонда 342: Витебска 1821 г. и 1820-х годов (дд. 630, 518), Несвижа и Слуцка начала XIX в. (дд. 1434, 1433).

Планы городов, хранящиеся в Национальном историческом архиве Беларуси, в основном относятся ко второй половине XIX — началу XX в., хотя встречаются и более ранние документы. «Коллекция планов и карт» фонда 1477 (оп. 1) охватывает период 1796—1928 гг. В нее вошли материалы: планы Бобруйска, его крепости и форштадтов 1814 г. (д. 1), 1822 г. (д. 4), 1827 г. (д. 339), 1852 г. (д. 337), 1853 г. (дд. 326, 342), 1862 г. (д. 190), 1864 г. (д. 3), 1914 г. (д. 3242), а также дд. 134, 423; планы Докшиц 1836 г. (д. 660), Заславля 1812 г. (д. 1438), Игумена 1854 и 1913 гг. (дд. 936, 3241), Любчи 1865 г. (д. 1925), Минска 1888 г. (д. 1526), Несвижа 1914 г. (д. 3243), Пинска 1839 г. (д. 2245), Слуцка первой половины XIX в. (д. 2878), два плана Речицы 1841 г. (д. 2526).

Кроме того, содержательны следующие фонды: ф. 22, включающий планы Докшиц первой половины XIX в. (оп. 2, д. 312), Несвижа 1897 г. (оп. 1, д. 912), Пинска первой половины XIX в. и 1901 г. (оп. 2, д. 316 и оп.1, д. 912); ф. 299, оп. 5, содержащая планы Бобруйска, Борисова, Игумена, Мозыря, Речицы, Слуцка (все — 1830 г., д. 86), Мозыря 1836 г. (д. 116); ф. 1437, оп. 1 — план Витебска 1784 г. (д. 7746); ф. 2001, оп. 1 — план Могилева 1898 г. (д. 1853); ф. 2201, оп. 1 — план Орши 1911 г. (д. 630); ф. 2496, оп. 1 — план Витебска 1904 г. (д. 435), ф. 3209, оп. 1 — план Полоцка 1911 г. (д. 1530). Представляет интерес также ф. 120, оп. 2 «Планы городов, местечек и земель Минской губернии». К документам, наиболее примечательным для архитектуроведческого анализа, относятся планы Бобруйской крепости 1840, 1842 и 1844 гг. (ф. 1477, оп. 1, дд. 351, 432, 310), Пинска 1849 г. (ф. 1477, оп. 1, д. 2394).

Коллекция планов Национального исторического архива Беларуси в Гродно охватывает поселения запада республики и отличается показом отдельных фрагментов городов. Многие документы иллюстрируют всю застроенную территорию. Следует отметить материалы: ф. 1, содержащий план части Городницы в Гродно (оп. 15, д. 1513); ф. 2, включающий план Бреста (оп. 25, д. 11556); ф. 8, оп. 1 — планы частей Антополя (д. 1639), Гродно (дд. 355, 459, 488, 1171, 1394, 1611, 1626, 1645), Дрогичина и Березы (д. 1759), Кобрина (д. 391), Слонима (дд. 371, 1638); ф. 11 — планы Бреста (оп. 1, д. 233), Гродно (оп. 11, д. 49; оп. 16, д. 2), Слонима (оп. 9, д. 4); ф. 17 — фрагмент плана Гродно (оп. 1, д. 143); ф. 24 — участок плана Волковыска (оп. 3, д. 4443),

схематичные планы Большой Берестовицы, Озер, Скиделя (все — оп. 6, д. 614); ф. 31 — план части Порозово (оп. 2, д. 2449); ф. 99, оп. 3 — планы Бреста (д. 50), Волковыска (д. 57), Гродно (дд. 93, 106); ф. 125, оп. 1 — фрагменты планов Гродно (дд. 42, 92, 100); ф. 307 — схематичный план Дятлово (оп. 1, д. 67); фонд 492 — план Бреста (оп. 1, д. 148).

Наибольший интерес с точки зрения подробности показа планировки улиц, кварталов, площадей, участков природного ландшафта и полноты текстовых пояснений представляют выполненные, в большинстве, в цвете планы Бреста 1842 г. (ф. 11, оп. 3, д. 199), Волковыска 1913 г. (ф. 11, оп. 11, д. 48), Гродно 1928 г. (д. 4115, 912п-37), Дисны середины XIX в. (ф. 11, оп. 13, д. 6), Домачево 1912 г. (ф. 11, оп. 6, д. 554), Дятлово 1874 г. (ф. 8, оп. 1, д. 1816), Лиды 1842 г. (ф. 11, оп. 6, д. 297), фрагменты планов Гродно в районе синагоги 1837 г. (ф. 8, оп. 1, д. 1370), Коссово 1879 г. (ф. 8, оп. 2, д. 263), Порозово 1868 г. (ф. 8, оп. 1, д. 1500).

Некоторые картографические материалы хранятся также в музейных собраниях. В частности, это планы Слонима 1825 г. (СКМ, 490, инв. 2285), Пинска 1906 г. (МБП, н-в фонд, 1942), Полоцка 1918 г. (ПКМ, досоветский период, инв. 1231/17, кн. 1).

Документы, находящиеся в разных архивах и фондах, иногда дублируют друг друга, отличаясь лишь графическим исполнением. Кроме того, временная стабильность как свойство городской среды и невысокие темпы развития поселений часто обусловливали небольшую разницу содержания материалов, составленных на протяжении последней четверти XVIII — первой половины XIX в.

Большой круг изучаемых городов и местечек и многочисленные привлеченные документы (265) позволяют утверждать, что читателю предлагается первое исследование истории градостроительства Беларуси, основанное на столь обширной картографической базе. Большинство планов проанализировано в различных аспектах впервые. Кроме того, ряд документов автором введен в научный обиход. К некоторым из них относятся:

«План Местечка Высоколитовска (Высокого. — *Ю. Ч.*), снято декабря 19-го дня 1795-го года» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21852, л. 1);

«План Города Бреста Литовскаго и Местечка Тирасполя» (Бреста и Тересполя. — *Ю. Ч.*) конца XVIII в. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21722, л. 1);

«План Местечка Хотимска. Во владении Его Светлости Князя Григорья Александровича Потемкина, которой граничит полевой стороной рословской округою по реке Беседи и по речке альшевке и с господами Масловыми» конца XVIII в. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22753, л. 1);

«План Местечка Белынич с окружающей ситуацией. 1810 г.» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21758);

«План Местечка Толочина с Окружною около онаго Ситуациею. — 1810-го года» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22676, л. 1).

«План городу Полоцку как ныне есть, то покрыто тушью, а вновь прожектированное покрыто кармином» 1778 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 25, д. 2459, л. 1);

«Генеральный План Бобруйской крепости и укрепления Фридрих Вильгельм» 1831 г. (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1426).

Современные геодезические съемки территорий (М 1:10000, 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500) служат важным исследовательским материалом. Несмотря на разрушения и проводившиеся во второй половине XX в. реконструкции, исторические районы городов обладают высокой степенью сохранности древней планировки. Это конфигурация сети улиц и площадей, их ширины в линиях застройки, многие основные и массовые здания, очертания частей земляных оборонительных сооружений, природный рельеф, русла рек и ручьев. За пределами исторических районов сохранился характер трассировки древних дорог, другие элементы планировки. Перечисленные положения доказаны исследованиями белорусского градостроительства [178, 179, 186—188, 555 и др.], а в других странах также неоднократно находят подтверждение.

Значимость анализа современной топосъемки обусловливается, во-первых, отсутствием историко-картографических материалов по ряду городов, во-вторых, недостатками, во многих случаях, старых планов — мелким масштабом, схематичным рисунком планировочной сети, неточностями ориентации линейных элементов, отсутствием изображения застройки и рельефа. Изучению подлежали подосновы не только современные, но и 1950—1960-х годов, позволившие подробно рассмотреть уже утраченные фрагменты планировки и приблизиться к пониманию состояния городской среды в начале XX в. и более раннее время.

Данные натурных обследований. Комплексный подход к изучению градостроительного искусства требует проведения натурных обследова-

ний исторически сложившихся территорий поселений. В частности, разработке настоящей монографии предшествовало исследование в натуре 70 поселений (Белыничи, Березино, Бешенковичи, Бобруйск, Браслав, Брест, Быхов, Вилейка, Волковыск, Воложин, Ворняны, Высокое, Глубокое, Гомель, Гродно, Давид-Городок, Дисна, Дрогичин, Друя, Дятлово, Желудок, Жировичи, Заславль, Иваново, Ивенец, Каменец, Кобрин, Копыль, Кореличи, Краснополье, Кричев, Лида, Логишин, Логойск, Ляховичи, Минск, Мир, Могилев, Мозырь, Мстиславль, Мядель, Несвиж, Новогрудок, Новый Свержень, Орша, Ошмяны, Пинск, Полоцк, Поставы, Пружаны, Радошковичи, Речица, Рогачев, Ружаны, Сенно, Славгород, Слоним, Слуцк, Сморгонь, Столбцы, Столин, Толочин, Туров, Чаусы, Червень, Чериков, Чечерск, Шерешево, Шклов, Щучин).

Изыскания выполнялись с целью выявления сохранившихся элементов пространственной композиции города XVI — первой половины XIX в., осмысления их градоформирующей роли в прошлом. Устанавливалось значение доминант в художественной организации поселения, его центра, площадей и улиц. Гипотетически оценивались панорамы архитектурных комплексов из внешних и внутренних городских пространств, существовавшие визуальные связи между высотными сооружениями. Фиксировался прием ориентации улиц на композиционные акценты. В виде субъективной оценки определялось эмоциональное воздействие архитектуры ансамблей или их фрагментов. Изучалось объемно-пластическое решение сохранившейся застройки площадей, улиц и других объектов.

По мере необходимости выявлялись и наносились на геодезическую съемку ныне существующие исторически ценные здания, что способствовало осознанию градостроительных особенностей. В итоге натурного обследования подтверждены некоторые закономерности, обнаруженные при анализе историко-картографических и других материалов.

Метод сравнительного анализа будет рассмотрен ниже. Однако, характеризуя натурные исследования, следует отметить, что выявлению утраченных свойств пространственной композиции белорусских городов способствовало изучение исторических центров городских поселений соседних государств, в прошлом входивших в Речь Посполитую и Российскую империю. Например, это Варшава, Вильнюс, Рига, населенные места приграничного с Беларусью региона Польши — Августов, Белосток, Бяла-Подляска, Вигры, Кодень, Сейны, Сокулка, Сувалки и др.

Графические реконструкции. Разработана серия реконструкций ныне не существующих градостроительных объектов, которая разделяется на планы городов (М 1:10000, 1:5000, 1:2000), их общественных центров и групп архитектурных комплексов (М 1:5000, 1:2000), отдельных ансамблей площадей (М 1:1000, 1:500). Для площадей выполнены также графические реконструкции фасадов застройки сторон (М 1:200, 1:100).

Основой разработки реконструкций служили историко-картографические документы, современные геодезические съемки территорий, данные литературных источников и натурных обследований сохранившихся элементов ансамблей, иконографические документы. К последним относятся архивные чертежи фасадов и планов сооружений, анализируемые в оригинале или в опубликованном виде, рисунки, акварели, гравюры конца XVI — начала XX в. Для графического воссоздания, как и решения других задач, привлечено также большое число фотоматериалов второй половины XIX — первой половины XX в., иллюстрирующих утраченные городские пейзажи: панорамы центров, виды площадей, улиц, других комплексов.

Кроме опубликованной иконографии использованы, например, документы Белорусского государственного архива кинофотофонодокументов, Музея Белорусского Полесья, Слонимского краеведческого музея, Полоцкого краеведческого музея, Глубокского историко-этнографического музея, Республиканского музея истории религии и др. В частности, в БГАКФФД содержатся фотоматериалы по Витебску (18410, 23436, 0-104781), Гомелю (37871, 1-445), Гродно (0-37573, 0-50360, 0-57532, 0-64543, 0-95979, 1-267), Минску (2137, 22883, 23478, 24955, 0-38520, 1-4291), Могилеву (0-62705, 0-80887, 1-3388, 1-3396, 1-3400), Пинску (0-31237, 1-3304, 1-3318, 1-3323, 1-3324, 1-3325, 1-3337), Полоцку (24257, 24263, 24303, 029944, 050549, 0-29942, 0-29958), Слониму (0-29961, 1-3450, 1-3451, 1-3456, 1-3457, 1-3459).

В Музее Белорусского Полесья находятся фотодокументы по Пинску (ПОМ, № 2122; 2379—2383; 2385; 2427; 2433; 2434; 2545; 2802; 2838; 3719/1—3719/10; 5447/17; 5453/5; 5453/6; 5521; 7267/1—7267/20; н-в 1512; БГМСПП, № н-в: 1131; 3439—3441; 3443; 3449—3451; 3769; КП-9975/Ф1-948; КП-11201/4/ПИ-41; КП-11258/Ф1; КП-11269/Ф1-1384; КП-12248/Ф1-1607; МБП, № КП н-в 4100, 4103, 4390/4, 4390/13, 4390/25; КП-12839, 12863, 12867, 12869,

12882, 13775 и др.) и Столину (БГМСПП, № 10486/Ф1-1016; 10487/Ф1-1017; 10488/Ф1-1018; 10489/Ф1-1019; МБП, № КП-12889). Представляют ценность материалы по Слониму (СКМ, КП № 1341, 1345, 1348, 1354, 1399, 2398, 2428, 2435, 2581, 2588, 2873, 2898, 5042, 5232, 5235, 6278, 8391–8393; НВ № 17, 29, 675, 685, 1161), Полоцку (ПКМ, досоветский период, кн. 1, 256, 429, 730/6, 730/8), Глубокому (ГИЭМ, оригиналы — в Государственном историческом архиве Республики Литва, г. Вильнюс, F. 1135, ap. 3, b. 387, l. 6; b. 389, l. 1; b. 391, l. 4; b. 449, ll. 2, 3 и другие без инв. №). Большая серия почтовых открыток и других фотоматериалов второй половины XIX — первых десятилетий XX в., широко иллюстрирующая застройку Гродно, хранится в частных коллекциях.

Автором монографии впервые выполнены реконструкции: планы Быхова начала XVII в. (М 1:2000) и середины XIX в. (М 1:5000), Несвижа конца XVI — начала XVII в., Слуцка XVII — начала XVIII в., Черикова второй половины XVII–XVIII в., Щучина конца XVIII — первой половины XIX в., Желудка, Бешенковичей и Турова первой половины XIX в., Дрогичина середины XIX в. (все М 1:5000), Чечерска конца XVIII в. (М 1:2000), Орши XVI — XVII вв., XVIII в., середины XIX в., Нового и Старого Мяделя XIX — начала XX в. (все М 1:10000); планы центров Гродно XII–XIII вв., XIV–XV вв., XVI в., XVII — начала XVIII в., второй половины XVIII в., Витебска XVIII в., а также первой половины XIX в., Волковыска, Рогачева, Суража и Черикова конца XVIII — начала XIX в., Лиды начала XIX в., Бешенковичей первой половины XIX в., Бобруйска середины XIX в. (все М 1:5000), Чаус XVIII в. (М 1:2000), Слонима 1790-х годов и второй половины XIX в. (М 1:1000); планы площадей — рыночной в Поставах 1770-х годов (М 1:500), культово-административной в Полоцке последней четверти XVIII — первой половины XIX в., ратушной, культово-административной и новой торговой в Витебске первой половины XIX в. (все М 1:1000), Соборной и культовой в Бобруйске 1830-х годов (М 1:2000); фасады застройки северной, западной, южной сторон рыночной площади и торговых рядов Постав 1770-х годов, продольный разрез ансамбля культово-административной площади Полоцка последней четверти XVIII в., а также его продольный и поперечный разрезы в середине XIX в., фасад застройки восточных сторон ратушной и культово-административной площадей Витебска первой половины XIX в., поперечный разрез центральной части Соборной площади Бобруйска 1830-х годов (все М 1:200). Существо метода графической реконструкции и путь ее проведения изложены в разделе 2.4 на наиболее примечательном примере восстановления города-крепости Быхова. Следует упомянуть, что ранее выполнялись схематичные реконструкции планов Несвижа начала XVII в. [647], Чечерска конца XVIII в. [144], аксонометрических видов Быхова начала XVII в. [490, 492] и торговой площади Постав конца XVIII в. [26]. Предлагаемое автором графическое восстановление существенно отличается по содержанию и значительно подробнее.

Разработка графических реконструкций имеет научное значение как расширение историко-архитектурного знания и служит исследовательской базой для последующего анализа и обобщений с целью выявления градостроительных закономерностей. Кроме того, в монографии приведена прорисовка ряда архивных планов, отличающихся мелким масштабом или невысоким качеством изображения, что позволило более обоснованно и детально судить об особенностях городской планировки и застройки.

К частным методам исследования относились: типологизация; идеализация градостроительных композиций; пропорциональный анализ; семантико-теологический анализ; сравнительный анализ.

Типологизация, характерная для многих историко-архитектурных исследований, — классификация материальных объектов или общественных явлений по однородным свойствам. В научных разработках по истории градостроительства Беларуси она отсутствует или используется ограниченно. Широкое применение типологического метода стало возможным благодаря охвату большого фактологического материала. Типологизированы изученные закономерности и объекты: направления эволюции белорусского градостроительства; системы планировки городов — по периодам возникновения и конфигурации уличной сети; общественные центры — по характеру планировочной структуры, взаимоположению замка и главного торга; схемы размещения доминант в плане поселений; методические подходы к реконструкции городов в эпоху классицизма в зависимости от факторов преемственности, географического и художественного; площади — по системе показателей; и др.

Идеализация градостроительной композиции. В современной науке фундаментально исследо-

ваны теоретические и исторические проблемы градостроительной композиции: воздействие на нее природных, функциональных, семантических и иных факторов; композиция как сложная пространственная система; план города в качестве основы его художественного облика; схема размещения высотных доминант и характеристика панорам города; историческое развитие композиции и преемственное использование его особенностей при современной реконструкции; оценка композиции по законам зрительного восприятия и ориентация человека в пространстве и др.

В настоящей работе выполнен анализ городов и комплексов застройки с определением средств архитектурной композиции — единства и соподчиненности форм, ритма, пропорций, масштабности, подобия, нюанса и контраста, симметрии и асимметрии, равновесия и неравновесности и др. Однако как научные методы исследования художественного строения города, требующие специальных пояснений, приняты идеализация градостроительной композиции и пропорциональный анализ объемов и пространств. Выбор этих методов вызван их большим потенциалом в отношении получения новых результатов, а также слабой изученностью градостроительных объектов, требующей первоочередного исследования наиболее важных аспектов композиции города в целом или ансамбля в целом.

Метод идеализации градостроительной композиции разработан М. П. Кудрявцевым на примере Москвы XVII в. [275, 277, 278, 281] и заключается в освобождении пространственной структуры города от второстепенных черт и приведении ее к упрощенной, геометризованной схеме. В основе метода — представление о городе как сознательно создававшемся на протяжении веков и содержательном произведении искусства, опора на современное изучаемому явлению восприятие и понимание композиции поселения, исследование функций элементов, подвергаемых геометризации.

Путь идеализации композиции, прочитываемой в картографических и других изображениях города, сводится к трем этапам — удаление второстепенных элементов, усиление геометризации структуры, определение символического образа города. Для современного анализа методически важен второй этап идеализации, несущий сильные формальные черты и понятие о главной идее пространственной организации города. К схематичному виду приводятся материальные элементы композиции (рельеф, русла рек, линии укреплений, улицы, площади, дифференцированные по функции и пространственному значению основные здания) и ее умозрительные составляющие (оси геометрического построения, визуальные направления и связи и др.) [281, с. 38—54, 76, 82].

Идеализация градостроительной композиции, имевшая те или иные особенности, применялась Н. Д. Кострикиным на примере Парижа, Флоренции и других городов, где в основном анализировались закономерности построения уличной сети [250], Ю. Н. Кишиком на примере Витебска, Гродно, Могилева, оценивавшим схему постановки вертикальных акцентов [227, 233, 234, 236, 237] и др.

В настоящей монографии метод идеализации композиции используется для выявления главной идеи пространственной композиции города и закономерностей размещения высотных сооружений. Его применение разделяется на два направления: вышеуказанный второй этап идеализации (Быхов, Лида, Полоцк, Чаусы), а также разработка схем расположения доминант в плане поселения без рассмотрения других его компонентов (Витебск, Гродно, Ошмяны, Пинск и др.). Кроме того, принцип упрощения, идеализации градостроительного объекта как инструмент установления характерных черт используется в классификации планировочных систем городов по конфигурации уличной сети при идентификации того или иного типа планировки. Упрощенный, идеализированный объект в ряде случаев получал название модели объекта.

Рассматривая методы исследования композиции, следует отметить, что изучение ее восприятия не входит в задачи работы в силу необходимости специального решения этой проблемы. Применительно к градостроительству З. Н. Яргина выделяет три сферы эстетических знаний: теория художественного творчества, теория композиции — художественной организации материально-пространственных объектов, теория эстетического восприятия среды [631, с. 138]. Так, в настоящем исследовании в рамках излагаемых методов используется искусствоведческий подход, существо которого — изучение объективной основы эстетических отношений, заложенной в свойствах градостроительных объектов [631, с. 138]. Тем не менее иногда возникает необходимость подчеркнуть важные особенности визуального восприятия, например доминант в завершении перспектив улиц, а также главного сооружения ансамбля площади, указать соблюдение оптимального вертикального или горизонтального угла его

обозрения и характер конфигурации зон видимости, зафиксировать «узловые» визуальные точки вдоль планировочной оси и др.

Роль природного ландшафта в развитии планировки и пространственной композиции городов также специально не исследуется. Это вызвано, во-первых, глубокой методической разработкой российскими учеными проблемы связи градостроительных структур с рельефом и гидрографической сетью [274, 276, 280, 281, 368, 441—446], во-вторых, малым отличием природных условий Беларуси и соседних регионов, в том числе средней полосы России, в-третьих, наличием исследований, непосредственно касающихся единства пространственного построения белорусских городов в период до середины XIX в. и их ландшафтных особенностей [227, 229, 231, 232].

Например, в отношении Москвы XVI—XVII вв. установлено следующее: сложение ее центра на дне природной «чаши» рельефа; размещение главного городского ансамбля в месте схождения осей компонентов рельефа; подчеркивание пересечений естественной и искусственной градостроительных систем; подобие расположения застройки размещению видов растительности на ярусах рельефа; прямая и обратная пропорциональность высот рельефа и сооружений; сочетание ярусности и многоплановости пространственной композиции; ориентация долин рек, гребней водоразделов и улиц на доминанты [281].

Пропорциональный анализ подробно разработан в трудах К. Н. Афанасьева, И. А. Бондаренко, А. В. Бунина, В. Н. Владимирова, В. Л. Ворониной, Н. Н. Годлевского, В. Ф. Кринского, М. Г. Кругловой, Л. М. Лисенко, М. А. Марутаева, В. И. Орлова, Т. С. Проскуряковой, И. А. Рябушиной, Г. М. Скуратовского, А. А. Тица, И. Ш. Шевелева, И. П. Шмелева и других исследователей [24; 25; 30; 49; 64; 77; 80, т. 1; 95; 267; 268; 295; 298; 352; 428; 452; 482; 514; 559].

Из многих примеров пропорционирования в архитектуре остановимся на некоторых. Анализируются отношения размеров элементов градостроительной структуры и расстояний между ними, высот доминирующей и рядовой застройки к ширинам прилегающих площадей, улиц, водных коммуникаций, других открытых пространств, а также пропорции между высотами вертикальных акцентов и горизонтом массовой застройки [30, 64]. Г. Мертенс определил наиболее эффектные соотношения высот фоновых построек и доминант в зависимости от характера композиции последних — 1:2, 1:3, 1:4 [714 — цит. по 30, с. 82].

Установлено, что в основу плана Московского кремля положен равнобедренный треугольник с основанием в семь модулей и сторонами — шесть модулей, где модуль составлял около 50 саженей. Успенский собор при этом оказывался на равных расстояниях от углов, закрепленных башнями. Получив в последующем приращение с северо-запада, исходный треугольник преобразовался в похожую фигуру со сторонами в семь модулей [49, с. 88]. Композиция готических соборов, в частности Миланского, строилась на основе равностороннего треугольника, а принцип триангулирования пронизывал всю структуру здания [352, с. 77].

Математическая гармония пропорций капеллы Пацци обнаруживает закономерности, среди которых, в частности, важно широкое применение Брунеллески удвоений и утроений (т. е. «консонансов» — соразмерностей, выраженных однозначными цифрами), равенства размеров некоторых пластических или пространственных элементов, а также подобия разнохарактерных композиционных частей здания [25, с. 102—108].

Пропорционирование используется как метод изучения и было хорошо разработано в виде идейно-творческого подхода к созданию архитектурного произведения. Выделяются два способа пропорционирования, применявшиеся в античную и средневековую эпохи зодчими европейских и других стран для построения целостной формы. Первый — абстрактный метод арифметических систем по числам, разновидностью которого служила модульность, когда определенный размер становился единицей по отношению к другим размерам. Вторым был геометрический способ пропорционирования, определения им размеров зданий и их частей методом взаимопроникающих подобий на основе простых геометрических фигур — квадрата, двойного квадрата, прямоугольного треугольника с углом 30 градусов, равностороннего треугольника, «священного египетского треугольника» с отношением сторон 3:4:5, прямоугольника или равнобедренного треугольника со сторонами в пропорции «золотого сечения» [352, с. 74—78; 428, с. 187].

В работах других авторов рассматриваются, главным образом, отдельные сооружения, а пропорциональному анализу города в целом и градостроительного ансамбля уделяется меньше внимания. В настоящей монографии применен метод пропорционирования элементов объемно-пространственной композиции поселения. Он основан на анализе графических реконструкций планов, фасадов и разрезов градостроительных объектов,

направленном на выявление следующих, ранее неизвестных свойств:

1. Единство размеров некоторых объемных или пространственных составляющих композиции.

2. Целочисленность отношений между размерами разных объемов, пространств и их систем.

3. Применение модуля при создании комплексов застройки того или иного масштабного уровня.

4. Использование в композиционном замысле простейших геометрических фигур.

5. Пропорциональное подобие общих или разных по природе градостроительных форм.

6. Умозрительная взаимоувязка линий пространственного построения (осей, граней объемов).

7. Преднамеренное формирование важнейших, узловых точек геометрического построения градостроительного целого.

Пропорциональный анализ плана города выполнен на примере Быхова и Чечерска, представляющих соответственно ренессанс и классицизм. Отдельные элементы такого анализа использованы при характеристике планировки Несвижа, Слуцка, Мира и других поселений. Анализ пропорций ансамбля площади проведен на примере Постав, Полоцка, Витебска, Бобруйска. Аналитические построения для выявления соразмерностей осуществлялись на планах площадей и иллюстрировались фасадами застройки их сторон. В отношении полоцкой площади пропорционирование выполнено также на разрезах ансамбля, что вызвано наличием художественного замысла, наиболее содержательного в аспекте композиционных соразмерностей, а также сохранностью точной иконографии почти по всем сооружениям.

Семантико-теологический анализ. Методически важно познание особенностей средневекового европейского градостроительства, связанных с различными аспектами воплощения идеологических, в основном сакральных, символов в городской среде.

В. Ревеньска полагает, что для прямоугольных или квадратных абрисов регулярного средневекового города и его рыночной площади богословским прообразом и символом освященности мог послужить описанный в Новом завете Небесный Иерусалим [742, с. 66]. Особо примечательно идейное содержание пространственной организации Москвы XVII в., в котором раскрывались несколько духовных и политических тем: соединение образов столиц различных русских княжеств, чем синтезировался собирательный градостроительный образ всей Руси; воплощение образов античных Рима и Константинополя и в их лице — христианских идей Западной Римской империи и Византии; понимание Москвы как преемницы духовного, культурного и имперского значения Рима и Константинополя («Второго Рима») и прославление ее в качестве «Третьего Рима»; воплощение образа Палестинского Иерусалима как главной святыни христианства; создание Москвы как «Нового Иерусалима» — города, воспринявшего славу старого Иерусалима, по пророчеству св. пророка Исайи; создание, подобно другим городам мира, в том числе Руси, градостроительного образа Небесного Райского Града согласно Апокалипсису св. Иоанна Богослова [281, с. 228].

Треугольная схема плана Московского кремля вызвана помимо градостроительной ситуации желанием воплотить символически важный признак Константинополя — города, обнесенного стеной «на три угла» во образ Святой Троицы. Кроме того, в соответствии с легендой о закладке Константинополя он имел «на все стороны по семи верст». Как упоминалось, в кремле с каждой из трех сторон насчитывалось по семь модулей длины, что также призвано было символически уподобить Ивана III императору Константину Великому [49, с. 88, 90; 53, с. 31]. Кремль обладал и семью башнями на любой из сторон, находясь под покровительством этого сакрализованного числа, упомянутого в Ветхом Завете и отличающегося магической силой.

Освящение градостроительных структур X—XVII вв. в христианских странах принимало различные смыслы. Были распространены крестообразные в плане композиции, формируемые расположенными на обширной территории культовыми и другими монументальными зданиями. Эта закономерность корреспондируется с общественным сознанием средневековья: «... в своем смысловом аспекте город соотнесен для средневекового человека с храмом; город — это как бы просторный храм, храм — как бы средоточие города...» [441, с. 82]. Символические крестоподобные построения приобретали разное формальное выражение. В Киеве X—XI вв. каждая из ветвей и центр умозрительного креста образовывались зонами концентрации значительного числа церквей, а воротные башни укреплений также размещались крестоподобно [281, с. 177]. Во Владимире XII в., Тырново XIII—XIV вв. две взаимно перпендикулярные пространственные оси фиксировались соответственно двумя парами сооружений-доминант, центр креста тоже закреплялся зданием [281, с. 179; 335, с. 173].

Признанная сакральность приема подтверждается организацией крестообразной схемы не только материальными объектами, воспринимаемыми конкретно-чувственно, но и характером расселения в плане города определенных социальных групп. В Москве XVII в. слободы стрельцов и пушкарей образовали четыре жилых зоны русского войска, которые вместе с районом поселения воинской аристократии в центральной части создали подобие равноконечного креста. Помимо требований обороны такое расселение связано с древнерусскими представлениями «о воинском служении, неразрывной связи земного войска с войском небесным, составляющих вместе Церковь Воинствующую» [281, с. 229].

В градостроительных композициях наблюдалось также символическое воплощение структуры православного храма. В Пскове XIV—XV вв. овальная площадь для проведения вече фланкировались Троицким собором, а с противоположной стороны — оборонительной стеной (Персями), посередине которой возвышалось звонничное сооружение этого собора. Сам собор ассоциировался с алтарной частью символического храма под открытым небом, колокольня на Персях — со звонницей над порталом такого храма, а вече между ними — с трапезной, служившей для братчинных сходов, духовных бесед и общинных молебнов [441, с. 158].

В Москве XVI—XVII вв. символический храм образовывала система: колокольня Ивана Великого и собор Рождества Христова с приделом Воскресения (построены во образ храма Гроба Господня в Иерусалиме) — звонница и притвор; Спасская проезжая башня Кремля — Царские врата иконостаса; Троицкий собор (по другим источникам — Покровский собор) с Лобным местом перед ним, означавшим амвон — алтарь пространственного храма. Также храм под открытым небом, но меньшего масштаба формировался ансамблем кремлевской Соборной площади [281, с. 198—213].

Приведенные примеры раскрывают общий подход теологического анализа градостроительных объектов. Методика такого анализа в настоящей работе основана на гипотетическом установлении подобия черт градостроительных структур христианским символам и нацелена на выявление закономерностей:

формирование отдельных свойств городов во образ почитаемых христианских столиц — Палестинского Иерусалима и Константинополя;

уподобление градостроительных композиций Иерусалиму Небесному;

традиция использования числовой символики, воплощаемой в объемно-пространственных формах.

Сравнительный анализ. Системное сопоставление градостроительства Беларуси и других регионов, установление истоков и направлений культурного влияния, характера взаимозависимостей не входит в задачи монографии. Выборочное применение в работе сравнительного анализа имеет целью рассмотрение и оценку некоторых явлений искусства строительства белорусских поселений в контексте мирового градостроительного мышления. Метод заключается в сопоставлении однородных свойств, фиксации закономерностей, общих для Беларуси и других европейских стран, выявлении на этой основе отдельных своеобразных качеств белорусского градостроительства.

Указанный метод используется фрагментарно, на наиболее показательных примерах и разделяется на два аспекта. Во-первых, определяются некоторые черты единства с русским градостроительством допетровского времени, естественные в связи с общими истоками культуры восточнославянских народов, ее сложением в эпоху Киевской Руси и период существования независимых средневековых княжеств. Единое развитие зодчества стало государственным широкомасштабным процессом в Российской империи в последней четверти XVIII—XIX в. Во-вторых, впервые определяется значительное влияние западноевропейского градостроительного искусства на центральные территории Великого княжества Литовского и, позже, на белорусские губернии Российской империи.

Для осознания широкого исторического фона развития русского градостроительства до середины XIX в., на котором могло оцениваться формирование белорусских городов, изучались труды Г. В. Алферовой, В. И. Балдина, И. А. Бондаренко, А. В. Бунина, И. Л. Бусевой-Давыдовой, Ю. Н. Герасимова, И. Э. Грабаря, Н. Ф. Гуляницкого, Н. А. Евсиной, Т. Е. Каменевой, В. В. Кириллова, Е. И. Кириченко, Н. Л. Крашенинниковой, М. П. Кудрявцева, Т. Н. Кудрявцевой, В. А. Лаврова, И. Ю. Меркуловой, М. Б. Михайловой, Г. Я. Мокеева, М. В. Нащокиной, С. С. Ожегова, В. И. Пилявского, Т. С. Проскуряковой, Ю. В. Ранинского, И. А. Рябушиной, Т. Ф. Саваренской, Т. А. Славиной, Л. М. Тверского, М. Н. Тихомирова, Ю. С. Ушакова, А. Г. Чинякова, Д. О. Швидковского, В. А. Шкварикова, А. С. Щенкова, О. П. Щенковой, В. Л. Янина и других исследователей [10; 12; 20; 27; 45—55; 66; 67; 68; 80, т. 3, 6; 100; 101; 110—115;

139; 140; 189; 190; 193; 215–219; 239; 249; 265; 266; 271–281; 283; 289; 316; 326; 328; 331–335; 351; 353; 368; 416; 426–428; 433; 441–447; 452; 454; 456; 457; 483; 512; 513; 531; 589; 593–595; 604; 616–621].

Например, в целях сравнения важна классификация планировочных систем древнерусских городов, разработанная Л. М. Тверским. Выделена нецентрическая планировка: линейная, рядовая, перекрестная, прямоугольно-прямолинейная (все – порядковые), а также центрическая – радиально-концентрическая. Установлена закономерность усложнения типа планировки по мере роста города, перехода нецентрических систем в центрическую [512, с. 101, 149, 157, 161]. Среди линейных систем встречалась «реберчатая» – осевая улица с короткими поперечными переулками [441, с. 172].

Г. Я. Мокеев классифицировал древнерусские города по форме плана, выделив круглый, полукруглый, сегментный и секторный типы, а также подтипы сегментных поселений – классически сегментный, сегментно-полуостровной, сегментно-лучковый, сегментно-замкнутый, сегментно-мысовый. Выделены и подтипы секторных поселений – классически секторный, секторно-лучковый, секторно-замкнутый, секторно-мысовый (похожие типы наблюдались в конце XVIII в. и в Беларуси – секторно-мысовый, полукруглый). Введено понятие веерной и ветвистой центрических планировок с возможными улицами-связками полукольцевого и кольцевого очертаний. Подчеркнута типичная стадийность развития уличной сети: порядковая – веерно-ветвистая [441, с. 50–55]. Для секторно-мысовых городов сформулировано понятие спирально-веерного характера эволюции планировки посадов и укреплений, в результате чего город достигал круговую форму. Выполнен количественный анализ поселений, полностью или частично прошедших четыре этапа такого роста [331; 441, с. 217–219]. Основы классификации русских городов по конфигурации уличной сети учитывались автором настоящей монографии при разработке подобной классификации белорусских городов, складывавшихся в XI–XVIII вв. без общего и регулярного планировочного замысла.

Другой пример сравнения – осмысление идеи композиционного равновесия в русских городах, важное для исследования приемов создания равновесных или неравновесных композиций в белорусском градостроительстве. Одно из проявлений этой идеи – центр в виде высотной доминанты или материально-пространственной оси, относительно которых эстетически осознается гармоничная уравновешенность в размещении и облике других объектов. Значительные по массе сооружения с развитым силуэтом располагались на большем расстоянии от центра, чем здания меньшего объема и лаконичного облика по другую сторону от него. В результате достигался эффект равнозначности, единства частей художественного целого. С идеей равновесия связана и постановка вертикальных ориентиров, формирующих протяженную линейную ось, на малом удалении от нее в разные стороны, создавая впечатление равновесности относительно оси. Равновесие, воспринимаемое единовременно или при длительном визуальном освоении среды, осуществлялось на разных масштабных уровнях, т. е. внутри отдельных фрагментов, более крупных образований и всего города с прилегающими территориями [281, с. 36, 91, 92, 114, 129, 159].

Основные черты западно- и центральноевропейского градостроительства от античности до середины XIX в., учет которых важен для данного исследования, освещены в публикациях Н. И. Брунова, А. В. Бунина, А. В. Иконникова, В. Ф. Маркузона, И. Л. Маца, Б. П. Михайлова, М. Б. Михайловой, Т. Ф. Саваренской, О. А. Швидковского, Д. О. Швидковского, других российских ученых, а также большого ряда зарубежных авторов [25; 31; 38; 57; 58; 64–66; 80, т. 2, 4, 5, 7; 96; 99; 101; 108; 137; 138; 169; 174–177; 325; 327; 423; 453–456; 505; 596; 597; 647; 702; 764; 771 и др.].

Для сопоставления особенностей белорусских городов с градостроительными чертами сопредельных стран изучались послевоенные и современные труды исследователей Польши – В. Андерса, Т. Бернатовича, М. Витвицкого, С. Гербста, Б. Гуэркуина, Т. Зарембской, Я. Захватовича, Г. Йонкайтис-Лубы, В. Калиновского, А. Круля, М. Левицкой, Е. Лилейко, С. Лозы, З. Мешковского, А. Милобендзского, К. Павловского, Е. Пашенды, Г. Самсонович, В. Тжебиньского, Е. Шабловского, Т. Шафера, А. Шкурлат и др. [13; 155; 157; 158; 365; 430; 645; 655; 663; 667; 682; 683; 687–689; 698; 699; 704; 706; 712; 719; 720; 734; 745; 757–759; 765; 766; 770; 772; 773], Украины – Ю. С. Асеева, С. В. Безсонова, Б. В. Колоска, С. Р. Кравцова, И. С. Красовского, Г. Н. Логвина, Р. И. Могытыча, О. А. Пламеницкой, А. М. Рудницкого, П. А. Рычкова, Т. А. Трегубовой, В. А. Харламова, М. П. Цапенко и др. [11; 35; 80, т. 6; 242; 256–258; 330; 414; 415;

440; 441; 448–450; 523; 538], Литвы и Латвии – И. М. Баршаускаса, Э. С. Будрейки, И. Глямжи, К.-Н. И. Киткаускаса, М. Клейнаса, С. А. Микулёниса, А. Мишкиниса, А. Пилипайтиса, Р. Раулинайтиса, А. Р. Спельскиса, К. К. Шешельгиса, В. И. Юркштаса, Ю. М. Васильева, Р. Я. Зандберги, Э. Пучина и др. [32, 61, 73, 152–154, 221, 318, 368, 501, 601, 628–630, 692, 705, 721, 731, 737, 738, 752, 761].

В заключение характеристики методологии исследования истории белорусского градостроительства сделаем следующие выводы.

Общими методами являются: изучение литературных источников, анализ историко-картографических документов, анализ современных геодезических съемок территорий, натурные обследования городской среды, разработка графических реконструкций градостроительных объектов. Проанализированы материалы значительной группы российских и белорусских архивов и музеев. К исследованию привлекается 265 исторических планов, что значительно превышает информационную историко-картографическую базу предшествующих исследований. Ряд планов впервые вводится в научный обиход. Изучены современные и более ранние геодезические съемки многих городских поселений, 70 их них обследованы в натуре. Разработаны 46 графических реконструкций на различные периоды планов городов, общественных центров, площадей и фасадов застройки сторон площадей. При этом выполнен анализ большого числа иконографических документов из архивных и музейных собраний.

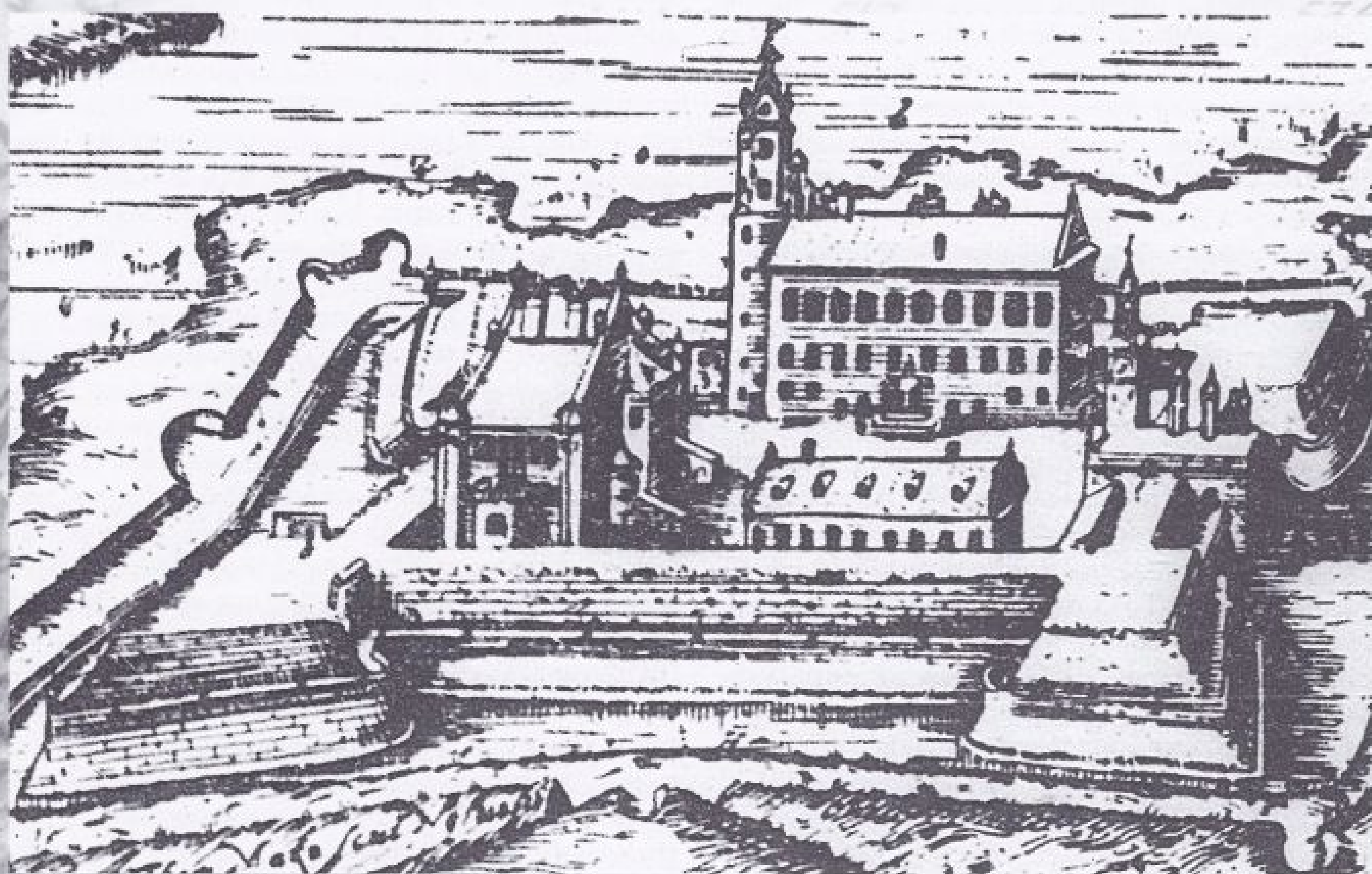
Частными методами, используемыми в зависимости от характера решаемых задач, приняты: типологизация градостроительных образований; идеализация градостроительных композиций; пропорциональный анализ объемно-пространственного построения поселений и отдельных ансамблей; семантико-теологический анализ, гипотетически устанавливающий подобие свойств градостроительных структур христианской символике; сравнительный анализ, оценивающий искусство возведения белорусских городов в контексте европейской архитектуры.

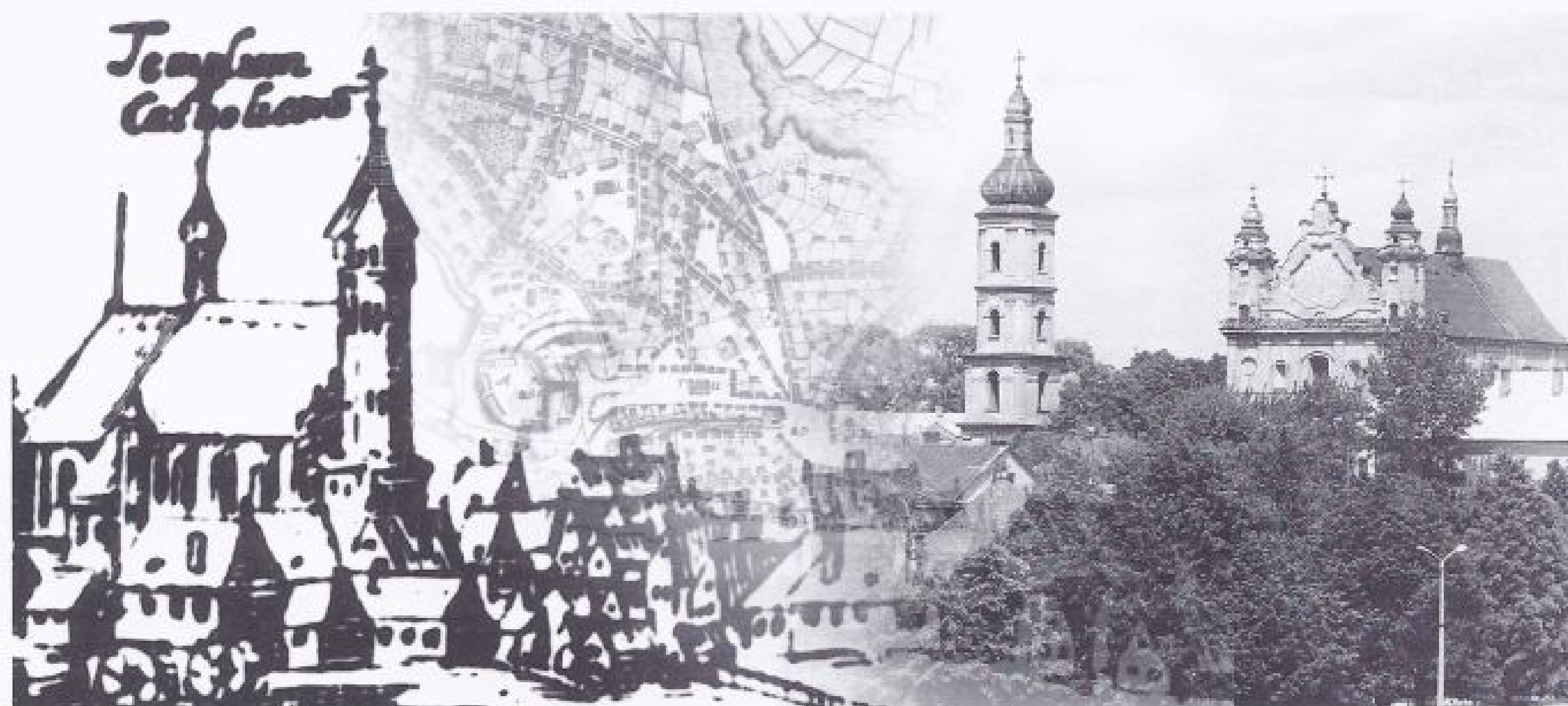
3 – 2227

2

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

2.1. Исторические условия эволюции и основные черты нерегулярных планировочных структур

У истоков развития градостроительства на белорусских землях лежала культура древнерусских княжеств: Полоцкого, Туровского, частично Владимиро-Волынского. В эпоху Киевской Руси второй половины IX — начала XII в. возникли Полоцк, Витебск, Туров, Браслав, Гомель, Орша, Заславль, Волковыск, Каменец, Новогрудок, Гродно, Брест, Минск и др. К этому времени и периоду феодальной раздробленности XII–XIII вв. относится сложение густой сети расселения. В последующем она служила экономической, социальной и политической базой дальнейшей эволюции городов, а также формирования на торговых путях множества новых поселений.

Археологические исследования и позднейшие документальные планы показывают, что города имели типичную для древнерусского градостроительства вообще иерархическую структуру, которая в своем полном выражении включала детинец с кромом, окольный город, укрепленный или неукрепленный посад, дополненные пригородными монастырями. Пояса укреплений, фиксирующие территориальное деление города, выполнялись в обычных земляных и деревянных конструкциях, а уже в XIV в. иногда были мощными каменными сооружениями.

Например, три линии укреплений Витебска с многочисленными башнями, построенные к 1351 г. [623, т. 2, с. 328], носили романо-готические черты. Стены из тесаных валунов завершались галереей настенного боя с монументальными кирпичными зубцами прямоугольной формы, имевшими бойницу посередине каждого зубца. В княжеском дворце в детинце обнаружены раннеготические своды и арки с нервюрами [623, т. 2, с. 328].

В ряде случаев, как и в других странах, города возникали в результате слияния нескольких древнейших сел, группировавшихся вокруг одного укрепленного поселения (Борисов). В Витебске известны шесть самостоятельных жилых образований, впоследствии объединившихся с крепостным ядром [160, с. 63, 72, 85]. Последующая структурная роль этих селитебных зон могла быть различной: части детинца, окольного города, укрепленного или неукрепленного посада.

В середине XIII в. зарождается новое государственное образование со столицей в Новогрудке, а затем в Вильно, первоначально охватившее только северо-западные белорусские земли — Великое княжество Литовское (ВКЛ). Оно возникло в условиях постоянной борьбы с агрессией крестоносцев и под угрозой татаро-монгольского нашествия. Политической целью ВКЛ было объединение западных княжеств Древней Руси и балтских, этнично литовских территорий. Постепенно расширяясь, к XV в. при князе Витовте это государство простиралось от Балтийского моря до средней части современной Украины, включая Подолию, Киевскую и Северскую земли, и от Белостока в нынешней Польше до Вязьмы и Орла [623, т. 2, с. 391]. Преобладающим вероисповеданием в пределах древне-

русских земель было православие, хотя распространилась католическая, а позже — протестантские и иудаистская конфессии.

Экономическое и политическое развитие Великого княжества Литовского сопровождалось появлением новых населенных мест. В XIII–XIV вв. на территории Беларуси существовало 40 городов. В XVI в. возникло около 200 поселений городского типа — местечек, отличавшихся полусельским характером жилой среды. К середине XVII в. насчитывалось 42 города и 425 местечек, причем по числу последних выделялось Понеманье [623, т. 2, с. 406; 302, с. 15; 243, с. 206]. Крупными считались города с населением 10 и более тыс. чел., средними — более 5 тыс., малыми — 2–5 тыс. чел. В местечках проживало от нескольких сот до 1,5 тыс. чел. [623, т. 2, с. 406].

Города выполняли функции: экономическую — были центрами ремесла и торговли, пунктами складирования товаров, речного судостроения, портами, местами проведения ярмарок и остановок купцов; административную — являлись центрами воеводств, поветов, волостей, феодальных владений, церковных приходов; военную — служили крепостями, местами сбора и концентрации войск. Постепенно города становились центрами внутренних локальных рынков, а в XV–XVI вв. все более включались в сферу европейской торговли, главным образом с Польшей, Чехией, Германией, Московским государством и Прибалтикой [623, т. 2, с. 406]. По времени возникновения городские поселения можно разделить на появившиеся в эпохи: Киевской Руси, феодальной раздробленности или более ранний период; время Великого княжества Литовского как независимого государства от середины XIII в. до Люблинской унии 1569 г.; эпоху Речи Посполитой от 1569 до 1795 г. (табл. 1).

В XIV — первой половине XVI в. планировочная структура городов сохраняла черты, свойственные древнерусскому искусству строительства поселений. Однако при этом начинают проявляться принципиально новые процессы урбанизации, первичное время проникновения которых в изучаемый регион установить трудно из-за отсутствия изобразительных документов и недостаточной разработанности вопросов материальной и духовной культуры этого периода в контексте общего исторического развития европейских стран. Суть градостроительных новаций заключалась в создании новых или реконструкции старых городов на регулярных началах с организацией прямоугольной уличной сети. В зарубежной, в частности польской, историографии этого явления, характерного для всей Западной и Центральной Европы, формировавшаяся планировка часто именуется готической, имеющей средневековое происхождение.

В 1569 г. Великое княжество Литовское и Польское королевство объединились в одно государство — Речь Посполитую, а в 1596 г. принята униатская конфессия, соединившая догматы католицизма и православия и подчинявшаяся Ватикану. С конца XVI в. в Великом княжестве Литовском постепенно усиливался процесс католической экспансии и полонизации, сопровождавшийся контрреформацией и вытеснением православия.

Последние десятилетия XVI в. определили собой и появление в крае образцов ренессансного градостроения. Этому способствовали укрепившиеся после создания нового государства политические и культурные контакты с Западной Европой, религиозное идейное единство с Италией, а также строительство, с учетом достижений фортификационного зодчества, мощных городов-крепостей, необходимое в условиях военного противостояния Московскому государству и Швеции. Широкомасштабные военные действия велись в период войны Московского государства с ВКЛ 1534–1537 гг. и Ливонской войны 1558–1583 гг., войны Речи Посполитой со Швецией 1600–1629 гг. и Россией 1609–1618 гг., 1632–1634 гг. и 1654–1667 гг.

Градостроительство Возрождения, распространившееся в конце XVI — первой половине XVII в., наиболее ярко воплотилось в возведении частновладельческих и государственных укрепленных поселений, имея при этом пространственно-планировочные различия с регулярными средневековыми, готическими приемами строительства населенных мест. Эти приемы не только предшествовали ренессансу, но в своих стилевых проявлениях существовали одновременно с ним, что служило важнейшей культурологической особенностью региона.

Во второй половине XVII и первой половине XVIII в. существенных преобразований планировочных структур не происходило, что обусловилось упадком городов после опустошительной войны 1654–1667 гг. и Северной войны 1700–1721 гг., уменьшением общей численности городского населения в 2,5 раза [623, т. 3, с. 84]. Для этого времени характерно наследование ранее сложившихся функциональных и композиционных свойств поселений, их незначительное территориальное расширение, появление новых

архитектурных комплексов, как правило, на местах старых, развитие, в отдельных случаях, оборонительных систем городов.

Таким образом, пространственные структуры поселений и в целом градостроительное наследие, прошедшие ко второй половине XVIII в. длительную эволюцию, были неоднородны по природе и, представляя национальную архитектуру, одновременно характеризовали те или иные культуры, географическими истоками которых выступали разные регионы Европы. Автохтонные древнерусские нерегулярные структуры сосуществовали в пределах белорусских земель или одного города со средневековыми регулярными, странами первоначального возникновения которых считаются, как будет рассмотрено ниже, Франция и Германия, а также с ренессансными регулярными, происходившими из Италии.

К основным особенностям нерегулярных планировочных структур относились: произвольный характер линий застройки, представлявших собой ломаные или неправильные кривые линии; хаотично изменявшаяся ширина улиц и площадей; изломанность осей улиц; конфигурация площадей и кварталов в виде неправильных фигур [554, с. 14; 555, с. 145]. Кроме того, нерегулярные системы планировки, полностью сложившиеся к концу XVIII в. в итоге своего постепенного и преемственного развития, по конфигурации уличной сети разделялись на нецентрические (или порядковые) и центрические. Нецентрические системы можно классифицировать на одноуличные, ребристые (или поперечно-осевые), двухуличные, Т-образные, крестовидные, рядовые, перекрестные и прямоугольно-прямолинейные. Среди центрических систем наблюдаются веерно-дуговые, веерно-полукольцевые, веерно-дуговые ветвистые и веерно-полукольцевые ветвистые. Прослеживались также города с разными типами планировок.

Одноуличная планировочная система представляет собой простейший тип. Единственная важная магистраль как продолжение межселенной дороги являлась функциональной и композиционно-пространственной осью, к которой могли примыкать немногочисленные и короткие поперечные направления. Иногда наблюдались локальные продольные переулки. Распространенной ситуацией для сложения данной схемы служила трассировка торгового пути по хребту протяженной возвышенности, с двух сторон ограниченной реками или пойменной равниной. По формальным признакам планировка близка одноуличной структуре села, от которой она, вероятно, произошла. Ее принадлежность к городу определяло наличие торговой функции и, иногда, замка. Рыночная площадь всегда прилегала к градостроительной оси, вблизи которой размещался замок, например в ее композиционном завершении. Одноуличную систему имели Бабиновичи, Белица, Брагин, Вилейка, Дрогичин, Климовичи, Лида, Новый Свержень, Старый Мядель, Шерешево, а также ландшафтно обособленные городские районы — Нижний замок и Задунавье в Витебске, Занеманье в Гродно, заречные районы в Друе, Копыси, Ляховичах, Чаусах и др.

Одноуличный тип планировки, наблюдаемый в конце XVIII в. в городах, возникших в XII—XVI вв., иллюстрирует отсутствие заметного усложнения уличной сети и расширения селитьбы на протяжении 200—600 лет. Поселению исторически присуща пространственная стагнация, вызванная, возможно, продолжительными войнами XVI—XVII вв., его размещением вдали от важных водных и сухопутных торговых коммуникаций. При этом о существенной развитости городской среды в XVIII в. может свидетельствовать замок, несколько монументальных монастырей и приходских храмов разных конфессий, ратуша, торговые ряды, многочисленные жилые строения рыночной площади и основной улицы.

Ребристая планировочная система генетически близка одноуличной и складывалась в тех же ландшафтных условиях. Доминирующая ось дополнялась короткими и более узкими поперечными направлениями. Если в одноуличной схеме поперечных отрезков могло вообще не быть или два-четыре переулка хаотично примыкали к оси под разными углами, не образуя системы, то в ребристой планировке поперечные улицы были многочисленнее и длиннее, ориентировались перпендикулярно магистрали, а пересекая ее, составляли прямую по обе стороны от перекрестка.

Рассматриваемый тип известен в средневековом немецком градостроительстве и именуется ребристым (Rippentypus) [742, с. 62]. На белорусских землях он представлен небольшим числом примеров (Слободка [742, с. 62], Рогачев, Чериков до его фрагментарной реконструкции в XVI—XVII вв., часть Заоршинского посада в Орше). Формальная ясность и упорядоченность планировочного каркаса позволяют предположить создание всего города или его части по единому замыслу. Путем сложения ребристой схемы могло быть и постепенное развитие из одноуличной за счет естественного удлинения и уве-

личения числа поперечных улиц по мере роста населения и городской территории.

Отличительной чертой двухуличной системы планировки служило бесспорное доминирование в уличной сети двух рядом трассированных основных магистралей, каждая из которых, как правило, переходила в межселенные дороги в обоих направлениях. Типичным было сближение этих структурных осей в центре города и организация торговой площади между ними так, что типообразующие улицы становились ее сторонами. Другие, малочисленные коммуникации носили вспомогательный характер. Среди них преобладали поперечные улицы-связки, соединявшие районы города с магистралями; иногда прослеживались второстепенные, короткие продольные направления (Антополь, Браслав, Брест, Видзы, Волковыск, Лепель, Ошмяны, Свирь). Как и в других схемах плана, непосредственной взаимообусловленности между наличием замка и сложением той или иной нецентрической планировки не наблюдалось. Вероятно, двухуличная структура, как и одноуличная, представляла собой первичный тип, возникший сразу, за короткий промежуток времени, по мере строительства замка и заселения местности вдоль двух коммуникаций. Другой версией может быть возникновение ее из одноуличной в связи с постепенным формированием застройки на менее важной из двух межселенных дорог.

Двухуличная планировочная система имела географические особенности распространения. Все ее обнаруженные примеры размещались в западной и северо-западной части Беларуси, а в восточной и юго-восточной — ни одного. Правомерен вывод об историческом преобладании указанной схемы в Поозерье, Понеманье, Западном Полесье, тогда как в Приднепровье и Восточном Полесье распространились иные структуры.

В основе формирования Т-образной планировки лежал перекресток взаимно-перпендикулярных торговых путей. Этот тип охватывал не только города с двумя структурными осями, примыкавшими под прямым или близким к нему углом, но и сочетание описанной двухуличной планировки с одной поперечной трассой. Путем возникновения Т-подобного каркаса иногда было слияние двух соседних поселений с одноуличной схемой. Общественный центр — застройка рыночной площади, размещался на перекрестке осей или на более важной улице (Большая Берестовица, Жировичи, Радошковичи, Хотимск, заречный посад Слонима).

Наличие в конце XVIII в. ребристой, двухуличной и Т-образной планировок древних городов свидетельствует о стагнации населенных мест на протяжении своего исторического существования, медленном их территориальном росте. Среди исследованных городов не наблюдаются планировочные системы, представленные пересечением двух магистралей в виде полного креста. Очевидно, это вызвано сложением подавляющего большинства поселений вдоль рек, а следовательно, ось, поперечная к водной артерии, беспрепятственно формировалась только в одном направлении от берега. Возможно также, что образование крестовидного абриса, охватывающего уже значительную территорию, сопровождалось появлением других улиц, параллельных основным осям, т. е. возникновением иного типа — перекрестного или прямоугольно-прямолинейного. Тем не менее крестоподобная система выделяется некоторыми авторами — местечки Каменка, Столовичи [742, с. 58], Долгое, Королищевичи [302, с. 146; 299, с. 59]. Предположительно, крестовидную планировку имели Докшицы до частичной реконструкции в XVI—XVII вв.

Рядовая планировка характеризуется несколькими протяженными улицами, проложенными друг вдоль друга, иногда почти параллельно. Поперечные улицы малочисленны и, как правило, имеют второстепенное значение. Этот тип встречается в городах большей величины сравнительно с вышеприведенными схемами. Он обычно складывался при размещении поселения вдоль реки, где необходимость равноценно связать все селитебные территории с водной коммуникацией обусловливала похожую трассировку улиц на большом протяжении поперек берега. Вероятно, на формирование типа повлияло удобство организации одинаковых земельных участков, два ряда которых заключались между двумя улицами. Это предположение уместно соотнести с особенностями новых городов Московского государства XVI—XVII вв., порядковая планировочная система которых была следствием разбивки дворов в двух направлениях, по «длиннику» и «поперечнику» [441, с. 216]. Примером рядовой планировки на белорусских землях служила большая часть Копыси.

В средневековом градостроении Западной Европы также наблюдались некоторые из перечисленных структур. Например, Х. Клайбер упоминает двухуличную и параллельную (Paralleltypus) системы улиц [691 — цит. по 742, с. 65]. Параллельный тип, вероятно, близок или соответствует рядовому типу, существовавшему как в бело-

русском, так и русском искусстве строительства поселений.

Перекрестная планировка представляет собой более сложный тип. Улицы образуют развитую сеть, в которой под разными углами пересекаются протяженные коммуникации, а как закономерность выступает нацеленность групп улиц в определенном направлении, например вдоль и поперек речного берега или гряды холмов (Заручавский и частично Задвинский посады Витебска, часть района Заоршинье в Орше, Троицкое предместье Могилева). Таким образом, в круге изученных населенных мест рассматриваемый тип наблюдается только в крупных городах Приднепровья.

Прямоугольно-прямолинейную планировку, существующую как отдельный тип, можно причислить и к разновидности перекрестной системы, в которой пересечение многих направлений происходит под прямым углом. При этом планировка остается нерегулярной как по схеме в целом, так и по детальным очертаниям линий застройки улиц. Вероятно, сложению типа более, чем в других случаях, сопутствовали элементы общего предварительного замысла, а уличная сеть организовывалась в условиях, благоприятных для геометрически правильной схемы: на плоской местности, вдоль прямого русла реки, в отсутствии влиявших на планировку первоначальных опорных объектов — храмов или сел на осваиваемой территории (большая часть Гродно, Покровский и Луполовский посады Могилева).

Гипотезой образования перекрестной и прямоугольно-прямолинейной систем планировки может быть выделение четырех этапов их формирования: возникновение одноуличной схемы, затем — двухуличной, переход поселения к Т-образному типу в связи с расширением селитьбы, окончательное сложение более или менее развитой перекрестной или прямоугольно-прямолинейной сети. Одноуличная, ребристая, двухуличная и Т-подобная планировки встречались чаще рядовой, перекрестной и прямоугольно-прямолинейной. Это вызвано формированием последних преимущественно в крупных городах, число которых намного меньше, чем местечек и малых городов. Кроме того, во второй половине XVIII в. рядовая, перекрестная и прямоугольно-прямолинейная системы наблюдались в пределах отдельных городских районов, а случаев принадлежности к указанным типам всей территории поселения не обнаружено. Поэтому немногочисленные примеры этих схем рассматриваются в монографии на материале городов с разными типами планировок.

В связи с этим следует также отметить, что, несмотря на широкий круг изученных населенных мест, число выявленных примеров того или иного типа, как нецентрического, так и центрического, сравнительно невелико. Причина этого — преобразование в XVI — первой половине XVII в. по регулярным принципам средневековых планировочных систем многих городов и отсутствие материалов, позволяющих воссоздать нерегулярную сеть улиц до реконструкции. Сравнивая, например, историю до конца XVIII в. белорусского и русского градостроительства, имевших общие корни в культуре Киевской Руси, важно подчеркнуть, что если города Российского государства перепланировывались, в большинстве, только в эпоху классицизма, то белорусские поселения подверглись изменению на регулярной основе дважды: в XVI — первой половине XVII в. и в последней четверти XVIII — первой половине XIX в.

Простейшей центрической планировочной системой являлась веерно-дуговая, часто встречавшаяся в городах секторно-мысового типа. Ее признаком служила центростремительная ориентация веерных улиц к детинцу и торговой площади, а сравнительно большая протяженность этих направлений вызвала функциональную необходимость их соединения короткими улицами. Нерегулярная конфигурация последних по своей тенденции естественно тяготела к элементу окружности, проложенному вдоль городского центра. Число улиц-связок на разном удалении от центра варьировалось от 1—3 до достаточно развитой сети. Эти улицы, соединяющие два радиальных направления и иногда имеющие вид прямого отрезка, определили возникновение, в ряде случаев, свойственной западноевропейскому средневековью планировочной формы. Она представляла собой две параллельные или сходящиеся под малым углом магистрали, пересекаемые несколькими короткими улочками, и в труде Р. Градмана «Швабские города» [661; 742, с. 47] названа «лестничной формой» («Leiterform»). Подобный планировочный рисунок обнаружен В. Ревеньской в Ивенце, а автором настоящего исследования — в южной части посада Новогрудка, где «лестничная форма» встречается дважды: с тремя и пятью поперечными отрезками.

Веерно-дуговая схема наиболее характерна для поселений, где укреплен был только детинец, однако наблюдалась и при наличии оборонительных поясов окольного города и посада. В случае укрепленного посада дуговая улица, возникшая на месте ликвидированной в XVIII в. оборони-

тельной линии, могла получить значительную длину. Описанный тип планировки имели Гомель, Каменец, Кричев, Кобрин, Мстиславль, Ивенец, Логойск, Лоев, Ляховичи, Порозово, Стрешин, древнейший район Гродно, большая часть левобережья Слонима, северо-восточный район Слуцка, Наднепровский посад Орши.

Одним из возможных путей сложения веерно-дуговой планировки мог быть этапный переход от одноуличной к двухуличной и далее — к Т-образной схеме. Последняя, вероятно, являлась переломным пунктом в отношении дальнейшего формирования уличной сети, которая продолжала свое развитие либо в перекрестную, либо в веерно-дуговую.

Веерно-полукольцевая планировочная система свойственна городам полукруглого типа и образовалась в связи со строительством линий укреплений окольного города и посада, концентрическими поясами окруживших детинец. Радиально направленные к центральной крепости и торгу улицы дополнились полукольцевыми трассами, проложенными вдоль валов с внутренней стороны. Возможно, извне вдоль рвов также существовали улицы. В XVIII в. после ликвидации архаичных земляных оборонительных сооружений на их местах возникли широкие и протяженные полукольцевые магистрали. Сформировались и другие, второстепенные улицы наподобие полуокружности или дуги. Поселение при этом застраивалось на одном, повышенном берегу реки, а на противоположном на огромные территории простиралась пойма (Бобруйск, Мозырь, Речица, Столин). Иногда рассматриваемый тип наблюдался в других природных условиях (Новогрудок). Среди исследованных населенных мест не обнаружена веерно-кольцевая схема, которая могла быть обусловлена линиями укреплений на обеих пригодных для освоения сторонах реки.

Как последующий этап формирования веерно-полукольцевой планировки следует понимать образование наиболее сложной веерно-полукольцевой ветвистой схемы (большая часть Пинска, Туров). Радиальные улицы, по мере удаления от центра проходя через ворота в обваловании окольного города или посада, иногда разветвлялись, разделяясь на два-три направления. Ближе к периферии наблюдалось последующее разветвление каждого из этих направлений, независимо от того, пересекали они линии укреплений или нет. Редким типом являлся веерно-дуговой ветвистый, обнаруженный только на обширном Взгорском посаде Витебска. От веерно-полукольцевого ветвистого он отличался более короткими поперечными, дуговыми улицами, соединявшими радиальные направления.

В центрических схемах всех типов могли складываться не один, а два-три геометрических центра схождения веерных магистралей. Ими могли служить главный торг, размещенный поблизости от него основной культовый форум, замок. Например, в Новогрудке зонами тяготения вееров улиц были, во-первых, детинец и небольшой окольный город, во-вторых, находящаяся в некотором удалении от них рыночная площадь.

Характер распространения в Беларуси центрической планировки обладал особенностями. В пределах круга изученных поселений можно заключить, что в Поозерье центрические системы не прослеживались, за исключением Витебска. В остальных регионах наблюдались примеры, главным образом, веерно-дуговых схем. Веерно-полукольцевая и веерно-полукольцевая ветвистая планировки характерны для Западного и Восточного Полесья (Пинск, Столин, Туров, Мозырь, Речица) и их приграничья с другими регионами (Бобруйск).

В XVIII в. в крупных городах — Витебске, Гродно, Могилеве, Орше и других прослеживалось несколько типов планировочных систем, свойственных разным, ландшафтно обособленным районам. Например, в Могилеве, принадлежащем к секторно-мысовым городам, на протяжении XVI—XVIII вв. сформировалась предположительно веерно-дуговая планировка (позже, в первой половине XVII в. заменена на регулярную), а также прямоугольно-прямолинейная и перекрестная планировочные системы.

В отдельных случаях классификация планировки по конфигурации уличной сети приобретает условный характер, а город более или менее убедительно может быть отнесен и к одному, и к другому типу. В Кричеве преобладали черты веерно-дуговой схемы. Однако размещенный у р. Сож общественный центр сложился как линейное образование из трех звеньев — замка и удлиненных торгово-административной и культовой площадей. Трехчастность и вытянутость центра определили три фокуса схождения веерных улиц, что в условиях сравнительно малой территории города создало подобие перекрестной уличной сети.

Разработанная автором типология нерегулярных планировочных систем по конфигурации уличной сети в основных чертах соответствует классификации, принятой в отношении русского градостроения [512, с. 101—164; 441, с. 52, 54,

Нецентрические системы планировки		
Модели систем планировки поселений	Планировочные структуры поселений	Типы систем
	Лида	Одноуличный
	Рогачев	Ребристый
	Ошмяны	Двухуличный
	Хотимск	Т - образный
	Докшицы (до реконструкции в XVI - XVII вв.)	Крестовидный
	Копысь. Восточный район	Рядовой
	Витебск. Заручавье	Перекрестный
	Гродно. Восточный район	Прямоугольно-прямолинейный

Центрические системы планировки		
Модели систем планировки поселений	Планировочные структуры поселений	Типы систем
	Мстиславль	Веерно - дуговой
	Бобруйск	Веерно - полукольцевой
	Витебск. Взгорье	Веерно - дуговой ветвистый
	Пинск	Веерно - полукольцевой ветвистый
Сочетание типов систем планировки		
	Слоним	Веерно - дуговой и Т - образный

Условные обозначения:
- основные типообразующие улицы
- второстепенные типообразующие улицы
- другие улицы и планировочные рубежи
- места ветвлений веерных улиц
- жилые территории
- главная площадь (в моделях систем планировки поселений)

Рис. 1. Типология нерегулярных систем планировки

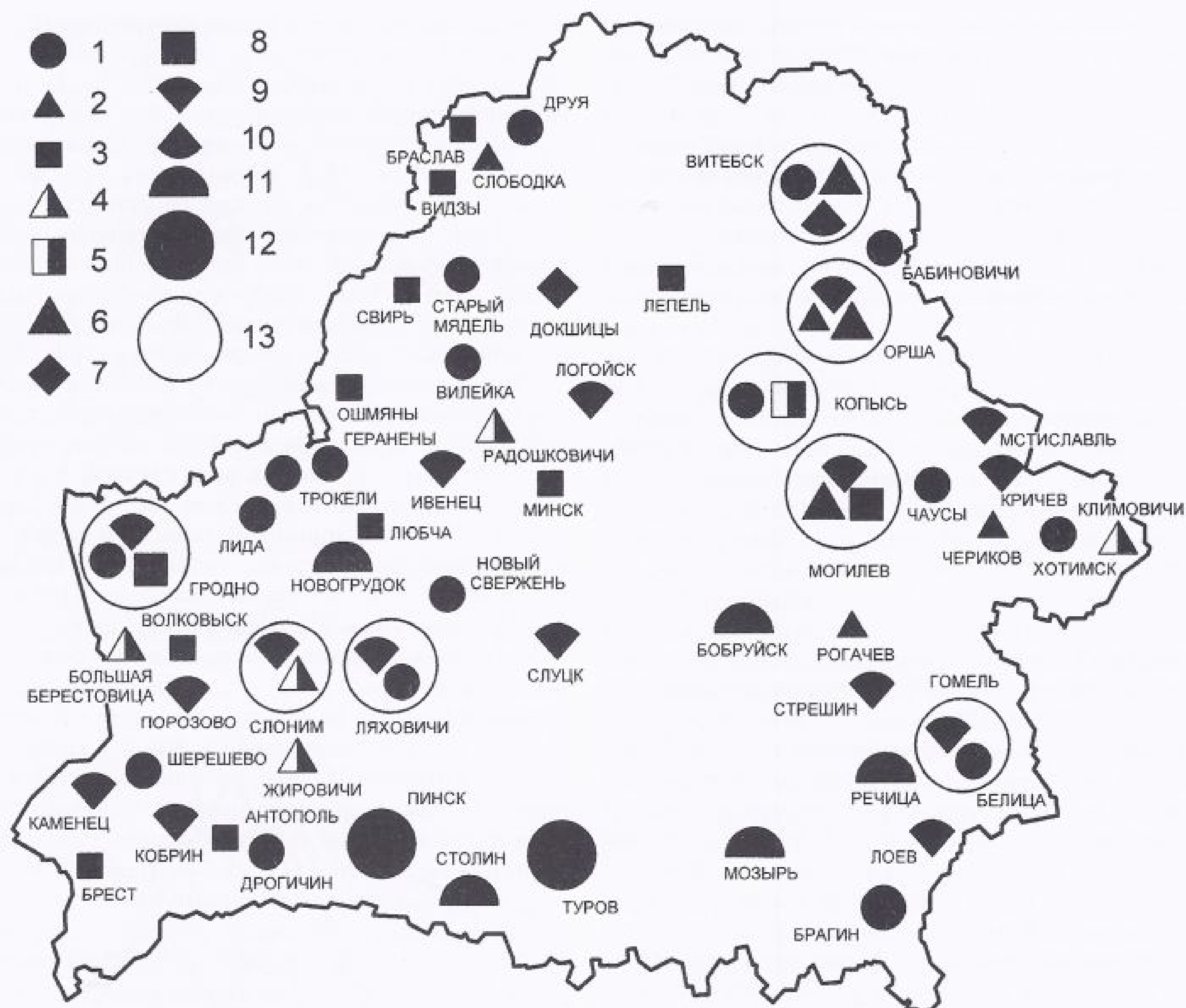

Рис. 2. Схема размещения типов нерегулярных систем планировки. Типы: *1* — одноуличный, *2* — ребристый, *3* — двухуличный, *4* — Т-образный, *5* — рядовой, *6* — перекрестный, *7* — крестовидный, *8* — прямоугольно-прямолинейный, *9* — веерно-дуговой, *10* — веерно-дуговой ветвистый, *11* — веерно-полукольцевой, *12* — веерно-полукольцевой ветвистый; *13* — сочетание типов систем планировки

55]. Это объясняется единым происхождением обеих восточнославянских культур, берущих начало от эпохи Киевской Руси, во многом сходными условиями последующего развития планировочных структур. Однако при общем методе классификации ее результаты отличаются. Во-первых, сравнительный анализ планов XVIII в. свидетельствует, что территории основной массы русских городов существенно превышали площади, занимаемые большинством городов и местечек белорусских земель. При проведении классификации меньшие размеры поселений создают предпосылки выделения большего количества типов планировки в связи с ясностью абрисов. Отсюда обширную группу систем, объединенную в русском градостроительстве термином линейных, на материале центральной части ВКЛ целесообразно разделить на одноуличные, двухуличные, ребристые, Т-образные и крестовидные. Во-вторых, в Беларуси не обнаруживаются веерно-кольцевые системы с улицами в виде полной окружности в отличие от России, более богатой примерами и числом крупных городов. В-третьих, рядовая, перекрестная и прямоугольно-прямолинейная схемы наблюдались, в противоположность русским поселениям, в пределах одного города только в сочетании с другими типами.

Как и в градостроительстве других стран, на сложение населенных мест оказали влияние природный, социальный, экономический, оборонный,

коммуникационный и эстетический факторы, наличие и характер воздействия которых в целом хорошо известны в историко-архитектурной науке [281, 441—445, 448, 455, 512 и др.]. В частности, для белорусских городов с нерегулярной планировкой, органично и постепенно формировавшейся до конца XVIII в., справедливы те же соображения, что и для древнерусского градостроения. «По мере ... развития города вступало в действие множество факторов, корректировавших его структуру. Возникали ... улицы и переулки, трассы которых занимали наилучшее для передвижения положение на местности. ... при расположении дворов учитывалась необходимость устройства естественного водостока. Этим и рядом других факторов можно объяснить возникновение различного рода изгибов улиц ... После периодических пожаров и следовавших за ними перестройках города отбрасывалось все лишнее, отжившее, но оставалось самое необходимое. В итоге вся планировочная система города формировалась в единстве с функциональными потребностями, соответствовала условиям социальной жизни, процессу живой пульсации всего городского организма. Этим в значительной степени объясняется отсутствие ... нарочитых (искусственных) элементов (регулярных уличных трасс, геометрических форм площадей и др.). В городах все было доведено до стадии естественно необходимого, что и было основой их структуры, пространственной композиции» [441, с. 55].

Гармония городских форм, складывавшаяся на протяжении веков, стала результатом эстетически осознанной деятельности многих поколений зодчих. Исследования средневекового градостроительства различных регионов Европы показывают, что нерегулярные планировочные структуры, не подчиняющиеся четкой и законченной геометрической схеме, являются результатом не стихийного, неупорядоченного развития, а в необходимой мере планово регулируемой деятельности. Например, это доказано, в том числе археологически, в отношении планировки Новгорода X—XV вв. Присутствовало волевое начало, основанное на накопленном градостроительном опыте. В привязке к главному стержню структуры — улицам Великой и Пробойной — новых поперечных трасс наблюдались ясно выраженные черты геометрической правильности [441, с. 106].

Кроме того, в эстетике среды была велика доля непреднамеренных элементов, образуемых независимо от художественных замыслов. Одна из причин этого — участие природных комплексов в формировании городов как исходной основы планировочной организации и, одновременно, составляющих архитектурной среды, а также длительность, эволюционность сложения поселений, по времени соразмерная процессам человеческой истории [631, с. 142]. Неразвитость производительных сил общества вызвала непосредственную зависимость градостроительной формы от действовавших факторов, и в этой специфике, «податливости» формы, необремененности ее стилевыми композиционными догмами заключается образная привлекательность средневековых структур.

Значительно меньше других факторов градоформирования исследован символико-теологический фактор. В отличие от остальных он проявлялся не всегда, а только в ряде случаев, и в настоящей монографии прослежен на группе примеров. Учитывая примечательность и редкость воплощения данной темы, остановимся на ней подробнее. В этом отношении показателен Полоцк.

Полоцкое княжество было одним из крупных и богатейших в Древней Руси, занимало большую часть современной Беларуси, а на севере значительно выходило за ее существующие границы. Полоцк (первое упоминание в 862 г.) является, наравне с Киевом (первое упоминание до IX в.), одним из самых древних русских городов. Под этим годом в летописях указаны лишь Новгород, Ладога и Белоозеро [441, с. 35]. Важный торговый, политический и культурный центр, Полоцк, наподобие Константинополя, Киева и Новгорода, обладал собором во имя св. Софии Премудрости Божией. О значении города свидетельствует его структура, обширные, по сравнению с другими поселениями белорусских земель, размеры детинца с площадью около 12,5 га.

Исследования пространственной организации Москвы выявили в древнерусском градостроительстве принцип сакрализации городской среды использованием символов, являющихся одновременно идейными, функциональными и пространственными, заимствованных из формообразования раннехристианских столиц — Иерусалима, Рима и Константинополя [49; 53; 281, с. 173—243]. Признаки подобия, трансплантированные в восточнославянский регион с целью божественного освящения строящегося города, перенятия им исторической славы древних государств или свершения библейских пророчеств, были многозначны и достаточно свободно интерпретировались при сохранении требуемой идеи. Символические структуры разной степени воплощения присущи и ранним столицам Руси — Киеву и Владимиру, а так-

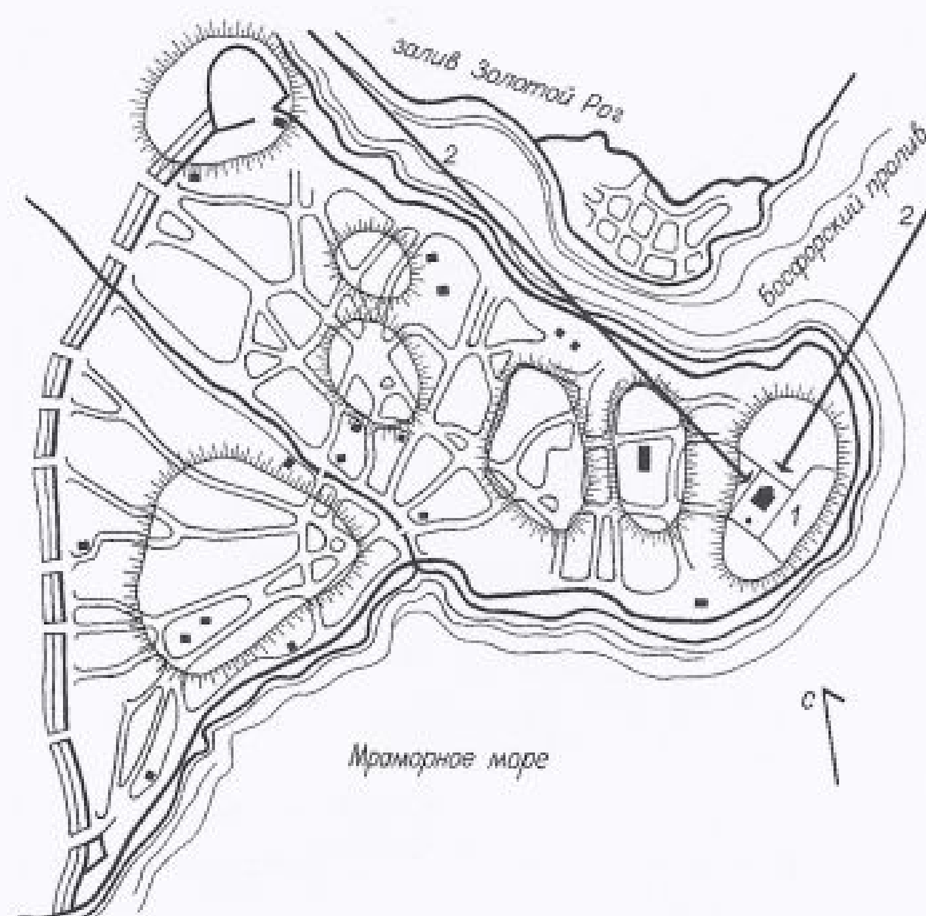

Рис. 3. Константинополь. Схема плана города византийского периода (по М. П. Кудрявцеву): *1* — собор св. Софии; *2* — осевые видовые направления

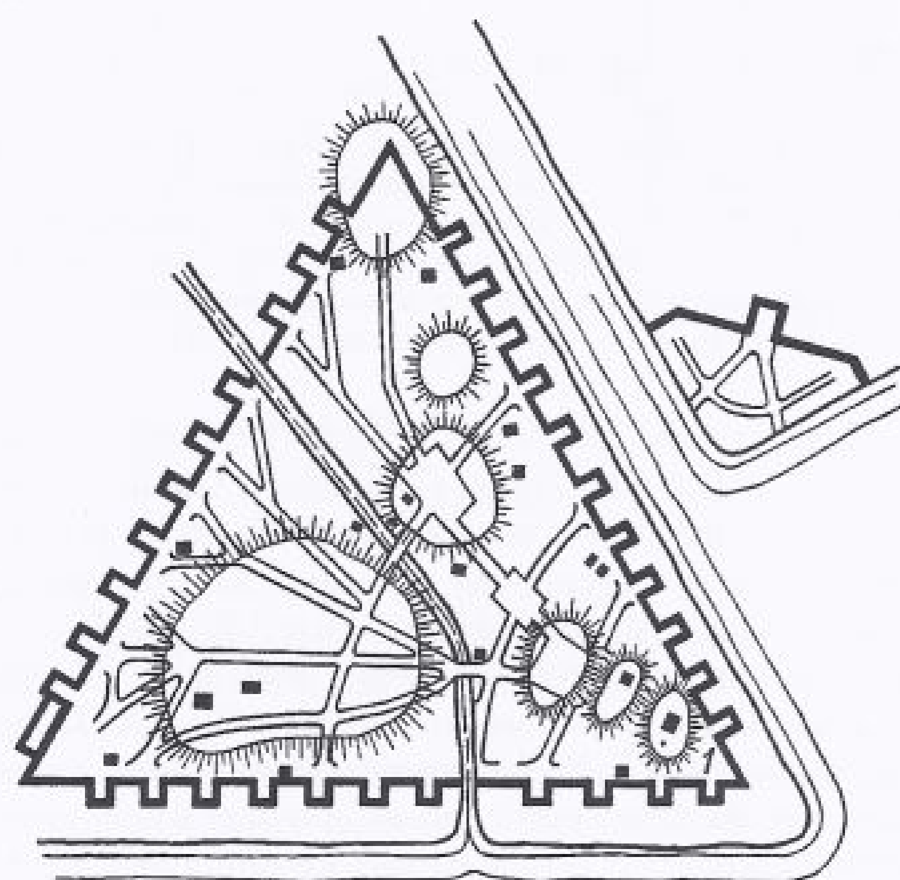

Рис. 4. Идеализированная схема композиции Константинополя (по М. П. Кудрявцеву): *1* — собор св. Софии

же центрам земель — Новгороду, Пскову, Суздалю, Кашину и крупным монастырям [281, с. 226].

Рассмотрим семантические основы сложения Полоцка. По указанию императора Константина Великого возводимый Константинополь получил треугольную форму плана, вызванную, в частности, положением города на мысу, омываемом с одной стороны морем, с другой — узким протяженным заливом. Как упоминалось выше, подобно треугольному размерению столицы Восточной Римской империи осознавалось и строительство Москвы, где в близких к треугольным очертаниях Кремля и Кремля с Китай-городом символически воплотился, кроме того, догмат о Св. Троице [49; 281, с. 195]. Идеализируя градостроительные черты, можно утверждать, что мысовое положение Полоцка у слияния рек, как и Москвы, определило треугольную, в общих чертах, конфигурацию его территории еще в X—XIII вв.

Константинополь, по образу Рима, сооружен на семи холмах, чему символически уподобилась Москва XVI—XVII вв., также включившая в свои границы семь холмов или осмысляемых в их качестве высоких прибрежных частей плато [281, с. 195]. Принцип смыслового сходства подтверждается на примере Полоцка — здесь в IX—XIII вв. и позднее прослеживалось формирование застройки на семи сгруппированно расположенных холмах и возвышенных площадках плато. Это холм городища IX в., Верхний и Нижний замки, всхолмление Заполотского замка, два высоких выступа плато противоположных берегов Полоты с крутыми склонами, а также повышенное плато Великого посада, с многих точек видное как прибрежный холм. На нем в XIII в. напротив Верхнего замка находился монастырь Богородицы [6, с. 135; 610, с. 32] и, предположительно, торговая площадь перед ним в соответствии с древнерусской традицией размещения торга у стен детинца. Все холмы и высокие береговые участки плато, за исключением городища IX в. (первоначальный детинец) и всхолмления правого берега Полоты, находились в пределах пояса городских укреплений, вероятно, существовавшего в древнерусский период и показанного на плане 1707 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22367).

Наиболее явной чертой, связывавшей столицу православного княжества с мировым центром восточнохристианской религии, служил принцип размещения Софийского собора на оконечности мыса, на холме в древнейшей крепости, соответственно в детинце и акрополе греческого города Византия. Константинопольская София обращена юго-западным боковым фасадом к морю, а главным и северо-восточным — к узкому криволинейному заливу Золотой Рог. Полоцкий храм также боковым южным фасадом, несколько развернутым к западу, ориентирован к обширной акватории крупной реки, а главным и северным, отклоненным к востоку, — к излучинам малой реки. Смысловой образной моделью морского пространства мог

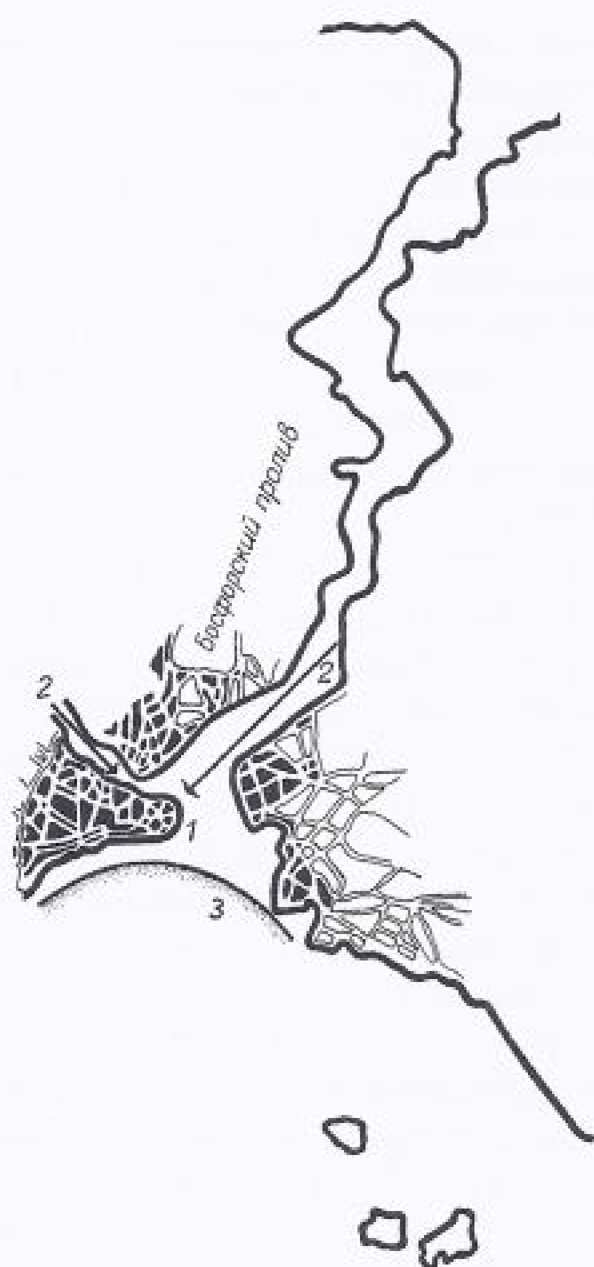

Рис. 5. Схема плана Константинополя и Босфорского пролива (по Н. И. Брунову): *1* — собор св. Софии; *2* — осевые видовые направления; *3* — идеализированное очертание берега

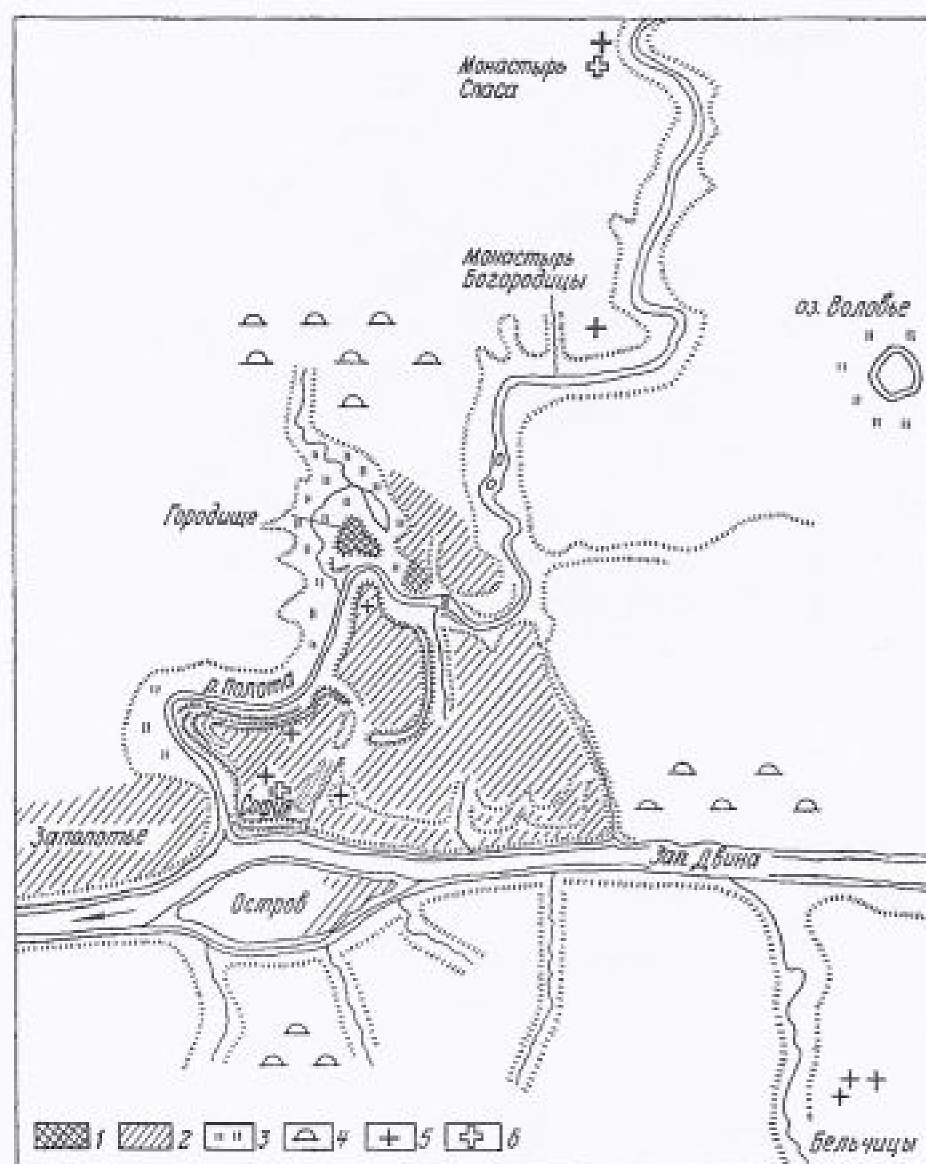

Рис. 6. Реконструкция территории древнего Полоцка (по Г. В. Штыхову): *1* — древнейшие поселения IX — начала X в.; *2* — город в XI–XIII вв.; *3* — луг; *4* — предполагаемое местоположение курганных могильников; *5* — местонахождение фундаментов церквей или завалов древних строительных материалов; *6* — существующие церкви XI–XII вв.

быть ландшафт Двины, а залива — извилистое русло Полоты. Кроме того, в Полоцке повторено в миниатюре соотношение места храма и очертания береговой линии большей акватории. В месте впадения Полоты русло Двины дугообразно искривляется, чем ассоциируется в ином масштабе с изогнутым контуром Мраморного моря, охватывающим части европейского и Малоазийского берега. Центр дуги в обоих случаях фиксирует церковь св. Софии.

Наконец, как символ подобия всемирной святыне можно расценить приближение условий восприятия полоцкого собора к сакральному образцу. Купол главного византийского храма был виден на значительном расстоянии из Босфорского пролива, завершая зрительную перспективу вдоль его берегов, и, кроме того, замыкал ось более узкого природного пространства залива Золотой Рог [80, т. 3, с. 27]. Аналогична специфика обозрения церкви в Полоцке, находящейся в композиционном завершении русла Двины и, на различных участках, на замыкании долины Полоты с обрывистыми склонами. Следует отметить, например, что в Новгороде Софийский собор также служил ориентиром по оси русла Волхова и вместе с другими крупными храмами XII в. фиксировал излучины реки [441, с. 104, 106, 108].

Символическое уподобление элементов центра Полоцка Святым местам относится к XVI–XVII вв. Верхний замок в XVI в. имел два въезда — с запада от Заполотского замка и главный с юго-востока, фиксируемый самой крупной оборонительной башней города — круглой каменной Красной, или Королевской. В древнерусский период этот въезд происходил с главного торга, размещавшегося у стен Верхнего замка. Показанная на документальном рисунке 1579 г.[129, с. 22; 461, с. 669] Красная башня, судя по ее архитектуре, очевидно, являлась более древним донжоном, существовавшим, например, в XIV в. при въезде в гродненский Верхний замок, а в XIII в. — в Каменце. Неизвестно, находился ли проезд в самой башне или был пристроен к ней в виде отдельной конструкции, как, в частности, в Нес-

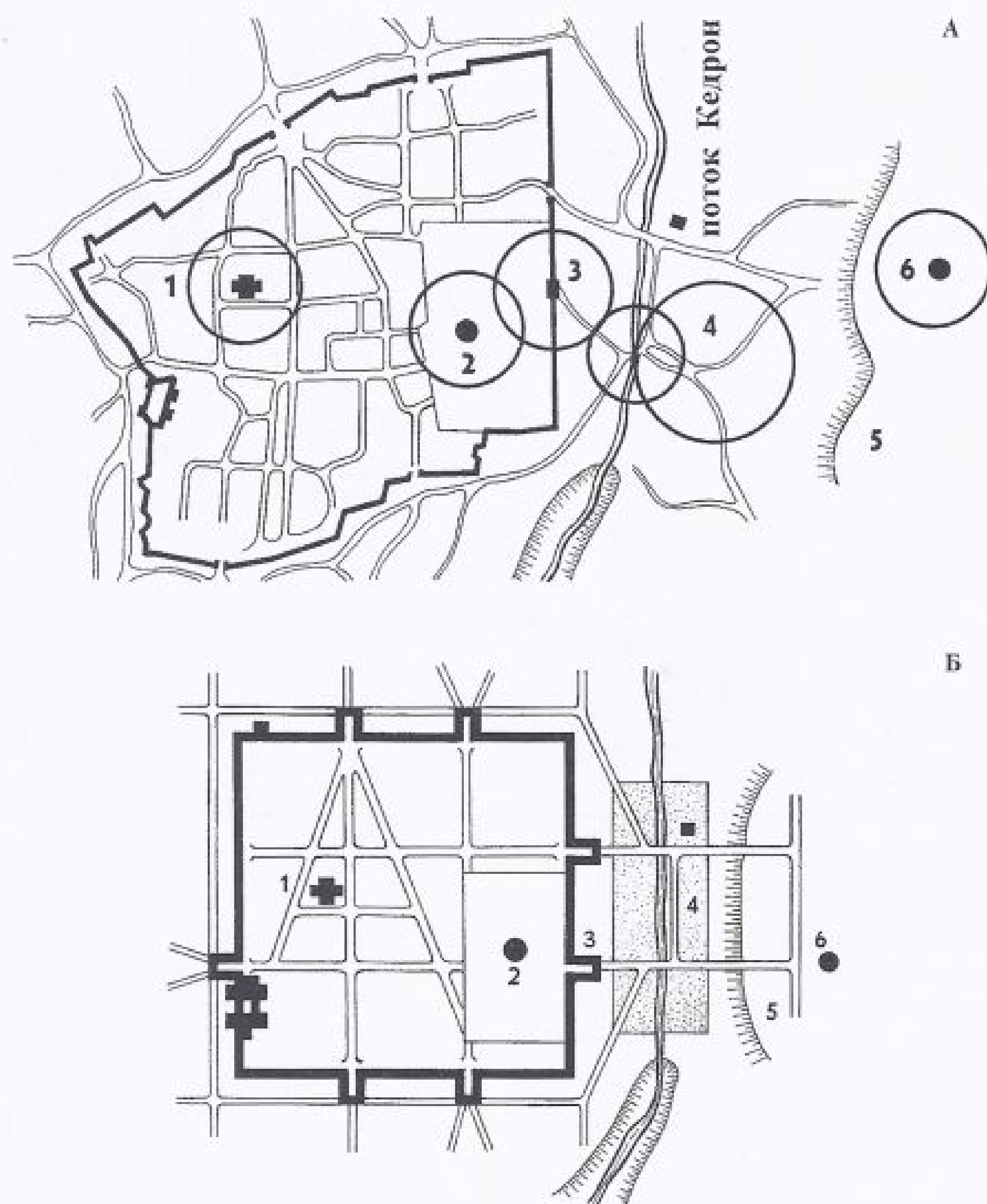

Рис. 7. Иерусалим (по М. П. Кудрявцеву): *А* — схема плана в средние века, *Б* — идеализированная схема композиции города; *1* — храм св. Гроба Господня, *2* — место Соломонова храма «Святая Святых, *3* — Золотые ворота, *4* — Гефсиманский сад, *5* — Елеонская гора, *6* — часовня Вознесения Господня

виже конца XVI в. По двум существенно различным между собой вариантам плана Полоцка 1707 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22367 и [441, с. 70]) Королевская башня или ее оставшаяся нижняя часть, уже квадратная в плане, сильно выделялась размерами по сравнению с остальными и имела посередине проезд (см. рис. 187). На планах Полоцка конца XVIII в. на месте башни хорошо прослеживается разрыв земляного вала.

У подножья юго-восточного склона Верхнего замка протекал Черный ручей, отделявший его от Великого посада. В начале XVIII или в XVII в. тальвег ручья расширен до оборонительного рва, через который к башне был перекинут мост. В середине XVII в. напротив Красной башни на противоположном берегу ручья построен иезуитский коллегиум, занявший место древнерусской торговой площади, а при нем создан обширный сад. Последний, вероятно, находился между Верхним замком и постройками коллегиума, противоположной стороной выходящего на новую рыночную площадь. Структуру ансамбля коллегиума XVII в. можно лишь предположить на основе его схематичного и неполного аксонометрического изображения на планах города 1707 г. (см. рис. 187) и объемно-планировочного решения более позднего коллегиума XVIII в. на том же участке. Ясно, однако, что планировочно первоначальный коллегиум был связан с Королевской башней, а композиционная ось проезда в крепость, судя по планам XVIII в., очевидно, увязывалась с садовой территорией. Данные о наименовании башенных ворот Золотыми отсутствуют, однако сформированная пространственная система — ориентированные на юго-восток ворота в главной башне городской стены, ручей, через который осуществлялся переезд, и, далее на восток, сад — позволяет выдвинуть гипотезу о сознательном вклады-

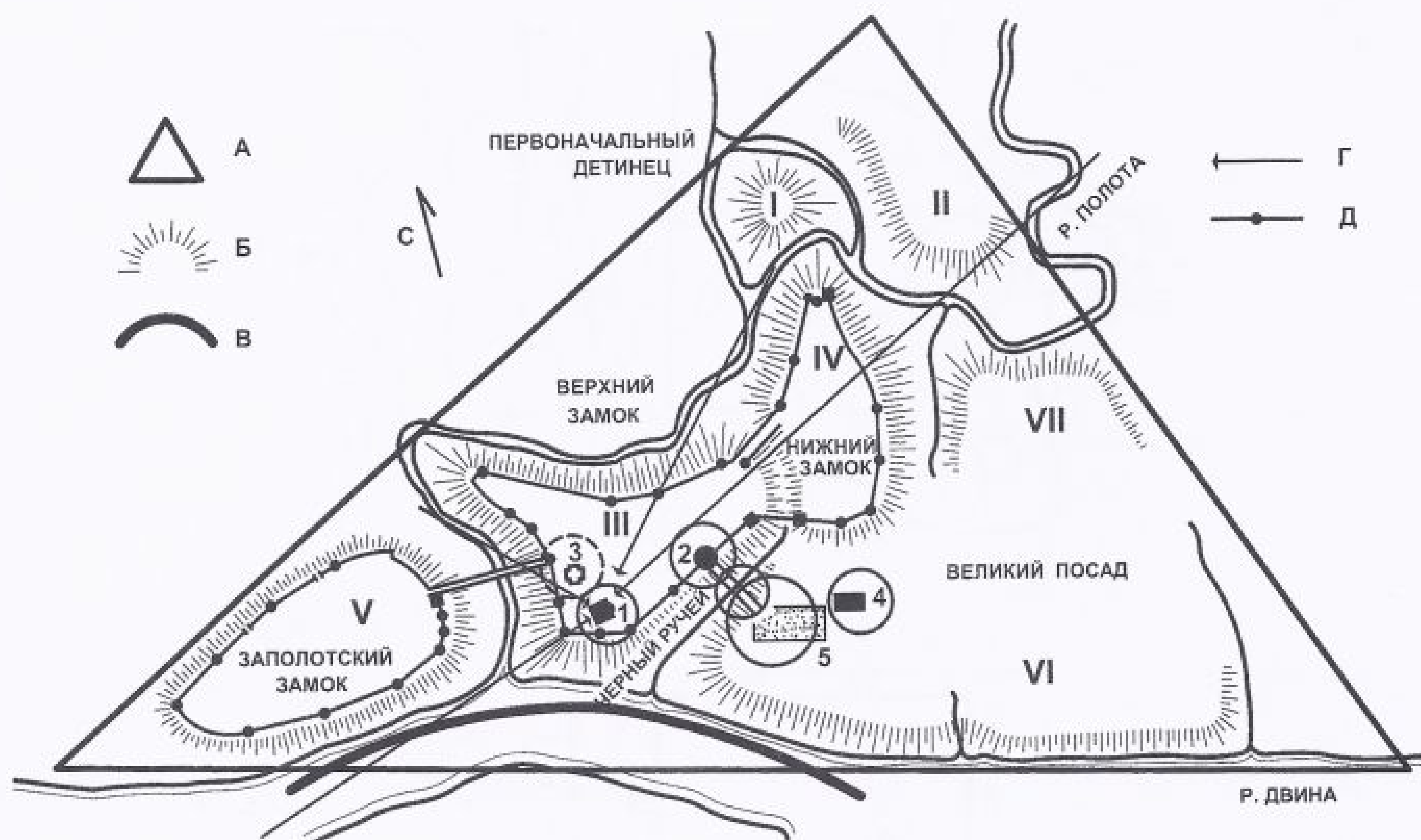

Рис. 8. Схема использования символов в пространственной организации Полоцка X—XIII вв. и XVI — начала XVIII в.: *А* — треугольная конфигурация города, *Б* — холмы и повышенные прибрежные части плато, *В* — идеализированное очертание берега, *Г* — осевые видовые направления, *Д* — крепостные стены и башни по рисунку 1579 г.; *1* — собор св. Софии, *2* — Красная башня, *3* — место храма XI—XIII вв., *4* — костел иезуитов, *5* — сад коллегиума иезуитов

вании в эту последовательность сакрального смысла, символическом воспроизведении среды Палестинского Иерусалима: священные ворота в восточной крепостной стене, через которые въехал в город Иисус Христос, поток Кедрон и затем, восточнее, Гефсиманский сад. Аналогия усиливается тем, что к востоку от сада коллегиума возвышался иезуитский костел, по расположению в какой-то мере уподобляясь часовне Вознесения Господня на Елеонской горе, находящейся на сравнительно небольшом удалении восточнее Гефсиманского сада.

Кроме того, по отношению к Красной башне Софийский собор размещался на западе, несколько отклоняясь к югу. Похожим было взаимное положение Золотых ворот и Соломонова храма «Святая Святых» в Иерусалиме. К северо-западу же от Софийского собора предположительно существовала церковь XI — XIII вв., которая по расположению в определенной степени уподоблялась иерусалимскому храму св. Гроба Господня, также находящемуся с северо-западной стороны от храма «Святая Святых». Очевидно, система шести градостроительных элементов Полоцка представляла собой сакрализованное воспроизведение шестиэлементного священного образца.

Символико-богословский фактор градоформирования проявился также в некоторых распространенных принципах пространственной композиции, обусловленных, кроме того, и другими факторами. В нерегулярных и регулярных структурах прослеживалась типичная постановка важных в смысловом и художественном отношениях зданий в завершении видовых перспектив улиц. На ранее сложившихся трассах строились новые сооружения, либо существовавшие постройки служили ориентирами для прокладываемых улиц. Эта закономерность распространялась на здания разной типологии, но особенно наглядна в отношении храмов благодаря их количественному преобладанию над другими доминантами.

Причин возникновения и устойчивости рассматриваемой традиции несколько. Во-первых, это соображения удобной обороны [141, с. 100]. Неприятельские войска при проникновении в город неизбежно продвигались в основном по улицам и подвергались обстрелу осаждаемыми, размещавшимися в каменных сооружениях, откуда улица беспрепятственно просматривалась на большом протяжении. Использование храмов как опорных пунктов обороны было широко распространено.

К XV — началу XVI в. относится даже сложение особого типа православных церквей, специально приспособленных для этой цели. Очевидно, существовала также идея о покровительствующей, защитной функции храма в отношении гарнизона, оберегающей его от поражения. Возможно, возлагались надежды на охранительную силу церкви и в ином смысле. При военных действиях между сторонами, исповедающими христианство, становилось недопустимым разрушение храма нападавшими, поскольку он — дом Бога Отца и Христа, а также — Тело Христово («От Марка Святое благовествование, гл. 11, стих 17», «От Иоанна Святое благовествование, гл. 2, стихи 16, 21»).

Во-вторых, первостепенное значение придавалось возможности восприятия, постоянному присутствию священных материализованных образов в социально важных городских пространствах, какими являлись улицы. Выбиралось взаимоположение храма и уличной трассы, обеспечивающее его наилучшее обозрение из максимального числа видовых точек, что достигалось ориентацией на него оси улицы. Кроме того, одно из символических толкований храма — образ обóженного человека, олицетворение процесса его нравственного очищения и возрождения, спасения его во Христе. Н. Ф. Гуляницкий, цитируя Настольную книгу священнослужителя (М., 1983. Т. 4. С. 19—20), приводит изъяснение храма Максимом Исповедником в VI—VII вв.: «Православный храм … изображает процесс очищения и возрождения во Христе человека и всего творения в целом … Храму с древнейших времен усваивается символическое значение Христа … и значение человека, спасающегося … во Христе» [113, с. 165].

Поскольку в этом суждении присутствуют категории процесса и цели, а улица как элемент планировочной структуры является атрибутом постоянного перемещения, можно предположить, что в связь пространственной доминанты и трассы вкладывался сакральный смысл необходимости движения к спасительному идеалу.

В-третьих, постоянная видимость вертикального объема, всегда имевшего индивидуальное архитектурное решение, из всех точек улицы была функционально важна для легкой ориентации в городской среде, узнаваемости района пребывания, поскольку окружающая массовая застройка улиц на разных территориях характеризовалась относительной однородностью облика.

В-четвертых, принцип завершения видовой перспективы масштабно значительным элементом, вероятно, понимался как художественно ценный. Он обеспечивал контраст горизонтальной темы выстроенных в ряд вдоль трассы жилых строений независимо от величины интервалов между ними и вертикального композиционного движения, заложенного в доминанте. Категория красоты воплощалась также в демонстрировании объемно-пластического решения и декоративного убранства верхних ярусов здания, усиленных эффектным сочетанием строительных материалов.

Основы и особенности пространственной организации поселений в наилучшей степени могут быть раскрыты при подробном рассмотрении типологически разных примеров городов.

2.2. Особенности городских поселений с типологически различными нерегулярными системами планировки

Среди нецентрических планировок наиболее распространены одноуличная, ребристая, двухуличная и Т-образная системы. Примечательный пример одноуличной планировки представляла Лида — поветовый город в Понеманье, обладавший высокими художественными качествами и немалой для второй половины XVIII в. численностью населения — 1,5 тыс. жителей. Высказывается также суждение, что в предшествующие столетия население было намного больше. В XV в. «… Лида считалась значительным городом. Население ее достигало 15 тыс. чел. христиан и 160 евреев» [145, с. 170].

Структура поселения отражала особенности природный условий — селитебная территория сложилась узкой полосой, заключенной между двумя реками, а главная улица (Виленская-Замковая) повторила очертания водораздела, выходя к замку у слияния рек. Замок был построен в 1320—1330-х годах и имел романские и готические элементы. В XIV—XV вв. он обладал стратегическим значением на европейском театре военных действий, неоднократно осаждался крестоносцами, английскими и французскими рыцарями, князем Витовтом, смоленскими войсками. Роль крепости сохранялась и в войну Речи Посполитой с Московским государством в середине XVII в.

Уличная сеть города интересна как начальная стадия формирования ребристой планировки, свой-

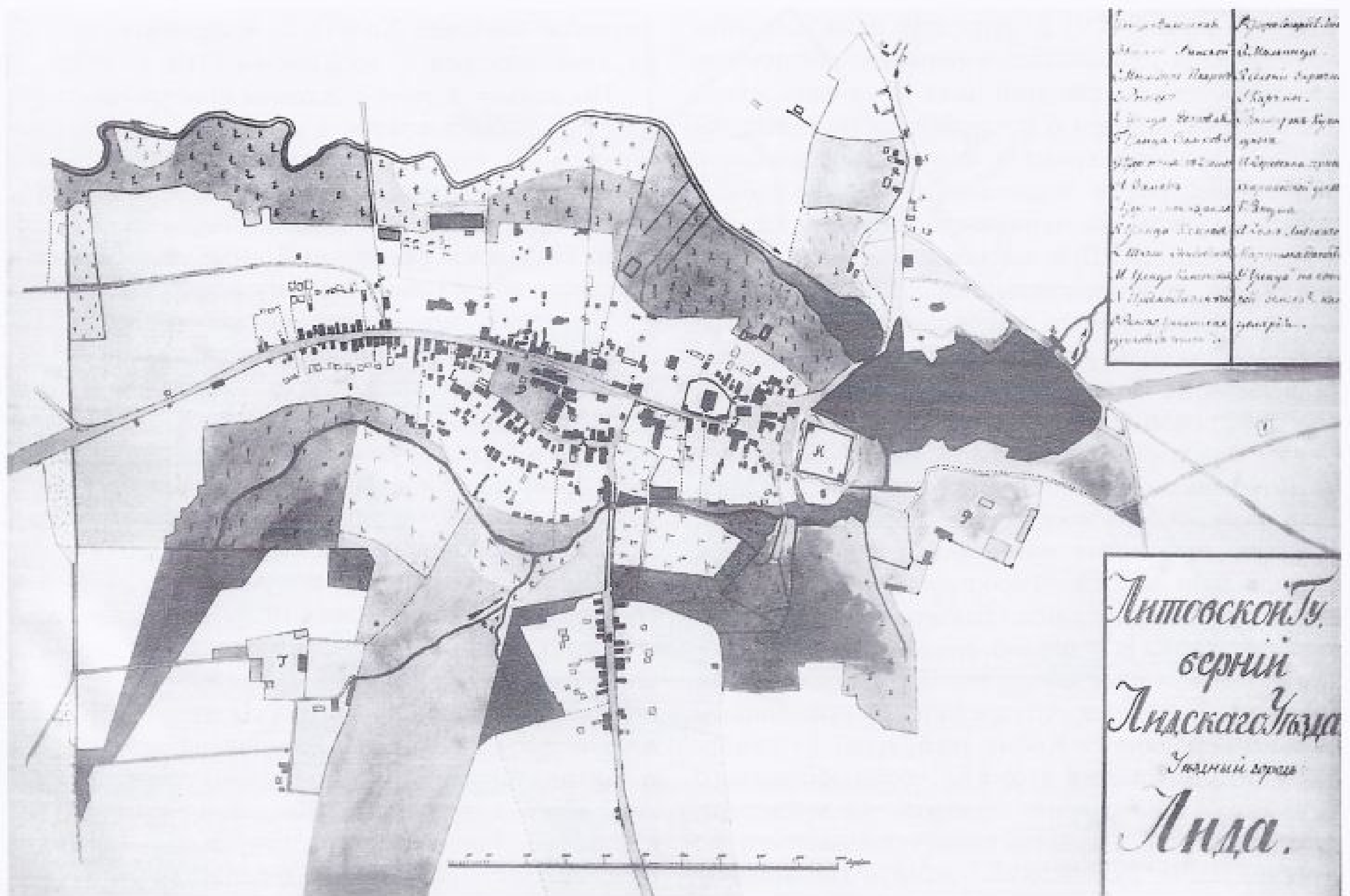

Рис. 9. Лида. План 1798 г. (РГВИА)

ственной данной ландшафтной ситуации. К концу XVIII в. сложились четыре поперечные улицы разной степени развитости, отходящие в стороны от основной оси.

Ансамбль общественного центра был компактным градостроительным образованием. Его характер можно обозначить как линейный двухцентровый, обусловленный структуроформирующей коммуникацией с двумя площадями: главной торгово-административной многоугольного очертания и культово-торговой треугольной формы перед замком. (Реконструкция планировки центра на начало XIX в. выполнена автором на основе плана Лиды 1798 г. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21529, ч. 3, л. 49, а также современной геодезической съемки территории, натурного исследования городской среды и анализа литературных источников).

Возможно, на ранних этапах становления города площадь у стен замка являлась единственным торгом, а в дальнейшем по мере развития функций поселения, стимулировавшегося магдебургским правом (с 1587 г.), возникло новое главенствующее звено центра в виде обширной площади с ратушей и торговыми рядами. Общественные комплексы были созданы цепью монументальных сооружений, которые отличались тесной сгруппированностью, наблюдаемой в западнобелорусских городах и нехарактерной для восточных земель.

Преобладающим композиционным подходом служило соблюдение равновесия относительно структурной оси асимметрично размещенных высотных элементов. Динамичный «диагональный» ритм вертикалей, в XIV в. изначально заложенный во взаимном положении замковых башен в пределах квадрата стен, получил продолжение в общей равновесной композиции высотных акцентов города. Примечательно, что к концу XVIII в. по обе стороны от главной магистрали возникло равное число доминант. Наблюдалось и единство приема их взаимной постановки. При движении с юга на север после диагональной зрительной связи между башнями замка следовала связь между северной башней и приходским Крестовоздвиженским костелом, параллельная основной планировочной оси, затем снова диагональная связь, но уже в противоположном направлении,

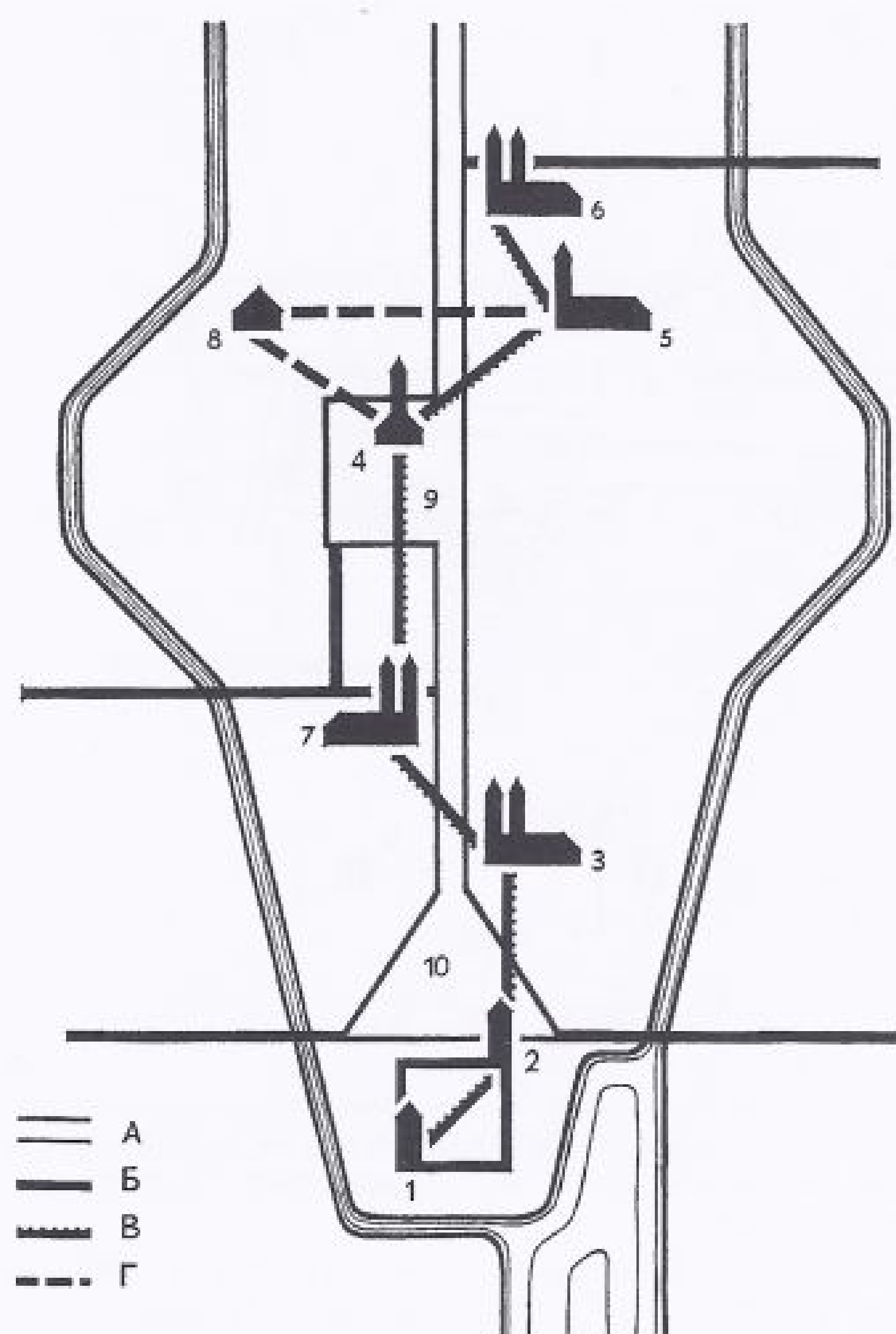

Рис. 10. Лида. Идеализированная схема градостроительной композиции: *А* — главная улица; *Б* — второстепенные улицы; *В* — визуальные связи, иллюстрирующие зигзагообразный характер последовательного восприятия доминант; *Г* — условные связи, иллюстрирующие принцип равновесия в расположении объемов. Поясняющие подписи к рис. 10, 11: *1* — юго-западная башня замка; *2* — северо-восточная башня замка; *3* — костел Воздвижения Креста 1747–1770 гг.; *4* — ратуша XVIII в.; *5* — церковь униатского монастыря XVIII в.; *6* — костел св. Иосифа 1797–1825 гг. коллегиума пиаров; *7* — костел Девы Марии второй половины XVIII в. монастыря кармелитов; *8* — синагога XVIII в.; *9* — главная площадь; *10* — культово-торговая площадь; *11* — торговые ряды XVIII в.

между Крестовоздвиженским костелом и храмом кармелитского монастыря. Далее, опять параллельная Виленской улице, но с другой стороны от нее визуальная связь кармелитского костела с ратушей, затем — связь последней по диагонали с униатской церковью. Завершающим звеном в ряду высотных сооружений был костел св. Иосифа монастыря пиаров, сильно приближенный к улице по сравнению с предыдущим элементом. Такой зигзагообразный характер последовательных зрительных связей создавал художественный образ динамичного равновесия доминант.

Пространственное соотношение ратуши и синагоги, воспринимаемое зрителем с главной магистрали и площади, почти не осознавалось в связи с изолированным положением храма за застройкой северной стороны торга. Отсутствовала и визуальная связь синагоги с пиарским костелом, что обусловлено сравнительно плотной на этом участке застройкой западной стороны основной улицы. Тем не менее в общей оценке ситуации при долговременном визуальном освоении среды складывалось впечатление равновесия этих двух храмов, расположенных напротив на равном расстоянии от планировочной оси.

Следует отметить, что постановка вертикальных ориентиров на малом удалении в обе стороны от градостроительной оси как соблюдение принципа равновесия является яркой чертой русского градостроительства XVII в. при совершенно иной архитектуре и конфессиональности храмов. Если на Руси типичны ярусные объемы с многокупольным или шатровым завершением, многоэлементным силуэтом, широко распространенные центричные композиции церквей, которые в общем облике среды формировали образ покоя [281, с. 160], то в белорусском градостроении XVII–XVIII вв. тема равновесия сопряжена с образной динамичностью, внутренней напряженностью, «собранностью» культовых доминант. Эти качества вызваны особенностями формообразования барокко, а также лаконичной и асимметричной, традиционной для католических и униатских храмов композицией, представленной горизонталями основных объемов, часто с базиликальным разрезом, и, по контрасту с ними, вертикалями однойдвух башен или барочного щита главного фасада костела. Порталы всех храмов Лиды обращены к основной улице, а высотные завершения дополнительно акцентировали эту структурную ось, группируясь вдоль нее, тогда как апсиды направлены внутрь кварталов, не подчиняясь безусловной необходимости ориентации на восток.

Единство принципа равновесия и его частного проявления — приема околоосевого размещения доминант — в русском и белорусском градостроении XVII–XVIII вв. сочеталось с существенными различиями пластических и колористических характеристик застройки. В декоративно-стилевом отношении следует указать на глобальное применение в ВКЛ XVII в. ордерных систем той или иной степени профессиональной проработки. Кроме того, в отличие от свойственного русскому

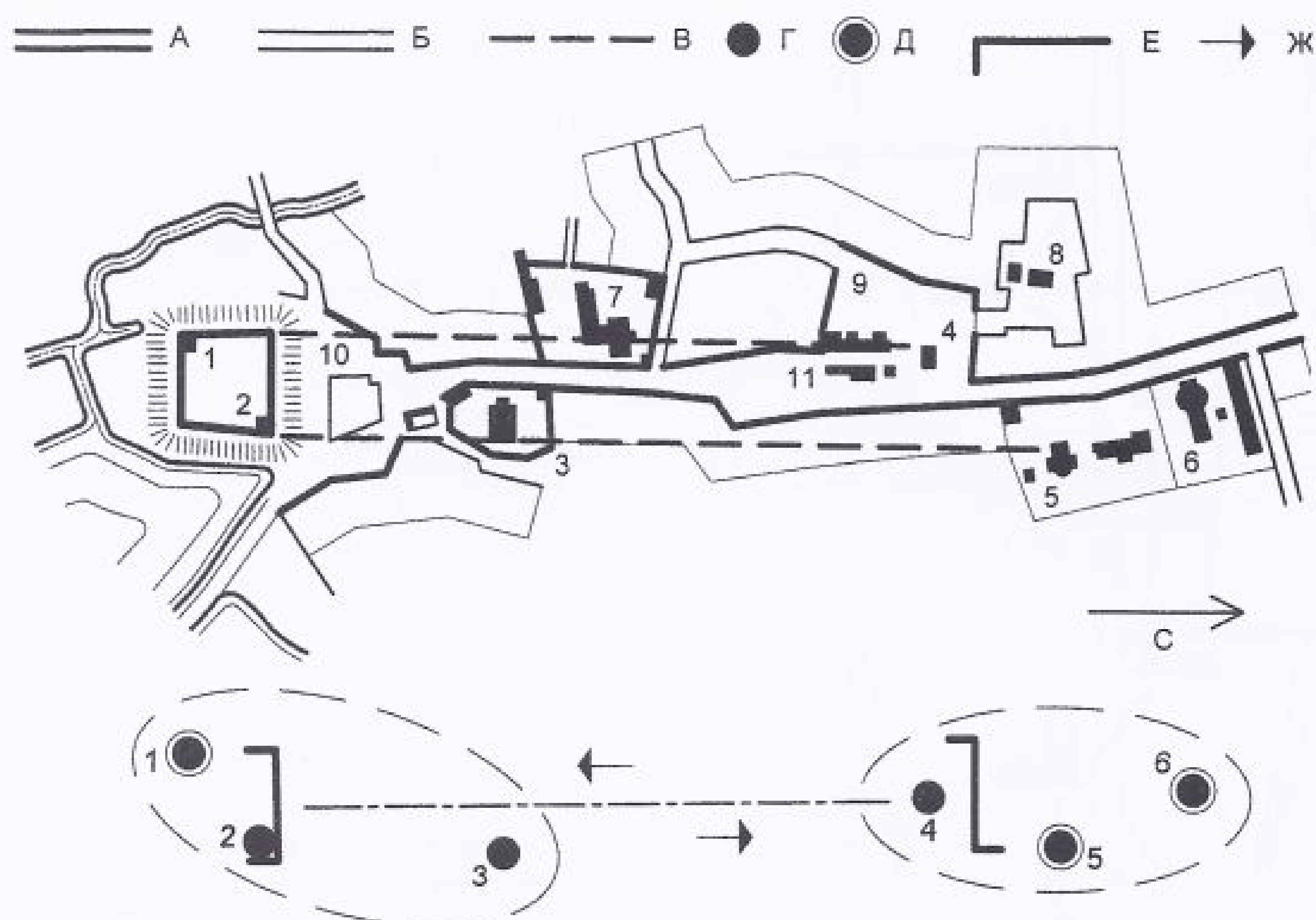

Рис. 11. Лида. План центра в начале XIX в. (реконструкция автора) и схема кульминационных пространств при восприятии застройки: *А* — главная улица; *Б* — второстепенные улицы; *В* — умозрительные оси, на которых размещены доминанты; *Г* — доминанты в застройке площадей; *Д* — доминанты за пределами площадей, видимые над их застройкой при подходе к площади; *Е* — сторона площади, перпендикулярная главной оси города; *Ж* — направление движения

художественному мышлению многоцветия городов XVII в., поражавшего современников, колористическое решение доминант белорусских поселений характеризовалось сравнительным аскетизмом. В основном эстетический эффект строился на сочетании двух-, трехцветных или белых поверхностей стен с желто-красными черепичными кровлями.

Целостности пространственной организации ансамбля центра Лиды способствовало то, что кармелитский костел и ратуша, а с другой стороны — Крестовоздвиженский и униатский храмы были построены на умозрительном продолжении соответственно западной и восточной стен замка. Другими словами, проекции на северную стену замка расстояний между Крестовоздвиженским и кармелитским костелами, а также между ратушей и униатской церковью равнялись ширине замка.

Восприятие пространственной структуры центра в движении демонстрировало продуманное чередование видовых картин, применение единого приема кульминации, что способствовало осознанию целостности всей композиции и подчеркивало двухцентровый характер ансамбля. При движении с севера на юг перед зрителем среди массовой жилой застройки последовательно раскрывались для детального рассмотрения с небольших расстояний художественно содержательные объекты: пиарский монастырь, униатская церковь с богадельней, ратуша, монастырь кармелитов. Крестовоздвиженский костел, размещенный на бровке плато, фиксировал завершение процесса поэтапного восприятия доминант вдоль улицы. После этого с верхних точек открывалось пространство небольшой треугольной площади и высоко стоявшая над ней монументальная каменная замковая стена, подчеркнутая вертикалью еще более высокой угловой башни с четырехскатным ломаным шатром (высота земляного основания и стены на нем — 20—21 м, башни до верха шатра первоначально — около 40 м). Завершение второй угловой башни также было видно от костела. Небольшой квартал застройки посредине пологой площади мало влиял на особенности обозрения, поскольку размещался в ее нижней части и был намного ниже замка. Далее за крепостью к западу, югу и востоку городская застройка заканчивалась.

Таким образом, площадь перед замком, формируемая стеной, башнями и Крестовоздвиженским храмом, в объемно-пространственном и художественно-образном отношениях представляла собой кульминационный пункт серии впечатле-

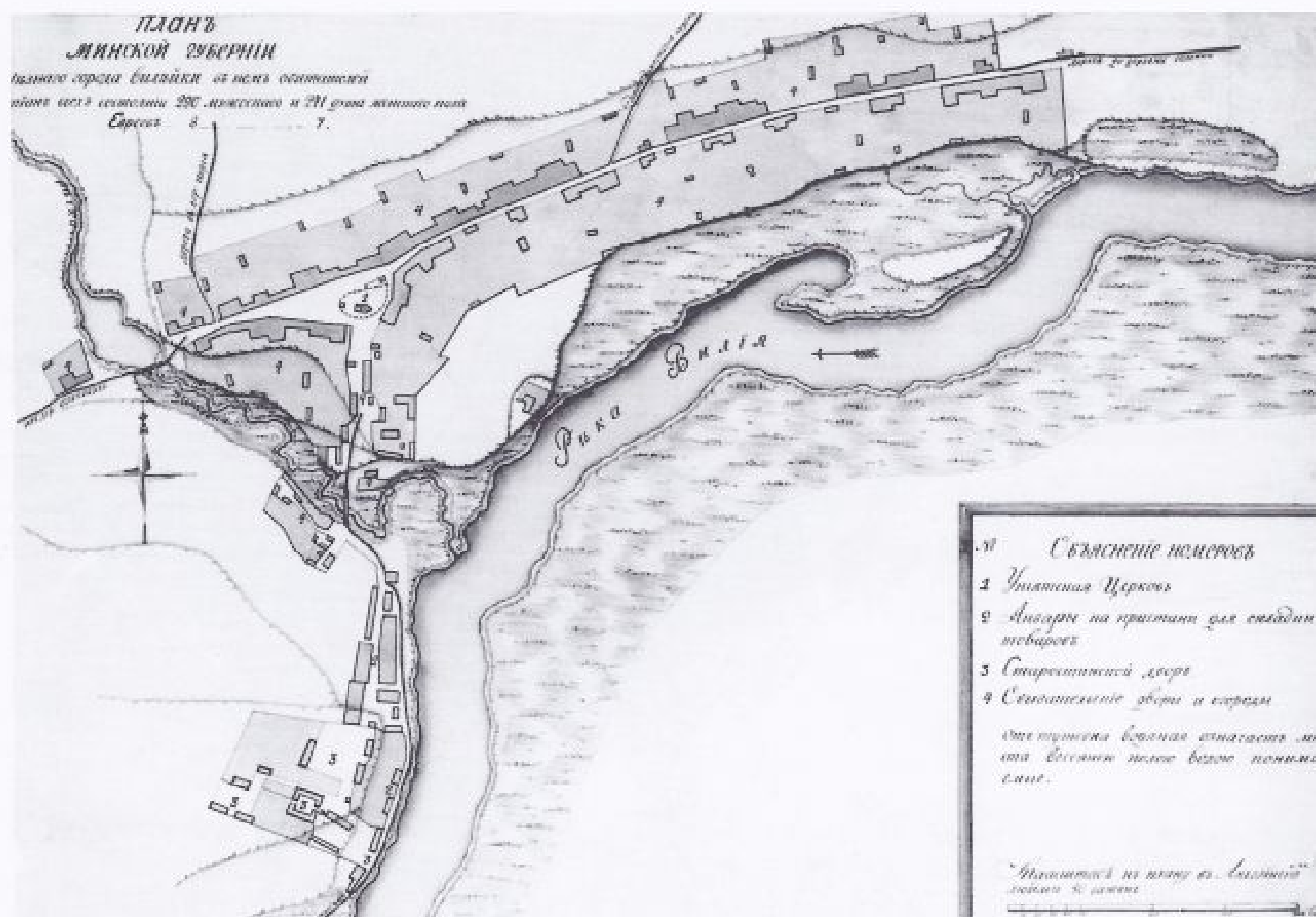

Рис. 12. Вилейка. План конца XVIII в. (РГВИА)

Рис. 13. Дрогичин. План местечка в середине XIX в. (реконструкция автора): *1* — главная, типообразующая улица; *2* — торговые площади; *3* — ратуша и торговые ряды 1779 г.; *4* — церковь

ний при движении с севера на юг. Отличительная черта этого завершающего этапа — три вертикальные доминанты и выразительная пространственная преграда поперек оси ансамбля.

Перемещение по центру с юга на север характеризовалось видимостью указанных компонентов треугольной площади и далее — кармелитского монастыря, после чего зритель попадал в архитектурное пространство административно-торговой площади, где доминировала ратуша. Фоном для ее обозрения служил прямолинейный фронт застройки северной стороны площади, который регулярным планировочным решением и перпендикулярностью к генеральной оси центра выделялся сравнительно с ломаными очертаниями остальных сторон. В ансамбль площади

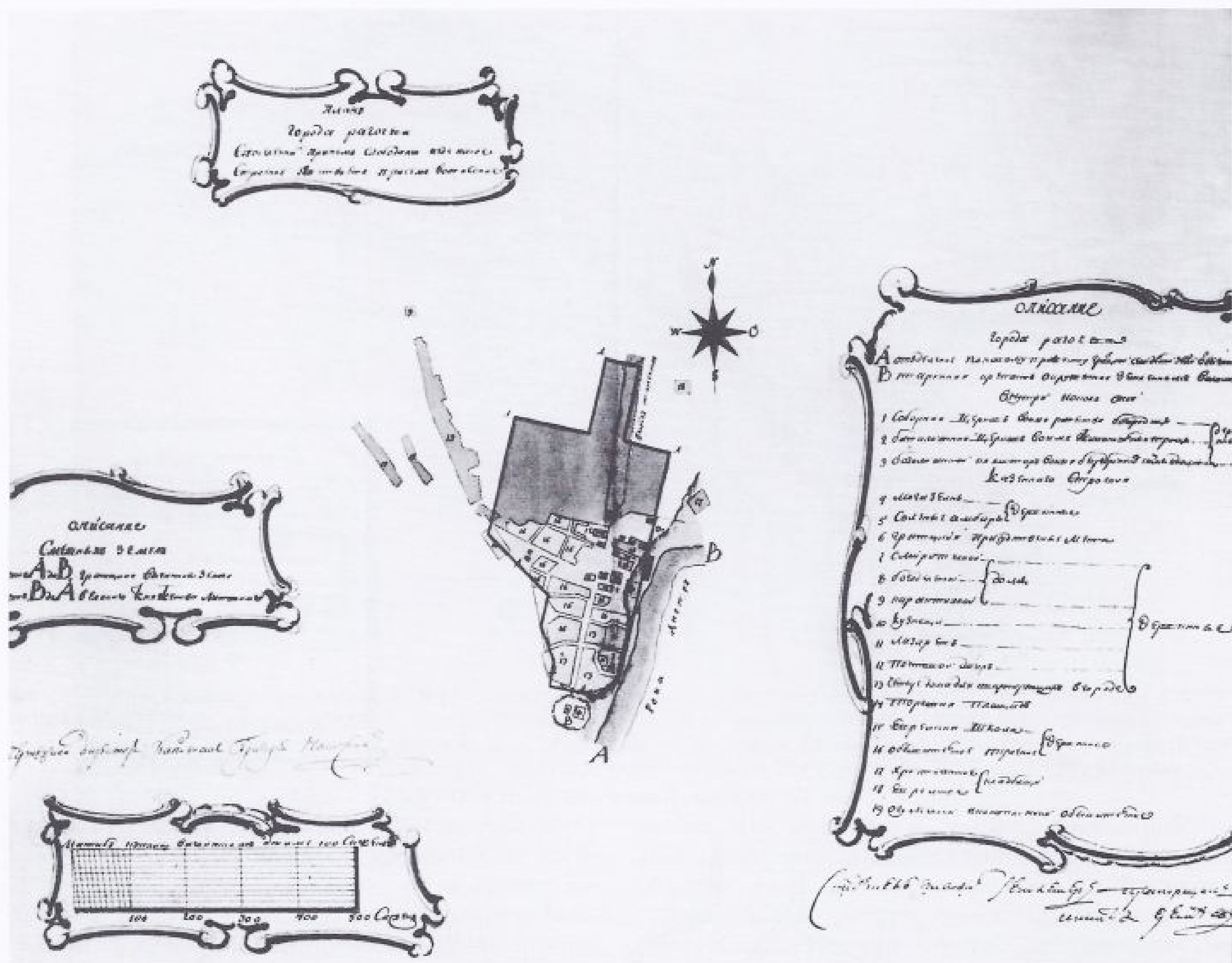

Рис. 14. Рогачев. План 1783 г. (РГАДА)

как высотное сооружение входила также униатская церковь, а над горизонтом рядовой застройки в роли акцентов воспринимались классицистические портик и купол пиарского костела, севернее которого в нескольких десятках метров проходила уже граница городской застройки. Именно часть пространства площади с ратушей в сочетании с этими двумя храмами была кульминационным этапом восприятия при движении с юга на север. Значение поперечной пространственной преграды имела плоскость застройки северной стороны площади. Так, единый кульминационный прием в ансамбле центра — сосредоточение в пределах небольших пространств средств архитектурной выразительности на основе сочетания трех высотных пластически разработанных ориентиров и плоскостно решенной формы в виде горизонтали, перпендикулярной главной композиционной оси поселения.

Примером однокоммуникационной планировочной системы служило также местечко, а позже, с 1795 г., — уездный город Вилейка Минской, затем Виленской губернии. Здесь, как и в Лиде, наблюдалась начальная стадия формирования ребристой планировки. Вдоль р. Вилии вытянулась протяженная главная магистраль, от которой отходили в разные стороны три переулка («План Минской губернии уездного города Вилейки…» конца XVIII в. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21563, л. 4). Общность прослеживалась также в раздвоении магистрали на окраине селитебной территории с формированием на перекрестке треугольной площади. Более того, как в Лиде, одна из коротких улиц связывала площадь со старостинской усадьбой, которая являлась частью поселения, но размещалась в ландшафтном окружении. Общественный центр имел компактный узловой характер и был представлен указанной

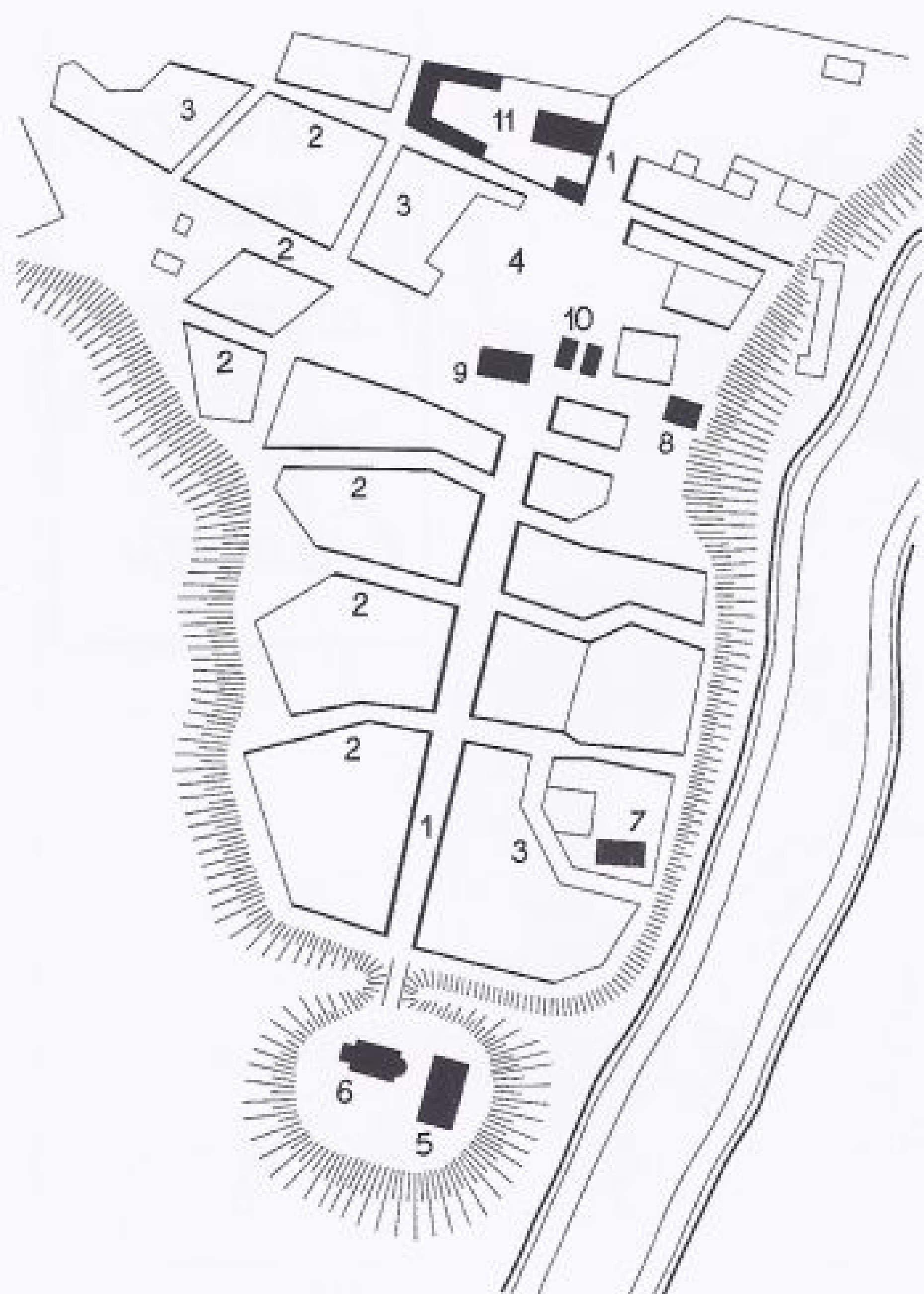

Рис. 15. Рогачев. Прорисовка плана города 1783 г. (РГАДА): *1* — главная, осевая улица; *2* — поперечные улицы; *3* — второстепенные улицы; *4* — торгово-административная площадь; *5* — бывший дворец королевы Боны; *6* — собор Рождества Богородицы; *7* — церковь св. Козьмы и Демьяна базилианского монастыря; *8* — церковь св. Михаила; *9* — присутственные места; *10* — торговые ряды; *11* — почтовый двор

площадью с единственным в Вилейке храмом — униатской приходской церковью. В плане города центр находился на периферии, что, вероятно, вызвано его тяготением к помещичьей усадьбе.

Одноуличным типом структуры характеризовался также Дрогичин в Западном Полесье. Предположительная реконструкция его планировки на середину XIX в. разработана автором на основе обнаруженного плана центра местечка 1873 г. (НИАБГ, ф. 8, оп. 1, ед. хр. 1759), современной геодезической съемки территории, натурного исследования города и изучения литературных источников.

Ребристую систему планировки представлял Рогачев в Приднепровье (автором выполнена прорисовка фиксационного плана Рогачева 1783 г. — РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 2177). Острый мыс надпойменной террасы определил треугольную форму всей селитебной территории. Его оконечность вблизи впадения р. Друть в Днепр занимал древнерусский детинец, позже замок, от которого в виде биссектрисы образованного мысом угла отходила прямолинейная магистраль, продолжавшаяся дорогой на Могилев. Перпендикулярно сформировались узкие короткие улицы, связавшие главную трассу с бровками прибрежных обрывов. Планировочные абрисы иллюстрируют эволюцию одноуличной структуры, которая путем появления, увеличения числа и протяженности поперечных направлений развилась в ребристую.

В конце XVIII в. следов древнерусского торговища у замка уже не было, а в удалении 400 м от крепости на основной коммуникации размещалась обширная торговая площадь нерегулярных очертаний, созданная, вероятно, в XVI в. В 1524 г. город был подарен Сигизмундом I своей жене, королеве Боне, происходившей из знатного миланского рода Сфорца. Между 1548 и 1552 гг. на территории замка сооружен двухэтажный дворец с архитектурным обликом итальянского палаццо, перестраивавшийся в XVII—XIX вв.

Своеобразие городу придавала заметная тенденция постановки храмов не вдоль главной улицы, а на краю террасы, обращенному к Днепру. Замковый холм — композиционный акцент ландшафта — подчеркивался сдвоенным размещением крупных сооружений: бывшим дворцом королевы Боны и деревянной церковью Рождества Богородицы. Дворец, выдвинутый на бровку холма, открывался главным фасадом к Днепру, а храм завершал видовую перспективу основной магистрали. Другую ее оконечность фиксировало здание присутственных мест на площади, расположенное по средневековой традиции, не перекрывая трасс движения по пересекающим торг улицам, и, возможно, занявшее место древней ратуши.

К двухуличному типу систем относилась планировка поветового города Ошмяны. Первоначально поселение располагалось на узком участке между рекой и прибрежными холмами. В XIV в. в нем известны мощные земляные укрепления и приходский костел. В XV—XVI вв. город развился на новом месте в удалении более 1 км от старого, где имелись благоприятные возможности размещения обширной торговой площади, храмов и жилой застройки. Рынок и улицы упомянуты в документах 1537 г. Первоначальное поселение, переданное ордену францисканцев, приобрело роль предместья, в котором в 1505 г. основан их монастырь [254, с. 101, 102; 626, с. 25].

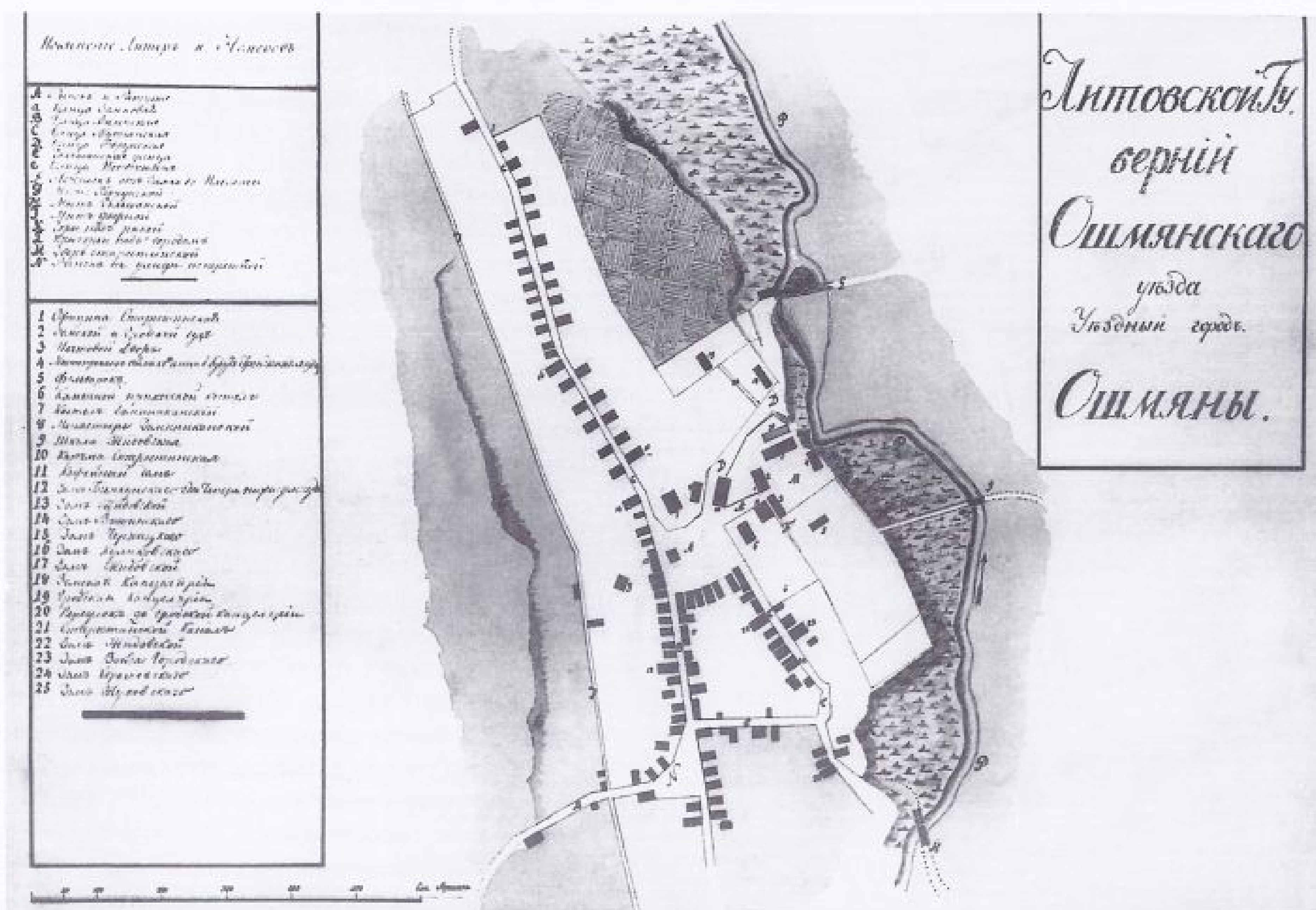

Рис. 16. Ошмяны. План 1798 г. (РГВИА)

Уличная сеть и основная застройка Ошмян на новой территории иллюстрируются планом 1798 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21529, ч. 3, л. 43).

Рядом трассированные градоформирующие оси, одна из которых соответствовала важнейшему направлению Минск — Вильно, а другая носила местный характер, связывая населенные места повета, сближались в срединной части Ошмян, на участке минимальной дистанции между собой в 50 м образуя главную площадь. Двухуличной планировке свойственны также короткие поперечные направления, на всем протяжении поселения связывавшие городские земли с основными магистралями. Характер трассировки узких улиц, осознаваемый в процессе ориентации в городе, отразился и в топонимике — одна из них носила название Поперечной. Кроме того, рассмотрение динамики формирования структуры по планам Ошмян 1798 г. и середины XIX в. (Государственный исторический архив Литвы, ф. 526, д. 7, ед. хр. 1664, цит. по [254, с. 102]) показывает общее для данного типа появление разных по протяженности второстепенных продольных направлений.

Несмотря на скромные размеры, город имел развитый общественный центр в виде связанных улицами четырех площадей: главной, административной, торговой и синагогальной. Структура центра формировалась вдоль основной оси Минск — Вильно и перпендикулярно ей с выходом к р. Ошмянке. Полифункциональный главный ансамбль занимал срединное положение по отношению к монофункциональным другим площадям, в связи с чем сформировалась близкая к крестообразной планировочная схема общественных комплексов. Кроме торговли, на основной площади четырехугольной конфигурации сосредоточивались административная функция — ратуша, а также культовая католическая — приходский костел и доминиканский монастырь. Короткой улицей главный комплекс связывался с прямоугольной административной площадью с резиденцией старосты, домом поветовых сеймиков, зданием городского и земского судов, почтовым двором. В противоположном направлении по узкому переулку ратушная площадь имела выход на малую площадь культового и учебного назначения перед синагогой. Наконец, отрезком главной улицы ратушная пло-

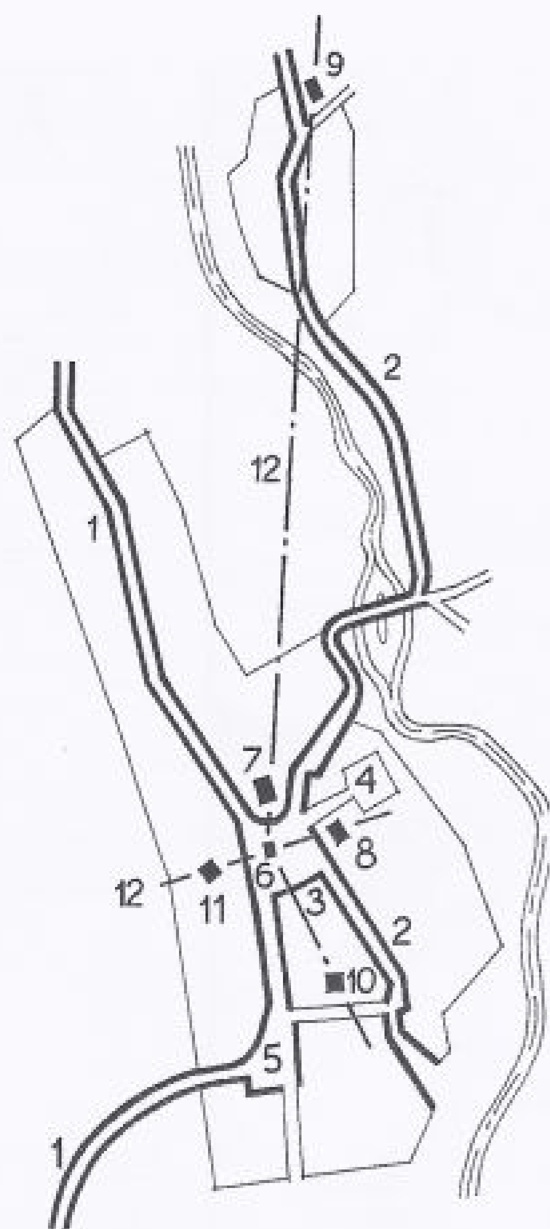

Рис. 17. Ошмяны. Схема размещения высотных доминант в первой половине XIX в.: *1, 2* — основные, типообразующие улицы; *3* — главная площадь; *4* — административная площадь; *5* — торговая площадь; *6* — ратуша; *7* — костел Св. Троицы доминиканского монастыря, 1667, 1797 гг.; *8* — приходский костел св. Михаила 1432 г.; *9* — костел францисканского монастыря 1822 г.; *10* — православная церковь середины XIX в.; *11* — синагога; *12* — умозрительные оси, на которых размещены доминанты

щадь соединялась с треугольной рыночной площадью вблизи выезда из города.

В XIX в. центр расширился путем сложения неподалеку от окраинного рынка новой культовой зоны с православным храмом. Кроме того, на одной из двух градоформирующих магистралей находился францисканский костел, образовавший общественный центр слободы.

Таким образом, тенденцию крестоподобности обнаруживает не только четырехкомпонентный городской центр, но и единая с взаимоположением функциональных зон схема постановки высотных доминант. Середину креста занимала ратуша, через которую проходила протяженная умозрительная ось, объединившая францисканский, доминиканский костелы и православную церковь. Поперечная короткая ось связывала приходский костел, ратушу и синагогу, которая, ограниченная законодательством по высоте, все же отличалась крупным объемом и возвышалась над рядовой застройкой. В общей структуре размещения акцентных сооружений выделялась тесная группа доминант у главной площади, своеобразное ядро высотной композиции.

Рассмотрим некоторые другие примеры двухуличной планировки. В Волковыске причиной ее возникновения служил тот факт, что для застройки оказались пригодны оба берега неширокой реки Волковыи, протекающей по равнине и имеющей сравнительно прямое, без больших излучин русло (план города 1798 г. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21529, ч. 3, л. 48). Селитебная территория была не компактна, как во многих других поселениях, а рассредоточена вдоль узкой поймы в виде застроенных участков разной величины. Это обусловилось образованием города в результате слияния нескольких сельских населенных мест. На противоположных сторонах реки, в удалении около 400 м друг от друга сложились две протяженные, почти параллельные трассы, соединенные несколькими поперечными улицами-связками, благодаря чему появились мосты и брод через реку.

Дисперсной планировочной структуре города соответствовал территориально развитый общественный центр, состоящий из трех компонентов — комплексов построек в районах ратушной, культово-административной площадей и приходского костела. Своеобразие ратушной площади заключалось в отсутствии храмов, типичных для главного форума. Другим редким приемом было размещение приходской униатской церкви внутри квартала возле рынка. Перед храмом сложилась небольшая пространственно замкнутая площадь неправильных очертаний, что характерно для иудаистского, а не униатского культового комплекса. Синагога же располагалась в застройке улицы, также рядом с ратушной площадью. Постановка униатской церкви на внутриквартальной территории известна и в Слониме, православной — в Кричеве.

Обширная культово-административная площадь состояла из двух соединенных самостоятельных площадей — малой культовой перед главным фасадом иезуитского костела и большой административной. Примечательно, что последняя примыкала к реке и композиционно ориентировалась на ландшафт поймы и стоявший на другом берегу приходский костел — третий компонент общественного центра. Пространственное раскрытие форума к природному окружению являлось восточнославянской градостроительной тради-

Рис. 18. Волковыск. План 1798 г. (РГВИА)

цией [27, с. 90, 92]. Характерной чертой всех площадей города — ратушной, перед униатской церковью, возле иезуитского костела, административной — был единый однодоминантный тип, наличие только одного высотного сооружения, соответственно ратуши, церкви и костела. Общая особенность понеманских городов Волковыска и Ошмян заключалась в том, что поодаль от основной части городского центра существовал католический комплекс — храм и сопутствующие постройки, создававший общественную зону на менее значимой из двух структурообразующих коммуникаций.

Двухуличную планировку имели Видзы, а также Лепель и Брест до реконструкции в эпоху классицизма. По природным условиям, в которых строился, например, Брест, следует отметить его близость североукраинским поселениям. В эпоху феодальной раздробленности Древней Руси город входил во Владимиро-Волынское княжество. Благодаря единым природным особенностям севера этого региона, размещению на р. Буг Брест приобрел много общего со столицей княжества, а также с Луцком в отношении ландшафтных характеристик. Как и Владимир-Волынский, находившийся в 20 км от Буга и связанный с ним малой рекой, и Луцк на р. Стырь, Брест строился среди поймы в окружении речных протоков. Его детинец сложился на небольшом треугольном острове, а противоположные берега речных рукавов заняли окольный город и посады (реконструкции планов XIII—XIV вв. Владимира-Волынского и Луцка — см. [441, с. 127, 132]).

Иллюстрацией Т-образной планировочной системы являлось местечко Хотимск в Приднепровье. В основе городского плана лежали две доминирующие магистрали, смыкающиеся под прямым углом («План местечка Хотимска. Во владении Его Светлости князя Григория Александровича Потемкина …» Конец XVIII в. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22753, л. 1). Вдоль них вытянулась селитебная территория так, что и форма всего поселения приближалась к Т-образной. В данном случае возникновение планировочной схемы тесно связано с очертаниями рек, также составляющих прямой угол. Местечко может служить

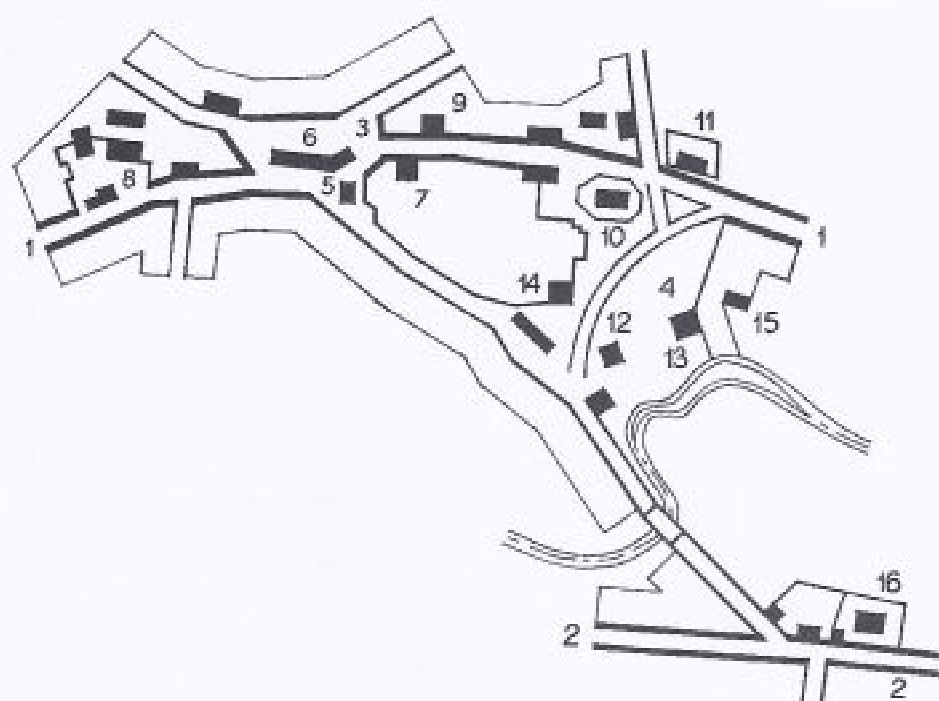

Рис. 19. Волковыск. План центра в конце XVIII — начале XIX в. (реконструкция автора): *1, 2* — основные, типообразующие улицы; *3* — главная, ратушная площадь; *4* — культово-административная площадь; *5* — ратуша; *6* — торговые ряды; *7* — почта; *8* — униатская церковь; *9* — синагога; иезуитский монастырь, заложен в 1598 г.: *10* — костел, *11* — жилой и учебный корпус; *12* — земская канцелярия; *13* — городская канцелярия; *14* — суд; *15* — дом судьи; *16* — приходский костел

примером эволюции структуры простого типа в более сложный. Основная часть поселения с общественными комплексами имела ребристую планировку. От главной коммуникации в разные стороны отходили семь улиц, а кроме нее продольных направлений не существовало, что и характерно для поперечно-осевого типа. Слобода, или село Хотимск, на другом берегу р. Беседи относилась к одноуличному типу. Оба района местечка в результате слияния образовали Т-подобную структуру, которая в иной ситуации могла возникнуть суммированием, например, двух одноуличных компонентов.

Вдоль главной улицы размещались торговая площадь, группа зданий синагоги и господская усадьба, находящиеся в среде массовой жилой застройки примерно на равном расстоянии между собой. Вторая, более длинная улица носила жилую функцию, за исключением общественного узла на перекрестке с главной магистралью — Преображенской церкви и винокуренного завода. Перекресток акцентировался также расширением р. Беседи в месте впадения притока, а на другом берегу — крупным объемом помещичьего дома и католической каплицей. Так, связанные общественно значимые комплексы, формировавшие городской центр, образовали линейно-узловую структуру и примыкали к планировочной оси с разных сторон. Тем самым установился зигзагоподобный ритм, напоминающий композиционную схему ансамбля центра Лиды и подчиняющийся принципу визуального равновесия архитектурных масс относительно направления движения.

Вероятно, часть местечка с общественными сооружениями создавалась с элементами предварительного планировочного замысла. Об этом свидетельствует прямизна главной улицы, правильные очертания обширной Г-образной площади, прямолинейность поперечных направлений, размещение храма на площади и центрального корпуса усадьбы на равном удалении от основной магистрали. Специфика постановки высотных зданий заключалась в том, что они фиксировали окончности главной улицы. На рыночной площади, смещенной к периферии селитебной территории, доминантой служила Покровская церковь, а на противоположном конце улицы — Преображенский храм. Находившиеся между ними объемно-пространственные акценты культовых и других построек имели меньшее значение в силуэте местечка.

Среди центрических планировок наибольший интерес представляют веерно-полукольцевая и веерно-ветвистая полукольцевая системы. Они имели одну, две или три полукольцевые улицы, сложившиеся вдоль трасс укреплений. Такой характер структуры обусловился равнинной местностью приречного плато, периферийным береговым положением замкового холма и невозможностью застройки противоположной, всегда пойменной стороны реки. Веерно-полукольцевой была система планировки Бобруйска в Центральной Беларуси, обладавшего и полукруглой конфигурацией территории. В обычной ландшафтной ситуации впадения малой реки в большую детинец разместился не на мысу, а на естественном холме в удалении от устья, в связи с чем полукруг городского плана сложился по одну сторону от малой реки. Планировку поселения характеризуют планы 1794 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21704) и конца XVIII в. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21563, л. 9).

Бобруйск иллюстрирует определенную условность классификации планировочных систем по формальным свойствам. Явные признаки веерно-полукольцевого типа — радиально ориентированные на замок несколько улиц; протяженная магистраль, проходящая по полуокружности на северной, западной и южной окраинах города; внутренняя полукольцевая улица; короткий дуговой отрезок возле замка. Периферийная полукольцевая трасса определилась поясом земляных укреплений, которые к концу XVIII в. были полно-

Рис. 20. Видзы. План 1798 г. (РГВИА): *1, 2* — типообразующие улицы

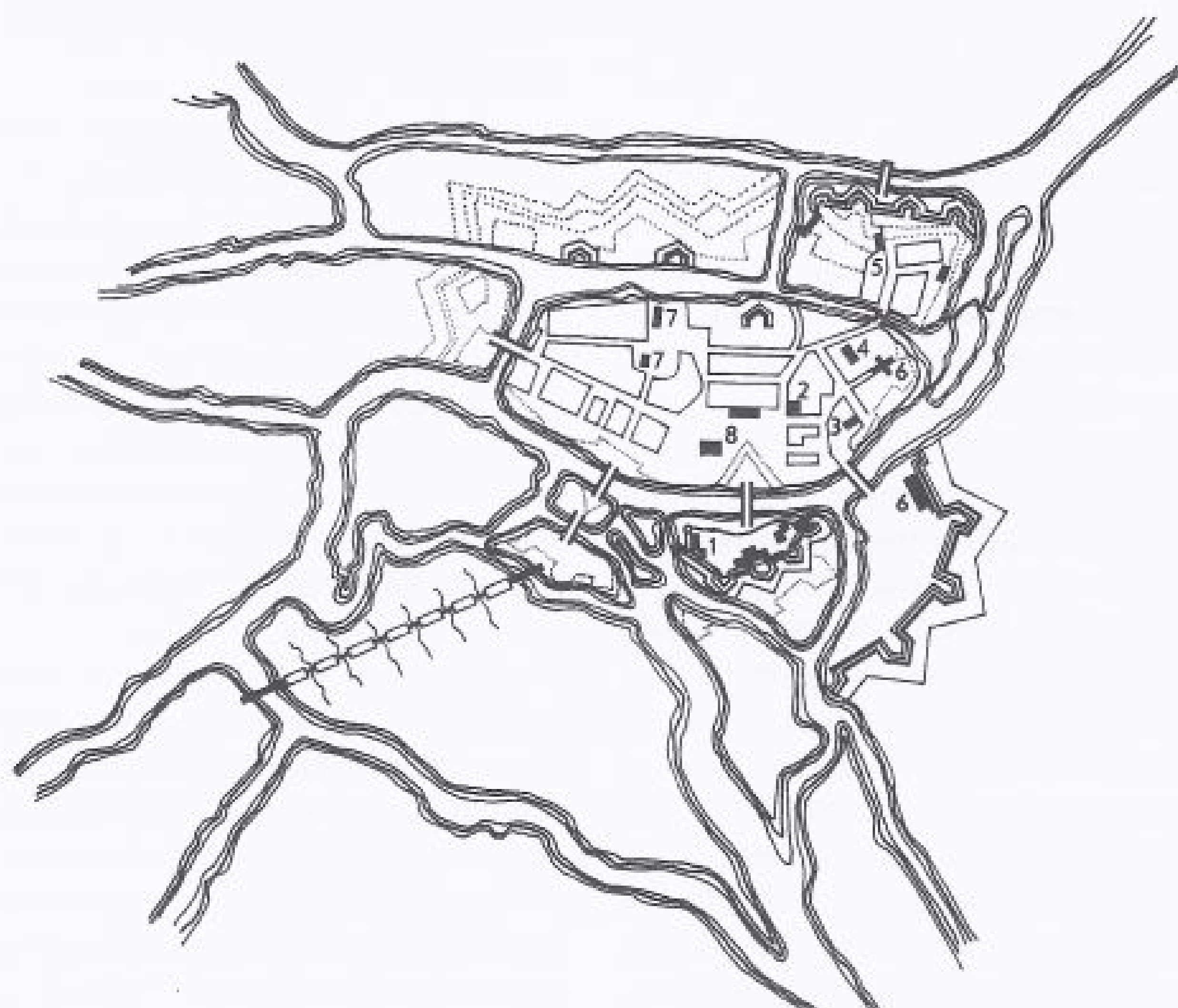

Рис. 21. Брест. План города в 1657 г. (прорисовка по гравюре Э. Дальберга 1659 г.): *1* — замок, *2* — костел иезуитов, *3* — фарный костел, *4* — православная церковь, *5* — костел доминиканцев, *6* — бернардинские монастыри, *7* — синагоги, *8* — рынок

Рис. 22. Брест. План конца XVIII в. (РГВИА)

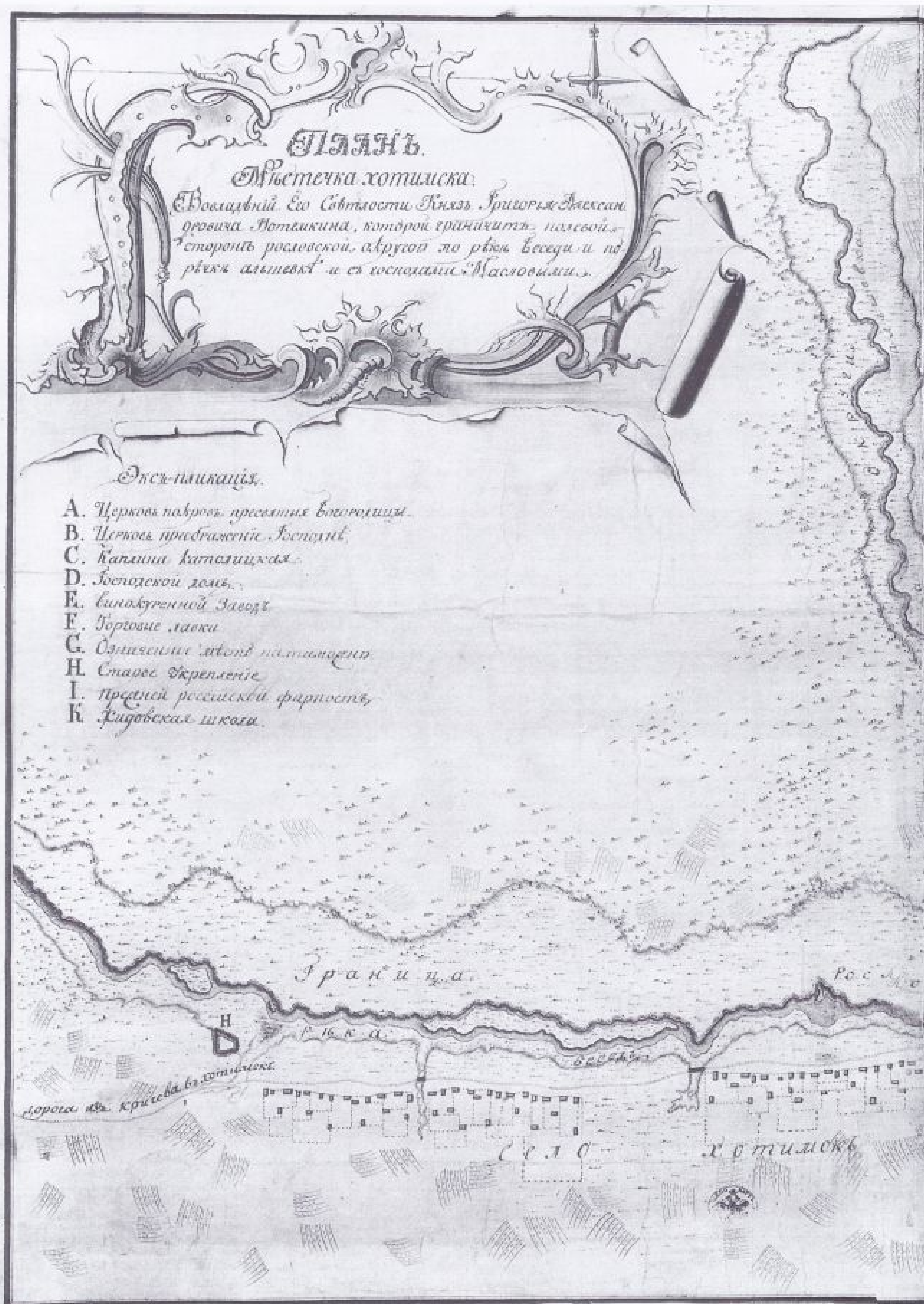

Рис. 23. Хотимск. План

конца XVIII в. (РГВИА)

стью утрачены. По инвентарю 1638 г. город был окружен земляным валом с деревянной стеной. Длина застроенной селитебной территории вдоль р. Березины составляла 26 шнуров (1266,2 м), а поперечная протяженность поселения равнялась 11 шнурам (535,7 м). Основные веерные улицы — Слуцкая, Свислочская, Подольная, Прудовая — заканчивались брамами в поясе укреплений [4, т. 25, с. 121—152; 626, с. 37]. Цифровые данные соответствуют размерам полукруглого города на планах конца XVIII в., что косвенно подтверждает трассировку земляного вала XVII в. именно вдоль показанной на них внешней полукольцевой улицы.

Одновременно, хотя и с меньшим основанием, система планировки может быть отнесена к рядовому типу, как обладающая 8 почти параллельными улицами, направленными к берегу Березины. В отношении трассировки близких к параллельным улиц наблюдается сильное сходство с планировкой северной части Торговой стороны Новгорода Великого XVIII в., что свидетельствует о единых принципах разбивки на кварталы территории в пределах полукольца земляных валов (план Новгорода 1749 г. — [441, с. 143], 1756 и 1778 гг. — [512, с. 160, 161]). Несколько рядовых улиц Бобруйска, перпендикулярных реке, проложены не до полукольцевой магистрали, проходившей вдоль оборонительной линии, а до поперечной коммуникации. Между последней и трассой вала остался вытянутый квартал, в основном занятый сельскохозяйственными угодьями. Похожая ситуация прослеживается и на севере новгородской Софийской стороны.

Архаичной чертой функциональной организации Бобруйска была своеобразная двухчастность, наличие рядом с рассмотренной селитебной территорией усадьбы состоятельного землевладельца — городского старосты. Его двор занимал возвышенность на противоположном берегу р. Бобруйки, включал жилые и множество хозяйственных построек, сады, огороды и по площади составлял не менее четверти собственно города. Несколько старостинских зданий находилось и в городских кварталах. Бобруйск был государственным владением, однако его двухчастность генетически связана с традиционной структурой многих частновладельческих поселений ВКЛ, в которых резиденция магната находилась на удалении от селитебной зоны и имела с ней композиционную связь (Желудок, Мир, Несвиж, Поставы, Ружаны и др.). Принцип планировочной разобщенности прослеживался в ренессансных городах-крепостях и неукрепленных поселениях эпохи Просвещения. В больших поветовых городах усадьба старосты размещалась на городской территории, например в замке (Пинск).

Общественный центр Бобруйска являлся выразительной трехэлементной структурой. Главная площадь торгового, культового и административного назначения включала торговые ряды, храм св. Николая с колокольней, здания старостинской администрации. Она являлась специфичным, средневековым в своей основе градостроительным образованием — веретенообразной площадью с замкнутым пространством. Малая прямоугольная культовая площадь, которая формировалась парафиальным и иезуитским костелами, монастырским корпусом, другими, относящимися к храмам постройками, пространственно открывалась к Березине. Третий функциональный узел образовался униатской, в прошлом православной, Успенской церковью с колокольней и фиксировал перекресток двух важных коммуникаций — внешней полукольцевой магистрали и главной, радиальной улицы.

В Бобруйске сохранились основы традиционной для древнерусского градостроительства планировки, что проявилось в характере уличной сети и размещении торга непосредственно у стен замка. С другой стороны, происхождение ансамбля культовой площади иллюстрирует трансформацию в XVII—XVIII вв. структуры древнего города, нарушение его иерархической организации строительством на окраине крупного католического комплекса. Подчиненность этого культового и учебного центра по функции и размещению главному форуму не соответствовала его выразительному художественному преобладанию. Оба каменных костела превышали по размерам деревянную Николаевскую церковь. Несмотря на постановку церкви и колокольни на холме детинца, католические храмы доминировали как высотные элементы в панораме города, наиболее эффектно воспринимаемой с поймы левобережья Березины. Протяженность объемов костельных нефов способствовала такому визуальному преобладанию сравнительно с церковью центричной композиции.

Анализ древнерусской по генезису структуры Бобруйска констатирует существенную черту его художественного построения, отражающую своеобразие городов Великого княжества Литовского XVIII в. В отличие от древнерусского градостроения характер размещения доминирующих зданий отразил противоположную особенность — образ-

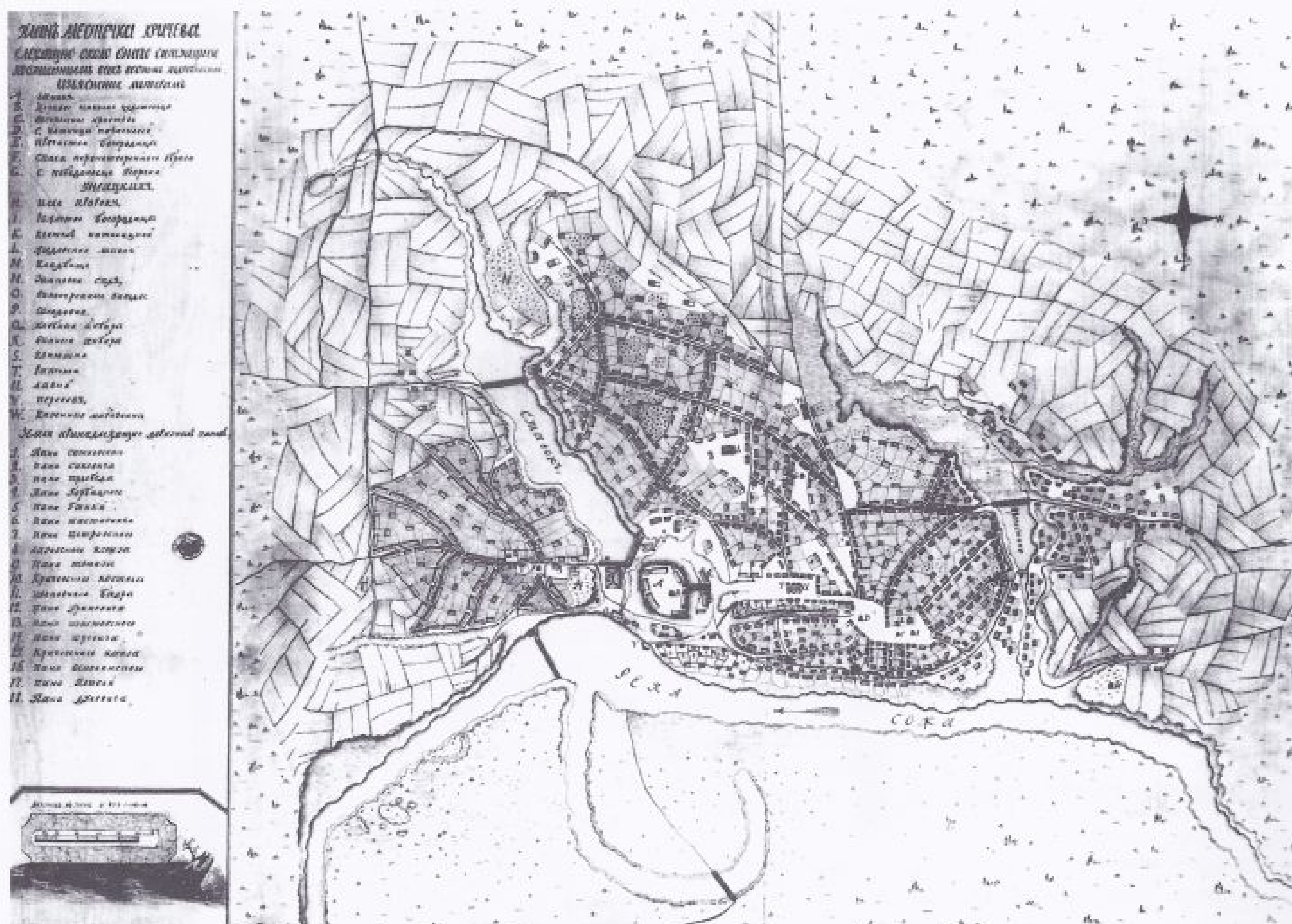

Рис. 24. Кричев (веерно-дуговая система планировки). План 1788 г. (РГВИА)

ную неравновесность, неустойчивость крупных компонентов пространственной композиции. Относительно главной улицы как планировочной оси Успенская церковь с колокольней у въезда в город и храм св. Николая в замке сосредоточились только с одной стороны. Несмотря на то, что видовая перспектива вдоль улицы завершалась Николаевской церковью и колокольней при ней, храм был смещен вправо с оси магистрали. При движении к рыночной площади архитектурные вертикали возвышались справа, а левая сторона имела низкий горизонт застройки. В связи с удаленностью крупные объемы иезуитского и приходского костелов, наиболее вероятно, почти не воспринимались из пространства улицы.

В еще большей степени визуальная неравновесность архитектурных масс прослеживалась относительно другого умозрительного направления, которое вместе с главной улицей отмечало две основные оси города. Это условная линия, проходившая посередине веретеновидной площади, затем вдоль короткой улицы, соединявшей ее с культовой площадью, и по дороге на Минск. Церковь св. Николая с колокольней, приходский костел, иезуитский храм и монастырский корпус, а также само пространство культовой площади с видовой картиной заречных далей размещались по одну сторону оси. С противоположной стороны на всем протяжении города на юго-запад не было доминант, за исключением далеко стоявших Успенского храма и маломасштабной униатской каплицы (позже — Ильинской церкви), не видных с площадей.

Очевидно, кроме изображенных на планах Бобруйска конца XVIII в. мест культовых зданий, не существовало иных участков, где в предшествующие столетия могли бы находиться храмы. Исследования, в том числе автора монографии, показывают, что однажды выбранное место культового сооружения закреплялось в процессе дальнейшего развития города. Храмы разрушались и возводились заново, перестраивались, меняли христианскую конфессиональность, но положение их сохранялось. Случаи утраты или пе-

Рис. 25. Бобруйск. План конца XVIII в. (РГВИА)

Рис. 26. Бобруйск. Двухчастность планировочной структуры города

реноса на новое место сакральных объектов без использования старого участка по религиозному назначению крайне редки.

Кроме Бобруйска можно охарактеризовать иные города с веерно-полукольцевой планировкой. В Мозыре левый берег р. Припяти — пойменный, на правом — гряда высоких холмов, прорезанная выходящими к реке оврагами. В отличие от распространенной на равнинной местности ситуации, когда вокруг детинца концентрическими поясами складывались укрепленные окольный город и посад, здесь наличие близлежащих возвышенностей определило другую структуру. Детинец (с XIV в. — Верхний замок) находился рядом с похожим по территории и форме окольным городом, отдельно размещенным на соседнем холме (Нижний замок). Замки окружались посадом в природной котловине у подножья еще более высоких и обширных прибрежных холмов. Такая топография вызвала появление полукруглой улицы возле обоих замков, от которой по ложбинам и вдоль берега в разные стороны расходились улицы. Принадлежность планировки к рассматриваемому типу подтверждается наличием второй, полукольцевой улицы большего радиуса, сохранившаяся часть которой видна на плане конца XVIII в. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21563, л. 10).

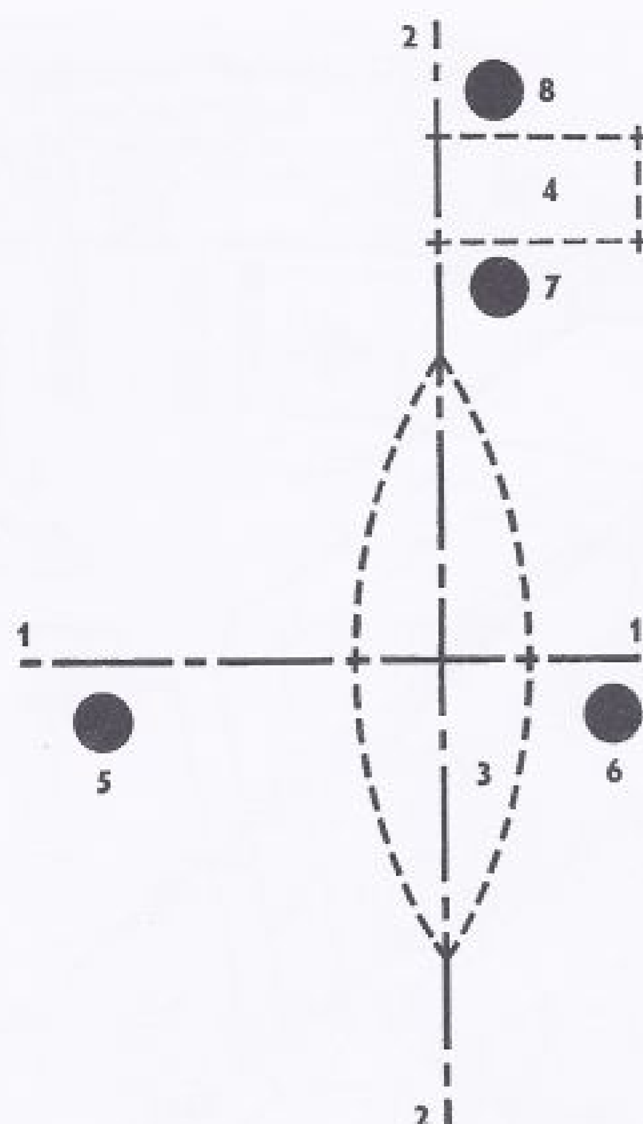

Рис. 27. Бобруйск. Идеализированная схема композиционного неравновесия доминант: *1, 2* — оси улиц; *3* — главная площадь; *4* — культовая площадь; *5* — церковь Успения Богородицы; *6* — церковь св. Николая; *7* — приходский костел; *8* — иезуитский костел

В XVIII в. общественный центр города формировался на основе круговой улицы. В ее застройке размещались культовые здания, при этом своеобразна постановка четырех православных храмов XVI—XVII вв. вдоль прибрежного отрезка трассы, а трех католических — с обратной стороны замковых холмов. Так, сложились участки городской среды, в идейном отношении отличавшиеся моноконфессиональностью (конфессиональность, принадлежность и посвящения храмов указаны в пояснениях к упомянутому плану из РГВИА, планам Мозыря 1830 и 1836 гг. — НИАБ, ф. 299, оп. 5, дд. 86, 116).

Учитывая это обстоятельство, несмотря на отсутствие данных об облике большинства храмов, отметим композиционное равновесие и неравновесие элементов застройки, воспринимаемых в различных видовых картинах. В зоне обозрения храмов грековосточного вероисповедания прослеживался принцип равновесия. При движении по улице вдоль реки три церкви на разных отметках рельефа с одной стороны визуально уравновешивались вертикалями ратуши и собора на рыночной площади, находившихся по другую сторону от оси движения. В процессе приближения к торгу по поперечной улице также наблюдалось композиционное равновесие, образуемое высоко стоящей на холме Верхнего замка Спасской церковью, а с противоположной стороны — собором и ратушей. Иными особенностями отличалась городская среда центра в зоне видимости католических храмов. По мере перемещения по улице с этими сооружениями, которая находилась выше «православной» улицы, зритель ощущал неравновесность, смещенность доминант на одну сторону от трассы, чем достигалось впечатление их композиционной открытости, обращенности к замкам, пространству реки и простирающейся до горизонта поймы противоположного берега.

По свидетельству инвентаря 1552 г., реконструкция замков в XVI в. осуществлялась «под шнур», профессионально под руководством приписанного к замку зодчего [626, с. 210]. Очевидно, этим обусловилась правильность очертаний площадок Верхнего и Нижнего замков в конце XVIII в. Верхний замок представлял собой вытянутый овал с продольной осью, перпендикулярной оси Нижнего замка, тогда как северо-западный и юго-восточный края последнего были параллельны. В Нижнем замке находилась старостинская усадьба с симметричной постановкой корпусов в виде курдонера. В общей нерегулярной планировочной структуре города сооружения старостинского комплекса и примыкающих участков размещались в прямоугольной системе осей. Продольная ось симметрии усадьбы закреплялась главным одноэтажным корпусом с высокой ломаной крышей, въездной брамой и приходским костелом на противоположной стороне улицы (перечень усадебных строений и отрывочные данные об их архитектуре приведены в инвентаре замка 1772 г. [22, с. 294]). Перпендикулярное направление подчеркивалось поперечной осью усадьбы, на которой с двух сторон курдонера находились канцелярия старосты и конюшня с каретной, а также осью, определившейся мостом между замками и Спасской церковью, упоминаемой еще в XVI в.

Аналогичные две взаимно-перпендикулярные пространственные оси наблюдались и в композиции рыночной площади, что свидетельствует об определенной системности ансамблевых приемов, примененных в разных частях города и нацеленных на формирование единообразия и тем самым индивидуальности среды поселения в целом. Торг состоял из двух пространств — основ-

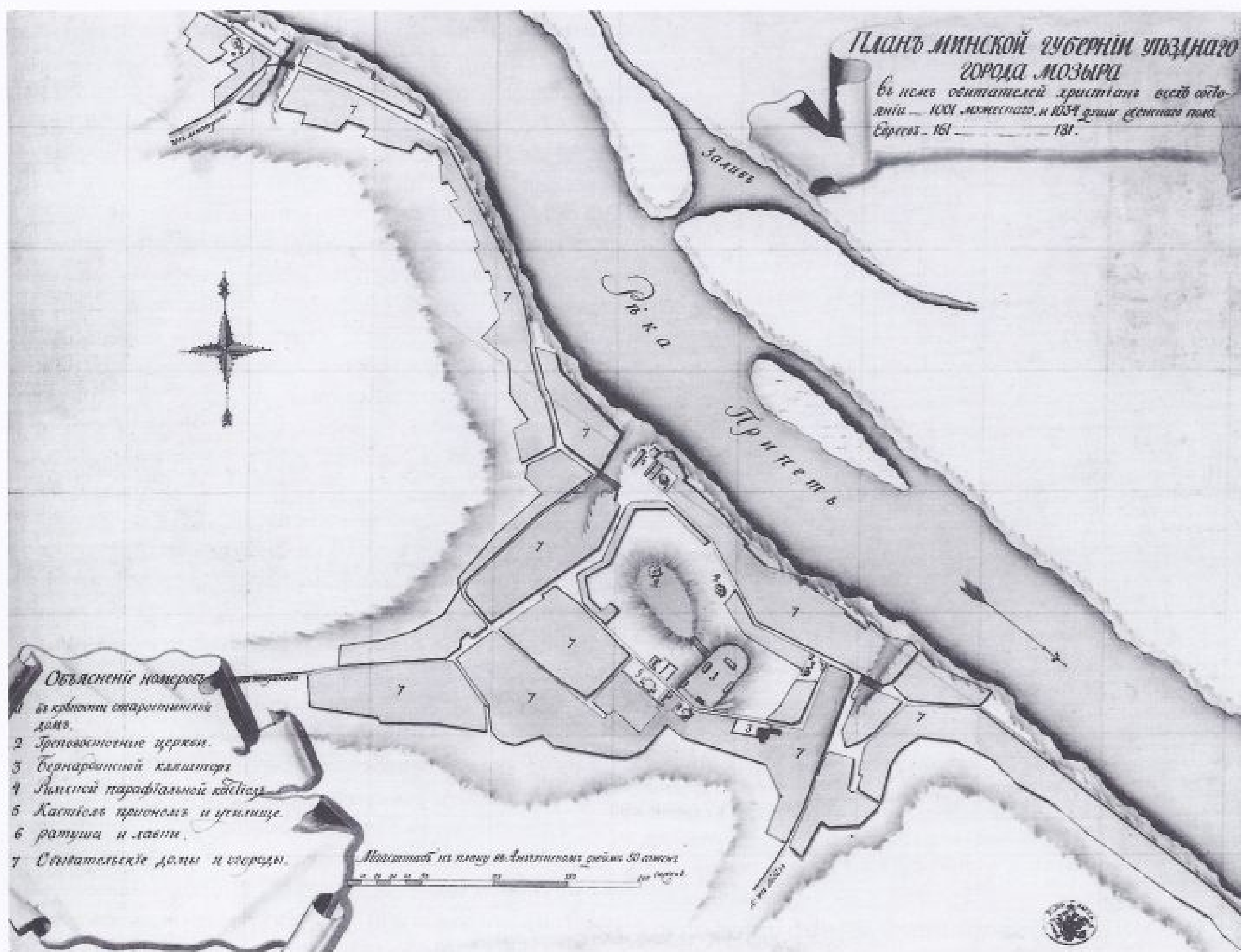

Рис. 28. Мозырь. План конца XVIII в. (РГВИА)

ного, треугольного в плане, и курдонера, организованного ратушей и двумя из трех параллельных корпусов лавок. Продольная ось симметричного курдонера, на которой размещалась ратуша, как и в старостинской усадьбе, ориентировалась перпендикулярно берегу Припяти. Поперечную ось, проходящую посередине торговых рядов, фиксировал также объем Михайловского собора.

Соотношение детинца и рынка определяет характерный для белорусского региона тип структуры. Площадь находилась не у стен крепости, как это свойственно древнерусскому градостроению, и не на удалении от феодального замка в окружении жилых кварталов, что типично для западноевропейских городов. Признаком типа служит наличие узкого участка шириной 60–70 м, отделявшего площадь от замка и в XVIII в. имевшего застройку.

Примером веерно-полукольцевой системы планировки служил также поветовый город Речица. Поселение имело два концентрических пояса валов и рвов, пришедших в упадок и ликвидированных к концу XVIII в. Они охватывали детинец на берегу Днепра и полукруглый окольный город. В середине XVII в. для размещения войскового гарнизона Речи Посполитой по западноевропейскому образцу устроена третья, внешняя линия земляных оборонительных сооружений бастионного типа, ограничившая город по прямоугольнику. Следы ее к концу XVIII в. также почти не сохранились (план Речицы 1798 г. – РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 52).

Протяженная улица по трассе укреплений окольного города на отдельных участках смыкалась с короткими дуговыми коммуникациями, проходившими вдоль главного полукольца. Подобные узлы пересечения криволинейных улиц являлись деталью, типичной как для рассматриваемого типа планировки, так и веерно-ветвистого полукольцевого. Функциональные зоны цен-

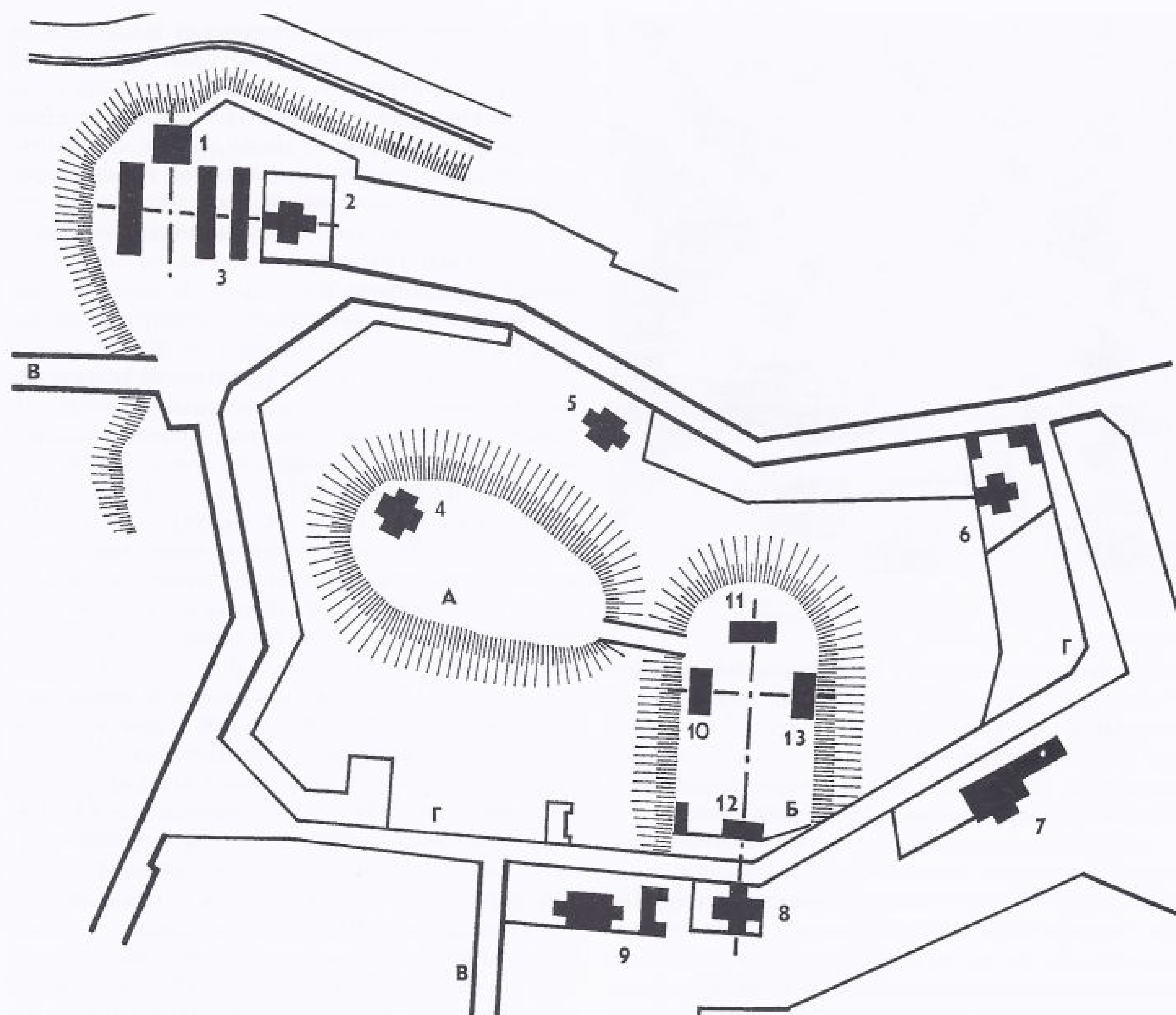

Рис. 29. Мозырь. Центр города в конце XVIII в. (по плану РГВИА): *А* — Верхний замок, *Б* — Нижний замок, *В* — веерные улицы, *Г* — полукольцевая улица; *1* — ратуша, *2* — собор св. Михаила, *3* — торговые ряды, *4* — церковь Спаса, *5* — церковь св. Николая, *6* — церковь Рождества Богородицы, *7* — монастырь бернардинцев, 1648 г., 1760–1775 гг., *8* — приходский костел Вознесения Божьей Матери, 1616, 1757 г., *9* — монастырь мариавиток 1752 г.; усадьба старосты: *10* — конюшня, *11* — главный корпус, *12* — брама, *13* — канцелярия

тра формировались полукольцом вокруг замка: культовая православная (Воскресенская церковь) — католическая (доминиканский монастырь) — административно-торговая (главная площадь) и соседствующая с ней иудаистская культово-учебная (синагога) — униатская (Николаевская церковь). Как и Мозырь, по взаимоположению детинца и торга Речица представляла промежуточный тип структуры, отличный от древнерусского, а также западно- и центральноевропейского. Планировочный элемент, отделявший площадь от замка, приобрел вид неширокой полосы массовой застройки.

Веерно-ветвистую полукольцевую планировочную систему имел Пинск в Западном Полесье, который в плане приближался к полукругу («План города Пинска и местечка Каролина с облежащею ситуацией, снятый по велению Его Сиятельства Господина Генерал-Аншефа и разных орденов Кавалера Князя Юрия Владимировича Долгорукова, 1794-го года, генваря 4-го дня» — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22359). Размещение города на плоской местности повышенного берега р. Пины способствовало строительству вокруг детинца (позже — замок) правильно очерченных концентрических полуколец земляных валов

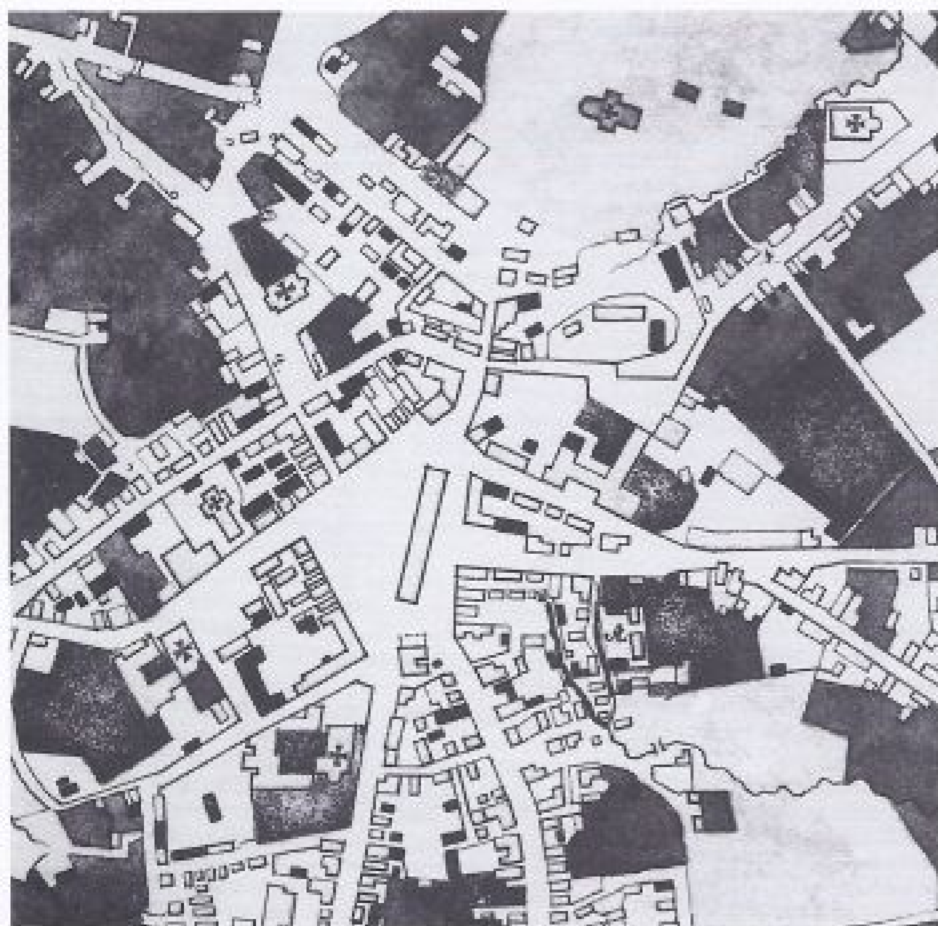

Рис. 30. Новогрудок (веерно-полукольцевая система планировки). План 1834 г. (РГАВМФ)

и рвов, вдоль которых, вероятно, с внутренней и внешней сторон проходили улицы. Замок и прилегавший к нему торг служили центром схождения веерных направлений, некоторые из которых, пересекая первое полукольцо укреплений, раздваивались, обнаруживая ветвистый характер.

В XVIII в. земляные укрепления ликвидированы. Трасса рва их периферийной линии определила протяженную полукольцевую улицу. По рву первого оборонительного пояса также прошла магистраль, но не по всей длине — в восточной части на месте снивелированных вала и рва сложились кварталы. Специфика веерно-ветвистой полукольцевой структуры Пинска состояла в образовании функционально важной промежуточной полукольцевой магистрали, заключенной между трассами внутренней и внешней оборонительных линий. На севере она получила точку соприкосновения с первой, не полностью оформленной полукольцевой улицей. С внутренней стороны указанной промежуточной коммуникации в восточной части территории наблюдалась рядовая система нескольких улиц, ориентированных перпендикулярно берегу Пины. Аналогичная схема направлений отмечена выше на примере Бобруйска.

Следует подчеркнуть, что сложение между трассами укреплений именно одной протяженной полукольцевой магистрали-связки, дополненной короткими дублирующими дугообразными улицами, возможно, служило закономерностью. Данная картина наблюдалась даже в Москве XVII в., которая несоизмеримо превышала Пинск по величине и являлась самой крупной европейской столицей того времени. Она занимала в пределах Земляного города территорию 1925 га и имела между стенами Кремля, Китай-города, Белого города и Скородома только по одной главной промежуточной улице-связке, соответственно дугоподобной, полукольцевой и кольцевой [441, с. 330—332]. Рассматриваемая черта может говорить о плановом и регламентированном градостроительными правилами формировании нерегулярных городов восточных славян.

Планировочная структура Пинска обнаруживает близкое сходство с некоторыми другими городами древнерусского генезиса, например украинским Путивлем на Северской земле (план Путивля XVIII в. см. — [441, с. 47; 512, с. 194]). Общими чертами служили: полукруглая конфигурация города, занимающего повышенный северный берег реки, на другой стороне которой — обширная пойменная местность; центричное прибрежное положение и почти равные размеры детинца — 1,76 га в Пинске [306, с. 79] и 2,25 га в Путивле [441, с. 114]; два полукольцевых концентрических пояса укреплений, один из которых ограничивал город, охватывающих большие территории вокруг центральной крепости; полукольцевые улицы вдоль уничтоженных в XVIII в. оборонительных сооружений; три основных радиальных направления, доминирование которых над другими веерными улицами в меньшей степени выражено в Пинске. Если к перечисленному добавить формирование у стен замка вытянутого пространства торга, узкой стороной выходящего к реке, то сложится картина едва ли не идентичного во времени и по форме градостроительного типа.

В XVI—XVII вв. часть города, примыкавшая к замку и ограниченная первым поясом укреплений, называлась «паркан» и включала наиболее представительную застройку. Очевидно, паркан соответствовал окольному городу XIII и XIV вв. В окольном городе при раскопках обнаружены фрагменты веерных и дуговых элементов уличной сети: две улицы, радиально идущие от детинца и две параллельные валу. Многоярусность мостовых указывает на устойчивость планировки. Предполагается, что направления улиц XIII—XIV вв. сохранились до конца XVIII в.[306, с. 186; 608, с. 62].

Территория между первым и внешним поясами укреплений называлась «място». Кварталы здесь отличались более редкой застройкой, которая че-

редовалась с сельскохозяйственными угодьями [106, с. 125, 126].

В 1553—1555 и 1565 гг. были проведены волочные померы Пинска и прилегающих к нему земель. За период между померами территория города выросла в 1,3 раза. Ее расширение происходило за счет увеличения числа «селитебных плацов» (участков домовладений) и сопровождалось прокладкой новых улиц и удлиненных старых. В то же время рост населения вызвал дробление участков, которые в центре измельчились в 2—1,6 раза; к окраинам их размеры увеличивались. Новые участки на периферии были меньше старых в центре, что в среднем привело к уменьшению усадебных наделов [106, с. 128]. Как свидетельствуют инвентари, при проведении новых улиц сначала застраивалась одна их сторона, затем противоположная. Часто в процессе уплотнения застройки в тылу одной из сторон возникала третья линия жилых домов. Иногда дома противоположных сторон не обращались друг к другу главными фасадами, а ориентировались на юг. Упорядочение землепользования проявилось и в дифференциации улиц на преимущественно с дворами без огородов и с преобладанием огородных и гуменных земель. Последние служили резервом для будущей застройки [626, с. 260].

В XVI в. в Пинске упоминаются францисканский монастырь, шесть ворот в местах пересечения веерных улиц с линиями укреплений, два моста, 27 основных и ряд второстепенных улиц, многочисленные православные храмы. Монастырь с костелом св. Анны основан в 1396 г. [361, с. 104, 106; 626, с. 254], в 1510 г. заложен новый каменный Успенский костел. К 1712—1730 гг. относится коренная реконструкция всего ансамбля (в 1817 г. архитектором К. Каменским рядом с храмом сооружена колокольня).

В замке находились собор св. Дмитрия, церковь св. Федора, княжеский, позже старостинский дворец, здания администрации, дворы епископа, окрестных феодалов, мещан [106, с. 125]. В «паркане» сосредоточивалась Михайловская, Николаевская, Троицкая, монастырская Варваринская церкви [106, с. 125; 321, с. 6], а также Спасская, вероятно занимавшая место иезуитского коллегиума XVII в. Кроме них, в XVI в. в городе существовали Афанасьевская, Воскресенская, Ильинская, Онуфриевская, Семеновская, Святодуховская, Стефановская, Юрьевская и монастырская Богоявленская церкви. Дмитриевский, Николаевский, Троицкий и Юрьевский храмы были каменными [105, с. 148; 106, с. 125]. В предместье Лещ находился православный монастырь, впервые упомянутый под 1262 г. и служивший восточным форпостом города. Здесь в XIV—XVI вв. размещался центр Турово-Пинской епархии, включавший Успенскую церковь, вторую в городе церковь Св. Духа, колокольню и другие постройки. В 1633 г. монастырь передан базилианам. Новая барочная Успенская церковь с типичной для униатских храмов композицией относилась к 1746 г. [22, с. 390]. Расположение многих вышеперечисленных культовых сооружений установить затруднительно. Достоверная картина мест их размещения реконструируется только на XVII—XVIII вв.

В конце XVI в., эпоху распространения ренессансного градостроительного мышления, веерно-ветвистая полукольцевая структура получила дополнение. С востока к городу примкнул регулярный замок, валы и рвы которого образовали прямоугольник с бастионами по углам, а также новый селитебный район Каролин с ортогональной сетью улиц. Замок представлял собой мощное оборонительное сооружение длиной 75,6 м и шириной 37,8—46,2 м. Бастионы и куртины были облицованы камнем, внутри высоких валов проходили подземные галереи. Вокруг заполненного водой рва 9-метровой ширины, с внешней стороны для усиления оборонительных свойств была устроена каменная стена. В 1704 г. замок взорван шведскими войсками [22, с. 388]. Основным храмом нового жилого образования стал костел св. Карла Баромея монастыря коммунистов, размещенный на продольной оси замка и отделенный от него открытой незастроенной территорией. Деревянный костел возведен в 1695 г., каменный в стиле барокко — в 1770—1782 гг. [716, с. 80].

В связи со строительством замка полукруглая конфигурация Пинска нарушилась, поскольку на периферии возник крупномасштабный доминирующий комплекс. Так, типичный для градостроительства края процесс трансформации традиционной иерархической структуры древнего восточнославянского города получил развитие в Пинске.

Внутреннему единству городской среды способствовало то, что характер размещения высотных зданий в плане поселения, как и сеть улиц, подчинялся веерно-полукольцевой схеме. Обе схемы совпадали лишь частично, тем самым усложняя пространственную структуру, усиливая ее индивидуальность. В XVI—XVII вв. условным геометрическим центром полуокружностей

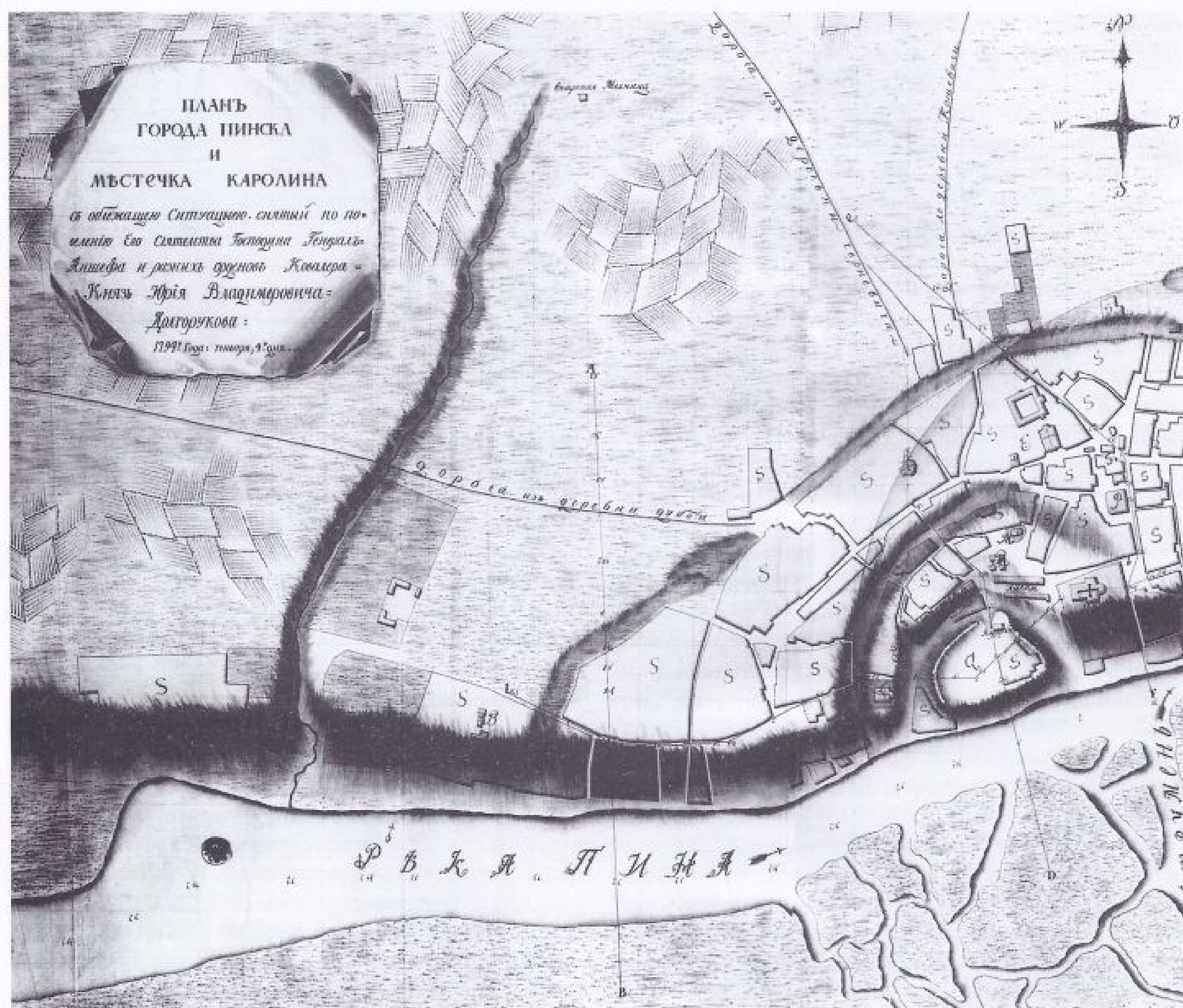
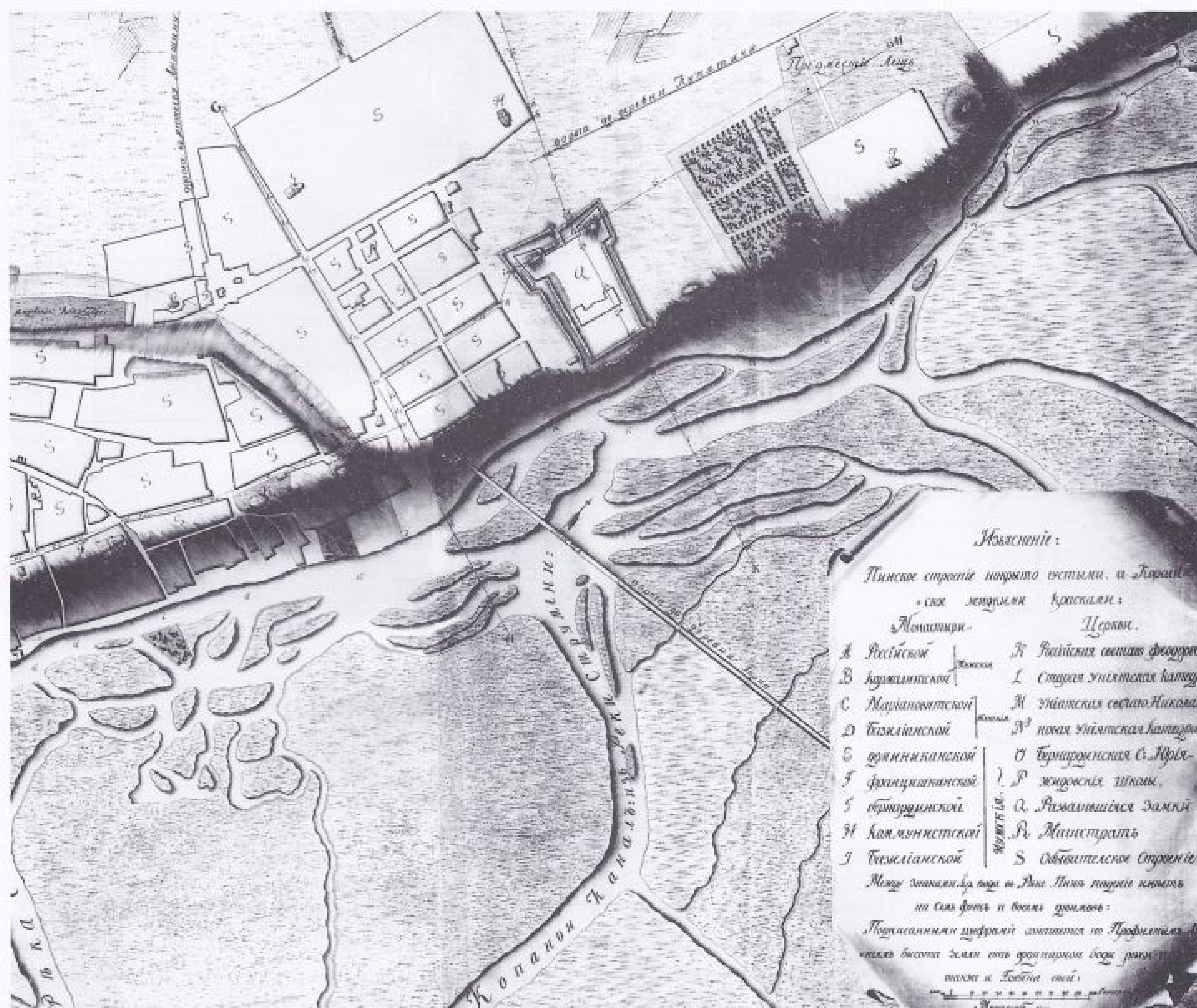

Рис. 31. Пинск.

являлся Дмитриевский собор, церковь св. Федора и старостинский дворец в замке. Композиция собора соответствовала такому градостроительному положению — он был многоглавым и кроме основного объема имел четыре притвора и звонницу [22, с. 387].

Первое полукольцо доминант, тесно охватывающее замок и торговую площадь, состояло из трех звеньев. С востока это был один из крупнейших в Беларуси иезуитский коллегиум, уступавший по размерам лишь полоцкому. Кроме костела св. Станислава, силуэт которого акцентировался двумя башнями и ажурной аркадой главного фасада, в панораме города выделялся трехэтажный с высокой крышей жилой и учебный корпус в стиле барокко. Костел сооружен в 1631—1635 гг., жилое и учебное здание — в 1651—1675 гг., перестройки проводились до 1773 г. В различные годы при коллегиуме работали, руководили строительными мероприятиями и, возможно, преподавали курс зодчества архитекторы-иезуиты: К. Мателаковски (1691—1692 гг.), Г. Энгель (1704—1706 гг.), Я. Клаус (1713—1714 гг.), Ф. Кареу (1759—1763 гг.), Ю. Олендски (1764—1767 гг.), профессор архитектуры М. Киселевски (1774—1777 гг.) [22, с. 388; 734, с. 247]. В XVIII в. при коллегиуме существовала аптека, в 1840 г. перестроенная под зимнюю церковь. С 1638 г. действовала философско-теологическая школа, с 1729 г. — типография. В 1787 г. в зданиях коллегиума разместился униатский, а в 1800 г. — православный Богоявленский монастырь [320, с. 208; 322, с. 1, 3, 13].

План 1794 г. (РГВИА)

К западу от замка возвышались рядом храм св. Варвары женского базилианского монастыря и униатская приходская церковь св. Стефана. Северное звено на торговой площади включало также парные униатскую церковь св. Николая и ратушу, центричная композиция которой подчеркивалась башней. Ратуша заложена около 1628 г. [321, с. 13; 354, с. 250], очевидно, на месте более ранней ратуши, так как Пинск получил магдебургское право в 1581 г.

Второе полукольцо включало уже пять звеньев. Наибольшее градоформирующее значение принадлежало барочному францисканскому монастырю — костелу, колокольне и огромному, развитому в плане двух- и трехэтажному жилому корпусу. Немногим меньше была обитель доминиканцев, состоявшая из главного костела, малого, вероятно зимнего, храма и квадратного в плане жилого здания с обширным внутренним двором. Еще три звена второго полукольца были представлены небольшим мариавитским монастырем, православной церковью св. Онуфрия и синагогой. Деревянный монастырь доминиканцев основан в 1666 г., в 1770 г. он построен в камне [354, с. 253; 673, с. 33; 716, с. 80]. По другим сведениям, этот монастырь заложен в 1542 г., а женский мариавитский — в 1746 г. [22, с. 387]. Синагога основана в 1506 г. [106, с. 140].

В характере постановки пространственных ориентиров с определенной долей условности можно выделить два концентрических дуговых отрезка на периферии города. Один из них образовался бернардинским костелом св. Юрия, стоявшим обособленно от самого бернардинского

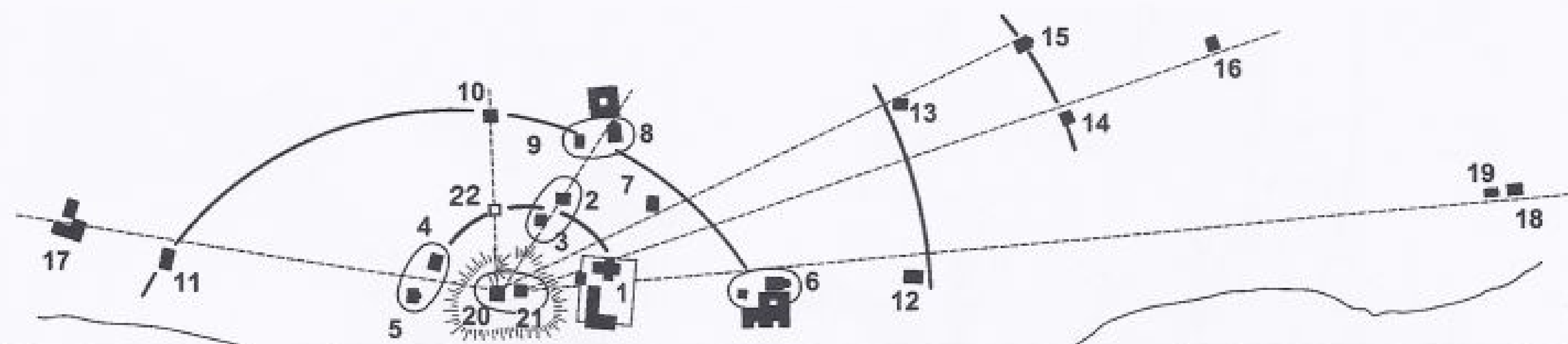

Рис. 32. Пинск. Схема размещения высотных доминант в первой половине XVIII в. (реконструкция автора): *1* — костел св. Станислава коллегиума иезуитов, *2* — церковь св. Николая, *3* — ратуша, *4* — церковь св. Варвары монастыря базилианок, *5* — церковь св. Стефана, *6* — костел Успения Девы Марии и колокольня монастыря францисканцев, *7* — синагога, *8* — костел монастыря доминиканцев, *9* — зимний храм монастыря доминиканцев, *10* — церковь св. Онуфрия, *11* — костел монастыря мариавиток, *12* — церковь Богоявленского монастыря (?), после 1758 г. — св. Феодора, *13* — костел св. Юрия монастыря бернардинцев, *14* — синагога предместья Каролин, *15* — костел монастыря бернардинцев, *16* — костел св. Баромея монастыря коммунистов, *17* — костел монастыря кармелитов, *18* — церковь Успения Девы Марии монастыря базилианов предместья Лещ, *19* — церковь Св. Духа монастыря базилианов, *20* — собор св. Дмитрия, *21* — церковь св. Феодора (сгорела в 1758 г.), *22* — место церкви Св. Троицы (предположительно)

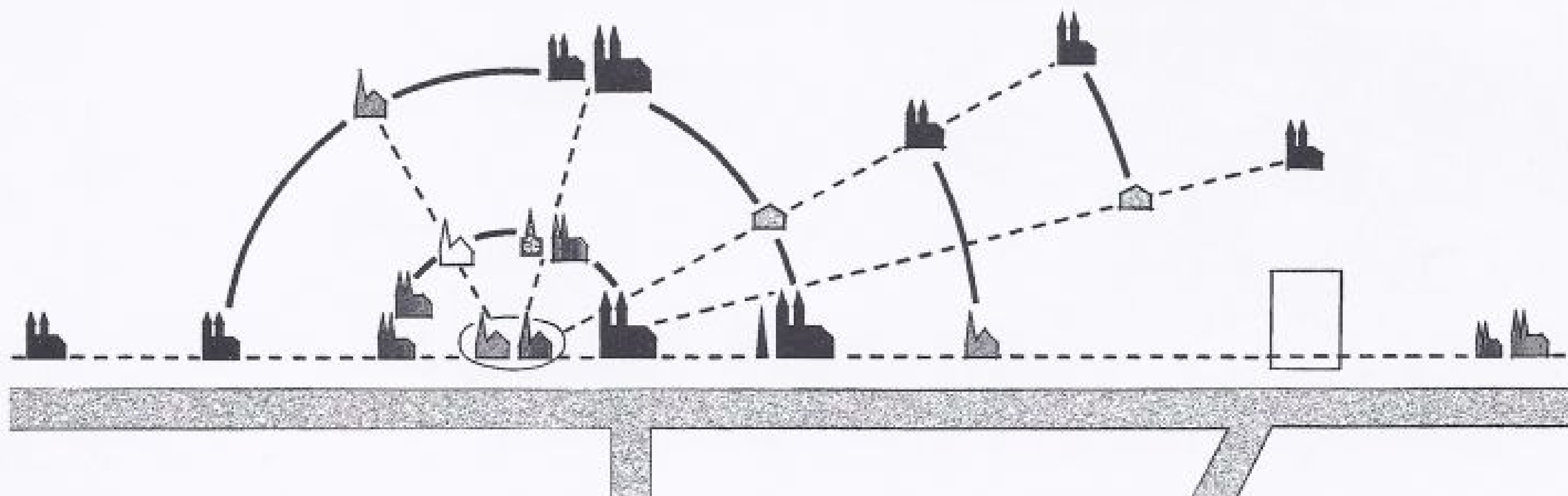

Рис. 33. Пинск. Идеализированная схема композиции высотных доминант в первой половине XVIII в. (реконструкция автора)

монастыря, и православной Феодоровской церковью. Второй дуговой отрезок формировался главным храмом бернардинского монастыря и синагогой предместья Каролин.

Главный бернардинский костел сооружен в стиле барокко в 1786 г. на месте деревянного храма 1718 г. Классицистические брама-звонница перед его порталом и жилой корпус относятся к первой половине XIX в. В 1832 г. костел преобразован в Варваринскую церковь [716, с. 80]. Возможно, при этом упразднен Варваринский монастырь вблизи замка, в начале XX в. уже не существовавший.

На участке Феодоровской церкви еще в 1596 г. был заложен деревянный Богоявленский монастырь, известный как одна из немногих православных обителей Полесья XVI—XVIII вв. [354, с. 250]. В 1631 г. древняя замковая православная церковь св. Феодора стала униатской, а в 1758 г. сгорела. Вероятно, после этого храм Богоявленского монастыря получил новое посвящение св. Феодору Стратилату, а сам монастырь перенесен на другое место либо прекратил существование.

Примечательно, что положение доминант или их звеньев на полуокружностях и дугах совпадало с их размещением на умозрительных радиусах, сходящихся к замку; ни один из высотных ориентиров не выпадал из этой схемы. Наиболее многочисленны были приречные ряды сооружений. В восточном направлении располагались храмы детинца, иезуитский и францисканский монастыри, Феодоровская церковь, мужской базилианский монастырь. Вдоль реки на запад система культовых зданий кроме замковых храмов включала группу из церкви св. Стефана и женского базилианского монастыря, мариавитскую обитель, кармелитский монастырь с костелом. Четыре других композиционных радиуса формировались тремя-четырьмя звеньями. Лишь один умозрительный луч определялся двумя элементами — замком и Онуфриевской церковью.

Рис. 34. Пинск. Костел св. Станислава коллегиума иезуитов. Фото 1920–1930-х годов (архив В.А.Чантурия)

Исходя из обнаруженной закономерности размещения культовых зданий одновременно на полуокружностях и радиусах, можно выдвинуть гипотезу, что один из многочисленных храмов XVI в. располагался в месте пересечения внутреннего полукольца с радиусом: детинец — Онуфриевская церковь. В. Грудницкий, анализируя данные акта 1552 г. о строительстве нескольких торговых лавок на площади, пришел к выводу, что Троицкая церковь находилась вблизи западных торцевых фасадов корпусов торговых рядов [105, с. 149], очевидно, в застройке западной стороны площади. Рассматриваемый участок находился примерно на пересечении умозрительных полуокружности и радиуса. Кроме того, учитывая традицию постоянства использования под культовую функцию однажды выбранных участков, место церкви косвенно подтверждается постановкой здесь в 1840-х годах каплицы в память избавления жителей Пинска от эпидемии холеры.

Рассмотренная схема постановки идейно важных зданий в основных чертах сложилась в древнерусскую эпоху и период распространения православия в ВКЛ в XIV—XVI вв., а затем преемственно развивалась до конца XVIII в. Процесс нарушения иерархической организации древнего восточнославянского города путем возведения крупномасштабных католических комплексов с главенствующим религиозно-смысловым, пространственно-планировочным и художественным значением не исказил начертания общей схемы, а лишь существенно переместил акценты внутри нее. Преобладающая градоформирующая роль иезуитского, францисканского и доминиканского монастырей отчетливо проявлялась при восприятии панорамы города с пойменной равнины правобережья Пины.

Как и в других городах, прослеживался прием сдвоенной постановки доминант, который усиливал их акцентную художественную функцию и служил закономерностью градостроительных композиций XVIII в. Помимо утилитарной обусловленности — возможное наличие на монастырском участке главного и зимнего храмов, строительство колоколен при костелах — или случайно возникшего соседства двух пространственных ориентиров, несомненно, существовало эстетическое начало в понимании не только зодчих, но и заказчиков, вызвавшее жизнеспособность данного приема.

Особенностью общественного центра Пинска была система трех разных по назначению взаимосвязанных площадей — главной рыночной, культовой возле коллегиума и перед синагогой. Подобная компактная структура трех элементов характерна и для некоторых других древних городов, например Слонима и Кричева, постепенно, без крупных планировочных преобразований формировавшихся до конца XVIII в. Причины появления этого специфичного функционально-пространственного, эстетически осознанного образования следующие.

Усиленное распространение католицизма в крае во второй половине XVI—XVIII в. сопровождалось строительством крупных культовых комплексов на лучших городских участках, в первую очередь на главных площадях, имевших древнерусский генезис, нерегулярное планировочное построение и достаточно плотную застройку — ратушу, несколько храмов, корпуса торговых лавок, жилье. Вероятно, с одной стороны, обрядовая деятельность католических монастырей нуждалась в специальных общественных пространствах, дополнявших тесный сложившийся торг. С другой стороны, идеология возвеличивания за-

Рис. 35. Пинск. Костел Успения Девы Марии и колокольня монастыря францисканцев

паднохристианского вероисповедания, актуальная в поликонфессиональной стране, требовала не только монументальных объемно-пластических и скульптурных композиций, но и создания дополнительных условий для их торжественного восприятия — организации особых предхрамовых или предмонастырских форумов. Так определился второй после главного торга элемент системы площадей, причем католический комплекс выходил одновременно на рыночную и культовую площади (Пинск) либо храмовый форум служил обособленной частью основного торга (Слоним).

В Пинске культовая площадь создана не перед главным фасадом, а со стороны апсиды костела, что не снизило эмоционального воздействия архитектурных форм в пространстве форума. Монументальное полукружие апсиды, равное по высоте основному объему храма и сильно выступающим крыльям трансепта, имело торжественный декор в виде частого строя пилястр большого ордера, высокие оконные проемы с фигурными сандриками увенчивались антаблементом изогнутого абриса. Похожей пластикой обладали крылья трансепта, также формировавшие пространство площади. На форум выходила парадная брама — на одном из планов города конца XVIII в. примерно по оси апсиды изображено строение в монастырской ограде.

Образование третьего звена в системе площадей сопряжено с формированием иудаистского культово-учебного центра. В XIV—XVI вв. происходил вызванный религиозными гонениями процесс миграции еврейского населения из стран Западной Европы, оседавшего, в частности, в Польском королевстве и Великом княжестве Литовском. Впервые на белорусских землях под XIV в. упоминается гродненская синагога [202, с. 14]. Обычно храмовый комплекс, включавший главную синагогу и другие общественные здания, строился по принципу пространственной замкнутости, что соответствовало социальным условиям существования еврейской городской общины. Его традиционная композиция, имевшая несколько вариантов, основывалась на размещении посредине малой квадратной площади объема синагоги, близкого к центричному и крупного по масштабу для условий городов XVI—XVIII вв., а по периметру — торговых лавок и жилья состоятельных владельцев. В соответствии со стилевыми тенденциями в градостроительстве XVI—XVII вв. иудаистский центр как небольшое новообразование в свободно, постепенно сложив-

Рис. 36. Пинск. Костел монастыря доминиканцев. Фото начала XX в. (МБП)

шейся планировочной системе поселения первоначально почти всегда имел регулярную композицию. Однако к концу XVIII в. в результате растихийного строительства правильность линий застройки сторон площади и отрезков прилегающих улиц частично нарушалась.

Главный синагогальный комплекс города, будучи важным функциональным элементом центра, формировался вблизи основного торга на лучших земельных участках. Государственным законодательством, однако, запрещалось возведение синагог непосредственно на рыночной площади. В градостроительной практике XVII–XVIII вв. нет ни одного случая размещения иудаистского центра в застройке торга. Это касается великокняжеских и частновладельческих городов независимо от их величины, поселений с древней нерегулярной, регулярной готической, ренессансной или барочной структурой. Особенности синагогальных площадей отражены в табл. 4.

К веерно-ветвистому полукольцевому типу относилась также планировка Турова, столицы древнерусского княжества в Восточном Полесье (перерисовка документального плана Турова XVIII в. – [441, с. 52]). Кроме детинца и окольного города оборонительную линию имел обширный посад, что определило в дальнейшем протяженную улицу наподобие полуокружности. Разветвления радиальных направлений наблюдались в основном за пределами этой магистрали, на территории неукрепленного посада. Помимо городского ядра второстепенным центром схождения веерных коммуникаций служил прибрежный торг в излучине р. Струмень, сложившийся внутри внешнего оборонительного пояса.

Сочетание нескольких типов систем планировки наиболее ярко прослеживается в Витебске. В соответствии с классификацией древнерусских городов по структурно-ландшафтным признакам и общей форме [441, с. 50, 51] его можно отнести к сегментно-мысовым поселениям. Градостроительный анализ Витебска проведен автором на основе планов города начала XIX в. (РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 260, л. 1), 1772–1775 гг. (РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 261, л. 1), 1778 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21574, л. 3), 1798 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 53), двух планов 1785 г. (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 54/122, 55/123).

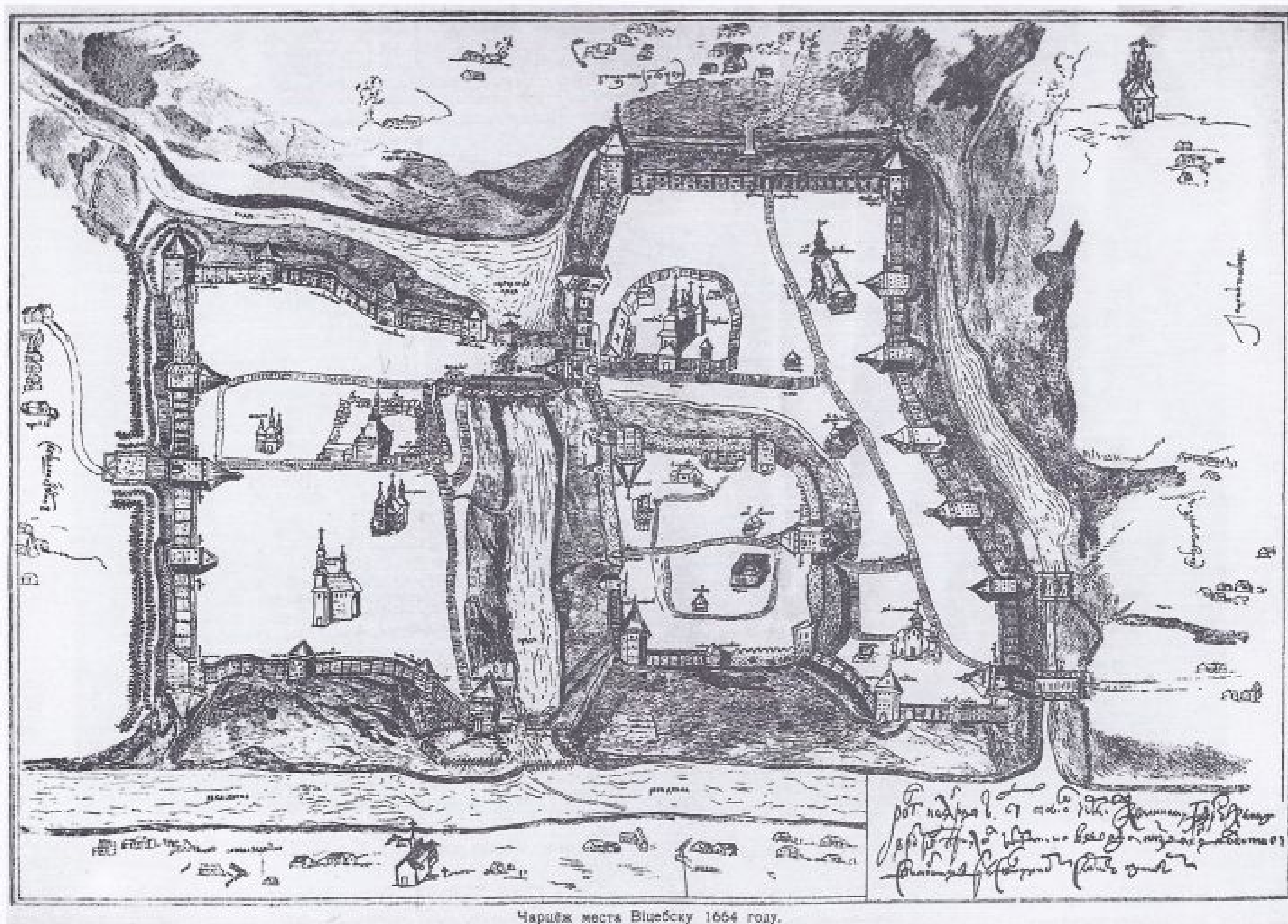

Чарцёж места Віцебску 1664 году.

Рис. 37. «Чертеж города Витебска» 1664 г.

Различие типов планировки вызвано в основном рельефом местности и очертаниями русел рек. Уличная сеть сформировалась в пяти районах: Верхний и Нижний замки между двумя протоками р. Витьбы при впадении ее в Двину — центральный по положению район, вокруг которого группировались остальные; Взгорский замок и прилегающая территория между основным руслом Витьбы и Двиной; Задунавье между Витьбой и впадающим в нее ручьем Дунаем; Заручавье между этим ручьем и Двиной; обширное Задвинье на противоположном берегу Двины. Еще в XVII в. Верхний замок (детинец), Нижний замок (окольный город) и Взгорский замок (один из посадов) были обнесены оборонительными сооружениями. Остальные районы не имели укреплений.

Планировочная система Верхнего и Нижнего замков — одноуличная. По свидетельству документального «Чертежа города Витебска» 1664 г. [469, 260 и др.] меньший по территории Верхний замок имел одну осевую коммуникацию и был плотно застроен. На планах города конца XVIII в. в пределах детинца изображен внутренний холм площадью около 1 га, примыкающий к дальнему от Двины краю крепости. Археологические исследования выявили, что здесь находилось древнейшее поселение днепро-двинской культуры, считающееся первым на территории Витебска [160, с. 51]. Очевидно, одновременно это следы более позднего укрепленного склада-крома, известного во многих крупных древнерусских городах (Белгород, Переяславль, Тверь, Чернигов) и гипотетически первичного по отношению к детинцу, позже включившему его в свой состав [332, с. 8, 9; 441, с. 44, 45]. На вершине холма с начала XII в. стоял храм св. Михаила Архангела [623, т. 1, с. 328]. Существовало и второе поселение на мысу возле устья Витьбы, которое также в XII—XIII вв. вошло в детинец [160, с. 51].

В середине XVII в. планировка детинца представляла собой одну главную улицу, соединяющую противоположные проезжие башни, и две дуговые трассы, проходящие вдоль оборонительных стен на некотором удалении от них и смыкаю-

Рис. 38. План Витебска, составленный между 1772 и 1774 гг. (РГИА)

щиеся с главной осью. Возможно, такая схема была достаточно распространенной. Преобладанием центральной улицы характеризовался детинец Минска. Отсутствие изобразительных материалов и широких археологических изысканий не позволяет полностью представить сеть улиц детинцев других белорусских городов.

Несмотря на географическую разобщенность, примечательно сходство с некоторыми русскими городами. Например, Переславль-Залесский во Владимиро-Суздальской земле, будучи городом иного типа, чем Витебск (новый княжеский город), с иным расположением на рельефе (низинным), тем не менее имел близкую витебскому детинцу планировку крепости, несмотря на ее бóльшие размеры. Главная улица также соединяла две противоположные из нескольких надвратных башен, а дуговые направления проходили вдоль валов на определенном расстоянии от них. Другие улицы и переулки были малочисленны и явно второстепенны. Одна из дуговых трасс, как и в Витебске, была короче и не смыкалась с основной коммуникацией (план Переславля-Залесского — [441, с. 180]). Сходство двух городов наблюдается и в ином смысле, на макромасштабном уровне. В градостроительной композиции Переславля-Залесского использована тема «чаши»: центр располагался ниже перифе-

Рис. 39. Витебск. План начала XIX в. (РГИА), совмещающий существовавшую нерегулярную и спроектированную классицистическую сеть улиц и площадей

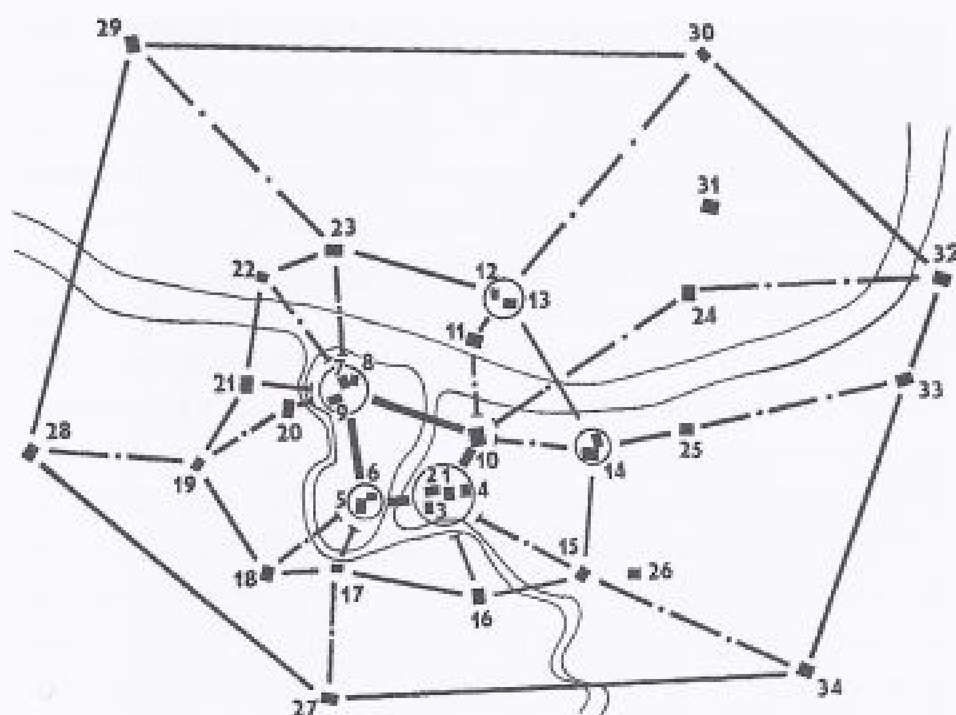

Рис. 40. Витебск. Схема композиции высотных доминант в XVIII — начале XIX в. (реконструкция автора).

Поясняющие подписи к рис. 40, 45: *1* — ратуша 1775 г. (деревянные ратуши — 1680, 1708, 1733 гг.); *2* — церковь Воскресения, 1772, 1841 гг. (на месте церкви XVI в.); *3* — костел св. Антония монастыря бернардинцев, 1685 г., 1737—1768 гг. (на месте кальвинского сбора); *4* — церковь Введения во храм Богородицы XIV—XV вв.; *5* — костел св. Ксаверия коллегиума иезуитов 1716—1731 гг. на месте Пятницкой церкви XIV в., позже деревянного коллегиума 1639—1649 гг., Алексеевского монастыря 1654 г.; *6* — звонница коллегиума; *7* — церковь Благовещения, XII в., 1619, 1714, 1759 гг.; *8* — приходский костел Св. Троицы XVIII в.; *9* — костел доминиканского монастыря, 1682, 1771 гг.; *10* — церковь Успения 1715—1743 гг. монастыря базилиан 1715—1775 гг. (арх. И. Фонтана) на месте церквей Успения XIV в., Преображения 1636 г., деревянного монастыря базилиан 1682 г.; *11* — церковь Богоявления (Симеоновская), 1790, 1805 гг. (на месте церкви XVI в.); *12* — церковь св. Николая, 1779, 1853 гг.; *13* — костел монастыря пиаров 1753 г.; *14* — две церкви Спаса, XVIII в., 1810, 1813—1819, 1847, 1855 гг.; *15* — церковь Иоанна Богослова, 1706, 1855 гг. (на месте церкви 1345 г.); *16* — церковь св. Николая (Завитьбенская) 1798 г. на месте церкви XVI в., позже — доминиканский костел; *17* — церковь Иоанна Предтечи XVI в.; *18* — церковь Св. Духа монастыря базилианок XVIII в. на месте церкви 1340—1381 гг.; *19* — костел монастыря тринитариев 1760 г., с 1858 г. — церковь св. Петра и Павла; *20* — церковь Рождества Христова 1810 г.; *21* — церковь Воскресения (Заручавская) 1771—1800 гг. на месте церкви XVI в.; *22* — церковь св. Михаила; *23* — церковь св. Петра и Павла 1780 г. на месте церкви XVI в.; *24* — церковь св. Ильи 1746 г. (1643 г.—?) на месте церкви 1447 г.; *25* — церковь Преображения 1813 г.; *26* — церковь Рождества Христова; *27* — церковь Покрова Богородицы, позже Иоанна Предтечи, перестройка 1816 г.; *28* — церковь Воздвижения Креста (?); *29* — каплица св. Михаила, позже св. Николая; *30* — костел св. Варвары 1785 г.; *31* — церковь Покрова Богородицы 1760 г. (1752 г. — ?) на месте более древней церкви; *32* — каплица св. Иосафата, позже костел Св. Троицы; *33* — церковь Св. Троицы 1761 г. на месте церкви 1618 г.; *34* — каплица Св. Троицы

рийных посадов, а окружающие его холмы подчеркивались системой доминант [441, с. 180, 181], что прослеживалось и в Витебске.

Примыкающий к Верхнему Нижний замок также характеризовался одной превалирующей в планировке Великой улицей, от которой отходили короткие ответвления. Причиной возникновения такой структуры в Нижнем замке служил его узкий вытянутый участок, высокие и крутые берега протоков Витьбы, между которыми по водоразделу была проложена трасса.

Планировка Взгорья — веерно-ветвистая с дуговыми элементами. Плато между обрывистыми берегами Витьбы и Двины также сравнительно узкое, в связи с чем сложилось лишь два планировочных луча, исходящих из одной точки — единственного места, где функционально связывались Взгорский и Нижний замки. Этот узел фиксировался большой проезжей башней Нижнего замка и мостом через основной рукав Витьбы. Поперечные улицы преобладающе дуговых очертаний соединяли радиальные направления и берега рек. Одна из таких улиц проходила по трассе вала с деревянной стеной и рва XVII в., размещавшихся со стороны приступа и ликвидированных ко второй половине XVIII в.

Общий веерно-ветвистый дуговой тип планировки Взгорского района в северо-западной части дополнялся локальной, иначе ориентированной веерно-ветвистой схемой улиц. На кромке высокого берега Двины сложился культовый комплекс — две Спасские церкви, а также крупный, вероятно усадебный, жилой дом, которые вместе с прилегающей застройкой формировали

Рис. 41. Витебск. Схема композиции высотных доминант в XVIII — начале XIX в. (реконструкция автора)

Рис. 42. Витебск. Церковь Богоявления. Фото начала XX в.

открытую к реке площадь. Очевидно, в XVII–XVIII вв. этот комплекс служил центром неукрепленной части Взгорского посада, что явилось причиной радиальной ориентации к нему шести улиц. Весьма схожее сочетание двух накладывающихся друг на друга веерно-ветвистых схем наблюдалось и в русских городах, например в ямской слободе Владимира XVII в. (план — [441, с. 275, 278]). Здесь, как и в Витебске, центры схождения улиц напрямую соединялись общим для обеих схем веерным направлением.

Планировочная система Задунавья — одно-коммуникационная, с главной улицей на водоразделе, являющейся продолжением Великой улицы Нижнего замка. Такой тип структуры определился вытянутостью застроенной территории между глубокими оврагами. В отличие от других районов Заручавье сложилось на обширной, пригодной для освоения территории, понижающейся к Нижнему замку. Отсутствие укреплений и глубокий тальвег, отделявший этот посад, повлияли на автономность образования его планировочной сети перекрестного типа.

Тип планировки Задвинья — перекрестный с большим числом пересекающихся улиц, в ориентации которых прослеживалась тенденция параллельности и перпендикулярности изгибающейся береговой линии. В срединной части сложилась прямоугольно-прямолинейная структура. Последнее обстоятельство позволяет выдвинуть гипотезу о создании регулярной уличной сети этой зоны Задвинья в период готико-ренессансных градостроительных преобразований XVI — первой половины XVII в. Наблюдаются четыре близкие к прямым улицы, перпендикулярные берегу, и два параллельных реке направления. Правильная схема к концу XVIII в. могла претерпеть трансформации, вызванные стихийной застройкой частных владельцев или пожарами с последующим восстановлением зданий и усадебных наделов.

Вообще, в некоторых крупных коронных городах с древнерусской в основе структурой в эпоху Возрождения осуществлялась перепланировка районов с плоским рельефом на противоположном детинцу и окольному городу берегу большой реки. Например, на двух планах Орши 1778 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21564, л. 21; РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 25, д. 1747) в Заднепровском посаде видна существовавшая близкая к регулярной уличная сеть с обширной прямоугольной площадью. В Витебске в пользу предположения служит тот факт, что фрагменты правильной схемы прослеживаются точно напротив Верхнего, Нижнего замков и ратушной площади. Южная из перпендикулярных берегу улиц находится на одной линии с устьем протока Витьбы, северная — ориентирована на ратушу. Кроме того, интервал между двумя соседними перпендикулярными улицами приравнен к расстоянию между параллельными реке трассами.

Места высотных сооружений в плане города подчинялись ясно выраженной закономерности — организации трех условных концентрических окружностей. Композиционное значение доминант, создающих окружности, усиливалось от периферии к центру. Внешний пояс образовали семь приходских и кладбищенских церквей и каплиц, судя по историческим документам отличавшихся относительно небольшим масштабом. Двенадцать храмов в промежуточной окружности были более

Рис. 43. Витебск. Церковь св. Ильи. Рисунок Д. Струкова второй половины XIX в.

Рис. 44. Центральная зона Витебска на плане начала XIX в. (РГИА)

крупными. Их пространственная роль усиливалась приемом сдвоенного размещения. Создание групп из двух, трех или четырех рядом стоящих вертикальных акцентов является особенностью композиции Витебска, характерной также для Пинска и Могилева. Если в промежуточном кольце Витебска спаренная постановка применена только в двух случаях, то в центральном поясе, формируемом крупномасштабными, выдающимися в художественном отношении барочными зданиями, три из четырех звеньев содержали два-четыре высотных ориентира. Внутри этого пояса и на основе его элементов был организован главный архитектурный ансамбль Витебска.

Следует упомянуть, что прием сдвоенного размещения доминант наблюдался, например, в Москве XVII в.: церкви Рождества Богородицы и Благовещения Богородицы, а также Иоанна Предтечи под Бором и св. Михаила и Федора Черниговских образовывали соответственно две пары композиционных акцентов вблизи бровки речной долины в северной части Замоскворечья [281, с. 21]. В отношении Витебска и Могилева формирование групп из двух и более высотных сооружений отмечалось в исследованиях Ю. Н. Кишика.

Размещение храмов в круговом порядке осознавалось при восприятии города в натуре благодаря наличию видовых связей между ними и суммированию впечатлений в процессе долговременного визуального освоения среды. Умозрительные окружности дополнялись десятью радиальными направлениями, которые также были четко проявлены расположением трех-четырех, редко двух доминирующих звеньев вдоль одной оси. Как и в Пинске, эти условные лучи, сходящиеся к центру, не дублировали своим положением трассы улиц, а были пространственно автономны; кроме того, доминанты одновременно формировали окружности и радиусы. Высотные сооружения размещались на небольшом удалении в обе стороны от каждой умозрительной прямой, образуя относительно нее композиционное равновесие. Это свидетельствует об общих с русским градостроительством XVI—XVII вв. принципах

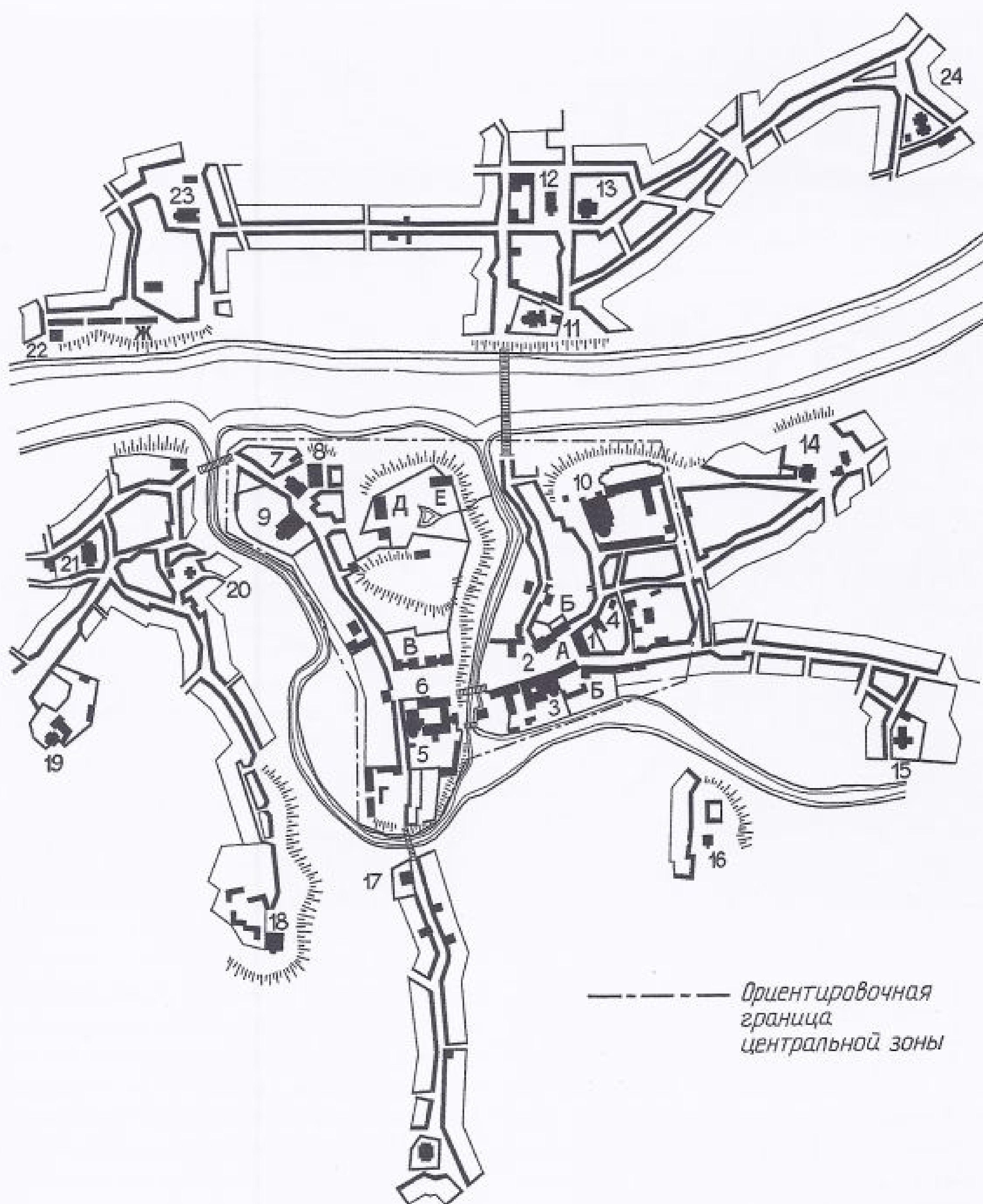

Рис. 45. Планировочная структура центра Витебска в XVIII в. (реконструкция автора): Административные, деловые и основные торговые учреждения (после 1772 г.): *А* — ратуша (главный суд, магистрат, городская дума, гауптвахта); *Б* — гостиный двор; *В* — помещения губернатора, вице-губернатора, коменданта, ранее — полиции и почты; *Г* — городская дума; *Д* — губернская чертежная, типография; *Е* — присутственные места, уездный и нижний земский суды; *Ж* — провиантские магазины

композиции, структурно-планировочных и художественных традициях, берущих начало в единой древней культуре строительства городов.

Постановку культовых зданий в плане города можно представить не только в виде трех колец и расходящихся радиусов. Иная возможная схема образуется по принципу расположения на одной условной визуальной оси трех или более вертикальных акцентов, как сказано выше, незначительно отступающих от нее в разные стороны. Все доминанты объединялись прямыми линиями, при этом на каждой размещалось не менее трех объектов, а иногда четыре-шесть. Храмы формировали в городской среде линейные ряды, при восприятии вдоль которых в благоприятных условиях рельефа местности объемы сооружений зрительно не накладывались друг на друга.

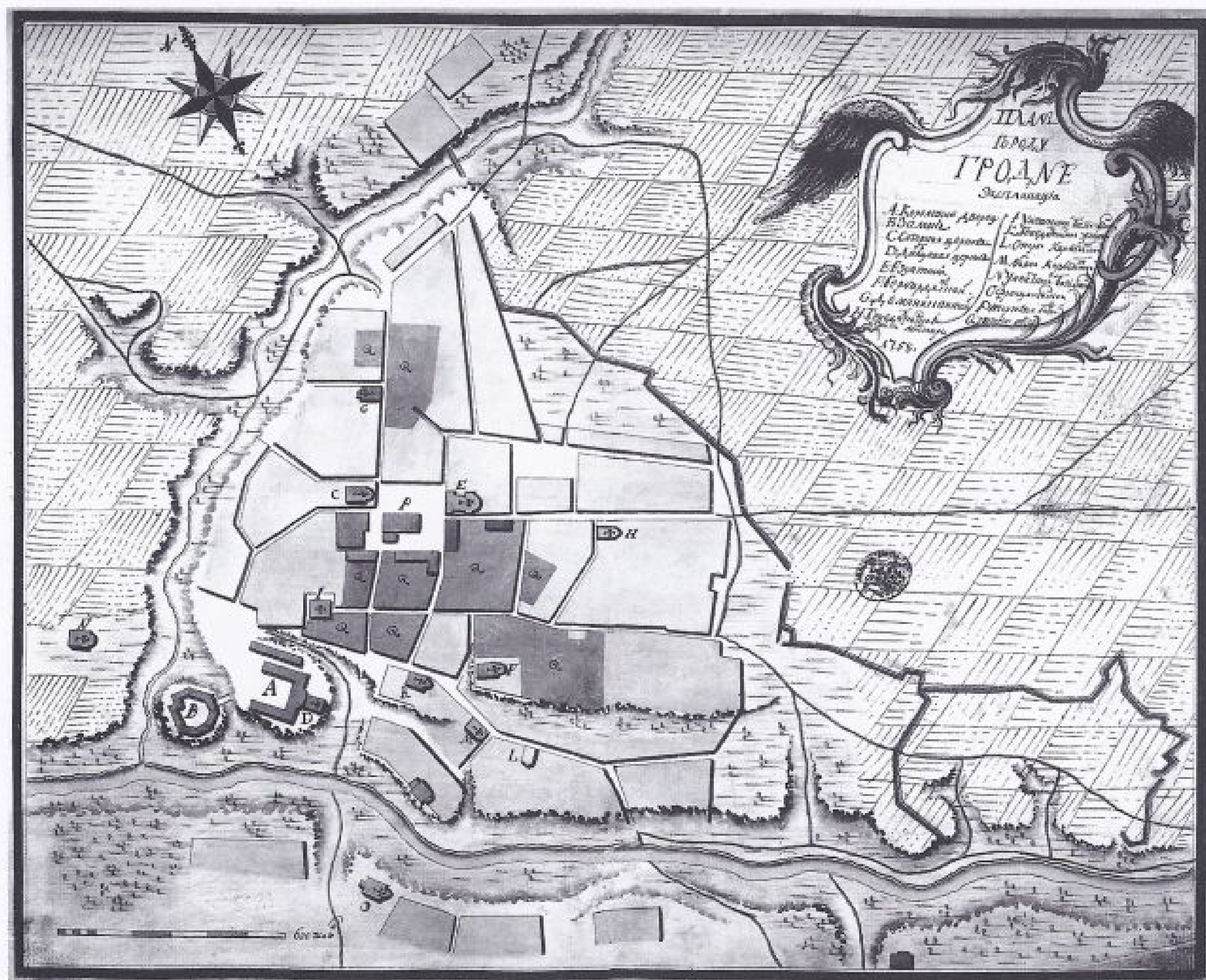

Рис. 46. Гродно. План 1758 г. (РГВИА)

Общественный центр Витебска в XVIII в. представлял собой систему архитектурных ансамблей и имел разветвленный линейно-узловой характер. Значение функциональных и художественных узлов имели площади, монастыри и другие храмовые комплексы, а связей между ними — основные улицы, сформированные деревянной усадебной застройкой с включением отдельных каменных зданий. Территория Верхнего, Нижнего и Взгорского замков XVII в. составляла центральную (срединную) зону центра. К ней примыкали ансамбли, сложившиеся вдоль отходящих в разных направлениях коммуникаций. Таких линейных образований с одним-четырьмя узлами насчитывалось семь: одно в Задунавье и по два — во Взгорском, Заручавском и Задвинском посадах.

Центральная зона, где концентрировались монументальные здания и размещался внутренний пояс доминирующих комплексов, была относительно компактна — 700 м в меридиональном, 660 м в широтном направлениях. Вероятно, первоначальная торговая площадь, утраченная к XVIII в. и, согласно восточнославянской традиции, размещавшаяся у стен детинца в окольном городе, находилась с юга от Верхнего замка. Косвенно это подтверждается тем, что по «Чертежу» 1664 г. здесь в прясле стены располагалась главная надвратная башня Верхнего замка, а с другой возможной, восточной, стороны въездов не было и стояли только угловые башни. Кроме того, в восточной части холм Верхнего замка наиболее высок и организовать тут въезд в крепость было затруднительно, тогда как с юга вертикальные отметки Верхнего и Нижнего замков почти выравнивались. От древней торговой площади начиналась основная улица Нижнего замка с характерным названием Великая. В застройку площади входила стоящая здесь церковь Благовещения Богородицы XII в.

После получения Витебском в 1597 г. магдебургского права в связи с развитием торговых и производственных функций города возникла необходимость создания новой, более обширной

Рис. 47. Центральная часть Гродно на плане 1795 г. (РГВИА): *1* — Верхний замок, *2* — Нижний замок, *3* — ратуша и торговые ряды, *4* — приходский костел, *5* — коллегиум иезуитов, *6* — монастырь базилианок, *7* — монастырь доминиканцев, *8* — монастырь Св.Духа, *9* — монастырь бригиток, *10* — монастырь бернардинцев, *11* — монастырь бернардинок, *12* — монастырь кармелитов, *13* — монастырь бонифратеров, *14* — синагога, *15* — дворец Радзивилла, *16* — дворец Бжостовского, *17* — дворец Хлевинского, *18* — дворец Сангушки, *19* — дворец Масальского, *20* — дворец Огинского, *21* — конюшни, *22* — колодец, *23* — винокурня

Рис. 48. Гродно. План начала XIX в. (РГИА)

торговой площади, символизирующей также относительную независимость городской общины от власти королевского наместника. С этим временем совпало вызванное естественным ростом города и наличием постоянной военной опасности возведение в первой половине XVII в. укреплений Взгорского замка. Площадь с ратушей была создана в точке схождения двух веерных магистралей Взгорского посада, на понижающемся гребне водораздела, возле единственного

Рис. 49. Гродно. План 1824 г. (РГИА)

Рис. 50. План центральной части Гродно 1831 г.

моста через Витьбу к Нижнему замку. В XVIII в. застройка ее включала ратушу, Воскресенскую униатскую церковь, бернардинский монастырь, гостиный двор и другие постройки. Ансамбль соединялся с Нижним замком мостом возле иезуитского коллегиума.

Иезуитский коллегиум построен в 1639—1649 гг. В период войны России с Речью Посполитой, когда городом временно владел царь Алексей Михайлович, иезуиты были взяты в плен и высланы в Россию на поселение [623, т. 2, с. 330], а на месте коллегиума размещен православный Алексеевский монастырь. Во второй половине XVII в. здесь вновь находился коллегиум, сожженный в Северную войну и отстроенный к 1731 г. Площадь перед коллегиумом оформилась как общественное пространство лишь в начале 1770-х годов после сооружения напротив него торговых рядов и дома воеводы.

На одном из самых высоких мест города у кромки прибрежного плато в устьи Витьбы размещался мужской базилианский монастырь. Перед главным и боковым фасадами церкви была организована Г-образная площадь, открытая к Двине и Витьбе. Позже система площадей дополнилась также прямоугольной административной площадью на восточном мысу Нижнего замка перед двумя зданиями городской думы.

Рис. 51. Гродно. Схема композиции высотных культовых доминант в XVIII в. (реконструкция автора): *1* — приходский костел Божьей Матери, 1584—1587, 1753, 1782, 1807 гг. (на месте костела 1389 г.); *2* — костел св. Ксаверия (1678—1700, 1750—1752 гг.) коллегиума иезуитов 1667—1763 гг. (на месте костела второй четверти XVII в.); *3* — костел Благовещения монастыря бригиток 1634—1642 гг.; *4* — костел св. Креста (1602—1618, 1680, 1738, 1788 гг.) монастыря бернардинцев XVII—XVIII вв. на месте монастыря 1494 г.; *5* — костел 1738—1765 гг. монастыря кармелитов; *6* — костел монастыря бернардинок, 1621, 1854 гг.; *7* — церковь Рождества Богородицы 1726 г. монастыря базилианок 1720—1751 гг. на месте Пречистенской церкви XII в.; *8* — синагога XIV— XVIII вв.; *9* — костел 1630 г. монастыря доминиканцев (XVII в., 1735, 1760, 1780-е годы); *10* — монастырский костел Св. Духа 1553 г.; *11* — костел монастыря бонифратеров 1729 г.; *12* — костел монастыря францисканцев, 1635 г., XVIII в.; *13* — лютеранская церковь второй половины XVIII в.

Анализ функциональной организации центральной зоны показывает, что существовали четыре общественных пространства площадей, два из которых полифункциональны и включали учреждения: административные разных видов, торговые, культовые католические и униатские (площади ратушная и возле коллегиума). Два ансамбля были монофункциональны: предхрамовая площадь у монастыря базилиан и административная со зданиями думы. На внутриквартальных территориях наблюдалось несколько зон административной, торговой, католической и униатской принадлежности.

После присоединения Витебска к России в 1772 г. среди административных и деловых учреждений центра выделились губернские и уездные службы: помещения губернатора, вице-губернатора, главный, уездный и нижний земский суды, присутственные места, губернская чертежная, типография губернского правления и др., а также военные службы — витебский комендант, гауптвахта. Меньшей была роль городских учреждений (городская дума, полиция и др.), однако число строений в собственности думы, где размещались как местные, так и губернские функции, несколько превышало количество казенных административных зданий. Это в какой-то мере свидетельствовало о численности и состоятельности мещанского сословия, в частности купечества.

Католические монастыри занимали лучшие места города на двух основных площадях, но главной доминантой по размерам строений, территории и композиционной роли был мужской базилианский монастырь. Прослеживалась тенденция тяготения друг к другу католических учреждений, слияния их участков в зоны единой конфессиональности, тогда как униатские обители и приходские церкви размещались обособленно. Единственная значительная торговая зона определилась гостиным двором на ратушной площади; кроме того, торговые лавки находились в жилых домах на всех площадях и основных улицах.

Разветвленная структура городского центра формировалась также культовыми ансамблями, связанными со срединной зоной магистралями и составлявшими с ней функциональное и художественное целое. Эти ансамбли были центрами посадов или их частей, равномерно рассредоточивались на селитебных территориях, окружавших срединную зону, и в большинстве образовывались приходскими униатскими церквами с колокольнями и другими постройками.

Например, такой культовый центр образовали Спасские церкви у Двины. Возле Витьбы культовый центр формировался униатской церковью Иоанна Богослова. На продолжении Великой ули-

Рис. 52. Костелы иезуитов и бернардинцев в панораме Гродно. Фото 1970-х годов

цы в Задунавье сложился центр посада — церковь Иоанна Предтечи и униатский Покровский храм. При посадских центрах существовали площади, индивидуальные по планировке и пространственному решению. В других случаях центры организовывались уличанскими храмами. Сформированные жилой застройкой коммуникации, обеспечивавшие кратчайшую функциональную связь со срединной зоной городского центра разных по структуре культовых комплексов, образовывали два типа такой связи. В первом случае соединение осуществлялось одной трассой, во втором — возникали две улицы, иногда почти параллельные. Короткие дублирующие коммуникации свойственны Заручавью, где имелось четыре храмовых комплекса. Среди них примечателен Святодуховский монастырь базилианок. Он располагался у края высокого плато над рукавом Витьбы

Рис. 53. Гродно. Ратуша с торговыми рядами и костел иезуитов. Фото 1930-х годов

Рис. 54. Гродно. Монастырь бернардинок, позже — мужской Борисоглебский монастырь. Фото начала XX в. (РМИР)

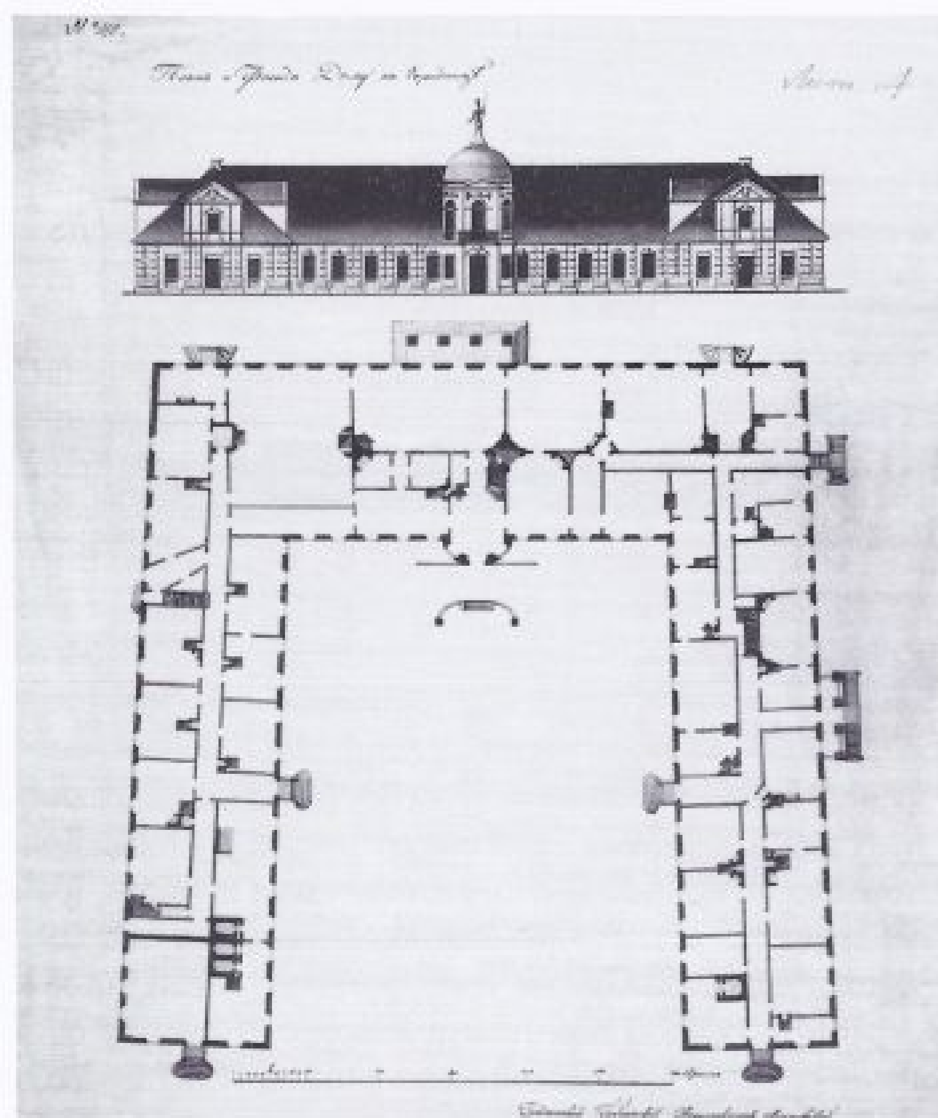

Рис. 55. Гродно. Дворец А.Тызенгауза (РГИА)

и ручьем Дунаем, а перед церковью была создана небольшая Г-образная площадь, открытая к природным пространствам речных долин и городским ансамблям. Так, на примере мужского и женского базилианских монастырей наблюдается бесспорная общность приемов размещения на рельефе, отношения к ландшафтным пространствам и планировочной формы предхрамовой площади.

Значительное развитие посадский центр получил также в Задвинье, сложившись наподобие вытянутого вдоль Двины креста. Здесь основная общественная зона сформировалась в районе моста, подчеркивая полоцкое направление. Она включала униатскую Богоявленскую церковь на треугольной открытой к реке площади и, в квартале от нее, второй культовый форум. На нем образовался ансамбль, объединивший католический пиарский монастырь и православный Николаевский храм. В первой половине XIX в. общественное значение площади усилилось в связи с размещением почты. На севере Задвинского посада находилась униатская Ильинская церковь, соединенная с основной общественной зоной сдвоенной планировочной связью (подобные дублирующие друг друга, трассированные рядом улицы наблюдались и в русском градостроительстве XVI—XVIII вв., например в Белозерске [441, с. 281, 284]). В южной части посада на почти прямоугольной площади размещался униатский Петропавловский храм.

Сочетание систем планировки разных типов наблюдается в Гродно, которое принадлежало к секторно-мысовым городам. На территории в виде четверти круга с радиусом 0,7 км, в центре которого помещался детинец (Верхний, Старый замок), сложилась веерно-дуговая сеть улиц. Детинец и окольный город (Нижний, Новый замок) занимали высокие холмы малой площади на берегу Немана возле устья р. Городничанки. Возможно, рассматриваемый тип планировки посада на плато между реками, имевший 6—7 веерных направлений и 3—4 дуговых, во многом обусловился протяженной внешней оборонительной линией, существование которой документально не доказано.

К району веерно-дуговой планировки с востока примыкала большая часть города, полностью заселенная ко второй половине XVIII в. и отличавшаяся прямоугольно-прямолинейной схемой улиц. Широтные направления, параллельные Неману, определяли расширение селитьбы на восток в секторе между двумя реками. Меридиональные улицы, проложенные чаще широтных, были перпендикулярны изгибавшимся руслам рек.

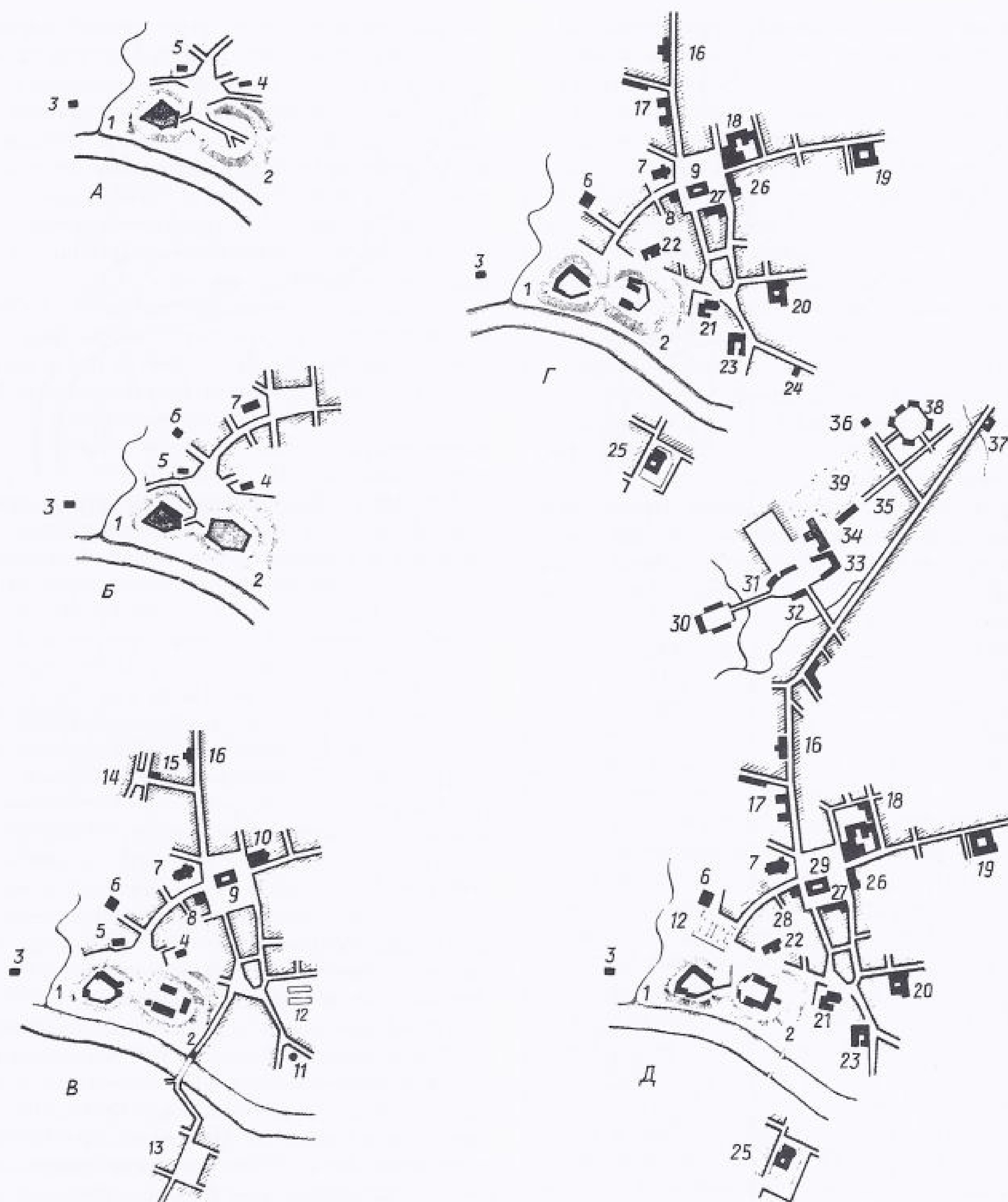

Рис. 56. Эволюция планировочной структуры центра Гродно в XII—XVIII вв. (гипотетическая реконструкция автора): *А* — XII—XIII вв., *Б* — XIV— XV вв., *В* — XVI в., *Г* — XVII — начало XVIII в., *Д* — XVIII в.; *1* — Верхний (Старый) замок; *2* — Нижний (Новый) замок; *3* — церковь монастыря св. Бориса и Глеба (Коложская), вторая половина XII, начало XVI, XVII вв.; *4* — Пречистенская церковь; *5* — Малая Коложская церковь конца XII в.; *6* — синагога; *7* — приходский костел; *8* — ратуша 1496 г.; *9* — торговые ряды; *10* — церковь св. Симеона XVI в.; *11* — церковь Честного Креста XVI в.; *12* — королевские конюшни; *13* — торговая площадь Занеманья; *14* — Немецкий рынок; *15* — церковь Св. Троицы 1511 г.; *16* — монастырь Св. Духа; *17* — монастырь доминиканцев; *18* — коллегиум иезуитов; *19* — монастырь бригиток; *20* — монастырь бернардинцев; *21* — монастырь бернардинок; *22* — монастырь базилианок; *23* — монастырь кармелитов; *24* — деревянный костел кармелитов 1673 г.; *25* — монастырь францисканцев; *26* — бывший дворец Батория, позже — Бжостовского; *27* — дворец Радзивилла; *28* — дворец Хлевинского; *29* — ратуша и торговые ряды; ансамбль Городницы 1760—1780-х годов: *30* — дворец администратора, *31* — музыкальная школа, *32* — дом вице-администратора, *33* — дворец Тызенгауза, *34* — театр, *35* — медицинская школа, *36* — лютеранская церковь, *37* — корчма, *38* — застройка площади учебного и военно-производственного назначения; *39* — ботанический сад

Две магистрали, основные структурные оси города, сформировали крестоподобный абрис. На их пересечении размещалась огромная почти квадратная рыночная площадь — результат средневековых регулярных планировочных мероприятий, предположительно, XV в. В контексте общих для региона градостроительных явлений этого времени она образовалась после получения городом в 1391 г. магдебургского права как новый торговый и административный центр. Он был создан на удалении от старого торговища, традиционно находившегося у стен Верхнего замка и в конце XVIII в. еще фрагментарно сохранявшегося в виде открытой площадки. В Гродно сложение готического по композиции торга совпало по времени с периодом развития ВКЛ как нового государственного образования, объединившего западнорусские и этнично литовские земли. Примечательно, что рынок сформировался на границе веерно-дуговой и прямоугольно-прямолинейной планировочных систем, которая фиксировалась также и главной улицей. В небольшой Занеманской слободе возник одноуличный тип планировки.

Постановка культовых доминант XII—XVIII вв. в плане города подчинялась закономерности, отмеченной на примере Витебска. Три или более храмов образовывали ряды, размещаясь либо строго на одной прямой линии, либо незначительно отступая от нее в разные стороны. Эта особенность пока не поддается исчерпывающему объяснению. Поскольку речь идет о сакральных сооружениях, выдвинем гипотезу, что в основе закономерности лежал священный смысл, особое почитание в христианском богословии числа три как образа Св. Троицы. Через две точки всегда можно провести прямую, а положение трех точек (или храмов) на одной линии редко бывает случайностью и требует соответствующего планировочного замысла, тем более если по прямой выстраиваются четыре-пять сооружений. Так, число три для реализации рассматриваемого линейного приема компоновки становится ключевым, определяющим, «пороговым», превышение которого уже в принципе ничего не меняет и в любом случае обеспечивается наличием замысла. Другими словами, размещение нескольких священных зданий на одной прямой служит символом, иносказательной иллюстрацией теологической важности числа три. Гипотеза подтверждается тем, что во многих случаях именно три доминанты организуют прямую, четыре-пять встречаются реже.

Невозможность визуального восприятия всей картины плана не имела значения — важно было фактическое присутствие данной идейности. С другой стороны, небольшая сдвижка зданий от прямой в разные стороны обусловлена художественными задачами реального восприятия групп видимых доминант, воплощением принципа их композиционного равновесия относительно умозрительной оси. Однако не исключено, что отклонения от точного положения храмов на прямой вызваны ограничениями застройки в условиях того или иного участка.

Сакральность числа три как знака Св. Троицы отразилась и в другой черте градостроительной композиции Гродно. В его центральной части рядами высотных доминант явственно организован пространственный треугольник (факт расположения ведущих зданий по треугольной схеме отмечен также Ю. Н. Кишиком [232, с. 77; 234, с. 184, 186]). Формирование четырьмя храмами каждой из двух сторон треугольника и тремя храмами — одной стороны, почти идеальное размещение храмов на прямых независимо от уличной сети, равенство двух сторон свидетельствуют о преднамеренности создания треугольной структуры. Помимо главного треугольника, охватывающего ядро центра, существовали и другие, возможно случайные треугольники, пространственно растянутые и потому композиционно менее выразительные.

Наконец, настойчивое использование числа три проявилось в том факте, что в пространственном художественном построении города XVIII в. заметно выделены три основные доминанты — иезуитский, мужской бернардинский и приходский костелы, которые весьма существенно превосходили другие культовые здания по своим массам, развитости объемной композиции и силуэтной роли в городской панораме.

Обусловленность характера размещения храмов на местности богословской идейностью как принцип формообразования отмечалась в западноевропейской культурологии. Художник Даниэль Готье в статье «Карты вечности» упоминает о предположении, что готические соборы Франции, посвященные Деве Марии, образовывали на карте страны конфигурацию, соответствующую расположению звезд в созвездии Девы. Эту же мысль высказывает Луи Шарпантье в своей работе о Шартрском соборе [цит. по 534, с. 224].

Очевидно, аллегорическое сравнение храмов со звездами вообще свойственно христианству. Обращаясь к русской культуре XVI—XVII вв., в «Истории о Казанском взятии» читаем о прославлении стольного города Москвы, который «провозсиявший в последние лета, яко великое солнце в велицей нашей Руской земли, во всех

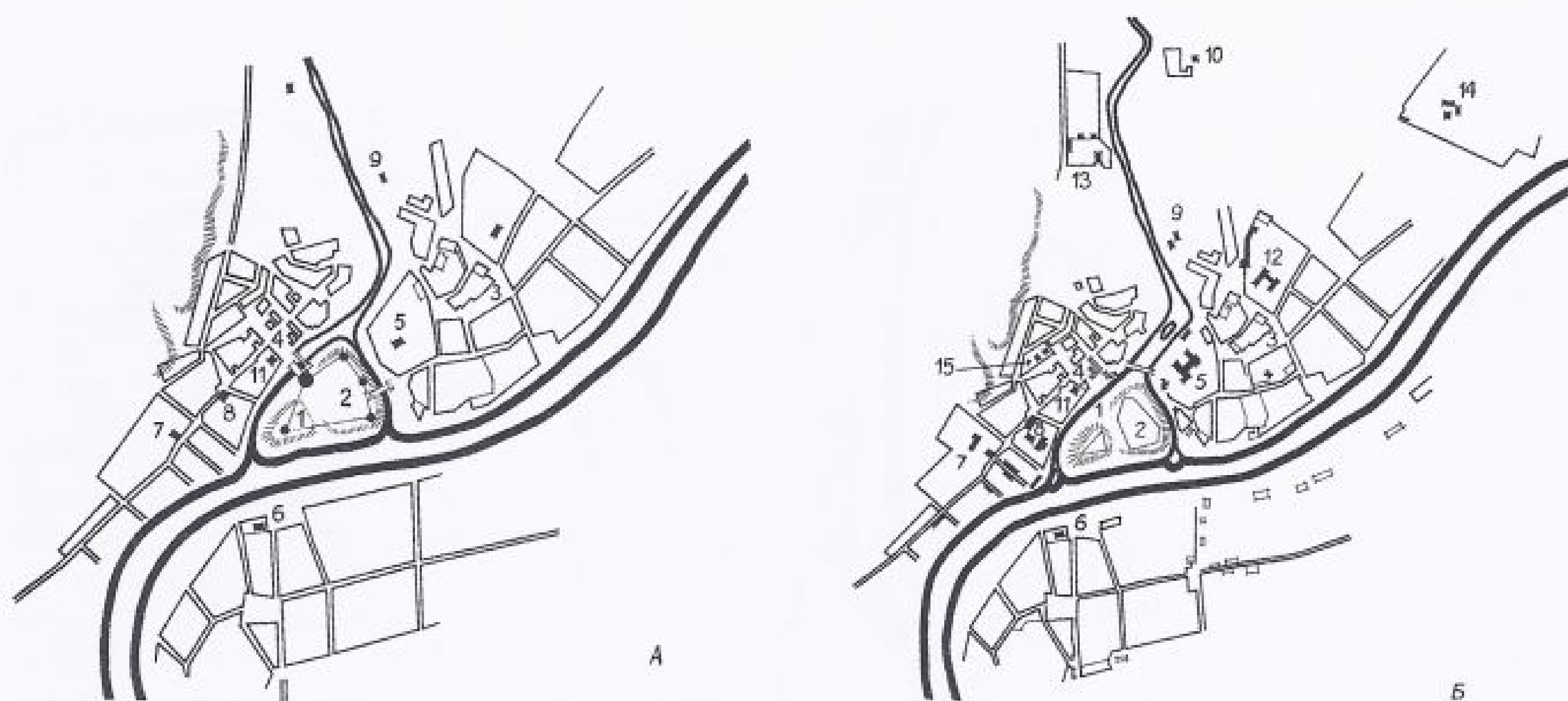

Рис. 57. Развитие планировочной структуры Орши в XVI— XVIII вв. (реконструкция автора): *А* — XVI— XVII вв., *Б* — XVIII в.; замок (*1* — бывший детинец, *2* — бывший окольный город), *3* — главная площадь, *4* — торговая площадь Заоршинского посада, *5* — коллегиум иезуитов, *6* — церковь св. Ильи, *7* — монастырь францисканцев, *8* — монастырь доминиканцев, *9* — монастырь бернардинцев, *10* — монастырь базилианок, *11* — церковь Рождества Богородицы, *12* — монастырь тринитариев, *13* — монастырь базилианов, *14* — монастырь миссионеров, *15* — православные церкви

градех, и во всех людех страны сея красуяся и преосвещаяся святыми Божиими церквами, деревянными же и каменными, яко видимое небо красяшеся и светяшеся, пестрыми звездами украшено и православием незыблемо …» («История о Казанском взятии». По списку XVII в. — В кн.: Казанская история. М.; Л., 1954. С. 233—243. Цитируется по [281, с. 182]).

В отличие от большинства поселений по Гродно сохранилось сравнительно много картографических документов XVIII — первой половины XIX в. и несколько более ранних. Анализ этих материалов, литературных источников, натурное исследование градостроительного наследия позволяют восстановить структуру общественного центра на разных исторических этапах развития, проследить динамику его сложения.

Вероятно, в XII—XIII вв. центр имел компактный характер и включал Верхний замок, торговую площадь перед ним и культовые здания в ближайшем окружении. В XIV—XV вв. центр расширился в южном и восточном направлениях, что выразилось в строительстве Нижнего замка и позже, возникновении новой главной регулярной площади, связанной со старой важнейшей городской коммуникацией — Замковой улицей. В XVI в. усилились торговая и культовая функции основной площади — центра городского самоуправления, ансамбль ее застройки стал доминирующим звеном всей системы общественного центра. Кроме того, последний развился на север с формированием небольшой торгово-культовой зоны — Немецкого рынка и на юг со строительством нового храма и появлением обширной торговой площади на противоположном берегу Немана. Уже в XVI в. городской центр представлял собой градостроительное образование из многих составляющих, включавшее замки, систему площадей и объединявшие их улицы.

В XVII — начале XVIII в. центр расширяется на восток с возникновением бригитского монастыря. В этот период ранее сложившиеся функциональные элементы видоизменяются. Площадь на другом берегу теряет значение торговой зоны и занимается францисканским монастырем. Возможно, именно тогда окончательно пришла в упадок древняя площадь у замков, территория которой была застроена. Для XVIII в. характерно преобладающее развитие общественного центра на северо-восток, что обусловилось появлением административного, просветительского, учебного и производственного комплекса в районе Городница.

Важно сопоставить Витебск и Гродно в XVIII в., примерно равные по занимаемой территории и численности населения (около 10 тыс. жителей), представлявшие градостроительные культуры востока и запада Беларуси. Планировочная организация общественного центра Витебска сложнее и разветвленнее. Она отражала сохранившиеся в большей степени, чем в Гродно, особен-

Рис. 58. Слоним. План 1796 г. (РГВИА)

ности структуры древнего восточнославянского города, выделение кроме детинца и окольного города нескольких самостоятельных посадов со своими центрами. Общественный центр Гродно компактнее, деление селитьбы на посады исторически не сложилось, в чем велика роль ландшафтных условий. Исключение составляют Занеманский посад, слободка за р. Городничанкой и совершенно особый по функциональной организации новый регулярный район Городница. Соответственно нет выраженной системы посадских центров, а функциональные узлы сконцентрированы в срединной зоне центра. В последней, сравнительно с Витебском, сильнее планировочная, функциональная и композиционная роль основных улиц как мест сосредоточения общественных комплексов.

С точки зрения общего характера размещения культовых зданий в плане поселения в Витебске наблюдалось их большее число и рассредоточенность, охват системой доминант обширной территории. Для Гродно, как упоминалось, свойствен принцип контрастного проявления в пространстве трех важнейших сакральных сооружений, преобладающих над другими храмами в большей мере, чем главенствующие костелы и церкви Витебска превалировали над остальными культовыми постройками.

Рассмотренная специфика двух крупных городов в той или иной степени типична для других поселений с планировкой разных типов в восточном и западном географических регионах. Если восточнобелорусские Могилев, Орша, Мстиславль отличались широко развернутой на местности расстановкой культовых вертикалей, то на западе Брест, Новогрудок, Слоним, Кобрин обладали сближенным, сравнительно тесным их размещением.

Среди городов с различными типами планировочных систем следует отметить, например, Оршу и Слоним. В Орше существовали веерно-дуговая схема улиц посада в секторе между Днепром и р. Оршицей, а также ребристая и перекрестная планировки в Заоршинском посаде. В Слониме в основной части города сложилась веерно-дуговая структура, а значительная по территории заречная слобода имела Т-образную сеть улиц. К совершенно иной градостроительной культуре, характерной изначально заложенным и геометризованным планировочным замыслом, принадлежал северный район этого города.

2.3. Основы регулярного градостроительства средневекового генезиса и Возрождения второй половины XVI — первой половины XVII в.

Конец XIV—XV в. был отмечен экономическими и правовыми изменениями в обществе. Развитие товарно-денежных отношений, международных производственных и культурных связей способствовало сложению нового сословия — мещанства. По мере дальнейшего формирования городов как торгово-ремесленных центров усиливалось стремление их жителей выйти из-под юридического подчинения великокняжеской администрации, создать свою систему управления и судебную власть. В условиях общественно-политической борьбы мещане добивались городского самоуправления по магдебургскому праву — совокупности законодательных норм наподобие действовавших в г. Магдебурге в восточной Германии. В соответствии в ними горожане освобождались от феодальных повинностей, получали гарантии свободной торговли, ремесла, земледелия, создания производственных объединений — цехов, выбора своих органов власти — магистрата и суда [623, т. 2, с. 406].

Социальный состав, имущественное и правовое положение населения городов были неодинаковы. Верхи общества состояли из феодалов-бояр и высшего духовенства. К ним приближались богатые ремесленники и купцы. Наибольшую группу мещан составляли организованные в цехи рядовые ремесленники, мелкие и средние торговцы, земледельцы. В городах жили и крепостные, переселенные владельцами из сельской местности [623, т. 2, с. 406].

В XV—XVI вв. получила развитие культура. Многие белорусские и литовские феодалы, часть духовенства и зажиточного мещанства пополняли свое образование в западноевропейских университетах, в основном в Краковской и Кенигсбергской академиях, в Германии, Чехии и Италии [623, т. 2, с. 407]. Существовали книжные собрания, древнейшее из которых было в полоцком Софийском соборе. Позже они возникли в Троицком монастыре Слуцка, пинском Лещинском монастыре, иезуитской Полоцкой академии и коллегиумах Гродно, Бреста, Минска, Новогрудка, Бобруйска. В XVI—XVII вв. формируются крупные светские частновладельческие библиотеки — Радзивиллов, Сапегов, Хрептовичей.

В Вильно, Несвиже, Бресте, Слуцке, Любче, Ошмянах, Ивье, Узде и других населенных местах действовали типографии [623, т. 2, с. 407].

Подъем экономики и культуры, развитие демократических отношений в XV—XVI вв. способствовали градостроительным процессам, связанным с перепланировкой на регулярной основе старых городов или их центров, строительством новых поселений. Как упоминалось выше, система форм, композиционные характеристики этой планировки получили название готических. Вероятно, появление термина обусловилось одновременностью возникновения в Европе рассматриваемой пространственной организации города с периодом расцвета готического стиля в архитектуре сооружений.

Впервые распространение на белорусских землях регулярного средневекового градостроительного мышления отмечено В. Ревеньской, но только в отношении их небольшой северо-западной части [742, с. 63—69]. Вслед за польским историком архитектуры Т. Толвиньским [764, цит. по 742] она излагает общие для различных стран признаки готической планировки: прямоугольный или квадратный рынок с восемью отходящими от углов прямолинейными улицами — продолжениями сторон площади; примыкание двух улиц к углу не всей своей шириной, а лишь частью, для максимального увеличения занятой застройкой стороны площади; размещение ратуши, храмов, торговых лавок и даже жилых зданий в срединной части пространства; тяготение композиционных осей площади не к центру, а к сторонам комплекса; тенденция сложения не целостного, единого ансамбля, а скорее художественно организованного конгломерата отдельных элементов. Например, такой признак, как примыкание двух улиц к углу площади не всей своей шириной, а лишь частью, прослеживается в средневековом ядре Варшавы в пределах крепостных стен, другом польском городе Шидлуве (планы городов — см. [157, с. 14; 699, с. 24; 720, с. 61]).

Готический стиль в градостроении зародился на юге Франции, где, по мнению А. Бринкмана, первым его проявлением служил город Монтобан [649 — цит. по 742, с. 65]. К началу XIII в. относится строительство в долине Гаронны многочисленных малых поселений, так называемых «bastides». Готическая прямоугольная планировка известна также в Англии, Чехии, Венгрии и особенно восточной Германии. Ее происхождение И. Гантнер, П. Лаведан и М. Поэт, не отрицая композиционного фактора, объясняют законодательным регулированием земельных участков при поселении мещан в условиях плоской местности. Х. Клайбер трактует прямоугольную планировку как идеальную форму, наивысшую степень эволюции средневековых структур — двухуличных, ребристых и параллельных [658, 691, 703, 732 — цит. по 742, с. 65], Т. Толвиньски и А. Бринкман усматривают в ней зрелое, продуманное художественное построение. А. Хоэниг и В. Гайслер связывают принципы организации городского пространства с этничным фактором, приписывая идею планировочного порядка проявлению германского менталитета [659, 668 — цит. по 742, с. 65, 66].

Распространение в Западной и Центральной Европе готической структуры, создаваемой по единому геометризованному замыслу, обусловлено также идеологическими воззрениями средневекового общества, подверженного стремлению к порядку и догматизму в различных сферах социального бытия и сознания, в том числе искусстве. В концепции регулярной планировки могут заключаться религиозные предпосылки — св. Иоанн Богослов в Апокалипсисе описывает план Нового, нисходящего с неба Иерусалима как квадрат, который мог послужить идейным прообразом и символом освященности квадратного рынка и ортогонального очертания всего города [742, с. 66]. Будучи закрепленным в образе Града Божьего, квадрат воплощал числовой символ «четыре» как синоним истины, чести, справедливости, порядка, а также постоянства [137, с. 44].

Одной из причин появления в готической культуре квадратной площади и системы квадратных или прямоугольных кварталов, вероятно, была и античная традиция, обращение к платоно-пифагорейской концепции гармонии мира, основанной на символике чисел и геометрических фигур. Как известно, в средневековье вновь стали почитаться этически важные в античный период формы — квадрат и куб, наделенные знаками непреходящих ценностей и устойчивости [137, с. 39]. Например, куб служил символом земли как материальной опоры мироздания [592, с. 199].

Я. Птасьник отмечает, что правовые нормы городского землепользования и готические стилевые особенности планов поселений, на польских землях впервые появившиеся в Силезии и Поморье, начиная с середины XIII в. продвигались на восток [цит. по 742, с. 66]. Рассматриваемые композиционные характеристики планировки свойственны и юго-восточному региону Польши, включившему древнерусские Галицкое и часть Влади-

Рис. 59. Схема размещения городских поселений с регулярной средневековой и ренессансной планировкой: *1* — поселения с готической композицией плана; *2* — поселения с готической композицией плана части территории; *3* — поселения с ренессансной композицией плана

миро-Волынского княжества, например Львову (реконструкция плана Львова XIII — начала XIV в. Т. А. Трегубовой и Р. И. Могытыча — см. [330; 441, с. 134, 135]). На севере же, по мнению В. Ревеньской, на территориях этнично литовских, где долго сохранялось язычество, и этнично белорусских готическая прямоугольная планировка распространилась под влиянием польской культуры лишь во второй половине XVI в., после объединения ВКЛ и Польского королевства в Речь Посполитую [742, с. 66, 67]. Однако все же, очевидно, этот процесс начался раньше, в XV — первой половине XVI в. в контексте распространения общеевропейской средневековой культуры и последующего становления искусства Нового времени. В частности, определено, что к началу XVI в. относится создание в Минске нового комплекса общественного центра в удалении от старого, включившего обширную рыночную площадь, а также системы прилегающих кварталов [22, с. 324]. Наиболее вероятно, регулярные очертания прямоугольного торга и примыкающих улиц, известные по документам конца XVIII в., были заложены сразу при строительстве района.

Очевидно, одной из причин появления в городах регулярной планировки служило проведение в ВКЛ в XVI — первой половине XVII в. аграрной реформы, так называемый волочной померы. В основе реформы лежала унификация ранее разнохарактерных объектов налогообложения крестьянства, ввод новой единицы эксплуатируемой земли — волоки (21, 36 га) как главного элемента обложения феодальными повинностями [623, т. 2, с. 404]. Задача померы заключалась также в размежевании и описании королевских

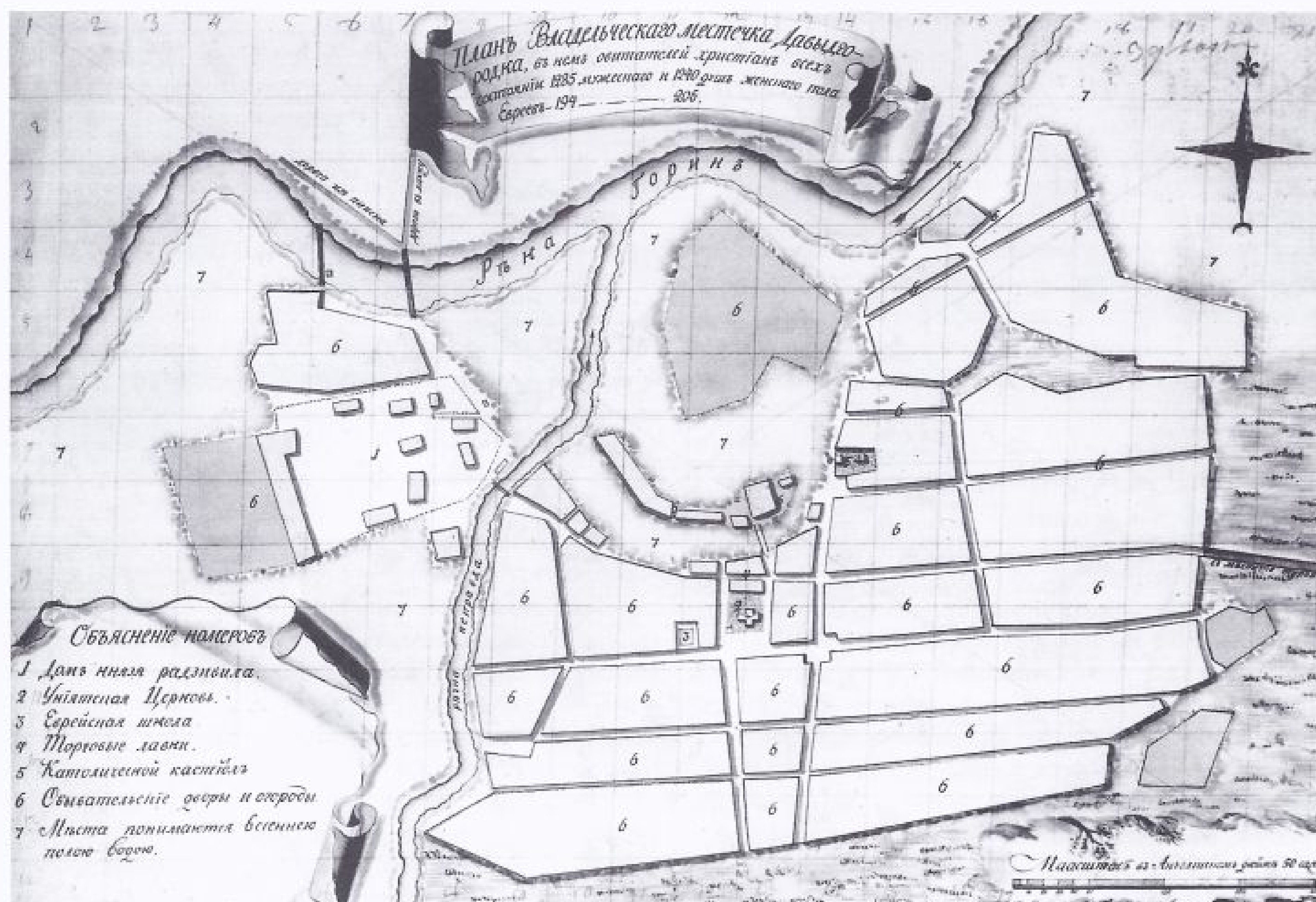

Рис. 60. Давид-Городок. План 1798 г. (РГВИА)

и других имений, что стало необходимым при повсеместной чересполосице сельскохозяйственных угодий, вызывавшей пограничные недоразумения. Участки различных владельцев иногда врезались в великокняжеские земли. Поэтому проводилось упрощение границ, экспроприация некоторых частновладельческих имений с выдачей замены в другом месте [106, с. 165].

Начатая в 1530—1540-х годах реформа повлекла огромный объем землеустроительных работ. Крестьянские наделы в государственных, панских и церковных поместьях путем обмена участков сводились в одну зону, так называемый обруб, и разделялись на волоки. При переносе крестьянских усадеб создавалась новая планировка селитьбы с размещением домов на одной стороне улицы, а хозяйственных построек — на противоположной [623, т. 2, с. 213,404].

Землеустроительные мероприятия могли в большей или меньшей степени затронуть жилые территории в местечках и малых городах, где значительная часть населения занималась земледелием, а упорядочение участков — определить и регулярную уличную сеть. Не исключено, что широкомасштабная землемерная реформа, предпосылкой которой был экономический подъем страны в конце XV — первой половине XVI в., стимулировала в дальнейшем идеологию порядка, вообще свойственную культуре Возрождения, не только в сельской местности, но в великокняжеских и частновладельческих городах.

Процесс регулярного градостроительства, средневекового по генезису, но осуществлявшегося в XVI — первой половине XVII в., охватил сравнительно равномерно всю территорию современной Беларуси. Наименее плотная сеть населенных мест с подобной структурой наблюдается в Восточном Полесье и Приднепровье. В результате проведенного исследования установлен ранее не известный факт существования готической планировки в 51 поселении (табл. 2).

Города с геометризованной средневековой уличной сетью гипотетически можно разделить на три группы. К первой относятся поселения, которые ранее обладали нерегулярной структурой эпох Киевской Руси или феодальной раздробленно-

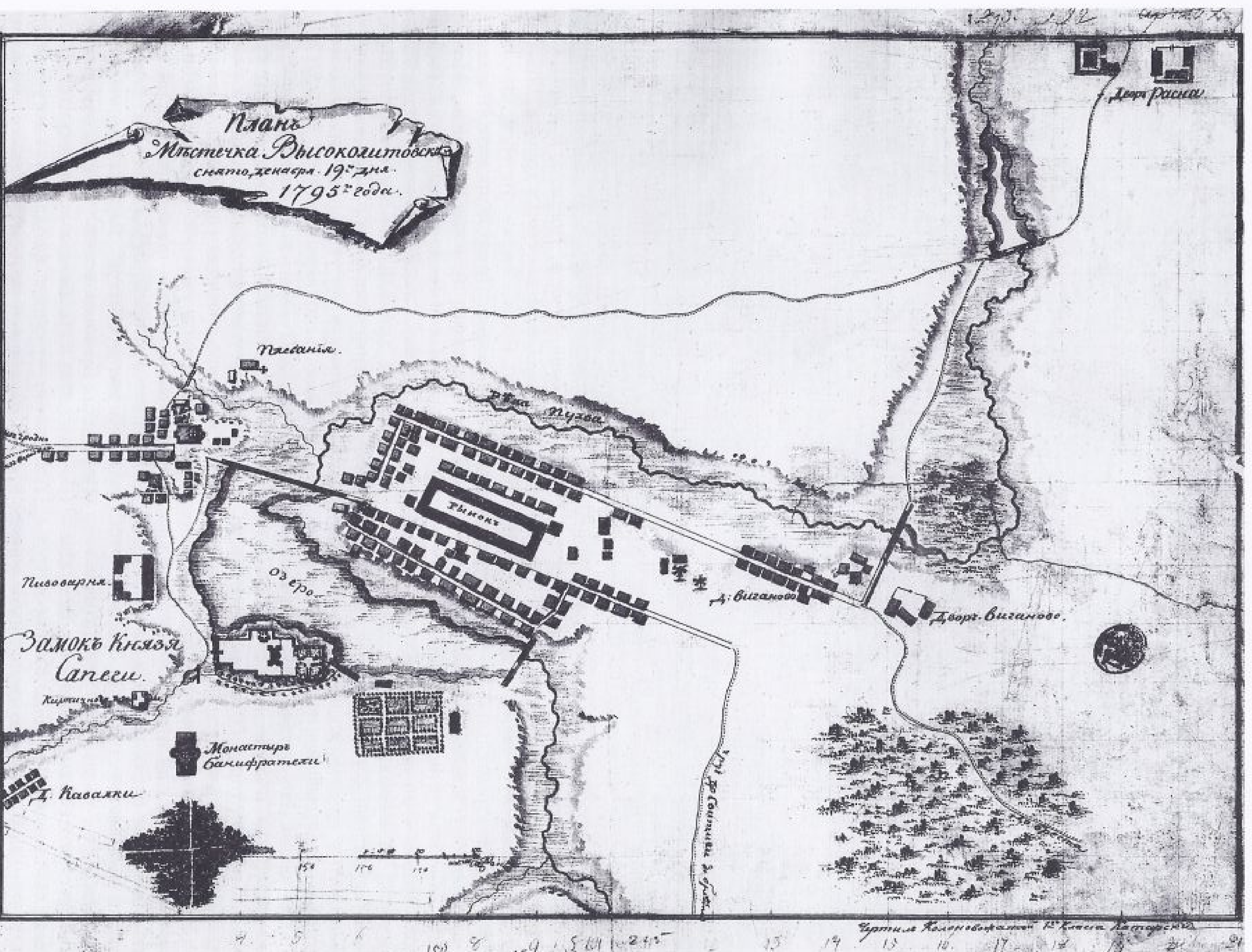

Рис. 61. Высокое. План 1795 г. (РГВИА)

Рис. 62. Друя. План XVII в. (по О. Хедеману)

сти, но в итоге преобразования ее утратили и приобрели на всей территории новый регулярный план. Во вторую группу следует включить города, получившие готическую схему плана сразу при своей закладке и строительстве по единому, заранее задуманному замыслу. Выделение второй группы и отнесение к ней поселений предположительно в связи с отсутствием документов. Нет возможности, во-первых, точно установить дату создания регулярной сети, во-вторых, достоверно утверждать о времени возникновения самого населенного места, так как первое упоминание о нем в летописях еще не говорит о годе его появления, а археологические данные нередко отсутствуют. Третья группа — города, где реконструкция проведена фрагментарно. Была создана геометрически правильная планировка торговой площади и прилегающих отрезков улиц или какой-либо иной зоны поселения, а на остальной территории осталась нерегулярная средневековая уличная сеть.

В первую группу входят Давид-Городок, Дисна, Клецк, Койданово, Петриков. Ко второй группе со значительной степенью вероятности относятся города, в большинстве основанные в XVI в.: Белыничи, Березино, Борисов (на новом месте), Глубокое, Ельск, Коссово, Крупки, Лельчицы, Логишин, Любань, Миоры, Поставы, Ружаны, Сенно, Скидель, Столбцы. Третья группа: Большая Берестовица, Брест, Видзы, Витебск, Высокое, Гольшаны, Гродно, Друя, Жировичи, Заславль, Кобрин, Кореличи, Лепель, Ляховичи, Минск, Могилев, Новый Мядель, Орша, Пинск, Радошковичи, Слоним, Слуцк, Смоляны, Старый Мядель, Ушачи, Хойники, Чаусы, Чериков, Шерешево. Остальные поселения с готическим планом систематизировать по указанным признакам затруднительно.

В конце XVI—XVII в. в Великом княжестве Литовском появились и получили развитие тенденции, общие для европейского процесса становления и распространения ренессансного искусства строительства поселений. В настоящем исследовании обнаружены примеры планировки селитебных территорий, отражающие особенности этой культуры (Быхов, Глуск, Мир, Несвиж, Полоцк). Проникновению градостроительства Возрождения способствовало непосредственное знакомство крупных феодалов, выступавших в роли заказчиков возведения своих укрепленных резиденций, с достижениями передового европейского оборонительного зодчества. В Несвиже

Рис. 63. Друя. Костел Св.Троицы монастыря бернардинцев, 1643–1646 гг., XVIII в. Фото 1972 г.

закладка каменного замка и города-крепости при нем с бастионными системами фортификации осуществлена приглашенным из Италии архитектором-иезуитом Джованни Мария Бернардони сразу после того, как в 1580–1581 гг. крупнейший землевладелец Николай Христофор Радзивилл посетил эту страну.

Как один из градоформирующих факторов организации городов-резиденций следует отметить личностные творческие особенности заказчиков-магнатов, которые отличались высокой образованностью и широким культурным, а иногда профессионально архитектурным кругозором. Досконально знал проблемы зодчества упомянутый владелец Несвижа Н. Радзивилл. Доказательством служит дневник его путешествия по Святым местам, Сирии и Египту, в котором приведены многочисленные профессиональные наблюдения по вопросам градостроительства. Он также обладал богатейшей библиотекой и вместе с придворным архитектором — автором планировки Несвижа, его укреплений и основных зданий Дж. М. Бернардони — имел в своем распоряжении теоретические трактаты Витрувия, Л. Б. Альберти, С. Серлио, труды по фортификационному зодчеству К. Хетио, Дж. Катанео, Р. Вегетиа, Дж. Б. Белуччи. Например, несвижский иезуитский костел, построенный в 1587–1593 гг. по проекту Бернардони и явившийся первым сооружением в стиле барокко в Речи Посполитой, создан под влиянием римского храма Иль Джезу начала 1580-х годов Дж. Виньолы и, кроме того, образцового фасада барочной базилики, опубликованного С. Серлио в 1559 г. [697, с. 161].

Градостроительные проблемы затрагивались и в находящихся в Радзивилловском собрании работах по военному искусству Оносандрео, Ю. Липсиуса, А. Поссевина и в особенности Дж. Ботера — «Cause della grandezza delle cittá» («Источник величия городов») [646, с. 35–54; 647, с. 167; 772, с. 22, 26, 64, 69, 70, 177]. На развитие архитектуры ВКЛ в целом существенно повлиял профессиональный трактат «Krótka nauka budownicza dworów, palaców, zamków podlug nieba i zwyczaju polskiego» («Краткое учение о строительстве усадеб, дворцов, замков согласно с небом и польскими обычаями»), вероятно, составленный образованнейшим вельможей своего времени Л. Опалиньским и изданный в 1659 г. в Кракове [700].

Одним из магнатских родов были также Сапеги, известные по закладке и началу строительства города-крепости Быхова. Об обширности их владений в Беларуси свидетельствует завещание К. Л. Сапеги 1556 г., по которому можно заключить, что этой фамилии принадлежали местечки Белыничи, Бешенковичи, Горки, Горы, Домбровица, Друцк, Друя, Мелешковичи, Освея, Селец, Староселье, Толочин, Цецержин, Черея, Шишков, Яковкичи, сельские поселения Оршанского повета Крухты, Раська, Скепечев, Цепро, Цимковичи, Шепелевичи [34, с. 201]. Позже, в XVIII в. Сапеги прославились возведением огромного дворцово-паркового ансамбля в Ружанах.

В ВКЛ, как вообще в Европе, показателем идейной преемственности древнеримских принципов организации города служило использование двух основных взаимно перпендикулярных планировочных осей, составлявших крест или T-образное пересечение: «cardo», ориентированной с севера на юг (главная ось), и «decumanus» — с запада на восток. Эта устойчивая римская традиция происходила от древней этрусской культуры, в которой трассировка взаимно перпендикулярных осей с определением центра их пере-

Рис. 64. Толочин. План 1810 г. (РГВИА)

Рис. 65. Глубокое. Застройка торговой площади. Вдали — костел Св.Троицы, 1764—1782, 1902—1908 гг. Фото 1920—1930-х годов

сечения служила приемом освящения пространства, знаком приобретения городом божественного покровительства. Причина такого символического подхода в том, что для многих народов дохристианского мира пространство не было единой субстанцией, а делилось на территорию, освоенную и измеренную в соответствии с господствовавшей религиозной доктриной, и остальной аморфный и хаотичный мир. Полученные при пересечении двух улиц-осей четыре участка разделялись пополам параллельными улицами по двум направлениям с образованием 16 участков [281, с. 186].

Другим признаком ренессансной планировки являлась размещенная на перекрестке осей просторная близкая к квадрату торговая и ратушная площадь, в качестве прообраза имевшая форум римского военного поселения. От готических образцов она отличалась трактовкой планировочных осей симметрии как коммуникационных и видовых коридоров, завершенных центрично размещенным на площади доминирующим объемом.

Примерами для градостроительных композиций белорусских городов иногда служили произведения итальянского маньеризма второй половины XVI в. Подтверждением этому является использование характерных приемов художественной организации уличной сети. Одним из них была организация условных геометрических центров схождения групп почти параллельных улиц. Рядом трассированные магистрали постепенно сближались между собой, причем точка схождения находилась на значительном удалении, за пределами поселения. В Несвиже наблюдалось три таких композиционных центра, располагавшихся «равновесно» по разные стороны от прямоугольника оборонительных валов. Аналогичное решение имел итальянский город Гуасталла, спроектированный Д. Джунти в 1549 г. [647, с. 164, 166; 652, с. 114 — цит. по 647]. Рассматриваемый планировочный прием развился позже, в эпоху барокко, хотя первые примеры встречались в европейском градостроении уже в XVI в. К ним относятся частновладельческие города Пфальцбург во Франции, заложенный в 1570 г., где система сближавшихся улиц пересекалась параллельными направлениями, Саббионета в Италии, созданная в 1561 г. по проекту Дж. Катанео и Д. Джунти [647, с. 166; 757, с. 107].

Одновременное распространение в градостроительстве готических и ренессансных принципов композиции площади и примыкающих улиц определило то обстоятельство, что маньеристический прием организации планировочной сети наблюдался и в городах с регулярной структурой средневекового характера. Такой прием обнаружен автором в Белыничах («План местечка Белыничи с окружающей ситуацией» 1810 г. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21758). Как и в Несвиже, за пределами прямоугольного контура селитьбы умозрительно зафиксировано три фокуса схождения уличных осей, размещенных равновесно по разные стороны от города. При этом в каждом направлении сближалось по три трассы.

Рассматривая влияние западноевропейского градостроительства Нового времени на белорусское зодчество, расширение вообще ренессансных, а позже — барочных традиций в направлении запад — восток, нельзя не отметить дальнейшее продвижение этих явлений в Россию. В контексте настоящего исследования примечательны отдельные факты, позволившие представить земли ВКЛ как субстрат, хотя и вторичный, с которого осуществлялось распространение на восток типичных «европеизмов», интерпретированных белорусской культурой. Этому способствовало длительное ведение военных действий на территории княжества в период войны России с Речью Посполитой 1654—1667 гг. Известно, что принимавший в них участие царь Алексей Михайлович особенно интересовался зодчеством. Отдельные архитектурные детали он даже приказывал вывозить в Москву (мраморные колонны из дворца Радзивиллов) [68, с. 29]. Будучи в Полоцке, монарх посетил православный Богоявленский монастырь [171, с. 29], церковь которого представляла собой тогда храм-крепость с элементами готики и ренессанса. Она схематично изображена на плане Полоцка 1707 г. и имела центричный объем, завершенный высокой вальмовой кровлей с башенкой, и четыре круглые оборонные башни по углам с шатрами или куполами.

На строительстве в 1667—1668 гг. Коломенского дворца работали опытные резчики, выехавшие с белорусских земель. В качестве образцов они, очевидно, использовали сборники европейских гравюр, что видно по результатам их деятельности в убранстве фасадов и интерьеров дворца [68, с. 29].

В планировке поселений эпохи Возрождения помимо воспроизведения языческих по происхождению образов, таких, как заимствованные римлянами из этрусской культуры взаимно перпендикулярные оси, использовалась христианская символика, имевшая в качестве источников книги Ветхого и Нового Завета. Несвиж обладал планом, близким к квадрату; примерно посередине каждой его стороны находились крепостные ворота, связанные с ренессансными кардо и декуманусом, а в центре селитебной территории построена ратуша — доминирующая вертикаль градостроительной композиции. Середина ее главного фасада располагалась точно на пересечении диагоналей квадрата городского плана. Пророк Иезекииль (Ветхий Завет, гл. 48) приводит описание идеального города, соответствующего божественному откровению — квадратного в плане, с 12 воротами, размещенными крестообразно по трое на четыре стороны света, и священным храмом в центре. Аналогично видение Небесного Града Иерусалима в Апокалипсисе апостола Иоанна Богослова (Новый Завет, гл. 12), где в центре Града помещен престол Св. Троицы.

В Несвиже в стенах только четверо ворот, однако они также располагались крестом и отмечались высокими оборонными башнями (в крепостной стене существовал также вспомогательный вход, который обслуживал бернардинский монастырь на северном углу городского плана, в отличие от других ворот, структурно не связанный или слабо связанный с селитебной территорией). Внутри квадрата городского плана по его углам были сооружены соответственно три католических монастыря и одна церковь оборонного типа. Так, с каждой стороны существовало по три объемно-пространственных доминанты, что ассоциативно могло связываться тоже с тремя элементами в каждой из четырех стен Небесного Иерусалима. Наподобие библейских прообразов центральное место плана занято самым важным в смысловом отношении элементом структуры. То обстоятельство, что это не храм, а светская постройка, может отражать гуманистические основы культуры Возрождения, утверждение божественной сущности человека и общества.

Вышеизложенное косвенно подтверждается одним из документов иезуитского ордена 1673 г., в котором говорится о Несвиже: «Город этот отмечен христианским благочестием и католической символикой. В четырех углах есть четыре благочестивые базилики и кляштора словно для защиты мощных укреплений перед собой» (Archivum Romanum Societatis Iesu w Rzymie. Tom Polonica 75. Encomium, k. 194. Цит. по [647, с. 166]).

В градостроительной композиции Несвижа конца XVI — начала XVII в. характерной чертой было сочетание пространственных компонентов: квадрата мощных каменных стен с четырьмя входами посередине сторон или несколько смещенными к углу, храмовых комплексов по углам квадрата, важнейшего сооружения в геометрическом центре плана. При всем различии размеров занимаемой территории, объемного построения, пропорций и стилевых характеристик нельзя не заметить сходства указанной схемы Несвижа с почти одновременно созданной композиционно-планировочной схемой царского дворца XVII в. в московском Кремле. Структура дворца была уподоблена образу Небесного Града. Различные корпуса формировали периметр квадрата и внутренний двор. По углам ансамбля соответственно возвышались четыре собора и церкви, а в центре двора также находился собор. Входы на территорию группировались по три в четырех местах посередине сторон квадрата или сдвинутыми к его углам [281, с. 220; 369, с. 281–283]. Совокупности черт подобия священному образцу в приведенных примерах различны, но близки между собой.

В эпоху Возрождения и позже символическая сакрализация пространственной композиции сочеталась с трактовкой города в качестве своеобразной сцены для проведения религиозных и светских праздников, содержание которых тесно связывалось с архитектурной средой. Например, в Несвиже особое место занимал католический праздник Божьего Тела, одноименный посвящению иезуитского костела и сопровождавшийся процессиями по улицам с посещениями всех городских святынь. Организации театрализованных эффектов этого действа способствовало существование иезуитского театра при коллегиуме, где разыгрывались религиозные сюжеты [647, с. 166; 729, с. 197].

В градостроительном искусстве средневековья и Ренессанса реализовалось теологическое учение о числе как божественной основе мироздания. Использование определенных священных чисел было символичным, служило ценностной ориентацией и приобрело значение одного из принципов градоформирования. Герменевтический смысл многопланового воплощения числа три, применения именно трех пространственных элементов вероятно раскрывается как образ Св. Троицы. В нерегулярных планировочных системах средневекового происхождения распространились площади с ясно выраженной треугольной конфигурацией; часто фигуры были равносторонние или равнобедренные (Вилейка, Витебск — две площади, Друя, Ивенец, Кричев, Лида, Минск — две площади, Могилев, Мозырь, Новогрудок, Ошмяны, Шерешево). Ратушная площадь подобных очертаний сложилась и в столице ВКЛ — Вильно. Треугольные площади наблюдались также в регулярных структурах XVI — первой половины XVII в. (Глубокое). В силуэтах городов, представленных множеством культовых доминант, намеренно выделялись три, бесспорно превосходящие архитектурными массами все остальные (Гродно, Пинск).

О воплощении сакрального числа четыре уже говорилось. Примечательно использование числа семь, которое «считалось священным и мистическим, обладающим совершенной и особой силой ... у древних евреев, греков, об этом сказано в Ветхом завете, упоминается у Гомера и Гесиода ...» [428, с. 187]. У славян это число служило широко известным символом Премудрости [52, с. 22]. Площади готических абрисов, как уже отмечалось, были квадратными с восемью отходящими от углов улицами (Борисов, Скидель и др.), но нередко имели отклонения от строгой симметрии. К одному из углов примыкала только одна улица, хотя градостроительная ситуация, казалось бы, позволяла сформировать идеально симметричную схему (Антополь, Давид-Городок, Несвиж — торговая площадь района Новое место, Озеры и др.). Факт использования в местечках северо-запада Беларуси квадрата с семью коммуникациями вместо восьми кратко отмечен В. Ревеньской [742, с. 65], но без объяснения такого решения. Указанный прием прослеживался и в некоторых городах Польского королевства (Шидлув, Вроцлав — древнейшая торговая площадь).

Форумы правильной Г-образной конфигурации регулярно спланированных городов, также принадлежавшие к средневековой градостроительной культуре, имели семь прилегающих улиц (Дисна). Убедительны случаи, когда прямоугольная площадь, созданная в контексте уже существовавшей развитой нерегулярной системы планировки, получала асимметричную компоновку семи подводящих улиц (главный торг Гродно и Клецка).

Теологическое осмысление формообразования помимо оборонного и других факторов, возможно, повлияло на конфигурацию ренессансных городов-крепостей (Несвиж — квадрат, Слуцк и Минск — круг, Быхов — полукруг). Как упоминалось в отношении средневековой культуры, квадрат

наделялся свойствами ценности и устойчивости, а круг служил важнейшим христианским символом совершенства и бесконечности Божества [592, с. 196].

Рассматривая поселения, не затронутые регулярной средневековой по характеру или ренессансной реконструкцией, а также получившие планировочное упорядочение только района главной площади, необходимо отметить постепенный процесс трансформации принципов исконной восточнославянской структуры городов. В этом процессе, начавшемся в XIV в. и наиболее проявившемся в XVII—XVIII вв., выделим два аспекта.

Во-первых, крупные приходские храмы, католические, униатские, а иногда православные монастыри возводились как в центре, так и на периферии поселений, а масштаб сооружений во многих случаях не зависел от их места в плане города. В результате снивелировалась картина иерархии идейной значимости и размеров культовых комплексов, свойственная древнерусскому градостроению. Был утрачен принцип ступенчатого снижения значения зданий в зависимости от структурной зоны поселения, ранее воплощавшийся по схеме: детинец с соборным комплексом внутри и торгом — окольный город — укрепленный посад — неукрепленный посад.

Во-вторых, в ряде городов главная рыночная площадь перенесена от стен детинца в глубь территории укрепленного или неукрепленного посада, а участок старого торговища застроен. Тем самым нарушена типичная для Древней Руси схема: град — торг — окольный город или град — торг — посад. В историографии отечественной архитектуры традиционное для восточнославянского градостроительства размещение торговой площади у стен детинца, между ним и окольным городом (или посадом), а также постепенная трансформация этого принципа на белорусских и украинских землях под влиянием западноевропейского градостроительства с образованием схемы «град — посад с торгом посредине» рассмотрены в трудах Г. Я. Мокеева и И. Ю. Меркуловой в 1975 и 1986 гг. [316, 332]. Для условий Беларуси впервые этот вопрос на примере группы поселений в 1981, 1988, 1993, 1994, 1996 и 1998 гг. детализирован автором монографии с выделением трех типов взаимного положения замка и рыночной площади [555, с. 140—144, 146; 563; 564; 567; 568; 572; 573; 654]. В настоящем исследовании его разработка получает дальнейшее развитие.

Ближайшее соседство кремля (града, детинца) и рыночной площади было вызвано, как считается, размещением в нем складов продуктов производства городской общины (крома), находящегося под защитой укреплений детинца. Зона средоточия торговли, естественно, тяготела к местоположению складов [332, с. 9]. Причины же перемещения площади очевидно состояли в следующем.

Распространение в Великом княжестве Литовском магдебургского права, давшего горожанам политические и экономические привилегии, стимулировало сложение мещанства как состоятельного сословия, социальные потребности которого обусловили формирование нового крупного общественно-торгового и культового комплекса. Становление мещанства происходило в условиях противостояния великокняжеской власти в коронных городах и магнатской — в частновладельческих. Возможно, удаленность ратушного форума от замка (детинца) — резиденции феодальной администрации — была вызвана желанием торгово-ремесленных слоев пространственно от нее обособиться. Более вероятно, однако, законодательное предоставление самим королевским наместником или владельцем поселения конкретного места для создания площади в удалении от аристократической зоны. Не исключено, что во многих случаях старый древнерусский торг уже не удовлетворял возросшим функциональным потребностям, а возможность его расширения отсутствовала. Как известно, расположение рынка вдали от замка среди кварталов застройки центра характерно для западноевропейского средневекового градостроительства [65, с. 102, 112, 114].

Другой причиной перемещения главной площади могло быть следование планировочно-стилистическому канону готического и ренессансного искусства, осознававшегося как новое и прогрессивное по сравнению с устаревшими формами. Поскольку привнесенная градостроительная культура происходила с Запада, то такая ее особенность, как типичная удаленность ратушной площади от замка, также традиционно соблюдалась. Кроме того, готические и ренессансные площади были прямоугольными и пространственно замкнутыми, а эти черты с трудом воплощались на территории древнейшего торга, примыкавшего к оборонительным рвам детинца изогнутой трассировки.

Города, сложившиеся к концу XVIII в., можно классифицировать по взаиморасположению замка

Рис. 66. Схема размещения городов, классифицированных по взаиморасположению замка и торговой площади: *1* — города первого типа с площадью перед замком и широкой планировочно-пространственной связью между ними; *2* — города второго типа с площадью на удалении от замка; *3* — города третьего типа с площадью вблизи замка, но с незначительной планировочно-пространственной связью между ними

и торговой площади, что отражает степень изменения генетических основ структуры. К первому типу относятся поселения, где площадь осталась в непосредственном соседстве от детинца. Оба комплекса в планировочно-пространственном отношении были открыты друг другу (Бобруйск, Брагин, Гомель, Каменец, Копысь, Кричев, Лоев, Могилев, Пинск, Столин, Туров). Примечательно, что данный тип включает населенные места не только с нерегулярной планировкой, но также реконструированные в XVI—XVII вв. и получившие геометризованную схему плана. Так, древнерусская традиция утвердилась в контексте совершенно иного, ренессансного, градостроительного мышления (Быхов, Глуск).

Второй тип — города, в которых комплекс застройки главной площади сформировался на удалении от замка. Иногда это происходило в результате постепенного развития нерегулярной структуры с образованием также нерегулярной площади (Браслав, Витебск, Волковыск, Лида, Новогрудок, Орша, Рогачев, Свирь) или геометрически правильной планировки района торга (Высокое, Гольшаны, Гродно, Заславль, Минск, Новый Мядель, Радошковичи, Смоляны, Чериков). В других случаях взаимоудаленность замка и площади возникла в итоге коренной реконструкции в XVI—XVII вв. всего поселения с созданием регулярной планировочной сети или как результат строительства нового города (Борисов,

Дисна, Дубровно, Дятлово, Клецк, Койданово, Копыль, Мир, Несвиж, Петриков, Ружаны, Сенно). Связь между двумя элементами структуры часто осуществлялась характерным планировочным элементом — короткой улицей, носившей название Замковой.

Например, в Гродно прямоугольная готическая площадь соединялась с замковым комплексом криволинейной Замковой улицей длиной около 280 м. Заложенный в 1389 г. князем Витовтом приходский костел, в XVI в. считавшийся одним из наиболее крупных и красивых храмов ВКЛ, был направлен к площади апсидой, а не главным фасадом. Очевидно, это объясняется каноном ориентации алтарной части храма на восток, в католицизме допускавшим, однако, отступления от этого правила. По мнению В. Ревеньской и И. Иодковского, причина такого положения костела заключалась в существовании по улице Замковой перед его главным фасадом более ранней площади значительных размеров, впоследствии застроенной [742, с. 59]. Данное суждение не противоречит тому, что она могла быть древнерусским торгом, который бесспорно существовал возле Верхнего замка (детинца) и соседнего с ним Нижнего замка (окольного города). Учитывая немалое расстояние от замков до костела (240 м), территория собственно площади могла быть меньше, а костел, композиционно обращенный к торгу главным фасадом, размещался вблизи примыкания к нему основных улиц.

Следует отметить, что В. Ревеньска утверждает о трансформации в течение столетий положения главного рынка в столице края — Вильно, в определенной мере аналогично тому, как это происходило в Гродно [740]. В XVII — первой половине XIX в. виленским торгом являлась треугольная ратушная площадь, связанная основной городской улицей (Великая — Замковая) с удаленным на 600—700 м комплексом Верхнего и Нижнего замков. В ранний период рынок находился на той же коммуникации в 300 м от замков (цифровые данные мои. — *Ю. Ч.*). Заслуживает внимание то, что новый центр явился не распространенным в подобных ситуациях готическим или ренессансным образованием, а нерегулярным, естественно сложившимся комплексом.

Третий тип — города, занимающие промежуточное положение между населенными местами первого и второго типов. Главная площадь сформировалась вблизи замка, но планировочно слабо с ним связана. В отличие от городов первого типа пространственное единство крепости и площади отсутствует; градостроительными средствами они отделены друг от друга. Прослеживается тенденция замкнутости комплексов и разные по характеру связующие их элементы. Наподобие второго типа наблюдаются города с нерегулярной структурой, а также с полностью или частично геометризованной планировкой.

Например, в Полоцке площадь на Великом посаде отделена от соседнего Верхнего замка (детинца) кварталом иезуитского коллегиума, от Нижнего замка (окольного города) — застройкой стороны площади. Связь площади и града улицей Замковой была слабо выраженной, второстепенной. В Кобрине Верхний и Нижний замки окружались р. Мухавец и протоком р. Кобринки, который выполнял функцию оборонительного рва с приступной стороны и отделял обе крепости от посада. Рыночная площадь сложилась всего в 50 м от рва, но участок между ними в XVII—XVIII вв. был занят кварталом застройки. К поселениям рассматриваемого типа относятся Брест, Давид-Городок, Логойск, Ляховичи, Мозырь, Мстиславль, Ошмяны, Речица, Слоним, Слуцк. Соотношение бывшего детинца и площади по принципу пространственной замкнутости при расположении торга вблизи замка (или, впоследствии, дворца) являлось своеобразной чертой, отличавшей эту планировку от типичных структур городов России, центрально- и западноевропейских стран.

Населенные места первого типа сосредоточиваются, главным образом, в южной и восточной частях Беларуси, в Западном и Восточном Полесье и Приднепровье, где древнерусская традиция оказалась наиболее устойчивой. Города второго типа занимают в основном северо-западные территории — Понеманье, Поозерье и, в определенной мере, Центральную Беларусь. Сравнительно равномерно расположены поселения третьего типа, хотя в юго-восточной зоне их несколько больше. Такой характер локализации свидетельствует об ареале влияния западно- и центральноевропейской градостроительной культуры, в XIV—XVII вв. продвигавшейся из польского Поморья и Пруссии, с северо-запада на юго-восток.

2.4. Особенности неукрепленных поселений и городов-крепостей — произведений готического и ренессансного планировочного искусства

Примером регулярной планировки, отразившей особенности готического градостроительства, служил Борисов в Центральной Беларуси. Город основан в Полоцком княжестве в начале XII в., однако в XIII — начале XIV в. перенесен на новое место, ниже по р. Березине [22, с. 71]. По другим данным, это произошло в XIV—XV вв. [626, с. 40]. Так, в эпоху готики в Европе и, в частности, Великом княжестве Литовском осуществилось строительство по единому композиционному замыслу нового замка и при нем города.

Документальных сведений о дате закладки геометрически упорядоченного плана жилой территории не имеется. Возможно, при формировании нового поселения возле крепости в XIII — начале XIV в. оно не сразу приобрело регулярную схему, характеризуясь поначалу обычной для средневековья неправильной планировкой, а лишь в XVI — начале XVII в. в общем процессе с многими другими городами региона было преобразовано, получив регулярное построение. В частности, квадратная конфигурация главной площади впервые упоминается в инвентаре города 1680 г. [626, с. 40]. При обеих допустимых датировках очевидна принадлежность основ пространственной организации Борисова к готическому градостроительству.

Структура поселения типична для рассматриваемого времени. Замок размещался на острове, омываемом протоками реки, в окружении затопляемой местности, а селитебная зона — на повышенном плато приблизительно в 200 м от замка. Исторические данные о замке, принадлежавшем к низинному типу, немногочисленны. На поздних картографических документах он изображен удлиненной овальной формы. По сведениям «Хроники Европейской Сармации», изданной польским историком А. Гваньини в 1578 г., замок был укреплен земляным валом, стенами из городней и башнями [132, с. 265; 623, т. 1, с. 500]. В первой половине XVII в. он приобрел симметричную конфигурацию с пятью сильно выступающими бастионами и отдельным примыкающим укреплением на другом берегу реки. В этот период замок плотно заселен — здесь упоминаются 145 жилых домов и житниц [22, с. 71].

Территория селитьбы, обширная сравнительно с замком, имела строго прямоугольную планировку с большой квадратной площадью в центре. От углов последней отходило восемь улиц — продолжений сторон площади, а главная магистраль, будучи основной осью города, связывала общественный форум с удаленным от него на 600 м замком.

Фиксационные планы Борисова свидетельствуют о сохранности без существенных аномалий близкой к симметричной сети улиц и дают возможность гипотетически воспроизвести ее первоначальный вид. Это «План Минской губернии уездного города Борисова ...» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21563, л. 6 — конец XVIII в.), план Борисова 1798 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 48), «План города Борисова с окружной ситуацией. Снят в мае месяце 1810 года ...» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21716), «План города Борисова с окружной около оного ситуацией 1810 года» (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21716).

Город в плане, очевидно, первоначально представлял собой прямоугольник со слегка скошенными двумя углами, что обусловилось очертанием надпойменного плато. Застройка на мысу перед замком, вероятно, сформировалась позже, в XVII в. На этом участке по главной, Минской, улице только в 1642 г. построен деревянный костел св. Девы Марии, в 1806—1823 гг. выполненный в камне [22, с. 70]. Линии укреплений вокруг жилой территории не было, чем, в частности, отличались структура Борисова и подобных ему поселений края от канонической схемы готического города Западной Европы. Лишь в условиях военных действий, во время войны России с Речью Посполитой, царские войска, занявшие город, соорудили вокруг селитебного района острог высотой 2,5 саж. и выкопали ров шириной 7 и глубиной 4 саж. [132, с. 266]. Следов укреплений не было видно уже в конце XVIII в.

Специфичная черта планиметрической композиции — большая ширина полосы кварталов, со всех сторон опоясывающая площадь, благодаря чему кварталы, короткой стороной примыкающие к торгу, имели вид вытянутых прямоугольников, выделяющихся в окружении кварталов более крупных. Тем самым в плане ясно вырисовывался крест, очевидно, носящий смысл освящения селитебной зоны. Существование этого символического замысла косвенно подтверждается

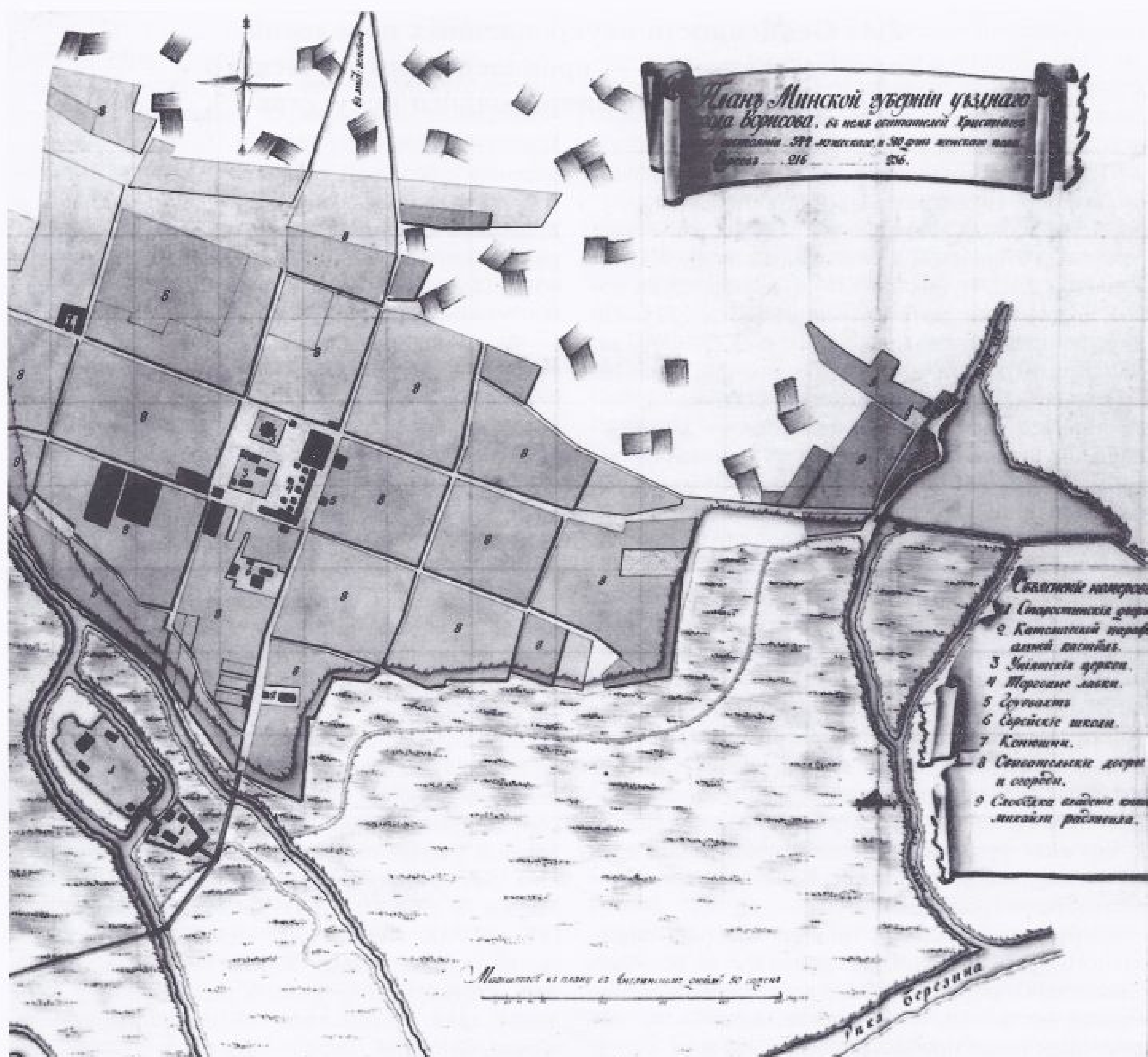

Рис. 67. Борисов. План конца XVIII в. (РГВИА)

дальнейшим развитием духовной и материальной культуры в регионе, организацией в результате преемственного осмысления средневековой традиции подобной квартальной структуры уже в рамках классицистического градостроения (Чаусы). Важно и само средство создания крестовидной конфигурации — компоновка кварталов, тогда как при нерегулярной планировке города образ креста формировался характером размещения высотных доминант (Ошмяны). Элемент асимметрии в симметричную в целом систему улиц Борисова вносили два ряда кварталов к востоку от площади в отличие от одного, самого широкого ряда с запада.

В конце XVIII в. композиция застройки торга также еще традиционно демонстрировала закономерности, свойственные готическому градостроительному мышлению. Во внутреннем пространстве форума островное положение имели несколько сооружений и их групп: униатская Воскресенская церковь; сдвоенно размещенные, меньшие по размерам также униатские храмы с подсобными постройками — Спасский, известный с XVI в. [22, с. 70], и Троицкий; Г-образный корпус торговых рядов и отдельно стоящие лавки; крупное в плане здание, вероятно, гостиный двор или ратуша (магдебургское право с 1577 г.; посвящения церквей, в начале XIX в. ставших

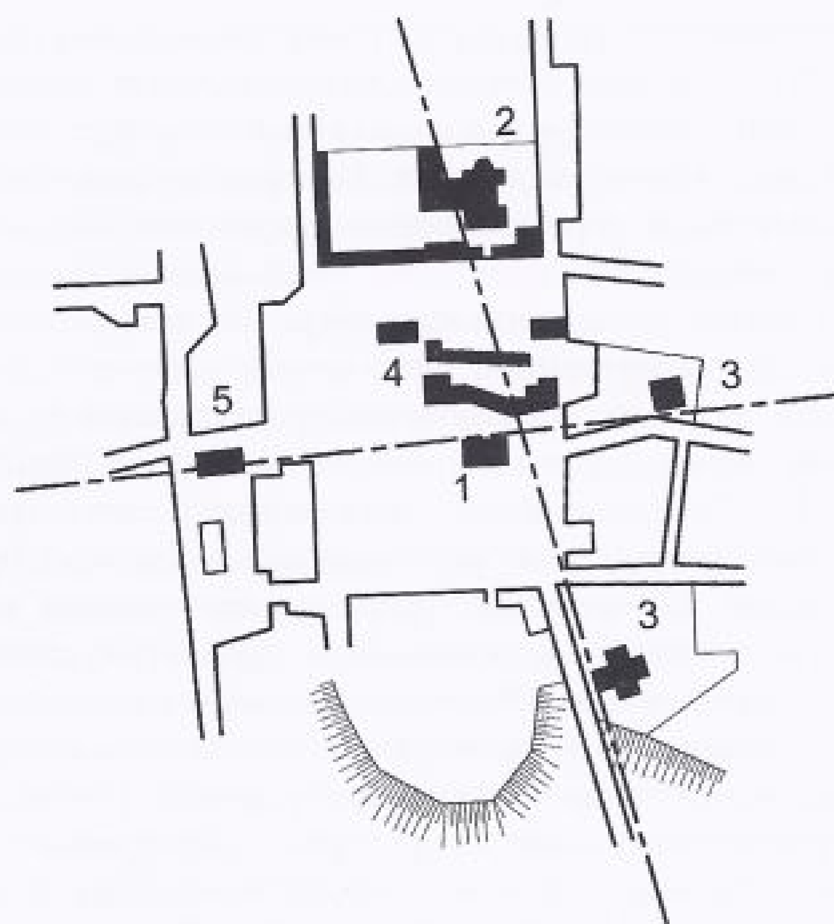

Рис. 68. Чаусы. Центр города в XVIII в. (реконструкция автора): *1* — ратуша; *2* — монастырь кармелитов 1653 г.; *3* — церкви; *4* — торговые ряды; *5* — синагога

православными, приведены на плане Борисова этого времени — РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1653, л. 1). Планировочные оси этих фрагментов застройки заметно тяготели не к середине, а к сторонам площади, что и свойственно готике, обнаруживая тенденцию формирования умозрительного четырехугольника объемов со свободной серединой.

В квартале между рынком и замком располагался иудаистский культово-учебный и торговый комплекс — прямоугольная площадь с несколькими строениями, свободно стоящими в прямоугольной системе осей. Среди них выделялся крупный объем синагоги. Очевидно, первоначально площадь имела строго регулярные очертания. Отходящий от нее тупик, показанный на плане конца XVIII в., ориентирован точно на середину южной стороны основного торга и, вероятно, ранее выполнял роль коммуникации между двумя компонентами городского общественного центра, дублируя их связь по главной магистрали. Положение синагогальной площади подтверждает ясный геометрический замысел пространственного построения Борисова. Южная из широтных улиц, в XVI в. ограничивавшая жилую зону, к концу XVIII в. была утрачена на участке квартала с иудаистским комплексом. Об этом свидетельствует и легкий излом главной магистрали в точке, где ранее ее пересекала исчезнувшая трасса. Расстояния от синагогальной площади до крайней южной улицы и центрального форума спроектированы одинаковыми.

Несколько худшей сохранностью готической схемы в XVIII в. характеризовались Чаусы в Приднепровье. Поселение известно с середины XVI в. как село, статус города получило в 1604 г., магдебургское право — в 1634 г. Селитебная территория разделялась широкой поймой реки на основную часть с прямоугольной структурой и слободу с нерегулярной одноуличной планировкой. Состояние города до классицистических градостроительных преобразований изображено на проектных документах: начала 1770-х годов [417, л. 184]; 1778 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21564, л. 8); 1784 г. (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 16); 1798 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, л. 63); конца XVIII в. (РГИА, ф. 1293, оп. 167, д. 30). Прорисовка плана Чаус на начало 1770-х годов по материалам ПСЗРИ предложена в [490, с. 50].

В функциональной организации поселения заметна тенденция образования перпендикулярной реке цепи общественных зон, пересекающих город с переходом на другой берег. Соответственно и система культовых зданий строилась поперек речной долины. Своеобразные пропилеи, окаймляющие акваторию реки и обширной запруды, образовались приходскими церквами, определившими культовые центры нагорной части поселения и заречной слободы. Кроме отсутствия замка и малой территории, полусельский характер Чаус подчеркивался положением кармелитского монастыря, выходившего одновременно на главную площадь и окраину поселения.

Общественный центр Чаус демонстрирует процесс того, как в незначительных по территории и населению городах и местечках XVII—XVIII вв. происходила концентрация в компактном градостроительном образовании торговой, культовой, административной, жилой функций и функции транспортного перекрестка, которые обеспечивали жизненный уклад городского сообщества и тяготеющего сельского населения, определяли осуществление социальных контактов. Особенности исторического развития Речи Посполитой, в том числе ВКЛ, обусловили разнообразный конфессиональный и национальный состав этого сообщества. Типичный для белорусского города набор функций, по сравнению, например, с русским градостроительством, имел выраженную специфику, заключавшуюся в совместном существовании в едином архитектурном комплексе храмов православной, католиче-

8 — 2227

Рис. 69. Новый Мядель и Старый Мядель. План XIX — начала XX в. (реконструкция автора): *1* — фрагменты замка XVI— XVII вв.; *2* — рыночная площадь Нового Мяделя; *3* — церковь XIX в.; *4* — костел св. Станислава начала XX в.; *5* — брама; *6* — колокольня; *7* — синагога; *8* — церковь; *9* — рыночная площадь Старого Мяделя; *10* — костел кармелитов св. Девы Марии; *11* — колокольня; *12* — плебания XVIII в.; *13* — брамы; *14* — каплица; *15* — дворец Кощица; *16* — парк; *17* — мечеть; пунктиром показана береговая линия до обмеления озера (предположительно)

ской, униатской и иудаистской конфессий. Констатируя веротерпимость, толерантность городской общины при наличии религиозных и социальных конфликтов, проявлявшихся в определенные исторические периоды, подчеркнем сложение визуально-пространственной общности, а часто ансамблевости традиционных приемов формообразования, свойственных тем или иным конфессиям, в чем заключался существенный аспект регионального градостроительного своеобразия.

Приведение элементов центра к идеализированной схеме показывает, что общественные зоны в районе площади, равно как и места доминант, образовывали крестоподобную структуру со зданием магистрата в точке пересечения ветвей креста. Одна из умозрительных осей, формировавших крест, определилась кармелитским костелом, ратушей и церковью в восточной части центра. Вторая ось соединяла другую церковь и синагогу на противоположных сторонах торга, а также здание магистрата. Как рассмотрено выше, аналогичная крестовидная форма наблюдалась в Ошмянах, что, возможно, указывает на семантику структур городов-магдебургий, воплощавших модель общественных отношений, равноподчиненность в рамках ограниченного городского права, социальных групп центрично помещенной ратуше.

Еще важнее могла быть освященность поселения крестом, который при каждодневной ориентации в городской среде и постоянном осуществлении функциональных процессов осознавался жителями. Вероятно, каноническая модель обусловилась и целесообразностью размещения административного центра городской жизни на пересечении связей структуры, примерно в равном удалении от основных функциональных узлов. Традиционно на одном или двух концах креста возвышалось по одной церкви, также на одном или двух концах — по одному-двум католическим или униатским храмам и только на одной ветви — синагога. Эти культовые здания вместе со связанными с ними по назначению общественными и вспомогательными постройками определяли собой конфессиональные культурные центры определенных слоев населения и входили в общегородской центр.

Кроме создания регулярных городов на новых местах или реконструкции старых поселений с организацией прямоугольной уличной сети на всей их территории было распространено частичное преобразование существовавшей структуры. Готический характер планировки придавался главной площади с отрезками прилегающих улиц. Остальная часть города сохраняла свободно сложившуюся схему плана, демонстрируя достаточно крупные фрагменты тех или иных типов нерегулярных планировочных систем. Дополнительно к основному торгу с примыкающими улицами иногда реконструировались другие элементы плана, например близлежащая синагогальная площадь или главная магистраль. Такая «готизирующая» структура поселения в целом оставалась нерегулярной и не может причисляться к полностью геометризованным композициям. Результаты частичного изменения древней сети улиц иллюстрируют Чериков и Новый Мядель.

Предположительной датой планировочного урегулирования Черикова следует считать 1634 г. В этот год в архивных документах упоминаются освоение местности под слободу, нарезка 250

участков для застройки и резервирование земель с целью последующего развития поселения. Указано существование уличных и рыночных земельных наделов, торговых лавок, корчем и шинков (НИАБ, комплект микрофильмов № 5, оп. 1, д. 2345, л. 323, 324 — цит. по [626, с. 349]). До реконструкции город, вероятно, имел ребристую схему, о чем говорят его специфичная удлиненная конфигурация, сохранность сильно выраженной оси, пересекающей всю его территорию, множество поперечных направлений. Новыми, регулярными компонентами стали прямолинейная протяженная магистраль, которая, возможно, упорядочила очертания старой главной трассы, а также почти квадратный рынок, несколько улиц вблизи него и малая прямоугольная площадь у синагоги. Состояние города во второй половине XVII—XVIII в. отражено документами 1778 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21564, л. 19; [417], л. 185), 1783 г. (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 2184), 1784 г. (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 16) и 1798 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 65), на которых совмещены проектное классицистическое решение и опорная ситуация. Прорисовка последней позволяет достаточно подробно представить существовавшую планировку.

Общественный центр имел компактный характер, развиваясь вдоль планировочной оси. Три доминирующих здания были сгруппированы, при этом, как неоднократно наблюдалось в других городах, выстраивались в одну прямую. «Классическая» планиметрическая композиция готической площади с восемью улицами, отходящими от углов, заменилась своей разновидностью — насчитывалось только шесть улиц. В художественном отношении это оказалось обоснованным, так как во всей структуре проявилась выразительная роль единственной продольной магистрали. Асимметричная компоновка объемов во внутреннем пространстве форума роднит его с другими площадями, относящимися к средневековой регулярной градостроительной культуре.

В меньшей мере было преобразовано королевское владение Новый Мядель. Оно позволяет отметить особый вид населенных мест, градостроительная структура которых включала две самостоятельные крепости — замок и укрепленный селитебный район, не только взаимоудаленные и соединенные улицей, но разобщенные обширным пространством естественного водоема. Замок при этом не был первоосновой поселения, а сооружен лишь во второй половине XVI — начале XVII в. на острове оз. Мястро (сейчас полуостров) и связывался с городом деревянным мостом. Вероятно, в то же время проведена фрагментарная реконструкция селитебной зоны.

В Новом Мяделе исторические планировочная сеть улиц, культовые здания и большинство общественных и жилых построек к настоящему времени утрачены. На противоположном берегу залива находилось частновладельческое местечко Старый Мядель. Автором монографии выполнена предположительная реконструкция плана Нового и Старого Мяделя XIX — начала XX в., основанная на анализе геодезической съемки территории начала 1970-х годов, иконографических, литературных источников, материалов Мядельского музея народной славы, натурном исследовании и опросе старожилов.

Тип первоначальной нерегулярной планировки установить затруднительно. Очевидно, улицы сходились к торговой площади в срединной части жилой территории. В XVIII—XIX вв. с напольной стороны поселение охватывала протяженная полукольцевая магистраль, вероятно, обусловленная наличием тут ранее земляного вала. Изогнутость другой улицы вдоль озера объясняется соответствующим очертанием берега до обмеления водоема и, возможно, обвалованием и здесь, что не исключено в связи с мелководьем и уязвимостью данного направления.

В результате преобразования рыночная площадь приобрела трапециевидную, близкую к квадрату конфигурацию с прямыми линиями застройки. Выровнены участки прилегающих к ней улиц, создана также квадратная синагогальная площадь в традиционном и художественно выразительном композиционно-планировочном сочетании с главным торгом. Понимая условность и ограниченность преломления проблематики стиля в планировке города, возможную многовариантность связи планировочного решения с организацией пространства, а также известную упрощенность самого объекта анализа, отметим, что в данном случае ренессансное начало проявилось не менее готических элементов. Типичное для регулярного средневекового градостроения примыкание двух улиц к каждому углу площади — продолжений ее сторон, выражено неполно. В то же время использована свойственная Ренессансу композиционная схема с осевой улицей, ориентированной на главное здание посередине рынка и способствующей созданию торжественно-монументального образа городской среды при подходе к площади. Вне стилевых признаков лежал принцип применения теологически зна-

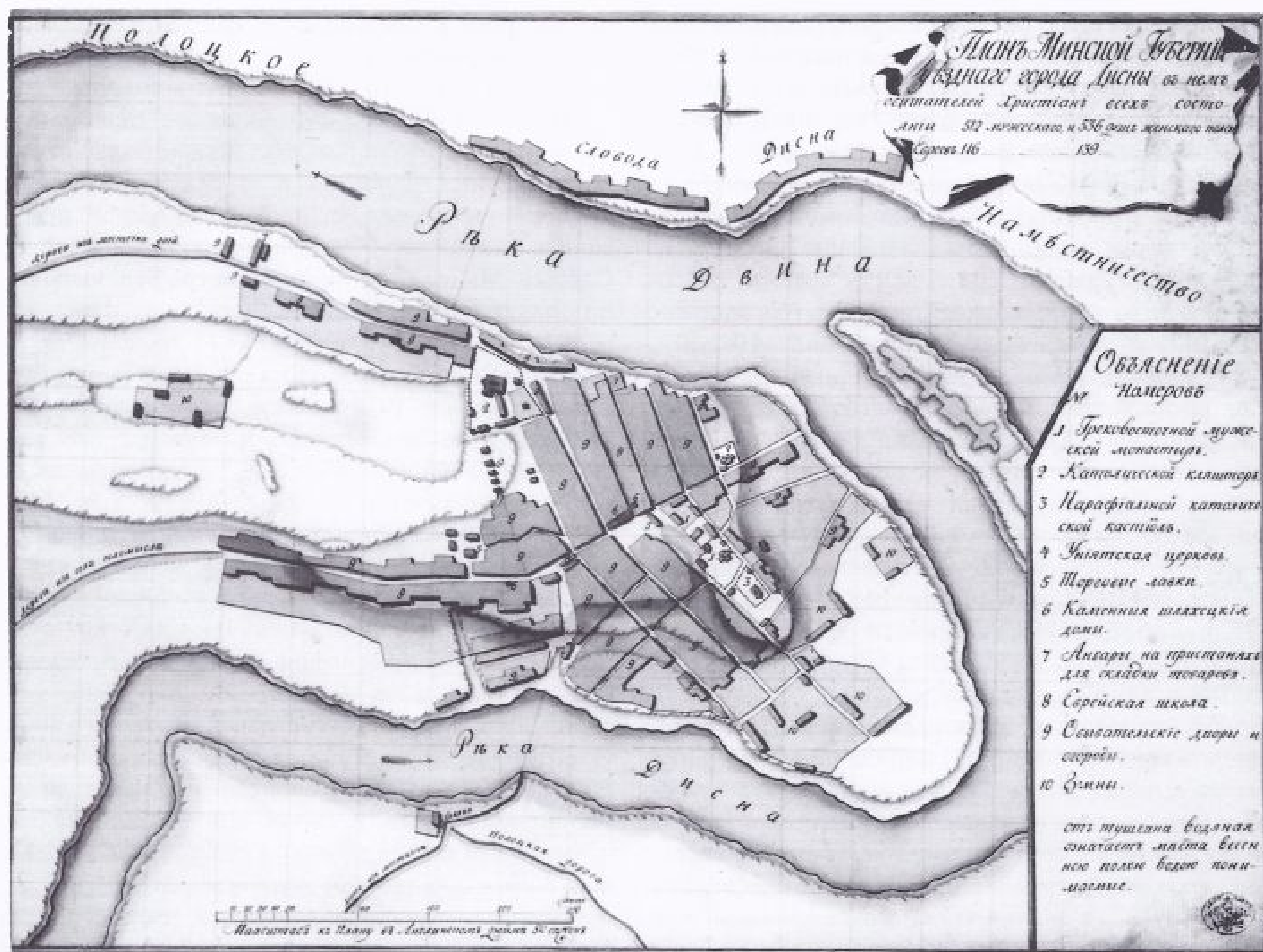

Рис. 70. Дисна. План конца XVIII в. (РГВИА)

чимого числа семь — столько улиц подводило к торгу.

Планировка Старого и Нового Мяделя обнаруживает примечательное композиционное свойство. Уличная сеть Старого Мяделя — свободно сложившаяся однокоммуникационная, фрагментарно преобразованная с организацией прямоугольной площади по готическому образцу. Короткие поперечные направления связывали селитебную территорию с берегом озера. Эти ныне сохранившиеся улицы, находящиеся в 1 км от замка, трассированы наподобие веера и ориентируются на замковые башни. Крепость разрушена во время Северной войны 1700–1721 гг., однако местоположение донжона диаметром 17,5 м точно установлено археологическими раскопками [164, кн. 2, с. 67] и в настоящее время прослеживается на местности. Другая башня, возможно, завершавшая перспективу крайней северной улицы, предположительно находилась в северо-западном углу замка. Художественно осмысленная трассировка улиц, в данной ситуации лишенная оборонного назначения, подтверждает важную роль эстетического фактора в формировании малых поселений. На замыкании зрительной оси крайней южной улицы в противоположном замку направлении в 1754 г. сооружен кармелитский костел. Он вошел в застройку торговой площади и получил органичную для открытого пространства на вершине холма центричную объемную композицию с доминирующим куполом.

Помимо рассмотренных выше Борисова и Чаус в XVIII в. многие города и местечки не только имели на всей территории готическую структуру с квадратной площадью и окружающими ее прямоугольными кварталами, но иногда еще сохраняли регулярные, отчасти близкие к ортогональным контуры своего плана. В отличие от них особым типом поселений, также созданных по единому замыслу, служили города с принципиально иной планиметрической композицией. Их круг, насколько удалось выявить по картографи-

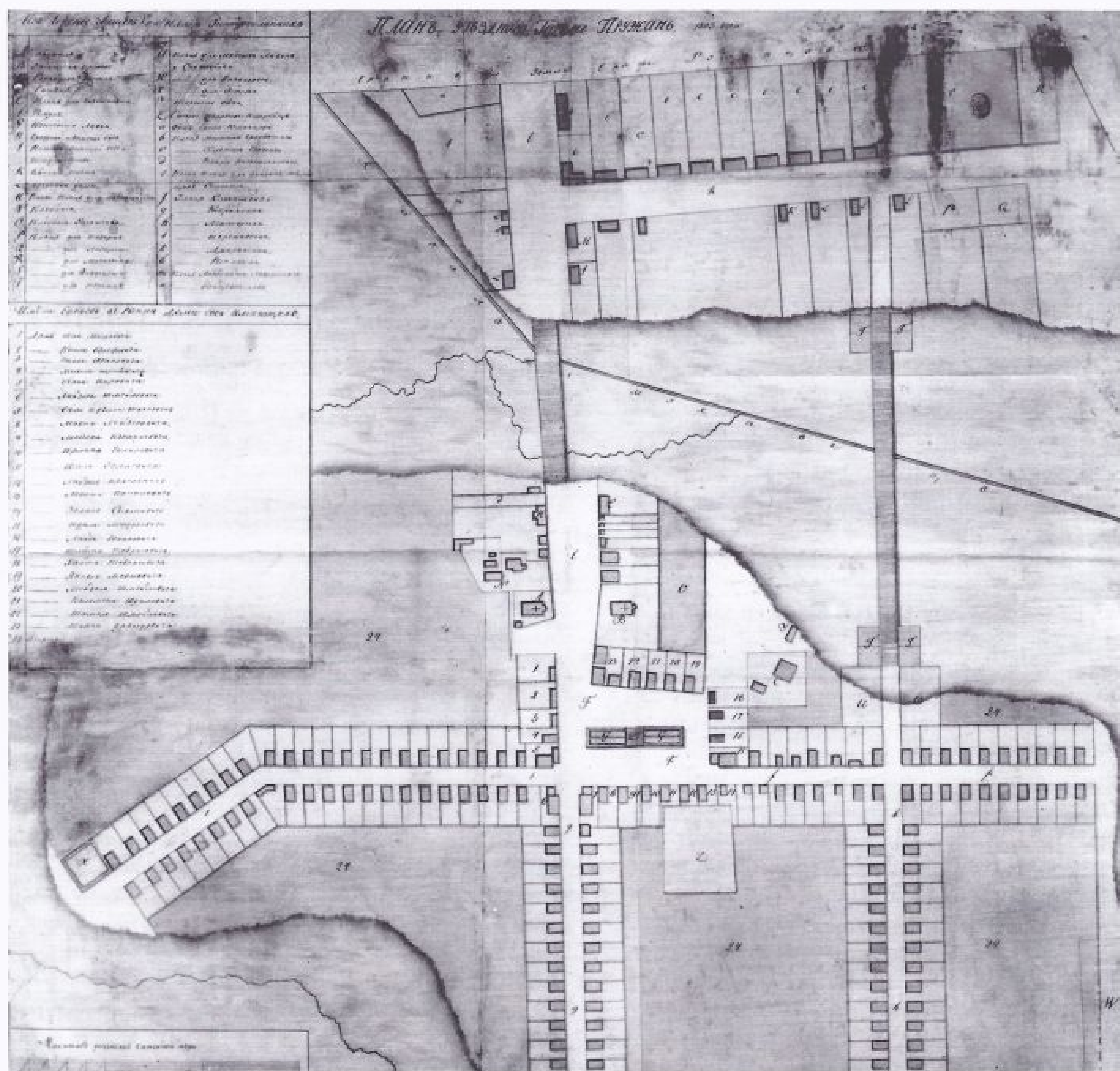

Рис. 71. Пружаны. План 1803 г. (РГВИА)

ческим документам, весьма ограничен. Можно предположить, что в действительности он был шире. Отличительная черта этого обнаруженного типа — торговая площадь из двух протяженных пространств, перпендикулярно примыкающих друг к другу. При этом общая конфигурация поселения могла быть различной. Варьировался и характер регулярной уличной сети, представляя ту или иную композиционную схему.

Распространение в Великом княжестве Литовском Г-образной в плане площади может служить показателем западноевропейского генезиса рассматриваемого типа населенных мест. Такие форумы свойственны средневековому градостроительству [66, т. 1, с. 154, 156] и встречались в нерегулярных и регулярных городах разных географических регионов Европы. Например, пьяцца Сан Марко в Венеции, пьяцца делла Синьория во Флоренции, пьяцца дель Санто в Падуе, пьяцца д'Эрбе в Мантуе, пьяцца дель Неттуно в сочетании с пьяцца Гранде в Болонье, в определенной степени — пьяцца ди Сан Джованни в Венеции, а также ратушная площадь в Ротенбурге на Таубере, Мюнстерская площадь в сочетании с парадной в Вюрцбурге, винный рынок в Нордлингене, площадь св. Эгидия в Нюрнберге

(планы указанных площадей — [57, с. 41, 45, 51, 56, 62; 169, с. 67, 105, 122; 650, ил. V]).

Одну из причин сложения именно такой формы пространства А. В. Бунин видит в создании наилучших условий восприятия с угла важного здания ансамбля, в возможности обозрения в эффектном перспективном сокращении главного и бокового фасадов сооружения [66, т. 1, с. 152, 156]. Однако в белорусских городах это место периметра площади не использовалось для основных построек, которые занимали иные композиционно значимые зоны ансамбля.

К рассматриваемому типу населенных мест относится Дисна, уникальная для Беларуси по планировочным абрисам. Об этом свидетельствуют реконструкция плана Дисны конца XVI в. О. Хедемана [80, т. 6, с. 457; 665], планы Дисны конца XVIII в. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21563, л. 12), 1798 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 51), середины XIX в. (НИАБГ, ф. 11, оп. 13, д. 6).

Специфика города, расположенного на мысу при впадении одноименной реки в Западную Двину, заключалась в овальной конфигурации территории, а также наличии главной магистрали, к которой с двух сторон прилегали ряды узких удлиненных кварталов, составляя по-разному ориентированные системы направлений. Одна из них делилась еще поперечными переулками. В центре, где смыкались формально разнородные зоны, находилась главная, Г-образная площадь. На острове Двины размещался замок, а селитебная территория, по О. Хедеману, на коротком отрезке между реками защищалась линией средневековых по характеру безбастионных укреплений, трассированных нерегулярно и, видимо, не слишком мощных. Поэтому собственно поселение неправомерно относить к регулярным городам-крепостям, таким, как анализируемые ниже Быхов, Слуцк, Несвиж и др.

Дисна не подпадает под определение «классического» готического поселения исходного западноевропейского образца или производных от него, развившихся в ВКЛ. Однако сравнение с типичным готическим городом Монпазье [66, т. 1, с. 154] обнаруживает большое сходство пропорций кварталов. Во французском аналоге отношение сторон рядовых кварталов составляло от 1:4 до 1:5, в Дисне эта пропорция для удлиненных кварталов находилась в пределах 1:4,6 — 1:7,6. Такая вытянутость ячеек разбивки плана, своеобразный динамизм его рисунка служили объединяющей чертой двух поселений.

В Пружанах, другом городе изучаемого типа, сеть улиц была прямоугольной. На рубеже XVIII и XIX вв. его территория не имела компактных очертаний. По плану 1803 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22375) усадебные участки группировались полосой вдоль нескольких тянущихся до окраин улиц, между которыми раскинулась занятая огородами местность, переходящая в окружающий ландшафт. Очевидно единство характера Г-образной площади в Дисне и Пружанах. В обоих случаях она была организована на пересечении главной магистрали со второй по значимости улицей. Два удлиненных пространства, формирующие площадь, задуманы разной длины и составляли пропорции 1:1,33 в Дисне и математически точно, с характерным удвоением, 1:2 в Пружанах. Из основных зданий только торговые ряды имели островное положение, а храмы сосредоточивались в районе большего крыла площади. В обоих городах проходящая через форум трасса главной улицы своей шириной установила расстояние от торца корпуса лавок до стороны площади.

Особую группу поселений составляют города-крепости. Выдающимся образцом ренессансного градостроительства являлся монументальный ансамбль Быхова (или Старого Быхова). В 1430 г. поселение упоминается как владение великого князя Свидригайлы, затем принадлежало князьям Друцкому-Зубровицкому, Гаштольдам, великому князю Сигизмунду I, а в 1556 г. перешло к И. Ходкевичу. В 1590 г. гетман Я. Ходкевич получил от короля грамоту на строительство каменного замка, которое в основном закончилось к 1619 г., но продолжилось при следующем владельце Быхова Льве Сапеге (с 1621 г.). Замок разместился на кромке высокого надпойменного плато, в нескольких сотнях метров от крутой излучины Днепра. Он представлял собой образованный тремя корпусами и стеной четырехугольник с внутренним двором, пятью башнями по трем углам и на восточном и западном корпусах. Комплекс достраивался во второй половине XVII—XVIII в. В начале XVII в. Л. Сапега на основе передового европейского опыта фортификации соорудил вокруг города полукольцевую линию земляных укреплений. Быхов считался одной из самых мощных крепостей Поднепровья, неоднократно выдерживая многомесячные осады в периоды войны России с Речью Посполитой и Северной войны.

Городу уделялось внимание в исследованиях [80, т. 6, с. 471, 479; 141, с. 90—94; 490; 517, с. 180—186; 518, с. 80—89; 545, с. 45, 80, 81].

Рис. 72. Быхов. План крепости, составленный между 1778 и 1780 гг. (РГВИА)

Однако не предпринимались попытки реконструировать план Быхова на время его создания в начале XVII в. Это дает возможность представить реализацию принципов градостроительного мышления Возрождения в региональных условиях северо-востока Речи Посполитой, воссоздать первоначальную планировку оборонительных сооружений, сеть улиц, площадей, кварталов и ее метрологические особенности.

Реконструкция разработана автором в М 1:2000 в итоге анализа серии планов города конца XVIII в., геодезической съемки территории 1970-х годов, письменных и иконографических материалов, данных натурного исследования природного ландшафта и пространственного построения улиц, площадей, других компонентов поселения, а также исторических зданий.

Система обороны Быхова была создана с учетом широкого использования огнестрельного оружия. Размещенный на равнине город с северной, западной и южной сторон окружался полукольцом земляного вала с семью бастионами и рвом, повторявшим абрисы бастионов. На востоке, где город ограничивался бровкой высокого надпойменного плато, над крутым склоном находилось пять земляных бастионов меньшего размера. Все бастионы были однотипной пятиугольной формы, за исключением четырехугольного замкового, треугольного крайнего северного и вытянутого пятиугольного крайнего южного. Замок посередине восточной линии укреплений являлся одновременно внутренней цитаделью и от городской селитебной территории отделялся П-образным в плане рвом. Через ров возле брамы, ведущей в замковый двор, был перекинут подъемный мост. К югу от рва, очевидно, размещался фруктовый сад. В целом принципы организации и структура укреплений, в том числе их почти симметричная конфигурация, соответствовали европейской ренессансной теории оборонительного зодчества и практике ее осуществления в натуре. Локальные нарушения симметрии обусловливались особенностями рельефа местности.

После присоединения белорусских земель к России русскими гражданскими топографами и военными инженерами составлен ряд фиксационных и проектных планов Быхова. Эти документы служили в монографии основой для реконструкции планировки на начало XVII в. Правомерность такого подхода известна и отмечалась в исследованиях [441, с. 212]. На всех документах хорошо прослеживается вышеуказанная композиция земляных укреплений, которые, однако, пришли в упадок за истекшие полтора столетия после их возведения. Отчасти они разрушались и восстанавливались за время войн России с Речью Посполитой 1654—1667 гг. и Северной 1700—1721 гг. К концу XVIII в. наиболее трансформировались внешние контуры верхних частей бастионов, меньше исказились куртины. Малые бас-

тионы восточной линии к северу от замка почти полностью снивелировались, к югу — сохранились лучше. Первоначальный поперечный профиль вала утрачен, изображения на планах не дают возможности представить число ярусов оборонительного обстрела — один или два. Судя по рисунку на документах, наиболее вероятна одна, верхняя терраса для ведения огня, что отражено в предлагаемой реконструкции. По данным М. А. Ткачева, высота вала и глубина рва достигали 7—8 м, ширина вала в основании — 30 м [517, с. 182].

Планы иллюстрируют хорошую сохранность в конце XVIII в. очертаний полукольцевого рва, которые с геометрической четкостью следовали контурам бастионов. Подробность изображения и правильность форм на документе 1781 г. позволяют предположить, что углы рва первоначально имели скругление. Высота надпойменного плато составляет 18—20 м. Поэтому, учитывая показанную на всех чертежах ширину рва по верху в 40—50 м и применявшиеся поперечные профили преград, трудно допустить его наполнение водой со стороны заболоченной поймы Днепра. Глубина рва в 20 м и более малоправдоподобна в условиях ландшафта и градостроительного масштаба Быхова. Следы обводнения сохранились к настоящему времени в виде двух неглубоких прудов изломанной формы на участках между бывшими Могилевскими и Рогачевскими воротами. Вероятно, въездные мосты через ров служили дамбами, в пределах которых ров обводнялся, а два его участка от мостов до пойменной равнины были сухими и имели дно, постепенно понижающееся примерно на 10 м.

Каменные ворота размещались в толще вала посередине куртин и, как и сам вал в этих местах, ныне полностью утрачены. Они были монументальными сооружениями, важными элементами высотной композиции Быхова. Известным аналогом таких построек, общим по времени и типу, является Замковая городская брама Несвижа, которая имела рядом с конструкцией проезда высокую многоярусную оборонительную башню с шатровым завершением. На плане Быхова 1781 г. брамы изображены в виде каменных тоннелей с прямоугольными пристройками сбоку на валу, которые, возможно, и являлись оборонными башнями. Об их наличии свидетельствуют и другие исторические источники. В Северную войну, когда в 1714 г. русский гарнизон покинул Быхов, взятый при осаде 1707 г., упоминается, что «Москва в брамах быховских каменные верхи полностью поразбирала ...» [518, с. 88]. В 1780 г. указаны уже восстановленные башни: «Над двоими воротами возведены две крепкие каменные башни» [520, с. 93]. Двое каменных ворот сохранялись еще в 1855 г. [34, с. 204].

В настоящее время местоположение земляных бастионов с восточной стороны города угадывается по слабым овальным выступам склона плато. Четырехугольный в прошлом бастион, на котором размещается главный корпус замка, ныне имеет неправильные округлые очертания. Лучше сохранились остатки валов двух северо-западных и двух юго-западных бастионов, которые дают возможность подтвердить видную по старым планам величину центрального угла бастиона — 115°. При прокладке современной главной улицы города полностью срыт западный бастион. Угловой южный также почти уничтожен, очевидно, при заборе грунта для строительства поблизости насыпи под улицу и мост через Днепр. Крайний северный бастион сохранился неплохо. На местности прослеживаются и следы соседнего с ним треугольного предбастионного земляного укрепления, показанного на исторических чертежах.

Кроме картографических документов при воссоздании плана системы бастионов, куртин и рвов автором использовались как аналоги укрепленные города XVI—XVII вв., построенные в Европе, в том числе Речи Посполитой, а также проекты идеальных крепостей по трудам П. Катанео, Дж. Скала, В. Скамоцци, К. Мирошевского, Ю. Нароновича-Нароньского, А. Фрейтага [667, с. 7, 9; 687, с. 167—225; 688, с. 34—36, 38; 720, рис. 68, 79, 80; 771, с. 105—110, 146; 772, с. 285—367]. В частности, как отмечает И. Н. Слюнькова, прослеживается общность планировочной схемы укреплений Быхова с идеальным планом города-крепости у реки большой ширины, приводимым в трактате А. Фрейтага 1631 г. и опубликованым Т. Зарембской [490, с. 41; 492, с. 294, 295; 772, рис. 60].

В реконструкции учитывались свойственные эпохе правила построения плана и поперечного профиля оборонительных сооружений. Отличие быховских бастионов от большинства изученных образцов — применение более тупого центрального угла. Региональными аналогами объемно-планировочной структуры ренессансных укреплений служили Несвиж и Слуцк, которые, как и в Быхове, охватывали большие селитебные районы, имели внутреннюю цитадель (Слуцк) и иллюстрированы документами конца XVIII в.

Планировочная сеть в пределах линий укреплений к настоящему времени почти полностью

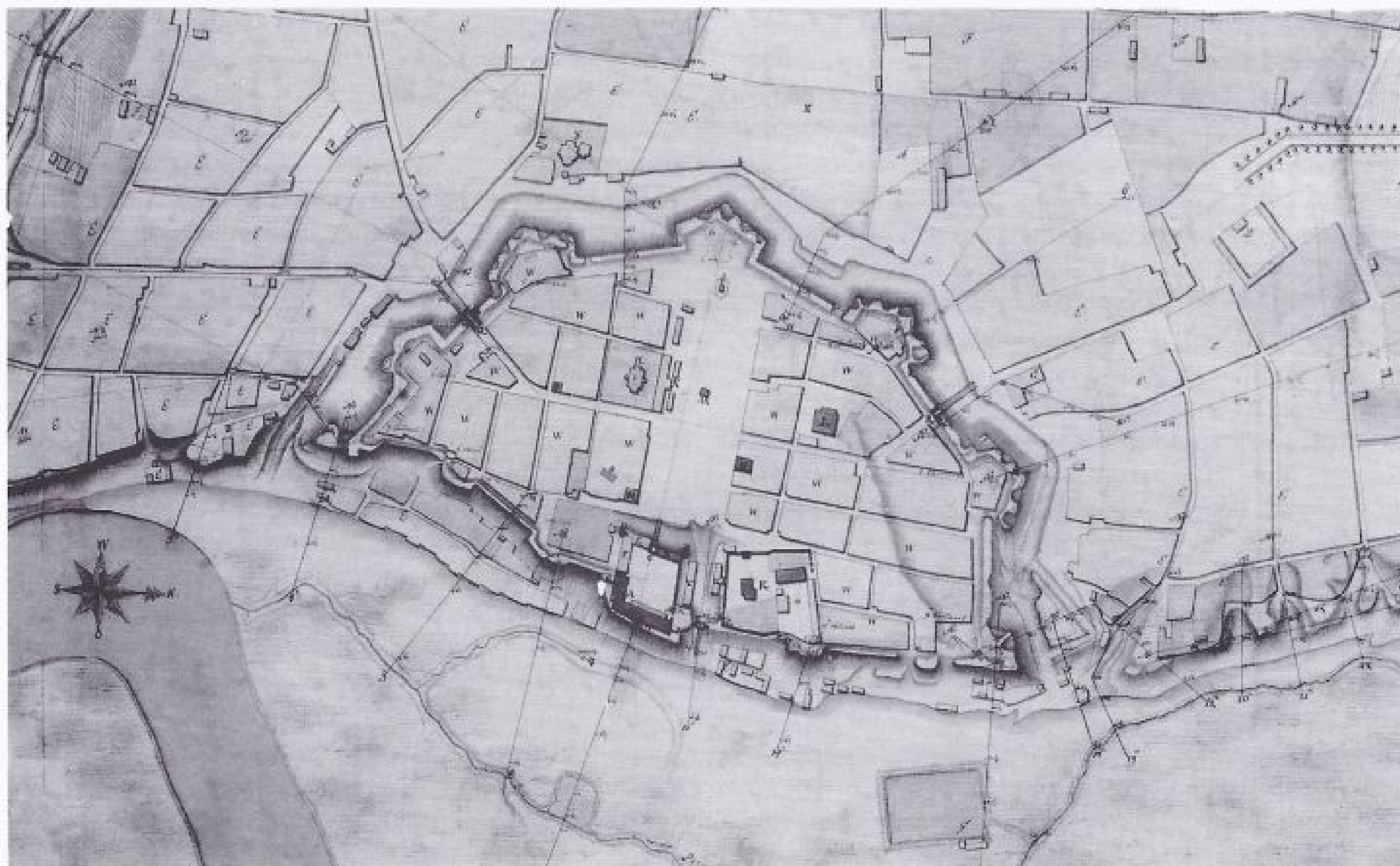

Рис. 73. Быхов. План 1781 г. (РГВИА)

утрачена. Не сохранилась конфигурация площадей, из 24 графически реконструированных улиц сейчас существуют отрезки только 7 трасс, которые совпадают с восстановленными направлениями. Среди сооружений рассматриваемого периода сохранились восточный, южный корпуса и северо-западная башня замка, синагога первой половины XVII в. и жилое здание монастыря августинов. Монастырь с костелом св. Казимира был основан Ходкевичем в начале XVII в. [34, с. 201; 623, т. 2, с. 146].

Планы Быхова конца XVIII – начала XIX в. можно с определенной долей условности разделить на две группы. К первой относятся документы с относительно схематичным, несколько огрубленным изображением уличной сети и контуров основных зданий без подробностей (два плана 1778 г. – РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 2107; [417, л. 182; то же – 445, с. 285]; план 1783 г. – РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 2181; план 1784 г. – РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 16; четыре плана конца XVIII в. – РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21529, ч. 3, л. 27; д. 21564, л. 10; РГИА, ф. 1293, оп. 167, д. 25, а также д. 26, л. 1). Все перечисленные чертежи, как свидетельствуют поясняющие надписи и сами изображения, являются фиксационными в отношении селитебной территории, не предполагая ее преобразования, и проектными в отношении линии укреплений, которые обновляются, сохраняя первоначальную структуру. В планировке присутствуют черты нерегулярности – главная площадь несколько развернута относительно поперечной оси плана, некоторые улицы своими направлениями нарушают общую прямоугольную схему, другие теряют прямолинейность очертаний. Существует мнение, основанное на указанных документах, что и первоначальное построение внутрикрепостной территории XVII в. носило отклонения от геометрической правильности [490, с. 41, 42; 492, с. 293, 295].

Во вторую группу входят фиксационный план с контуром обновляемых укреплений без их полного проектного вида, составленный между 1778 и 1780 гг. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21760), и чисто фиксационный чертеж 1781 г. (РГВИА, ф. 349, оп. 5, д. 213, л. 1). От документов первой группы они отличаются более тщательной прорисовкой элементов уличной сети, скрупулезным показом форм основных сооружений. План 1781 г. по своему изобразительному качеству можно отнести к лучшим картографическим материалам по белорусским городам до 1917 г.

В соответствии с этими документами уличная сеть имела прямоугольную схему и регулярный характер линий застройки, что нужно понимать как высокую степень сохранности первоначальной ренессансной планировки, поскольку более поздние крупномасштабные мероприятия по формированию селитебных территорий на протяжении второй половины XVII–XVIII в. вплоть до эпохи барочных и классицистических преобразований науке неизвестны. Незначительные искажения строго прямоугольной системы прослеживаются в виде изломанной улицы к западу от синагоги, застройки части территории площади вокруг нее. На плане 1781 г. улица западнее униатской, позже православной церкви несколько отступает от общего рисунка взаимно перпендикулярных направлений. Возможно, эта и некоторые другие существовавшие в натуре особенности, точно отраженные в указанном документе, на планах первой группы получили утрированное выражение.

Очевидно, деформации идеальной прямоугольной схемы произошли на протяжении примерно 150 лет как слабо контролируемый властями процесс застройки, сноса, расчистки после пожаров, захвата конфессиональными общинами и частными владельцами общественных территорий. Закономерность таких аномалий неоднократно отмечалась исследователями в отношении средневековой Риги [154], западноукраинских городов [258]. В Быхове, имевшем деревянную с усадебными участками застройку, не раз подвергавшуюся пожарам, аномалии весьма вероятны. Плотность застройки, однако, в середине XVII в. была высока, о чем можно судить по посланию атамана И. Золотаренко, войска которого осаждали Быхов в 1654 г., царю Алексею Михайловичу: «... город деревянный и зело домы большие и частые» [518, с. 82].

Придерживаясь мнения о строгой правильности аутентичной планировки и естественности аномалий, все же можно допустить, учитывая противоречивость картографических документов, как вариант предлагаемой реконструкции незначительное отклонение одной-двух улиц от общей прямоугольной системы.

Постепенным использованием под земельные наделы трасс улиц объясняется исчезновение некоторых слабо функционально нагруженных коммуникаций, сохранившиеся отрезки которых изображены на планах конца XVIII в. Среди утраченных — улица от Могилевских ворот до одного из малых бастионов восточной оборонительной линии, участок средней из трех широтных улиц в северной половине города, одна из меридиональных коммуникаций южной части города и др. Закономерно, что в таких условиях новые улицы не возникали, за исключением короткого переулка к северу от августинского монастыря. Имеющиеся же в пределах укреплений свободные места застраивались, например пятиугольные площадки бастионов. В XVII в. эти площадки всегда представляли собой открытые пространства, переходящие в обходную улицу вдоль вала, о чем свидетельствуют многочисленные европейские аналоги.

Первоначальная строгая регулярность очертаний главной площади не вызывает сомнения, что можно утверждать по картографическим документам XVIII в., несмотря на ее отклонение от симметрии относительно поперечной оси городского плана. Площадь у синагоги также была прямоугольной, поскольку имела общепринятое в XVI–XVII вв. регулярное планировочное решение (Борисов, Ивье, Минск, Мир, Несвиж, предместье Каролин в Пинске, Ружаны и др.). Неясным остается наличие в пределах абриса сторон этой площади кроме главного малых объемов учебного или иного назначения, которые могли традиционно входить в синагогальный комплекс, хотя известно немало примеров с единственным, крупным кубовидным сооружением (Брест — две площади, Пинск — площадь перед главной синагогой, Слоним, Чериков).

Наличие в предлагаемой реконструкции малых треугольных кварталов объясняется особенностями формообразования планировочной композиции Быхова, сочетающей темы прямоугольной решетки и полукруга, а также имеющей радиально направленные въездные улицы. Несколько искаженных треугольных кварталов возле ворот и вдоль полукольцевой линии укреплений сохранилось к концу XVIII в.

В пользу утверждения о строго регулярной, геометризованной композиции уличной сети свидетельствуют кроме планов Быхова второй группы примеры идеальных городов-крепостей эпохи Возрождения, по крайней мере в проектном замысле не имевших отклонений от канонизированной правильности и ясности построения.

Реконструкция плана крепости начала XVII в. позволила установить геометрические закономерности ее пространственной композиции. В функциональном, идейно-смысловом и художественном отношениях доминантой поселения служил замок. Середину его главного, восточного фаса-

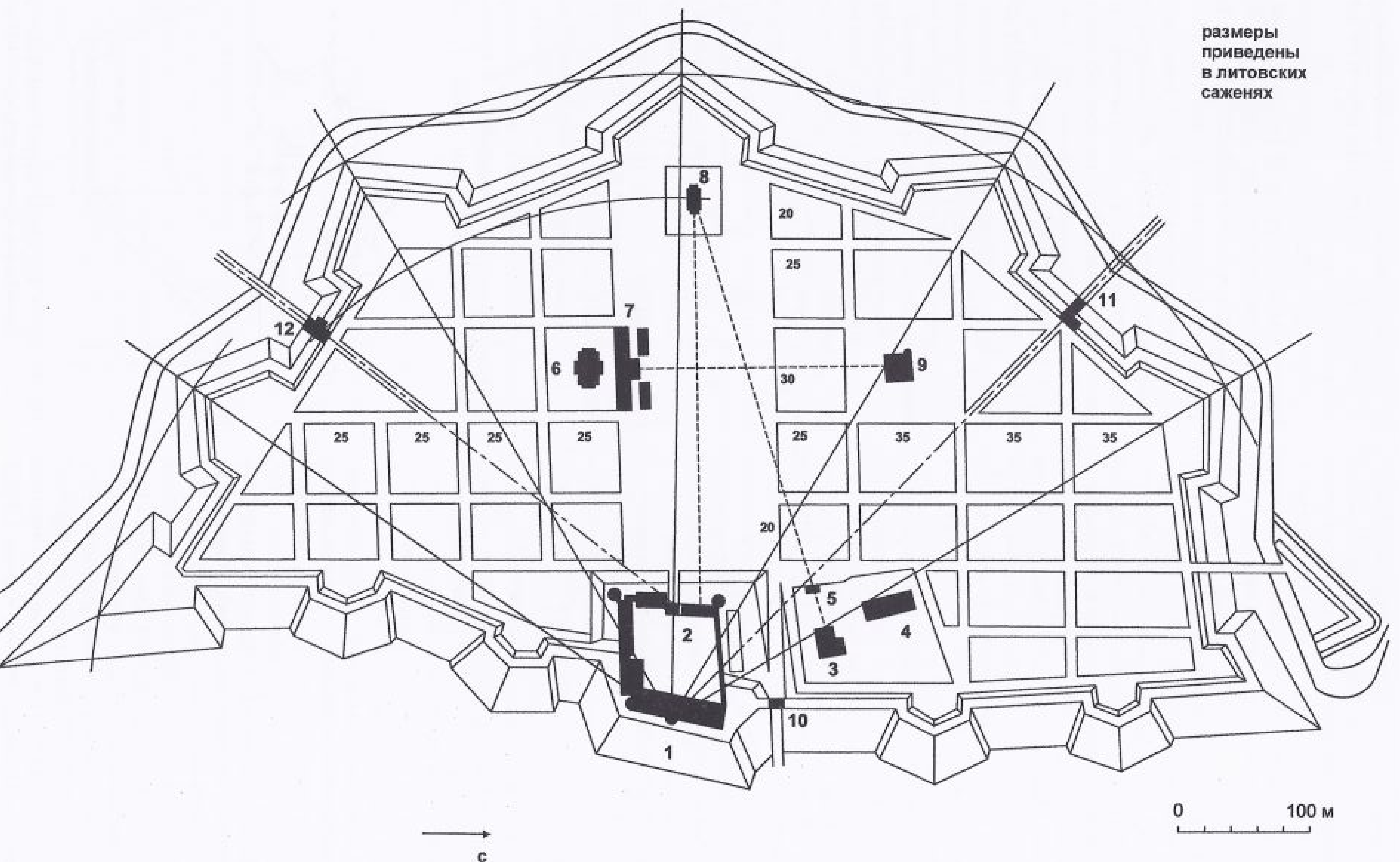

Рис. 74. Город-крепость Быхов в начале XVII в. (реконструкция автора). Метрологический и композиционный анализы плана: *1* — главная башня замка; *2* — проезжая башня замка; монастырь августинцев: *3* — костел св. Казимира, *4* — жилое здание, *5* — брама; *6* — униатская церковь; *7* — торговые ряды; *8* — униатская церковь Св. Троицы; *9* — синагога; *10* — Подольные ворота; *11* — Могилевские ворота; *12* — Рогачевские ворота

да фиксировала высокая многоярусная башня с часами и шлемообразным завершением. Она служила центром схождения пяти планировочных осей-радиусов, на которых, как на осях симметрии, были спроектированы мощные пятиугольные бастионы. Основу построения северной части города составляла четверть круга: оконечности всех бастионов, за исключением углового, лежали на окружности радиусом 460 м (235 литовских саженей). Топография местности не позволила выполнить аналогичную разбивку южной части крепости — здесь на общей окружности радиусом 410 м (210 саж.) находились только два бастиона. Наиболее вероятно, что в качестве единицы измерения при разбивке плана города использована литовская сажень (1,947 м). Ее применение в анализе размеров реконструированной планировки дает целые числа и, кроме того, обнаруживает кратность большинства отрезков 5 саженям. Другие возможные меры длины, известные в Великом княжестве Литовском XVI—XVII вв., не выявляют целочисленного членения территории (прут равен 4,87 м, шнур — 48,7 м, русская сажень — 2,1336 м).

Принцип сходящихся к центру лучей воплотился и в другой функциональной составляющей крепости. Улицы, определяемые въездами через Могилевскую и Рогачевскую брамы, также ориентировались на акценты объемно-планировочной структуры замка. Учет существовавших до реконструкции города уличных направлений либо художественный прием внесения живописных свойств в общую планировочную схему, имеющую тенденцию к формальной «жесткости», вызвали нацеленность одной из этих улиц на часовую башню, а другой — на башню с куполом в западном корпусе замка, через которую осуществлялся въезд во внутренний двор.

В Быхове нашло отражение типичное композиционное качество идеальных городов-крепостей Ренессанса, заключавшееся в функционально обусловленном выразительном контрасте крупномасштабной развитой пространственной системы земляных укреплений и измельченной разметки внутренней территории на жилые кварталы. Контраст градостроительных форм реализовался и в сочетании кварталов с огромной (125×55 литовских саженей), пересекающей весь город площадью, определенной, главным образом, необходимостью сосредоточения и перемещения большого количества войск. Художественная конфликтность усматривается также в идее соотношения радиально-полукольцевой основы города с ортогональной планировочной сетью улиц, что вообще характерно для многих ренессансных укрепленных поселений.

Главной причиной дифференциации размеров прямоугольных кварталов, очевидно, следует считать использование при перепланировке ранее сложившихся направлений улиц. Однако такая дифференциация послужила творческой основой придания живописности проектной планиметрической композиции уличной сети, образования определенных, подчиненных художественной логике ритмических отношений. С востока на запад по мере удаления от замка протяженность стороны квартала варьировалась следующим образом: 20, 25, 30, 25, 20 саж., по принципу возрастания от периферии к середине площади. Наибольшая ширина среднего ряда кварталов функционально и композиционно обусловилась размещением в нем вблизи площади культовых сооружений — униатской церкви и синагоги. В меридиональном направлении вдоль главной улицы, связанной с городскими воротами, длина кварталов составляла к югу от площади 25, 25, 25, 25 саж., а к северу — 25, 35, 35, 35 саж. Так, размеры элементов плана подтверждают применение модуля 5 литовских саженей. В целом планировочная сеть отличалась более крупными удлиненными ячейками в северо-восточной части крепости. Живописные качества пространственной организации селитебной территории дополнялись наличием разнообразных треугольных кварталов.

Построение схемы идеализированной композиции города выявляет крестоподобную структуру умозрительных связей между доминирующими сооружениями. На широтной оси креста лежали главная и въездная башни замка, Троицкая цер-

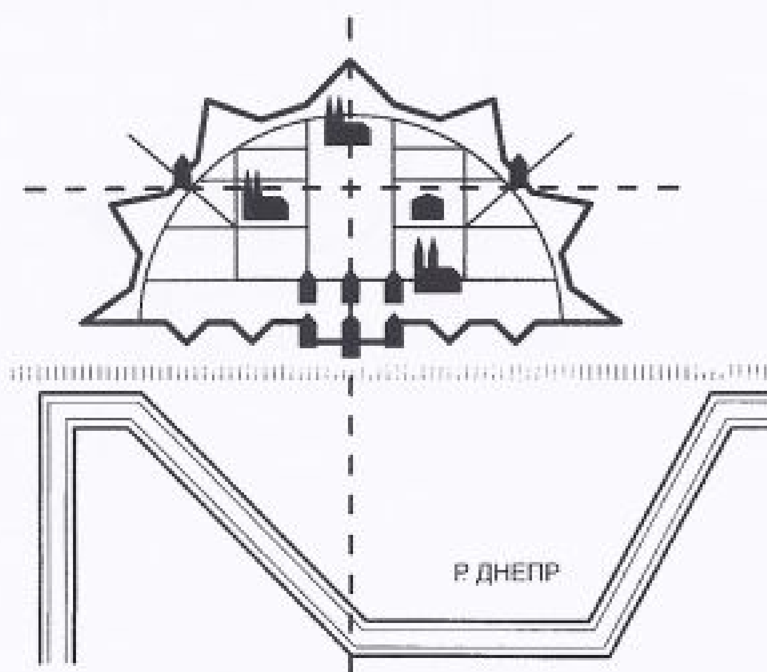

Рис. 75. Быхов. Идеализированная схема градостроительной композиции крепости в начале XVII в.

Рис. 76. Минск. План 1793 г. (РГВИА)

ковь, на меридиональной — униатский храм южной стороны площади, синагога, Могилевские и Рогачевские ворота. Доминанты ансамбля площади имели тенденцию к парному равновесию, хотя и не реализованному в полной мере: замок — церковь Св. Троицы, синагога — храм на южной стороне рынка. Крестоподобный характер отношений дополнялся диагональной связью, определявшейся продольной осью августинского костела, на которой находилась также монастырская брама — вероятный локальный акцент — и Троицкая церковь.

Быхов, Слуцк и Минск иллюстрируют тип ренессансных городов-крепостей, отличавшихся овальным планом. Быхов представлял собой полукруг, Слуцк — эллипс, приближающийся к правильному кругу, Минск, очевидно, также был эллипсовидным, но северо-западный сектор этой фигуры отсутствовал. Из-за затопляемой местности здесь не велась застройка и не возведена дуга оборонительного пояса. С этого направления подход к городу прикрывал нерегулярный низинный замок на месте детинца, окруженный болотистой поймой. Кроме характера формы плана общей чертой перечисленных городов служило наличие цитадели, включенной в линию укреплений. Цитадель Слуцка (так называемый Новый замок) в отличие от цитадели Быхова носила

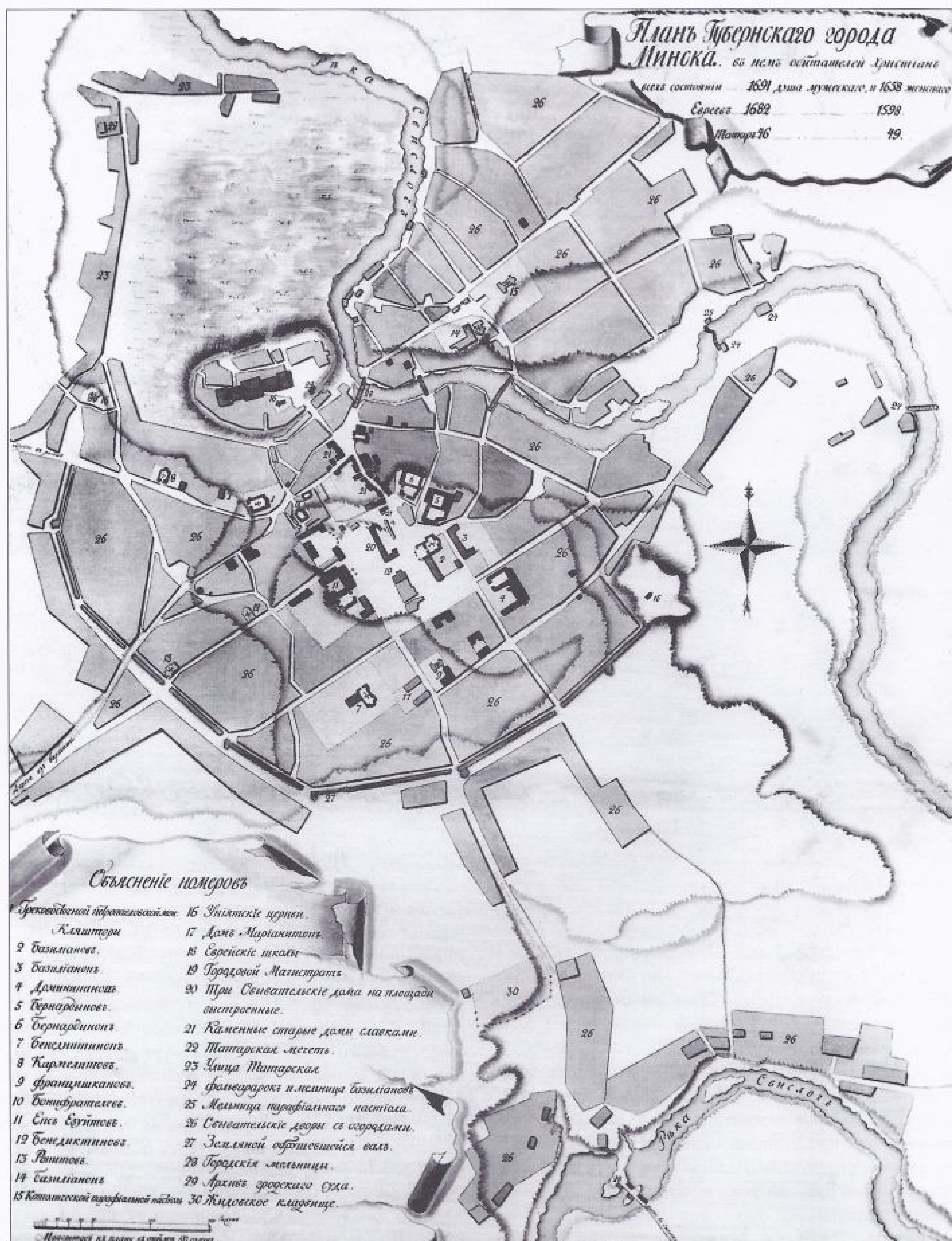

Рис. 77. Минск. План конца XVIII в. (РГВИА)

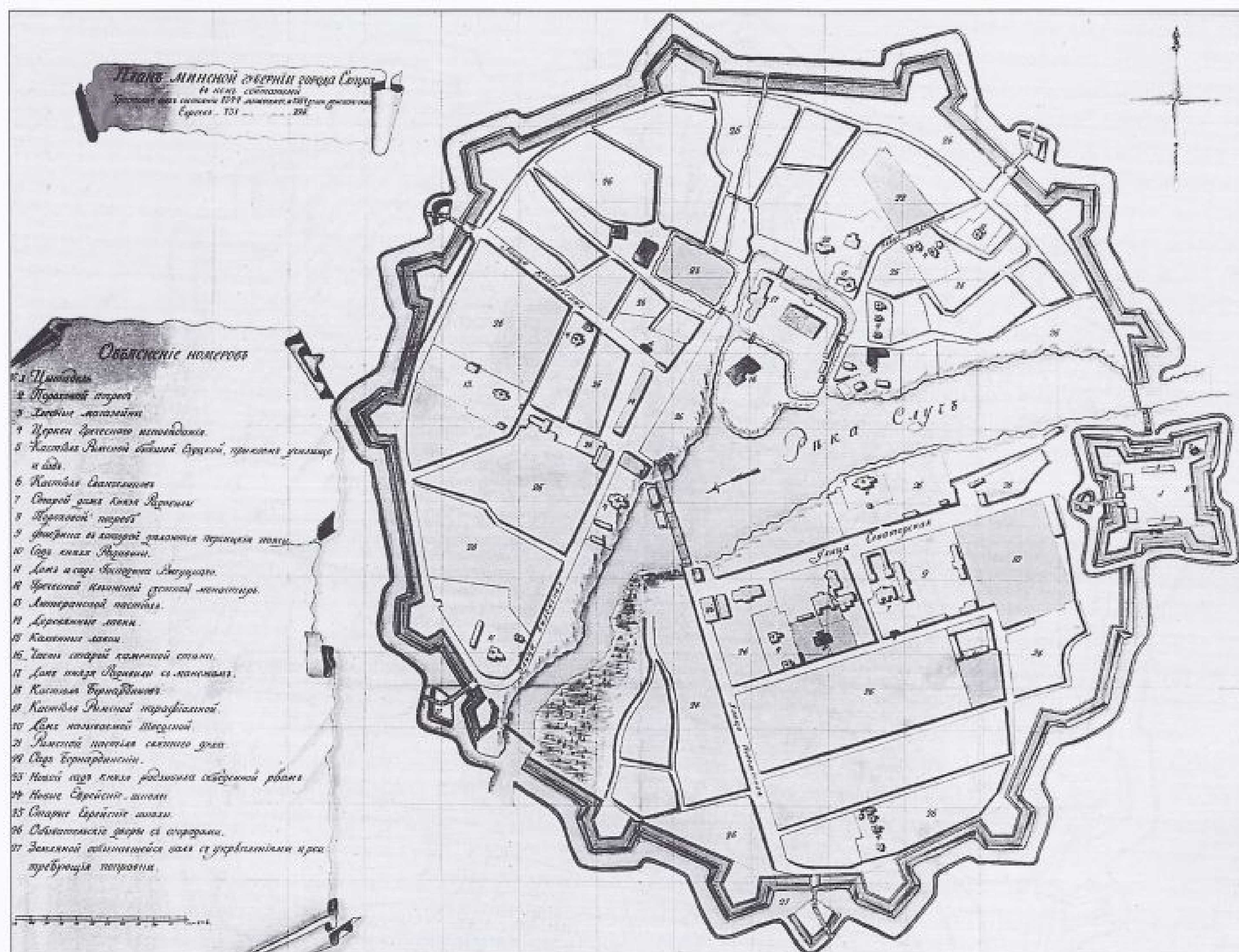

Рис. 78. Слуцк. План начала XIX в. (ОРРНБ)

исключительно утилитарную военно-оборонительную функцию, а главная резиденция магната находилась на внутрикрепостной селитебной территории, в пределах древнерусского окольного города. Примечательно, что квадратный в плане Новый замок с четырьмя бастионами по углам, выполненный по европейским образцам, был усилен средневековым приемом — деревянными башнями на бастионах и куртинах, что, очевидно, являлось особенностью местного фортификационного зодчества [518, с. 26]. Независимо от условий местности, разных в Быхове, Слуцке и Минске, цитадель всегда размещалась в крайней восточной части пояса укреплений со стороны наиболее вероятного нападения.

В результате перепланировки жилой территории Быхов приобрел художественно завершенную пространственную организацию, полностью осуществленную по геометризованному замыслу. В Слуцке и Минске наблюдалась иная картина — законченный вид получила только мощная кольцевая система оборонительных сооружений, а селитебная зона реконструирована по законам регулярности примерно наполовину. Быхов иллюстрирует свойственную Возрождению римско-античную традицию, имея две крестообразно пересекающиеся, взаимно перпендикулярно структурные оси. Роль декумануса выполняло основное композиционное направление, определяемое протяженной площадью, а кардо образовалось главной улицей, соединявшей въезды в город и закрепленной униатской церковью, синагогой и торговыми рядами. Стилевая принадлежность планировки внутренней территории Минска и Слуцка скорее доренессансная. Схема почти квадратного минского торга приближалась к «классически» готической, а удлиненного слуцкого — к другим регулярным средневековым схемам, например воплощенной в Поставах.

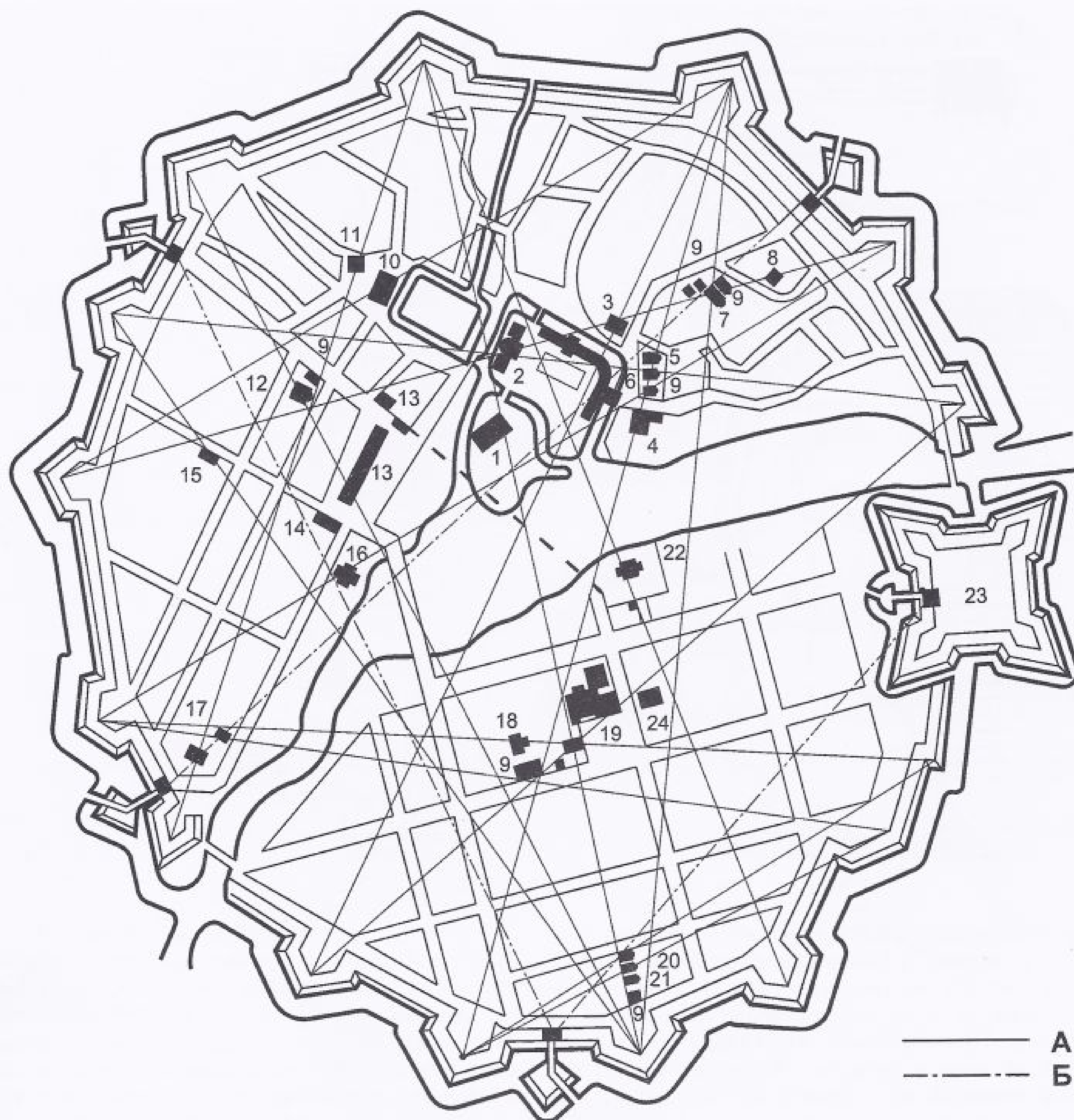

Рис. 79. Слуцк. План города в XVII – начале XVIII в. (реконструкция автора): *1* – фрагмент замка и место Успенского (?) православного собора 1409 г.; *2* – дворец Радзивиллов; *3* – приходский костел 1419 г.; *4* – монастырь бернардинцев, 1639 г. (по другим данным – 1671 г.), 1734, 1793 гг.; *5* – церковь Воскресения XVI – начала XVII в. (до 1612 г.); *6* – церковь св. Варвары XVI – начала XVII в. (до 1612 г.); *7* – церковь Рождества Христова XVI – начала XVII в. (до 1612 г.); *8* – приходский костел Св. Духа начала XVIII в. с богадельней; *9* – православные церкви (св. Михаила, св. Симеона, св. Константина, св. Стефана – все XVI – начала XVII в., до 1612 г. и др.); *10* – каменная синагога; *11* – деревянная синагога; *12* – собор св. Николая (?)XV– XVI вв. (до 1553 г.); *13* – торговые лавки; *14* – ратуша, аптека; *15* – лютеранская церковь с богадельней; *16* – Спасо-Преображенский монастырь XVI – начала XVII в. (до 1612 г.); *17* – женский Ильинский монастырь XVI – начала XVII в. (до 1612 г.); *18* – церковь св. Георгия XVI – начала XVII в. (до 1612 г.); *19* – костел, учебные и жилые корпуса коллегиума иезуитов 1710–1720-х годов; *20* – церковь св. Иоанна XVI – начала XVII в. (до 1612 г.); *21* – церковь Воздвижения Креста XVII в.; *22* – кальвинский збор 1617 г. с семинарией и богадельней; *23* – цитадель; *24* – старый дворец Радзивиллов. Умозрительные оси, соединяющие: *А* – бастионы и храмы, *Б* – проезжие башни и храмы

Широкомасштабное оборонительное строительство Слуцка осуществилось в последней четверти XVI в. [518, с. 25] или в 1630—1640-е годы [22, с. 447]. Поселение, развившееся на р. Случь вокруг устья малой реки Бычок, до реконструкции имело свойственную восточнославянским городам структуру и включало системы улиц разных типов. По картографическим документам конца XVIII и начала XIX в. можно судить, что территория мыса, основного посада древнего города не подверглась преобразованию и обладала веерно-дуговой планировкой. К этим документам относятся: ОРРНБ, ф. 342, № 1433, л. 1; РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14, л. 52; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 45; НИАБ, ф. 1477, оп. 1, д. 2878; ф. 299, оп. 5, д. 86. На основании анализа этих материалов, литературных источников, геодезической съемки территории начала 1980-х годов, данных натурного исследования автором выполнена реконструкция плана Слуцка на XVII — начало XVIII в. Методически ее разработка аналогична восстановлению планировки Быхова.

Посад на другом берегу Бычка реконструирован по следующему принципу: новая поперечная магистраль, ориентированная точно на устье этой реки, делила территорию на две части. Зона, прилегавшая к главному посаду в междуречье, не изменилась и сохранила старую прямоугольно-прямолинейную сеть улиц. Новая регулярная пространственная организация охватила вторую часть посада за Бычком, выходящую к Случи, и обширное левобережье последней.

Созданная правильная планировка была асимметричной и сложной по рисунку, что, несомненно, вызвано использованием ранее существовавших направлений. Интересно проанализировать, каким путем зодчий-планировщик, возможно, приглашенный из Западной или Центральной Европы владельцами города Олельковичами, а наиболее вероятно, Радзивиллами, решил непростую градостроительную задачу по формированию выразительной регулярной композиции на древнерусском планировочном субстрате. Это примечательно и в том смысле, что примененный преемственный реконструктивный подход явился предтечей, первичным опытом в регионе подобных мероприятий, широко реализованных спустя почти двести лет в Екатерининскую и Александровскую эпохи.

Художественный замысел планировочного каркаса имел явно средневековые творческие истоки. Четыре основные магистрали, ведущие к южным, юго-западным и северо-западным городским воротам и цитадели, лучеобразно расходились из некой абстрактной, близкой к неправильному шестиугольнику центральной зоны, образованной главной площадью, частью акватории запруды на р. Случь и прилегающими прибрежными участками. Магистрали как бы продолжали в разных направлениях стороны этого условного шестиугольника, отдаленно напоминая свастику. Отчасти такой формальный прием наблюдается и в схеме самого торга, наподобие ядра лежащего внутри этой зоны. Как будет рассмотрено в главе 4 на наиболее показательном примере Постав, фигура в виде свастики, заимствованная из западного средневекового градостроения, распространилась и в планировке поселений ВКЛ XVI—XVIII вв.

Композиционная схема указанных магистралей усиливалась следующими особенностями. Юго-западный луч был направлен на торговые лавки или корчму на северо-восточной стороне рынка. Как и остальные улицы, подходящие к торгу, он трассировался так, что продолжение улицы в пределах площади не перекрывалось торговыми рядами. Северо-западная магистраль зрительно завершалась постройками мануфактуры персидских поясов в квартале со старым дворцом Радзивиллов, а с другой стороны — брамой городских укреплений, ведущая к цитадели магистраль — церковью Ильинского монастыря, а ось южной магистрали пересекала посередине корпус торговых рядов (по инвентарю Слуцка 1661 г. в это время торговые ряды представляли собой корпус с 38 и 46 лавками [626, с. 308]). Очевиден объединяющий художественный прием зодчего: ориентация трассы на доминанту или точку геометрического построения, находящиеся вне застройки самой магистрали (в четырех случаях из пяти) (см. рис. 78, 79).

Интересны также ритмические свойства плана. На большей части левобережья размеры кварталов постепенно уменьшались по направлению от схемообразующих магистралей к поясу укреплений, формируя убывающий ритм ячеек уличной сети. В левобережье, или Новом городе, инвентарь Слуцка 1683 г. упоминает рыночную площадь территорией 62,5 прута (1471 м^2), застроенную с четырех сторон [626, с. 311]. В предлагаемой реконструкции плана ее место определено гипотетически, исходя из целесообразности расположения торга в срединной части района в удобной связи с городской брамой, а также из распространенной традиции формирования площади перед иезуитским коллегиумом и возле дворца магната.

9 — 2227

Храмы Слуцка примечательны в нескольких аспектах. Насчитывалось 26 культовых построек, что много в условиях края и объяснялось значительной величиной города в XVI–XVIII вв. В 1593 г. население составляло 7 тыс. жителей, в 1683 г. — 8,5–9 тыс. Конфессиональный состав храмов разнообразен: четыре католических костела, две крупные протестантские церкви, две синагоги. Остальные 18 храмов были греческого вероисповедания, что необычно в ситуации гонений на православное население в XVII–XVIII вв. и процесса обращения его в униатство.

Сохранение роли Слуцка как центра православия, присутствие здесь чина архимандрита являлось, вероятно, следствием соблюдения Радзивиллами завещания православной слуцкой княгини Софьи из рода Олельковичей [626, с. 308]. Наличие кальвинского и лютеранского храмов, в связи с контрреформацией редко наблюдаемых в белорусских поселениях, объясняется, очевидно, приверженностью к протестантизму гетмана Я. Радзивилла и К. Радзивилла.

Специфичен характер размещения приходских православных церквей, в таком виде не встречающийся в других населенных местах. Большинство их располагалось очень тесными группами. На южной окраине поселения в ряд стояло четыре храма, а с приступной стороны древнего окольного города располагались три церкви, чуть поодаль — еще четыре. Возможно, сконцентрированная постановка вызвана расселением православных на ограниченных территориях в отдельных районах Слуцка. В целом храмы греческого вероисповедания относительно равномерно охватывали селитьбу.

Структура оборонительного пояса убеждает в его создании по идеальным образцам, в частности примененному в Бродах или предложенному А. Фрейтагом [688, с. 29; 772, с. 314]. Общая конфигурация не была правильной круглой, а приближалась к овалу. Такая каноническая форма крепости приведена в первой половине XVII в. К. Мирошевским, секретарем польских королей и военным инженером, автором учебника по фортификационному строительству «Architectura militaris» [772, с. 364].

По данным архивных источников Б. Таурогиньски указывает, что в середине XVII в. архитектор Т. Спиновски, работавший при дворе Б. Радзивилла, проектировал новую крепость в Слуцке [763, с. 23]. Неизвестно, однако, относится ли это упоминание ко всей оборонительной линии города или только к цитадели.

В целом и деталях система укреплений Слуцка соответствовала указанным и другим хрестоматийным примерам, за исключением существенного обстоятельства — расстояния между бастионами были спроектированы разными. Повторялся только один размер, отрезок между осями двух северо-западных и четырех южных бастионов.

Слуцк сложился на плоской территории, а вокруг кольца укреплений простиралась свободная местность. Предместье Остров размещалось в удалении от города, малая слобода Тройчаны подходила к оборонительному поясу лишь коротким участком. Так, градостроительная ситуация вряд ли повлияла на искажение геометрически правильной разбивки крепостного периметра. Не вызваны эти аномалии и направлениями ранее существовавших улиц, поскольку не наблюдается особой композиционной слитности, жесткого формального единства между трассировкой улиц и очертаниями бастионов, куртин, местами въездных башен. Понятным приемом служит только сближенная постановка бастионов, попарно фланкирующих въезды в крепость для усиления уязвимых мест обороны.

При этом явственно прослеживается иное свойство. Анализ планировки показал, что главные углы бастионов и храмы лежали на прямых линиях. Не было ни одного бастиона, а также ни одной воротной башни, которые, будучи соединенными умозрительной прямой соответственно с каким-либо другим бастионом или въездной брамой, не оказывались на общей линии с культовым сооружением или сооружениями. Эта особенность распространялась на подавляющее большинство храмов независимо от конфессии. Из бастионного угла можно было провести от одной до четырех таких условных осей. Ясна преднамеренность данного планировочно-пространственного решения, поскольку нетрудно представить множество вероятностных ситуаций, когда рассматриваемая черта не обнаруживалась бы.

В качестве гипотезы допустимо следующее объяснение. Проезжие башни и бастионы служили мощными элементами пояса укреплений в отличие от более уязвимых куртин и своего рода символами обороноспособности города. Не исключено, что храм или храмы, смысловым образом связанные с бастионами путем размещения с ними на единой визуальной оси, носили семантическую охранительную, градозащитную функцию. Она, вероятно, могла осуществляться культовым зданием любого вероисповедания и посвящения (последнее известно, главным образом, в отношении православных церквей). В контексте сказанного уместно провести аналогию с древнерус-

Рис. 80. Несвиж. Панорама города Т. Маковского (около 1604 г.)

ской культурой, которой свойственна градозащитная семантика храмов во имя Успения Богородицы [441, с. 167; 296]. Возможно, места культовых сооружений Слуцка, определившиеся задолго до возведения ренессансных укреплений, явились исходными точками для идейно оснащенного, дополнительно к обычным оборонным требованиям, воздвижения бастионов и башен.

В связи с этим следует отметить, что по письменным источникам известна датировка большинства храмов XV — началом XVII в., предшествующая возникновению пояса валов и рвов. В отношении нескольких культовых зданий, построенных позже, можно со значительной вероятностью утверждать, что на их местах ранее уже существовали храмы. Эта закономерность общая для городов, основанных в IX—XII вв.

Другой тип крепостей, принципиально отличный от «овального» с внутренней цитаделью, представляют Несвиж и Мир. В них укрепленный городской район был прямоугольным, а замок владельца вынесен на существенное расстояние от поселения. В этом типе большее значение приобрело оборонительное обводнение.

Планировка конца XVIII—XIX в. и основные сооружения Несвижа достаточно известны. Тем не менее автором впервые в отечественной науке предпринята попытка реконструировать план города на период его создания в конце XVI — начале XVII в. по проекту Дж. М. Бернардони.

Необходимо также указать, что вариант восстановления первоначального замысла планировочной структуры Несвижа предложен польским исследователем Т. Бернатовичем, который установил, что проекты планировки города, церкви Св. Троицы и ратуши составлены Дж. М. Бернардони [647]. До сих пор этот зодчий был известен как автор иезуитского костела, монастыря бенедиктинов и, на начальном этапе, дворца Радзивиллов. Проект комплекса учебных, жилых и других корпусов иезуитского коллегиума, разработанный, вероятно, при участии Джованни де Россиса, был прислан из Рима еще до прибытия Бернардони в Несвиж [84, 712].

Разработанная автором монографии гипотетическая реконструкция основана на картографических материалах («План Минской губернии бывшего города Несвижа» конца XVIII в. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21529, ч. 3, л. 22; план конца XVIII в. [647, с. 163]; «План уездного города Несвижа» начала XIX в. — ОРРНБ, ф. 342, № 1434; планы 1810 г. [141, с. 96], 1897 и 1914 гг. — НИАБ, ф. 22, оп. 1, д. 912; ф. 1477, оп. 1, д. 3243); панораме города 1604 г. Т. Маковского — документе, редком по древности и детальности изображения; современной геодезической съемке территории; литературных источниках, отражающих фактологию возведения Несвижа, теоретические воззрения и практический опыт европейского градостроительства Возрождения.

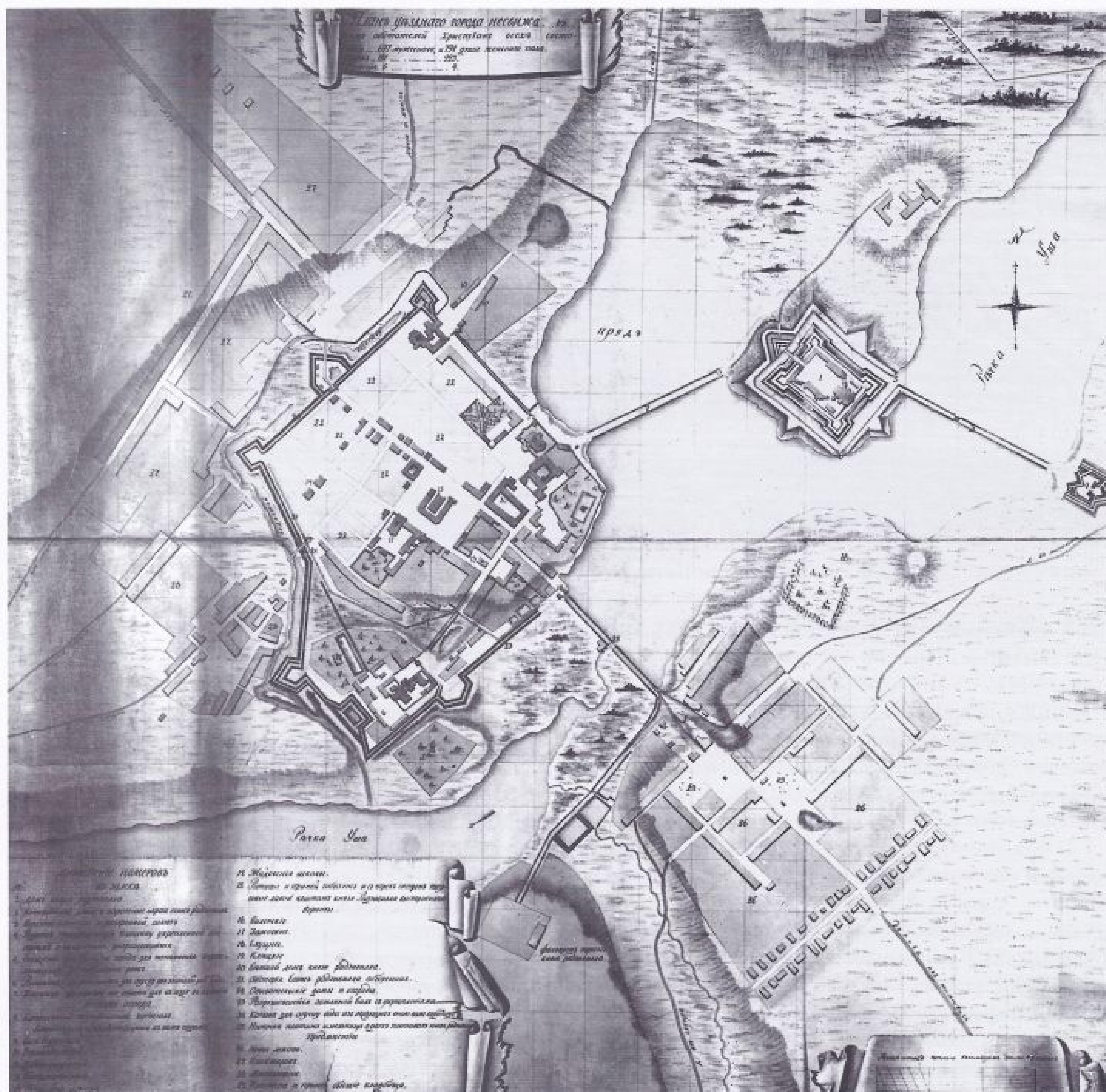

Рис. 81. Несвиж. План начала XIX в. (ОРРНБ)

В итоге выявились принципиальные положения, позволяющие по-новому оценить формально-типологические, стилевые генетические и идейные особенности композиции города.

Во-первых, стало очевидным, что заложенный в 1586–1616 гг. аутентичный план селитебного района приближался к квадрату с двумя прямыми углами, тупым и острым и тремя одинаковыми сторонами (1350 м между крайними углами бастионов). Показанные на документах конца XVIII – начала XIX в. валы, рвы и бастионы в южной части города, искажавшие квадратную схему, имели более позднее происхождение, возможно, относясь к периодам войны России с Речью Посполитой или Северной войны. Такое суждение основано на хорошо различимом изображении этого фрагмента оборонительной системы на гравюре 1604 г., принципе соблюдения правильности очертаний ренессансных укрепленных поселений, деталях утраченной планировки, видимых на картографических материалах рубежа XVIII и XIX вв. Мнения о первоначально лаконичном проектном

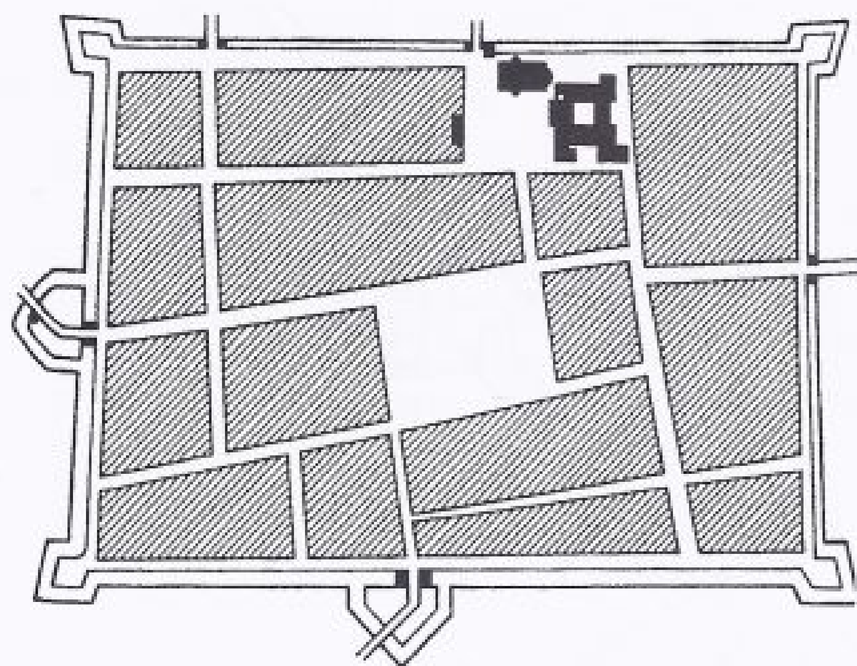

Рис. 82. Несвиж. План 1586 г. (реконструкция Т. Бернатовича)

решении этого угла плана, усиленного одним бастионом, придерживается и Т. Бернатович [647, с. 164]. Четко обозначается формально-пространственный тип частновладельческого города-крепости, где в качестве совершенной конфигурации принят квадрат.

Во-вторых, предположительно реконструирована система улиц в пределах оборонительных стен. Основанием для этого служила сеть наиболее важных магистралей, сохранявшаяся в конце XVIII в., и, главным образом, еще существовавшая в это время первоначальная разбивка мелких удлиненных кварталов в западном секторе городского плана. Общий прямоугольный характер планировочной структуры имел отклонения от геометрической правильности. Наблюдалась тенденция незначительного схождения групп почти параллельных улиц к трем условным центрам, расположенным за пределами города. По нескольку трасс сближалось в районе униатского храма в западном углу плана, а также районе иезуитского коллегиума и Слуцкой брамы на противоположном восточном углу. Улицы постепенно сходились и в направлении с юга-запада на северо-восток (тенденция малозаметной «радиальности» групп улиц отмечена также Т. Бернатовичем [647, с. 165]).

В-третьих, установлены признаки принадлежности градостроительной композиции к культуре Возрождения. От углов квадратного рынка, вероятно, отходили по две улицы — продолжение сторон площади, что свидетельствовало о готическом генезисе формообразования. Однако центричное размещение ратуши с торговыми рядами на оси симметрии площади и отчетливо показанная на гравюре 1604 г. протяженная перспектива проспекта, ориентированного на середину ратушного фасада, определили уже ренессансный образ пространственного построения. Римско-античными реминисценциями являлись квадратный план всей крепости и Т-подобная структура в виде кардо и декумануса, где роль кардо выполняла магистраль, связывавшая площадь с дворцом Радзивилла, а декумануса — протяженная улица от Виленских городских ворот к Слуцким. Как в древнеримском военном лагере Ламбезисе, основанном императором Адрианом во II в. н. э., как в Остии I в. до н. э. или Тимгаде, заложенном при Траяне во II в. н. э. [66, т. 1, с. 89–91], отрезок кардо в пределах застроенной территории был значительно короче декумануса. Более того, наподобие Ламбезиса, внутри прямоугольника крепостных стен кардо составлял одну треть от длины декумануса.

Наконец, взаимное положение античной Т-образной схемы улиц и общественной площади (форум в Тимгаде, преторий в Ламбезисе), которая примыкала к декуманусу с противоположной от кардо стороны, имея кардо как ось симметрии, не вызывает сомнения в источнике заимствования при формировании ренессансной композиции. Постановка крепостных ворот в виде высотных монументальных сооружений по концам взаимно перпендикулярных основных коммуникаций также представляла собой римскую традицию.

В-четвертых, реконструкция позволила определить некоторые геометрические принципы компоновки пространственных элементов. Расстояния от Клецкой до Замковой городской брамы и между последней и проезжей башней дворца Радзивиллов равны между собой. С математической точностью обнаружилось, что середина главного фасада ратуши лежит на пересечении диагоналей городского плана, соединяющих оконечности угловых бастионов, и оси, проходящей через проемы Замковой и Клецкой воротных башен. На общей окружности с центром посередине ратушного фасада находятся Виленская, Клецкая и Слуцкая брамы, а также алтарные части бернардинского костела и Троицкой церкви.

Очевидно, промежуточный бастион, лежащий между южным угловым бастионом и Слуцкой проезжей башней и построенный после 1616 г. [647, с. 164], был «вписан» в указанную систему геометрического построения уже после возведения города. Следует также отметить, что на планах конца XVIII — начала XIX в. Клецкие ворота показаны на другой улице, на один квартал к северо-западу. Приводимые геометрические принципы

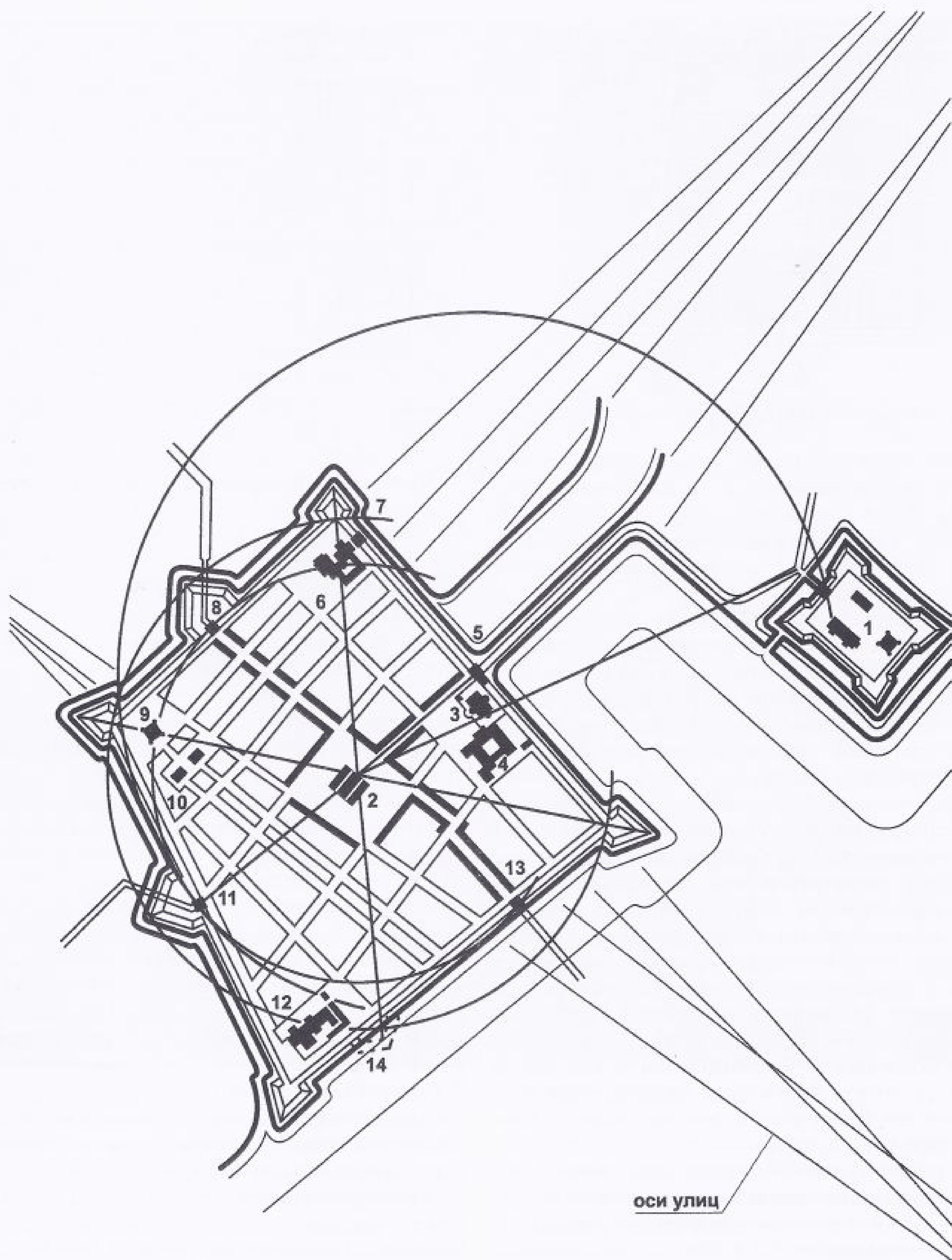

Рис. 83. План Несвижа в конце XVI — начале XVII в. (гипотетическая реконструкция автора): *1* — замок Радзивиллов, заложен в 1583 г.; *2* — ратуша и торговые ряды, около 1596 г.; коллегиум иезуитов: *3* — костел Божьего Тела 1587—1593 гг., *4* — учебные и жилые корпуса 1586—1599 гг.; *5* — Замковая брама конца XVI в.; *6* — монастырь бернардинцев с костелом св. Екатерины 1598—1604 гг.; *7* — Минская брама конца XVI в.; *8* — Виленская брама конца XVI в.; *9* — церковь Св. Троицы конца XVI в.; *10* — синагога; *11* — Клецкая брама конца XVI в.; *12* — монастырь бенедиктинок с костелом св. Евфимия 1590—1596 гг.; *13* — Слуцкая брама конца XVI в.; *14* — место позднейшего бастиона

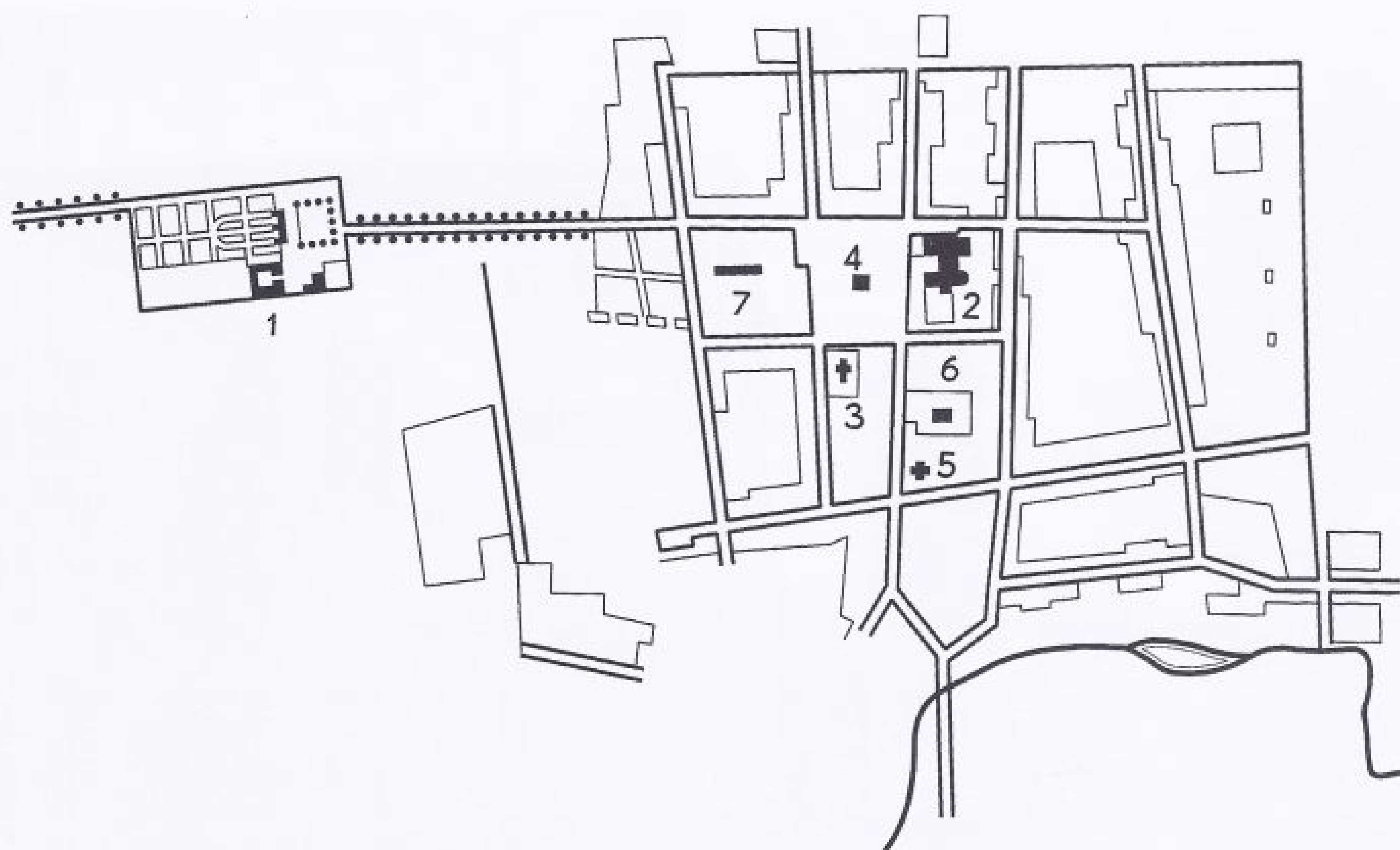

Рис. 84. Белыничи. Фиксационный план 1810 г. (РГВИА) (Иллюстрация схождения уличных осей в готической планировке): *1* — дворец Огинских; *2* — монастырь кармелитов с костелом Успения, 1624, 1742—1763 гг.; *3* — униатская церковь; *4* — торговые лавки; *5* — монастырь мариавиток второй половины XVIII в.; *6* — синагога; *7* — лазарет

построения косвенно свидетельствуют о правильности предполагаемого первоначального места этой проезжей башни. Кроме того, если Виленская, Замковая и Слуцкая брамы находились на улицах, непосредственно начинающихся от торговой площади, то логично предположить, что и Клецкие ворота подчинялись такой закономерности.

Так, в планировочной композиции крепости центр основного фасада здания магистрата трактовался как определяющее звено, своего рода «формообразующая» точка. В дальнейшем на примере Чечерска будет показано, что эта художественная особенность осознана и преемственно воспринята в романтизированных пространственных структурах классицизма.

В-пятых, как рассмотрено на с. 106, выполненная реконструкция способствует пониманию того, что теософским прообразом города был Небесный Иерусалим. Образ Иерусалима Небесного прочитывается и в структуре Несвижа по документальным планам конца XVIII — начала XIX в. Та или иная гипотетическая реконструкция фрагментов города — южной части оборонительной линии, восточного бастиона, уличной сетки к югу от рынка — не влияет на черты принципиального формального сходства с видением Иоанна Богослова, описанным в Апокалипсисе.

Традиция сакрализации пространственных форм, присущая средневековому градостроению, получила продолжение в Ренессансе. Очевидно, идеальное поселение, олицетворявшее власть и богатство одной из могущественных магнатских фамилий, не мыслилось без теологической просвещенности и божественного покровительства. Вышеизложенное корреспондируется с тем обстоятельством, что Дж. М. Бернардони, автор градостроительной идеи, был монахом-иезуитом, известным по созданию культовых сооружений [662; 712, с. 27].

В пространственную организацию города была заложена пластическая концепция, которая может свидетельствовать о свойственных Возрождению принципах высотной композиции идеального поселения. С определенной долей схематизации возможно заключить, что углы городского плана фиксировались культовыми комплексами как мощными вертикальными доминантами. Эта диагональная структура постановки объемных ориентиров с ратушей посередине активно подчеркивалась наличием возле храмов свободных пространств площадей, которые не только укре-

Рис. 85. Несвиж. Монастырь бенедиктинок, 1590—1595 гг., XVII—XVIII вв. Фото 1970-х годов

пляли диагональную схему, но и создавали необходимые пространственные «паузы», напряженный контраст архитектурных масс монастырей и окружающей мелкомасштабной жилой среды. Культовые площади решались каждый раз посвоему, обнаруживая большие возможности варьирования взаимного положения храма, других монастырских сооружений, крепостной стены, фронта жилых зданий. Принцип выявления диагоналей квадрата дополнялся крестообразным характером постановки иных вертикальных акцентов, не имевших перед собой площадей — проезжих башен.

Композиционная идея дополнялась тем, что все пространственное «поле» города было свободным от доминант, имея низкий горизонт жилой застройки, а строго центрично возвышалась бесспорно главная, стройная вертикаль — шестиярусная башня ратуши с купольным завершением. Остальные крупные объемно-пространственные элементы образовали композиционно активный периметр города, усиленный силуэтом мощных каменно-земляных укреплений (эта идея несколько нарушилась, когда в 1672 г. на юго-западной стороне торговой площади вблизи ратуши был построен доминиканский монастырь, а в 1630-х годах — униатская церковь на соседней улице). Если центр закреплялся только одной, но впечатляюще высокой формой, то система акцентов «ожерелья» раскрывалась следующим образом: многоярусная башня костела бернардинцев в сочетании с тремя малыми башнями жилого монастырского корпуса — Минская брама — Замковые ворота — высокий купол на барабане иезуитского костела — изящная башенка главного фасада коллегиума — Слуцкая брама — купол бенедиктинского костела (позже башня главного фасада, дополненная затем многоярусной колокольней) — Клецкие ворота — двускатные или аттиковые завершения двух зданий синагоги — высокая кровля церкви оборонного типа с четырьмя угловыми башнями — Виленская брама. Широко развернутая ренессансная композиция отличалась ярко проявленной центричностью, которая сочеталась с прямоугольной планировочной основой и визуально напряженным контуром

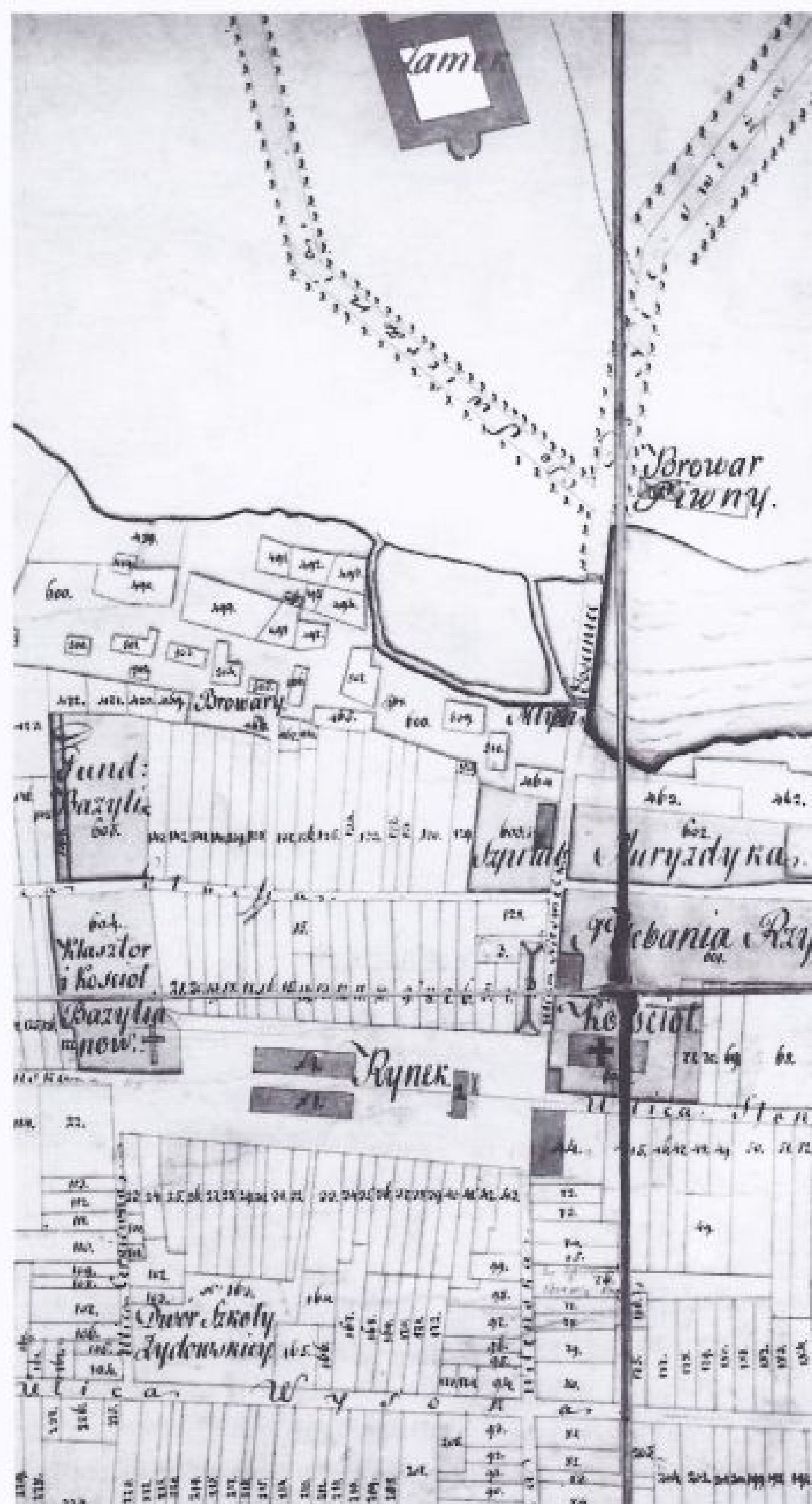

Рис. 86. План центральной части Мира 1831 г. (архив В.А.Чантурия)

из доминирующих комплексов, поражавших многообразием форм.

К городам-крепостям XVI–XVII вв. следует отнести также Мир и Глуск. В Мире квадратный в плане замок с внутренним двором, четырьмя угловыми башнями и одной проезжей был обнесен по квадрату валом с угловыми бастионами и рвом. На удалении от замка располагался планировочно связанный с ним значительный по размерам селитебный район с торговой площадью посередине. В результате исследований установлено, что жилой район также охватывался валами и рвами, конфигурация которых приближалась к вытянутому прямоугольнику [60]. Первоначальный вал насыпан, очевидно, в конце XVI в., как и в Несвиже, когда Мир получил магдебургское право, а в XVII в. поселение было окружено новой системой земляных оборонительных сооружений [60; 254, с. 104, 105], вероятно, ренессансного типа. В культурном слое обнаружены фрагменты четырех городских брам [254, с. 104].

Укрепленный селитебный район имел прямоугольную планировочную сеть с удлиненными кварталами, по формальным признакам тяготеющую к средневековому регулярному градостроению. В то же время рыночная площадь обладала осевым характером композиции, что приближало ее к ренессансным образцам. Главная улица — Слонимская-Минская пересекала ее посередине в продольном направлении, являясь осью непол-

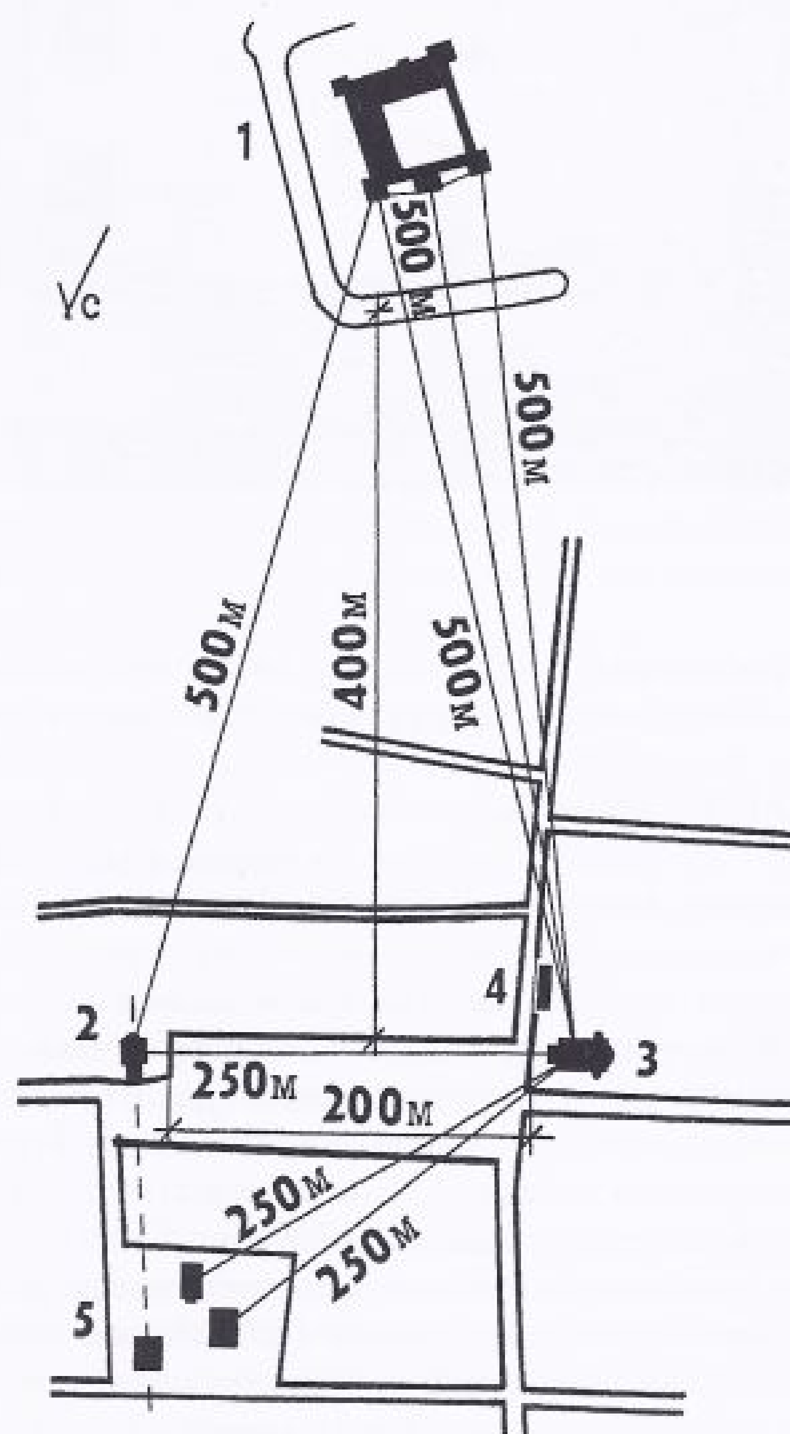

Рис. 87. Мир. Анализ особенностей пространственной композиции: *1* — замок, 1510 г., середина XVI — начало XVII в., начало XVIII в.; *2* — церковь Св. Троицы (между 1533 и 1550 гг.); *3* — костел св. Николая 1599–1605 гг.; *4* — плебания, 1609 г. — XIX в.; *5* — комплекс синагоги и школы XVIII–XIX вв.

Рис. 88. Мир. Ратуша, размещенная в срединном пространстве торговой площади. Фото 1920—1930-х годов (архив В.А.Чантурия)

ной симметрии схемы площади и подводящих улиц. Вероятно, реконструкция системы кварталов и укрепления Мира выполнены по проекту Дж. М. Бернардони, приглашенного Н. Х. Радзивиллом для переустройства поселения [84, с. 81].

Точные контуры валов, бастионов и обводнения вокруг города не установлены. Однако проведенный автором анализ современной геодезической съемки территории убеждает в наличии ясного геометризованного замысла градостроительной композиции. Расстояние от средокрестия Троицкой церкви на площади до центра плана Николаевского костела составляет 250 м. Удаленность обеих этих точек от планировочного центра северной башни замка вдвое больше (500 м), тем самым объемно-пространственные акценты размещены в углах равнобедренного треугольника. Также пятистам метрам равны расстояния от центра костела до центров западной и главной, проезжей башен замка. При этом ось монументального арочного проезда центральной башни, перед которым раньше был барбакан, ориентирована на апсиду этого храма, создавая нацеленную видовую перспективу из замкового двора и въездного проема.

Длина площади между оградами костела и церкви — 200 м, а расстояние от юго-восточной стороны рынка до северо-западного отрезка замкового вала вдвое больше. Посредством короткой улицы с торгом традиционно связывался культово-учебный иудаистский комплекс, включавший малую площадь с тремя зданиями синагоги и школы. Находясь в срединном пространстве площади, эти разноэтажные постройки располагаются по треугольной схеме, образуя живописную планировочно упорядоченную группу. Крайнее северное здание размещено на общей оси с церковью, а другое здание школы и синагога равноудалены на 250 м от середины костела. Таким образом, в общем геометризованном построении элементов города храм св. Николая трактован как своего рода центр расходящихся лучей, от которого на одинаковых расстояниях находятся три сооружения в районе рынка, а на удвоенном удалении — также три вертикальных акцента замка.

Рис. 89. Глуск. План 1812 г. (РГВИА): *1* — замок; *2* — монастырь бернардинцев 1667 г.; *3* — гостиный двор

Кроме городов-крепостей с овальным или прямоугольным абрисом оборонительных систем как редкий пример выделяется Глуск, в последней четверти XVIII — начале XIX в. занимавший промежуточное положение между городом-крепостью и неукрепленным поселением. Эта черта определилась близкими размерами бастионного замка, созданного в конце XVI — начале XVII в. на месте древнего детинца, и прилегающей к нему прямоугольной селитебной зоны.

На плане 1812 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21864) следов какой-либо оборонительной линии вокруг жилой территории не обнаруживается, хотя замок показан подробно. Вместе с тем в документах, датируемых серединой XVI — серединой XVIII в., отмечается наличие «паркана» вокруг города [518, с. 116—119]. Возможно, после строительства бастионного замка и организации регулярной уличной сети укрепления селитьбы носили временный характер и периодически возобновлялись по мере необходимости.

Глуск представлял собой композиционно целостный образец градостроительного произведения в свойственных Возрождению формах. Земляные валы замка образовали в плане выразительный, строго симметричный пятиугольник, углы которого фиксировались также пятиугольными бастионами. Валы опоясывались рвами, наполняемыми водой из реки, либо, возможно, крепость размещалась в окружении пруда. На общей оси симметрии с цитаделью располагался собственно город, тоже симметричный по структуре. Отклонения от полной симметрии, наблюдавшиеся в начале XIX в., очевидно, вызваны временны́ми аномалиями сравнительно с XVI—XVII вв., как это прослеживалось в Быхове и других регулярных городах. На продольной оси симметрии лежали главная улица, обширная торговая площадь, квадратный в плане гостиный двор, мост к крепости и центральный бастион. Поперечная ось также проходила посередине гостиного двора и закреплялась улицей, вероятно, продолжавшейся с противоположной стороны торга. Участок, разделяющий крепость и площадь, претерпел наибольшую трансформацию. Можно предположить, что рынок соединялся с цитаделью широким коридором — аванплощадью или, как в Быхове, короткой стороной форума служили оборонительные сооружения замка.

Исследование эволюции пространственной организации городских поселений во второй половине XVI — первой половине XVIII в. позволило выявить систему свойств пространственной организации городских поселений. Для полноты картины градостроительной культуры представляет интерес вкратце сформулировать их основное содержание.

Характерная историческая закономерность белорусского зодчества, определяющая его своеобразие, — развитие в рассматриваемый период трех значительно различавшихся градостроительных направлений. К ним относились:

свободно сложившиеся, нерегулярные планировочные структуры, наиболее древние из которых возникли в X—XIII вв. и постепенно, преемственно развивались под влиянием различных градоформирующих факторов; многообразие типов планировочных систем, в общих чертах единых для восточнославянских земель, служило одной из причин появления эстетически содержательного направления средневекового градостроительного искусства, давшего выдающиеся образцы пространственных композиций городов и их общественных центров;

регулярные, средневековые по характеру, или готические планировочные структуры, которые созданы в XVI — первой половине XVII в. по единому геометризованному замыслу на основе композиционных, функциональных и, возможно,

теологических принципов, происходивших из Западной Европы XIII–XIV вв.; появление этих структур в белорусских городах совпало с временем распространения магдебургского права;

ренессансные планировочные структуры, заложенные в конце XVI — первой половине XVII в. одновременно с готическими, но отличавшиеся от них признаками, связанными с формированием укреплений, уличной сети и композиции главной площади; количественно градостроительные произведения Возрождения уступали свободно сложившимся нерегулярным и средневековым регулярным структурам.

Для условий Беларуси автором разработана типология по конфигурации уличной сети нерегулярных систем планировки, которые разделены на нецентрические (или порядковые) и центрические. Нецентрические системы классифицированы на типы:

одноуличный (Бабиновичи, Белица Могилевской губернии, Брагин, Вилейка, Климовичи, Лида, Новый Свержень, Старый Мядель, Шерешево, районы Нижний замок и Задунавье в Витебске, Занеманье в Гродно, заречные посады Друи, Копыси, Чаус);

ребристый, или поперечно-осевой (Рогачев, Чериков до фрагментарной реконструкции в XVI–XVII вв., часть Заоршинского посада Орши);

двухуличный (Антополь, Браслав, Брест, Видзы, Волковыск, Лепель, Ошмяны, Свирь);

Т-образный (Большая Берестовица, Радошковичи, Хотимск, заречный посад Слонима);

крестовидный (Докшицы до частичной реконструкции в XVI–XVII вв.);

рядовой (западный район Копыси);

перекрестный (Заручавский и, частично, Задвинский посады Витебска, Троицкий посад Могилева, Заоршинье в Орше);

прямоугольно-прямолинейный (Покровский и Луполовский посады Могилева, восточная часть Гродно).

Центрические планировочные системы разделены на типы:

веерно-дуговой (Гомель, Каменец, Кричев, Кобрин, Мстиславль, Ивенец, Логойск, Лоев, Ляховичи, Порозово, Стрешин, древнейший район Гродно, большая часть левобережья Слонима, северо-восточный район Слуцка, Наднепровский посад Орши);

веерно-полукольцевой (Бобруйск, Мозырь, Новогрудок, Речица, Столин);

веерно-дуговой ветвистый (Взгорский посад Витебска);

веерно-полукольцевой ветвистый (большая часть Пинска, Туров).

Важнейшим условием образования и развития типа нерегулярной системы планировки города служил факт существования и количество поясов укреплений. В зависимости от этого городские поселения следует разделить на три группы. Первая — большие города, в которых к XVI–XVII вв. сложилось три линии оборонительных сооружений, определившие местоположение замка, в прошлом детинца, и укрепленных городских районов, очевидно, соответствовавших древним окольному городу и посаду, а в топонимике также иногда именуемых замками (Витебск, Могилев, Пинск, Полоцк). В эту группу вошли и поселения с одной кроме детинца линией укреплений (Бобруйск, Гомель, Кобрин, Мозырь, Мстиславль, Новогрудок, Орша, Речица, Чечерск). Пояса валов со стенами и башнями по верху и рвов имели характер концентрических частей окружностей или примыкали друг к другу как смежные замкнутые образования. Вторая группа — города, располагавшие только замком, без внешних поясов укреплений (Браслав, Кричев, Лида, Ошмяны, Рогачев, Слоним). Третья группа — города и местечки, не обладавшие оборонительными системами в виде валов с башенно-стеновым завершением и рвов (Антополь, Большая Берестовица, Видзы, Вилейка, Волковыск — на новом месте, Докшицы, Ивенец, Лепель, Новый Свержень, Порозово, Свирь, Старый Мядель, Хотимск).

Наблюдалась тенденция усложнения типа планировочной системы при увеличении числа линий укреплений. В городских поселениях третьей группы преобладали одноуличный, ребристый, двухуличный и Т-образный типы, хотя встречались иные системы. Для городов первой группы характерны центрические планировки или сочетание нескольких типов, как нецентрических, так и центрических, но последние обязательно присутствовали. Поселения второй группы наиболее разнохарактерны по типам планировки.

Основная черта структур некоторых городов — двухчастность, наличие селитебной территории и размещенной на удалении феодальной резиденции, включавшей замок или дворец с парком. Возникновение традиции относится к возведению частновладельческих городов-крепостей XVI–XVII вв. и обусловилось следующим: вероятное усиление оборонной мощи поселения при условии самостоятельных поясов укреплений замка и сели-

тебного района, разделенных обширным обводнением (иногда селитебный район был неукреплен); социально-политическое противостояние магнатской и ратушной властей, интересов феодальной элиты и торгово-ремесленного сословия; стремление владельца города сформировать общественно обособленную аристократическую среду обитания (Высокое, Заславль, Мир, Несвиж, Ружаны). Двуединство структуры свойственно и некоторым великокняжеским городам с резиденцией наместника центральной власти (Новый Мядель, позже — Бобруйск), а в последующем — неукрепленным поселениям эпохи Просвещения.

Специфичная особенность центров некоторых городов (Кричев, Пинск, Слоним), возникших в древнерусскую эпоху и постепенно, без крупных планировочных преобразований формировавшихся до конца XVIII в., — структура трех площадей, разных по функции и объединенных короткими улицами: главная рыночная, основная культовая с одним или несколькими христианскими храмами, площадь перед синагогой. Причины появления такого градостроительного образования заключаются в следующем.

Распространение католицизма в крае во второй половине XVI—XVIII вв. сопровождалось строительством крупных культовых комплексов на главных площадях, имевших древний генезис, нерегулярную планировку и плотную общественную и жилую застройку. Идеология возвеличивания западно-христианского вероисповедания требовала организации благоприятных условий для торжественного восприятия монументальных архитектурных и скульптурных композиций путем создания особых предхрамовых и предмонастырских форумов. Вероятно, обрядовая костельная деятельность также нуждалась в специальных общественных пространствах, дополнявших тесный сложившийся торг. Эти обстоятельства вызвали возникновение на лучших городских участках второй по значимости после основного рынка культовой площади. Католический или униатский комплекс выходил на нее и торговую площадь (Пинск) либо храмовый форум, включавший иногда и православные церкви, служил обособленной частью торжища (Слоним, Кричев).

Третья площадь образовалась как иудаистский культово-учебный центр с главной синагогой и другими общественными зданиями, который законодательно запрещалось размещать на основном торге. Замкнутая синагогальная площадь формировалась вблизи, на расстоянии одного квартала от него (Пинск, Слоним) или в некотором удалении (Кричев), будучи функционально тесно связанной с ним и католическим форумом.

Города необходимо классифицировать по взаимоположению территории замка, часто существовавшего на месте детинца, и главной торговой площади, что отражает степень изменения восточнославянских основ структуры. Первый тип — поселения, где площадь осталась в непосредственном соседстве с замком; оба комплекса пространственно открыты друг к другу (Бобруйск, Брагин, Гомель, Каменец, Копысь, Кричев, Лоев, Пинск, Туров). К данному типу относятся и некоторые города, получившие в XVI—XVII вв. на всей территории геометризованную схему плана. Древнерусская традиция утвердилась в контексте ренессансного градостроительного мышления (Быхов, Глуск).

Второй тип — города, в которых площадь сформировалась на удалении от замка. Это произошло в результате постепенного развития нерегулярной структуры с образованием также нерегулярной площади (Браслав, Витебск, Волковыск, Лида, Новогрудок, Орша, Рогачев, Свирь) или геометрически правильной планировки района торга (Высокое, Гольшаны, Гродно, Заславль, Минск, Новый Мядель, Радошковичи, Смоляны, Чериков). В других случаях удаленность площади от замка возникла в итоге коренной реконструкции в XVI—XVII вв. всего поселения или создания нового города с регулярной планировочной сетью (Борисов, Дисна, Дубровно, Дятлово, Клецк, Койданово, Копыль, Мир, Несвиж, Петриков, Ружаны, Сенно). Связь между двумя частями структуры осуществлялась характерным элементом — улицей, иногда именовавшейся Замковой.

Третий тип — города, занимающие промежуточное положение между поселениями первой и второй групп. Площадь сформировалась вблизи замка, но планировочно слабо с ним связана. Пространственное единство крепости и форума отсутствует, прослеживается тенденция замкнутости комплексов; различными средствами они отделены друг от друга. Наблюдаются города с нерегулярной структурой, с полностью или частично геометризованной планировкой (Брест, Давид-Городок, Кобрин, Логойск, Ляховичи, Мозырь, Мстиславль, Ошмяны, Полоцк, Речица, Слоним, Слуцк). Соотношение участка замка и площади по принципу пространственной обособленности при расположении торга вблизи замка (или, впоследствии, дворца) являлось свое-

образной чертой, отличавшей эту планировку от типичных структур городов Руси, стран Западной и Центральной Европы.

Поселения первого типа сосредоточены в основном в Полесье и Приднепровье, где древняя восточнославянская традиция наиболее устойчива, второго типа — в Понеманье, Поозерье и, в определенной мере, Центральной Беларуси. Сравнительно равномерно расположены города третьего типа.

На размещение высотных сооружений — основных элементов композиции поселения — влияли факторы: функциональные потребности города и конкретного района; рельеф местности и расположение водных коммуникаций; сложившаяся и формирующаяся уличная сеть; наличие свободных участков; теологические предпосылки; градостроительная традиция постановки новых храмов на местах разрушенных; композиционные соображения, определяемые районом строительства.

Кроме того, в процессе формирования системы доминант закладывалась художественная концепция, выражавшаяся в организации определенной схемы их размещения в плане города. Ее основы, созданные в XVI—XVII вв., преемственно учитывались и развивались в XVIII — первой половине XIX в. Схема постановки ведущих зданий увязывалась с водными коммуникациями и сетью улиц, повторяла их отдельные направления, однако в целом была автономной. Существовали характерные комбинации взаимоположения высотных объемов, образующих в плане:

концентрические окружности или полуокружности в сочетании с исходящими из середины лучами; доминанты, формирующие окружности, одновременно находились на радиальных направлениях (три окружности в Витебске; две полуокружности — в Пинске);

несколько треугольных схем с выделением главного треугольника (Гродно);

крестообразную схему, в которой ветви креста образовывали одна или более доминант, а в центре часто помещалось важнейшее здание (Быхов, Ошмяны, Чаусы);

линейную схему с зигзагоподобным ритмом размещения акцентных сооружений (Лида, Хотимск).

В пространственной организации городских поселений прослеживалось воплощение принципов композиционного равновесия и неравновесия архитектурных масс и пространств. Наиболее зримо эти принципы раскрывались на примере структурно-планировочных осей — основных улиц. Композиционное равновесие выражалось в размещении по обе стороны от оси одинакового или близкого числа доминант, которые при движении вдоль оси создавали впечатление взаимной равновесности относительно нее (Лида, Хотимск, Мозырь — улица с православными храмами).

Образная неравновесность ведущих сооружений относительно планировочной оси прослеживалась в расположении с одной стороны большинства или всех доминант и пространств площадей. Это способствовало динамичной неустойчивости системы вертикальных объемов, воспринимаемой при перемещении зрителя (Бобруйск, Мозырь — улица с католическими храмами, Пинск — главная улица).

Дополнительно к чертам, рассмотренным выше, выявлена общая закономерность размещения культовых зданий в плане многих городов — постановка на одной условной визуальной оси трех или более высотных акцентов, по принципу равновесия незначительно отступающих от нее в разные стороны. Прямыми линиями объединялись все доминанты, при этом на каждой оси находилось не менее трех объектов, а иногда четыре-шесть (Витебск, Гродно, Полоцк и др.). Храмы формировали в городской среде линейные ряды, при восприятии вдоль которых в благоприятных условиях рельефа местности объемы сооружений зрительно не накладывались друг на друга.

Особенность ряда городов, подтвержденная в настоящем исследовании, — создание компактных групп из двух-четырех доминант, что усиливало эстетическую значимость узлов градостроительной структуры, сформированных на примечательных участках ландшафта. Число групп и зданий в них увеличивалось по мере приближения к ядру общественного центра. Группировались католические и униатские, реже — православные храмы, а также их звонничные сооружения; часто в группы входили ратуши.

Проявлялась прямая связь между типом нерегулярной системы планировки города и особенностями размещения высотных зданий. В малых городах и местечках с одноуличной, ребристой и Т-образной планировками, где всю селитебную территорию представляла в основном застройка структурно-планировочной оси или осей, характерным приемом было расположение двух важных доминант на оконечностях главной улицы (Лида — замок и пиарский костел, Рогачев — Богоявленская церковь вместе с бывшим дворцом королевы Боны и ратуша, Хотимск — Покровская и Преображенская церкви). Эти сооружения на периферии поселения, входившие в об-

щую систему ведущих зданий, служили композиционными завершениями основной магистрали и способствовали раскрытию идеи художественного равновесия при восприятии города из внешних пространств. Подобный прием наблюдался и в случае одноуличной планировки района (Нижний замок и Задунавье Витебска).

Особенность функциональной организации некоторых городов с храмами разных конфессий — формирование значительных территорий с моноконфессиональной застройкой. Сложились архитектурные комплексы улиц и площадей с храмами, колокольнями, монастырскими корпусами и другими строениями, принадлежавшими определенной конфессии, своего рода «православные», «католические», «униатские», «иудаистские» градостроительные компоненты. Вероятно, эти культовые центры размещались в зонах проживания населения соответствующего вероисповедания.

В Мозыре храмами главных улицы и площади служили православные Михайловский собор, церкви Спасская, Преображенская и Николаевская, доминантами другой важной улицы — иезуитский и бернардинский костелы с монастырскими корпусами, приходской Вознесенский костел. В Бобруйске идеологическое содержание застройки рыночной площади и основной магистрали представляли униатские Николаевская и Успенская церкви с колокольнями, а в «католической» зоне группировались иезуитский костел с монастырскими корпусами, парафиальный храм и принадлежавшие ему строения. В большинстве поселений как самостоятельное образование выделялась зона основного иудаистского храма и связанных с ним учебных и иных общественных построек.

В пространственной организации некоторых городов с нерегулярными и средневековыми регулярными системами планировки прослеживался принцип подобия различных по природе градостроительных элементов и их особенностей в пределах одного поселения, получавший многообразные проявления. Можно утверждать о своего рода «инобытии» того или иного объекта и качества города. Это обстоятельство служило важной чертой индивидуальности поселения, заложенной его создателями в итоге нацеленного композиционного, а возможно несущего и другую смысловую нагрузку, подхода к формированию среды. В свободно сложившихся структурах принцип подобия приобрел живописные, усложненные и «зашифрованные» формы. Общий принцип разделялся на приемы:

совпадение планировочных осей элементов города, в том числе разных по функции, типу, масштабу и композиционному назначению (Лида);

общность размеров объемов и пространств (Лида);

принадлежность всех площадей, независимо от их планировки, к одному типу, определяемому числом высотных доминант застройки (Волковыск);

проявление черт симметрии, иногда в скрытом виде, в сложных неправильных пространственных построениях (Лида);

в разных по планировочной организации и масштабу фрагментах города использование единого приема размещения групп зданий в системе взаимно перпендикулярных осей, одинаково ориентированных по странам света (Мозырь), и единого приема компоновки элементов планировочной сети (Слуцк);

общий характер кульминационных приемов, завершающих серию последовательных видов при восприятии архитектурной среды в целенаправленном движении (Лида).

В настоящем исследовании подтверждено, в отношении небольшой северо-западной части Беларуси, а для остальной ее территории выявлено существование регулярного средневекового градостроительства, привнесенного из Западной и Центральной Европы, укоренившегося и получившего распространение в основном в XVI — первой половине XVII в. Подтверждены и дополнены отличительные черты этого градостроительного искусства, именуемого в историографии готическим, в белорусском регионе Великого княжества Литовского. К ним относились:

общий замысел пространственной организации города или его крупного района;

регулярность, геометризация структуры, повсеместное применение прямолинейных улиц и других планировочных рубежей;

в ряде случаев прямоугольная или квадратная конфигурация города;

ортогональная система кварталов;

прямоугольная, квадратная или Г-образная торговая площадь как срединное ядро городского плана с восемью или менее отходящими от углов улицами — продолжениями сторон площади;

размещение важнейших гражданских и культовых зданий во внутреннем пространстве площади;

тяготение композиционных осей площади не к центру, а к ее сторонам;

тенденция примыкания двух улиц к углу площади не всей своей шириной, а частью, для максимального увеличения занятой застройкой стороны площади (три последние указанные черты свойственны также нерегулярным структурам).

Города с готической системой улиц следует предположительно разделить на три типа. К первому относились поселения, которые обладали нерегулярной структурой эпох Киевской Руси или феодальной раздробленности, но в итоге реконструкции ее утратили и приобрели на всей территории геометризованный план (Давид-Городок, Дисна, Клецк, Койданово, Петриков).

Второй тип — города, в большинстве основанные в XVI в., получившие готическую схему плана на всей территории сразу при своей закладке и строительстве по заранее задуманному замыслу (Белыничи, Березино, Борисов — на новом месте, Глубокое, Ельск, Коссово, Крупки, Лельчицы, Логишин, Любань, Миоры, Поставы, Ружаны, Сенно, Скидель, Столбцы).

Третий тип — поселения, где реконструкция проведена фрагментарно, создана геометрически правильная планировка торговой площади и прилегающих участков улиц или иной зоны города, а на остальной, преобладающей территории сохранилась свободно сложившаяся планировочная сеть (Антополь, Большая Берестовица, Брест, Видзы, Гродно, Друя, Заславль, Кобрин, Кореличи, Лепель, Минск, Могилев, Новый Мядель, Орша, Пинск, Радошковичи, Слоним, Слуцк, Старый Мядель, Хойники, Чаусы, Чериков). В настоящей монографии установлен ранее не известный факт наличия регулярной планировки средневекового генезиса в 51 поселении.

В конце XVI — первой половине XVII в. в Беларуси получило распространение ренессансное искусство пространственной организации городских территорий общественного и жилого назначения, существовавшее одновременно с устойчивой средневековой традицией регулярной планировки (Быхов, Несвиж, Мир, Глуск). В контексте наследия европейского градостроительства эпохи Возрождения создавались города-крепости, резиденции богатейших магнатских родов. Проникновению тенденций Нового времени способствовало знакомство крупных феодалов-заказчиков, обладавших культурной, а иногда архитектурной образованностью, с достижениями мирового зодчества.

Как вообще в Европе, показателем идейной преемственности древнеримских принципов структурирования города служило использование двух основных взаимно перпендикулярных планировочных осей, составлявших крест или Т-образное пересечение. Другим ренессансным признаком явилась размещенная на их пересечении прямоугольная или квадратная торговая и ратушная площадь, в качестве прообраза имевшая форум римского военного поселения. От готических примеров она отличалась трактовкой планировочных осей симметрии как коммуникационных и видовых коридоров, часто завершенных центрично размещенным на площади объемом.

Образцами для пространственных композиций иногда служили градостроительные произведения итальянского маньеризма второй половины XVI в., что подтверждается художественным приемом — постепенным сближением между собой системы почти параллельных улиц, имеющих точку схождения на большом удалении за пределами поселения. В исследовании выявлено применение этого приема и в средневековых по характеру регулярных планиметрических построениях (Белыничи), а также наличие трех умозрительных фокусов уличных осей, размещенных равновесно по разные стороны от прямоугольного контура селитьбы (Несвиж, Белыничи).

В конце XVI — первой половине XVII в. Быхов, Слуцк и Минск относились к группе овальных в плане крепостей с внутренней цитаделью. В исследовании впервые разработана подробная графическая реконструкция в М 1:2000 планировки Быхова на этот период, расширившая научные представления о градостроительстве Возрождения. На примере Быхова установлены ранее не известные композиционные и метрологические особенности ренессансных городов:

при разбивке плана поселения применение в качестве единицы измерения литовской сажени (1,947 м); кратность большинства отрезков 5 саженям;

дифференциация размеров прямоугольных кварталов для живописности планиметрической композиции уличной сети, создание подчиненных функциональной и художественной логике ритмических рядов;

трактовка главной вертикали пространственного построения города — многоярусной башни замка-цитадели — как центра схождения планировочных радиусов, служивших осями симметрии бастионов полукольцевого оборонительного пояса;

использование высотных акцентов замка для ориентации на них коммуникационно-видовых коридоров — основных улиц, трассированных под крепостными брамами;

проявление функционально обусловленного художественного контраста — сопоставление крупномасштабной системы земляных укреплений и измельченной разметки внутренней территории на кварталы; сочетание последних с огромной, пересекающей весь город площадью; противопоставление радиально-полукольцевой основы крепости ортогональной сети улиц.

На примере Слуцка определены особенности крепостей:

многослойность градостроительных культур — сочетание идеального образца ренессансного овалообразного оборонительного пояса (система пятиугольных бастионов, куртин, рвов и цитадели) с прямоугольной готической, нерегулярными веерно-дуговой и прямоугольно-прямолинейной схемами улиц;

предположительно, градозащитная семантика храмов разных конфессий и посвящений, выраженная размещением бастионов — символов обороноспособности крепости, так, что соединяющие их между собой умозрительные прямые пересекали не менее одного культового здания; этому же принципу подчинена постановка проезжих башен.

Несвиж относился к группе городов с прямоугольным абрисом селитебного района и обособленно размещенным замком-резиденцией. На основе разработанной реконструкции планировки Несвижа в конце XVI — начале XVII в. выявлены черты композиций крепостей Возрождения:

следование особенностям пропорций длины кардо и декумануса, свойственным римской античности (Остия, Тимгад), в том числе точный повтор отношения 1:3 (Ламбезис);

заимствование из античности сочетания Т-образной схемы улиц и площади, прилегающей к декуманусу с противоположной от кардо стороны и имеющей кардо как ось симметрии (форум Тимгада, преторий Ламбезиса);

использование древнеримской традиции постановки крепостных ворот в виде высотных сооружений по концам кардо и декумануса;

геометризация композиции: равенство размеров разных по сути градостроительных форм; размещение середины главного фасада ратуши на пересечении диагоналей городского плана и оси, соединяющей противолежащие крепостные брамы; положение трех проезжих башен и двух храмов на окружности с центром посередине ратушного фасада, а на другой окружности с центром в той же точке — храма, углов двух и оснований трех бастионов;

постановка высотных сооружений по схеме диагоналей квадрата; организация возле культовых зданий по-разному решенных площадей для подчеркивания контраста доминант с окружающей мелкомасштабной жилой средой; центричность градостроительной композиции — сопоставление ратуши как главной вертикали посредине городского плана с «ожерельем» других ведущих зданий по контуру города; усиление этой идеи силуэтом мощных каменно-земляных укреплений периметра крепости.

В Мире определены наличие и особенности геометризованного замысла композиции: связи планировочных осей сооружений; равенство и удвоение размеров пространств; размещение элементов структуры поселения по треугольнику, в частности равнобедренному; трактовка середины плана храмов в качестве своеобразных центров, учтенных зодчими при установлении расстояний между основными объемными составляющими города.

В монографии впервые выдвинуто и обосновано предположение, что на организацию белорусских поселений влиял теологический фактор, принцип сакрализации среды использованием символов, заимствованных из формообразования раннехристианских столиц — Иерусалима, Рима и Константинополя. Признаки подобия, трансплантированные в восточнославянский регион для освящения города и перенятия им славы древних государств, прослеживались в X—XVII вв. в Полоцке — центре крупнейшего из древнерусских княжеств, определивших географические, социально-экономические, политические, культурные и конфессиональные истоки Беларуси. К XIII в. Полоцк приобрел треугольную, в общих чертах, конфигурацию подобно тому, как треугольная форма плана была придана столице Восточной Римской империи по указанию Константина Великого. В близких к треугольнику очертаниях, возможно, символически воплотился и догмат о Св. Троице.

Во образ Рима, а позже Константинополя Полоцк в IX—XVI вв. включил, хотя и в меньшем масштабе, семь холмов и осмысленных в их качестве высоких прибрежных частей плато. Полоцк связывал с мировым центром православия также принцип размещения Софийского собора на оконечности мыса, на холме в древнейшей крепости (соответственно в детинце и акрополе греческого города Византия). Константинопольская София обращена юго-западным боковым фасадом к морю, а главным и северо-восточным —

к заливу Золотой Рог. Полоцкий храм боковым южным фасадом, несколько развернутым к западу, ориентирован к широкой акватории крупной реки, а главным и северным, отклоненным к востоку, — к излучинам малой реки. Смысловой образной моделью морского пространства могла быть Двина, а узкого криволинейного залива — извилистая Полота.

Кроме того, в Полоцке повторено в миниатюре соотношение места храма и изогнутого очертания береговой линии большей акватории. Символом подобия христианской святыне служило также приближение условий восприятия полоцкого собора к сакральному образцу. Купол византийского храма на значительном расстоянии завершает перспективу вдоль берегов Босфорского пролива и ось природного пространства залива. Аналогична специфика обозрения полоцкой церкви в завершении акватории обширной Двины и узкой долины Полоты с обрывистыми склонами.

Символическое уподобление Полоцка Святым местам относится к XVI—XVII вв. В Верхнем замке и на Великом посаде с запада на восток была сформирована последовательность элементов: церковь XI — XIII вв. (предположительно); Софийский собор; ориентированные на юго-восток ворота главной башни городской стены; ручей, через который осуществлялся переезд; сад иезуитского коллегиума; иезуитский костел. В эту систему вкладывался сакральный смысл, символически воспроизводилась среда палестинского Иерусалима: храм св. Гроба Господня; храм «Святая Святых»; священные Золотые ворота в восточной крепостной стене, через которые въехал Иисус Христос; поток Кедрон; Гефсиманский сад; часовня Вознесения Господня.

Несвиж эпохи Возрождения создан во образ Небесного Иерусалима. Селитебный район обладал близким к квадрату планом; примерно посередине каждой стороны находились крепостные ворота, а в центре — ратуша как основная доминанта. Пророк Иезекииль (Ветхий Завет) описывает идеальный город — квадратный в плане, с 12 воротами крестообразно по трое с каждой стороны и храмом в центре. Аналогичен Небесный Град Иерусалим в Апокалипсисе Иоанна Богослова (Новый Завет), где в центре Града помещен престол Св. Троицы. В Несвиже крестоподобное положение 4 ворот, отмеченных оборонными башнями, дополнялось храмами по углам города. С каждой стороны существовало три доминанты, что могло ассоциироваться с тремя элементами в каждой из стен Горнего Иерусалима. Наподобие библейских прообразов центр плана занимал важнейший по смыслу объект структуры.

Кроме Полоцка и Несвижа, обладавших семантической многозначностью, многие поселения освящались отдельными богословскими символами. Можно выделить связанные по сути священную нумерологию и фигуративный подход.

В средневековье и Ренессансе утвердилось учение о числе как божественной основе мироздания. Использование священных чисел было символичным, служило ценностной ориентацией и принципом градоформирования. Почиталось число три — воплощение образа Св. Троицы (в Гродно — размещение сооружений по треугольной схеме; в Гродно и Пинске — выделение в городе трех культовых доминант, значительно превосходящих другие по массе и развитости построения; в Несвиже и Белыничах — организация трех центров схождения уличных осей в маньеристической планировочной сети). В средневековых нерегулярных и регулярных структурах распространились площади с конфигурацией в виде треугольника, часто равностороннего или равнобедренного (Вилейка, Витебск, Глубокое, Друя, Ивенец, Кричев, Лида, Минск, Могилев, Мозырь, Новогрудок, Ошмяны).

Числовой символ «четыре» означал категории истины, чести, справедливости и порядка, а также постоянства, будучи закрепленным в образе Града Божьего (квадратная или прямоугольная конфигурация города и его площадей). Использовалось священное и мистическое число семь, обладавшее особой силой (в Витебске — семь храмов, формировавших в плане поселения кольцо доминант; в Быхове — семь основных бастионов полукольцевого крепостного пояса; в Антополе, Гродно, Давид-Городке, Дисне, Клецке, Несвиже, Новом Мяделе, Озерах — семь отходивших от площади улиц). Число двенадцать символизировало Отца, Сына и Святого Духа, снизошедших в видимый мир, соответствовало числу апостолов Иисуса Христа (в Витебске — двенадцать храмов, образовавших в плане города концентрические окружности; в Быхове — двенадцать бастионов оборонительной линии).

Фигуративный подход проявился в формировании теософски значимой фигуры креста градостроительными средствами (конфигурация системы кварталов вокруг главной площади Борисова; схема размещения основных сооружений Быхова, Ошмян, Чаус; структура общественного центра Задвинского посада Витебска), организации пла-

на городов-крепостей в виде квадрата (Несвиж) — символа устойчивости и опоры мироздания, а также круга (Слуцк, Минск) — христианского символа совершенства и бесконечности Божества. Священную семантику имела постановка храмов в завершении видовых перспектив вдоль улиц и долин рек.

Белорусское и русское градостроительство обладали чертами единства, обусловленными общностью зодчества разных регионов Киевской Руси, позже — политически самостоятельных древнерусских княжеств, культурными контактами XIV–XVIII вв. и, возможно, единой конфессиональностью, широко проявлявшейся до конца XVI в. Сходными чертами являлись:

типы нерегулярных, свободно сложившихся систем планировки;

планировочная сеть некоторых детинцев — главная улица между двумя противостоящими проезжими башнями и две дуговые трассы по обе стороны от нее вдоль валов;

принцип равновесия в градостроительной композиции;

композиционная тема амфитеатра, сформированного доминантами, — ядро центра города размещено ниже по рельефу, чем периферийные посады на холмах, подчеркнутых храмами;

смысловое и художественное завершение ведущими зданиями перспектив улиц, площадей, речных долин и других природных пространств;

формирование умозрительных осей доминантами с их постановкой на малом удалении по обе стороны от оси;

размещение высотных сооружений в виде группы из двух или более рядом стоящих вертикалей;

семантико-богословская основа композиций: использование как сюжетных прообразов особенностей раннехристианских столиц — Иерусалима, Рима, Константинополя и библейских аналогов — идеального города пророка Иезекииля и Небесного Града Иоанна Богослова, а также символическое воплощение образа Св. Троицы.

Несомненно, многие из перечисленных черт общие и с украинским градостроительством. Например, сходство имели Пинск и Путивль: полукруглая конфигурация города на повышенном северном берегу реки, на другой стороне которой — обширная пойма; центричное прибрежное положение и почти равные размеры детинцев; два полукольцевых концентрических пояса укреплений, при этом внешний ограничивал город; полукольцевые улицы, часть которых проходила вдоль уничтоженных в XVIII в. оборонительных поясов; три радиальных направления, доминировавшие над другими веерными улицами; вытянутый торг у замка, узкой стороной выходящий к реке.

3

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЭТАП ИХ РАЗВИТИЯ

3.1. Условия и общая характеристика процессов реконструкции городов и местечек

Во второй половине XVIII в. начался новый период в истории Беларуси — разложение феодализма и зарождение капиталистических отношений. Восстановление помещичьего и крестьянского хозяйства после упадка второй половины XVII — начала XVIII в., вызванного войнами, завершилось к 1750-м годам. С 1717 по 1790 г. население страны выросло от 1,5 до 3,6 млн. чел. Сельскохозяйственное производство все более приобретало товарный характер со специализацией отдельных районов [623, т. 2, с. 405]. Деятельность государства, ряда магнатов и шляхты была нацелена на развитие экономики и торговли, способствовала социально-политическому обновлению края.

Для увеличения доходов в казну правительство пошло на расширение фольварочно-барщинной системы в королевских владениях, строительство мануфактур, основанных на труде зависимого крестьянства. Инициатором подобных преобразований выступал надворный подскарбий ВКЛ Антоний Тызенгауз. Еще в 1740-х годах создана фабрика золото- и шелкотканных поясов в Слуцке, позже — крупные мануфактуры в Ружанах, королевские шелковые мануфактуры в Гродно, обойные — Слониме и Кореличах, бумажная, полотняная, кожевенная, лесообрабатывающие и кирпично-черепичные — в Поставах и многие другие [623, т. 2, с. 405, 406, 410; 241, с. 75].

Организация больших мануфактурных производств часто увязывалась с реконструкцией и новым строительством государственных и частновладельческих городов и местечек. Это обстоятельство вызвало определенную образцовость таких поселений, придание им общественной значимости. Среди известных примеров — Поставы, Крынки (сейчас на территории Польши), районы Городница в Гродно, Кунстово в гродненском пригороде Лососна. О непременном наличии общего планировочного замысла строительства свидетельствует, в частности, письмо А. Тызенгауза шляхтичу Эйсману — старосте своего имения Краснополь (Польша): «... на выбранном месте, распланировав улицы, обозначив рынок, разделив участки... строить хорошие дома в уличном порядке ...» [766, с. 61].

В эпоху Просвещения при реконструкции многих городов и местечек селитебные районы мещанского населения утратили композиционную самостоятельность, став частью широко запроектированных магнатских дворцово-парковых резиденций. Специфичной чертой планировки, свойственной вообще градостроению барокко, служила акцентрированная ось — основа структуры усадьбы и поселения, назначение которой — торжественный подъезд к дворцу [655; 742, с. 70; 751], а также смысловое выделение архитектурными средствами верховного положения магната в социальной иерархии, абсолютистских тенденций в масштабе имения. Такой функционально-художественный принцип А. Лаутербах, например, оценивает как падение городской культуры

и традиций мещанства, или бюргерства, утрату общественной идеи в пользу придворного бюрократизма [742, с. 70—71]. Образовалось зримое, реализованное градостроительной формой триединство элементов, связывающее в одно целое усадьбу дворянской семьи со светским образом жизни, природное начало, воплощенное ландшафтной средой парка, и торгово-ремесленное мещанское сообщество. Примечательно, что польский теоретик градостроительства второй половины XVIII в. П. Свитковский в своей работе «Сельское строительство», изданной в 1782 г. в Варшаве — Львове, предлагает идеальный план села, формируемого вдоль композиционной оси: помещичья резиденция — костел в жилой застройке — и рекомендует использовать этот ансамблевый прием при организации местечек [719, с. 18; 758, с. 60, 79].

Среди преобразованных магнатских поместий примечательным образцом служит Желудок, принадлежавший Тызенгаузам. Поселение получило центр в виде эллипсовидной площади (продольный размер — 150 м, поперечный — 100 м) с торговыми рядами посередине, великолепной каменной полукруглой корчмой на линии овала с меньшим радиусом и 6 расходящимися улицами-лучами. Одна из них, трактованная как главная и ведущая к дворцу, визуально замыкалась фасадом корчмы. Схема центра местечка опубликована В. Ревеньской [742, с. 72]. Чертеж, однако, неточен — не показана юго-западная из 6 радиальных улиц.

Можно утверждать, что композиция центра Желудка создана под влиянием известных произведений английского палладианства — площадей «King's Circus» (1758 г.) и «Royal Crescent» (1775 г.) в Бате. С одной стороны, она вобрала в себя замкнутость «King's Circus» и тему улиц-радиусов, с другой — мотив полуэллипса «Royal Crescent».

Структура центра Желудка близка проекту предместья Клоды польского города Рыдзына, выполненного прусским архитектором И. Граффом в 1784 г. [712, с. 101; 758, с. 73, 74]. Планировка представляет собой такую же эллипсовидную площадь с 9 расходящимися направлениями, несколько из которых замыкаются костелом и зданием приюта, стоящими на линии овала с большим радиусом. Как и в Желудке, схема радиальных осей асимметрична. Оба примера родственны и планировке западноукраинского Катербурга 1780 г., основа которой — круглая площадь на пересечении двух взаимно перпендикулярных магистралей, охваченная кольцевой улицей [758, с. 52, 53, 73, 74]. Прообразом Катербурга, вероятно, служил проект 1771—1779 гг. идеального города Шо, принадлежащий К. Н. Леду [496, с. 71—79; 758, с. 77]. Так, автор планировочного решения Желудка творчески использовал достижения английского и французского градостроительного мышления, в целом многообразный европейский опыт рассматриваемого периода.

Свойственное барокко объединение дворцово-паркового комплекса и общественно-жилой зоны с формированием целостного, слитного ансамбля на основе пространственной оси было и в городах с прямоугольной или близкой к ней системой улиц. В этом отношении сходны композиционные особенности главных площадей местечек Ворняны по плану 1780 г. [764, с. 299; 766, с. 138] и польского Нового Двора по документу 1797 г. [758, с. 55; 766, с. 53]. Известен также ряд сел, скомпонованных по принципу размещения дворцового или иного усадебного комплекса на общей оси с жилой зоной [284, с. 17, 68].

Немногочисленные образцы барочной организации белорусских поселений, в итоге заимствования в отдельных случаях связанные с западноевропейским классицизмом (Желудок), позволяют выделить формальные типы воплощения идеи синтеза двух принципиально разных градостроительных образований: дворцово-парковая зона и торговая площадь соединены протяженной коммуникацией — планировочной осью симметрии всего города (Желудок); парк с дворцом непосредственно примыкает к площади (Ворняны); дворцово-парковый комплекс, находясь на зрительной оси с общественным центром, отделен от него ландшафтной территорией (Щучин).

В 1760—1770-х годах формировались и оригинальные ансамбли, отразившие черты разных культур. Например, как самобытное явление барочного градостроительства сложилась торговая площадь Постав. Она сочетала типичные для стиля объемно-пространственные и декоративно-пластические качества застройки, ее жизнеутверждающий, светский архитектурный образ с регулярной плановой структурой, происходящей из творческого опыта средневековья и соответствующей форумам западноевропейских и некоторых белорусских городов (прямоугольник с отходящими от углов четырьмя улицами — продолжениями его сторон, напоминающими свастику). «... Стиль барокко ... вобрал в себя весь предшествующий опыт европейской художественной культуры, сообщив ему своеобразную подвижность, вызвав к жизни известные ранее формы и поро-

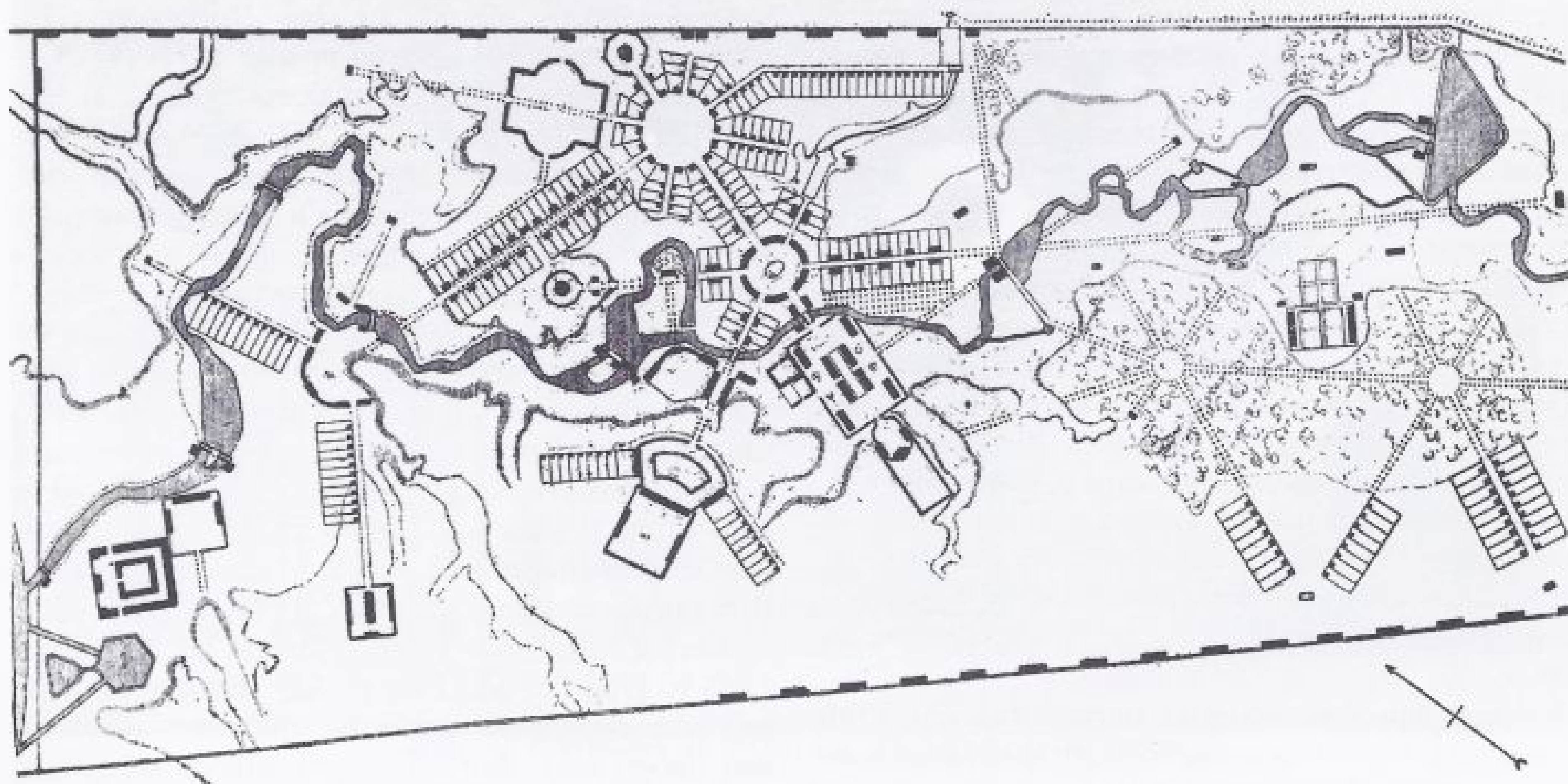

Рис. 90. План Кунстовы (по О. Сосновскому)

див новые … Испытывая воздействие различных культур и конфессий, поэтика барокко преобразовалась, сохраняя при этом специфику художественного языка…» [124, с. 39].

В поставском ансамбле в полной мере реализовалась и особенность, свойственная барочному градостроению вообще. В целостных и многофункциональных объемно-пространственных композициях барокко, строго регулярных и одновременно мажорных, приподнято-праздничных по образу, воплощался важнейший принцип: «равновесие двух противостоящих начал — рациональности, рассудочности, с одной стороны, и фантазийности, чувственности — с другой» [124, с. 44].

Начальный этап становления градостроительства классицизма в Беларуси, относящийся к 1770—1780 гг., представлен единичными, но крупными планировочными образованиями, созданными в Гродно и его предместьях незадолго до присоединения западнобелорусских земель к Российской империи. Они служат яркими примерами, которые иллюстрируют стадию перехода от барочных композиционно-пространственных принципов к классическим и отражают различия способов формообразования сравнительно с художественными построениями как одновременными, так и более поздними, созданными русским градостроительным искусством последней четверти XVIII — первой половины XIX в.

Важнейшая особенность плановых композиций рассматриваемого периода, в наибольшей мере проявившаяся в фабричном поселении Кунстова, — иллюзорное, мистифицированное увеличение масштаба урбанизации территории. Это поселение, проект которого выполнен в 1780 г. с участием придворного архитектора А. Тызенгауза Джузеппе де Сакко [656, с. 135; 750, с. 36; 758, с. 73], представляло собой сложную систему с несколькими взаимосвязанными центрами-площадями, концентрировавшими пучки радиальных направлений. Населенные места белорусских губерний независимо от своей величины, регулярно перепланированные деятельностью петербургской «Комиссии о каменном строении …», выглядели как компактные, пространственно собранные, имеющие простую форму зоны, сплошь застроенные и занятые усадебными участками. Напротив, малый поселок Кунстова скомпонован в виде структуры восьми в той или иной степени территориально разобщенных, но функционально связанных жилых и производственных комплексов. У жителя или посетителя поселка, осознававшего, во-первых, наличие свободной местности между этими комплексами, во-вторых, множественность четко структурированных мест жизнедеятельности, в-третьих, их значительные формально-пространственные отличия, складывалось впечатление колоссального, широко раскинувшегося города.

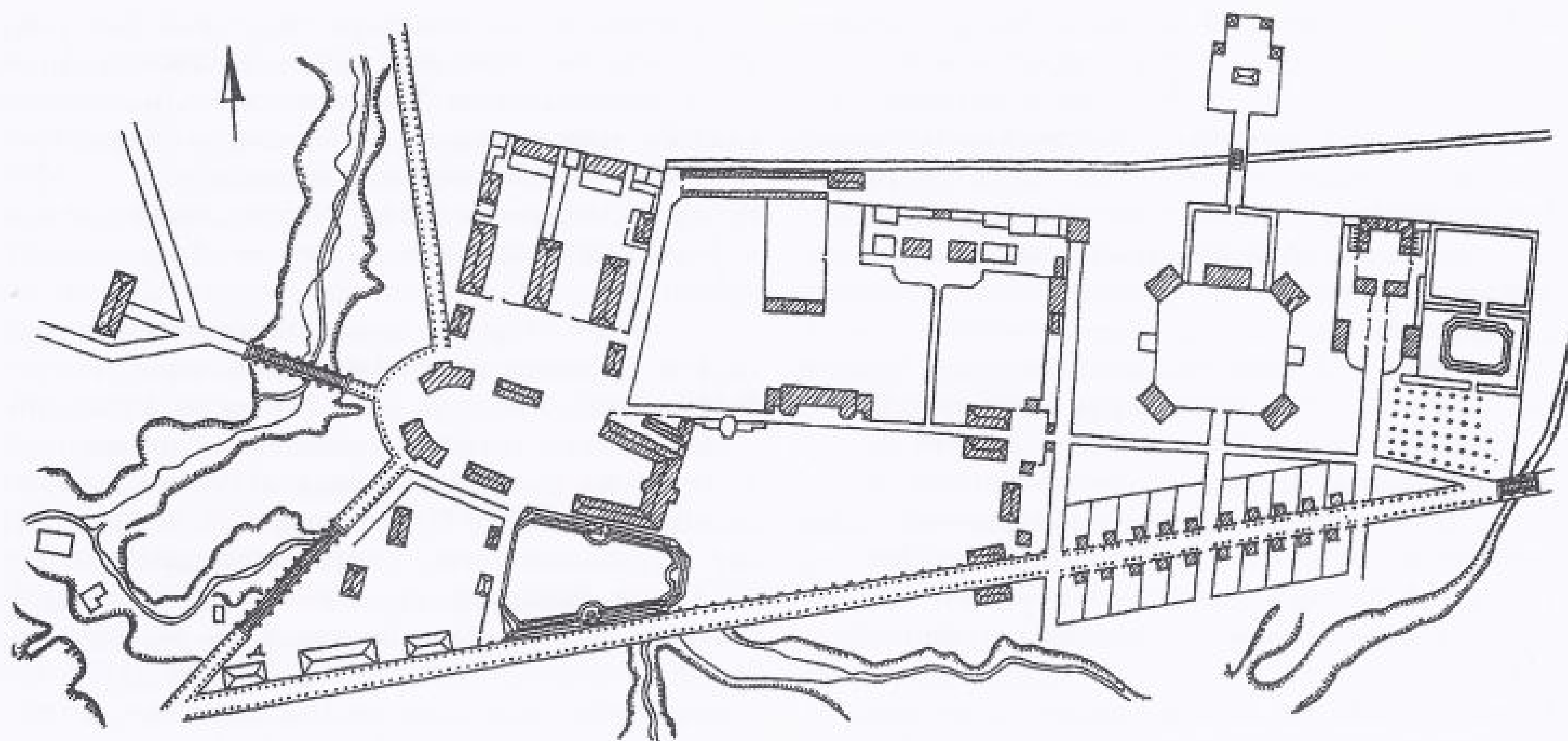

Рис. 91. Городница. План около 1780 г. (по В. В. Калнину)

Как становится ясным, другая характерная черта начального этапа классицизма, мало свойственная русской школе планировочного мастерства в условиях освоения небольших городов присоединенного края, — это специально выраженная художественная многочастность произведения. Она дополнялась присутствием двух-трех самостоятельно развиваемых композиционных тем, иногда почти орнаментально понимаемых в плане. В Кунстове такими темами, которыми решались обособленные комплексы, служили: по-разному интерпретируемая круглая, овальная или многогранная площадь, застроенная по периметру, с расходящимися улицами-лучами, поперек которых «нанизывались» усадебные участки; прямоугольные структуры производственных дворов с удлиненными строениями внутри и на сторонах; протяженный ритм одинаковых хозяйственных построек вдоль ограды, охватывающей по прямоугольнику весь поселок.

Многочастность композиции наблюдается и на гродненской Городнице, созданной как крупный полифункциональный район с преобладающим общественным назначением. В отличие от Кунстовы здесь составляющие зоны сблокированы, а их разная композиционно-тематическая разработка соответствует дифференцированному использованию. В художественном построении Дворцовой площади Городницы, как и в случае Желудка, прослеживается влияние ансамблей Бата на архитектуру, переходную от барокко к классицизму, или «барочный» классицизм, свойственный Тызенгаузовским имениям и административно-общественным городским комплексам. Площадь приобрела вытянутый, напоминающий эллипс план, хотя одна оконечность имела прямоугольные очертания, а противоположная — криволинейные. На округлой стороне симметрично как пропилеи спроектированы два здания изогнутой конфигурации, одно из которых, музыкальная школа (по другим источникам — театральная школа), реализовано в натуре.

Эта трехэтажная, включая мансарду, постройка имела трехъярусный главный фасад наподобие также трехэтажного и трехярусного протяженного объема, по полуэллипсу охватившего площадь Королевского полумесяца. Во образ дворца в Бате применен монументальный большой ордер, какбы упруго сжимающий изогнутый объем, лишающий его рыхлости и дробности. Такой ордер был художественно необходим в обоих рассматриваемых случаях, когда здания свободно стояли в открытом пространстве, не блокируясь с другими сооружениями, и композиционно организовывали, «держали» перед собой площадь (особенности образного решения «Royal Crescent» отмечены М. Б. Михайловой [327, с. 66]).

Речь Посполитая, в состав которой входило Великое княжество Литовское, распалась как государство в результате трех разделов между Россией, Германией и Австро-Венгрией в 1772, 1793

и 1795 гг. Территория Великого княжества Литовского, в середине XVIII в. в основном включавшая белорусские, литовские и частично латвийские земли, отошла к Российской империи. Это историческое событие стимулировало развитие экономики, вызвало вовлечение присоединенных регионов в общероссийский рынок, сложение торговых отношений с другими частями страны и укрепление местных производственных и торговых связей. Социально-экономические сдвиги вызвали рост населения и территорий городов.

По численности жителей города были разнообразны. Более 10 тыс. чел. имели Витебск и Могилев, более 5 тыс. — Гродно, Минск, частновладельческие Слуцк и Бешенковичи, более 4 тыс. — Полоцк, Слоним и Мстиславль, более 3 тыс. — Брест, Пинск, Кричев, Шерешево и частновладельческие Несвиж, Быхов, Друя, Давид-Городок. В уездных центрах Лиде и Мозыре насчитывалось 1,5 тыс. жит., еще меньше — в Речице, Ошмянах, Игумене, а в Браславе — всего 500 чел. С 1786 по 1861 г. население городов возросло с 80 до 320 тыс. жит., а местечек — вдвое, что обусловилось увеличением в четыре раза числа промышленных предприятий, принудительным переселением еврейского населения в города из сельской местности, другими причинами [623, т. 3, с. 84, 85].

Развитию градостроительной деятельности в конце XVIII в. способствовало новое административное деление империи. На основании законодательного акта «Учреждение для управления губерний» 1775 г. вместо существовавших одиннадцати создано пятьдесят губерний, соответственно увеличилось число поселений со статусом губернского и уездного центра. «В губернии полагалось иметь 300—400 тыс. жителей, а в уезде 20—30 тыс. Многие уездные города превратились в губернские, большое количество уездных образовалось из бывших селений, а в Белоруссии — из местечек» [141, с. 112].

При этом на белорусских землях, наоборот, произошло административное укрупнение. Если накануне распада Речи Посполитой они находились в пределах 8 воеводств — Брестского, Виленского, Витебского, Минского, Мстиславльского, Новогрудского, Полоцкого, Трокского, то в итоге нового административного деления территория современной Беларуси заняла полностью или частично только 5 губерний — Витебскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую, Виленскую. Некоторые новые губернские центры (Гродно, Могилев) не совпали со старыми воеводскими.

Следует также отметить, что после 3-го раздела Речи Посполитой в 1795 г. северо-западная часть современного Гродненского административного района вошла в восточную Пруссию, в 1807 г. — в Варшавское герцогство, а в итоге Венского конгресса 1814—1815 гг. присоединена к Российской империи в составе Августовской губернии.

С другой стороны, в результате административной реформы измельчились размеры уездов. В Минском воеводстве были Минский, Речицкий и Мозырьский уезды, а примерно на той же территории после присоединения к России добавились Борисовский и Игуменский [623, т. 1, вкладка]. В соответствии с императорским указом 1772 г. в Беларуси вводилось деление каждой губернии на 12 уездов по правилам российского законодательства [490, с. 95]. В 1772—1777 гг. существовало и промежуточное деление восточных губерний на провинции, включавшие несколько уездов.

В 1785 г. правительством принята «Грамота на права и выгоды городам Российской империи», организовавшая городское общество в иерархическую систему, объединившая в одно целое разнородные группы населения. В «Городском положении», дополнившем грамоту, говорилось, что «город строится по утвержденному плану за подписью руки императорского величества». Это обстоятельство придало перепланировке поселений обязательность и общегосударственную важность. Кроме того, еще в 1760-х годах был издан указ «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо», обеспечивший проекты реконструкции поселений опорными планами [141, с. 112, 113, 115]. Последние выполнялись на основе инструментальной или глазомерной съемки гражданскими и военными топографами. Картографические материалы, составленные военными специалистами, снабжали подробной информацией Генеральный штаб на случай военных действий.

После присоединения белорусских земель значительно расширилась деятельность по реконструкции населенных мест, проводившаяся «Комиссией о каменном строении городов Санкт-Петербурга и Москвы», существовавшей в 1762—1796 гг. Первоначально ее возглавлял президент Академии художеств И. И. Бецкой, затем, до 1774 г. — граф З. Г. Чернышев, назначенный генерал-губернатором присоединенного края [66, т. 1, с. 423; 486, с. 75]. В Комиссии работали выдающиеся русские зодчие А. В. Квасов (1764—

1772 гг.), И. Е. Старов (1773—1774 гг.), профессор Академии художеств А. А. Иванов (с 1774 г.), позже — И. Лем, автор нескольких трудов, среди которых основным были изданные в 1792—1794 гг. «Теоретические и практические предложения о гражданской архитектуре» [141, с. 114].

Известно, что проект перепланировки города обычно выполнялся архитектором, одним геодезистом и четырьмя-шестью «архитектурными помощниками». Такими помощниками «... в Комиссии с 1764 по 1774 г. работали Г. Белянинов, И. Михайлов, А. Нильс, в 1781 г. — Г. Белянинов, П. Демидов, Г. Дмитриев, Л. Шалин, в 1795 г. — П. Демидов, Г. Дмитриев, Л. Шалин, В. Фирсов, А. Добряков, М. Лем (сын). Таков был состав первого ... коллектива русских планировщиков, который провел большую работу по новой планировке большинства городов Российской империи, в том числе и городов Белоруссии» [141, с. 114, 115]. Часто к проектированию в качестве авторов привлекались губернские архитекторы и землемеры, хорошо знавшие местные условия. Перед утверждением выполненные ими проекты рассматривались Комиссией [141, с. 115]. Очевидно, в ряде случаев губернские архитекторы корректировали составленные в столице проекты, уточняя их в соответствии с конкретной градостроительной ситуацией. Существует также мнение, что проекты перепланировки городов Могилевского наместничества составлялись главным образом на местах, а Комиссия каменного строения только их визировала [490, с. 109, 133].

Авторство многих проектов установить затруднительно, поскольку они не подписаны. Исключение составляют некоторые работы, например предложение по коренному преобразованию Витебска 1785 г., оказавшееся нежизненным и не реализованное, с записью «сочинял первоклассный землемер, капитан И. Корнилевский» (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 54/122). Проектный план Витебска рубежа XVIII и XIX вв. подписал губернский землемер, коллежский ассесор Антипий Т ... (фамилия неразборчива. — *Ю. Ч.*), который либо скопировал более раннее реконструктивное решение, либо выступил автором проекта перепланировки (РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 260, л. 1). На одном из последних проектов Полоцка 1793 г. стоит подпись губернского архитектора И. Зигфридена (РГИА, ф. 485, оп. 1, д. 241).

В 1786—1802 гг. директор могилевской чертежной капитан Г. Наповников завизировал десять проектов планировки [536, с. 112], в частности Могилева, Рогачева и Черикова (соответственно РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 2163, 2177, 2184). План Черикова, как указано на архивном чертеже, «копировал помощник Никита Моисеев». Также директор могилевской чертежной И. Анофриев подписал планы Бабиновичей, Быхова, Копыси, Мстиславля, Орши, Чаус [490, с. 112, 113]. Однако автором проектов выступал, видимо, другой специалист. На документе по Чаусам сделана запись: «Сочинял землемер, титулярный советник Василий ...» (фамилия неразборчиво. — *Ю. Ч.*) (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 2183). Примечательно, что некоторые проекты городов Полоцкой губернии подписаны теми же директорами чертежной Г. Наповниковым (Полоцк, Сураж — РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 62/130, 66/134) и И. Анофриевым (Витебск — РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 55/123). В архивном реестре эти документы датированы 1785 г.

План переустройства Пинска 1849 г. «прожектировал» инженер-полковник Гейдатель, Речицы 1841 г. и Мозыря 1836 г. — губернский землемер П. Подолинский (НИАБ, ф. 1477, оп. 1, д. 2394, 2526; ф. 229, оп. 5, д. 116). Предложения по фрагментарной перепланировке Гродно, вероятно, сделаны губернским землемером Лихновским, в 1824 г. «сочинившим» генеральный план города (РГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 3). В проектировании участвовали и уездные специалисты. Например, план Волковыска 1809 г. «сочинял волковыский уездный землемер Станкевич» (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 2834), а проектный «План губернского города Минска, сочиненный по указу Минского губернского правления ...» 1809 г. копировал уездный землемер С. Гласко (РГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 6).

Кроме проектов преобразования часто выполнялись фиксационные планы города, дающие подробную картину существующей планировочной сети и застройки, иногда несущие информацию о недавно сооруженных, строящихся или предполагаемых к возведению зданий. Так, план Новогрудка 1834 г. «составил и чертил...штабс-капитан Шмаков» (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 25, д. 1197), план Слуцкого и Минского форштадтов Бобруйска 1828 г. подписал инженер-капитан Любенков (или Любенкович. — *Ю. Ч.*), а чертил его кондуктор А. Иванов (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1517). План Бобруйской крепости 1831 г., отличавшийся хорошим художественным уровнем исполнения, подписан командиром Бобруйской инженерной команды, инженером-подполковником Клетновым и чертежником Куроедовым (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1426).

Другой план Бобруйска 1831 г. чертил кондуктор Михайлов (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1427). Графическим качеством характеризуются два плана крепости 1832 г., вычерченные кондукторами 1-го класса Анисимовым и Епифановым (РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 1430, 1428).

Городские поселения разделялись на казенные и частновладельческие. После присоединения белорусских земель к России Екатерина II щедро жаловала русским вельможам земли католических и униатских монастырей, бывшие королевские земли и владения, конфискованные у шляхты, эмигрировавшей после раздела страны. Многие города и местечки перешли в собственность дворян: Кобрин — А. В. Суворова, Гомель и гомельское староство — П. А. Румянцева, Кричев со староством — Г. А. Потемкина, Чечерск со староством и Жлобин — З. Г. Чернышева, Шклов — Г. А. Потемкина (затем С. Г. Зорича), Пропойск — А. М. Голицына [141, с. 115; 545, с. 220]. Это обстоятельство повлияло на особенности функциональной организации и композиции поселений. Некоторые города, до раздела Речи Посполитой находившиеся в собственности крупных магнатов, остались в их владении, часто будучи центрами уездов. Например, Несвиж, Слуцк, Мир и Любча сохранились за Радзивиллами, Быхов и Ружаны — за Сапегами.

В отношении реконструкции частновладельческих городов, отошедших к просвещенным вельможам русского императорского двора, принято считать, что их перепланировка по принципам регулярности стала результатом совместного творчества владельца-заказчика и профессионала-архитектора, проектировавшего застройку имения. В процессе создания участвовал и эконом — управляющий имения, организовавший производство работ. Так понимается авторство планировочной структуры Гомеля, характерной трехлучием основных магистралей, что обоснованно, учитывая творческий универсализм личности графа П. А. Румянцева, его компетентность в вопросах архитектуры [338, 490].

В частновладельческих городах и местечках наглядно проявлялась общая для второй половины XVIII в. тенденция организации различных видов мануфактурных производств, что служило важным фактором градообразования. Подобно упомянутым выше промышленным центрам западного региона, до 1795 г. входившего в Речь Посполитую, в восточных, российских губерниях создавались основанные на ручном труде производства и промыслы. Владельцы вотчинных городов проводили политику экономического развития присоединенного края. Общеизвестно, что в Кричеве построена судоверфь, парусная и канатная фабрики, в Шклове — стекольная, суконная, кожевенная и часовая, а в Чечерске — стекольная мануфактуры. Гомель при Н. П. Румянцеве в 1796—1826 гг. сложился как центр промышленно-аграрного хозяйства.

Последняя четверть XVIII и первая половина XIX в. — эпоха широкого распространения просветительских идей, развития в крае культуры, образования и науки. Еще до присоединения к России в ВКЛ были известны труды выдающихся европейских ученых, города и магнатские поместья превращались в центры светской культурной жизни [623, т. 2, с. 407]. Процесс просвещения во многом явился заслугой именно крупных меценатов, владевших поселениями и большими земельными угодьями, ориентировавшихся на организацию образцовых в социальном и культурном отношении имений. Например, в 1814 г. Н. П. Румянцевым в Гомеле создан центр археологических исследований, где работали известные ученые, в том числе возглавлявший его И. И. Григорович [490, с. 84].

Разработка проектов регулярной перепланировки белорусских городов с определенной долей условности делится на четыре основных этапа. По некоторым поселениям выполнялось несколько последовательно сменявшихся проектов, что обусловилось постепенным разрастанием селитебных территорий, изменением реконструктивных задач или недостаточным учетом в предыдущем проекте опорной ситуации.

Первый этап — завершение и утверждение в 1778 г. серии проектов по Могилевской и Полоцкой (позже — Витебской) губерниям: Могилева, Полоцка, Витебска, Бабиновичей, Белицы, Быхова, Городка, Дриссы, Климовичей, Копыси, Мстиславля, Орши, Рогачева, Суража, Чаус, Черикова [141, с. 115, 116; 545, с. 230]. Ко второму этапу следует отнести переработку в 1783—1785 гг. предложений 1778 г. по планировке поселений Могилевской губернии: Бабиновичей, Белицы, Климовичей, Копыси [490, с. 96, 102, 103, 112]. Третий этап — составление датируемых 1800 г. проектов реконструкции городов Минской губернии: Минска, Бобруйска, Борисова, Вилейки, Дисны, Игумена, Мозыря, Пинска, Речицы, Слуцка (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14). Четвертый этап включает выполнение и утверждение в первой половине XIX в. большого числа проектов перепланировки городов разных губерний:

Бреста (1811 г.), Минска (1817 г.), Мозыря (1825, 1836 гг.), Пинска (1856 г.) и др. [141, с. 115, 116; 545, с. 230]. Отличительной особенностью ряда проектов этого этапа служит регулирование планировки с минимальным, фрагментарным вмешательством в существующую городскую среду. Такому незначительному упорядочению подверглись западнобелорусские города и местечки Гродненской и Виленской губерний с нерегулярной, средневековой в основе структурой: Гродно, Ошмяны, Слоним и др. Иногда проекты создания новой системы улиц не реализовывались (Гродно — район Занеманье).

Рассматривая эволюцию качеств генеральных планов во временны́х рамках классицизма, с 1770-х годов до середины XIX в., следует отметить возраставшую тенденцию большего использования опорной ситуации города, постепенный отход от коренных реконструктивных предложений. Однако художественная сторона градостроительного творчества, архитектурный образ планиметрических композиций во многих случаях обеднялись и схематизировались, теряли пропорциональную изысканность и ассоциативно-смысловую содержательность, присущую предложениям последней четверти XVIII и начала XIX в.

Исследование проектов регулярной реконструкции городов всей Российской империи обнаруживает применение следующих систем планировки: прямоугольной, характерной для малых поселений и наиболее распространенной; системы, сочетающей несколько прямоугольных планировочных схем, свойственной средним и большим городам; трехлучевой; радиально-кольцевой; а также системы, включающей разные по рисунку схемы [193]. Похожая картина наблюдалась в Беларуси, имея специфические особенности.

Важнейшим средством реализации проектов перепланировки, создания новой функциональной и пространственной организации городов служило широкомасштабное строительство гражданских зданий и их комплексов, а также массовое внедрение, как и во всех губерниях империи, образцового проектирования, возведенное в ранг государственной политики [80, т. 6, с. 536, 538; 141, с. 127, 128; 205; 543, с. 139—144, 160, 161; 545, с. 231—242]. По образцовым проектам возводились ранее существовавшие и появившиеся новые типы зданий: присутственные места, провиантские магазины, почтовые дома, торговые ряды, госпитали, жилье и др. В Полоцкой (позже Витебской) и Могилевской губерниях в строительстве сооружений разной функции использовались типовые проекты почтовых домов И. Е. Старова [208]: ныне сохранившееся здание почты в Полоцке [555, с. 60], выполненное по проекту 1772 г.; дома губернатора и вице-губернатора в ансамбле главных площадей Витебска.

Авторами общественных ансамблей, включавших индивидуально решенные и образцовые постройки, часто выступали губернские архитекторы, например И. Зейдель, под руководством которого в 1778—1784 гг. осуществлена застройка административной площади Могилева, И. Зигфриден, спроектировавший значительную часть ансамбля главного форума Полоцка. В. П. Павлов, сменивший И. Зейделя на должности архитектора Могилевской губернии, в 1787 г. спроектировал здания для городничего и казначея в Климовичах и Черикове, уездный могилевский архитектор И. Селянка — провиантские магазины в Бабиновичах, Климовичах, Чаусах [490, с. 113]. Образцовые проекты присутственных мест использованы в Городке, Дриссе, Мстиславле, Орше, Речице, Рогачеве, Сураже [141, с. 127, 128; 543, с. 140—143]. Гродненский губернский архитектор Ленчовский в 1810 г. разработал серию из 18 типовых проектов жилых и хозяйственных построек в Пружанах. Подобные проекты выполнены для Гродно, Кобрина, Слонима [545, с. 235].

Развитию типового метода способствовало широкое распространение альбома образцовых планировочных решений «Разделение городских кварталов на обывательские места», составленного в 1811 г. в Петербурге архитектором В. И. Гесте [351, с. 121—125]. Важность труда состояла в узаконении «идеальных» схем площадей и жилых кварталов. Вариант площади с одной доминантой по центру лег в основу некоторых ансамблей белорусских городов. Как будет показано ниже, схема прямоугольной площади с восемью отходящими от углов улицами, приведенная в альбоме, но применявшаяся и раньше, напоминала композицию западноевропейского регулярного средневекового рынка.

Мероприятия по реконструкции и развитию городских центров включали возведение инженерных сооружений, организацию скверов на площадях, обустройство набережных, мощение улиц. В Могилеве на месте ликвидированных земляных валов и рвов, по дуге ограничивавших Старый город, проложен бульвар, подобный тому, как это сделано в Москве по трассе укреплений Белого города. В Витебске в 1814 г. [348, с. 102] построен новый каменный мост между ратушной и административно-культовой площадями. В Пин-

ске в середине столетия создано благоустройство набережной в виде проезжей части, вымощенных откосов к реке, системы прямоугольных в плане углублений для причаливания судов и коротких каналов утилитарного назначения, отходящих от р. Пины. («План Минской губернии уездного города Пинска проектного вида» 1856 г. [419, л. 54]). Местом кратковременной рекреации стали скверы, в первой половине XIX в. посаженные на главных площадях городов разной величины и административного статуса: Гродно (между 1811 и 1824 гг. — планы города 1811 г., РГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 2 и 1824 г., РГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 3), Черикова (1823 г. [490, с. 99]), Минска, Орши и др.

В связи с пограничным положением присоединенных белорусских земель важной государственной задачей стало строительство крупных городов-крепостей. Они должны были отвечать своему военно-политическому предназначению, находясь на стратегических направлениях в соответствующих ландшафтных и градостроительных условиях и вмещая многочисленные гарнизоны, а также современным требованиям фортификационной строительной науки, основанным на широком применении огнестрельного оружия.

Результаты этой долгосрочной правительственной программы разделяются на две разномасштабные группы мероприятий. К первой относится проектирование линии крепостей в городах Приднепровья, отошедших к России после первого раздела Речи Посполитой. Могилев, Полоцк, Рогачев и Быхов развивались как военно-административные центры с реконструкцией старых и созданием новых регулярных укреплений, а возле Сенно проектировалась крупная крепость. По другому варианту укреплялись также Дрисса и Толочин [490, с. 65, 72]. Проекты не осуществились в связи со скорым переносом границы на запад. Кроме того, в Могилеве, Полоцке, Рогачеве и Быхове это, вероятно, объясняется неудобством совмещения функций и характера застройки города и его центра с ролью внутрикрепостной территории в условиях возросшей мощи артиллерии. Возможно, и исторически сложившийся состав населения не соответствовал потребностям военных действий. Наоборот, в Сенно расположенная в удалении от города фортификация с большим гарнизоном в мирное время, очевидно, не могла существовать в отрыве от обслуживающих его селитебных районов — форштадтов.

Указанные недостатки учтены в крупномасштабных мероприятиях второй группы — строительстве мощных укреплений в Бобруйске и Бресте, в основном относящемся к 1810—1830-м годам. В Бресте проект оборонительной системы принадлежал генералам К. И. Опперману и Малецкому, полковнику А. И. Фельдману, в Бобруйске — К. И. Опперману.

Концепция организации крепостей основывалась на следующем: полная ликвидация планировочной структуры и застройки исторически сложившегося города, за исключением единичных каменных храмов; создание принципиально иных функционального зонирования, регулярной системы планировки и застройки внутрикрепостной территории, рассчитанных на проживание и ведение военных действий многочисленного гарнизона; в соответствии с достижениями фортификационного зодчества первой половины XIX в. формирование структуры земляных бастионных укреплений, включающей замкнутую овальную главную оборонительную линию и систему вынесенных вперед по всем направлениям фортов, редутов, флешей и др.; расчистка вокруг крепости полукольца обширных открытых пространств, необходимых для обстрела противника, тогда как с других сторон крепость защищалась водной преградой; строительство за этими «стратегическими» пространствами полукольца регулярно спланированных форштадтов со своими торгово-культовыми центрами, связанными единственной магистралью с военно-общественным центром внутри крепости.

Как и проектирование городов во всей Российской империи, создание в белорусских губерниях монументальных планировочных образований с протяженными просторными проспектами, системами площадей, широкой палитрой осевых композиций и масштабным радикализмом было идейно-стилистически связано с культурой французского классицизма. Во многом это обусловилось официально поддерживаемой ориентацией на французскую философию эпохи Просвещения, известностью шедевров классицистического градостроения этой страны, обучением в Париже профессиональному мастерству русских архитекторов.

Однако петербургские зодчие «Комиссии о каменном строении…», оперируя местным архитектурным материалом, выработали в русле формообразования классицизма разносторонние ретроспективно-традиционалистские подходы, в рамках нового градостроительного мышления заложили черты регионального своеобразия поселений. Направления творческого поиска были проникнуты романтизмом, среди которых примечательны вариации на темы западноевропейского средневе-

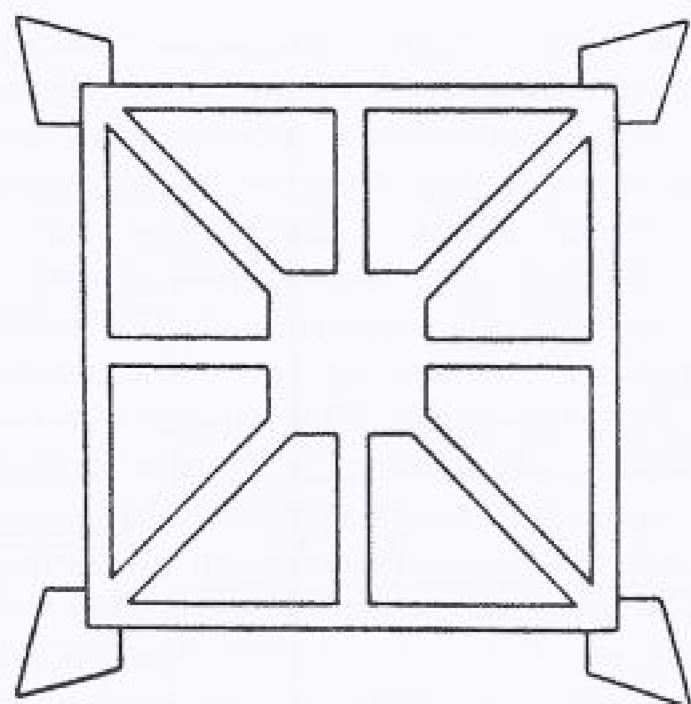

Рис. 92. Схема города-крепости Д. Маджи (по Т. Шаферу)

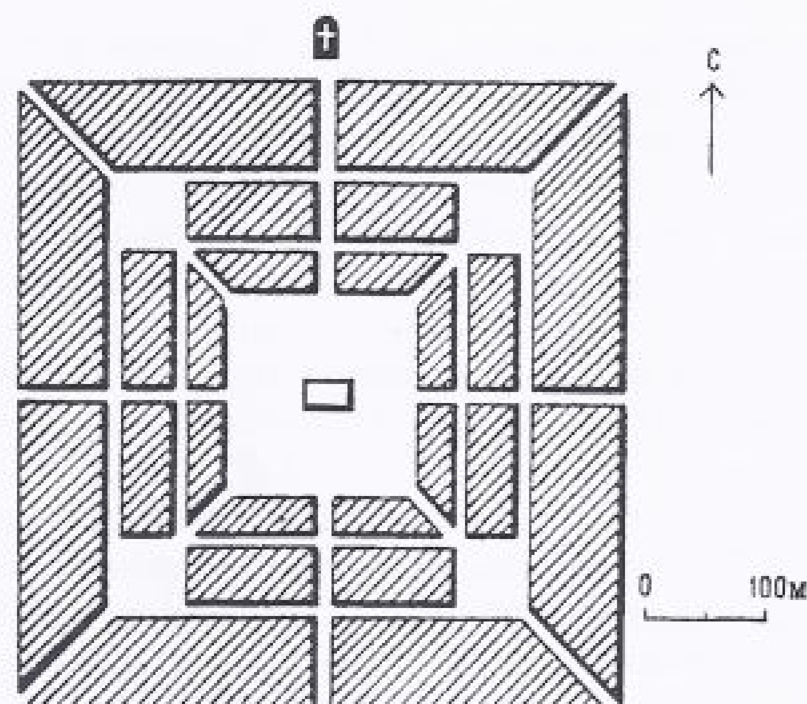

Рис. 93. Фрамполь (по Т. Шаферу)

ковья. «Сознание XIX в. пронизано историзмом. Оно осмысляет мир в понятиях исторических. Содержательно-стилевым аналогом историзма мышления в искусстве является универсализм художественной ориентации. Существо его заключается в признании исторического значения за всеми культурами ... за неклассическим искусством — средневековым ... признание за ними достоинств, равных античному и ренессансному, которые на протяжении веков почитались абсолютной нормой и непревзойденным образцом» [218, с. 70].

Увлечение средневековыми планировочными мотивами — иррегулярными или правильными, готическими, по-разному интерпретированными, — происходило в общем контексте архитектурного развития России. «Просветительские мысли об идейном насыщении зодчества, стремлении сделать его «говорящим» приняли при дворе Екатерины II первоначально наиболее легко воспринимавшуюся форму — увлечение архитектурной экзотикой... Просвещение в русской культуре Екатерининской эпохи началось с «игры», с создания «занимательной» и «возбуждающей» архитектурной среды» [595, с. 92]. Как связанные явления следует рассматривать создание планировочных структур в духе средневековья и ложную готику в дворцовой архитектуре. Романтические тенденции в планировке городов белорусских губерний, проектируемых во образ готических и, не в меньшей степени, ренессансных композиций, по своему программному смыслу расширения возможностей зодчества хорошо корреспондировались с опытом В. И. Баженова по синтезу готических, средневековых восточных и русских объемно-пластических стилевых приемов. Их «... смесь ... стала популярной и быстро распространилась по стране, являясь попыткой создания универсального аллегорического архитектурного языка» [595, с. 92].

Использование наследия Возрождения в классицистическом градостроительстве было свойственно не только русской художественной культуре, распространившейся на белорусских землях, а характерно и для других стран. На раннем этапе развития в 1760—1770-х годах западноевропейский классицизм ориентировался на архитектуру Италии, как римскую античную, так и ренессансную [435, с. 103]. В России же политическое значение римских реминисценций состоит в утверждении достоинства империи через преемственность в отношении Рима. Романофилия проявилась в иконографической программе реконструкции центра Петербурга, где создание Дворцовой и Сенатской площадей восходит к римским форумам, а Казанский и Исаакиевский соборы ориентируются на собор св. Петра [435, с. 103].

Например, в Польше XVIII — начала XIX в. генетической основой ряда поселений служили проекты идеальных городов, в частности Альбрехта Дюрера 1527 г. и Джироламо Маджи 1534 г. Последнему принадлежит композиционная схема квадратного в плане укрепленного поселения, расчлененного магистралями по диагоналям и крестообразно, с большой квадратной площадью посередине. Эта теоретическая модель, дополненная четырьмя малыми площадями на диагоналях квадрата, явилась основой создания в 1705 г. польского местечка Фрамполь [758, с. 49—52, 68, 69]. Примечательно, что его план обнаруживает существенное формальное сходство с Чечерском — образцом частновладельческого города, реконст-

руированного в конце XVIII в. (близкие к квадрату очертания; прямоугольная планировочная структура; центричное размещение обширной квадратной площади; крестоподобная трассировка основных коммуникационных и визуальных осей, ориентированных на центр площади; завершение перспективы меридиональной оси доминантой на периферии города; тенденция создания «ожерелья» из малых площадей, охватывающих главный торг).

Композиционная специфика сближает планировку Чечерска также с проектами французского города Генрихемонта 1608 г., немецкого Ансбаха 1685 г., планами классицистических польских (Рычивул по предложениям Ю. Садковского 1811 г. и Т. Вернека 1813 г.) и русских городов (Семенов Нижегородской губернии 1781 г.) [604, с. 179; 758, с. 62—66, 70, 71]. Перечисленные примеры обнаруживают общеевропейский контекст эволюции ренессансных принципов идеального города.

Следует отметить, что сохранившиеся подлинные регулярные, средневековые по характеру, и ренессансные системы планировок классицистическая культура ассимилировала почти без изменений, признавая их как совершенные образцы. Ликвидировались спонтанно возникшие в прошедшие столетия аномалии геометрически ясной первоначальной композиции. При полном сохранении квартальной схемы улицы вновь получали равномерную ширину, некоторые направления спрямлялись. Однако при расширении города на свободные территории основы готико-ренессансного градостроительства не всегда приобретали органичное, идейно осмысленное творческое продолжение. Механически повторялся ритм сети улиц, новые площади в художественном отношении иногда имели случайное положение. Перечисленные особенности иллюстрируются проектом перепланировки Борисова 1800 г. (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14, л. 187, 188), а также его фиксационным планом, составленным уездным архитектором В. Хрщановичем в 1830 г. и отразившим результаты реконструкции города (НИАБ, ф. 299, оп. 5, д. 86).

В целом романтическая содержательность структур белорусских поселений наравне с другими качествами подтверждает высокое профессиональное мастерство и уровень знаний зодчих. Она свидетельствует о многогранности русского классицистического искусства строительства городов в бывшем Великом княжестве Литовском, впитавшего достижения мировой архитектурной мысли и реагировавшего на традиции края.

3.2. Влияние композиционных идей барокко на планировочную структуру городских поселений

Созданные по единому замыслу города-резиденции эпохи барокко обладали индивидуальными художественными чертами, которые, в частности, ярко проявились в принципах построения планировочной сети, в осознании при проектировании генерального плана эстетических достоинств формальной композиции на плоскости. Примером такого выразительного, элегантного по образу решения служило поместье Щучин.

Это поселение, находившееся в Виленском воеводстве, известно с XVI в. и принадлежало Радзивиллам, затем Сципионам, Друцким-Любецким. Автором монографии выполнена реконструкция плана города на конец XVIII — первую половину XIX в. Для нее использованы: опубликованный А. Кунцевичем схематичный план конца XIX в. района центральной площади, дополненный в 1923 г. [701, с. LXXVII], геодезические съемки территории города начала 1970-х годов и современная, данные натурного исследования, литературных источников, опроса старожилов.

Структура поселения отличалась динамичной асимметрией, вызванной положением русла р. Туровки под углом к бровке надпойменной террасы и, очевидно, характером трассировки ранее существовавших направлений. Дворцово-парковый ансамбль на берегу пруда занимал более низкую территорию, чем селитебный район на плато противоположного берега. Дворец построен во второй половине XVIII в. по проекту Де Фленерса в архитектурных формах, переходных от барокко к классицизму. Парк, в создании которого принимал участие садовод С. Юндил, имел регулярную планировку (в настоящее время полностью утрачена).

Свойственная барочным городам-имениям концепция композиционно-пространственной оси получила экспрессивное воплощение. Всю общественно-жилую часть поселения пересекала оригинальная симметричная планировочная форма, представленная выстроенными в ряд вытянутой прямоугольной площадью и двумя кварталами.

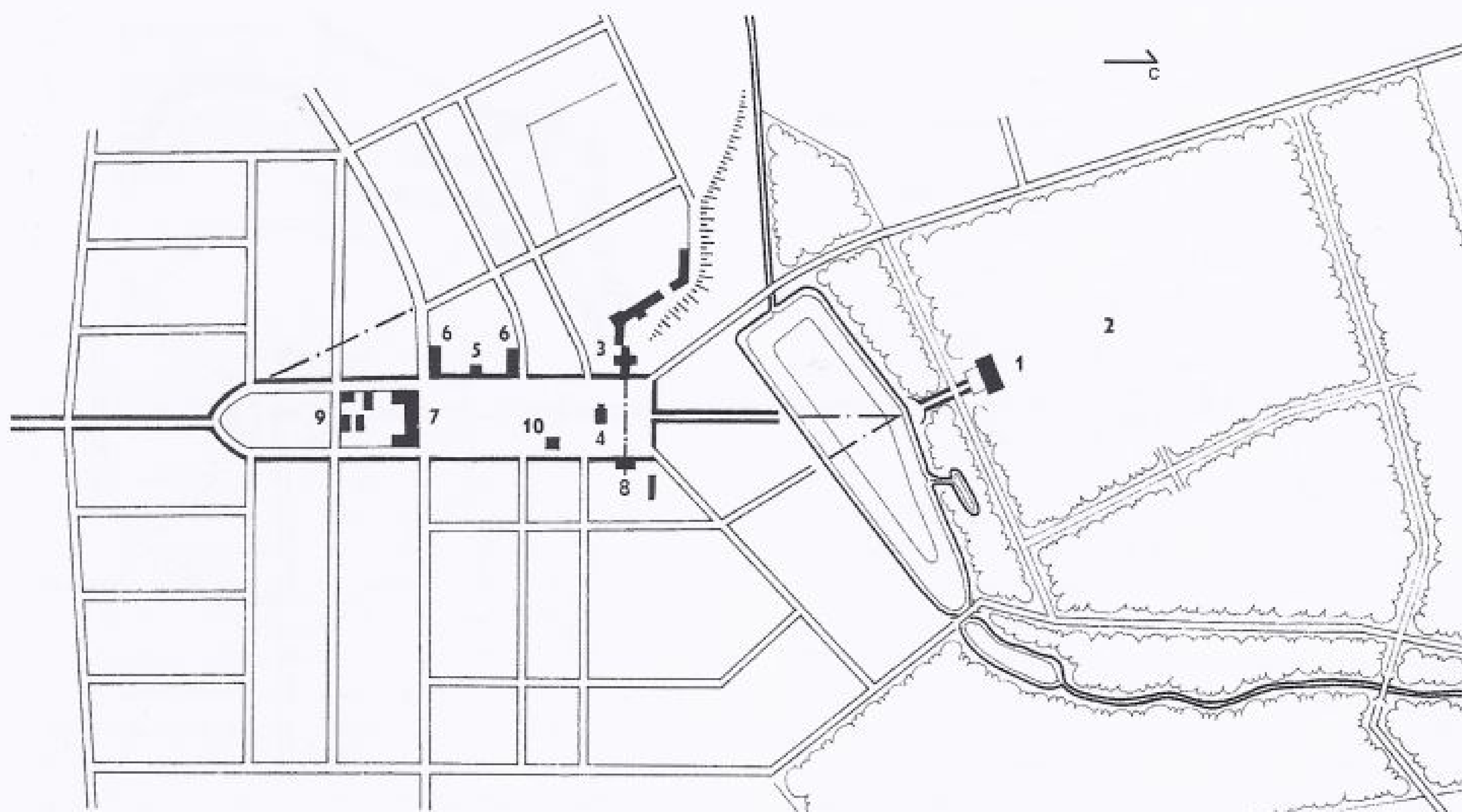

Рис. 94. Щучин. План конца XVIII — первой половины XIX в. (реконструкция автора): *1* — дворец; *2* — парк; *3* — монастырь пиаров; *4* — церковь; *5* — почта; *6* — заезжие дома; *7* — торговые ряды; *8* — здание лесничества; *9* — синагогальный комплекс; *10* — административное или торговое здание

Последние окаймлялись двумя упруго изгибающимися улицами, которые на юге смыкались в одну магистраль. На севере же от углов площади под 45° симметрично отходили дорога на Вильно и улица, параллельная берегу водоема. Все планировочное образование ориентировалось на дворец, а площадь короткой стороной была пространственно открыта к парку и озеру. Эффекту этого приема способствовало ее повышенное положение. В плане оси симметрии дворца и городского общественного центра располагались под углом и пересекались в излучине северного берега пруда, что наводит на мысль о наличии здесь в прошлом композиционно-смыслового акцента. Развернутая постановка дворцового объема способствовала его наиболее благоприятному восприятию с площади, одновременной видимости главного и бокового фасадов.

С долей условности можно констатировать, что формально-пластические каноны барокко отразились и в художественных принципах построения городского плана. Профессиональное применение категории контраста наблюдается в сочетании мощной меридиональной планировочной формы центра с системой широтных, вытянутых и нерасчлененных полос кварталов. В южной части поселения, за пределами этого выразительного пересечения использована иная, более мелкая меридиональная квартальная разбивка. Ширина кварталов в меридиональной и широтной системах членений была одинаковой — 100 м. В западном районе магистрали напряженно изгибаются, следуя общей форме берегового плато. При этом радиус поворота трех улиц при выходе их на площадь постепенно уменьшается по направлению к композиционному узлу — комплексу пиарского монастыря, сообщая этому акценту, в рамках планиметрической композиции, большую семантическую значимость.

Основателями монастыря пиаров в 1718 г., а также семинарии и школы были Сципионы. В 1826—1829 гг. на средства князя К. Друцкого-Любецкого на месте существовавшего построен новый костел св. Терезы в стиле классицизм. С эстетической точки зрения важно, что эта главная из немногочисленных городских доминант размещена на бровке плато, в художественно конфликтной точке стыковки двух разнородных градостроительных структур — паркового ансамбля и селитебной зоны.

Перпендикулярно криволинейным магистралям проходили трассы, почти параллельные улицам северо-восточной части города, чем подчеркивалась взаимоувязка направлений сложной компо-

11 — 2227

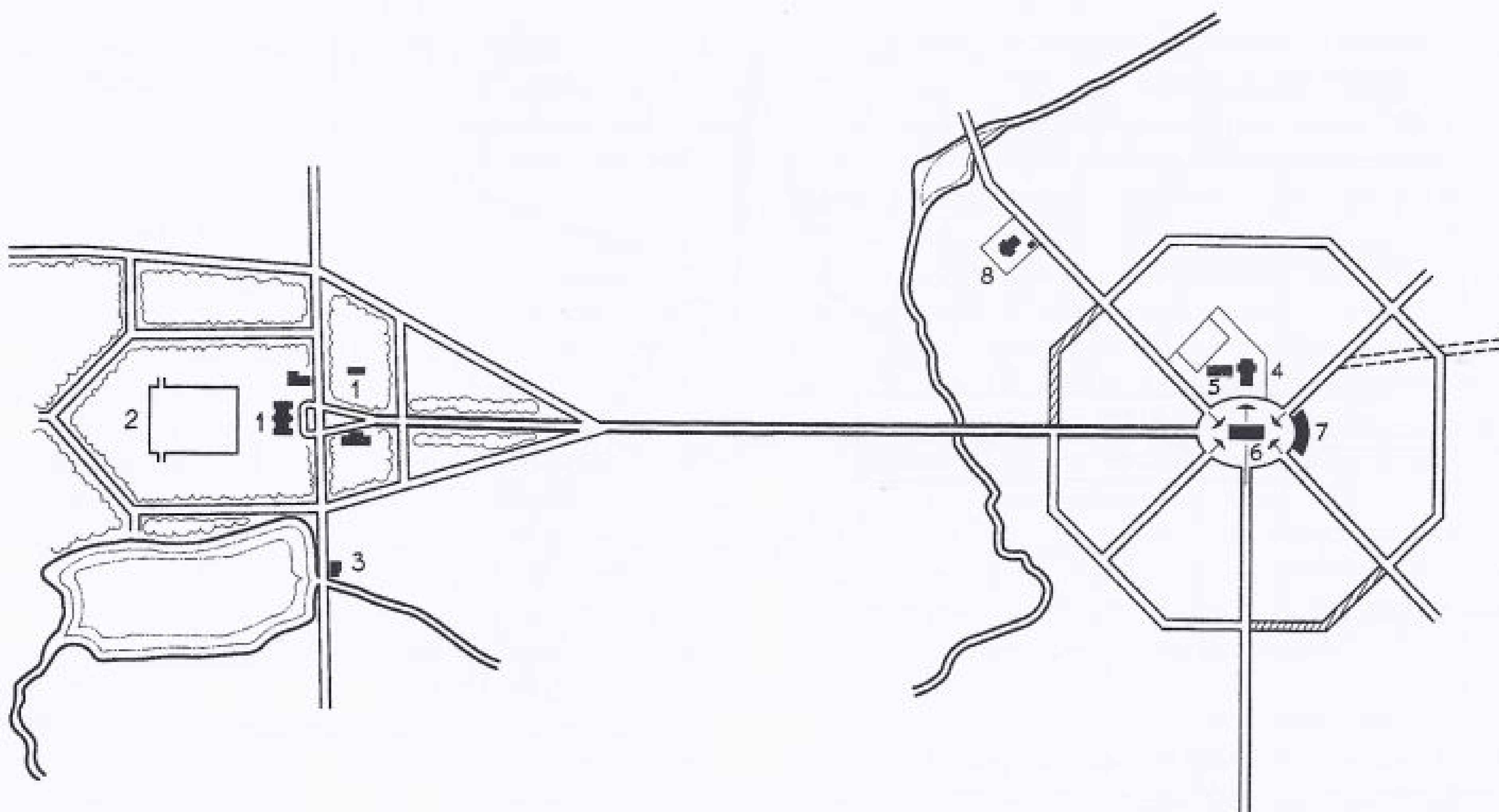

Рис. 95. План местечка Желудок в первой половине XIX в. (реконструкция автора): *1* — дворцовые постройки; *2* — парк; *3* — мельница; *4* — костел монастыря кармелитов; *5* — жилое здание монастыря (предположительно); *6* — торговые ряды; *7* — корчма; *8* — приходский костел Успения. Штриховкой показаны сохранившиеся к настоящему времени фрагменты периферийной улицы, пунктиром — часть современной трассы северо-восточной радиальной улицы

зиции. Этой же цели служил прием трассировки одной из улиц по касательной к овальной форме квартала на главной градостроительной оси. Подобные дугообразные очертания в разных интерпретациях свойственны барочной планировке в условиях Беларуси (эллипсовидная площадь в Желудке, изогнутые стороны Дворцовой площади Гродно).

Положенный в основу центра принцип симметрии и активного выделения пространственной оси городского значения дополнялся в пределах площади локальными приемами организации симметричных групп застройки, постановки объемов на единой оси. Симметричную группу образовали почта и два заезжих дома. Фасад торговых рядов, замыкавший на юге протяженную перспективу площади, очевидно, также был симметричен, а на общей оси с пиарским костелом размещалось здание лесничества первой половины XIX в. в стиле классицизм. Одновременно реализован иной принцип — свободная, асимметричная постановка объемов в обширном внутреннем пространстве площади, не препятствующая визуальному раскрытию вдоль нее в направлении ландшафтной зоны. Одним из таких объемов была церковь, стоявшая на месте ныне существующей Михайловской церкви конца XIX в. Другим объемом, показанным на плане в публикации А. Кунцевича, могло быть административное или торговое здание.

Типичную для градостроительства барокко планировку получил Желудок после перехода в XVIII в. во владение рода Тызенгаузов. Поселение состояло из дворцово-паркового ансамбля и селитебного района, находящихся в 1 км друг от друга и связанных прямолинейной магистралью. До 1567 г. Желудок был поветовым центром Виленского воеводства. И в настоящее время в окрестностях поселения произрастают дубовые рощи, что наводит на мысль о происхождении его названия. Автором выполнена реконструкция системы планировки местечка во второй половине XVIII в. на основании геодезической съемки начала 1970-х годов масштабов 1:5000, 1:2000 и 1:1000, натурного исследования и схемы торговой площади в 1930-х годах, приводимой В. Ревеньской [742, с. 72].

Планировка и насаждения парка имеют низкую степень сохранности, однако фрагменты нескольких аллей позволяют восстановить основы симметричной композиции направлений, в частности трехлучие дорог при подъезде к дворцу, центральная из которых в настоящее время окаймлена двумя рядами вековых деревьев. Зда-

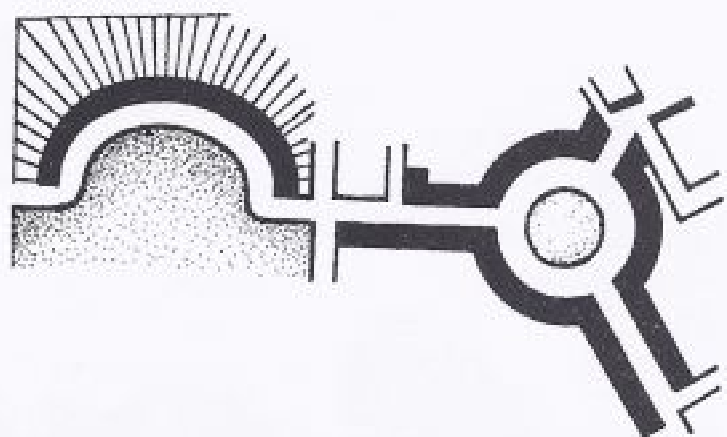

Рис. 96. Бат. Схема планировки ансамблей «Royal Crescent» и «King's Circus» (по Т. Ф. Саваренской)

ния Тызенгаузовской резиденции утрачены. Наиболее вероятно, их места заняли ныне существующие сооружения дворцового ансамбля, построенного в 1908 г. по проекту В. Маркони для князя Л. Святополк-Четвертинского.

Хорошо сохранились очертания овальной бывшей торговой площади и расходящихся от нее радиальных улиц. Лишь северо-восточная из них сейчас искривлена на удалении 140 м от площади. Значительно хуже состояние восьмиугольного кольца, которое представлено двумя фрагментами, иллюстрирующими симметричный характер изломов трассы. Застройка центра XVII—XVIII вв. утрачена полностью. Конфигурация торговых рядов и корчмы реконструирована по чертежу В. Ревеньской. С 1682 г. в местечке существовал кармелитский монастырь, упраздненный в 1832 г. и, наиболее вероятно, входивший в застройку главной площади, что типично для малых поселений. В настоящее время строго по поперечной оси симметрии площади размещается коренным образом перестроенное культовое здание второй половины XIX или начала XX в. Учитывая устойчивую тенденцию стабильности мест храмов, а также завершение указанным сооружением перспективы южного луча, логично предположить, что именно здесь находился костел кармелитов, включенный в планировочную композицию второй половины XVIII в. В кармелитском храме был похоронен и сам А. Тызенгауз. К северо-западу от предполагаемого костела в начале 1970-х годов сохранялся обширный фруктовый сад, очевидно, входивший в монастырские владения, а жилой корпус, возможно, размещался между садом и костелом. К 1853—1854 гг. относится строительство ныне существующего приходского Успенского костела в конце северо-западной радиальной улицы.

Планировочная ось как отличительный элемент барочной композиции служила одновременно осью симметрии территории резиденции и собственно местечка и характеризовалась двойным завершением. Видовую перспективу на всем протяжении улицы замыкал дворец, с другой стороны кульминацией служил ансамбль площади, где трасса ориентировалась на торцевой фасад торговых рядов.

Художественное построение плана основывалось на создании шести радиальных направлений. Одно из них, ориентированное строго меридионально, совпадало с поперечной осью симметрии системы улиц конца XVIII в. Другое, главное, нацеленное строго широтно, соответствовало продольной оси неполной симметрии уличной сети. Остальные магистрали расходились наподобие диагоналей, ритмически гармонируя с трехлучием аллей возле дворца.

Как упоминалось, композиционный замысел испытал сильное влияние творчества Джона Вуда старшего и Джона Вуда младшего, создавших ансамбль площадей в Бате. Ныне северо-восточная радиальная улица Желудка изломана в плане, тогда как в прошлом была, вероятно, прямолинейной. Однако возможен и другой вариант восстановления, предполагающий изначально задуманный поворот трассы. Именно такой особенностью отличается схема улиц, расходящихся от круглой «King's Circus», где один из радиусов, тоже северо-восточный, имеет излом, вызванный, возможно, формированием ансамбля в уже сложившемся античто-средневековом градостроительном контексте.

Если второй вариант предлагаемой реконструкции принять как истинный, то проявляется одна из идейных концепций, свойственная европейскому, в частности французскому и итальянскому, классицизму 1770-х годов и нацеленная на точное копирование какого-либо античного памятника — «археологизирующий» классицизм. Однако если хрестоматийный подход был обращен к воспроизведению конкретики древнеримского или древнегреческого сооружения, то в условиях провинциального региона Речи Посполитой, вероятно, преломился в виде «археологизации» недавно созданного и общепризнанного образца.

Периферийная окружная трасса Желудка, очевидно, образовывала выразительный восьмиугольник, близкий по очертаниям, например, абрисам плана города Кожец [758, с. 54], а также напоминающий, в иных пропорциях, восьмиугольную конфигурацию площади учебного и военно-производственного назначения Тызенгаузовского ансамбля Городницы в Гродно. Сходство обеих, разных по природе композиций дополняется наличием двух коммуникаций, подходящих к гродненской площади, — меридиональной, соответствующей

Рис. 97. Ворняны. Застройка юго-западной стороны торговой площади. Костел св. Георгия, плебания и дом аптекаря. Фото 1972 г.

оси симметрии, и широтной, совпадающей с осью частичной симметрии (на плане Гродно 1795 г.). Формальное подобие усиливается тем, что широтная ось, показанная на плане 1795 г., связывала рассматриваемое планировочное образование с парком и дворцовым комплексом, размещенными к западу от них (см. рис. 56, *Д*).

Корчму же на площади Желудка и музыкальную школу в ансамбле Дворцовой площади Гродно объединял общий композиционно-стилевой прием — криволинейные очертания здания в плане. Перечисленные черты единства позволяют зафиксировать определенные пространственно-планировочные особенности, свойственные барочному и переходному от барокко к классицизму градостроительству в крае, а также, учитывая тесную общность композиционных приемов, предположить и наличие одного автора, известного по созданию ансамблей Городницы, — Дж. Сакко.

Примечательную композицию приобрел общественный центр Желудка. Оси диагональных улиц сходились не в одной точке, а нацеливались попарно на торцевые фасады торговых рядов. Западный торец находился еще и в створе главной магистрали. Очевидно, эти фасады здания имели монументальное художественное решение, соответствующее их градостроительной роли. Оригинальным свойством ансамбля был принцип двухпланового замыкания видовых перспектив вдоль широтной и меридиональной магистралей. Меридиональная улица, ориентированная на середину продольного фасада торговых рядов, зрительно завершалась также доминирующей вертикалью костела, возвышавшегося над силуэтом этого корпуса. Главная ось поселения помимо торцевого фасада лавок визуально заканчивалась и объемом корчмы, вероятно, двухэтажным в отличие от традиционно одноэтажных торговых рядов.

Тема композиционной оси как стилевого признака барочного плана поселения, объединяющей в градостроительный ансамбль дворцово-парковую резиденцию и застройку обширного торгового форума, выразительно реализована в Ворнянах. Создание ансамбля центра Ворнян относится к 1760—1770 гг. и связано с именем владелицы местечка М. Абрамович. На ее же средства в 1767—1769 гг. по проекту М. Казаковского возведен барочный Георгиевский костел, а в 1770 г. — плебания и дом аптекаря. Дворцово-парковый комплекс относится ко второй половине XVIII — первой половине XIX в. [22, с. 105, 106]. План центра этого местечка 1780 г., впервые приведенный С. Лоренцем и Т. Толвиньским [711, с. 340—344; 764, с. 299], повторен в позднейших публикациях. Однако он неточен; как показал анализ существующей планировочной сети и исторической застройки, площадь не прямоугольная, а трапециевидная, сужающаяся к храму. Короткое основание трапеции — 70 м, длинное — в 2 раза больше, а протяженность площади от брамы перед костелом до каменной ограды, отделявшей площадь от парка, — в 4 раза больше. Так, в планировочную композицию заложен принцип удвоения.

Расширение площади в направлении дворца иллюзорно приближало его главный корпус к пространству рынка, способствовало воплощению функционально-художественной барочной концепции слитности резиденции и собственно местечка.

Схождение боковых сторон к костелу создавало эффект удлинения площади и увеличения размеров храма при восприятии вдоль ее оси. Этот прием гармонично усиливался радиальным размещением по отношению к храму боковых флигелей аптеки и плебании, которые, будучи двухэтажными, создавали также масштабный ступенчатый переход от доминанты к низкому горизонту фоновой застройки.

По сравнению со Щучином и Желудком идея симметрии системы дворец — центр получила более полное воплощение, а сама ось подчеркнута липовой аллеей. Рассмотренные поселения иллюстрируют разнообразие приемов организации этой пространственной оси, одна оконечность которой всегда фиксировалась дворцом, а другая в пределах площади — торговыми рядами (Щучин), рядами и корчмой (Желудок), костелом (Ворняны). Барочный характер планировочных абрисов ворнянской площади определился и курдонером сложной формы перед костелом с напряженно изогнутой оградой, причудливо выдвинутыми из ее плоскости фланкирующими корпусами. Как свидетельствуют инвентари Ворнян, каменная ограда с брамой была украшена скульптурами [343, с. 36].

Застройка длинных сторон форума была композиционно нейтральна и организована одноэтажными жилыми домами с каменными фасадами, соединенными глухими стенками с арочными проемами в сплошную ритмически расчлененную ленту. К костелу наблюдалось наращивание архитектурных масс. Здесь углы площади на ее пересечении главной улицей усилены укрупненными сблокированными объемами, вмещавшими торговые ряды, корчму и гостиницу. Эта часть пространства рынка художественно завершалась ансамблевой группой храма с ажурными башнями и боковых крыльев, живописной по силуэту, с контрастом высот и характера контуров. С другой стороны торга кульминацией развития композиции служил переход пространства площади к парковой среде с архитектурными акцентами дворцовых корпусов.

Немногочисленные примеры городов и местечек, имеющих планировочные композиции барокко в масштабе всего поселения, сгруппированы на юге и в центре Виленского воеводства, позже — Виленской губернии. На материале группы городов, в том числе малоизученных, подтверждается, что свойственная эпохе абсолютизма барочная планировочная структура созданного по общему замыслу города-имения основывалась на функциональном и ярко проявленном художественном единстве дворцово-паркового ансамбля с общественно-жилой зоной. Главным средством достижения синтеза выступала организация генеральной пространственной оси симметрии и, в ряде случаев, идея композиционного раскрытия застройки главной площади к резиденции магната.

Формами композиционного выражения градостроительной оси служили: главная магистраль, увязывающая территориально разобщенные, но симметричные относительно нее город и дворянскую резиденцию; торговая площадь с намеренно удлиненной, «осеобразной» конфигурацией, пространственно открытая в сторону усадебного комплекса, который примыкает к ней или отделен от городского центра ландшафтной зоной. Барочная ось визуально завершалась акцентными сооружениями, воспринимавшимися в обоих направлениях.

Характерной чертой барочных планировочных композиций служил экспрессивный образ, заложенный в планиметрическое построение города и осознаваемый в процессе визуального освоения среды. План поселения приобретал стилевые особенности, типичные вообще архитектуре барокко. Наблюдались следующие приемы: применение напряженных, изогнутых абрисов площадей и улиц, выразительно вытянутых кварталов и пространств площадей; отсутствие впечатления определенной «жесткости» планировочной сети, свойственной грядущему классицизму, большая, чем в нем, мягкость очертаний в объединении с рельефом и береговыми линиями; формальная взаимоувязка композиционных направлений; внесение элементов динамичной асимметрии в общую симметричную схему. Проявлением экспрессии было также использование усложненных многоугольных контуров, лучевых построений, энергичная трактовка приема усиления перспективного сокращения и обратной перспективы.

3.3. Классицистическая реконструкция городов Витебской и Могилевской губерний

Реконструкция Витебска является в Беларуси самым крупным градостроительным мероприятием эпохи классицизма по размерам территории, подвергшейся преобразованию или освоению. В 1772 г. в городе было 3083 жителя, в 1785 г. — уже 10501 [160, с. 41]. Поскольку Витебск со-

Рис. 98. Витебск. План 1821 г. (ОРРНБ)

Рис. 99. Витебск. План 1820-х годов (ОРРНБ)

Рис. 100. Витебск. Проектный план первой половины XIX в. (РГИА)

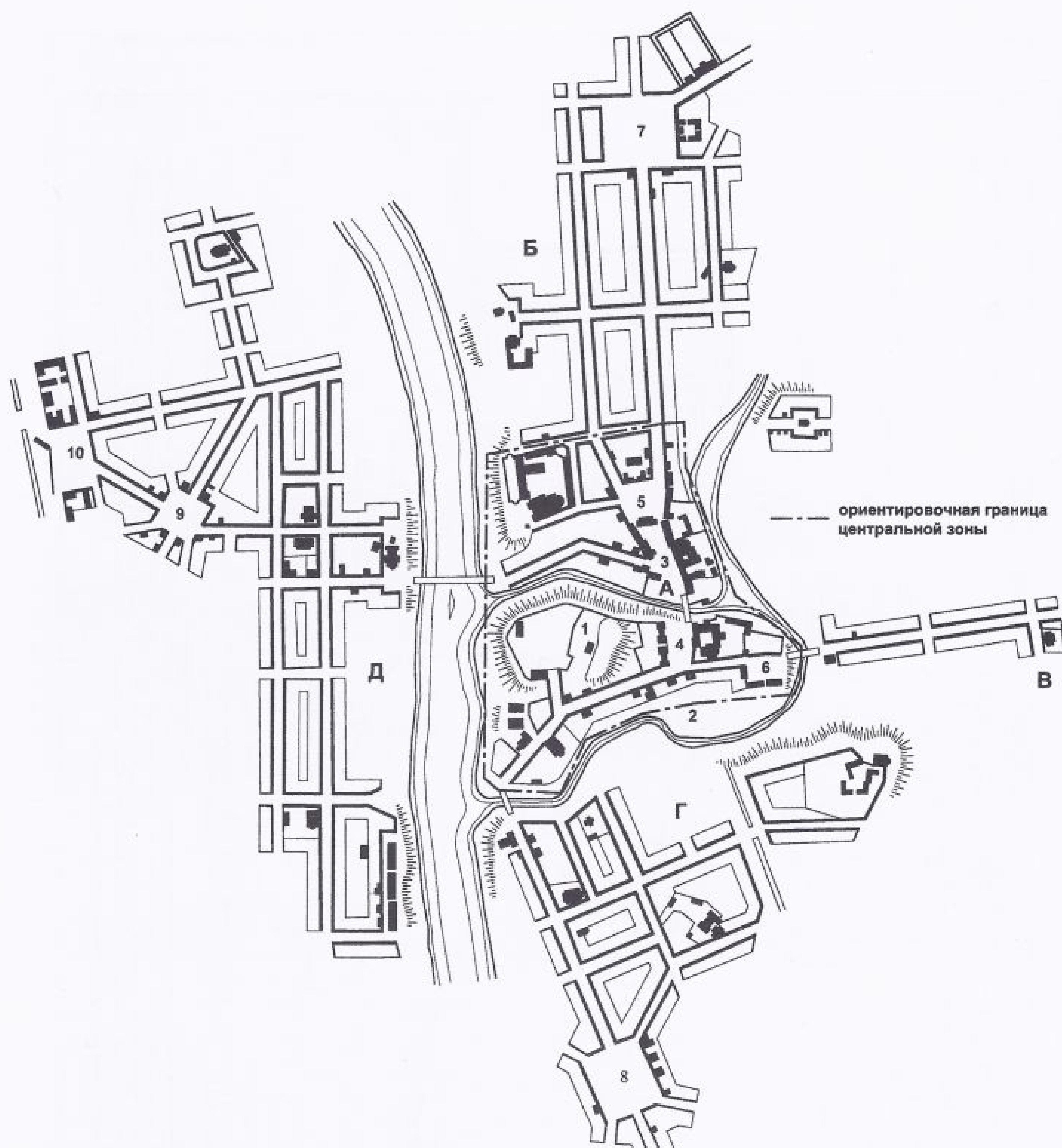

Рис. 101. Планировочная структура центра Витебска в первой половине XIX в. (реконструкция автора): *А* — ядро центра; посадские центры: *Б* — Взгорский, *В* — Задунавский, *Г* — Заручавский, *Д* — Задвинский; *1* — Верхний замок, *2* — Нижний замок, *3* — ратушная площадь, *4* — культово-административная площадь, *5* — новая торговая площадь, *6* — административная площадь, *7* — Смоленский рынок, *8* — Могилевский рынок, *9* — Полоцкий рынок, *10* — рынок у западной караульни

Рис. 102. Полоцк. Проект перепланировки 1788 г. (РГВИА)

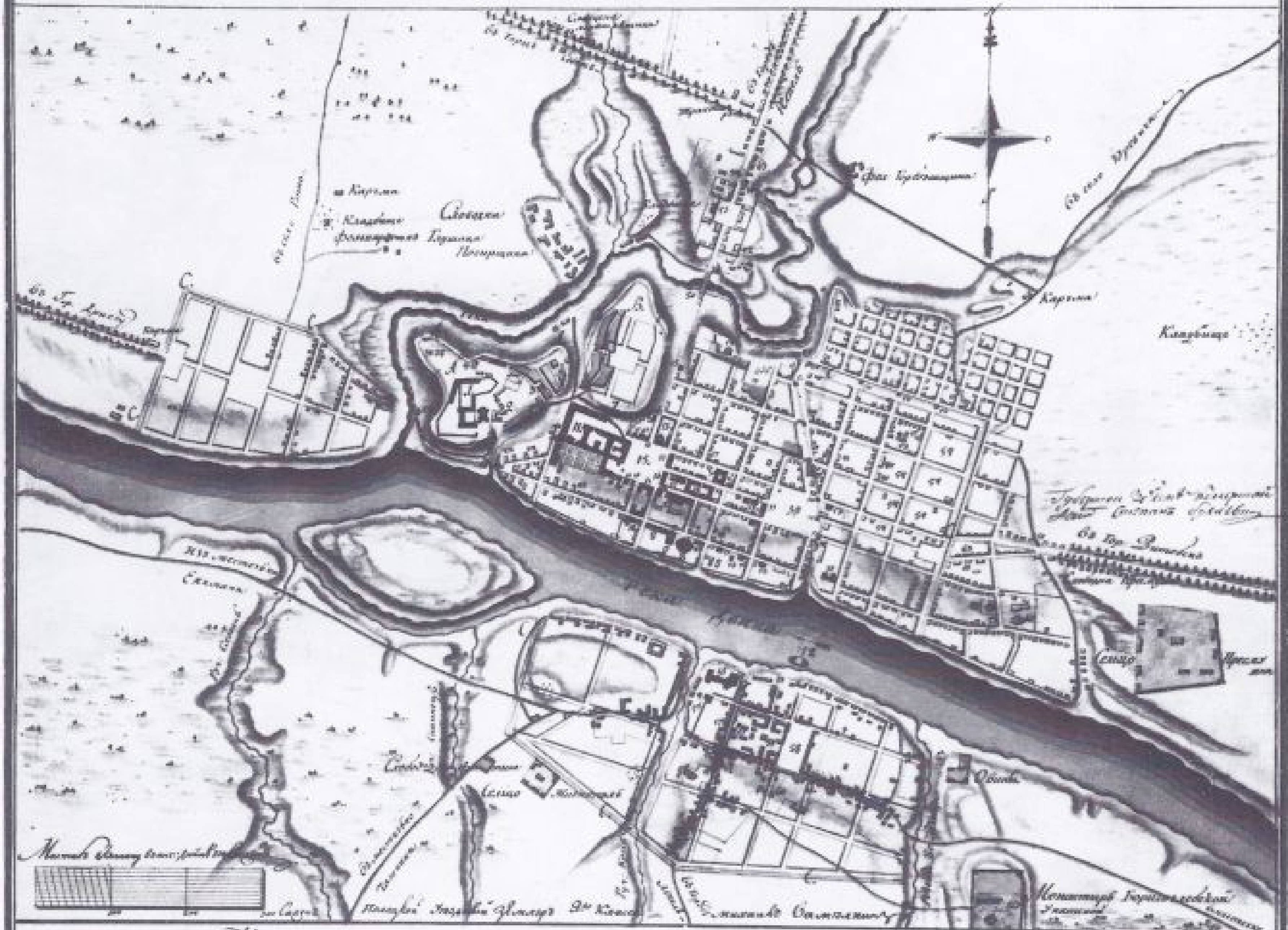

Рис. 103. Полоцк. Проектный план первой половины XIX в.

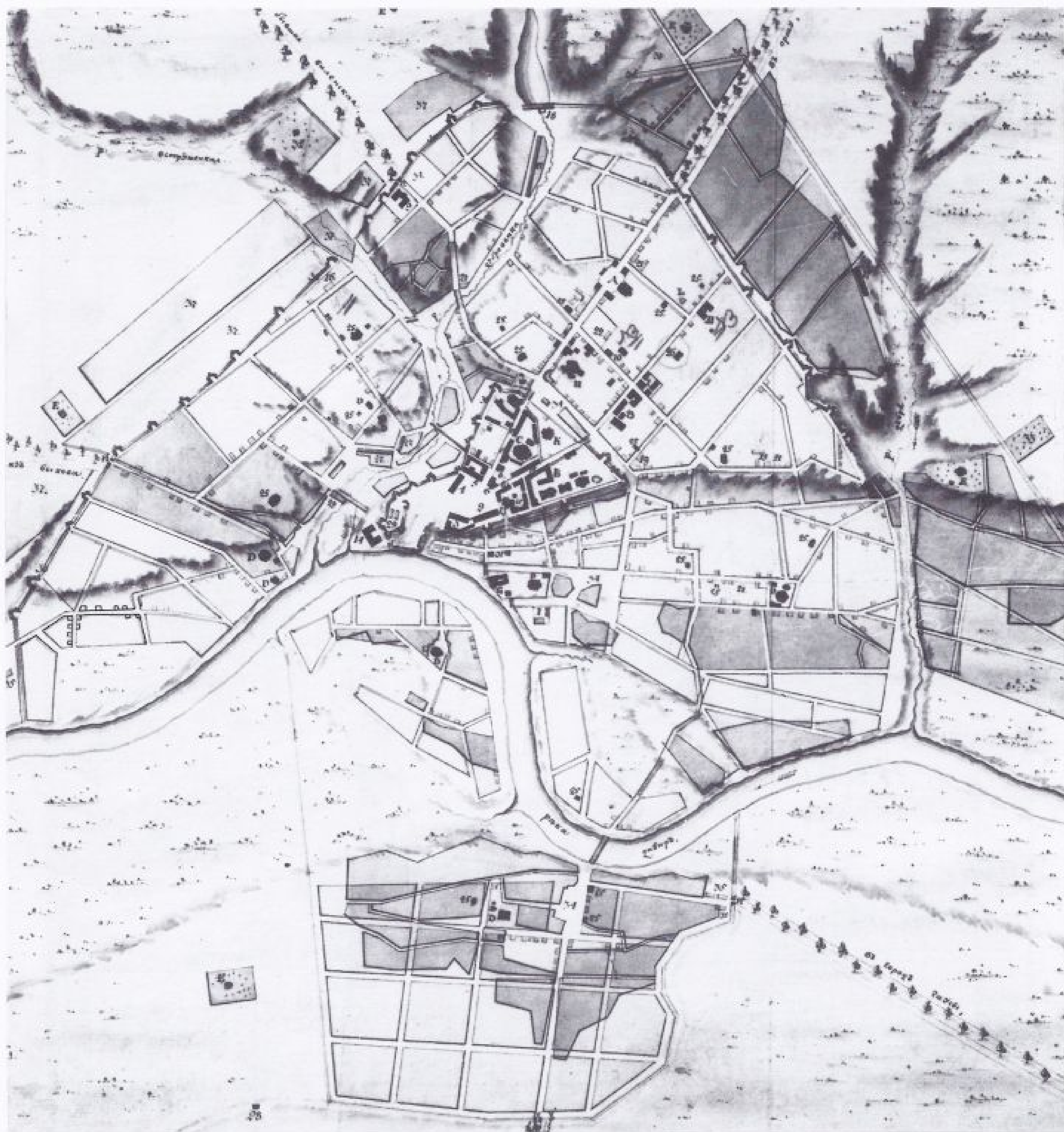

Рис. 104. Могилев. Проект перепланировки начала XIX в. (РГИА)

стоял из нескольких ландшафтно обособленных посадов, каждый со своим типом планировки, то и регулярная схема получила в каждом районе индивидуальную трактовку. Однако на разных территориях реализовано единство композиционно-планировочных приемов, обеспечивших свойственную классицизму целостность городской структуры. К ним относились: прямоугольная схема; примыкание друг к другу по-разному решенных систем взаимно перпендикулярных направлений; проектирование квадратной площади в качестве элемента общественного центра старого расширяемого района; компоновка подводящих к площади улиц в виде диагонально ориентированных на ее углы лучей и как ось симметрии площади.

Рис. 105. План Могилева середины XIX в. (ПСЗРИ): *А* — Нагорный посад (ранее — Старый город и Шкловский посад), *Б* — Задубровенский посад, *В* — Виленский посад, *Г* — Покровский посад, *Д* — Троицкий посад, *Е* — Луполово, *Ж* — территория замка; *1* — ратуша, 1679—1686, 1692, 1773 гг.; *2* — церковь Богоявления, 1633—1636 гг., XVIII в., 1850 г.; *3* — колокольня Богоявленского монастыря, 1657—1686, 1866 гг.; *4* — церковь Преображения Спаса, 1740—1748, 1756—1762 гг.; *5* — колокольня Спасо-Преображенского монастыря 1785 г.; *6* — здание присутственных мест (позже — губернского правления) 1778 г.; *7* — дом губернатора 1778 г.; *8* — дом вице-губернатора и советников 1770-х годов; *9* — здание суда, врачебной управы и архива 1770-х годов; *10* — костел св. Ксаверия (1699—1725, 1848 гг.) коллегиума иезуитов; *11* — костел св. Станислава (1738—1752, 1788 гг.) монастыря кармелитов; *12* — фарный костел св. Казимира, 1604, 1810 гг.; *13* — собор Иосифа 1780—1798 гг.; *14* — экзерциргауз, 1815—1831, 1846 гг.; *15* — костел св. Андрея (1687 г., XVIII в.) монастыря бернардинцев; *16* — церковь Покрова Богородицы конца XVII в.; *17* — храмовый ансамбль церкви св. Николая, 1669—1672, 1798 гг., XVII— XVIII вв.; *18* — церковь Св. Троицы второй половины XVII в.; *19* — церковь св. Петра и Павла второй половины XVII в.; *20* — церковь Успения 1670 г.

Во Взгорье веерный характер улиц был сохранен фрагментарно, только в пределах ранее существовавших укреплений. Прямоугольная планировка его остальной обширной территории складывалась из трех частей, обусловленных топографией местности. Ближайшая к центральной зоне часть отличалась крупномасштабными вытянутыми кварталами и находилась на довольно узкой полосе между Двиной и Витьбой до крутой излучины последней. Вторая часть по контрасту с первой имела мелкие кварталы, хотя территориальные резервы расширения селитьбы здесь были значительно больше. Третья часть на северо-восточной окраине за городским окопом, как и первая, характеризовалась крупными кварталами. На примыкании первой и второй частей размещалась обширная квадратная площадь — новый центр Взгорского посада.

Первая и вторая части Взгорья — пример планировочной композиции, сочетающей, с одной стороны, принцип жесткого порядка, подчиняющего себе ландшафт и существующую застройку, с дру-

гой — принцип живописности, создания контрастов и нюансов в их различных проявлениях. Упорядочивающее начало несут протяженные меридиональные магистрали, трассированные по всей территории района на равном расстоянии между собой. Формальное же обогащение достигается сопоставлением масштабов двух частей и размещением во второй части широтных улиц на разном удалении друг от друга с ритмом нарастания длины квартала к городской периферии. Эффект живописности усиливается прокладкой некоторых меридиональных магистралей не на всю длину посада, чем создаются большие нерасчлененные кварталы, контрастирующие с дробной разбивкой территории (см. рис. 39, 100).

В Задунавье сохранился однокоммуникационный тип средневековой структуры, получивший регулярную интерпретацию, — направление старой повторила новая прямолинейная улица, дополненная короткими поперечными направлениями. Прямоугольная планировка Заручавья обнаруживает те же, что и на Взгорье, живописные свойства. В ряду из пяти малых удлиненных кварталов вдоль протока Витьбы их ширины близки между собой, но одинаковы только в двух случаях. Меридиональный проспект трассирован не на всю длину района. Также прослеживается тенденция двухчастной организации посада. Как и во Взгорье, площадь проектируется в части, более удаленной от центральной зоны (см. рис. 39).

Трехчастное построение приобрело Задвинье, своеобразное благодаря примыканию под небольшим углом трех прямоугольных систем улиц. Эта планиметрическая композиция убеждает в профессиональном художественном мастерстве, присущем проектному решению. Трехчастность обу-

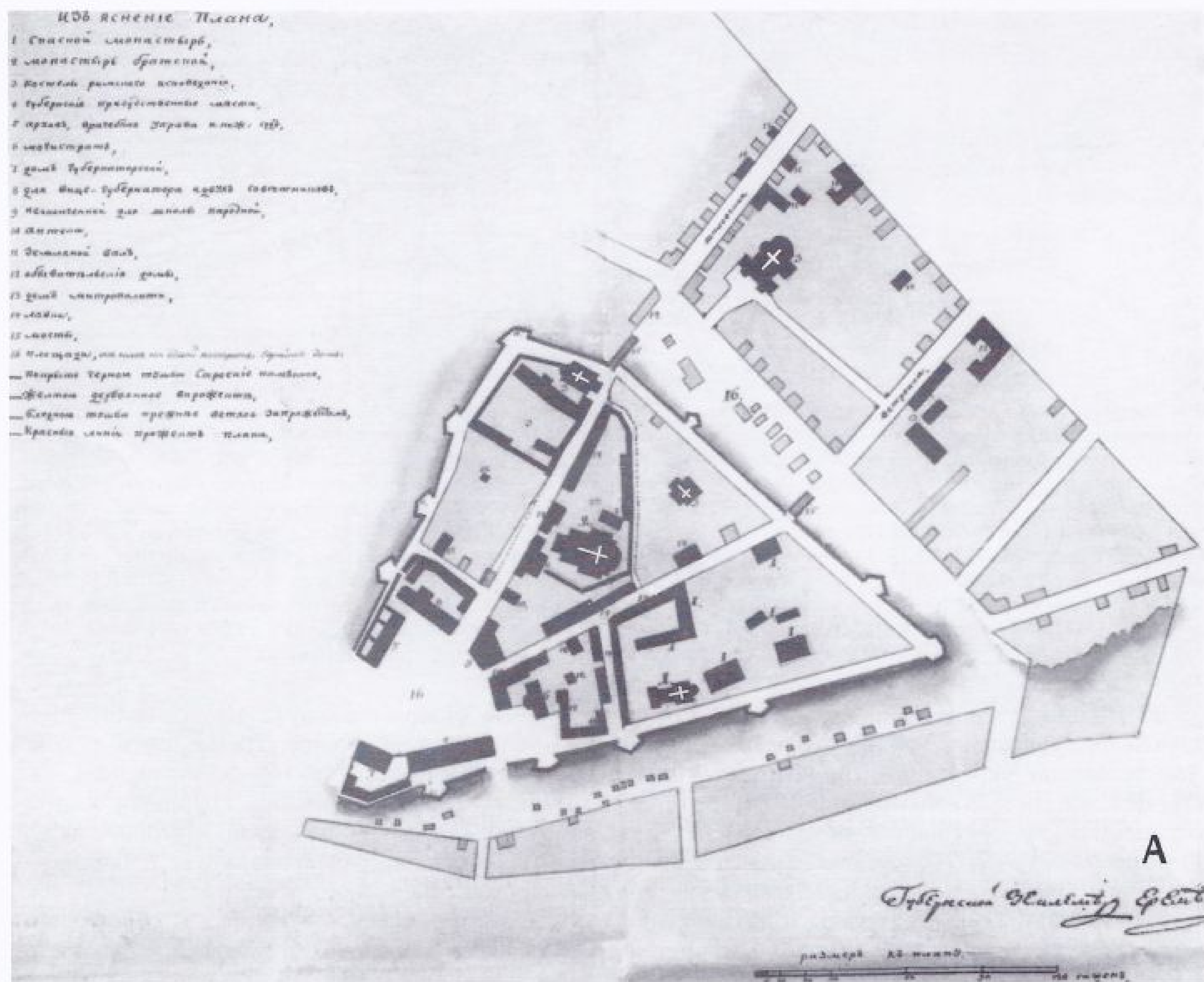

Рис. 106. Преобразование центральной зоны Могилева

словилась очертанием берега Двины и желанием зодчего создать семантическую связь Задвинского посада со структурой левобережья. Срединная часть заречного района разместилась точно напротив сложившейся на противоположном берегу системы ансамблей городского центра. Конфигурация срединной части расширялась к реке, композиционно охватывая их. Ограничивающие эту часть на севере и юге улицы ориентировались на крайние ансамбли центра. На оси северной улицы находились одновременно группа двух Спасских церквей и храм Иоанна Богослова, а на умозрительном продолжении южной улицы — тринитарский костел и, немного в стороне, Воскресенская Заручавская церковь.

Северная и южная части Задвинья сформированы напротив тех территорий соответственно Взгорского и Заручавского посадов, где проектировались их новые общественные центры. Выходящей к Двине трехчастной структуре левобережья (Взгорье — Верхний и Нижний замки — Заручавье) соответствовала спроектированная в генеральном плане также трехсоставная организация Задвинья, что послужило решением, нацеленным на осознание внутренней целостности города в процессе его восприятия. Срединная часть Задвинского посада включила старую готическую прямоугольную схему, к которой с севера и юга добавлено по одному ряду кварталов.

Живописность композиции Задвинья, как и других районов, имела разнообразные проявления. В срединной и южной частях полоса выходящих к Двине кварталов спроектирована значительной ширины, чем подчеркнута важность обращенных к реке комплексов, тогда как остальные кварталы по контрасту более узкие. Примечательно, что в северной части Задвинского посада применен тот же художественный прием, что и в расположенной напротив части Взгорья — ширина кварталов постепенно увеличивалась к периферии города, образуя ритмический ряд.

На примере Витебска, как и других белорусских городов, прослеживается закономерность, общая для европейского градостроительства, в том числе западных и центральных губерний Российской империи. Ярко и всеобъемлюще воплотился принцип постановки высотных доминант в завершении видовых перспектив вдоль оврагов, русел рек и ручьев, на замыкании улиц нерегулярных очертаний и заменивших их классицистических магистралей.

Особенности реконструкции и развития общественного центра Витебска в период регулярной перепланировки типичны для больших горо-

с ликвидацией части земляных укреплений. 1808 г. (РГИА)

Рис. 107. Вид на центр Могилева с запада. Рисунок XIX в.

Рис. 108. Могилев. Вид на ратушу и пойменную территорию Днепра с севера. Фото начала XX в. (БГАКФФД)

дов: использование общественных и капитальных жилых зданий как опорных элементов и свободное преобразование зон усадебной деревянной застройки; отсутствие кардинального видоизменения существующей структуры и ее преемственное развитие; территориальное расширение системы ансамблей; формирование новых центров городских районов в виде площадей или их групп; увеличение числа функционально-композиционных узлов в их сочетании с линейными звеньями. Из нескольких посадов рост структуры центра произошел в трех из них, выходящих на периферию, — Взгорском, Заручавском и Задвинском. Наибольшее развитие ансамблей отмечалось в Задвинье, где сформировано два новых пространственных узла, а во Взгорье и Заручавье — по одному. Созданные площади предназначались для «продажи разных съестных припасов» (план Витебска начала XIX в. — РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 260, л. 1). Классицистическая планировка взаимосвязанных ансамблей в каждом из районов была специфична. Реконструкция не снивелировала различия посадов, а усилила их. Это способствовало сложению индивидуального образа архитектурно-ландшафтной среды того или иного района.

Особенности структур посадских центров, в своем единстве формирующих общегородской центр, сводятся к следующему.

Во Взгорье и, частично, Нижнем замке создана линейная система четырех площадей, размещенных на протяженной оси — Петербургской улице большой ширины, переходящей в смоленскую дорогу и ставшей главной вместо Великой улицы. В срединной зоне центра общее пространство организовали три площади — ратушная, новая торговая к северу от нее и культово-административная возле коллегиума, создав ядро общегородского центра. Другую оконечность планировочной оси фиксировала самая крупная квадратная Смоленская площадь. Эта линейная система пересекалась короткими поперечными направлениями, которые завершались образовавшимися еще до реконструкции открытыми к Двине малыми площадями — у базилианского монастыря и Спасских церквей. Индивидуальные черты высотной композиции Взгорского и Нижнего замков — группировка большинства вертикалей на трех объединенных площадях ядра, закрепление доминантами малых площадей у Двины, создание поперечной оси, завершенной по концам храмами на берегах Двины и Витьбы.

Цепочка ансамблей Взгорья по принципу Т-образного пересечения примыкала к другому элементу городского центра — Великой улице Нижнего замка с ее продолжением в Задунавье. Эта также линейная система отличалась разнохарактерностью функционально-композиционных узлов, сложившихся до регулярной перепланировки: группой трех храмов, культово-административной площадью у иезуитского коллегиума, бездоминантной административной площадью и отдельными церквами.

Рис. 109. Могилев. Здание губернского правления и дом губернатора. Фото начала XX в. (БГАКФФД)

Особенности классицистического центра Заручавья: компактно сгруппированные кварталы с уличанскими храмами; открытая к ландшафту, сформировавшаяся до реконструкции малая площадь у женского базилианского монастыря, аналогичная площади возле монастыря базилиан во Взгорье; второй по размерам после Смоленского и также лишенный доминант квадратный Могилевский рынок.

В 1850-х годах центр Заручавья видоизменился. Могилевский рынок соединен напрямую с ансамблем ратушной, торговой и административно-культовой площадей за счет прокладки новой магистрали по территории кварталов, потребовавшей сооружения дамбы через овраг рукава Витьбы. Это мероприятие вызвано открытием в 1850 г. движения через Витебск по построенному Петербургско-Киевскому шоссе, а также в 1854 г. — Смоленскому шоссе [348, с. 28].

В Задвинье наметившаяся в XVIII в. крестоподобность структуры центра оформилась более отчетливо путем удлинения широтной оси, переходящей в дорогу на Полоцк. Существовавшие на этой оси композиционные узлы дополнены двумя торговыми площадями. Так, система ансамблей Задвинья в плане может быть представлена как крест, в котором параллельная Двине ветвь зафиксирована узлами на магистралях — хра-

Рис. 110. Могилев. Бывший костел иезуитов и застройка северо-западной стороны площади. Фото начала XX в. (БГАКФФД)

мами и другими общественными зданиями, а поперечная ось, также включающая цепь пространственных акцентов, характерна тремя площадями. Середина креста подчеркнута функционально и художественно двумя рядом стоящими храмами, тогда как в остальных случаях наблюдалось единичное размещение доминант.

Как упоминалось, специфичным приемом реконструкции служила особая компоновка абриса площади и подводящих улиц. Очевидно, в качестве задачи художественной программы планировщика следует расценивать то, что в городе не было площадей с одинаково решенным примыканием магистралей, а диагонально подходящие к углам или сторонам площади трассы всюду ориентировались под разными наклонами к стороне, чем достигалась живописность планиметрической композиции. Эффектной асимметрией в планировочной художественной ткани генерального плана обладала Полоцкая торговая площадь, что просматривается и ныне при натурном восприятии ее пространственного построения. Объединяющим же приемом решения площадей служило непременное наличие прямолинейной магистрали, пересекающей посередине противолежащие стороны квадратной площади. Индивидуальной для Витебска чертой регулярной перепланировки являлась также организация открытых к Двине малых прямоугольных удлиненных площадей, на которых у бровки прибрежного склона размещались доминанты.

В отличие от Витебска реконструкция другого крупного губернского центра восточной Беларуси — Могилева охватила преимущественно периферийные посады со средневековой структурой плана. Город принадлежал к секторно-мысовому типу, и в процессе исторического развития получил три пояса оборонительных сооружений. На клиновидном плато над поймой Днепра, возле р. Дубровенки сложилась центральная часть поселения. В эпоху готико-ренессансных регулярных преобразований, вероятно в первой половине XVII в., ее планировочная сеть видоизменилась в четыре радиальные улицы, сходящиеся к небольшому замку и торговой площади. С другой стороны они пересекли вторую линию укре-

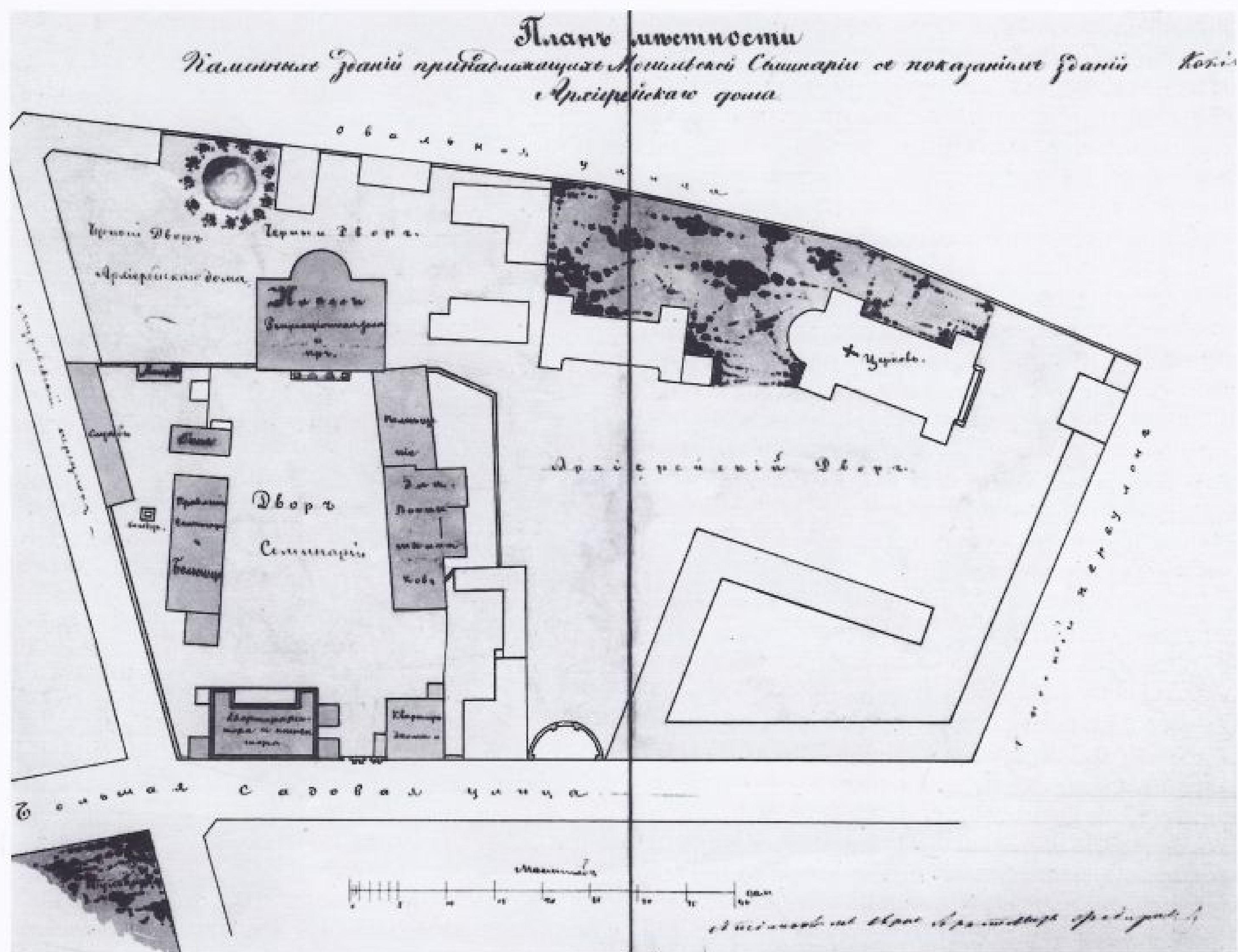

Рис. 111. Могилев. Комплекс построек духовной семинарии и резиденции архиерея в первой половине XIX в.

плений, ограничивавшую территорию так называемого Старого города, и выстроились в параллельные магистрали. Наличие правильной системы улиц центра сняло необходимость ее реконструкции в период классицизма. Кроме того, по данным фиксационного плана Могилева с прилегающими землями 1783 г. можно утверждать, что регулярную планировку XVII в. имела и полоса кварталов Задубровенского и Виленского посадов, прилегавшая к третьей линии укреплений (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 2163).

В результате классицистической реконструкции всего города сложилась ситуация, когда геометрически ясную композицию уличной сети имели только Нагорный посад и предместье Луполово с прямоугольной схемой. Регулярная планировка остальных посадов следовала особенностям рельефа, ранее существовавшей неправильной структуры и не отличалась художественной упорядоченностью.

Наиболее важным градостроительным достижением последней четверти XVIII — первой половины XIX в. служило создание системы ансамблей общественного центра. Его структуру, целенаправленно сформированную к середине столетия, можно представить в виде лучеобразной, или звездоподобной, схемы с преобладающим развитием комплексов в северо-восточном направлении. Как геометрическое ядро структуры трактовался участок замка на оконечности мыса и прилегающий к нему ансамбль главной, административно-культовой площади. Активнее, чем в других губернских городах, проявилась функционально-планировочная и композиционная роль основной магистрали (Шкловская улица, позже Днепровский проспект), причина чего заключалась не только в природных особенностях, но и в преемственном развитии классицизмом ранее заложенных урбанистических основ, свойственных Новому времени. На эту ось, сформированную ка-

питальной застройкой, были «нанизаны» ансамбли главной и двух других площадей, широко развернувшиеся в пространстве с интервалом 350–500 м. Они стали ведущими функциональными узлами и акцентными звеньями композиции центра. Не исключено, что тройственность элементов использована не случайно, а явилась воплощением теологической числовой символики.

Также от планировочного ядра исходил второй, дублирующий радиус, значение которого подчеркивалось сосредоточением вдоль него капитальных культовых, гражданских и репрезентативных жилых комплексов (Ветряная улица). Подчиненность по отношению к главной магистрали проявилась в отсутствии узловых общественных форумов. Оба проспекта объединялись композиционно важными поперечными улицами, основные из которых были проложены по трассам земляных укреплений.

Звездообразность схемы центра подкреплялась менее выраженным восточным лучом, отходившим от замкового холма по низкой прибрежной террасе. Планировочная конструкция этого луча, пересекающего территорию усадебной застройки, отличалась от вышерассмотренных коммуникаций Нагорного посада. К замку тяготела просторная торгово-культовая площадь перед церковью Покрова Богородицы и бернардинским костелом, служившая общественным центром Покровского посада. Двумя параллельными улицами она связывалась с храмовым ансамблем Николаевской церкви. Тем самым эта линейно-узловая структура, продолженная улицей на восток, делила посад пополам и трассировалась по касательной к излучине Днепра.

Веер основных функционально-композиционных лучей дополнялся южным заречным направлением. Оно фиксировалось Троицкой церковью и, далее, площадью перед Петропавловским храмом, которая служила торгово-культовым центром Луполовского предместья. Центростремительное схождение лучей с северо-востока, востока и юго-востока замыкалось геометрическим ядром структуры и, кроме того, композиционно останавливалось с западной стороны поперечно растянутым центром Задубровенского посада. Этот центр представлял собой торговую площадь на берегу Дубровенки у подножья прибрежных холмов. В районе площади размещался культовый комплекс Успенской церкви. Небольшой Виленский посад не имел планировочно организованного общественного центра.

Площади решались сугубо индивидуально и, вместе с тем, обладали единой характерной

Рис. 112. Могилев. Церковь Преображения Спаса. Фото 1930-х годов

чертой. Высотные доминанты, формировавшие застройку, располагались в некотором удалении от периметра площади, составляя второй план видовых картин при восприятии из внутреннего пространства форума. Главная площадь — барочно-классицистический ансамбль преобладающего административного и культового назначения. Принципы регулярности и учет ранее существовавшей ситуации обусловили многоугольную геометрически ясную, но асимметричную конфигурацию площади. Присутственные места, здания губернатора, вице-губернатора и советников, земского суда, врачебной управы и архива и другие сооружения были примерно одной высоты и образовали единый, упорядоченный силуэт застройки. С ним контрастировала примыкающая к площади с северо-востока группа пяти доминант, каждая из которых отличалась своеобразным барочным объемным и пластическим решением: ратуша, Богоявленский собор и Спасская церковь с колокольнями. Несмотря на удаленность от периметра площади Богоявленского и Спасского храмов, их архитектурные массы и деталировка хорошо обозревались с форума. Меньше было компози-

Рис. 113. Чериков. Проект перепланировки 1778 г. (РГВИА)

ционное влияние также отчасти видных иезуитских и фарного костелов, входивших в застройку соседней культовой площади. Асимметрия композиции ансамбля, пространственно обращенного к замку, Днепру и низкой правобережной местности, корреспондировалась с ее динамичной неравновесностью, средоточием вертикалей со стороны, противоположной зрительному раскрытию.

Вторая по градостроительному значению, прямоугольная площадь на пересечении Шкловской улицы и трассы ликвидированных валов и рвов формировалась иезуитским, фарным, кармелитским костелами и деревянной Воскресенской церковью (разобрана к середине XIX в.). В отличие от главной контур этой площади имел разреженную фоновую застройку, а вторым планом восприятия служили высотные сооружения. В композиции в целом наблюдалась тенденция равновесия, образуемого пространственным четырехугольником доминант.

Третье звено системы ансамблей в конце XVIII в. — симметричная овальная площадь перед классицистическим Иосифским собором. Пересечение взаимно перпендикулярных планировочных осей этого крестовокупольного храма дополнялось крестоподобным пересечением пространственных осей площади. Строго напротив главного фасада собора разместилась мемориальная арка. В продольном же направлении ось площади подчеркивалась трассой Шкловского проспекта, а также симметрично поставленными близкими по архитектуре павильонами по концам изогнутых оград со стороны храма и со стороны арки. Позже площадь расширилась за счет приращения прямоугольного пространства вдоль ампирного корпуса экзерциргауза, в связи с чем возник эффект «перетекания» пространств. Манеж

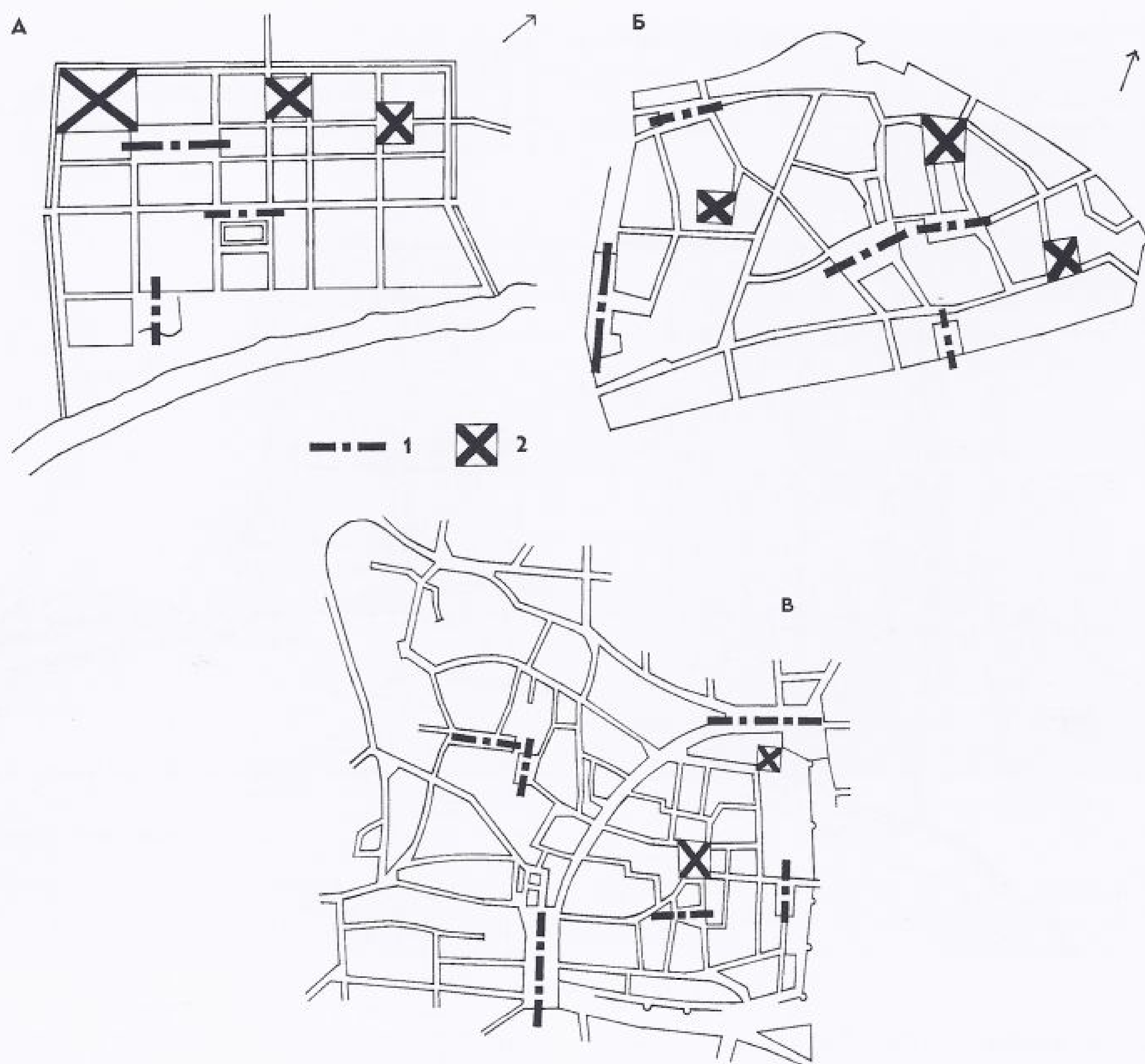

Рис. 114. Схемы планов Черикова (*А*), Братиславы (*Б*), Наумбурга (*В*): *1* — продольные оси площадей удлиненной конфигурации; *2* — общественные пространства квадратной конфигурации

разместился по диагонали от собора, протяженным спокойным объемом организовав художественную антитезу более высокой центричной массе храма. Как и на других площадях, в композиции видоизмененного ансамбля наблюдалась тенденция смещения доминанты от срединной, визуально наиболее активной зоны.

Единству структуры города способствовала общность решения центров Покровского и Луполовского посадов — на незначительном расстоянии от коротких сторон прямоугольников площадей располагались группы из двух-трех храмовых строений. Площадь перед бернардинским костелом и Покровской церковью сужалась к ним, что было известным приемом, зрительно удлиняющим площадь и возвеличивающим объемы при восприятии с противоположной стороны.

Могилев эпохи классицизма свидетельствует о распространении приемов иллюзорного изменения масштаба пространств. Как и в случае площади Покровского посада, заужался двор семинарии при Спасском монастыре. Ее главный корпус с четырехколонным портиком размещался на короткой стороне трапециевидного двора, являясь доминантой группы построек. С улицы Ветряной (позже Большая Садовая) по длинному основанию трапеции во двор осуществлялся вход, откуда вид на главный корпус фланкировался слева и справа протяженными зданиями. Реальная перспектива усиливалась схождением боковых сто-

рон двора, в связи с чем последний казался длиннее, а основной корпус — больше своих действительных размеров. В квартале, занимаемом Спасским монастырем, применен и обратный визуальный эффект. Примыкающий к семинарии двор перед резиденцией православного архиепископа также в основной части был трапециевидным, однако расширялся по направлению к дворцу. При попадании с Ветряной улицы на эту внутриквартальную территорию открывалась обратная перспектива. Благодаря ей расстояние до резиденции иллюзорно уменьшалось, а сам дворец казался выдвинутым к зрителю. Так, размещенные рядом входы в семинарский и архиерейский дворы создали игру пространственных впечатлений, организовали внутри квартала своего рода сценический театральный эффект, иллюзию разноудаленных доминант, хотя расстояние до них было одинаковым.

Несмотря на естественные различия, нельзя не отметить структурную близость между Могилевом и Москвой, что свидетельствует об общности белорусской и русской градостроительных культур. Как и в Москве, городе секторно-мысового типа, укрепленное ядро сформировалось в крутой излучине большой реки на ее северном берегу при впадении малого притока. Территория подола северного берега напоминает подол у Боровицкого холма, хотя последний ниже приднепровского плато. Наподобие московского кремля, но с иной конструкцией укреплений Старый город Могилева с замком на оконечности мыса имел конфигурацию почти равностороннего треугольника, приближаясь к кремлю также по длине сторон (около 500 м). С северо-востока от Старого города, за оборонительной стеной было создано удлиненное свободное «стратегическое» пространство со рвом, позже занятое бульваром и кварталом застройки, напоминающее по местоположению и очертаниям Красную площадь. Перечисленные черты иллюстрируют единство изначальных градостроительных принципов, на которое, возможно, определенное влияние оказало вхождение Могилева в 1496—1538 гг. в Московское княжество [22, с. 273].

В Могилевской губернии особый интерес представляют художественные подходы к реконструкции малых городов. Ее результаты явились существенным вкладом в развитие архитектуры края. Рассмотрим градостроительные структуры нескольких наиболее примечательных поселений.

Чериков относится к населенным местам с прямоугольной схемой улиц и в целом прямоугольным планом. По степени преемственности при реконструкции ранее существовавшей планировки этот город принадлежит к поселениям, где сохранился общий характер структуры, направления или непосредственно трассировка основных улиц, место главной площади. Наиболее трансформировалась конфигурация плана, преобразованная из клиновидной в ортогональную.

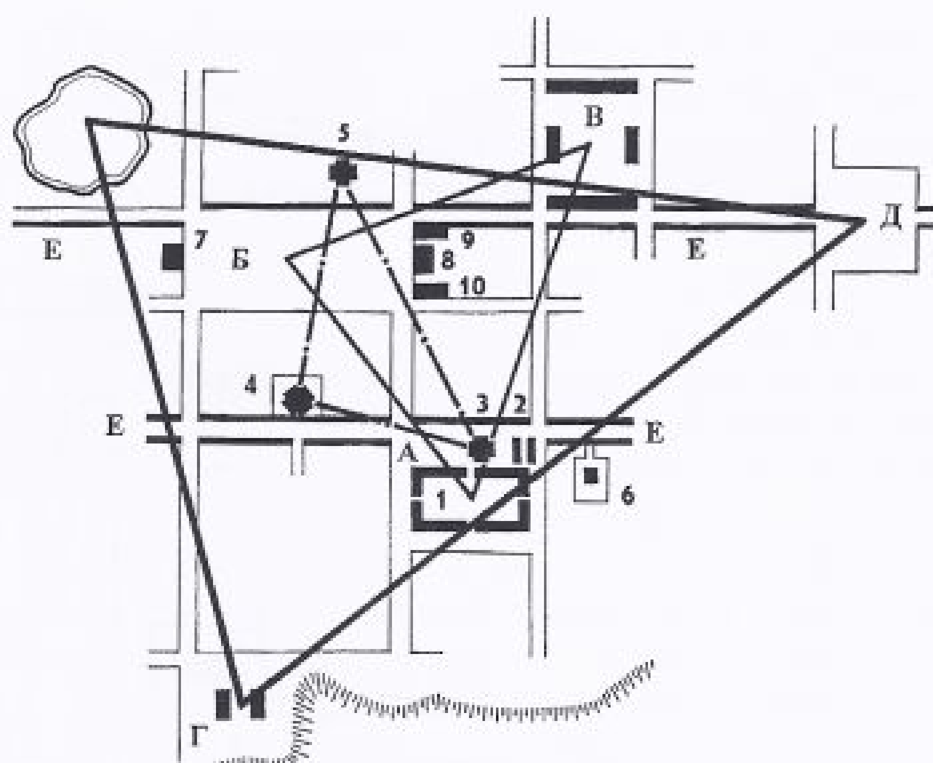

Рис. 115. Чериков. Общественный центр в конце XVIII — начале XIX в. (реконструкция автора). Анализ особенностей градостроительной композиции. Площади: *А* — главная, торгово-культовая, *Б* — административно-культовая, *В* — для хлебных и мясных торговых рядов, соляного магазина и гауптвахты, *Г* — для цейхгауза и хлебного магазина, *Д* — для продажи сена и дров; *Е* — основные магистрали; *1* — гостиный двор, *2* — торговые ряды, *3* — собор Покрова Богородицы, *4* — церковь Св. Троицы, *5* — костел Покрова Богородицы, *6* — синагога, *7* — присутственные места, *8* — уездное казначейство, *9* — дом городничего, *10* — флигель. Линии иллюстрируют композиционное равновесие по треугольной схеме общественных пространств (═), высотных доминант (−·−)

В искусстве регулярного градостроения Поднепровья последней четверти XVII — первой половины XIX в. композиция Черикова демонстрирует, во-первых, творческое многообразие при формировании планировочных схем, благотворность отхода от общепринятых в географическом ареале образцов, во-вторых, множественность романтических исканий в канонических рамках градостроительного языка классицизма.

Если большинство городских планов было симметричным относительно одной или двух осей, то здесь художественное построение отличалось экспрессивной асимметрией, продуманной в аспекте гармоничного, уравновешенного соотношения открытых пространств площадей и массивов кварталов застройки. Завершенность,

Рис. 116. Чечерск. План конца XVIII в. (реконструкция автора). Метрологический и композиционный анализы: *1* — ратуша, *2* — дворец З. Г. Чернышева, *3* — костел Св. Троицы, *4* — церковь Рождества Богородицы, *5* — церковь Преображения, *6* — церковь Вознесения, *7* — торговые ряды; *I* — видовые точки (*Б, Е, Ж*), *II* — видовые точки и углы обозрения из них доминант (*А, В, Г, Д, З*), *III, IV* — прямые и окружность, на которых размещены доминанты

а с другой стороны, живописность планиметрической композиции достигались сочетанием пяти разнохарактерных, неповторяющихся площадей при малой территории города, чрезвычайным многообразием размеров и пропорций прямоугольных кварталов, измельчающихся в центральной зоне, а также редким для уездных и заштатных поселений включением водоема изогнутого абриса в композицию из ортогональных элементов. Парадоксально, что в границах декоративного вала и рва вокруг города из 23 застроенных кварталов было только два одинаковых.

О ретроспективном романтизме пространственной организации Черикова говорит ассоциативная связь с источниками заимствования. Ими служили средневековые нерегулярные планировочные структуры западно- и центральноевропейских городов, обнесенных поясом укреплений и имеющих внутри него плотную застройку и нескольких рассредоточенных по территории площадей, образовавшихся в соответствии с многими градоформирующими факторами. Наблюдается сходство с Братиславой [108, рис. 144а], Наумбургом [66, т. 1, с. 159], Вюрцбургом и Ротенбургом [650, рис. II, IV]. При этом примечательно сочетание квадратных и по-разному ориентированных удлиненных площадей. Преемственность очевидна не в типе градостроительной формы, а в ее образном ощущении, в путях достижения художественного результата. Основой классицистических вариаций могло служить и региональное наследие.

Ассоциативное подобие подтверждается приемом увеличения кварталов от центра к периферии в продольном и поперечном направлениях. Эта типичная для средневековья особенность не свойственна ренессансным и барочным структурам региона. Использовано также примыкание углом двух прямоугольных площадей, что характерно для иррегулярной и правильной готической планировки [66, т. 1, с. 148, 154, 171; 169, с. 78, 117]. Нацеленность романтического подхода на освоение западных градостроительных образцов усматривается и в формировании по документу 1778 г. всех площадей в виде замкнутых пространственных композиций. Лишь по проекту начала XIX в. организована открытая к реке площадь с цейхгаузом и хлебным магазином.

Принципы организации общественного центра подтверждают мастерство автора классицистической планировки. Для условий малого города структура центра сложна и содержательна в функциональном и эстетическом отношениях, а с другой стороны, характеризовалась четкой взаимосвязью компонентов и ясностью ориентации. Основу ее составляли пять упоминавшихся площадей разного назначения с индивидуальным архитектурным решением, а воплощение идеи их своеобразия было едва ли не главной задачей зодчего. Города аналогичной величины, как и более крупные, имели главные в идейно-смысловом, утилитарном и художественном аспектах площадь и улицу. В Черикове наблюдается определенная двойственность: две площади, конкурирующие по градостроительной роли, и две коммуникации, наиболее важные по составу застройки и в качестве связей. В процессе визуального потребления это иллюзорно укрупняло город, возвеличивало его в сознании жителей.

Действительно, исторически сложившаяся культово-торговая площадь, главная в старом «готическом» поселении, претерпела незначительные изменения при реконструкции и формировалась Покровским собором, старыми торговыми рядами и огромным новым гостиным двором. Не менее представительной была административная площадь бóльших размеров, запроектированная на свободной территории на удалении квартала от исторической. Ее регулярная застройка отражала значимость нового общественно-политического устройства, представляя важный этап в развитии города. На продольной оси площади, по ее коротким сторонам симметрично размещались двухэтажные корпуса присутственных мест и уездного казначейства (сохранились к настоящему времени). По бокам от здания казначейства находились дом городничего и флигель, а со двора вся группа была обнесена каменной оградой. Пространственное решение площади дополнялось двумя вертикалями — старой Троицкой церковью и костелом конца XVIII — начала XIX в., расположенными на некотором удалении от длинных сторон площади.

Равнозначны, как представляется по картографическим документам, были две основные магистрали одинаковой длины. Одна из них совпадала с главной осью доклассицистической структуры, примыкая к исторически сложившейся площади; на нее выходили Троицкая церковь и синагога. Другая, Смоленская улица соединяла водоем в западном углу города (существует и поныне) и новые площади: административную; торговую с хлебными и мясными рядами, соляным магазином и гауптвахтой; торговую для продажи сена и дров.

Художественная изощренность и неординарность планировочной композиции, возводящие ее

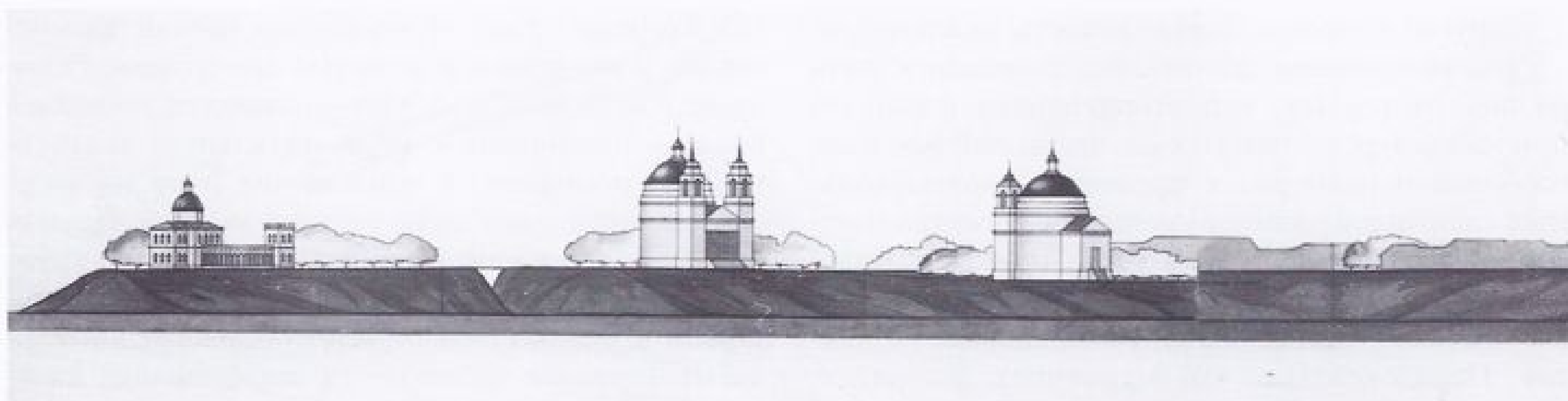

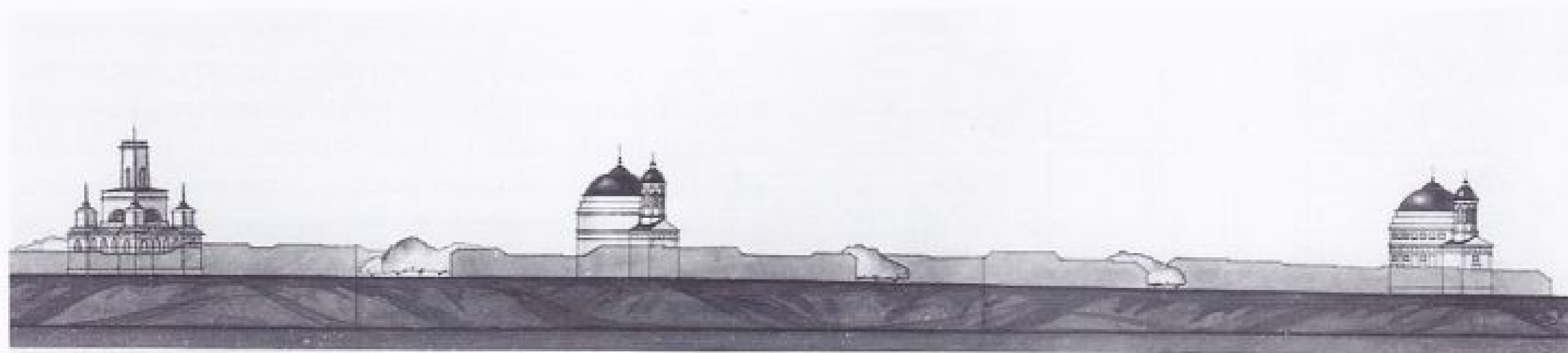
Рис. 117. Панорама Чечерска в первой

в ранг произведения градостроительного искусства, подтверждаются другими обстоятельствами. Оперируя стереотипами классицизма, зодчий уделял повышенное внимание обогащению восприятия городской среды при организации осевых перспектив, тщательно избегая улиц-коридоров. Все магистрали имели боковое визуальное раскрытие на площадь или другое незастроенное пространство. При перемещении по проспекту открытые пространства по обе стороны от него уравновешенно чередовались. В других случаях восприятие в движении оживлялось лишь одним таким пространством. Примыкание площадей к улице одной из сторон так, что протяженная коммуникация проходила по краю нескольких форумов, ассоциировалось, вместе с другими особенностями, со средневековыми структурами.

Ритм по принципу поэтапного наращивания архитектурной выразительности образовала система свободных пространств вдоль Смоленской улицы. Въезд в город фиксировался квадратной площадью на оси магистрали. По мере следования с правой стороны открывалась торговая площадь несколько больших размеров и с усложненным составом застройки. Тема общественного форума получала дальнейшее развитие слева от планировочной оси, где в процессе движения раскрывалось крупномасштабное пространство, фланкируемое культовыми вертикалями и представительными административными зданиями. При последующем перемещении справа открывался прямоугольный участок с прудом, соединенный углом с административной площадью. Далее движение по оси не предусматривалось в связи с отсутствием примыкания здесь межселенных дорог. Так, площадь вместе с регулярным ландшафтным пространством служила конечным пунктом, завершающим звеном в системе последовательно воспринимающихся комплексов.

В композиции города заложена идея равновесия свободных от застройки, регулярно организованных общественных пространств. Эта живописная уравновешенность, легко читаемая в плане и постепенно осознаваемая в процессе ориентации в городской среде, осуществлялась по треугольной схеме. Историческая культово-торговая, административная площади и рынок с хлебными и мясными рядами образовали треугольник, который охватывался более крупной, также треугольной схемой композиционно равновесных пространств: площадью на месте древнего замка, прудом, дровяной и сенной площадью. Градостроительные элементы иной природы — христианские храмы подчинялись тому же принципу, организуя наименьший внутренний треугольник (синагога, будучи общественно значимым зданием, не являлась высотным акцентом в пространстве города). Эти формальные качества характеризуют пластическую идею планировочного решения и художественный вкус зодчего, отдававшего предпочтение свойственным русской архитектуре уравновешенным асимметричным построениям. В теологическом отношении созданную композицию можно расценивать как сакрализацию городской структуры применением священного числа три, связанного с образом Св. Троицы. Своим расположением элементы формировали умозрительные треугольные конструкции, а количество таких фигур также равнялось трем.

В отличие от средневекового ренессансное направление романтизма представлено в Чечерске. В ранее выполненных исследованиях города отмечена только общая идея градостроительной структуры и некоторые особенности архитектурного облика важнейших сооружений. Приведенные реконструкции планировки Чечерска характеризуются условностью и отсутствием детализации [144, 490]. Учитывая ценность пространственного построения города как целостного проявления эстетики классицизма, автором впервые разработана графически точная реконструкция планировки Чечерска на конец XVIII в., выявлены ее метро-

половине XIX в. (реконструкция)

логические и формальные особенности, заложенные в генеральный план принципы организации видовых картин.

Основой реконструкции служили: письменные источники; схематичный план Чечерска 1915 г. (НИАБ, ф. 3030, оп. 1, д. 20, л. 1. «План местечка Чечерска Рогачевского уезда Могилевской губернии, Аннопольского и Захарпольского фольварков, урочища Тростянец, имение гр. Безобразовой, 1915 г.»); современная геодезическая съемка территории (М 1:5000, 1:2000, 1:1000, 1:500); историко-архитектурный опорный план города и материалы фотофиксации [178]; планы утраченных и сохранившихся построек; планы других малых городов Могилевской губернии конца XVIII — начала XIX в., учтенные в качестве аналогов формообразования.

Первоосновой Чечерска был детинец X в. на оконечности клинообразного надпойменного плато, на холме, поблизости от слияния рек Чечеры и Сожа. Окольный город в XI в. занимал около 2 га. В последующие столетия замок на месте детинца (0,5 га), возвышавшийся над поймой на 14 м, со стороны приступа был окружен рвом шириной 20—25 м, через который перебрасывался мост к надвратной башне. Укрепления замка включали земляной вал с деревянной стеной и семь башен.

С 1510 г. Чечерск — центр староства с правом самоуправления. В XVI—XVIII вв. примыкавшая к замку застроенная территория была обнесена стеной с Великой и Подольной брамами. Возможно, учитывая клиновидные очертания плато, планировочная сеть имела веерно-дуговой характер. В инвентаре 1726 г. приведено типичное описание улиц средневековой структуры.

1. Улица от Замковой брамы (т. е. проезжей башни замка. — *Ю. Ч.*) до Великой брамы; здесь находился костел Св. Троицы, 11 домов христианских, 5 еврейских, 2 дома священника Николаевской церкви, корчма … на рынке и 3 лавки.

2. Улица от церкви св. Спаса до острога с 16 домами христианскими и одним — священника Спасской церкви.

3. Улица от Подольной брамы с 26 домами христианскими и двумя — священников Пречистенской церкви.

4. Улица от Пречистенской церкви до еврейской школы с 9 христианскими домами и земельным участком еврейской школы.

5. Улица от Никольской до Воскресенской церкви с 11 христианскими домами, двумя участками священников этих церквей и одним свободным участком.

6. Улица около острога с 25 домами христиан.

7. Улица «Новые плацы» за острогом; здесь находилось 10 домов христианских … [437, с. 153].

В 1774 г. город (с 1777 г. — местечко) пожалован Екатериной II первому наместнику края, генерал-губернатору графу З. Г. Чернышеву, что послужило причиной развития градостроительной деятельности. Чечерск был коренным образом перепланирован с формированием прямоугольной системы улиц, строительством дворца графа на месте замка (1787 г.), ратуши на главной площади (1780 г.), церквей Рождества Богородицы (1787 г.), Спасо-Преображенской (1779 г.) и Вознесения Господня (1783 г.), нового костела Св. Троицы на месте старого (1784 г.).

К настоящему времени классицистическая планировка Чечерска сохранилась плохо. На отдельных участках утрачена квартальная структура, некоторые улицы расширены, линии застройки существенно изменились. Территория бывшей торговой площади на три четверти застроена, остальная часть используется как центральная городская площадь. Из сооружений периода классицизма сохранились только ратуша и Преображенская церковь.

Специфика классицистической структуры обусловилась клиновидной формой плато, мыс которого фиксировался замковым холмом, а кромки

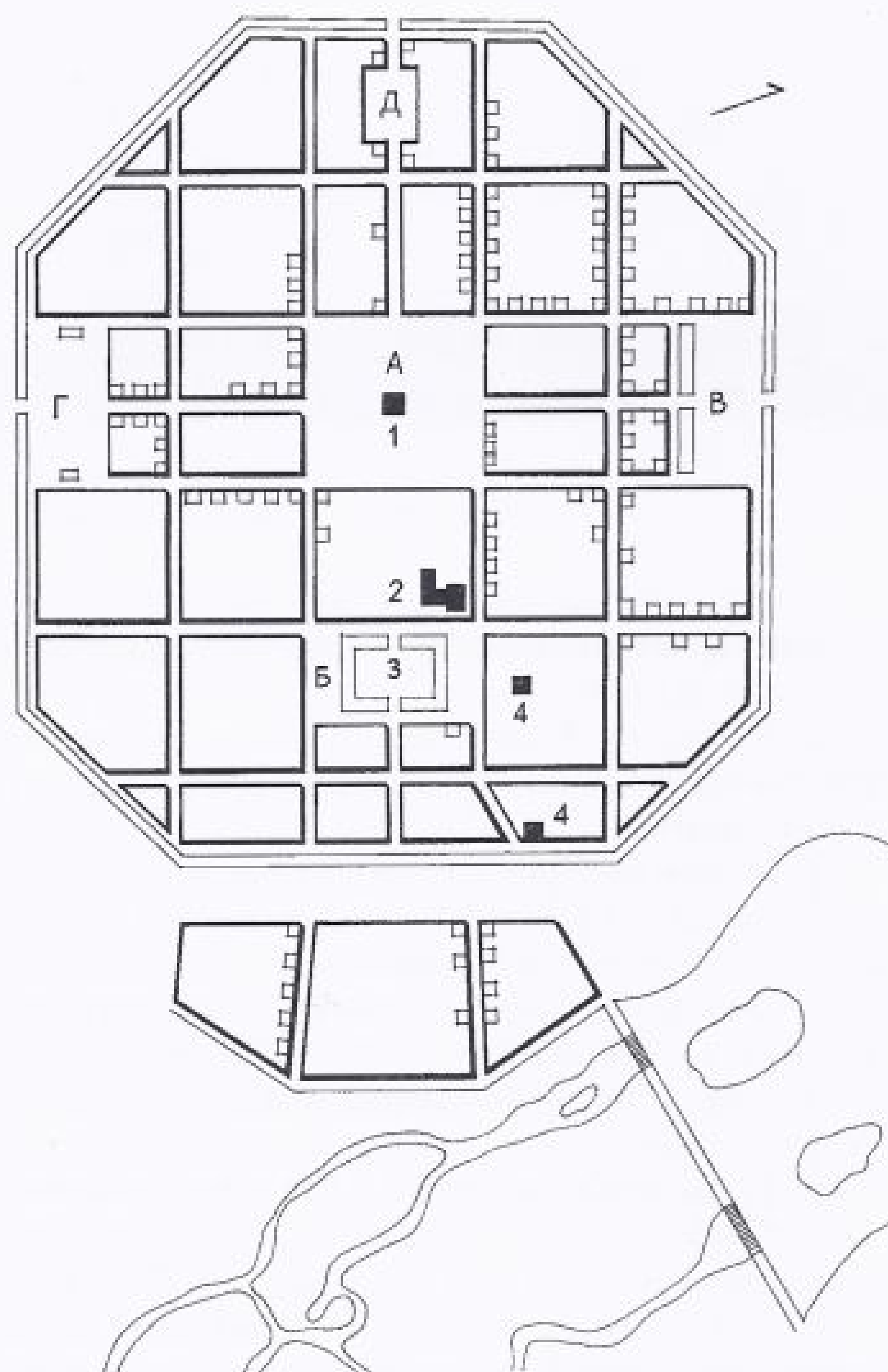

Рис. 118. Чаусы. Проектный план начала XIX в. (по документу РГИА): *А* — главная площадь, *Б* — исторически сложившаяся торгово-культовая площадь, *В* — хлебный и мясной рынок, *Г* — соляной рынок, *Д* — площадь при въезде в город; *1* — ратуша, *2* — монастырь кармелитов, *3* — гостиный двор, *4* — православные церкви

с почти правильными очертаниями сходились под углом 90°. Основная часть города, представлявшая собой прямоугольник со скошенными углами размером 332×274 саж., расчленялась в меридиональном направлении пятью улицами и в широтном — шестью. Посередине, на месте четырех кварталов создана площадь огромных для малого поселения размеров — 142×138 саж. (302,5×294 м, 1 русская сажень = 2,13 м). Центр ее занимала ратуша с центричным ступенчатым объемом и одинаковыми фасадами. Документально не установлено, выполняло ли это здание функцию, для которой первоначально предназначалось. В 1863 г. в нем находилась сельская школа [178, с. 16, 67], в 1884 г. — аптека [119, кн. 2, с. 124].

По периметру площади симметрично стояли Г-образные корпуса торговых рядов, включавшие 76 лавок [85, с. 60]. Величина площади свидетельствовала о претенциозности и больших материальных возможностях владельца имения, профессионализме зодчего, предпринявшего попытку организовать объемами столь обширное архитектурное пространство. Форум превосходил в размерах периметра даже такие уникальные ансамбли, как Театральная площадь в Москве (265×177 м), площади св. Петра в Риме и Согласия в Париже [66, т. 1, с. 462].

Градоформирующее значение принадлежало двум планировочным осям, фиксируемым улицами и образующим крест с ратушей посредине. На северной оконечности главной, меридиональной оси, на месте детинца размещался дворец З. Г. Чернышева. Эта ось фланкировалась двумя парами культовых доминант, имевших композицию в виде ротонды с куполом и притвором. При въезде в город с юга два храма были симметрично удалены от оси на расстояние квартала и находились на малых квадратных площадях. Интервал между другими двумя доминантами на квадратной площади вблизи дворца был значительно уменьшен так, что они создали перед ним своеобразные пропилеи.

Метрологический анализ планировки позволил установить, что все улицы спроектированы шириной 10 саж., равной протяженности фасада главного городского здания — ратуши. Кварталы также имели одинаковую ширину — 54 саж., а длина их в направлении с юга на север варьировалась: 56, 54, 56, 56 и 42 саж. Так, система прямоугольных ячеек была лишена свойственного некоторым городам однообразия, а уменьшение длины квартала до 42 саж. при приближении к дворцу и пропилеям в виде двух храмов представляется композиционно оправданным. Расстояние между этими доминантами также составляло 42 саж. Мастерское придание живописных качеств планировочной композиции, основанной на ортогональных формах, выразилось и в применении приема «живого» квадрата главной площади, имеющей близкие между собой размеры сторон с отношением 1:1,029. Такой прием в разных проявлениях известен в градостроительном искусстве. Например, отношение длины и ширины рыночной площади средневекового Львова приближалось к $2:\sqrt{5}$ [330, с. 137].

Протяженность фасада ратуши трактовалась как планировочный модуль, заложенный в ширину улиц и длину стороны трех одинаковых

Рис. 119. Чаусы. Проект перепланировки начала XIX в. (РГИА)

квадратных культовых площадей, равную утроенному модулю. Оригинальным приемом служил поворот сторон площадей перед Преображенской и Вознесенской церквами на 45°. Также под 45° скошены два угла городского плана. Очевидно, в видении автора планировочного решения это логично обусловилось схождением кромок надпойменной террасы под прямым углом. Художественная обоснованность и взаимосвязь элементов пространственной композиции проявилась и в ориентации на дворец коротких улиц на указанных углах городского плана.

Модулю равнялась длина Преображенского и Вознесенского храмов, фасадные проекции которых точно вписывались в ширину подводящих к площадям меридиональных улиц. Расстояние в один модуль было между северной периферийной улицей и продольными осями Рождественской церкви и Троицкого костела. Принципы модульности и общности размеров отдельных компонентов планировки дополнялись кратностью 2 саженям всех достоверно известных размеров членения территории. Этому соответствовали и размеры в плане основных сооружений. Ширины всех храмов составляли 8 саж. Такой же интервал был между главным фасадом и поперечной осью ротонды Троицкого костела и Рождественской церкви.

В конце XVIII в. городская структура включала элементы природного ландшафта. Регулярные липовые аллеи, устроенные по периметру площади и вдоль улиц [119, кн. 2, с. 124], уси-

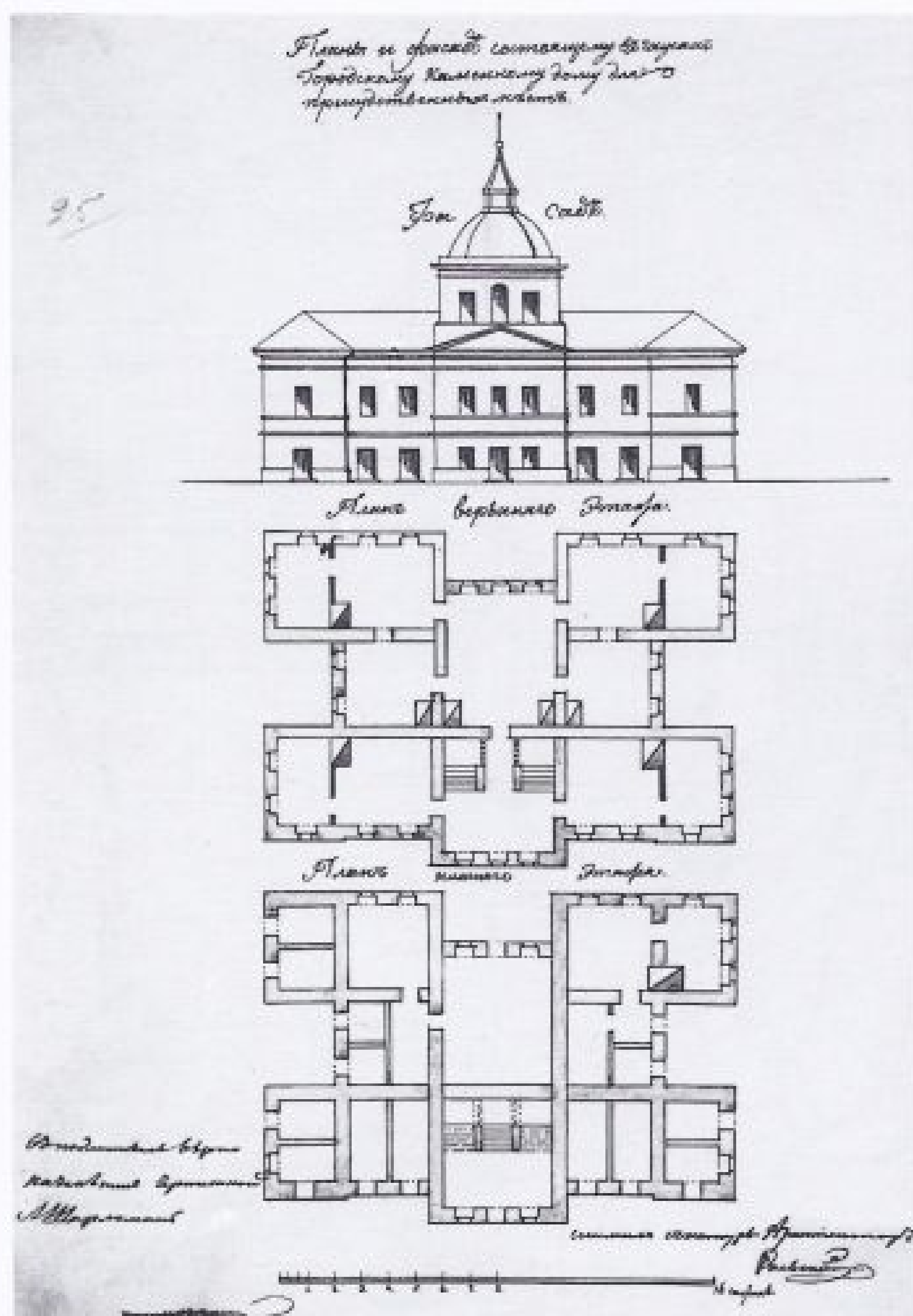

Рис. 120. Чаусы. Ратуша. Чертежи первой половины XIX в. (РГИА)

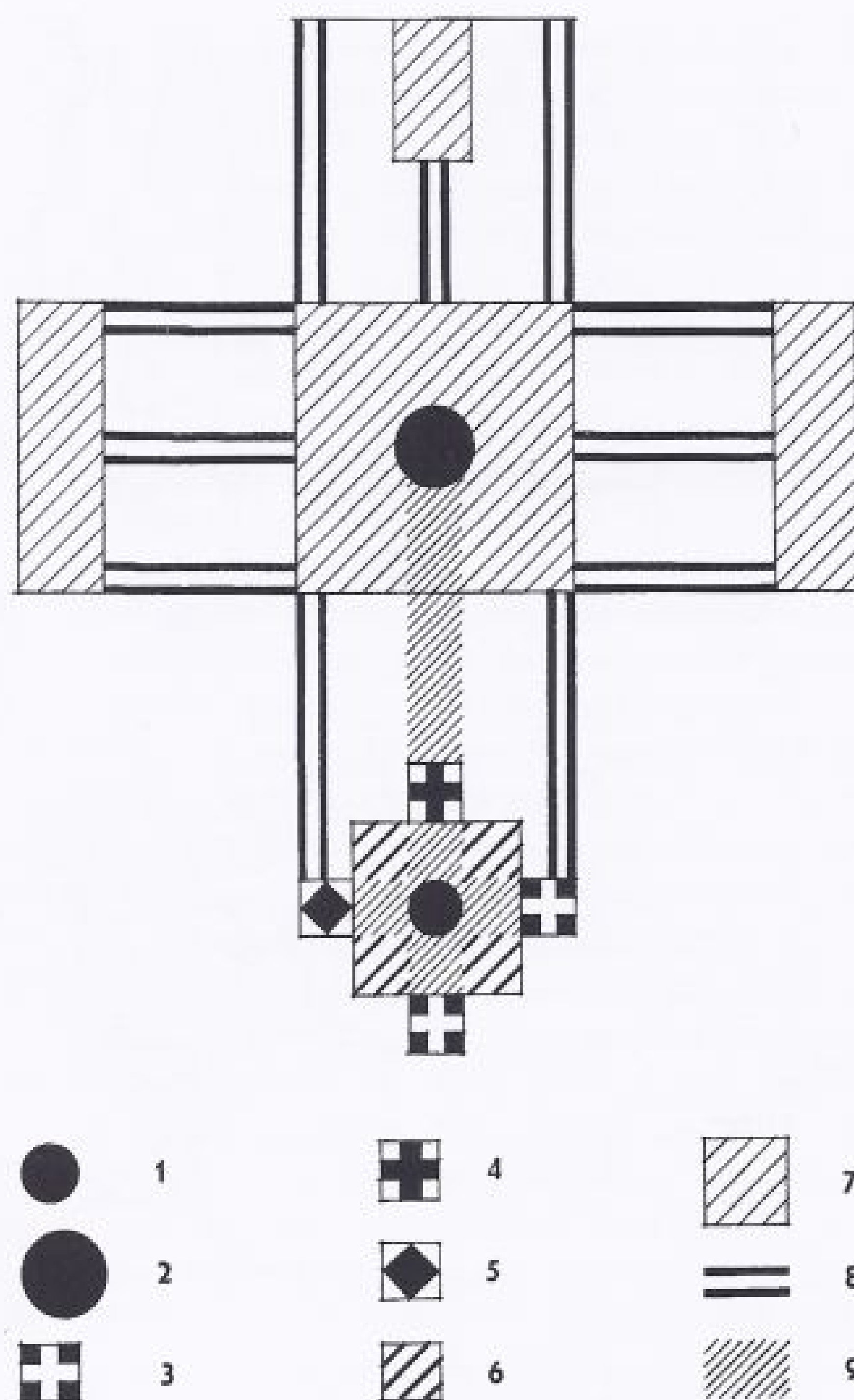

Рис. 121. Идеализированная схема развития общественного центра Чаус в конце XVIII — первой половине XIX в.: *1* — административный центр (ратуша) в XVII—XVIII вв.; *2* — административный центр (ратуша) в конце XVIII—XIX в.; *3* — культовые православные центры (приходские церкви); *4* — культовый католический центр (кармелитский монастырь); *5* — иудаистский культово-учебный центр (синагога); *6* — территория площади XVII— XVIII вв. административного, торгового и культового назначения; *7* — территории площадей конца XVIII—XIX в. преимущественно торговой функции; *8* — основные магистрали; *9* — семантические и пространственные связи

ливали прямолинейность видовых перспектив, подчеркивали организующее планировочное начало. По контрасту с ними со стороны наиболее живописного склона к р. Чечере по инициативе З. Г. Чернышева посажен парк пейзажного типа, примкнувший к городу с северо-востока.

Размещение Чечерска на высоком плато, равнинная местность, малые размеры местечка, одноэтажная массовая застройка обусловили эффектную роль высотных архитектурных доминант. Их размещение в плане поселения подчинялось лаконичной идее: Преображенский и Троицкий храмы с запада от главной планировочной оси и церкви Вознесенская и Рождества Богородицы с востока определяли умозрительные прямые, ориентированные на резиденцию графа. Дворец фиксировал вершину угла, на сторонах которого лежали культовые сооружения, а на биссектрисе — ратуша. Кроме того, храмы находились на окружности, центром которой служила середина главного фасада здания магистрата, обращенного на юг, в сторону основного подъезда от Гомеля.

Ратуша в стиле классицизма носила черты ложной готики и имела пять деревянных башен — четыре малых по углам и высокую центральную на кубообразном объеме второго яруса здания. Высказывается предположение, что проект ратуши мог принадлежать другу семьи Чернышевых В. И. Баженову, в пользу чего отмечается сходство композиционной схемы здания с первоначальным проектом церкви в селе Быково, который выполнен известным зодчим [144, с. 9].

В основу композиции четырех чечерских храмов положена монументальная ротонда, перекры-

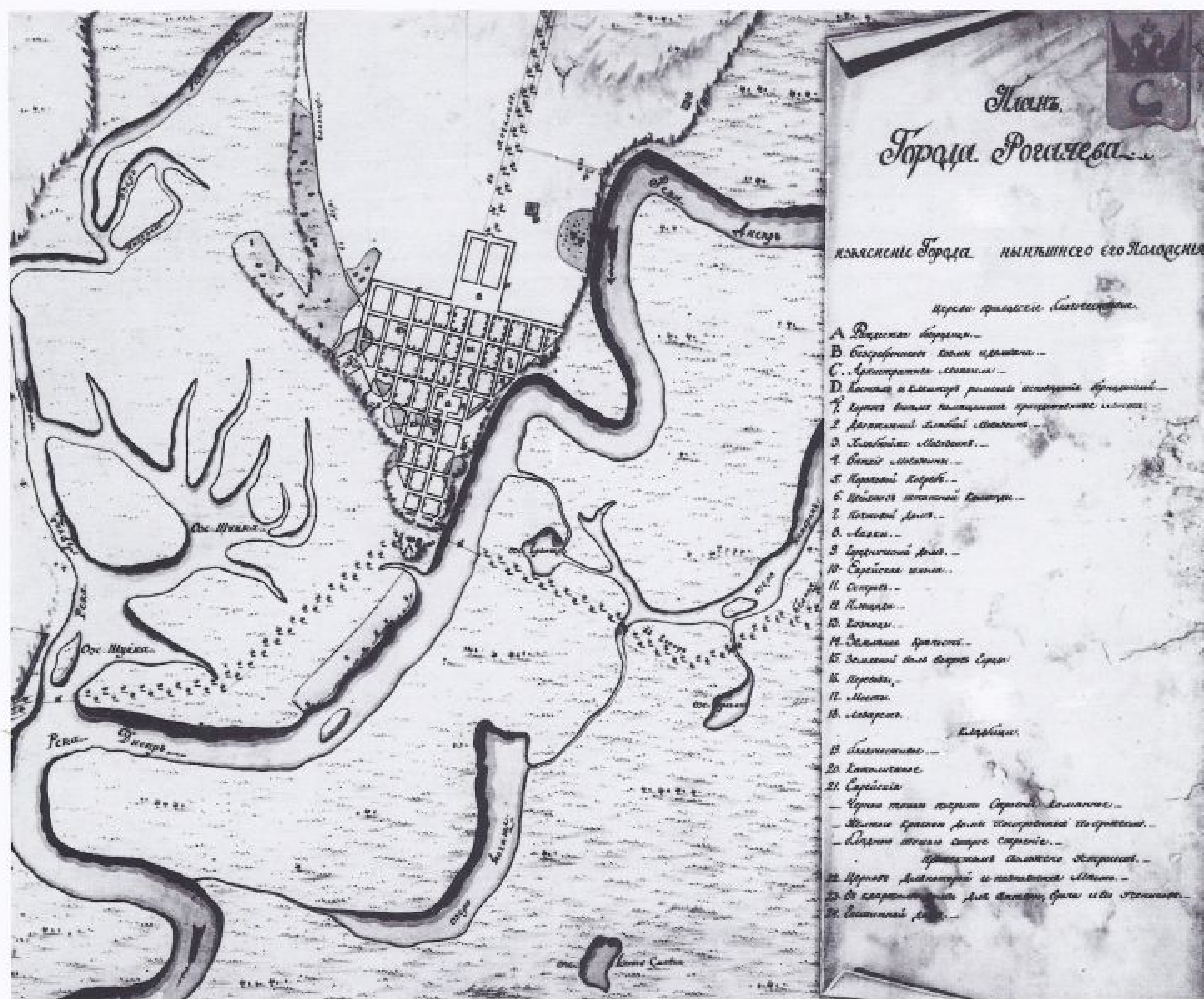

Рис. 122. Рогачев. Проектный план конца XVIII — начала XIX в. (РГИА)

тая большим куполом, который в Рождественской церкви и Троицком костеле венчался малым куполом на барабане. В этих же храмах притвор был украшен четырехколонным портиком и двумя башнями, завершенными небольшими куполами в костеле и высокими шпилями в церкви. Очевидно, дворец имел силуэт, родственный рассмотренным формам. Ансамблевость силуэта всего города основывалась на мощной купольной теме, сочетающейся с композиционной доминантой — трапециевидным шатром ратуши. Эта главная формальная система дополнялась многоэлементной подсистемой меньшего масштаба — башнями храмов с завершениями куполами и шпилями, малыми куполами на барабанах над основными куполами храмов, малыми башнями ратуши, также увенчанными шпилями.

Город в целом трактован как парадная, репрезентативная композиция, раскрывающая свои свойства в процессе движения к дворцу. Гипотеза о решении градостроительными средствами экспозиционных, зрелищных задач, специальном построении продуманно чередующихся видовых картин, предназначенных для торжественных процессий, корреспондируется с фактами посещения Чечерска членами царской семьи, вовлечения этого поселения в сферу светской жизни.

В 1802 г., очевидно в результате перестройки дворца 1787 г., сооружена огромная резиденция графини А. Р. Чернышевой, крестной матери императора Александра I. Вознесенский храм служил ее домовой церковью. Как и ратуша, дворец был выполнен в формах псевдоготики и имел полукруглую конфигурацию плана [85; 119, кн. 2,

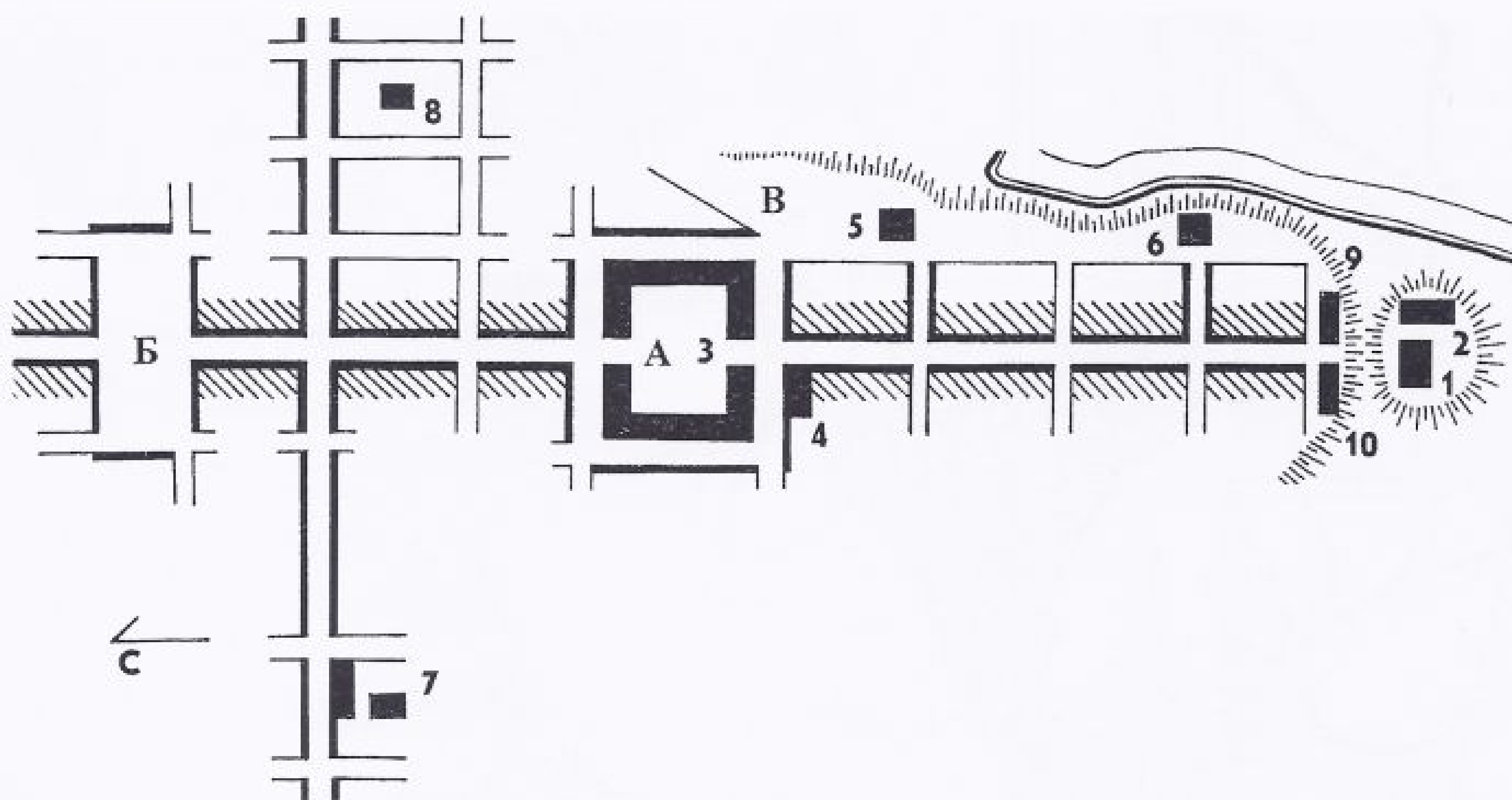

Рис. 123. Рогачев. Общественный центр конца XVIII — начала XIX в. (реконструкция автора): *А* — главная площадь, *Б* — торговая площадь, *В* — культовая площадь; *1* — собор Рождества Богородицы, *2* — бывший дворец королевы Боны, *3* — гостиный двор, *4* — присутственные места, *5* — церковь св. Михаила, *6* — церковь св. Козьмы и Демьяна, *7* — монастырь бернардинцев с костелом св. Антония, *8* — синагога, *9* — цейхгауз, *10* — провиантский магазин

с. 123, 124; 439, с. 573]. Здание окружалось рвом, наполненным водой из Чечеры. Через него с южной стороны был перекинут подъемный мост на цепях [85]. Вблизи замковой горы, на реке находились запруды, где разводилась рыба.

В 1781 г. местечко посетил великий князь Павел Петрович с супругой. Во время Высочайшего путешествия 1787 г. императрица Екатерина II изволила гостить во дворце, как и все поселение, тогда уже принадлежавшем штатс-даме, графине А. Р. Чернышевой. Государыня присутствовала также при освящении церкви Рождества Богородицы. 1850 год отмечен приездом Николая I с наследником Александром Николаевичем, а 1857 г. — Александра II с супругой [34, с. 215, 216; 439, с. 573]. На башне ратуши был устроен специальный дозор для оповещения о приезде гостей [85, с. 60].

Анализ особенностей восприятия позволяет заключить, что автором проекта были задуманы эффектные, монументальные по образу видовые картины. Свойственные эстетике классицизма методы их создания — наличие главного направления восприятия по оси симметрии градостроительного объекта, анфиладность пространств, формирование системы узловых, наиболее впечатляющих зрительных точек — в данной ситуации способствовали оригинальному художественному результату. Он заключался в возможности единовременного обозрения достаточно крупным планом с небольшого расстояния всех объемных доминант города, спроецированных как взаимосвязанные звенья в компактную видовую картину, иллюстрирующую при этом единство и многообразие, ансамблевость архитектурных форм.

Подъезд к местечку с юга-запада осуществлялся по прямолинейной трассе, которая при пересечении городской черты, закрепленной декоративным валом и рвом, круто меняла направление, получая ориентацию на здание магистрата. Эта точка излома (А), находящаяся также на поперечной периферийной улице, служила начальным узловым пунктом организованного восприятия.

Во-первых, перед зрителем неожиданно возникала перспектива проспекта, завершенная ступенчатым объемом ратуши (высота здания — 30 м, или 14 саж.). Во-вторых, в связи со значительной высотой храмов в 25—27 м и низким горизонтом рядовой одноэтажной застройки, не превышающей 5—6 м, из указанной точки в пространственных интервалах между жилыми домами и поверх крыш открывалась симметричная панорама архитектурных доминант. Ее фланги фиксировали наиболее приближенные к зрителю

Рис. 124. Мстиславль. Проект перепланировки 1778 г. (РГВИА)

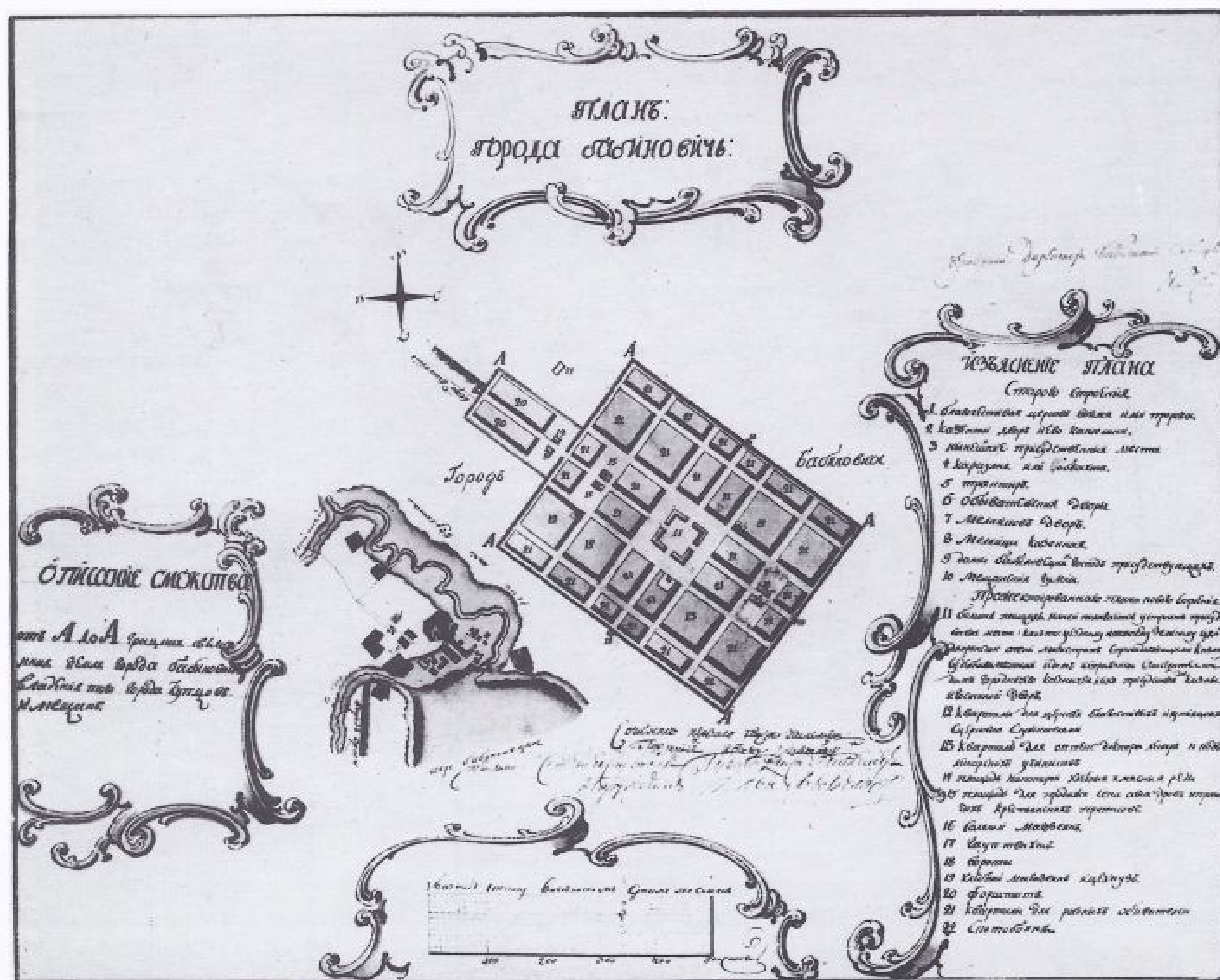

Рис. 125. Бабиновичи. Проектный план конца XVIII в. (РГАДА)

Преображенский и Вознесенский храмы. Центральное место в панораме закономерно занимало главное городское сооружение — магистрат, а по обе стороны, композиционно тяготея к нему, возвышались Троицкий костел и Рождественская церковь. Вместе с ратушей они формировали сложную, многообразную по сочетанию лаконичных форм и близкую к симметричной силуэтную группу. Анализ горизонтальных углов зрения на плане показывает, что фланкирующие доминанты включались в видовую картину из данной точки, находясь под относительно небольшим углом в 90°, а остальные высотные объемы зрительно не накладывались друг на друга. Эффект восприятия усиливался благодаря южной ориентации всей панорамы.

При движении по главной магистрали к ратуше и далее к дворцу узловой точкой (Б) являлся перекресток с поперечной улицей, объединяющей Преображенскую и Вознесенскую церкви. Из этой точки одновременно в трех направлениях обозревались уличные перспективы, завершенные вертикальными акцентами. Третья узловая точка (В) отмечала выход в пространство рыночной площади, в связи с чем постоянно видимая в рамках застроенных сторон центрального проспекта ратуша неожиданно открывалась как островной объем среди огромного пространства форума.

Следует отметить, что позже, во второй половине XIX в. начался стихийный процесс частичной застройки группами лавок территории площади. Это, с одной стороны, свидетельствовало о гипертрофированных размерах главного форума, несоответствии «идеальной» классицистической планировки реальным условиям жизни местечка, а с другой — о характерных для указанного времени во всех регионах чертах упад-

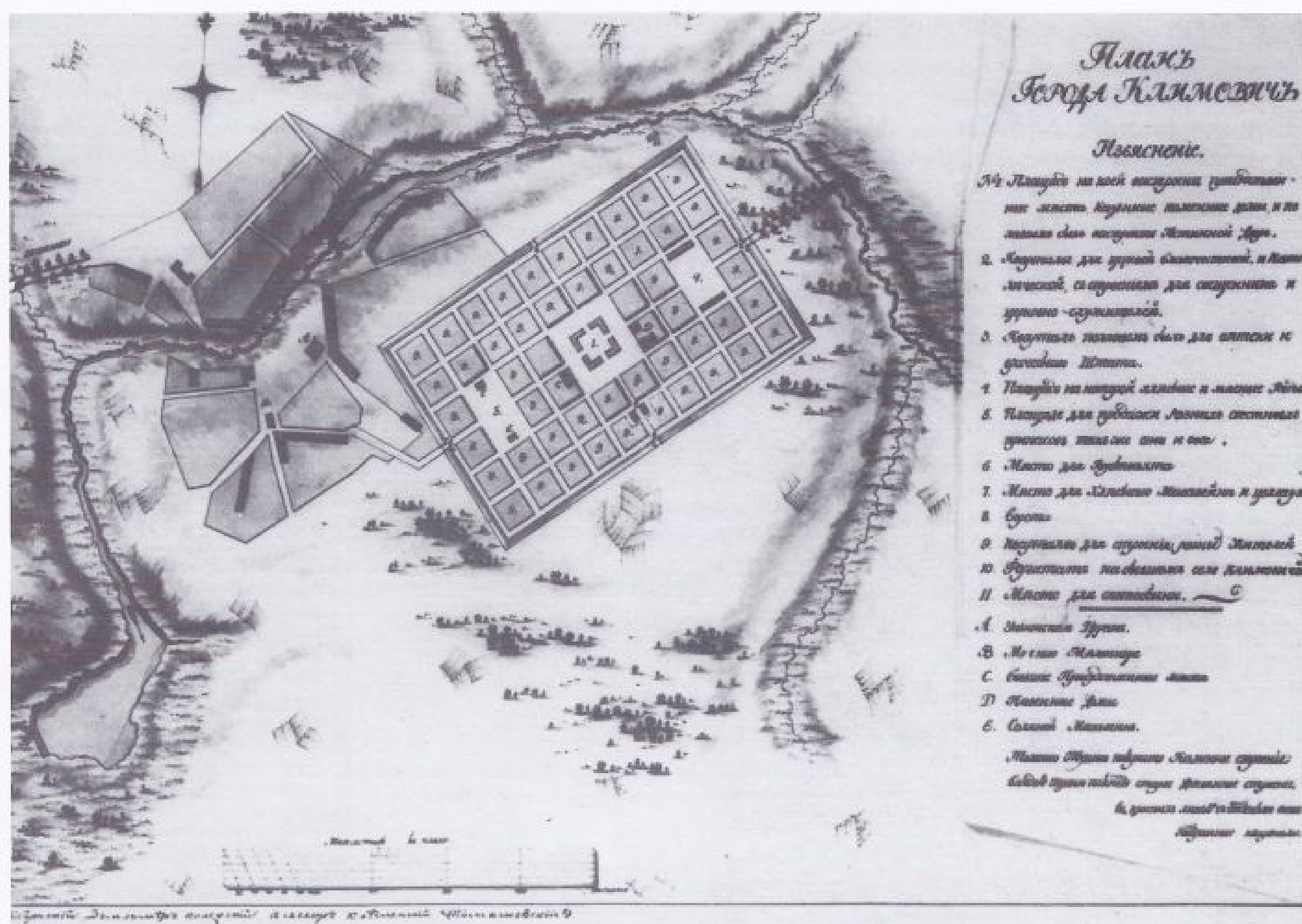

Рис. 126. Климовичи. Проектный план 1798 г. (РГВИА)

ка градостроительной культуры, тенденции хаотичности частной застройки.

Примечательно, что в конце XVIII в. третья узловая точка фиксировала также положение, когда объемы ратуши и стоящих на дальнем плане Троицкого и Рождественского храмов начинают восприниматься слитно, проецируясь в единый массив. Точно посередине между ней и главным фасадом ратуши находилась такая видовая точка (Г), из которой объем здания магистрата начинал полностью визуально перекрывать указанные храмы. С другой стороны ратуши аналогичная видовая точка (Д), из которой в случае движения в обратном направлении ее объем начинал зрительно заслонять Преображенскую и Вознесенскую церкви, находилась от здания магистрата на удалении в один модуль. Кроме того, точка Г размещалась от планировочного центра ратуши на расстоянии, равном ее удвоенной высоте. Соответственно вертикальный угол, под которым сооружение обозревалось из этой точки, являлся наилучшим для восприятия и составлял 27°. Оптимальность такого угла, предельного для единовременного обозрения объема целиком и допускающего хорошую различимость деталей, отмечена многими исследованиями [30, с. 70; 64, с. 51; 268, с. 99; 436, с. 32, 44].

Движение по главному проспекту к дворцу, сопровождавшееся серией впечатлений от градостроительных форм, было лишено ортодоксального «коридорного» характера, сквозного прохождения всей городской структуры. Зритель неизбежно огибал ратушу; тем самым придавалось разнообразие условиям восприятия архитектурной среды в процессе движения по протяженной планировочной оси.

Шестая узловая точка (Е) фиксировала неожиданное появление в завершении перспективы улицы дворца как нового ориентира движения. Седьмым этапным пунктом был выход в пространство культовой площади с визуальным раскрытием церкви Рождества Богородицы и костела Св. Троицы. При этом из указанной точки (Ж) храмы обозревались с угла, в наиболее эффектном для понимания форм сооружения ракурсе.

Рис. 127. Копысь. Проектный план начала XIX в.

Рассматривая восприятие в обратном направлении, с севера на юг, следует отметить лучшую видовую точку в городе (З) на площадке перед главным фасадом дворца, откуда открывалась выдающаяся в художественном отношении панорама архитектурных доминант. Ее особенность, в отличие от видовой картины из точки А — меньший горизонтальный угол обозрения крайних объектов (52°), что определяло компактную группировку архитектурных масс и более целостное их восприятие. Зрительно объемы не накладывались друг на друга и образовывали композицию: по краям панорамы, размещенные относительно близко к зрителю под вертикальным углом 10° — Троицкий и Рождественский храмы, в центре — ратуша, а по обе стороны, заполняя пространство между ней и названными храмами, — Преображенская и Вознесенская церкви. По другую сторону дворца, с высоты Замковой горы открывался великолепный вид на тянущуюся до горизонта пойменную равнину, пейзаж которой оживлялся извилистыми руслами рек Чечеры и Сожа, протекавших на разном удалении от города.

Структура Чечерска обнаруживает преемственность общих принципов построения поселений эпохи Возрождения, романтизм творческого метода автора-планировщика, знание им западноевропейских ренессансных градостроительных приемов и сложившихся в крае местных традиций, преломление последних в русле тенденций историзма при создании композиции Чечерска. Сравнение с Несвижем помимо таких очевидных особенностей, как общность масштаба и близкий к квадрату план города, прямоугольная планировочная сеть и периферийное положение дворца, обнаруживает единство следующих качеств:

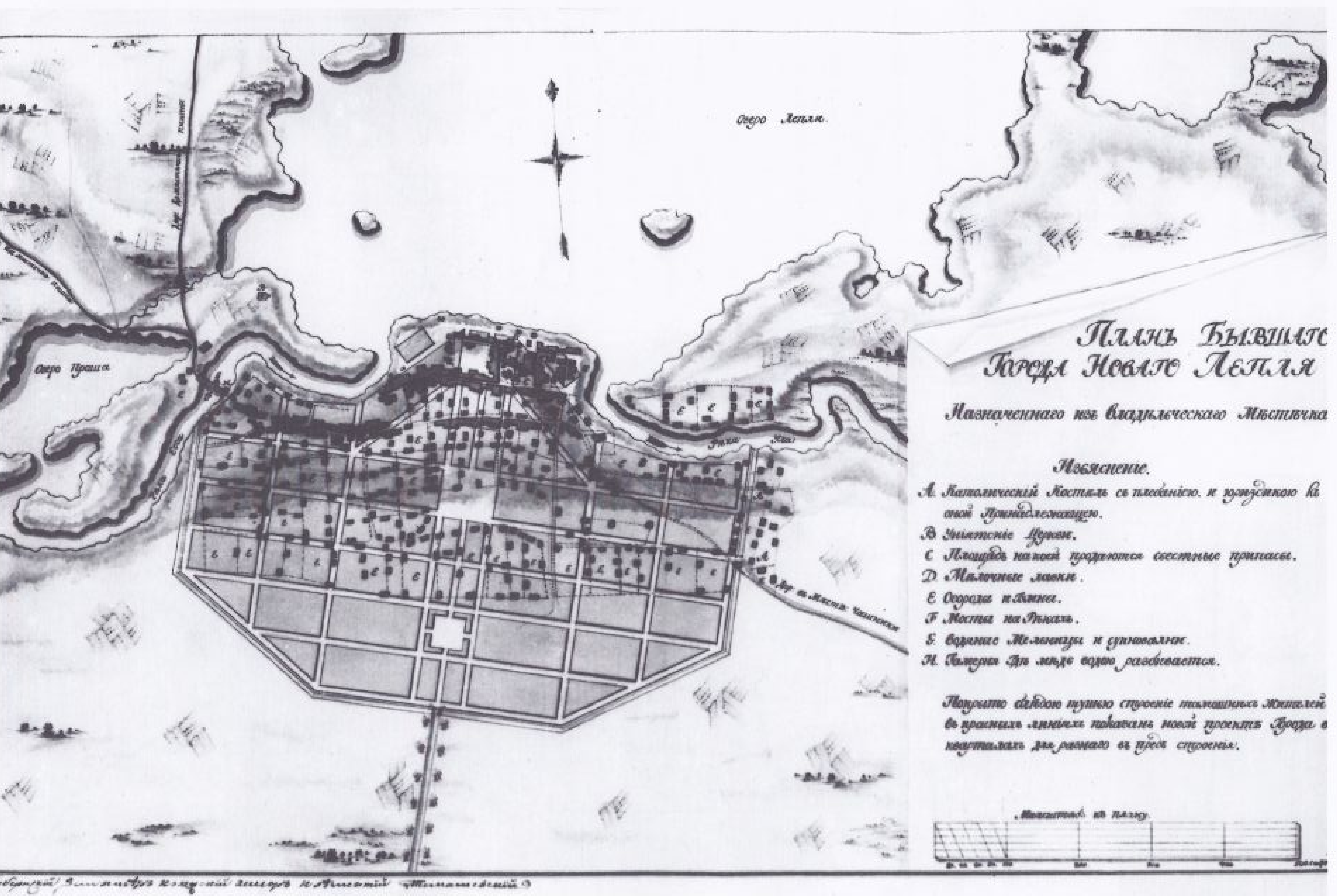

Рис. 128. Лепель. Проект перепланировки 1798 г. (РГВИА)

Геометрической Планъ Бѣлорускої Витебской Губерніи Города Городка съ изъясненіемъ на ономъ публичныхъ строеній каменныхъ, и деревянныхъ по прожекту, и въ старомъ видѣ имеющихся

Изъясненіе литеръ и нумеровъ значущихъ на планѣ.

А. Униатская деревянная церковь во имя николая Чудотворца

Казенные Строенія

В. Каменный корпусъ въ коемъ помещаются всѣ присудственные места, и временно благочестивая церковь.

С. Каменный Провіантской и для Соли могазин

Д. Деревянный ветхій домъ для пожарныхъ инструментовъ

Е. Деревянные торговые Лавки принадлежащіе

F Деревянный домъ для почтовой Экспедиціи

1 Главная Площадь на оной обывательскіе лавки; и Сарай для вѣсовъ

2. Малая площадь на которой полагаются молочные Харчевые Лавки.

3. Площадь на которой полагаются мясные ряды, и Еврейскихъ кагала школы,

4. Еврейская Школа въ старомъ видѣ

5 Еврейская торговая баня.

6 Мосты на рѣчки Городянки

7. Ушлахбаумовъ Кирпичныя

8. Окопъ Ограничающій Городъ.

Питейная кантора и питейные домы помещаются по перемено въ обывательскихъ домахъ

9 Обывательскія Баня, внѣ Города 10. Униатские кладбищи

Черною тушью покрыто Каменное, желтою Краскою Деревянное по прожекту, бледною тушью въ старомъ видѣ Строенія

Масштабъ къ плану въ Английскомъ дюймѣ 100 Саженъ

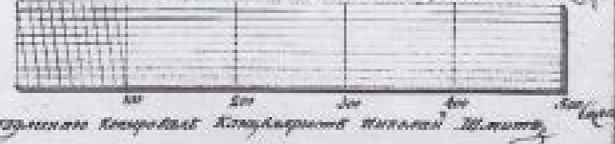

Рис. 129. Городок. Проектный план первой половины XIX в.

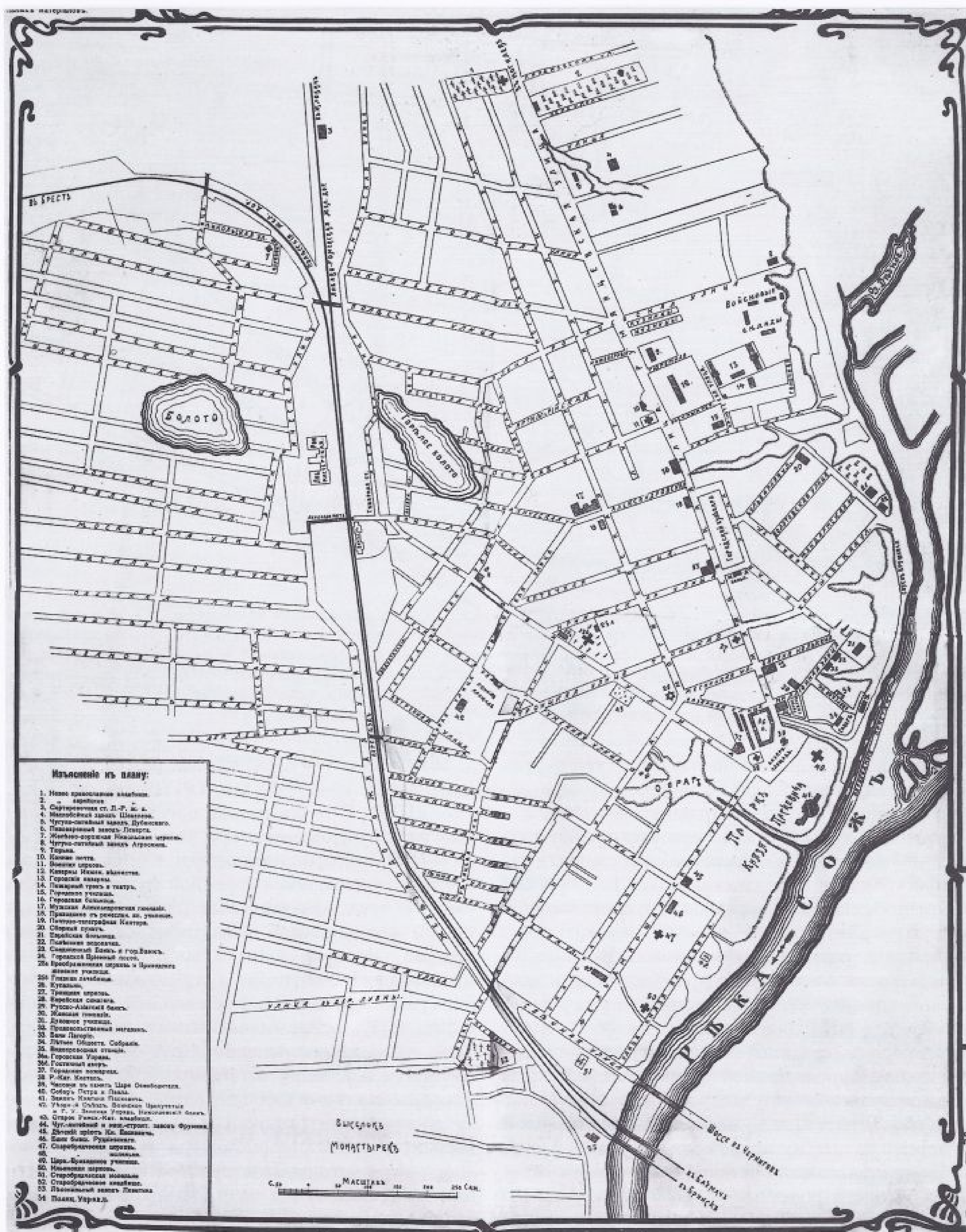

Рис. 130. Гомель. Фиксационный план начала XX в.

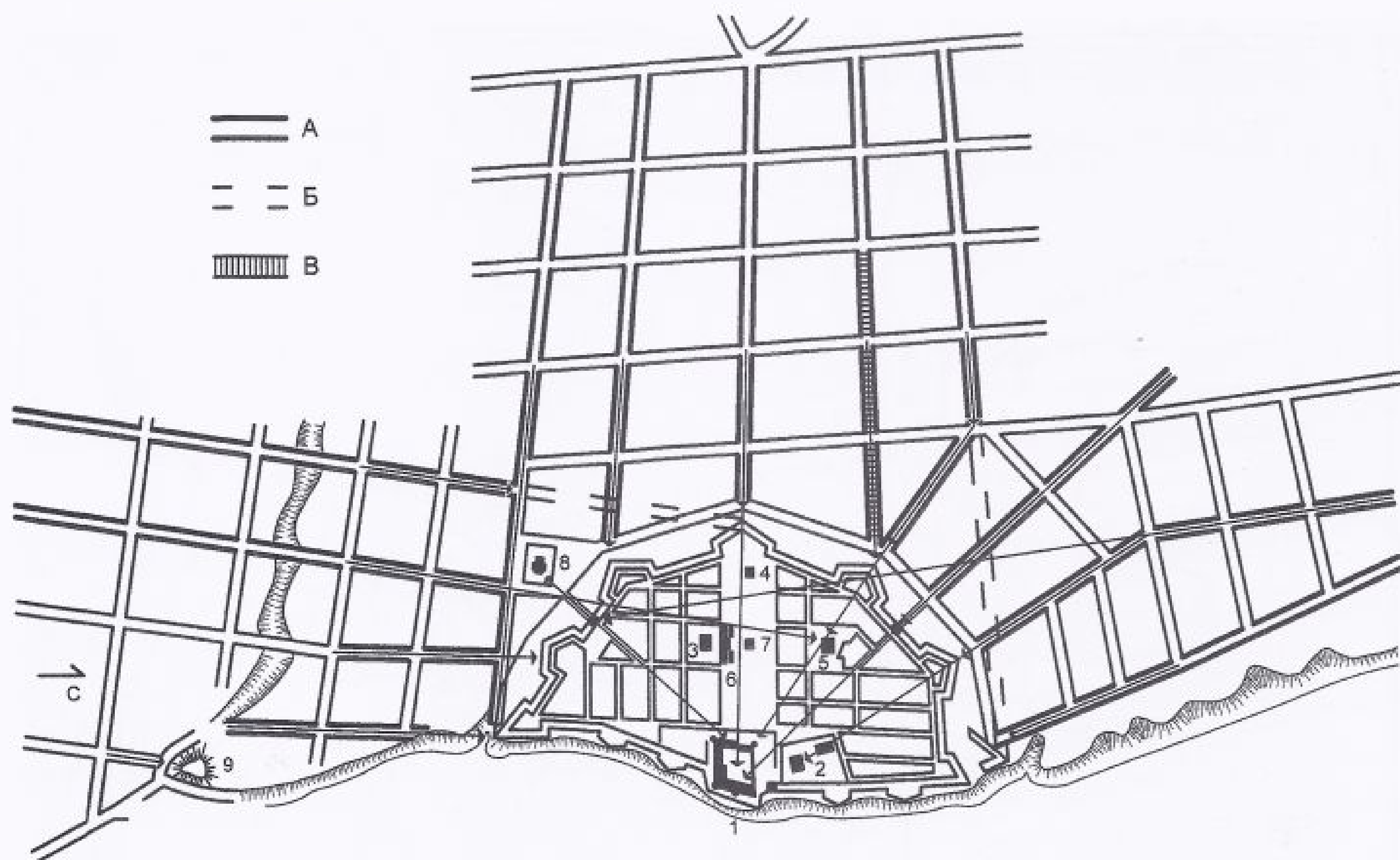

Рис. 131. Быхов. План середины XIX в. (реконструкция автора). Анализ особенностей композиции: *1* — бывший замок Сапегов, *2* — монастырь августинцев, *3* — православная церковь Преображения середины XIX в., *4* — православная церковь Св. Троицы (?) конца XVIII в., *5* — синагога, *6* — торговые ряды, *7* — гауптвахта, *8* — православная церковь Св. Троицы середины XIX в., *9* — городище X–XIII вв.; *А* — радиальные улицы, ориентированные на пространственно-планировочные акценты городской среды, *Б* — умозрительные направления улиц, использованные при построении композиции городского плана, *В* — гипотетически существовавшая трасса

наличие в срединной части городской территории квадратной площади, в своем центре акцентированной ратушей островного положения;

композиционная схема торговых рядов, разных по масштабу и структуре, но сходных по конфигурации в виде смыкающихся под прямым углом протяженных корпусов, группирующихся вокруг ратуши;

принцип размещения высотных доминант — четыре храма по углам четырехугольника и центрично стоящее здание магистрата на пересечении его условных диагоналей;

трактовка середины фасада ратуши как узловой точки, определяющей геометрический порядок пространственного построения города.

Как и Чечерск, к поселениям с симметричной восьми- или шестиугольной конфигурацией плана и прямоугольной системой магистралей относятся Чаусы. Проектные планы этого города составлены в 1778 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21564, л. 8), 1783 г. (РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 2183), 1784 г. (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 16), 1798 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 63), начале XIX в. (РГИА, ф. 1293, оп. 167, д. 30). С точки зрения преемственности нерегулярной планировки при реконструкции конца XVIII в. город принадлежит к населенным местам, отличавшимся коренной трансформацией уличной сети, значительным расширением селитебной территории и развитием общественного центра.

В градостроительстве края эпохи классицизма, сравнительно с многочисленными проектами малых городов Витебской, Могилевской и Минской губерний, композиция Чаус занимает особое место благодаря эстетизированной комбинации планиметрических элементов. Основу художественного построения составляла лаконичная восьмиугольная форма, внутри которой размещалась симметричная структура площадей, совершенно различных по планировке. Главная квадратная площадь в центре тремя и двумя магистралями крестообразно связывалась с четырьмя площадями по сторонам от нее. Одна, восточ-

Рис. 132. Орша. Проект перепланировки 1778 г. (РГВИА)

ная, площадь была исторически сложившейся, созданной путем кардинального преобразования главного ансамбля средневекового города, а остальные сформировались на свободной местности. Крестовидная форма подчеркивалась мелкими прямоугольными кварталами на участках между площадями по сравнению с крупными квадратными на остальной территории.

Типичный принцип функциональной дифференциации площадей проявился в придании главному форуму с новой ратушей (между 1778 и 1783 гг.) исключительно административного и жилого назначения. Вся культовая и наиболее аттрактивная торговая функция сохранились на исторической площади. Два других рынка разделялись на хлебный и мясной к северу от главного ансамбля и соляной — к югу. Малая площадь в западной части города, очевидно, обусловилась транспортными и художественными соображениями как расширение возле городских ворот улицы, переходившей в дорогу на Могилев.

Сравнение композиций планов приднепровских городов Чаус и Чечерска обнаруживает общность художественных приемов построения градостроительных форм, что свидетельствует о вероятности выполнения проектов одним мастером. В обоих случаях главная площадь, будучи огромным квадратом, занимала центричное положение в компактном плане поселения — прямоугольнике с сильно скошенными углами. Посередине площади возвышалось главное здание города — ратуша, на которую ориентировались основные улицы, служащие двумя крестообразно расположенными осями, одна из которых являлась осью симметрии плана поселения. Родство формальных подходов прослеживается и в организации подъезда к ратуше со стороны

Рис. 133. Орша. План середины XIX в. (реконструкция автора)

ближайшего значительного города региона, с прохождением вдоль двух кварталов от границы поселения до площади, и в приеме «нанизывания» на магистраль — ось симметрии плана — помимо главной маломасштабной второстепенной площади на удалении квартала от главной.

Планировка Чаус периода классицизма позволяет сделать вывод об органичном творческом понимании градостроительной преемственности, более высоком уровне использования традиционных особенностей, чем простое сохранение существовавших уличных направлений. Если до реконструкции пространственная организация общественного центра, как рассмотрено выше, ассоциировалась с крестоподобной схемой, то и ансамбль нового центра также образовал крестовидную структуру. Последняя формировалась не автономно от старой, а непосредственно вырастая из нее. Семантически сохранялась, более того, глобализировалась идея освящения крестом всей селитебной территории в отличие, как было ранее, только центра. Кроме того, возможно, реализовалась романтическая концепция оживления региональных архитектурных традиций, воспроизводящая в ином масштабе и иных исторических условиях исконные для края основы формообразования. Смысл этого можно трактовать, не распространяя вывода на всю классицистическую практику региона, как своего рода принятие императорской социально-политической системой местной культуры, включаемой в контекст культуры общероссийской.

К городам с прямоугольной уличной сеткой, в которых новая форма плана не приобрела композиционно законченного, «идеального» вида, а увязывалась с ландшафтно-топографической ситуацией, относится Рогачев. В отношении преемственности при реконструкции существовавшей планировки он входит в группу поселений со значительной степенью наследования общих направлений или непосредственно трасс улиц. Также сохранились и получили последовательное развитие особенности общественного центра, на фоне других качеств города наиболее интересные для анализа.

Автором впервые выполнена реконструкция плана центра Рогачева эпохи классицизма, основанная на изучении картографических документов (планы Рогачева: конца XVIII в. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21526, л. 1; 1778 г. — [417, л. 182]; 1784 г. — РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 16; 1798 г. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 66), современной геодезической съемки территории М 1:10 000, литературных источников, натурном исследовании городской среды.

Структура центра была крестоподобной с осями линейно-узлового построения. Клиновидное очертание надпойменной террасы и древняя планировочная подоснова, органично связанная с ним, служили предпосылками для формирования общественных комплексов и пространств, решение которых отличалось монументальностью и парадным ритмом, в эстетическом смысле возвышало город, придавая ему столичные черты. Главная ось, совпадающая со старой основной улицей, ритмично членилась разными по функции, планировке и композиционной роли узлами. Ее оконечности закреплялись компактной группой построек на Замковой горе (Рождественская церковь и бывший дворец королевы Боны) и торговой площадью при выезде на Могилев, а середину оси занимала центральная площадь с П-образными корпусами гостиного двора и присутственными местами.

Если архитектурный образ главной пространственной оси в основном определялся площадями, то узлами поперечной оси, сформированной на свободной территории, служили культовые комплексы в квартальной застройке — бернар-

Рис. 134. Орша. Церковь Рождества Богородицы 1691 г. и служебный корпус со звонницей. Фото начала XX в.

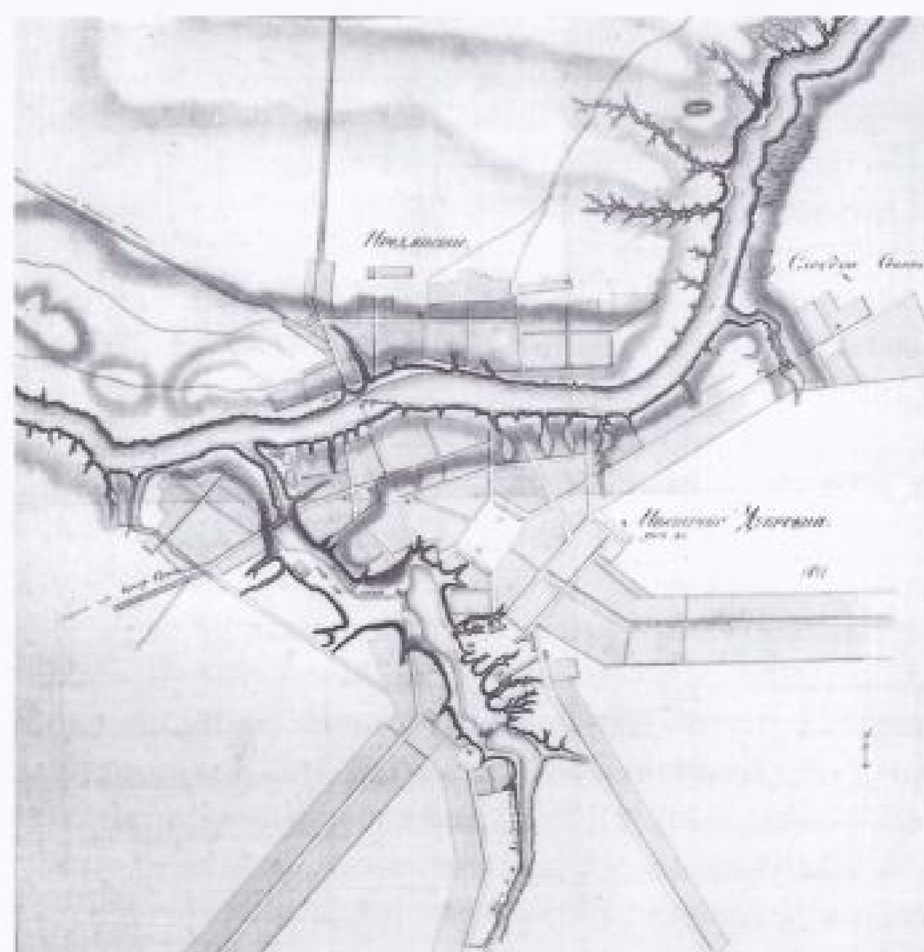

Рис. 135. Дубровно. Проектный план 1811 г. (РГВИА)

динский монастырь и синагога. Структура центра в процессе ориентации в городской среде осознавалась как охватывающий все поселения крест, концы которого фиксировались церковью Рождества Богородицы и дворцом на юге, новой торговой площадью на севере, бернардинским монастырем и синагогой соответственно на западе и востоке.

По месту в плане города, функциональному составу застройки и масштабу пространства площадь с гостиным двором служила основным ансамблем, однако по силуэтному значению преобладала группа сооружений на детинце. Церковь замыкала видовую перспективу главной улицы на всем ее протяжении в 1200 м, начиная от въезда в Рогачев, и вместе со старым дворцом служила завершающим звеном анфиладной композиции, своеобразной кульминацией движения. Эта особенность была свойственна и нерегулярному городу, а за счет развития пространственных узлов на магистрали, придания ей анфиладности, впечатление многоэтапного следования к конечной цели усилилось.

В симметричную структуру центра были включены асимметричные элементы, что вносило необходимое разнообразие в монументальный ритм общей композиции. Эта задача решалась двумя путями — соответствующей трактовкой художественной роли объемных ориентиров и пространств площадей.

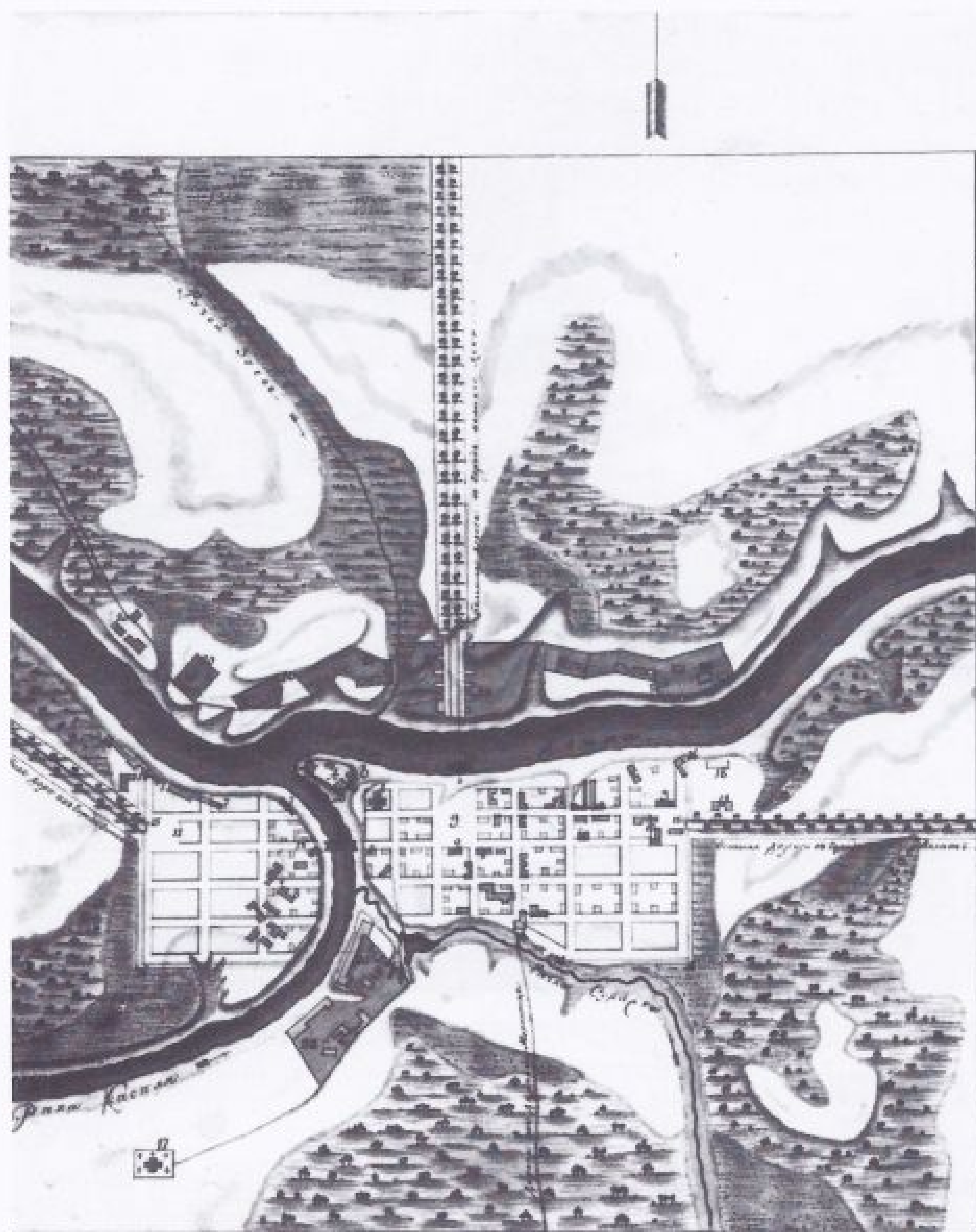

Рис. 136. Сураж. Проект перепланировки первой половины XIX в. (РГИА)

Во-первых, поперечные улицы в южной части города завершались культовыми доминантами только со стороны Днепра, а со стороны Друти имели открытый «поперечный профиль», ориентированный на заречные дали. Церкви Безсребренников Козьмы и Демьяна и Архистратига Михаила (бывшая Троицкая) использовались в построении центра как асимметричные компоненты, вместе с Рождественским храмом формируя цепочку акцентов на кромке береговой террасы вдоль Днепра. При движении по главному проспекту фигурировала композиционная тема зрительного замыкания церковью коротких уличных перспектив, открывающихся в одну сторону с перекрестков магистрали с этими направлениями. Во-вторых, строгая классицистическая схема лежащих на оси прямоугольных площадей живописно дополнялась угловым присоединением к главному рынку усложненной по форме культовой площади перед

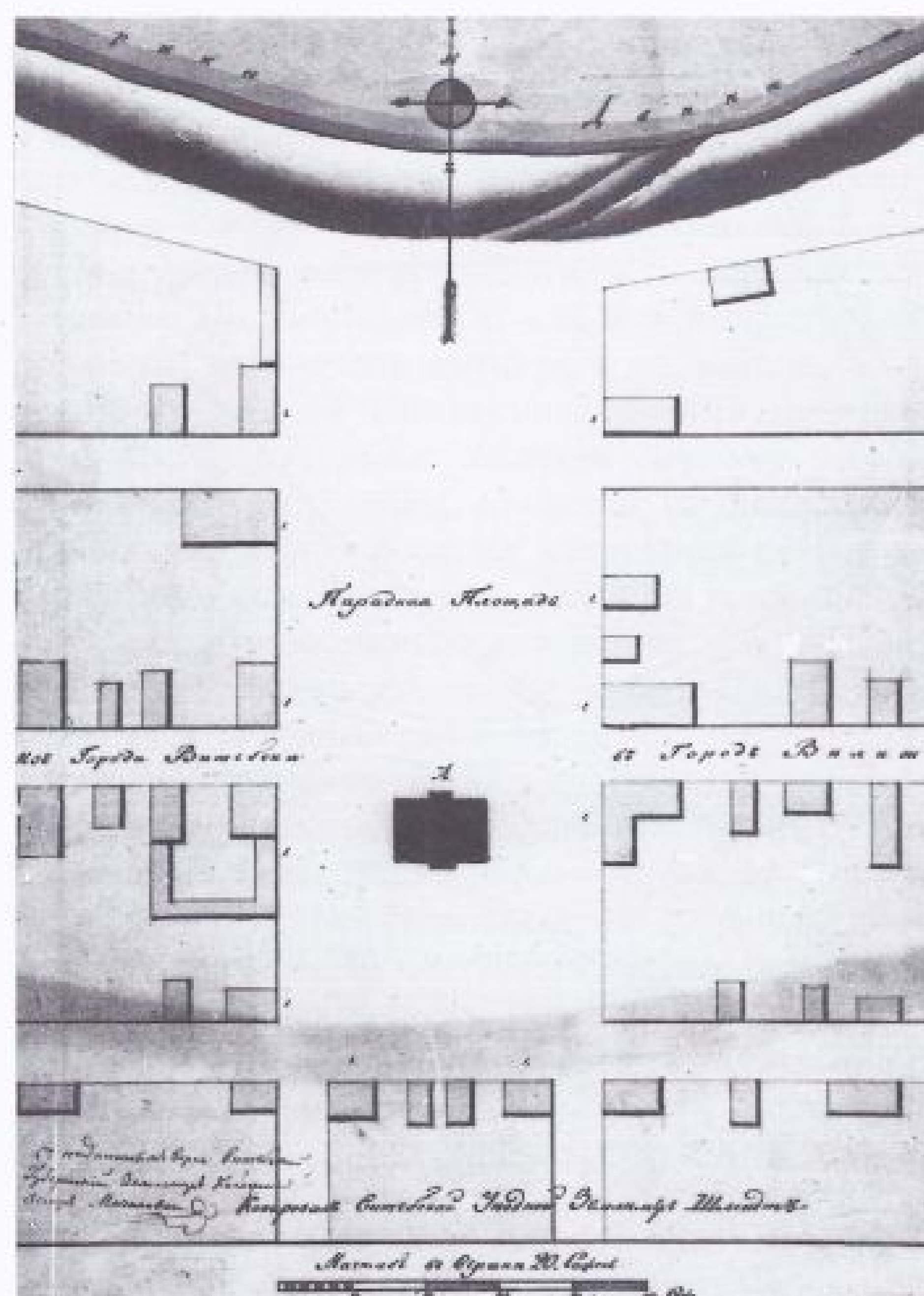

Рис. 137. Сураж. Главная площадь (РГИА)

Михайловским храмом с пространством, широко открытым к Днепровской пойме. К городам с прямоугольной планировочной структурой относился также Мстиславль, а в Витебской губернии, например, Лепель.

Сравнительно малочисленную группу составляют города, в которых прямоугольная, в общих случаях, уличная сеть дополняется радиально ориентированными основными магистралями (Гомель, Кричев, Быхов). Например, особенности планировки Быхова эпохи классицизма до сих пор были неизвестны. В первой половине XIX в. здесь реконструирована свободно сложившаяся сеть улиц обширных предместий, прилегавших к ренессансному городу-крепости, и иллюстрированная документами конца XVIII в. На основании этих планов и геодезической съемки территории 1970-х годов в М 1:5000 автором исследования восстановлена планировка большей части города на середину XIX в.

Историзм творческого метода зодчего-классициста проявился в понимании крепости как монументальной основы, главного формообразующего фактора для оригинальной по своей конструкции новой уличной сети. В общей ткани регулярных кварталов выделялись три по-разному решенные системы радиальных направлений. Срединная, основная, часть состояла из пяти подходящих к крепости магистралей, которые имели в качестве фокуса схождения точку за пределами города и как бы заключали между собой полукольцо земляных валов и прудов. Такой прием охвата семантически важных объектов, известный в мировой практике планировочного искусства, подчеркивал значимость и градостроительный масштаб композиционного ядра. Кроме того, налицо романтизм, стремление воспроизвести свойственный маньеризму прием трассировки нескольких почти параллельных магистралей, незначительно сближающихся и сходящихся в центре далеко за границами поселения.

Северная система четырех улиц, наоборот, нацелена внутрь крепости. При этом два направления ориентированы на башни замка, а третье — на августинский костел. В отличие от срединной системы улицы резче сходятся к умозрительному центру. Южная система, также из четырех коммуникаций, наиболее спокойна по очертаниям и, как и северная, ориентирована внутрь крепостной территории.

В отличие от больших городов, например Могилева, в процессе реконструкции валы и рвы не были ликвидированы, а трактовались как зеленый пояс вокруг центральной зоны, подчеркнутый полукольцевой обходной улицей. На ней на выезде из ренессансного ядра через Рогачевские ворота создана площадь с новой деревянной Троицкой церковью.

Все четырнадцать центростремительных направлений, выходящих к планировочному ядру, получили завершение пространственным акцентом; большинство улиц нацелено на бастионные углы. Протяженные видовые перспективы замыкали также главная и проезжая башни замка, городские брамы, Троицкая церковь, костел, синагога. Прием внесения живописности, незавершенности в планиметрическую композицию линейных элементов, вызванный учетом ранее сложившихся трасс, функциональными и художественными соображениями, в данном случае проявился в умозрительном продолжении трасс двух улиц до пересечения с узловыми точками плана.

Возвращаясь к поселениям Витебской губернии, следует также отметить малые города, где в отличие от Витебска и Могилева историческая

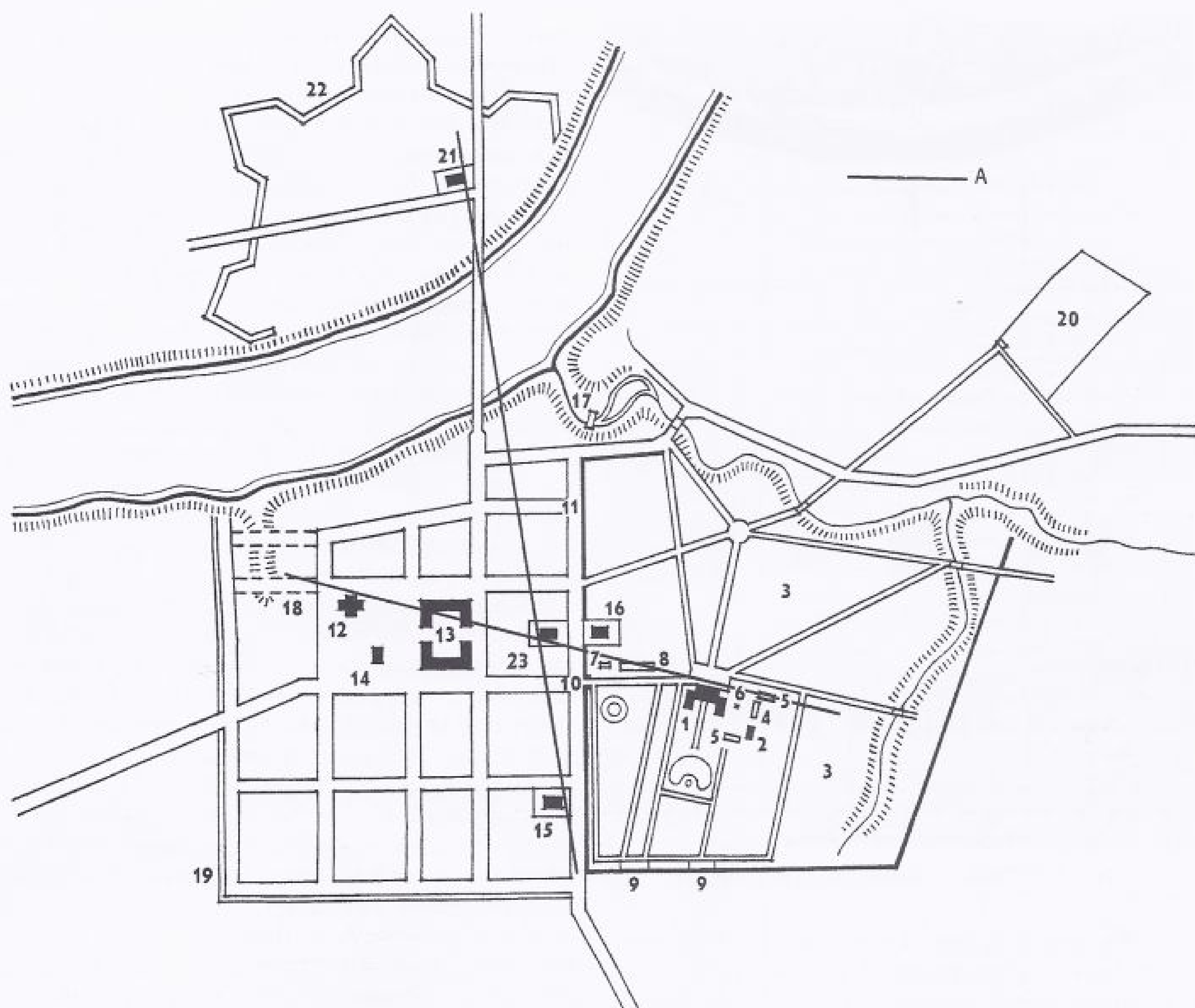

Рис. 138. Бешенковичи. План первой половины XIX в. (реконструкция автора): *1* — главный корпус дворца Хрептовичей, *2* — старый дворец Огинских (?), *3* — парк, *4* — конюшня, *5* — хозяйственные постройки, *6* — колодец, *7* — дом садовника, *8* — оранжерея, *9* — питомник, *10* — брама, *11* — ограда, *12* — церковь св. Ильи, *13* — гостиный двор на 60 лавок, *14* — ратуша (гипотетическое положение), *15* — церковь св. Михаила, *16* — костел св. Казимира и Рафаила, *17* — мельница, *18* — неосуществленные улицы по проекту (предположительно), *19* — декоративные вал и ров для ограничения города, *20* — кладбище, *21* — церковь св. Николая, *22* — оборонительные валы 1812 г., *23* — церковь св. Петра и Павла; *А* — оси крестообразного размещения основных зданий

планировка была кардинально преобразована, получив вид целостной, законченной композиции. Например, Сураж по формальному приему принадлежит к населенным местам с прямоугольной конфигурацией плана и уличной сети. Ландшафтные условия определили трехчастность поселения и структуры центра, представленной тремя площадями. Упрощенной схеме профессионально приданы живописные черты. Срединная часть города с главной площадью имела квадратные кварталы, незначительно отличавшиеся от прямоугольных в боковых частях, но обеспечившие разнообразие системе близких по размерам ячеек. Примечательно, что в условиях создания полностью новой планировки преемственно воплотилась средневековая особенность измельчения кварталов в центральной зоне и укрупнения на периферии (планы Суража: 1778 г. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21574, л. 12—13; 1785 г. — РГАДА, ф. 1356, оп. 1, ед. хр. 134; конца XVIII — начала XIX в. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21529, ч. 3, л. 25; РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 25, д. 2459).

Общественный центр Суража, как и более крупного Полоцка, демонстрирует типологическую схему: три разнофункциональные площади с вы-

делением главного форума, объединенные тремя (Полоцк) и двумя (Сураж) параллельными парадными магистралями. Это свидетельствует об определенном единстве композиционных принципов в рамках Полоцкой, позже Витебской губернии, своего рода образцовости планировочных приемов. Подтверждается, как и в Могилевской губернии, творческий метод регионализации, присущий столичной Комиссии строений, целенаправленное наделение общими чертами групп поселений. Этот метод зиждется на дифференцированном использовании идеальных схем, которые имеют эстетические достоинства, большой художественно-образный потенциал формирования городской среды, но не связаны или мало связаны с особенностями предшествующего развития структур.

В Сураже основная площадь организована посередине протяженного прямоугольника городского плана. По обе стороны от нее на равном расстоянии размещены вспомогательные торговые площади. Эффектный прием заключается в противопоставлении меридионально ориентированной главной площади широтной системе протяженных магистралей, завершенных малыми площадями. Основной форум как бы «стягивал», связывал в поперечном направлении два ландшафтных рубежа — Двину и р. Суражку. В отличие от многих городов, где площади имели замкнутый характер, Сураж представляет собой пример единения архитектурного пространства центральной площади с природным пространством Двины.

Главенствующее значение двух магистралей, объединяющих площади, обусловилось положением в планировочной структуре и концентрацией вдоль них общественных учреждений, тогда как другие улицы формировались жилой застройкой. Идея функционального зонирования центра помимо дифференциации площадей заключалась в размещении храмов на северном луче, а административных учреждений и трактиров — на южном. Своеобразной чертой композиции сравнительно со многими поселениями, как полностью перепланированными, так и сохранившими формальные признаки средневековой структуры, было отсутствие приема ориентации улиц на доминанты. Магистрали проходили по касательной к основным сооружениям, что свидетельствовало об определенной творческой манере автора-планировщика.

В отличие от государственного города Суража иной характер структуры имели Бешенковичи (Адрианополь). Это частновладельческое местечко в восточной Беларуси связывало воедино два равновеликих образования — дворцово-парковый ансамбль и территорию массовой застройки. Поселение в своей истории принадлежало многим владельцам. Завершение строительства дворца, развитие планировки парка и классицистическое преобразование селитебного района произошло после второго раздела Речи Посполитой при графе И. Л. Хрептовиче. В итоге анализа исторических источников, в том числе описаний ныне почти утраченного парка [2, 349, 377, 451, 533], современной геодезической съемки территории, городской среды в натуре, аналогов градостроительного решения, а также опроса старожилов автором выполнена реконструкция плана местечка на первую половину XIX в.

Принцип слитности двух социально и функционально разнородных зон, порожденный в эпоху абсолютизма барочным планировочным искусством, получил интерпретацию в классицистическом градостроении. По сравнению, например, с Ворнянами, обладающими завершенностью композиции дворцовой усадьбы и общественного центра, размещенных на общей оси симметрии, в Бешенковичах единение двух компонентов структуры более механистично. Парковый ансамбль, ориентированный к Двине и ручью, примыкает к селитьбе боковой стороной. Помимо территориального соседства пространственная интеграция резиденции и местечка достигнута трассировкой основной поперечной парковой оси как продолжения городской улицы, а также постановкой храмов на границе обеих частей поселения.

Жилая зона типична для города-имения: близкий к квадрату план; единственная площадь гипертрофированных размеров, окруженная кварталами, часть из которых выходит на периферию поселения. «Жесткой» схеме прямоугольных кварталов придана живописность в свойственной классицизму манере. Один из срединных меридиональных рядов у́же остальных, чем подчеркивается положение гостиного двора на площади.

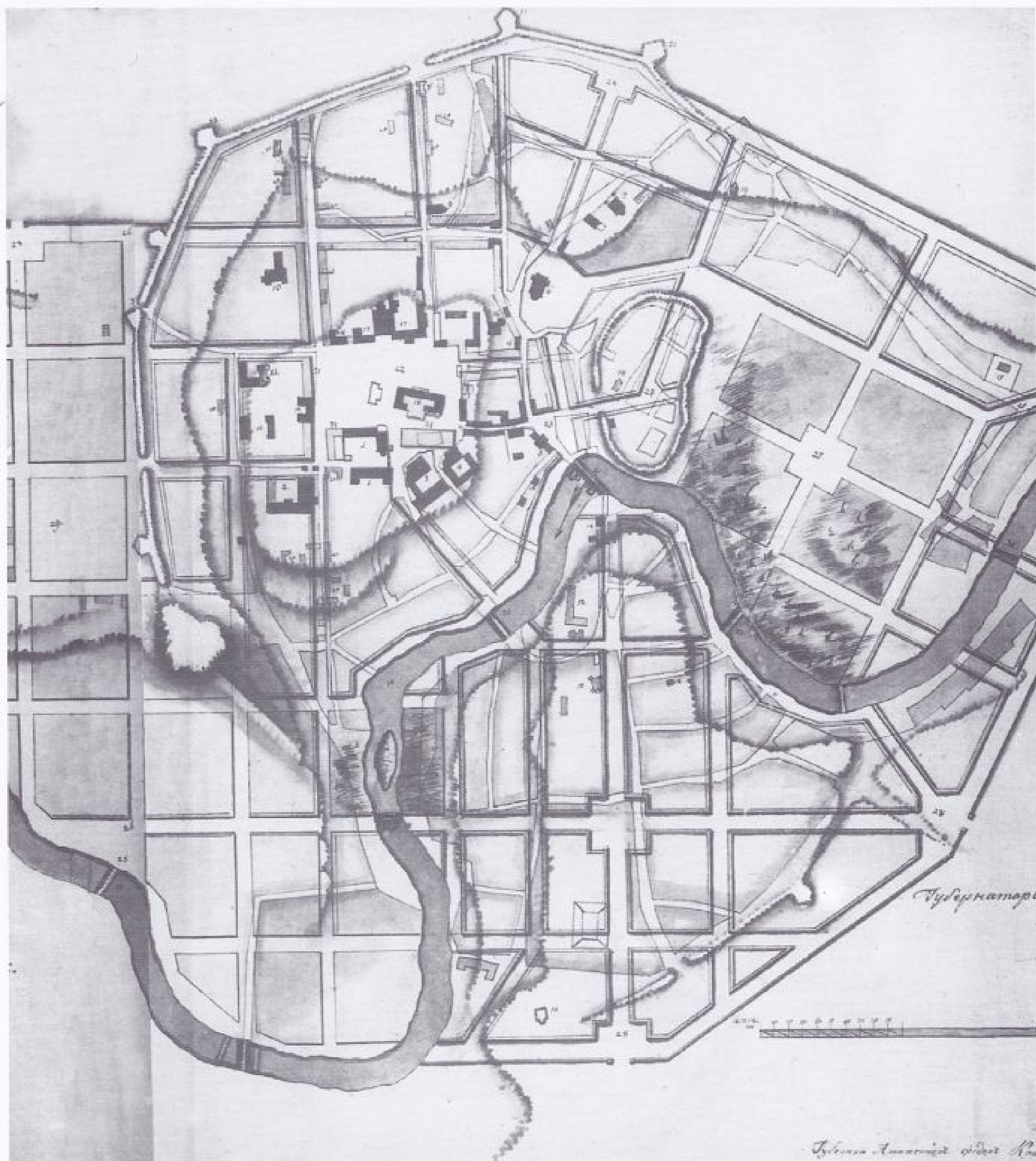
Местечко подтверждает закономерность крестообразного размещения основных зданий, распространенного в белорусском и русском градостроительстве. Принцип объединения двух разнохарактерных зон и в целом классицистическое формообразование не снивелировали эту особенность, установившуюся в более ранний период. Структура центра также была крестоподобной с периферийным положением административно-культовой площади как полифункционального ядра.

3.4. Классицистическая реконструкция городов Минской губернии и выборочные реконструктивные мероприятия в Гродненской и Виленской губерниях

На примере Минска реализовался существенный потенциал классицистического градостроительства, нацеленный на решение общественно важных задач по расселению значительных масс населения, функциональной организации больших территорий, созданию новых композиций

Рис. 139. Проект перепланировки Минска, составленный

обширных пространств. Проекты планировки создавались в конце XVIII в. (при участии губернского архитектора Ф. Крамера), 1800, 1809, 1817 и 1858 гг. [22, с. 307; 623, т. 5, с. 152] (планы Минска: 1798 г. — РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 44; 1800 г. — РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14, л. 3—4; 1809 г. — РГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 6; 1817 г. — [141, с. 137; 417, л. 174]). Отличительная черта Минска сравнительно с Витебском, Могилевом, другими большими городами заключалась в том, что установившаяся к концу XVIII в. селитебная зона ориентировочно в границах более ранних земляных валов на протяжении первой половины XIX в. увеличилась в 2—3 раза.

между 1793 и 1800 гг. Архитектор Ф.Крамер (РГИА)

Рис. 140. Минск. Проект перепланировки 1809 г. (РГИА)

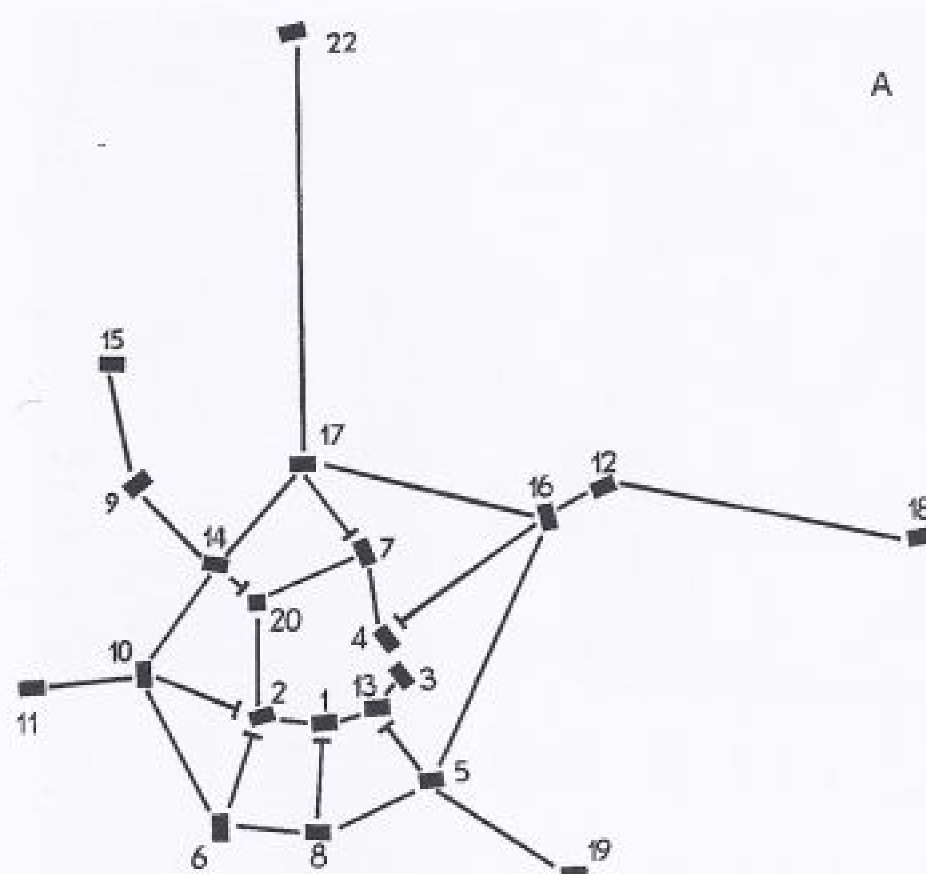
Рис. 141. Минск. Проектный план 1817 г. (РГИА)

Планировочная структура генетически состояла из двух частей. В пределах города конца XVIII в. после реконструкции сохранилась общая конфигурация сети улиц и площадей, а на значительных участках — и линии застройки. Некоторые улицы расширились и спрямились. В другой части на свободной освоенной местности возникла близкая к прямоугольной схема коммуникаций, охватившая ландшафтно обособленные районы. Это территория к югу от города конца XVIII в. с меняющимся рельефом и также неравнозначный в топографическом отношении Троицкий посад на противоположном берегу р. Свислочь. По проекту 1817 г. город в целом приобрел выразительную и лаконичную форму плана, в которой северо-восточная сторона решалась как протяженная дуговая линия, а три остальные стороны были прямыми.

Оценивая с современных позиций территориальное развитие Минска, отметим профессиональное стремление освоить свободную местность главным образом вдоль реки, всемерно вовлечь этот природный фактор в функциональную организацию селитьбы и градостроительную композицию. На восточной окраине в излучине реки был заложен обширный городской сад, на южной и северной сохранены пойменные территории. Именно на этом этапе формирования города впервые была предложена и реализована идея водно-зеленого диаметра генерального плана.

Рис. 142. Минск. Фиксационный план первой половины XIX в.

Планировочная композиция Минска основывалась на системе трех основных площадей, играющих роль пространственных акцентов среди массы регулярных кварталов. Одна из них — главная, исторически сложившаяся (Верхний рынок), две другие представляли собой новые торговые зоны. Примечательно взаимное положение и соотношение размеров этих форумов. В плане они отчетливо размещались по треугольнику, вызывая ассоциации с подобной композицией в Черикове. Число основных площадей и их треугольное расположение позволяют выдвинуть гипотезу, что здесь, как в ряде уже рассмотренных случаев, архитектор-планировщик оперировал символом Св. Троицы, вкладывая сакральное благоденствие и защищенность в новый городской организм. Действительно, в условиях освоения обширной территории, значительно превышавшей, например, селитебную зону Черикова, логично было бы организовать четыре-пять или более площадей, однако использован тот же прием, что и в малом городе. Взаимоположение форумов явно равновесно — две пространственные ячейки на одном берегу реки про-

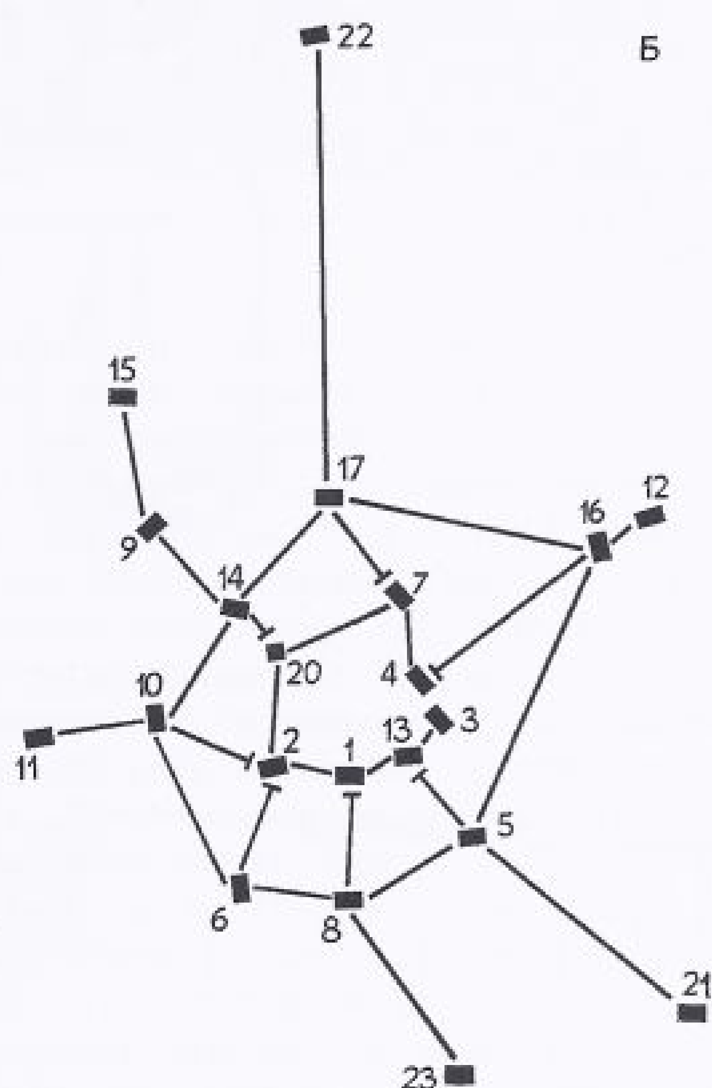

Рис. 143. Минск. Схема размещения высотных доминант в XVIII в. (*А*) и в начале XIX в. (до 1809 г.) (*Б*) (реконструкция автора): *1* — ратуша; костелы: *2* — иезуитов, *3* — бернардинцев, *4* — бернардинок, *5* — доминиканцев, *6* — бенедиктинок, *7* — бонифратеров, *8* — францисканцев, *9* — кармелитов, *10* — бенедиктинцев, *11* — рохитов, *12* — парафиальный; церкви: *13* — Святодуховская, *14* — Петропавловская, *15* — Воскресенская, *16* — Троицкая, *17* — униатская в замке, *18* — униатская в Троицком посаде, *19* — униатская на остатках цитадели, *21* — Успенская; *20* — синагога, *22* — мечеть, *23* — кирка

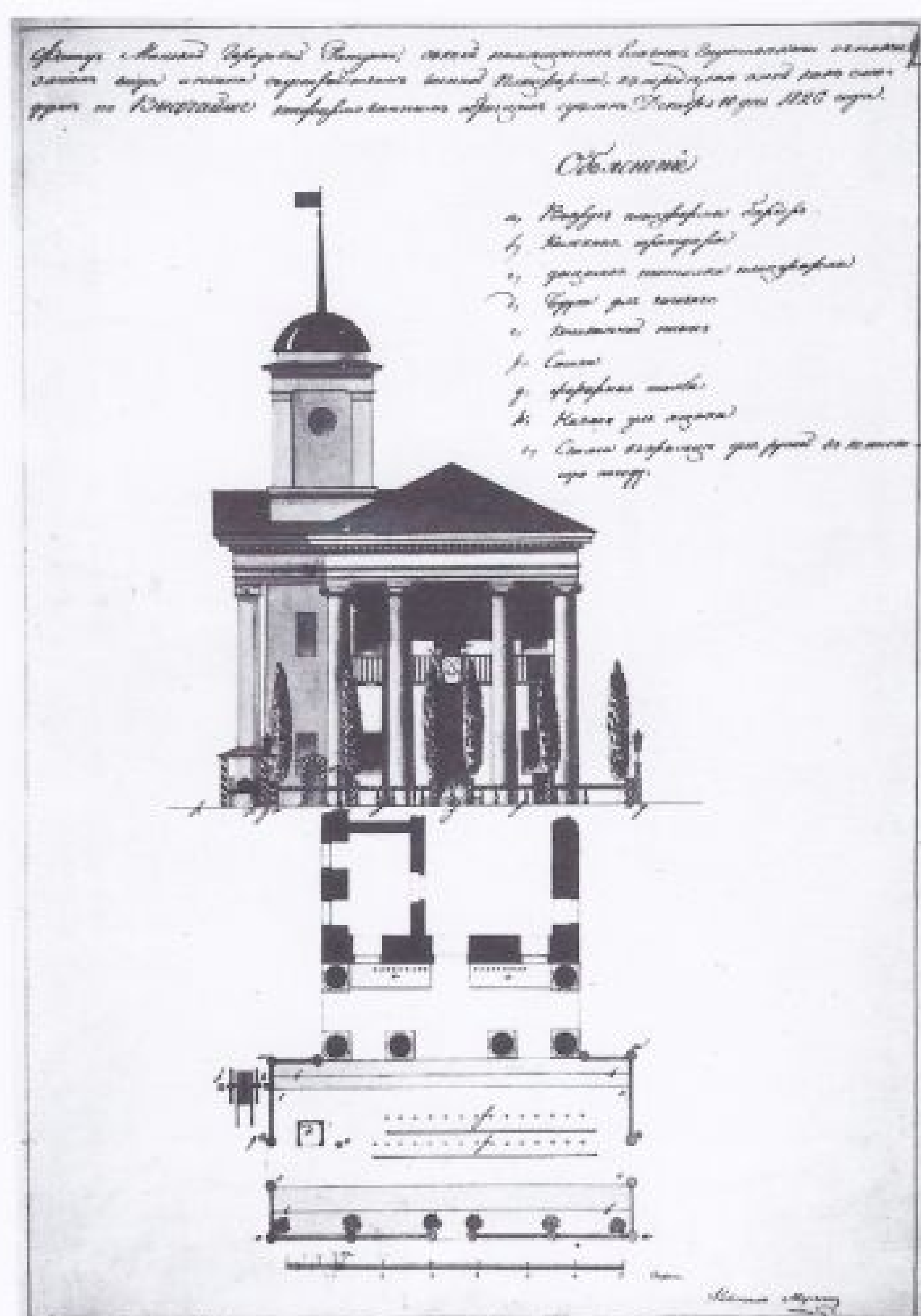

Рис. 144. Минск. Ратуша. Чертеж 1825 г. (РГИА)

тивостоят одной удвоенных размеров на противоположном. При этом новые рынки органично «вмонтированы» по диагонали в как бы центрально симметричные излучины реки.

Несколько однообразная система прямоугольных кварталов по контрасту сочетается с живописным, извилистым очертанием речного русла. В районе Троицкой горы с наиболее крупной площадью уличная сеть приобрела радиально-дуговой характер, художественно дополняя общую ортогональную структуру. Кроме естественной трассировки лучей в соответствии с особенностями рельефа здесь налицо романтизированное проявление маньеристической градостроительной традиции. Фокусом схождения улиц-радиусов выбрана достаточно далекая точка за пределами городского плана, хотя разместить ее внутри границ селитьбы, в частности на Верхнем рынке, для планировщика труда не составляло.

Характер расположения высотных зданий в плане города обнаруживает закономерности, наблюдаемые в Витебске. Храмы XVII–XVIII вв. размещались по условным концентрическим ок-

Рис. 145. Минск. Верхний рынок. Дом губернатора, бывшие иезуитский костел и учебный корпус коллегиума со звонницей. Фото начала XX в. (БГАКФФД)

ружностям, опоясывающим главную площадь, и по расходящимся от нее радиусам. Окружность, в данном случае получаемая при идеализации схемы постановки доминант, как уже говорилось, является христианским символом вечности. Прослеживались две такие окружности (в Витебске — три), но радиальные направления выразились слабее. Сравнительно с Витебском система доминант охватывала меньшую территорию. Незначительное ее развитие в начале XIX в. было преемственным в отношении ранее сложившихся принципов. Лютеранская кирка и церковь при архиерейском дворе на новой торговой площади дополнили существовавшие цепочки вертикальных акцентов.

Анализируя систему культовых сооружений, нельзя не обратить внимание на их количество в окружностях. Очевидно, пространственная организация Минска, как и другие случаи градостроительной практики, позволяет утверждать о применении числовой символики, в данной ситуации священного числа семь. Вряд ли явилось совпадением, что первая и вторая окружности в течение XVII–XVIII вв. составлялись семью доминантами, а за пределами внешней окружности число храмов также достигало семи.

Возможно, общее количество силуэтоформирующих зданий, определяющих образ города, контролировалось католической и униатской церквями, подчинявшимися единому центру в Ватикане. В конце XVIII в. из 21 высотной постройки было только 3 храма иных конфессий и ратуша. Поскольку сакральность числа семь теологически признавалась всеми христианскими религиями и иудаизмом, не исключено, что количество градоформирующих элементов регулировалось совместно большинством конфессий, а также муниципальными властями. В частности, появление в первом десятилетии XIX в. за пределами второй окружности архиерейской церкви и кирки сопровождалось ликвидацией двух старых и малоиспользуемых деревянных приходских униатских церквей. Одна из этих церквей ранее стояла на остатках земляной бастионной ренессансной цитадели на юго-восточной окраине, другая — в Троицком посаде на восточной оконечности города.

Значительное расширение Минска в первой половине XIX в. обусловило территориальное развитие общественного центра. В XVIII в. он имел компактный характер, но представлял собой систему площадей. К ним относился круп-

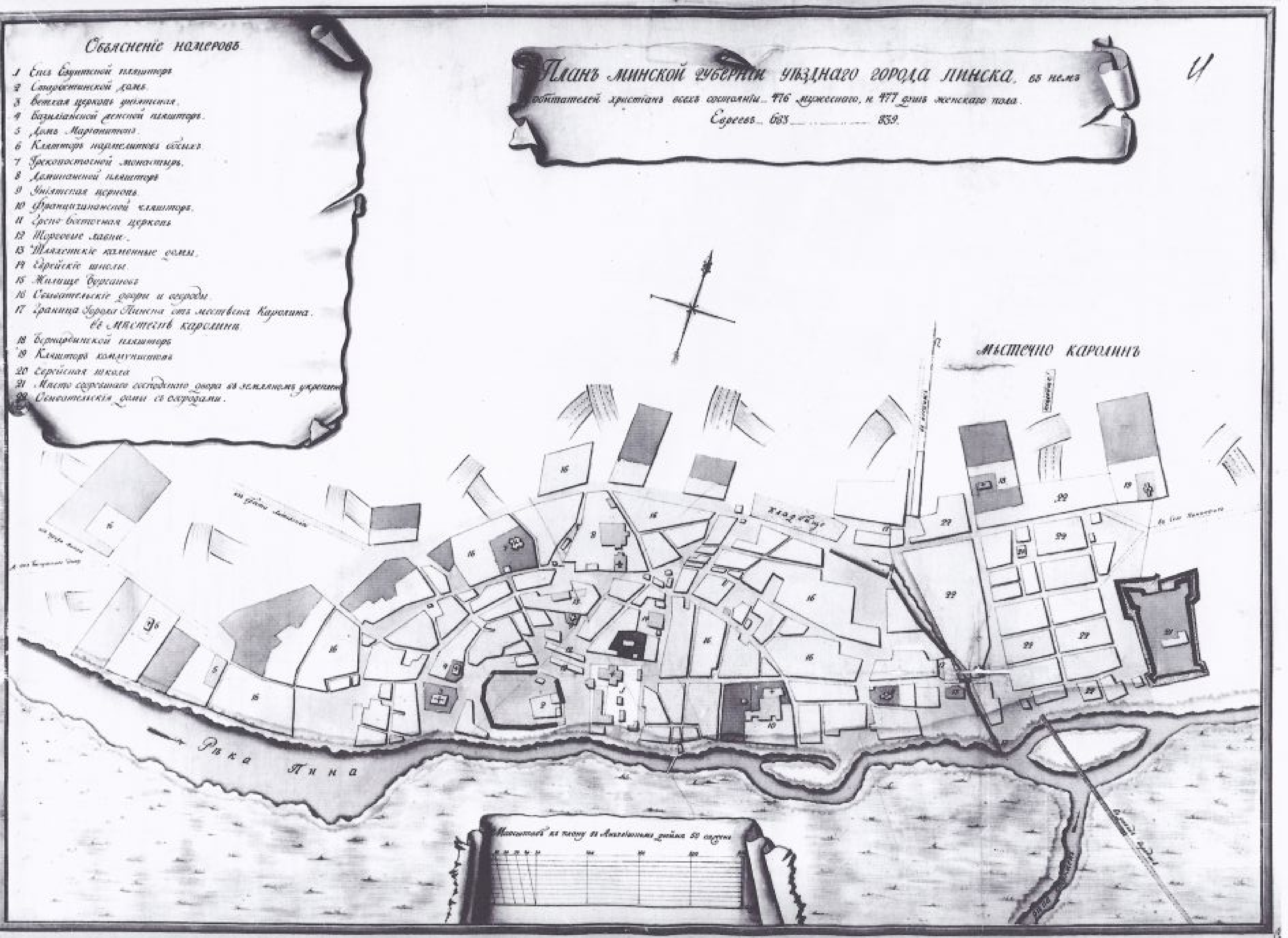

Рис. 146. Пинск. План конца XVIII в. (РГВИА)

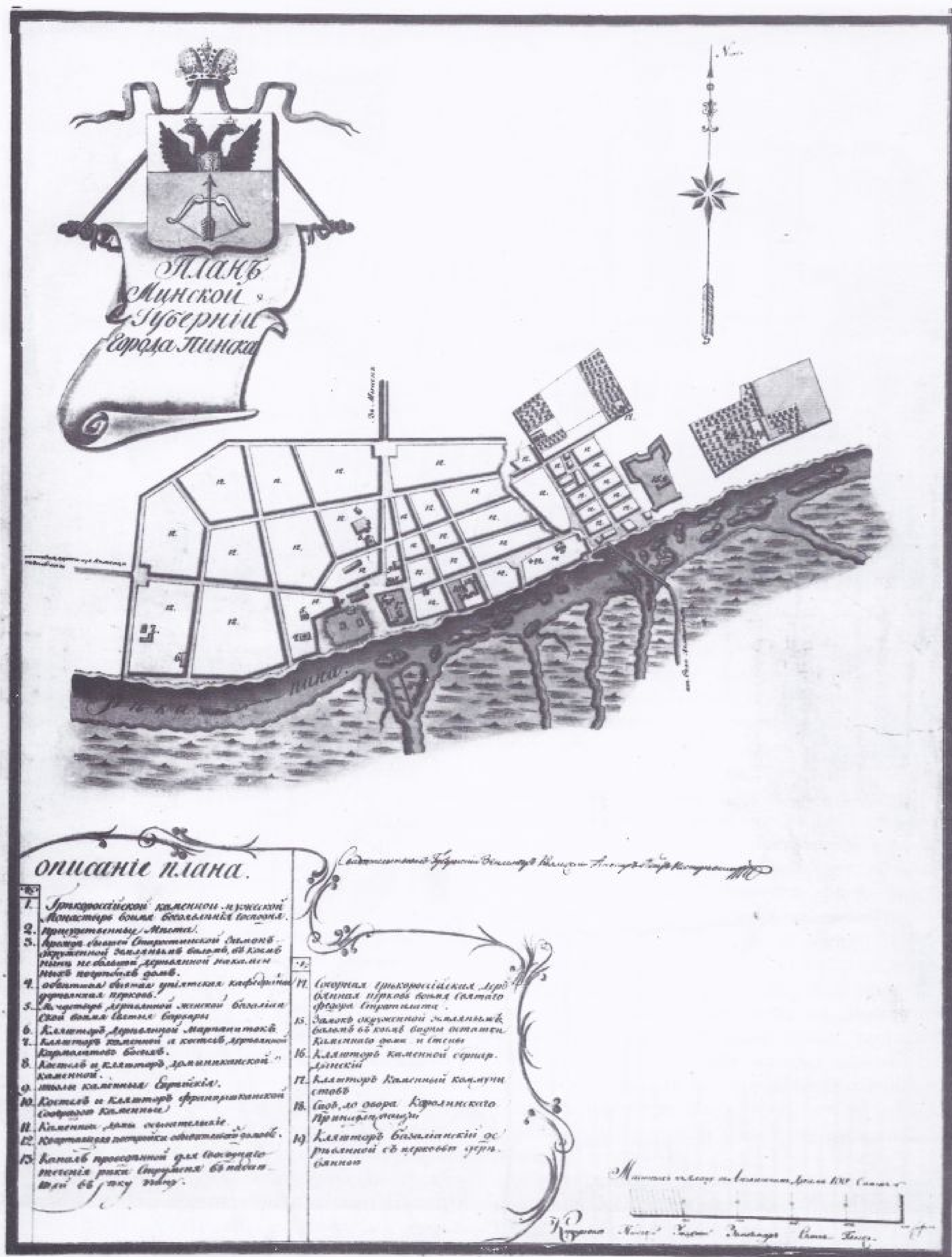

Рис. 147. Пинск. Проект планировки 1800 г. (РГАВМФ)

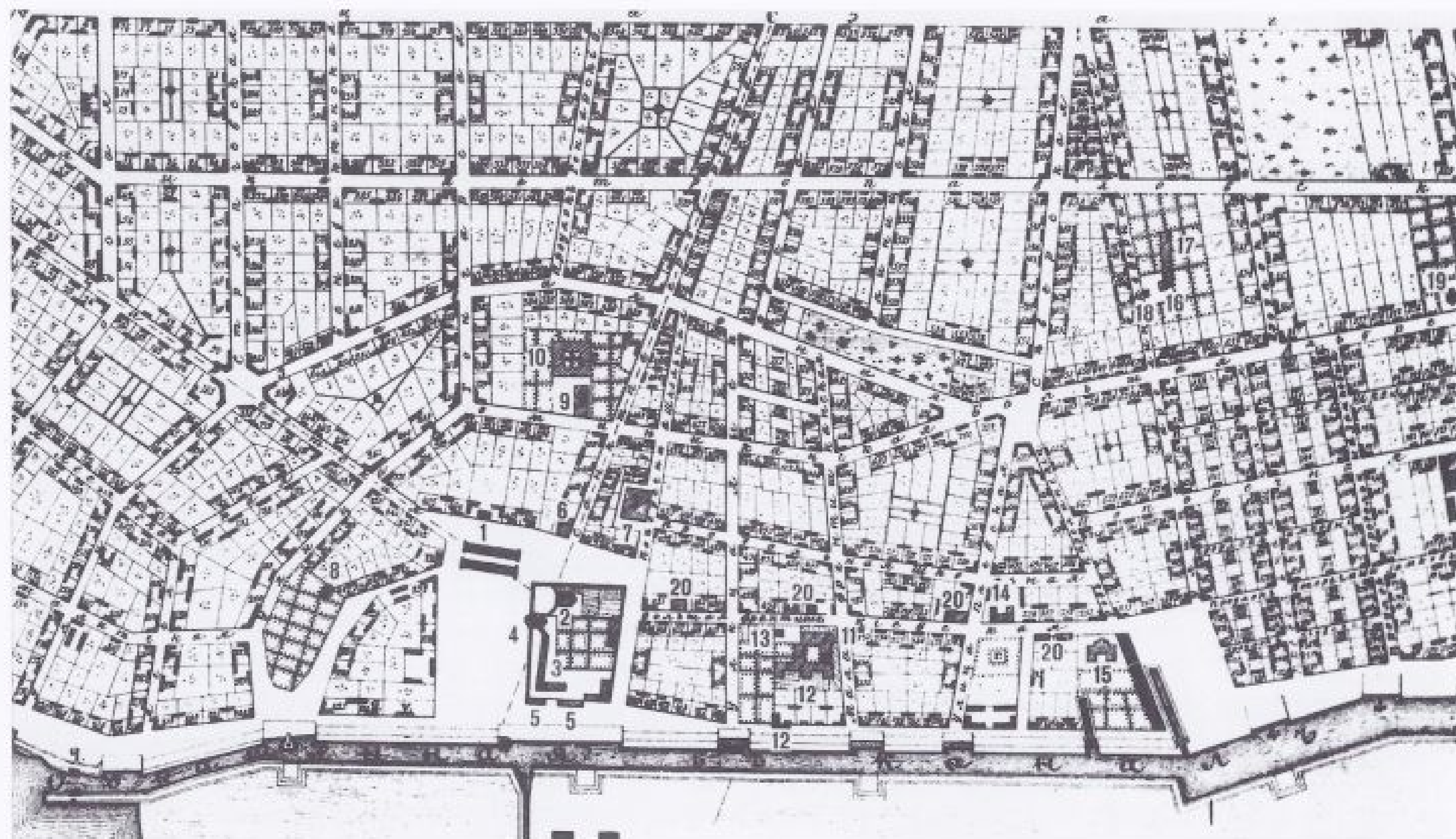

Рис. 148. Пинск. Проектный план 1856 г. (ПСЗРИ): *1* — торговые ряды; Богоявленский монастырь: *2* — собор Богоявления, *3* — жилое здание, *4* — зимняя церковь, *5* — хозяйственные постройки; *6* — приходское училище; *7* — синагога; *8* — православный монастырь; монастырь доминиканцев: *9* — костел, *10* — жилое здание; монастырь францисканцев: *11* — костел, *12* — жилые здания, *13* — колокольня; *14* — уездное училище; *15* — дворец Бутримовича; Варваринский монастырь: *16* — церковь св. Варвары, *17* — жилое здание, *18* — брама-звонница; *19* — костел св. Баромея; *20* — каменные жилые дома

номасштабный и многодоминантный ансамбль полифункциональной главной площади, регулярность и существенные размеры которой сравнительно со всем городом, как и другие особенности, свидетельствовали о готических основах ее формирования в XVI—XVII вв. Второй торгово-культовой площадью служил соседний, более древний Низкий рынок треугольной конфигурации, образовавшийся в XII—XIII вв. и связанный с главным форумом Замковой улицей с каменной жилой застройкой. Эта короткая коммуникация была типичным планировочным элементом, соединявшим район детинца (замка) и тесного средневекового торга у его стен с новой обширной площадью, в ряде случаев относящейся уже к Новому времени. Такая улица наблюдается также в Гродно, Новогрудке, Полоцке. Третье звено — площадь неправильных очертаний преимущественно культового и жилого назначения на территории замка, находившегося в 70 метрах от Нижнего рынка. Вероятно, она являлась остатками самой древней соборной площади внутри града, примыкавшей к его валам и въездной башне.

Структура трех разновеликих площадей с прилегающими культовыми комплексами благодаря компактности, собранности отличалась, например, от центра Витебска того же времени. Однако и в Минске к центральной зоне примыкали протяженные отрезки улиц с общественной застройкой. Среди них выделялась магистраль по водоразделу Троицкой горы, где сложилась малая треугольная торговая площадь перед парафиальным костелом и женским базилианским монастырем — центр Троицкого посада.

В результате реконструкции городской общественный центр приобрел разветвленную линейно-узловую схему, а его развитие осуществилось по двум направлениям — на свободную местность к юго-востоку и в глубь территории Троицкого посада. Как указано выше, созданы две новые крупные торговые площади, выполнявшие роль центров соответствующих районов, а площади на участке детинца и культовая у монастыря базилианок были ликвидированы.

К городам Минской губернии, где при реконструкции наблюдалась большая степень преемст-

венности средневековой схемы улиц, относится Пинск. Проекты его перепланировки составлены в 1800, 1842 и 1856 гг. [141, с. 129–131] (проект 1800 г. — РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14, л. 109–110; 1856 г. — [419, л. 54]). Развитие структуры по сравнению с концом XVIII в. хорошо иллюстрирует план 1856 г. В новой регулярной конфигурации города учтена существовавшая полукруглая форма плана, дополненная прямоугольной территорией предместья Каролин. Несмотря на геометризацию уличной сети, сохранились основы веерно-полукольцевой схемы. В частности, полностью унаследовались очертания главной, Большой Францисканской, улицы, что вызвано наличием на ней капитальной застройки.

В аспекте преемственности все улицы можно разделить на три типа. К первому типу относятся не измененные коммуникации, сохранившие свои линии застройки: главная магистраль и большинство улиц предместья Каролин. Второй тип — улицы, перепланированные незначительно. Спрямлены одна или обе их стороны при сохранении направления и общих очертаний. Улицы третьего типа проложены заново с учетом хаотичных в плане междуквартальных участков земли. Их ориентация повторила основные направления неправильных, существовавших здесь улиц и тупиков, а некоторые отрезки трассированы по территории кварталов [555, с. 80].

Преобразование общественного центра по проекту 1856 г. ярко характеризует тенденцию градостроительства классицизма, свойственную городам южных частей Минской и Могилевской губерний — Гомелю, Белице, Речице, Рогачеву и др. Она заключается в функционально-композиционном раскрытии компонентов центра к природному ландшафту реки и противоположного берега с формированием глубоких видовых перспектив. В русле единой эстетики стиля эта особенность не была всеобщей для белорусского региона. Например, для Витебской губернии, за малым исключением, типичен прием замкнутости пространства центральных площадей. Очевидно наличие определенных профессиональных течений в рамках строительной деятельности той или иной губернии, воплощавшихся санкт-петербургскими зодчими как авторами проектных решений, местными архитекторами и землеустроителями, дополнявшими и осуществлявшими эти решения в натуре.

Общественный центр Пинска формировался в виде системы ансамблей, которые в большинстве тесно связывались с пространством акватории р. Пины и заречной поймы, а также объединялись двумя планировочными осями — исторической главной улицей и создаваемой по проекту набережной. Основным звеном структуры служило двуединое образование — квартал бывшего иезуитского коллегиума и обширная Г-образная торговая площадь. Последняя и раньше была открыта к природному окружению, а по проекту идея ее композиционного раскрытия приобрела максимально полное выражение. Часть замка, пришедшего в упадок, предполагалось ликвидировать, что впоследствии осуществлено не было. Два новых корпуса торговых рядов по сравнению со старыми отодвинулись к северу, расширив пространство перед набережной. Планировочно замкнутый квартал коллегиума выходил на набережную и его разновысотная застройка открывалась на юг к ландшафту.

При формировании рассматриваемого компонента центра уничтожены две из трех площадей XVII–XVIII вв. — культовая возле коллегиума и синагогальная. Не исключено, что помимо задачи геометрического упорядочения планировочной сети с укрупнением кварталов преследовалась цель бесконфликтного изъятия из городской среды пространственной атрибутики, чуждой для православия и российской государственности. Кроме того, новую монументальную трактовку получил преобразованный древнерусский торг перед детинцем. Тем самым, возможно, утверждалась идея возрождения одного из центров древнейшего Турово-Пинского княжества, важного в политической истории и культурном развитии края.

При этом в решении площади налицо творческая противоречивость романтизма. Принцип раскрытия торга к ландшафту свойствен многим древнерусским городам, а также Пинску XVII–XVIII вв. Но площадь приобрела и выраженную Г-образную конфигурацию, что служило одним из типичных приемов организации городских центров в средневековом западно- и центральноевропейском градостроении. Опорная ситуация до реконструкции имела определенные предпосылки такой формы, но не столь явные, чтобы исключить иные варианты планировочной композиции.

Другое важное звено городского центра — францисканский монастырь еще в XVIII в. был создан как объемно-пространственная композиция, ориентированная на простирающуюся до горизонта заречную пойму. Жилое и учебное здание с внутренним двором имело вытянутый

Рис. 149. Пинск. Большая Францисканская (Большая Киевская) улица. Фото конца XIX – начала XX в. (до 1904 г.) (БГАКФФД)

вдоль реки корпус, благодаря чему максимально удлинился фасад всего комплекса со стороны ландшафта. Идея обращенности к природной среде подчеркивалась тремя сильно выступающими в сторону реки, на юг ризалитами этого корпуса, которые увенчивались высокими барочными щитами с богатой пластикой. Эта же тема усилена постановкой костела нефами вдоль реки и размещением колокольни на некотором удалении от его главного фасада, что еще более пространственно развивало комплекс вдоль акватории. Наконец, перед храмом широкой, перпендикулярной реке полосой располагался сад, выходивший на набережную.

Значение третьего узлового элемента приобрело новое здание уездного училища по Большой Францисканской улице и городской сад перед ним. Сад организован на участке Феодоровской церкви. Этот храм в процессе реконструкции центра был разобран, а доминиканский костел, в 1857 г. переданный в православное ведомство, преобразован сперва в соборную Преображенскую, а позже Феодоровскую церковь [439, с. 553]. В здании же уездного училища в 1858 г. открыта первая в Пинском уезде гимназия. В 80-х годах XIX в. здесь учился выдающийся советский архитектор И. В. Жолтовский [555, с. 88, 187]. В частности, по его эскизам в начале XX в. достроен четвертый ярус колокольни францисканского монастыря [471, с. 324]. Архитектурно-ландшафтная композиция узлового комплекса ориентировалась на реку, в сторону которой рельеф понижался, хотя от берега сад все же отделяла узкая полоса усадебной застройки.

Последним с востока звеном центра была городская усадьба пинского старосты М. Бутримовича и прилегающая к ней новая площадь у пристани. П-образный в плане позднебарочный дворец на главной улице, обращенный курдонером к саду и реке, раньше тоже пространственно объединялся с природным окружением. По документу 1856 г. эта связь усиливалась строительством канала-гавани, прорытой от Пины по территории усадьбы. Другой канал был устроен на

Рис. 150. Пинск. Монастырь францисканцев в композиционном завершении бывшей Большой Францисканской улицы (фото 1980 г.)

Пинскъ — Реальное училище
Pińsk — Szkoła realna

Рис. 151. Пинск. Улица Большая Францисканская (Большая Киевская). Фото начала XX в. (БГАКФФД)

площади, короткой стороной раскрывавшейся к ландшафту наподобие главного торга. Организация площади на этом месте была композиционно удачной, так как система последовательно воспринимаемых комплексов общественного центра получила гармоничное завершение. Она приобрела элемент, формально корреспондировавшийся с основным форумом и необходимый для впечатления равновесия свободных от застройки пространств.

К городам, отличавшимся от Пинска радикализмом реконструкции, близким к прямоугольнику планом и ортогональной уличной сетью, относится Речица. Перепланировка началась по проекту 1800 г. (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14, л. 69—70 — «Атлас Минской губернии») и ха-

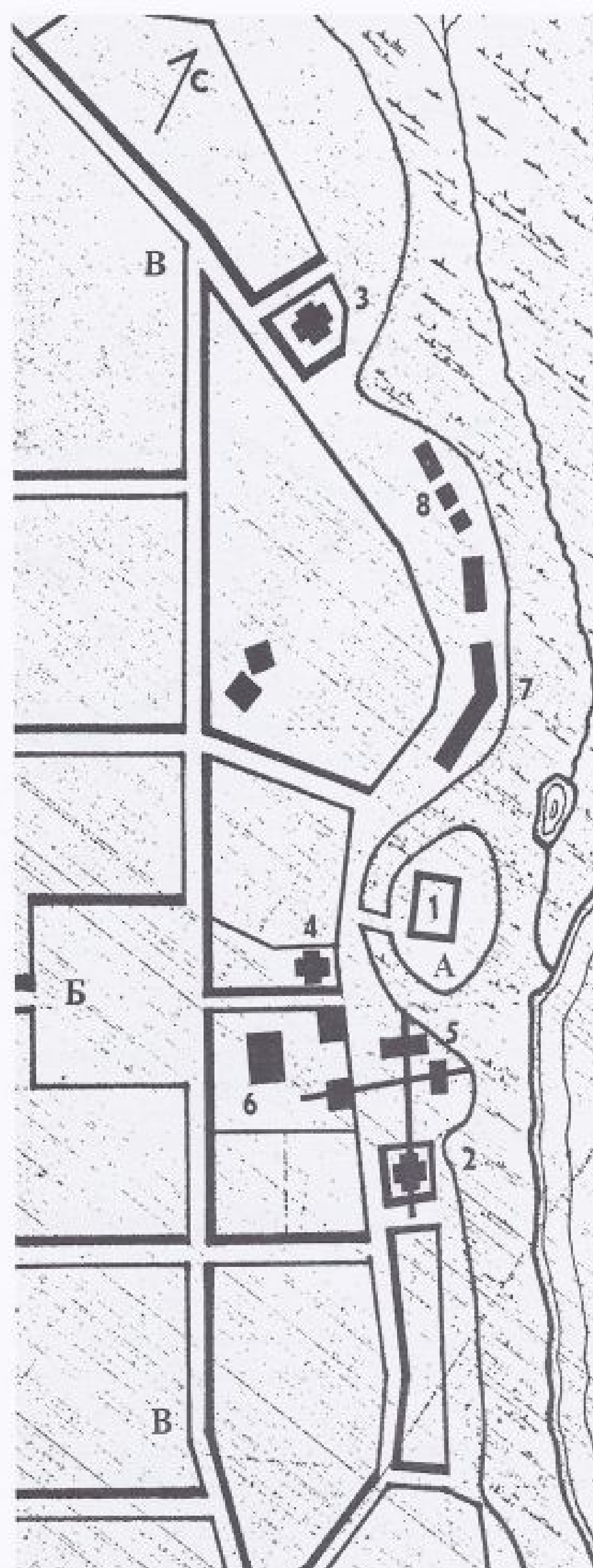

Рис. 152. Речица. Центр города в 1830 г. (по плану НИАБ): *А* — замок, *Б* — главная площадь, *В* — главная улица; *1* — острог, *2* — собор Воскресения, *3* — церковь св. Николая, *4* — монастырь доминиканцев, *5* — присутственные места, *6* — лечебница, *7* — амбары, *8* — мясные торговые ряды, кузница, баня

рактеризуется планом 1830 г. (НИАБ, ф. 299, оп. 5, д. 86, л. 4), двумя проектными решениями 1841 г. (НИАБ, ф. 1477, оп. 1, д. 2526). Была изменена веерно-полукольцевая структура, за исключением единичных нерегулярных элементов, ликвидированы все общественно значимые площади с образованием новых на других местах. Роль главной магистрали перешла к иной планировочной оси, к которой под прямым углом примыкала другая важная улица. Торговая площадь на перекрестке этих коммуникаций, прилегающая стороной к главной улице, создана путем «врезки» в территорию двух соседних кварталов так, что они приобрели Г-образную конфигурацию. Сочетание основных осей в виде креста и форум на их пересечении сбоку от более длинной магистрали свидетельствуют о римско-античных реминисценциях и заимствовании черт местных ренессансных образцов градостроительного искусства.

Радикализм преобразования нерегулярной планировки сочетался со стабильностью положения ранее сформированных функций. К середине XIX в. унаследовался характер зонирования центра, представленный полукольцом территорий общественного назначения вокруг замкового холма с острогом. В соответствии с общими градостроительными тенденциями периода увеличились участки административных учреждений, появились новые зоны: лечебная и коммунально-складская. Как и в других уездных городах, прослеживается показательная черта регулярной планировки, отражавшая социально-экономическое состояние и эстетические идеалы общества — разрыв между осуществленной в натуре планировочной формой и реальными возможностями ее наполнения конкретными общественными функциями, нежизненность некоторых градостроительных образований как компонентов центра. В Речице это выразилось в жилом использовании застройки новой главной площади, лишь с одной стороны смежной с участками культового и светского назначения.

Тем не менее достижением классицизма было создание новой структуры центра, существенно отличной от позднесредневековой и примечательной соединением распространенных, передовых эстетических идей с местными предпосылками художественного своеобразия. Центр представлял собой систему трех площадей, объединенных разными приемами и контрастных между собой по планировочному и объемному решению. К ним относились: главная площадь для торговых операций, но в первой половине XIX в. сформированная преимущественно жилой застройкой; культово-административная с Воскресенским собором, доминиканским костелом и присутственными местами; культовая, торговая и коммунально-складская с приходской церковью Николая Чудотворца и другими общественными зданиями.

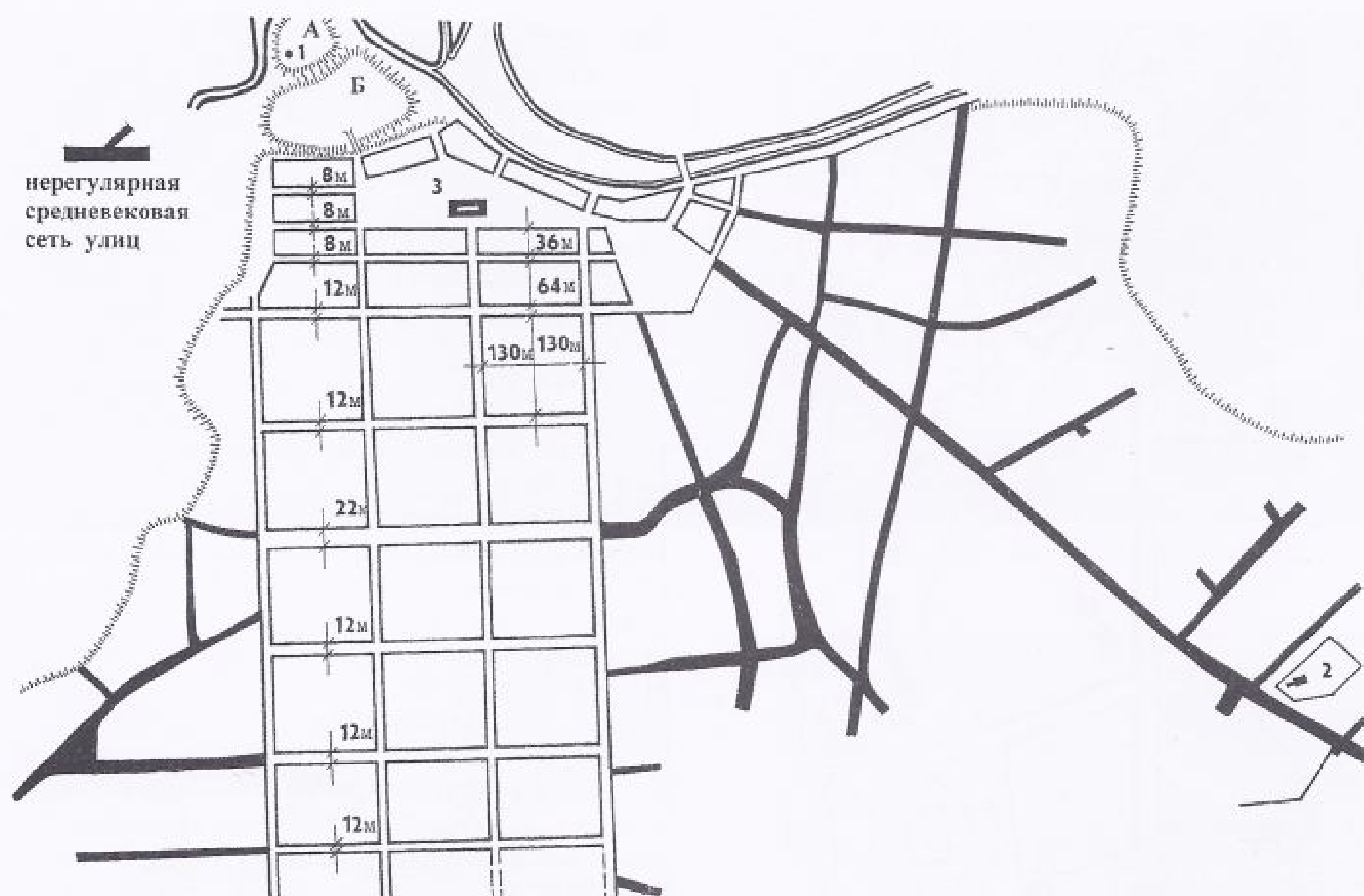

Рис. 153. Туров. План первой половины XIX в. (реконструкция автора): *А* — бывший детинец, *Б* — бывший окольный город; *1* — оборонительная башня второй половины XIII в., *2* — церковь Всех Святых 1810 г., *3* — гостиный двор (предположительная конфигурация)

Площади создали подобие Т-образной фигуры: одна из композиционных осей проходила параллельно Днепру, объединяя площади перед Воскресенским и Николаевским храмами, другая определяла поперечное направление, увязывая с пространством реки главную площадь. В классицистическом генеральном плане старый замок органично трактовался как исторически значимый узел пересечения этих градостроительных осей.

Короткой улицей главная площадь объединялась с малой культово-административной площадью на кромке плато у днепровского берега. Если средневековому, ренессансному и барочному градостроению свойственна зрительная замкнутость перспективы подводящей к площади улицы, завершенной доминантой или рядовой застройкой, то эстетика классицизма допускала раскрытие уличного пространства к ландшафту, ориентацию трассы на простирающуюся до горизонта днепровскую пойму. Такой прием, уместный при значительном возвышении берегового плато над поймой, оставляющий свободным нацеленный на небосвод «поперечный профиль» улицы, использован и в других городах Поднепровья (Пропойске, Рогачеве).

В процессе движения по улице, соединяющей площади, слева возвышался доминиканский костел, а при выходе на бровку надпойменной террасы перед зрителем открывалось пространство Днепра и, с правой стороны, Воскресенский собор, визуально уравновешивающий католический храм. Площадь характеризовалась раскрытием внутреннего пространства к ландшафту по двум направлениям: перпендикулярно Днепру, аналогично общей ориентации поперечных магистралей города, и вдоль реки, к замковому холму и стоящему на нем острогу. Один угол площади был закрыт Г-образно расположенными двумя зданиями присутственных мест, а западный и восточный углы предназначались для пространственной связи с природным окружением. В структуре застройки площади применены две пересекающиеся под прямым углом композиционные оси, вызывающие ассоциации с крестоподобным положением основных коммуникаций города и ар-

Рис. 154. Проект планировки Бобруйска. Архитектор А.Е.Штауберт (РГИА)

хитектурных комплексов всего общественного центра.

Классицистическая нацеленность на формирование объединенных городских пространств проявилась в организации эспланады, выразительно изгибающейся в соответствии с очертаниями берегового плато и связывающей культово-административную площадь с Николаевской церковью. Эспланада представляла собой вытянутую площадь перед этим храмом, с длинных сторон фланкированную жилой застройкой квартала и цепью сооружений на кромке плато: мясными торговыми рядами, амбарами, кузницей и баней. Площадь расширялась к церкви, зрительно замыкавшей ее пространство, и благодаря обратной перспективе иллюзорно приближала храм к замку и месту пересечения функциональных связей трех площадей. Кроме того, очевиден учет автором перепланировки средневековых традиций региона, существования веретенообразных площадей, по концам завершенных доминантами, попытка освоения нерегулярных стереотипов в новых стилевых формах.

В целом оправдано констатировать влияние идей романтизма на генеральный план. Это трактовка замка с деревянным острогом как исторически осмысленного планировочного узла, большое художественное внимание к напряженным абрисам рельефа. Ландшафтно-романтическая тенденция в организации центральных ансамблей закономерно обусловилась их соседством с акцентными формами природного окружения — крутой излучиной Днепра, удлиненным островом живописных очертаний, упругой линией надпойменной террасы в сочетании с овалом замкового холма.

К городам Минской губернии с прямоугольной планировочной сетью относится также Туров. Планировка Турова, как и многих изучаемых городов, ранее не исследовалась. Исключение составляет атрибутация ее как ветвистой на основании картографического документа XVIII в. [441, с. 52]. Схематичный план местечка 1920-х годов приведен в статье [269, с. 53]. Автором настоящей монографии впервые отмечено преобразование поселения в эпоху классицизма и выполнена реконструкция плана на первую половину XIX в. М 1:2000.

Редкой особенностью города служит частичная реконструкция в период классицизма. Три ряда прямоугольных кварталов образовали меридионально вытянутый район, по обе стороны от которого, контрастируя с ним, сохранились территории с чертами древней веерно-ветвистой схемы улиц. Прямоугольная структура была лишена однообразия. В условиях местечка, волостного центра, применен достаточно широкий набор приемов обогащения планировочной формы. По направлению юг — север кварталы образовали ритмический ряд, вносящий определенную динамику в плоскостную композицию. Длина квартала в двух крайних южных полосах спроектирована больше ширины, затем следовали четыре полосы квадратных кварталов (примерно 130×130 м), а на севере кварталы снова как бы сжимались к городскому центру. Вблизи главной площади их ширина постепенно уменьшалась — сперва, в одной полосе, вдвое — до 64 м, затем, в окружении площади, до 36 м.

Некоторое разнообразие в городской пейзаж вносила дифференциация улиц по ширине. Магистраль примерно по трассе одной из основных дуговых улиц древнего посада, делящая пополам район с прямоугольной планировкой, спроектирована максимальной ширины — 22 м. Остальные улицы имели ширину 12 м, а вблизи торговых площадей, корреспондируясь с измельчением кварталов, уменьшалась до 8 м и ширина улиц, что, возможно, было инициировано старым нерегулярным членением территории, более дробным в центральной зоне.

Планировочная композиция общественного центра представлена двумя площадями асимметричной многоугольной конфигурации, соединенными одним общим углом. Такая усложненная схема редка для малого поселения. Обе площади как бы помещены в оправу нескольких параллельных, а затем напряженно изгибающихся улиц, с поворотом выходящих к реке. В размещении площадей прослеживается преемственность более ранней структуры. Главная площадь, до настоящего времени называемая Красной, заняла, в основных чертах, место древнерусского торговища возле укреплений окольного города. Вторая площадь также спроектирована на территории показанного на плане XVIII в. приречного торга.

Очевидно, в застройку существовавшей до реконструкции главной площади входил монастырь или приходская церковь с кладбищем, участок которого полностью или частично заняла новая площадь. По этому поводу имеются заметки начала XX в.: «… базарная площадь в Турове, возле Замковой горы, находится на месте древнейшего кладбища … Торгующие и покупающие топчут остатки надмогильных плит, швыряют костями древних насельников Турова.

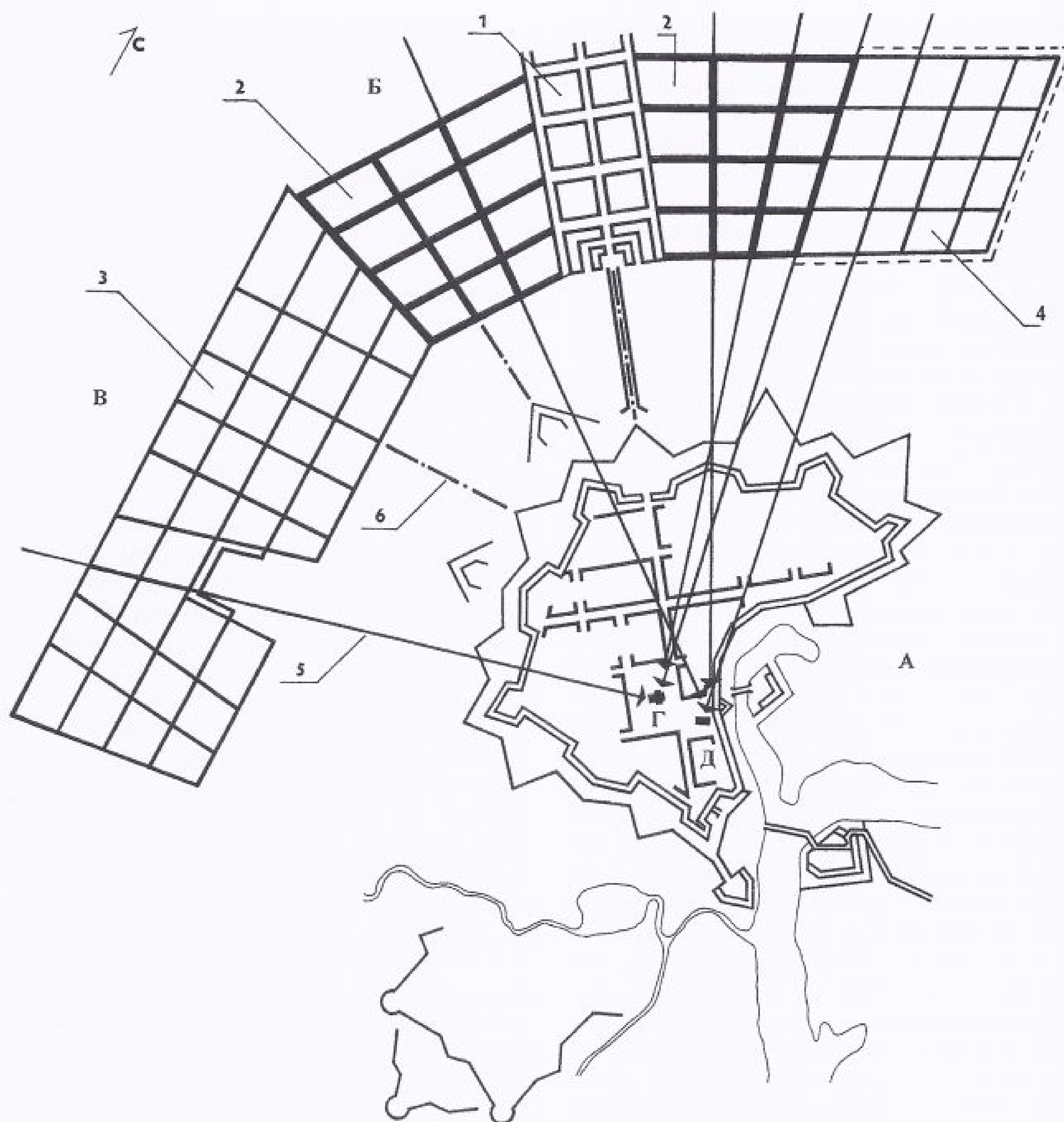

Рис. 155. Схема пространственно-планировочной композиции города: *А* — крепость, *Б* — Минский форштадт, *В* — Слуцкий форштадт, *Г* — собор Александра Невского, *Д* — приходский костел; *1* — система прямоугольных кварталов, прилегающих к главной магистрали и общественному центру города, *2* — веерная по очертаниям планировочная сеть, усиливающая градоформирующее значение крепости, *3* — протяженное крыло форштадта, придающее асимметрию общей композиции, с нацеленным на живописность усложнением рисунка, *4* — нейтральное по характеру рисунка короткое крыло форштадта, *5* — осевые видовые направления вдоль улиц на храмы, *6* — планировочные оси, композиционно связывающие оборонительные сооружения с форштадтами

Находили здесь и целые скелеты…» [346, с. 222].

В градостроительной культуре эпохи классицизма особую группу составляют крупнейшие крепости-города Бобруйск и Брест. Например, в Бобруйске, рассчитанном на гарнизон в 25—30 тыс. чел., укрепления полукольцом охватили жилую территорию с прямоугольной уличной сетью, выходившую на берег Березины. На удалении 400—600 м от оборонительной линии в виде пояса разместились форштадты, которые представляли собой сплошную застроенную полосу шириной около 600 м и тоже имели близкую к прямоугольной сеть улиц.

Планировке и некоторым элементам застройки крепости посвящен ряд исследований [211,

213], в которых введена в научный обиход важная фактологическая информация по теме. Первые проекты регулярной перепланировки Бобруйска, не предусматривающие строительство крепости, составлены в 1800 и 1810 гг. Однако проектирование оборонительных сооружений началось уже в 1807 г., а генеральные планы укрепленного города, последовательно видоизменявшиеся и дополнявшие друг друга, составлены в 1810, 1811, 1819, 1822, 1836 гг. Наиболее совершенный вид, отраженный в документе 1836 г., Бобруйск получил после посещения его в 1817 г. императором Александром I, пожелавшим «устройство в плаце Бобруйской крепости прямых улиц, бульваров и прочего» [211]. Система оборонительных сооружений возведена по проекту директора Инженерного департамента при Военном министерстве, генерал-лейтенанта К. И. Оппермана. Окончательные проекты планировки форштадтов и территории внутри пояса укреплений, а также проекты собора, общественных, жилых зданий, городских Минских и Слуцких ворот, получивших единую стилистическую характеристику, выполнил в 1817—1836 гг. архитектор Инженерного департамента, выпускник Петербургской академии художеств А. Е. Штауберт (1781—1843 гг.) [22, с. 610; 211].

При проведении исследования в архивах Москвы, Санкт-Петербурга и Минска автором изучена серия регулярных планов Бобруйска и его отдельных районов. Это документы, хранящиеся в РГВИА, ф. 349, оп. 3 — планы 1818 г. (д. 5979) и 1845 г. (д. 6817), РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14, л. 52 — план 1800 г. В РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23 проанализированы планы начала XIX в. (д. 1422) и 1828 г. (д. 1517), два плана 1829 г. (д. 1424, 1518), два плана 1830 г. (д. 1425, 1514), три плана 1831 г. (д. 1426, 1427, 1429), три плана 1832 г. (д. 1428, 1430, 1431), планы 1833 г. (д. 1432) и 1834 г. (д. 1433), два плана 1836 г. (д. 1437, 1441), два плана первой половины XIX в. (д. 1428, 1519). Среди документов НИАБ, ф. 1477, оп. 1 изучены планы 1814 г. (д. 1), 1822 г. (д. 4), 1827 г. (д. 339), 1840 г. (д. 351), 1842 г. (д. 432), 1844 г. (д. 310), 1852 г. (д. 337), два плана 1853 г. (д. 326, 342), 1862 г. (д. 190), 1864 г. (д. 3), середины XIX в. (д. 423), 1914 г. (д. 3242), а также план 1830 г. (ф. 299, оп. 5, д. 86).

В имеющихся публикациях о Бобруйске, как это наблюдается и в историографии по другим поселениям, не изучены существенные особенности развития города, структура, художественные и культурологические качества его общественного центра.

Несмотря на уничтожение средневековой планировочной сети, в новом градостроительном решении усматриваются черты преемственности: формирование плана крепости в виде большого полукруга, подобного абрису поселения XVIII в.; сохранение градоформирующего значения каменных храмов; наследование и развитие отдельных планировочных элементов — главной коммуникационной оси Минск — Рогачев, культовой католической площади. Близкая к полукруглой форма крепости, обусловленная плоской местностью и примыканием города к обрывистому берегу Березины, генетически преемственна полукруглым ренессансным укрепленным поселениям конца XVI — начала XVII в., размещавшимся в аналогичной природной ситуации (Быхов). Несмотря на различия в решении земляных укреплений, их усложнение, функционально-планировочные принципы организации оборонительной линии остались во многом прежними.

Пояс крепостных сооружений вокруг города можно представить как три основных фронта обороны длиной около 850 м каждый. Западный фронт был почти перпендикулярен южному, а северный примыкал к западному под тупым углом. Существовал и короткий северо-восточный фронт, выходивший к обрыву над поймой Березины. Каждая из трех основных линий валов и рвов была снабжена тремя обширными бастионами — крайними остроугольными и центральным с тупым углом.

Сухой ров по периметру крепости у подножья бастионной линии усиливался капонирами. Возле куртин между бастионами размещались равелины, перед которыми в большинстве случаев были созданы флеши. Равелины и флеши находились и на подступах к крепости, в том числе тет-де-пон на противоположном берегу Березины. В 1822 г. на холме по другую сторону р. Бобруйки на месте старостинского двора XVII—XVIII вв. устроено отдельное земляное укрепление, которое прикрывало подходы с юга и состояло из системы равелинов и флешей. Бастионы, равелины, капониры, ограждения, многие здания внутри крепости были выстроены из красного кирпича. По составу сооружений, оборонным возможностям и градостроительному мастерству исполнения бобруйскую крепость можно причислить к достижениям фортификационного зодчества всероссийского масштаба.

В прямоугольной планировке внутрикрепостной территории выделялись две взаимно перпендикулярные основные магистрали, трассирован-

ные как бы по касательной к дуге надпойменного обрыва. Большинство вытянутых кварталов ориентировалось длинной стороной вдоль главной, Минской, улицы, определявшей структурный каркас городского центра.

Форштадты состояли из четырех рядов кварталов, число которых к середине XIX в. возросло до шести. Созданные на свободной территории, эти районы отразили процесс формально-типологического упрощения, утраты, в определенной мере, художественной содержательности и самобытности планировочных решений крупных жилых образований сравнительно со зрелым классицизмом конца XVIII — начала XIX в. Тем не менее при организации огромной селитебной зоны реализована своеобразная композиционная идея. Пояс форштадтов запроектирован как лаконичная асимметричная форма, напряженная по рисунку, в своей целостности состоящая из пяти систем планировки.

Анализ пространственных связей крепости и форштадтов позволяет предположить, что в первой половине XIX в., как и в предшествующее время, предпринимались попытки придать городской структуре религиозную символику, освятить произведение градостроительного творчества. Такой подход одновременно был и проявлением романтической ориентации на образцы прошлого, обладавшие богословским содержанием. В Бобруйске примечателен прием сакрализации, основанный на применении чтимого в христианстве числа три, семантически связанного с образом Св. Троицы.

Высотную композицию города определяли две основные вертикальные доминанты — новый собор Александра Невского и приходский костел (иезуитский храм к этому времени перестроен под цейхгауз). Каждый из двух пространственных ориентиров замыкал видовые направления только трех улиц форштадтов, что вряд ли случайно, учитывая значительное число поперечных магистралей (22) и хорошую возможность у автора, проектирующего на свободной территории, нацелить большинство их на храмы. В малых Березинском и Паричском форштадтах, несколько выпадающих из вышеуказанной дугообразной схемы, улицы также не ориентировались на культовые здания. В 1829 г. слабо заселенный Паричский форштадт по приказу Александра I был уничтожен «с переносом годных строений на неотстроенные еще места по форштадтам Слуцкому и Минскому» [211, с. 32].

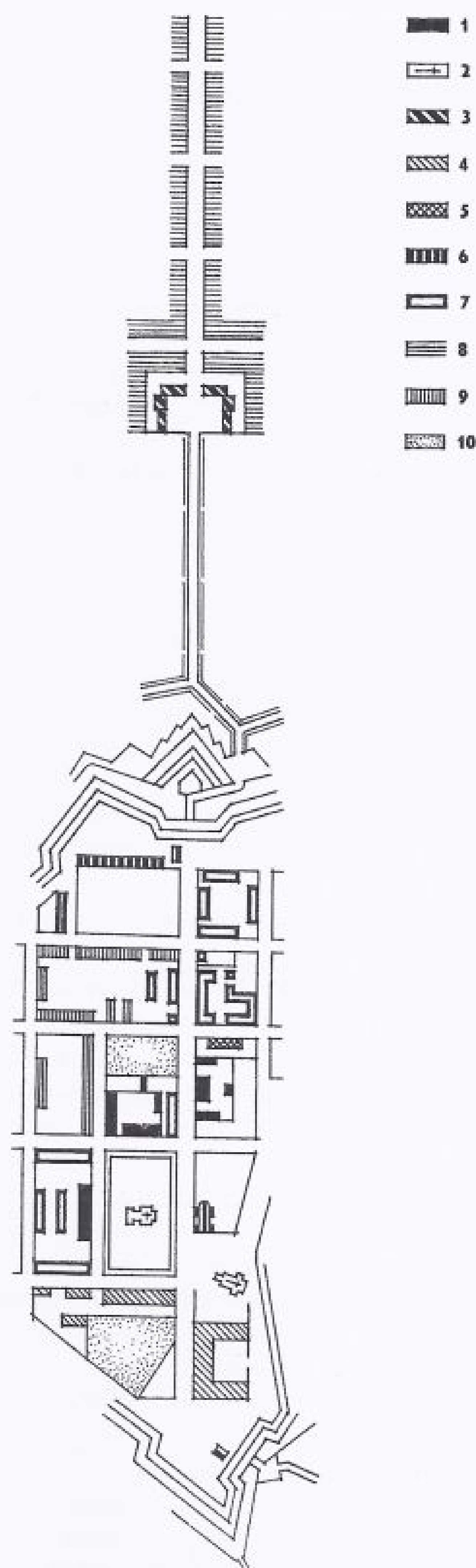

Рис. 156. Планировочная структура центра Бобруйска в середине XIX в. (реконструкция автора). Анализ функционального назначения застройки и территорий. Назначение зданий и территорий: *1* — административное, *2* — культовое, *3* — торговое, *4* — лечебное, *5* — учебное, *6* — складское и фортификационное, *7* — жилое (генералов, офицеров и состоятельных мещан), *8* — жилое (индивидуальная застройка с торгово-производственными помещениями на форштадте), *9* — жилое (казармы), *10* — рекреационное

Число три соблюдено и в положении бастионов, равелинов и флешей. Оси симметрии только трех фрагментов укреплений совпадают с осями магистралей, композиционно увязывая между собой структуру крепости и форштадтов.

Общественный центр Бобруйска имел ярко выраженное своеобразие, обусловленное удалением крепости от форштадтов и потребностью создать линейный по характеру, протяженный и пространственно развитый ансамбль для их функционального и композиционного объединения. В свойственной классицизму манере центр формировался вдоль главного проспекта и состоял из трех больших участков, каждый со своим индивидуальным решением, проходящих соответственно по крепости, Минскому форштадту и открытой территории между ними.

Внутри крепостных укреплений к основной улице с двух сторон примыкали четыре площади разного назначения и два общественных сада. В этой части центра выделялись функциональные зоны: лечебно-рекреационная, включавшая один из крупнейших в белорусских губерниях госпиталь и ботанический сад; административно-культовая на центральном отрезке проспекта, представленная площадями с православным и католическим храмами, зданиями коменданта, штаба, генеральскими и обер-офицерскими домами, училищем, общественным садом, монументальным обывательским строением; военно-складская и жилая с обширным плацом для парадов. Композиция центра основывалась на продуманном чередовании вдоль проспекта свободных пространств площадей, акцентированных культовыми вертикалями, садов и закрытых уличных пространств, фланкированных с двух сторон застройкой.

На крепостной территории к юго-западу от центра сложилась преимущественно жилая казарменная зона, а в северо-восточной части преобладали строения провиантских складов, инженерного цейхгауза, артиллерийского и инженерного парков [211, с. 30].

На Минском форштадте структурная ось города формировалась жильем состоятельных мещан. В месте выхода проспекта на открытую территорию между форштадтом и крепостью создана главная рыночная площадь. Планировка площади, проспекта и примыкающих отрезков улиц была симметричной относительно оси, тогда как по контрасту система ансамблей в пределах крепости отличалась асимметрией. Третий участок главной улицы на свободной территории был обсажен рядами деревьев, начинался от торговой

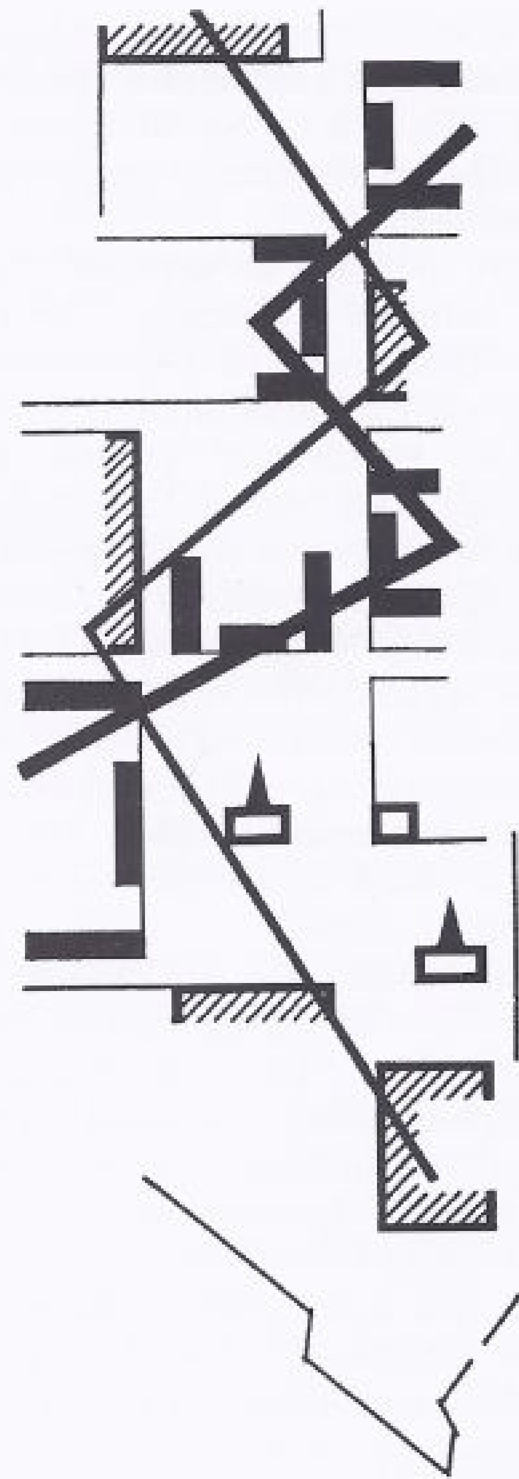

Рис. 157. Идеализированная схема градостроительной композиции центра города в пределах крепости

площади, композиционно открытой к крепости, и подходил к оборонительной линии, где фортификационные сооружения прорезали Минские ворота. Кроме рассмотренной линейной структуры городского центра в 1830-х годах на Слуцком форштадте существовали отдельно расположенные общественные постройки, планировочно не связанные с основной частью центра (церковь св. Николая, училище), а также вторая торговая площадь с лавками.

Особый интерес представляет композиция общественного центра в пределах укреплений, приведение которой к идеализированной схеме позволяет выявить художественные закономерности. Система архитектурных объемов, формирующих магистраль, периметры площадей и садов, сводится к двум часто применяемым типам элементов: сплошной протяженный блок и три П-образно поставленных объема, два из которых

Рис. 158. Бобруйск. Ансамблевая жилая и общественная застройка внутрикрепостной территории. 1818 г. Архитектор А. Е. Штауберт (РГВИА)

выходят на площадь или улицу торцами, а один — длинным фасадом. Эти типы устойчиво применяются, независимо от назначения и масштаба зданий, пропорций площадей, соотношений объемов в группе или интервалов между ними (на плане Бобруйска 1831 г. П-образная группа и сплошной протяженный объем возле плаца для парадов еще не показаны, так как построены лишь к середине XIX в.).

Относительно магистрали как оси воплощена идея композиционной неравновесности общественных пространств площадей и садов. С одной стороны от нее было четыре обширных пространства, с другой — два малых. При движении по улице преобладало их боковое визуальное раскрытие. Как отмечалось, примыкание площадей к улице одной из сторон так, что протяженная коммуникация проходила по краю нескольких форумов, характерно для средневековья и в качестве романтической реминисценции использовано в классицистическом градостроении. Иные побудительные мотивы применения данного приема, вероятно, отсутствуют, на что, в частности, указывает нерегулярная планировка Бобруйска конца XVIII в. в сравнении с итогами реконструкции.

Принцип сознательно закладываемой неравновесности элементов композиции оказался исторически традиционным для Бобруйска на разных этапах его развития. Если в XVIII в. наблюдалась неравновесность объемов культовых доминант, то в XIX в. это свойство проявлено на материале замкнутых городских пространств. Одной из осей, относительно которой формировалось неравновесие, служила в оба периода одна и та же главная улица. Эстетический подход А. Е. Штауберта подтверждает характерную для классицизма идею романтической преемственности, свидетельствует о творческом мастерстве зодчего. Воплощение неравновесия именно на примере пространств закономерно в связи с типичной для стиля вообще тенденцией образного преобладания архитектурного пространства над массой.

Тем не менее в композиции центра применен и принцип равновесия, но в отношении взаимоположения объемов. П-образные группы, обращенные курдонером внутрь квартала, располагались по обе стороны вдоль магистрали зигзагом и тем самым равновесно. Лишь в районе Соборной площади наблюдалось одностороннее увеличение числа элементов этого типа. Аналогично размещались и другие элементы: сплошные протяженные блоки тоже формировали равновесную зигзагоподобную структуру и концентрацию объемов у главной площади, но уже с противоположной стороны от магистрали. Так, визуальное равновесие реализовано в применении и сочетании двух зигзагообразных схем постановки объемов и в одинаковом наращивании элементов по разные стороны от планировочной оси. Застройка проспекта имела единую стилистическую характеристику, обусловленную ансамблевым подходом к организации крепости, общим авторством большинства зданий и их почти единовременным проектированием.

В градостроительные формы Бобруйска А. Е. Штауберт заложил христианскую семантику, что показано на примере воплощения священного числа три и будет рассмотрено ниже при анализе Соборной и культовой площадей. Вероятно, зодчему была известна и языческая символика, используемая в русле творческого метода романтизма для обогащения смыслового содержания городской структуры. Постановка однотипных групп застройки с формированием двух зигзагоподобных схем слишком целенаправленна и однозначна, чтобы оказаться случайным художественным решением. Зигзаг является дохристианским знаком молнии и с началом в XVI—XVII вв. массового распространения артиллерии, «громовного огневого боя» применялся в порядке древнейшей традиции как оберег на фасадах крепостных стен в качестве символической защиты [363, с. 184]. При этом приемы формального выражения зигзага были разнообразны. Очевидно, и в масштабе градостроительных построений классицизма воплотилась историко-романтическая идея оберега, естественно нашедшая свое место именно в случае возведения города-крепости, главную опасность для которого таила огневая сила артиллерии.

После 3-го раздела Речи Посполитой были осуществлены реформы административно-территориального деления и в начале XIX в. определились границы Гродненской и Виленской губерний, большие части которых входят в территорию современной Беларуси. На протяжении первой половины XIX в. перепланировка городов этих губерний носила сугубо поверхностный характер или вообще не осуществлялась. Реконструктивные мероприятия сводились к локальному выравниванию линий застройки неправильных, средневековых в основе структур, приращению небольших регулярно спланированных участков к уже сложившимся районам, а также проектным предложениям по коренному преоб-

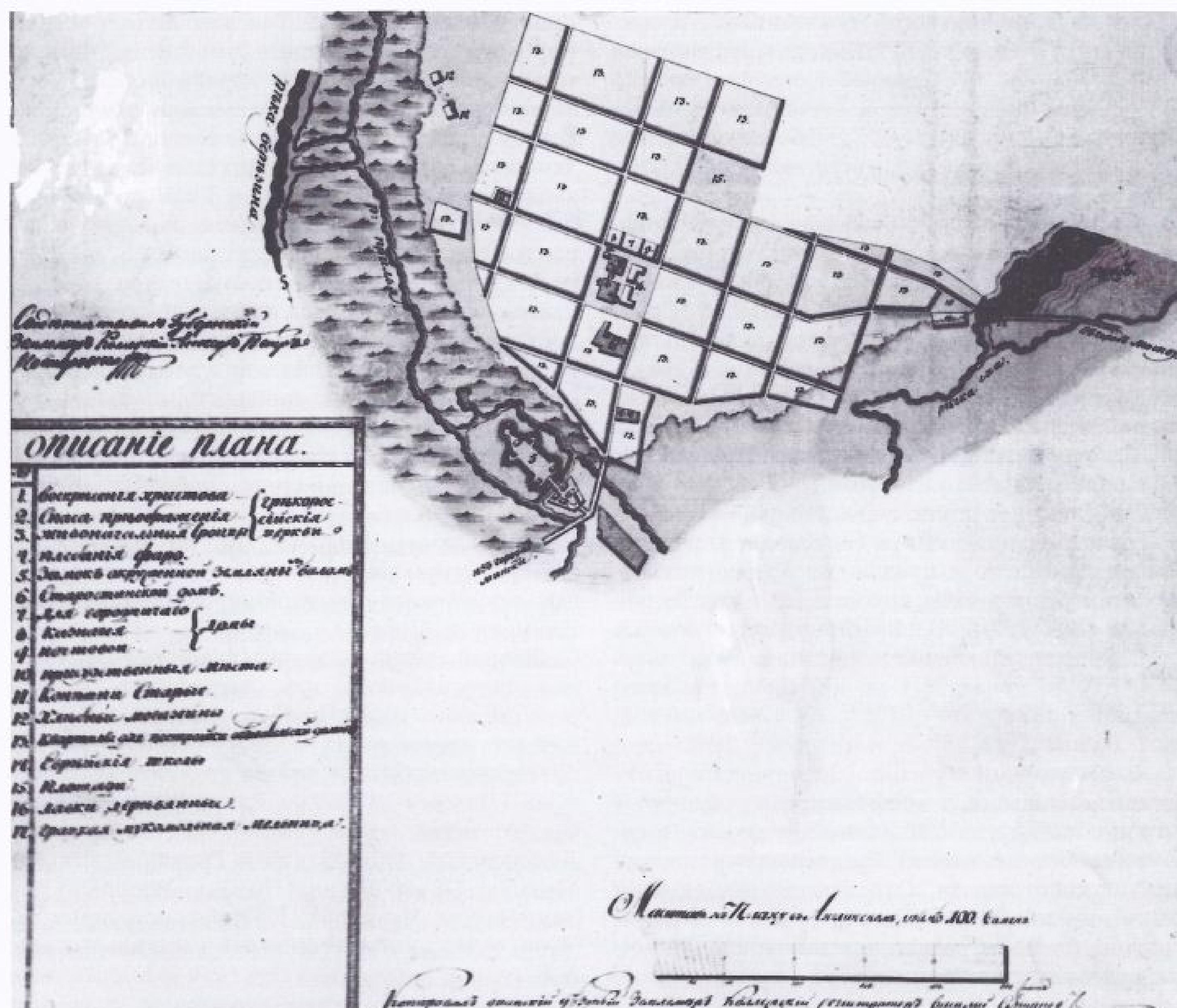

Рис. 159. Борисов. Проектный план начала XIX в. (РГАВМФ)

разованию частей поселений, которые, однако, не осуществлялись. Исключение составил Брест, где государственная военно-политическая стратегия вызвала необходимость полного сноса средневекового города с сохранением лишь отдельных культовых сооружений. На его месте создана мощная система укреплений, а в удалении — распланированный по прямоугольной схеме форштадт наподобие небольшой части кольца вокруг крепости [573, с. 299, 300].

Фрагментарная направленность реконструкции, очевидно, определилась следующим. Во-первых, фиксационные картографические документы показывают, что поселения западных и северо-западных регионов Беларуси обладали большей долей капитальной массовой застройки сравнительно с деревянной, чем восточных и юго-восточных территорий. Кроме того, плотность размещения зданий в центральных зонах городов была несколько выше. Оба обстоятельства обусловились, главным образом, градостроительными традициями предшествующего времени. Соответственно коренная реконструкция городской среды была трудно осуществима.

Во-вторых, опыт перепланировки поселений Витебской, Могилевской и Минской губерний, вероятно, привел к постепенному пониманию и отрицанию преобладающе формальной природы преобразований. Было осознано отсутствие общественной необходимости ломки нерегулярной планировочной структуры при возможности решения преемственными методами

задач внутригородского расселения, территориального развития селитьбы и транспортных коммуникаций, дальнейшей застройки центра. Возобладал прагматичный, экономически более обоснованный подход к разработке функциональных и идейно-художественных практических вопросов.

В Гродненской губернии локальное упорядочение отдельных, в основном периферийных, участков уличной сети получил Слоним (план Слонима 1825 г. — СКМ, № 490, инв. 2285). Несколько большей радикальностью отличалась реконструкция Кобрина, о чем свидетельствуют «План уездного города Кобрина с предполагаемым прожектом 1810 года месяца мая», проектный «План устройства города Кобрина. 1846 г.».

Проекты коренной перепланировки Волковыска и создания пяти- и семилучевой системы улиц Занеманского предместья Гродно вообще не были реализованы (проектный план Волковыска 1809 г. — РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 2834, его фиксационный план 1913 г. — НИАБГ, ф. 11, оп. 11, ед. хр. 48; планы Гродно 1811 и 1824 гг. — РГИА, ф. 1293, оп. 168, д. 2, 3).

В Виленской губернии следует отметить развитие Вилейки, где сформирован обширный район с прямоугольной схемой кварталов и сохранена без изменений средневековая нерегулярная часть города. Отрезки некоторых улиц были выровнены в Ошмянах и Дисне. В Лиде главная площадь расширилась к западу, участки отдельных улиц приобрели прямолинейные очертания.

Вилейка и Дисна, ранее входившие в Минскую губернию, и Лида, входившая в Гродненскую, были включены в состав Виленской губернии в 1843 г. Однако первые проекты реконструкции Вилейки и незначительного упорядочения планировки Дисны (РГИА, ф. 1350, оп. 312, д. 14) разрабатывались еще в 1800 г. Кроме того, в первой половине XIX в. выполнен «План города Дисны, вновь прожектированный для постройки обывательских домов» (НИАБГ, ф. 11, оп. 13, ед. хр. 6). Проектное предложение по Лиде относится к 1842 г. (НИАБГ, ф. 11, оп. 6, ед. хр. 297).

Градостроительство классицизма в Беларуси, наравне с русским классицизмом в целом, было содержательным явлением культуры, которое вобрало многовековой опыт зодчества Великого княжества Литовского и достижения мирового художественного мышления, на длительное время определило коренные черты планировочных структур и застройки поселений. В результате проведенного исследования выявлены характерные черты процесса преобразования городских поселений и их общественных центров в период классицизма, которые в основном заключаются в следующем.

Методы реконструкции городов разного генезиса обусловливались степенью преемственности существовавшей планировки. Первый метод заключался в ликвидации постепенно сформировавшейся нерегулярной структуры, часто древнерусской в основе, и создании на ее месте или поблизости регулярной композиции кварталов (Бабиновичи, Белица, Бобруйск, Брест, Городок, Дрисса, Копысь, Лепель, Мстиславль, Речица, Сураж, Чечерск). При размещении новой структуры рядом со старой последняя иногда продолжала функционировать (Вилейка, Климовичи, Шклов).

Второй метод — значительное преобразование нерегулярного или регулярного готико-ренессансного плана при сохранении планировочных направлений и других особенностей, осознании самобытных качеств сложившейся структуры (Витебск; Гомель; Давид-Городок; Кричев; Могилев — Виленский, Задубровенский, Луполовский, Покровский и Троицкий посады; Мозырь; Орша; Пинск; Полоцк; Рогачев; Столин; Чаусы; Чериков). При реконструкции по обоим методам общественные и капитальные жилые здания использовались как опорные элементы, а зоны усадебной деревянной застройки свободно видоизменялись.

Третий метод — сохранение существующей структуры и упорядочение ее единичных фрагментов. Он реализован в городах, где общая неправильная планировочная сеть сочеталась с регулярной схемой XVI—XVII вв. главной площади и примыкающих улиц или другого района (Гродно, Слоним, Слуцк), поселениях с регулярной готической или ренессансной системой улиц (Борисов, Быхов, Дисна, Игумен, Кобрин, Минск, Могилев — Старый город и Шкловский посад). Большинство городов и местечек расширились, получив на освоенных территориях правильную планировку.

Городские улицы разделялись на неизмененные, преобразованные незначительно со спрямлением сторон и сохранением направления, проложенные заново с использованием эле-

ментов старой планировки, на свободной местности.

Дифференциация методов реконструкции поселений, отчасти обусловленная накоплением опыта реализации, во многом определила специфику губерний. Для территорий, отошедших к России в 1772 г. — Могилевской и Витебской (первоначально — Полоцкой) губерний типична реконструкция по первому и второму методам, хотя встречаются единичные примеры использования третьего. Для Минской губернии, учрежденной в 1793 г., характерно преобразование городов в основном по второму и третьему методам. Для Гродненской и Виленской губерний, территория которых включена в Россию в 1795 г., — по третьему. С востока на запад, следуя этапам присоединения, степень преемственности возрастала.

В проекты городов, получавшие в итоге преобразования симметричную относительно одной или двух осей простую форму или усложненную ландшафтом конфигурацию, закладывались композиционно разнообразные системы планировки. По характеру очертаний их необходимо разделить на типы.

I. Прямоугольная с квадратными или удлиненными кварталами, возможно, варьирующихся размеров, в малых поселениях сочетающаяся с лаконичным квадратным, прямоугольным, шести- или восьмиугольным абрисом города (Бабиновичи, Белица, Вилейка, Городок, Климовичи, Копысь, Лепель, Мстиславль, Речица, Сураж, Чаусы, Чечерск, Шклов). Часто, особенно в поселениях большей величины, прямоугольной системе сопутствовала усложненная форма города (Бобруйск, Борисов, Брест, Витебск, Дрисса, Минск, Орша, Полоцк, Рогачев).

II. Радиальная, основанная на прокладке по всей городской территории или ее значительной части нескольких магистралей, сходящихся к условному геометрическому центру (Быхов, Гомель, Кобрин, Кричев, Пинск, Столин). В Пинске и Быхове радиусы дополняются двумя полукольцевыми концентрическими магистралями, в Столине — одной, в Кричеве — охватывающей центр полуокружной коммуникацией ломаной трассировки. Уличная сеть между лучами преимущественно имеет близкий к прямоугольному характер.

III. Усложненная планировочная система — неправильные трапециевидные кварталы, возникшие как результат упорядочения нерегулярной средневековой планировки, главным образом, в условиях пересеченного рельефа (Витебск, Минск, Мозырь, Орша).

Важнейший вклад классицизма в развитие теоретических градостроительных воззрений и практику планировки и застройки белорусских городов — создание новых общественных центров, наиболее заметно проявившееся в малых поселениях. Города и их центры получили значительное территориальное развитие. В ранг канона было возведено проектирование центра как функционально и эстетически содержательной структуры с четкой иерархией и взаимосвязью компонентов, ясностью ориентации в городской среде. В крупных городах он включал центральную (срединную) зону, где размещались общественные комплексы и жилье состоятельных владельцев, и центры периферийных посадов, часто ландшафтно обособленных. Во многих случаях центральная зона в историческом процессе освоения территории была древнейшей. Посадские центры создавались на сравнительно небольшом удалении от срединной зоны, имея с ней композиционно и утилитарно выраженную связь проспектом или системой магистралей с элементами общественного обслуживания. В центральной зоне выделялось ядро центра, место концентрации наиболее представительных сооружений — ансамбль главной площади или группы площадей. В малых городах ядро иногда совпадало со срединной зоной. Центр крупного города отличался системой дифференцированных по назначению площадей, сочетающей множество функционально-композиционных узлов и линейных звеньев. Исторически сложившаяся основная площадь часто расширялась и сохраняла главенствующее значение в новой системе.

Достижением регулярной перепланировки как гуманистической общественной деятельности явилось планомерное выведение структуры центра на периферию поселения. Была предпринята попытка равномерно донести учреждения обслуживания городского и приезжего сельского населения до всех частей жилой территории. Тем самым центр своими компонентами теснее связался с окружающей поселение местностью.

Выделяются следующие типы планировочных структур центров.

I. Центр компактного характера — полифункциональный комплекс застройки площа-

ди, свойственный малым городам. Иногда компактная структура дополнялась единичными общественными сооружениями, размещенными неподалеку и связанными с площадью основными улицами (Борисов, Кобрин, Чечерск).

II. Протяженный по характеру центр, часто развивающийся вдоль реки. В его основе — линейная система трех-четырех площадей, объединенных одной-тремя магистралями. Главная площадь — полифункциональна, другие могли быть торговыми. Образная черта такой структуры — динамичная парадность, анфиладность пространств (Бабиновичи, Белица, Бобруйск, Климовичи, Лепель, Мозырь, Мстиславль, Полоцк, Сураж).

III. Центр в виде креста или Т-подобного креста, ветви и срединная часть которого могут формироваться разными по сути и планировочному решению элементами города (Бешенковичи, Городок, Дрисса, Копысь, Речица, Рогачев, Чаусы).

IV. Центр лучевой структуры — главный функционально-композиционный узел города в виде площади и по-разному организованной территории бывшей древней крепости, от которого радиально отходят магистрали. Последние служат осями всего поселения, иногда дополняются второстепенными площадями, а в районе примыкания к главному форуму застроены общественными учреждениями и репрезентативным жильем (Гомель, Кричев, Могилев, Пинск, Столин). Во образ петербургского «трезубца» в системе радиальных направлений часто выделялись три основных.

V. Центр разветвленного линейно-узлового характера (Витебск, Дубровно, Минск, Орша, Чериков). Он не укладывается в ясную формальную схему и отличается своеобразной в конкретных случаях системой площадей и проспектов.

Общими чертами центров являлись: соответствие направлений структурных осей гидрографической сети и складкам рельефа; охват центром крупного города обширной территории и индивидуальная трактовка центра каждого из посадов; размещение на основных магистралях нескольких площадей, дифференцированных по объемно-пространственному решению; распространенность трассировки двух-трех параллельных улиц, соединяющих общественные комплексы; сочетание композиционной замкнутости и раскрытия к ландшафту площадей при доминировании первого приема.

Подтверждается тенденция развития центров ряда малых городов, отразившая противоречие между экономическим состоянием и эстетическими идеалами общества — градостроительный утопизм, разрыв между осуществленной в натуре планировочной формой и реальными возможностями ее наполнения общественными функциями, нежизненность некоторых компонентов общественного центра.

Приемами организации главного проспекта как обязательного компонента центра служили: анфилада разномасштабных площадей с выделением основной; нарастание выразительности застройки с кульминацией в срединной части или в завершении магистрали; ее видовое замыкание доминантой; пересечение проспекта улицами, завершенными высотными сооружениями; виды вдоль поперечных трасс на загородный ландшафт.

В исследовании определены особенности общественных центров большого числа поселений. На примере Чаус прослеживалась преемственность, принятие императорской государственностью местной культуры, включаемой в культуру общероссийскую (преобразование крестоподобного центра XVI—XVIII вв., соответствовавшего семантике городов-магдебургий, с ратушей посередине креста, в центр в виде большего креста с новой ратушей на пересечении его ветвей).

В Чечерске, выдающемся образце реконструированных малых городов, обнаруживаются особенности: варьирование размеров почти одинаковых кварталов и создание «живого» квадрата главной площади; модульность плана (2 саж.) и кратность его размеров длине фасада ратуши (10 саж.); геометризация композиции: размещение дворца в вершине умозрительного угла, ратуши — на биссектрисе, а храмов — на его сторонах и на окружности с центром посередине ратушного фасада; формирование городского силуэта купольной темой культовых зданий, сочетающейся с трапециевидным шатром ратуши и дополненной малыми куполами и шпилями; трактовка города как торжественной композиции, раскрывающейся при движении к дворцу с организацией эффектных видов; создание узловых зрительных точек с использованием приемов единовременного обозрения с малых расстояний всех доминант (горизонтальный угол зрения — 50—70°) и слитного восприятия их визуально соприкасающихся объемов; театральность, выверенная сценографичность

восприятия, внезапное раскрытие праздничных по образу архитектурных пейзажей.

Главная художественная идея планировки города — целостность, свойственная градостроительству классицизма вообще, создававшая убедительные и реализуемые предпосылки для целостности пространственной. При этом наблюдалось единство противоположных начал: жесткого порядка, подчиняющего разнообразный природный ландшафт и существующую застройку, а с другой стороны — живописности и формального обогащения, создания контрастов и нюансов в различных проявлениях. Как композиционно-планировочные и функциональные приемы эстетического единообразия структуры применялись:

симметрия городского плана;

проектирование декоративных вала и рва вокруг поселения, подчеркивающих лаконичную форму его плана и способствующих впечатлению целостности города при натурном восприятии;

организация торговой площади в каждом посаде как основного элемента его общественного центра;

создание в разных районах малых площадей с общим характером планировки;

единообразная, но различная в деталях компоновка подводящих к каждой площади улиц (в виде оси ее симметрии, диагонально ориентированных на углы лучей и др.);

яркое и всеобъемлющее воплощение идеи постановки доминант в завершении видовых перспектив вдоль улиц разного градостроительного значения, рек, ручьев, оврагов;

частный случай смысловой целостности города — при размещении его на обеих сторонах реки соответствие трехчастной структуре ландшафта одного берега трехчастной планировки противоположной стороны, единство пространственно разделенных естественной и искусственной систем.

Существовали художественные приемы, которые использовались для живописности планиметрической композиции, формируемой прямоугольной уличной сетью как стереотипом и имеющей тенденцию к монотонности. Кроме эстетического замысла они часто обусловливались опорной ситуацией и функциональными задачами. К этим приемам относились:

нацеленность на упрощение контура поселения в сочетании с организацией планировочно самостоятельных форштадтов, своеобразных приращений к художественному целому города;

придание обширным посадам двух- — пятичастного функционально-планировочного и художественного построения;

примыкание двух по-разному ориентированных прямоугольных схем улиц;

трассировка диагональных направлений, дополняющих ортогональную систему магистралей;

проектирование кварталов разных пропорций и размеров; противопоставление зон с масштабно отличными ячейками планировочной сети, что наиболее эффектно при соседстве таких территорий;

применение ритма постепенного увеличения ширины кварталов; пластическая идея его нарастания чаще развивалась от центра к периферии поселения.

В градостроительстве классицизма белорусских губерний получила распространение тенденция романтизма, что впервые зафиксировано в настоящей монографии. Обнаружено направление романтизма — медиевизм, интерпретации средневековой планировки, типичной для Западной и Центральной Европы. Художественная ветвь этого направления — ассоциативное преломление свойств нерегулярных структур, материализация их особенностей в канонической системе классицизма. Источником заимствования служил план средневекового поселения, которое обнесено оборонительной стеной и имеет несколько рассредоточенных по территории площадей разной конфигурации. Классицистический план, несмотря на простоту ортогонального контура и прямоугольную систему улиц, отличался экспрессивной асимметрией пространств площадей и застроенных кварталов. Живописность композиции во образ средневекового лабиринта достигалась также сочетанием разнохарактерных площадей, например квадратных и по-разному ориентированных удлиненных, многообразием размеров и пропорций прямоугольных ячеек уличной сети. В границах декоративных вала и рва вокруг города почти не было одинаковых кварталов (Чериков). Подобие прослеживалось также в характерных для средних веков приемах примыкания нескольких площадей одной стороной к протяженной коммуникации, увеличения кварталов от центра к периферии, соединения углом двух прямоугольных общественных пространств, а также формирования

Г-образного очертания площади, что типично для сложившейся без общего замысла структуры или созданной по единому решению в готическую эпоху (Бобруйск, Чериков, Игумен, Пинск).

Другая ветвь медиевизма — восприимчивость регулярной, готической планировки, что проявились в приемах: трассировка восьми или меньшего числа отходящих от углов улиц — продолжений сторон прямоугольной площади; иногда асимметричная постановка в срединной зоне площади разнохарактерных объемов (площади — главные в Бешенковичах, Бресте, Вилейке; новые рыночные в Игумене, Минске, Мстиславле; Соборная и военно-хозяйственная в Бобруйске; главная, новые административная и торговая в Черикове; культовые перед Покровской церковью в Дубровно, Воскресенским и иезуитским храмами в Могилеве).

Направление романтизма, выявленное в исследовании, — следование традициям Возрождения, творческое преломление качеств фундаментальных образцов заимствования — итальянских, французских, немецких, польских и белорусских произведений градостроительного искусства. Влияние пластики планов укрепленных ренессансных поселений — многоугольного или квадратного очертания территории и типовой пятиугольной формы бастиона — реализовалось в аналогичных приемах организации контура классицистического города (Чаусы — правильный восьмиугольник, Чечерск — квадрат с двумя скошенными углами, Бабиновичи и Городок — квадрат).

Воспроизводилась свойственная маньеризму трассировка нескольких почти параллельных направлений, незначительно сближающихся и сходящихся в точке за пределами города (Быхов). Воплощались и другие признаки ренессансной структуры: в целом симметричная торгово-ратушная площадь наподобие форума римского поселения на пересечении двух взаимно перпендикулярных композиционных осей — основных магистралей города, перспективы которых в ряде случаев замыкались центрично расположенной на площади доминантой; симметричное примыкание к противоположным сторонам квадратной или прямоугольной площади трех улиц, общее число которых, в случае прилегания ко всем сторонам, составляло двенадцать; пересечение улицами квадрата площади по диагонали (главные площади Бабиновичей — проектный вариант, Белицы, Городка, Дриссы, Дубровно, Климовичей, Копыси, Мстиславля, Речицы, Суража, Чаус, Чечерска; новые центральные и периферийные торговые площади Белицы, Бобруйска, Копыси, Минска, Мстиславля, Полоцка, Чаус, витебские Могилевский и Смоленский рынки; две культовые площади Чечерска).

В настоящем труде впервые выдвинуто и обосновано предположение, что творческий метод зодчих классицизма включал сакрализацию города применением теологической символики. В этом отношении он являлся догматическим продолжением средневековой и ренессансной градостроительной идеологии. Можно выделить священную нумерологию и фигуративный подход.

К нумерологии относилось использование числа три как воплощения образа Св. Троицы (в Задвинском посаде Витебска и Сураже — создание трехчастной композиции плана соответственно посада и города, а в Сураже — и структуры центра; в Черикове — расположение по треугольнику общественных пространств, а также культовых доминант с формированием трех умозрительных треугольных схем, в Городке — размещение по треугольнику трех площадей, в Бобруйске — ориентация трех радиальных улиц на каждый из храмов города). Нацеленно применялось число двенадцать — одно из «чисел силы», символизирующее Отца, Сына и Святого Духа, снизошедших в видимый мир, равное числу апостолов Иисуса Христа и имеющее много других сакральных значений [481, с. 69, 72] (в Бабиновичах, Белице, Дриссе, Климовичах, Мстиславле, Чечерске — примыкание 12 улиц к сторонам квадратной площади). Учитывая античную практику обозначения формами храма категорий времени (12 месяцев года, 3 декады месяца, 24 часа суток) [364, с. 179, 180], можно предположить, что пространство площади, сакрализованное 12 отходящими улицами, символизировало вечное, непреходящее время. Три улицы с каждой стороны, особенно при их строгой ориентации по сторонам света (Белица, Дрисса, Чечерск), могли означать месяцы времен года.

Фигуративный подход проявился в формировании фигуры креста — вышерассмотренные ренессансоподобные композиции или иные крестовидные пересечения основных магистралей; схема постановки доминант по кресту; крестоподобная структура центра города или групп культово-торговых комплексов района (Бе-

шенковичи, Городок, Дрисса, Копысь, Речица, Рогачев, Сураж, Чаусы, Задвинье в Витебске).

Круг — знак вечности — реализовался в геометрической структуризации городского плана подобно градостроительным композициям Возрождения (в Чечерске — постановка четырех храмов по окружности с центром посередине главного фасада ратуши как романтизированное продолжение идентичного приема в Несвиже, где на одной окружности размещены два храма и три проезжие башни, а на другой — костел и узловые точки абрисов пяти бастионов).

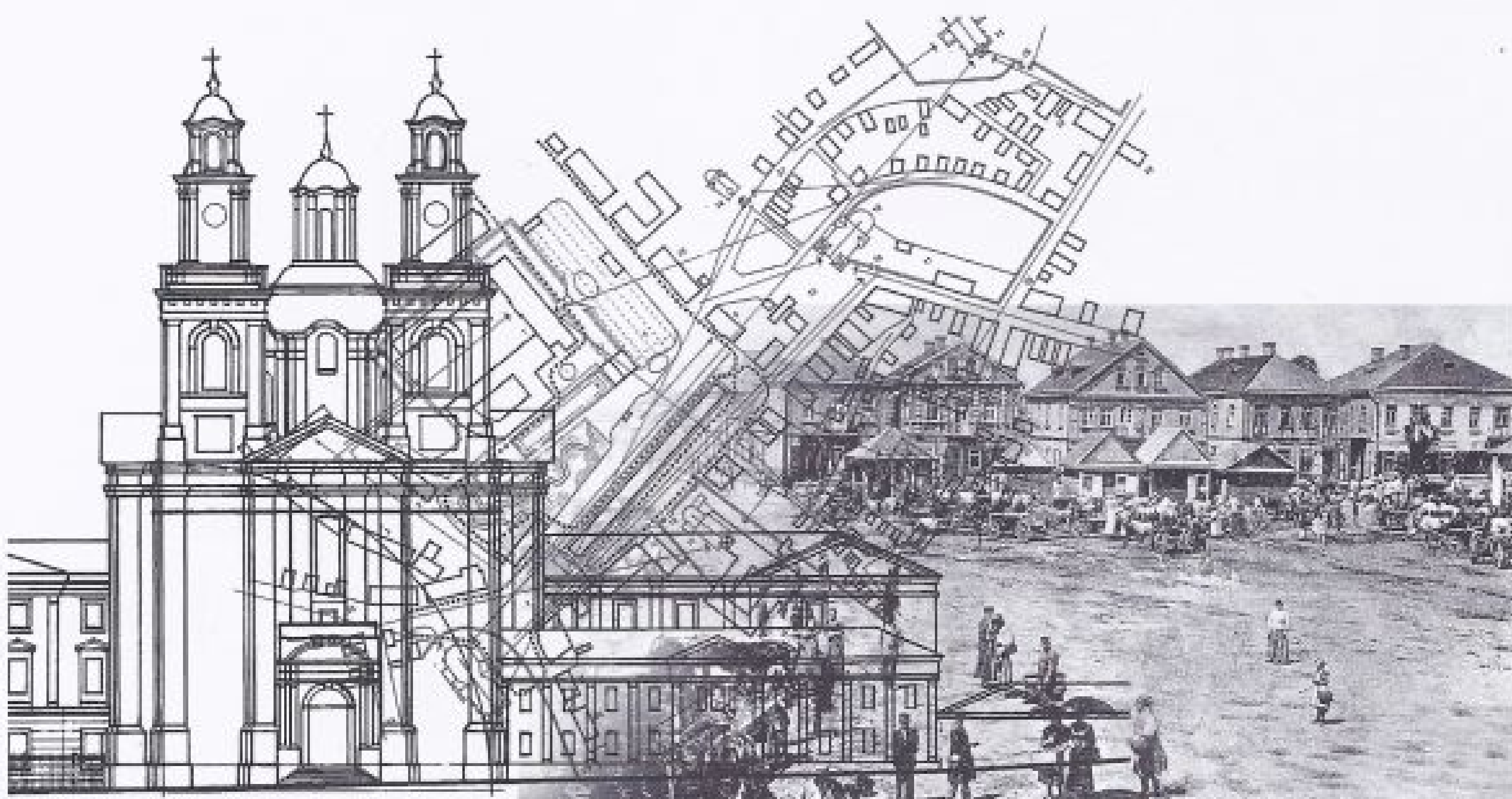
Предположительно, кроме христианской семантики фигуративный подход включал использование языческих символов, что при господстве православия не было исключением, наблюдаясь и в других сферах зодчества (зигзагоподобный ритм в композиции системы общественных комплексов бобруйской крепости, образно ассоциирующийся с оберегом от молнии, или огнестрельного оружия).

4

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННОЙ КОМПОЗИЦИИ ОСНОВНЫХ КОМПЛЕКСОВ ЗАСТРОЙКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII— ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

4.1. Сводная типология площадей по функции, времени образования планировочной основы и пространственным признакам

Исследование городов и их центров свидетельствует о том, что художественно наиболее примечательными, пространственно целостными комплексами были площади. В большинстве населенных мест они являлись единственными эстетически важными градостроительными объектами, носителями образа поселения. Во многих случаях их застройка обладала общностью замысла, совершенством композиционных связей, благодаря чему они приобретали значение ансамблей. Эти обстоятельства служили причиной подробного рассмотрения именно архитектурных комплексов площадей.

В изучении обширного фактологического материала необходима его обоснованная систематизация, предшествующая дальнейшему анализу. Задачами разработки типологии площадей по различным признакам являются:

доказать чрезвычайное многообразие этих определяющих компонентов общественных центров, свидетельствующее о высоком уровне развития, многослойности и содержательности градостроительной культуры;

привести к единой системе свойства площадей для установления их распространенных и узко специфичных особенностей;

в обилии конкретных форм выявить ранее неизвестную систему традиционных, устойчивых стереотипов пространственно-планировочных решений.

Сводная типология комплексов застройки площадей включила исходные типологии по функциональному назначению, времени образования планировочной основы, пространственным признакам. По функции выделены следующие основные типы объектов.

1. Главная площадь города — полифункциональный комплекс с культовыми, торговыми, административными, гостиничными, иногда учебными и другими общественными зданиями, дворцовыми и массовыми жилыми постройками, в ряде случаев — замковыми сооружениями.

2. Площадь торгово-культового назначения, которая служила общественным центром посада или являлась частью центральной зоны города.

3. Площадь преобладающей торговой функции — также общественный центр района или компонент центральной зоны города.

4. Площадь преобладающего культового назначения перед приходскими или монастырскими храмами разных конфессий.

5. Дворцовая (административная) площадь перед резиденцией королевского наместника, а после вхождения в Российскую империю — у дворца губернатора или крупного вельможи.

6. Площадь производственного или учебно-производственного назначения — элемент планировки мануфактурного комплекса.

7. Площадь перед корчмой, заезжим домом или почтой, выполнявшая транспортные функции и характерная для периферии поселений.

8. Предказарменная (военно-хозяйственная) площадь — компонент планировочной структуры размещенного в городе учебного, жилого и хозяйственно-складского комплекса военного ведомства.

К примеру, в русском градостроительстве XVI–XVII вв. известны виды площадей: кремлевские — административно-политические, религиозные и военные центры городов; главные торговые площади в посадах; церковные площади в посадах [512, с. 177]. Культовые посадские площади разделялись на непроезжие внутриквартальные, проезжие на развилках улиц либо перекрестках, при крепостных воротах, на окраинах жилых территорий [441, с. 289].

Площади всех типов часто имели жилую и другие функции, дополнявшие основную. Встречались также редкие примеры культово-административного (Витебск), торгово-делового (Гомель) или иного назначения площадей.

Типология комплексов второй половины XVIII — первой половины XIX в. по времени образования планировочной основы включила классы объектов: I) с нерегулярной средневековой планировочной основой, формировавшейся в течение XI–XVIII вв.; II) с готической или ренессансной планировочной основой XVI–XVII вв.; III) с барочной планировочной основой второй половины XVIII в.; IV) площади, планировка которых была преобразована или создана заново в период классицизма во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

Класс IV делится на три подкласса: площади первоначально со средневековой нерегулярной планировочной основой, с готической или ренессансной основой и новые площади, созданные на свободной или застроенной территории (площади с барочной основой в эпоху классицистических градостроительных мероприятий после присоединения белорусских земель к России не перепланировывались).

Первый подкласс имеет две группы, принадлежность к которым определяется степенью преемственности при реконструкции: объекты, сохранившие общие черты существовавшей структуры, и площади, где произошло коренное изменение планировочной первоосновы. Преобразование площадей второго подкласса в эпоху классицизма было фрагментарным. Оно сводилось к выпрямлению на отдельных участках линий застройки, регулярных в XVI–XVII вв., а в течение последующих столетий деформированных процессами городской деятельности (незначительное расширение некоторых усадебных наделов за счет пространства площади и улиц и др.).

В типологии оцениваются основные временные свойства комплексов — периоды первоначального образования и последующей значимой трансформации планировочной структуры. Формирование архитектурного облика застройки, относительно независимое от сложения схемы плана, рассматривается в дальнейшем при анализе композиции ансамблей (табл. 3).

Для выявления природы самобытности комплексов застройки автором разработана также их многоуровневая типология по пространственным признакам. Методика выполнения типологии заключалась в оценке площадей по системе критериев, которые позволили охарактеризовать типичные свойства объектов. Критериями приняты: время образования планировочной основы; главный отличительный планировочный признак площади; наличие сооружений замка в застройке площади; число культовых и гражданских высотных доминант; застроенное или свободное внутреннее пространство площади; замкнутое или открытое к ландшафту и другим архитектурным комплексам внутреннее пространство; специфичные признаки площади.

Критерии перечислены и применяются в типологии по принципу перехода от оценки свойств, особо существенных для истории градостроительства и визуального восприятия ансамбля, к более частным и второстепенным. Указанные критерии позволяют систематизировать все объекты изучаемого времени. Соответственно перечислению каждый из критериев определяет принадлежность площади к классу, виду, подвиду, типу, подтипу, группе и подгруппе объектов. При этом последующая типологическая единица более дробная по отношению к предыдущей и входит в нее (наименования единиц приняты условно).

Время образования планировочной основы служит важнейшим критерием и определяет особенности пространственного решения. Конфигурация площади в плане и размещение основных функционально-композиционных элементов застройки, сложившиеся в тот или иной историко-градостроительный период и свойственные ему, во многом определяют формальные характеристики ансамбля. В процессе развития эти характеристики дополнялись и видоизменялись, но со-

храняли специфичные для начального периода черты. Основные результаты вышеприведенной типологии площадей по времени образования планировочной основы входят составной частью в типологию по пространственным признакам с установлением четырех классов объектов.

Главный отличительный планировочный признак площади, в качестве которого чаще всего выступал геометрический характер внутреннего пространства, важен для дифференциации ансамблей в историко-культурном отношении, а также с точки зрения их натурного восприятия независимо от его типа. В связи с этим уместно указать, что существуют три типа эстетического потребления градостроительных объектов. Первый характерен для постоянных обитателей среды и отличается длительностью, повторяемостью впечатлений, большой ролью памяти, влиянием на эмоциональную оценку утилитарных особенностей. Второй тип — эстетико-информационное, музейное потребление среды, для которого свойственна относительная кратковременность, активность и детальность восприятия, малая роль функциональной оценки. Третий тип потребления — «преодолевание» пространства в движении к какой-либо цели, пассивность осознания художественных и других характеристик, за исключением элементов смысловой информации [631, с. 146].

Площади с нерегулярной средневековой планировочной основой делятся на виды: веретенообразной, неправильной многоугольной, треугольной конфигурации, с пространственно не оформленным периметром. Комплексы с пространственно не оформленным периметром встречаются в местечках. В связи с экстенсивной застройкой и прилеганием земельных угодий площадь ограничена группами зданий, размещенными с большими разрывами. Ее условное внутреннее пространство имеет визуальные выходы на окружающую природную среду и в плане не составляет определенную геометрическую фигуру.

Площади с готической или ренессансной основой подразделяются на комплексы прямоугольной, трапециевидной или близкой к ним формы; сложного Г-образного очертания с использованием прямых углов. Площади с барочной основой дифференцируются на виды: прямоугольного или трапециевидного абриса; усложненной конфигурации — правильный многоугольник или овал. Комплексы, созданные заново или преобразованные в эпоху классицизма, делятся на виды: прямоугольной или трапециевидной формы; усложненного, но геометрически ясного абриса — овального или сочетающего разные фигуры; неправильных очертаний, обусловленных использованием при реконструкции существовавшей нерегулярной планировки.

Критерий наличия замковых сооружений в застройке площади наиболее важен в отношении главных средневековых или возникших на их месте площадей более поздних периодов. Он отражает устойчивость в одних поселениях древнерусской градостроительной основы и подверженность других влиянию западноевропейской средневековой и ренессансной культур. По данному критерию площади делятся на два подвида. К первому относится площадь возле замка или дворца, построенных на месте раннефеодального детинца, сложившаяся у стен крепости, между ней и прилегающим посадом. При небольших размерах замка он целиком являлся элементом архитектурного комплекса площади. Второй подвид — ансамбль, сформировавшийся на значительном удалении от замка, хотя между ними существовали зрительные связи. К этому же подвиду относятся площади в малом удалении от замка, отделенные от него участком разного назначения и свойственные рассмотренному на с. 110 промежуточному типу городов.

Число высотных доминант — важный критерий различимости визуальных качеств ансамблей, который в большей степени, чем иные, осознавался горожанином. Кроме характеристики градостроительной формы он наглядно отражал функцию среды. Множественность культовых вертикалей представляла и силу идейно-конфессиональной нацеленности архитектуры общественного форума. Установлена возможность существования восьми типов площадей — от не имевших высотных сооружений до располагавших семью доминантами.

Например, семь вертикальных доминант существовало на Верхнем рынке Минска: ратуша, базилианский, мужской и женский бернардинские, доминиканский, иезуитский костелы, колокольня при последнем. Несмотря на обширность объекта исследования и привлеченного картографического материала, пока не удалось обнаружить площадь с шестью ведущими сооружениями. Однако не вызывает сомнения, что дальнейшее пополнение историко-градостроительной фактологической базы либо возможное расширение временных рамок исследований позволят выявить именно это число высотных зданий. Формирование же площади восемью или более доминантами в условиях Беларуси, по мнению автора, маловероятно.

В обилии приемов организации разных по функции площадей наблюдались две ветви развития композиционных решений: свободное от застройки внутреннее пространство между сторонами площади; включение в это пространство объема или группы объемов с островным их размещением. Эти широко распространенные принципы, имевшие первообразы в истории европейского зодчества, начиная с античности, определили два подтипа площадей.

По критерию замкнутости или открытости внутреннего пространства площади к ландшафту и другим элементам городской среды установлены соответственно две группы объектов. С одной стороны, устойчивость восточнославянской планировочной основы XI–XIII вв., а возможно, и влияние градостроительства Московского государства XV–XVII вв. обусловили живописную постановку объемов по периметру площади с раскрытием ее внутреннего пространства, формированием ближних и дальних видовых перспектив на долины рек и заречные территории. Объединение площади с другими городскими пространствами осуществлялось сравнительно узкими зрительными коридорами или широким фронтом по одному или более направлениям. С другой стороны, образование новых, всегда замкнутых регулярных площадей на удалении от детинцев и в целом процесс латинизации с проникновением западноевропейского градостроительного мышления, вероятно, стимулировали развитие в XVI–XVII вв. принципа замкнутости ансамблей с нерегулярной планировкой. В XVIII в. площади с замкнутым периметром количественно преобладали. Вторичное распространение на новом историческом этапе идеи открытого пространства относится к периоду барокко и, главным образом, классицизма, когда в проектировании городов развернулось ее широкое воплощение в различных композиционных проявлениях.

Наконец, последний критерий, дополняющий предыдущие, затрагивает не типичные свойства, а специфические особенности площади. Их природа индивидуальна в каждой конкретной подгруппе и во многом вытекает из черт ансамбля в зависимости от его класса, вида, подвида, типа, подтипа и группы.

В результате типологизации по пространственным признакам комплексов застройки площадей второй половины XVIII — первой половины XIX в. установлены 132 низовые типологические единицы — подгруппы, каждая из которых иллюстрируется несколькими примерами (табл. 3). В процессе дальнейших исследований, основанных на предлагаемой в монографии методике типологии площадей по пространственным признакам, по мере расширения круга изучаемых объектов и охвата иных исторических периодов, количество подгрупп может увеличиться.

Ниже выполнен подробный анализ нескольких ансамблей площадей, состав застройки которых, как и подавляющего большинства комплексов второй половины XVIII — первой половины XIX в., являлся барочно-классицистическим. Выбор примеров для рассмотрения определился следующим:

высокой эстетической значимостью ансамбля и существенным местом в истории градостроительного искусства;

наличием фактологического материала (карто- и иконографические документы, данные литературных источников, сохранность элементов застройки и др.), позволяющего всесторонне оценить ансамбль, выполнить графические реконструкции и на их основе — анализ композиции;

необходимостью по возможности полнее представить разработанные типологии площадей по времени образования планировочной основы и пространственным признакам.

4.2. Принципы композиции ансамблей со свободно сложившейся планировкой

Специфичный для средневековья вид общественных пространств — площадь вытянутых, веретенообразных очертаний. Она характерна для западно- и центральноевропейского градостроительства, в частности Германии, Чехии, Словакии, Польши. Однако сложение таких ансамблей в Великом княжестве Литовском на территории современной Беларуси проанализировано в настоящем исследовании впервые.

В зависимости от причин возникновения история зодчества выделяет несколько генетических ветвей таких «длинных рынков». Наиболее распространенная — развитие города из деревни вблизи замка. Широкий общинный выгон, через

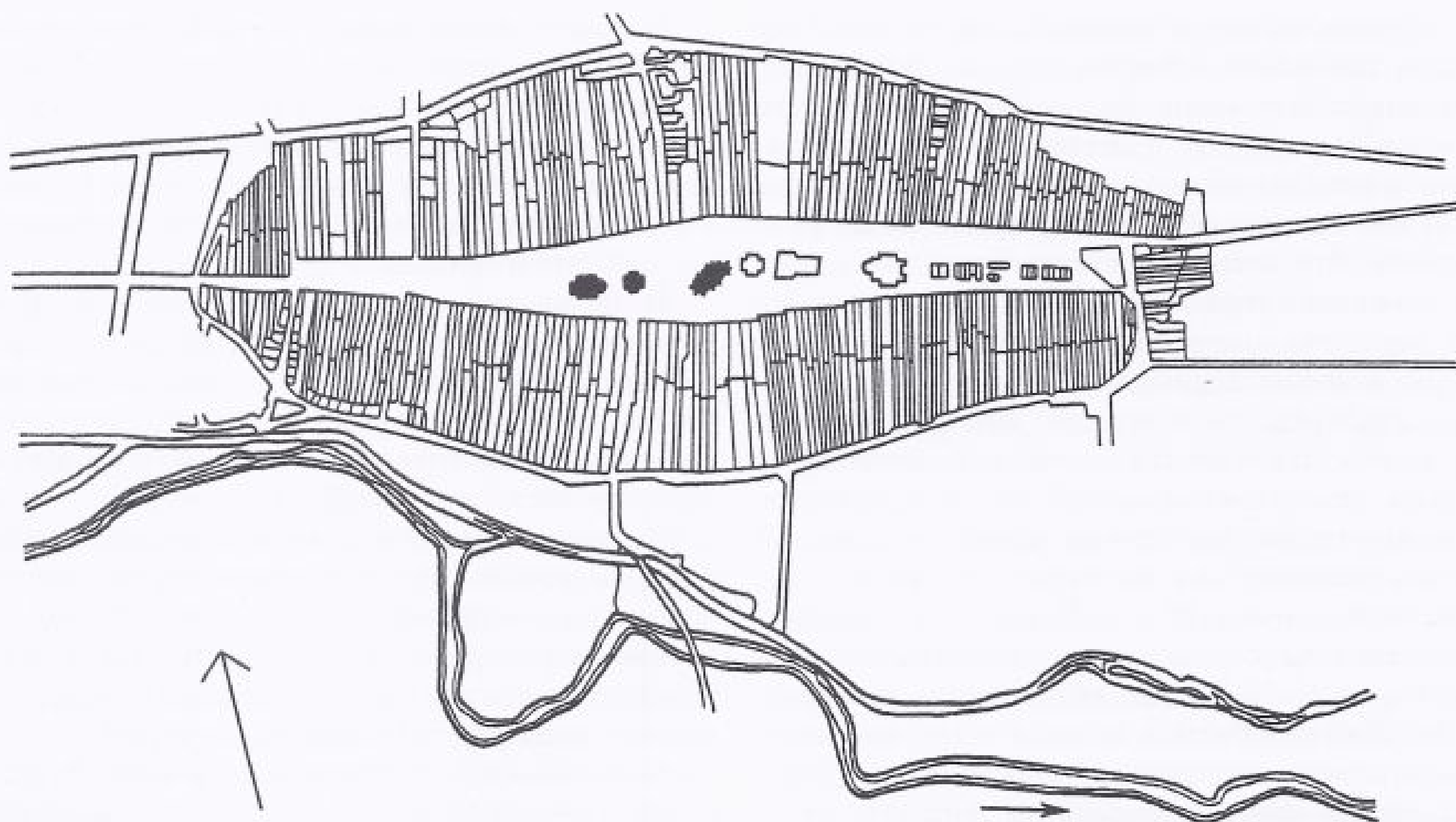

Рис. 160. Нова Весь (по А. В. Бунину)

который проходила дорога, постепенно обстраивался по сторонам с уплотнением застройки в течение IX—XII вв. В XII—XIV вв. посередине этого веретенообразного в плане участка, теперь уже превратившегося в общественную площадь, возникали церковь и ратуша (чешские города Зволен и Раковник, словацкие Кошице и Прешов, польский Нова Весь и др.) [66, т. 1, с. 161, 162, 172; 108, рис. 149, 155—157; 316, с. 10, 11]. К длинным рынкам иного происхождения относились, например: площадь Эрбе в Вероне, сформировавшаяся на территории античного форума; улица Грабен в Вене, возникшая на месте старого городского рва; длинный рынок в Ротенбурге, образовавшийся из улицы, связанной с главной городской площадью [66, т. 1, с. 163; 650, вкладка, IV].

В Польше и Беларуси распространен генезис первого типа. Линзообразная конфигурация городского торга происходит от такой же формы площади сельских поселений, которые первоначально имели овальные очертания в плане (так называемые «овальницы» по терминологии Б. Заборского) [769]. По мнению М. Ловмяньской, указанные поселения закладывались в крае немецкими колонистами [713]. Эту позицию критикует В. Ревеньска, ссылаясь также на работу Р. Мелке «Немецкие села», считавшего «овальницу» типом славянского происхождения [718; 742, с. 51,52]. Для чечевицеобразного рынка, иногда разделявшего город на две части, типичны большая длина, тенденция островного размещения основных городских зданий — ратуши, торговых лавок, храмов и других — постепенной застройки его центральной зоны.

В условиях Беларуси обнаружена веретенообразная конфигурация двух функциональных типов площадей — главных и культовых. Компонентом главной площади часто был замок, ранее детинец, а для культовых ансамблей свойственно сложение вне связи с ним вдоль важной коммуникации (площадь в Витебске перед церквами Иоанна Богослова и Рождественской в XVIII в.). Хотя описанный А. Буниным, Э. Грушкой и другими исследователями «классический» путь образования длинного рынка предполагал отдельно стоящие объемы или их группы в его центральной части, наблюдаются площади и со свободной серединой (главный ансамбль Бобруйска до перепланировки города в конце XVIII в., упомянутая площадь Витебска). Все чечевицеподобные площади замкнуты, тем самым протяженными изогнутыми сторонами, не имеющими больших пространственных разрывов, подчеркивается видообразующая особенность объектов.

Рассматривая подгруппы, приведенные в табл. 4, интересно отметить ориентацию площадей на замок, входящий в ансамбль и визуально за-

Рис. 161. Застройка длинного рынка в Сейнах (Польша). Фото 1990-х годов

вершающий удлиненное пространство (главная площадь Кричева XVIII в.). Характерно и положение небольшого по размерам замка посередине стороны площади (Слоним, Бобруйск). Иногда линзообразный абрис нарушался появлением коротких сторон на одном или двух концах веретена, включением ломаных очертаний, асимметрией и другими аномалиями, не менявшими общий характер пространства. Типичным примером служит немецкий Гёрлиц, где площадь в одной своей части имела плавные криволинейные очертания, а в другой, ближайшей к замку, на который ориентировалось все пространство комплекса, приобрела большой прямоугольный выступ квартальной застройки, заужающий этот конец площади (план Гёрлица – [702, с. 138]). Похожая картина прослеживается в Кричеве, лишь прямоугольный выступ размещался на противоположной от замка оконечности рынка.

На образование веретеноподобных элементов плана в отдельных белорусских городах указывают также С. Шиманский и Ю. Кишик. Тем не менее обоснованность некоторых суждений этих исследователей автор монографии считает возможным подвергнуть сомнению. С. Шиманский [760, с. 247] утверждает, что подобная планировочная форма, впоследствии застроенная, существовала в Гродно, будучи ограниченной современными улицами Советской – Мостовой на западе и Пассионарии – Крупской на востоке. Однако следует отметить, что чечевицевидные площади являлись одним из древнейших элементов поселения, который формировался вблизи замка, вероятно одновременно с ним. В Гродно же рассматриваемое веретено находится в удалении от замков на границе между старым, древнерусским районом с веерно-дуговой системой планировки и новым с прямоугольно-прямолинейной схемой, сложившимся в XIV в. и позднее. Наконец, европейской традицией образования длинного рынка была постепенная застройка его середины отдельными зданиями, тогда как в Гродно, наоборот, свободный центр занят регулярным торгом готического генезиса, а оконечности веретена застроены.

Возможно, указанные авторы подменяют понятие миндалевидной торговой площади, установившееся в истории градостроительства, простым

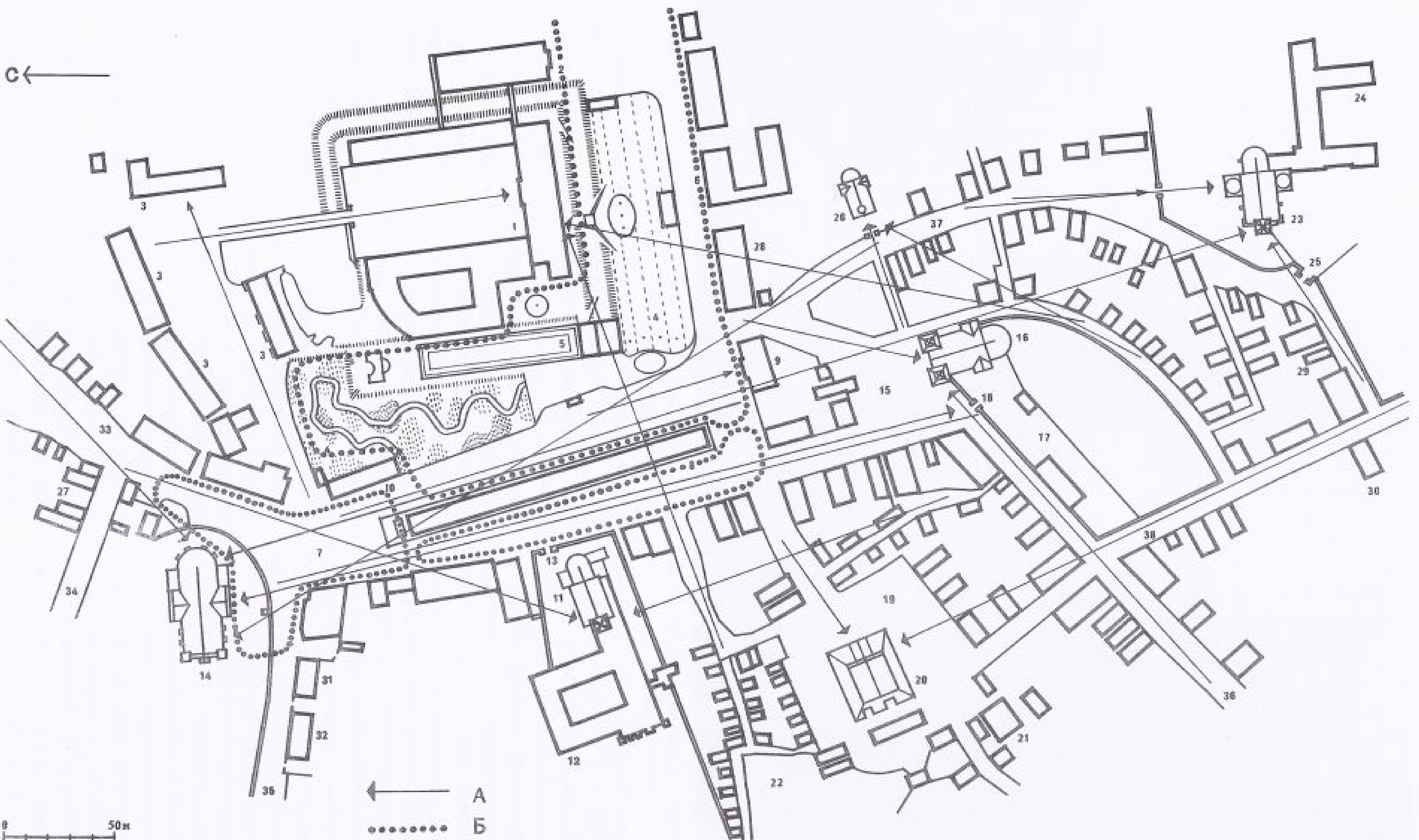

Рис. 162. План ансамблей центра Слонима в 1790-х годах (реконструкция автора): *1* — дворец М. Огинского; *2* — театр 1777—1780 гг.; *3* — постройки дворцового ансамбля; *4* — сады; *5* — водоем; *6* — аустерия второй половины XVIII в.; *7* — главная площадь; *8* — торговые ряды; *9* — ратуша второй половины XVIII в.; *10* — почта; монастырь бернардинок: *11* — костел Девы Марии 1670—1696 гг., *12* — жилое здание 1720 г., *13* — брама, ограда; *14* — костел латеранских каноников 1635 г.; *15* — культовая площадь; монастырь доминиканцев: *16* — костел 1747—1798 гг., *17* — жилые и подсобные постройки, *18* — брама, ограда; *19* — культовая и торговая площадь; *20* — синагога 1642 г.; *21* — баня; *22* — кладбище; монастырь бернардинцев: *23* — костел Св. Троицы, 1639—1671 гг., 1750 г., *24* — жилое здание 1749 г., *25* — брамы, ограда; *26* — униатская церковь Преображения Спаса; *27* — кузница; жилые дома: *28* — доктора Пецюльда, *29* — Чеховича, *30* — Стравинского, *31* — Кобылинского, *32* — Буржимовского; улицы: *33* — Мостовая, *34* — Студенческая, *35* — Афанасьевская, *36* — Ружанская, *37* — Спасская, *38* — Спробовская; *А* — осевые видовые направления вдоль улиц на архитектурные акценты застройки, *Б* — относительно обособленные пространства, формируемые застройкой площади

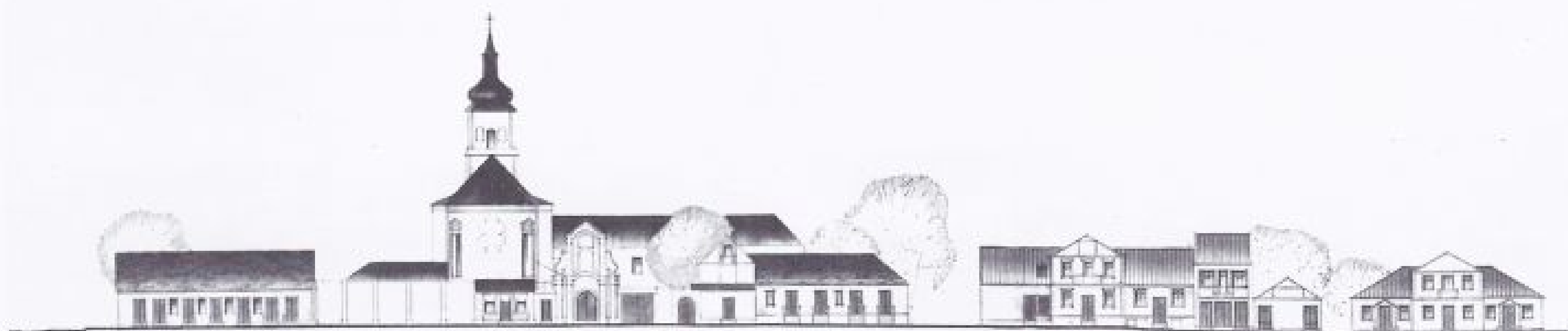

Рис. 163. Слоним. Фасад застройки части западной стороны главной площади в начале XX в.

Рис. 164. Костел латеранских каноников. Гравюра XIX в.

веретеноподобным очертанием двух улиц, проложенных рядом в массе городских кварталов и смыкающихся по концам. Подобную форму любой протяженности, обусловленную ландшафтом, тесной функциональной связью между собой участков города, использованием древних трасс дорог или другими причинами, можно нередко встретить в нерегулярных планировочных системах разных типов. Такие линзовидные очертания двух коммуникаций Ю. Н. Кишик отмечает в Гродно на Подоле [223, с. 26], на левом берегу Городничанки вдоль современной улицы О. Кошевого [233, с. 116], в Витебске на территории Задвинья и Заручавья [233, с. 116], в Могилеве в Луполовском предместье [237, с. 90], в Новогрудке [233, с. 116]. Это, однако, не доказывает, что на участке веретена, в XVIII—XIX вв. занятом застройкой, когда-либо была площадь. Необходимо подчеркнуть, что известные в истории градостроительства чечевицеподобные торги, в средневековье сложившиеся в европейских городах, в XVIII—XIX вв. сохранялись в виде общественных пространств площадей, тогда как все обнаруженные упомянутыми исследователями линзообразные фигуры почти полностью застроены внутри.

Рассмотрим подробно один из наиболее примечательных ансамблей — главную площадь Слонима, анализируя ее в контексте общественного центра конца XVIII в. Вероятно, торг сложился в ранний период существования города, в XI—XII вв. На плоском повышенном участке возле детинца как оборонного и административно-торгового опорного пункта расселения пересекались и смыкались межгородские коммуникации. Зона их пересечения приобрела вытянутый вдоль детинца характер в связи с особенностями топографии. С восточной стороны болотистая местность обусловила, очевидно, только один переход через р. Щару сбоку, в обход детинца, с западной — высокие холмы определили удобную трассировку дорог только по надпойменной террасе или ложбинам, выводящим пути несколько в стороне от крепости. Узел пересечения коммуникаций послужил основой формирования, одновременно со сложением города в целом, площади удлиненных очертаний. В последующие столетия, будучи общественной площадью, по формальным свойствам этот элемент в топонимике иногда определялся как улица. Например, на почтовой открытке XIX в., хранящейся в СКМ, площадь с торговыми рядами обозначена как улица Торговая.

В XVIII в. длинные стороны площади-улицы составляли 243 и 235 м, короткие — 67 и 40 м. Большая из коротких сторон ограничивалась малым кварталом с ратушей и несколькими жилыми домами. Далее находилась другая, компактная по форме малая площадь с заужающимся абрисом перед доминиканским костелом. Можно предположить, что первоначально существовала большая чечевицеобразная площадь с ратушей посередине, впоследствии, в связи с постепенной застройкой ее центральной зоны, разделившаяся на два обособленных пространства, соединенных короткими проездами. Длина такой «протоплощади» — 330 м, ширина — 80 м.

Ближайшая к замку длинная сторона площади находилась от него на расстоянии от 35 до 65 м.

Рис. 165. Вид на монастырь бернардинок с севера. Фото начала XX в. (СКМ)

Взаимоположение замка и рыночной площади не укладывалось в традиционную для древнерусского градостроительства схему «град — торг — посад» с площадью непосредственно у стен крепости. Очевидно и несоответствие схеме взаимоудаления феодальной резиденции и торга, соединенных улицей, что было распространено в Западной Европе. Так, прослеживалась «промежуточная» структура, переходная схема сочетания замка и площади. Вероятно, вытянутый трапециевидный участок между площадью и рвом, окружавшим замок и соединенным с рекой, был занят застройкой и прорезался проходами к замку.

Структура площади трансформировалась, потеряв замкнутый характер, когда в 1768 г. великий гетман литовский М. Огинский на месте старого деревянного замка Сапегов построил каменный дворец, пространственно открытый к площади и подводящим к ней улицам (архитекторы И. Мараина, Я. Бой, К. Шильтхауз). В функциональном отношении усилилось светское, гражданское значение форума. В ансамбле с дворцом на месте остатков крепостного рва были созданы монументальные ландшафтные композиции, включившие сады различной планировки, водоемы, парковые сооружения, а также обработанные в виде террас склоны холма, на котором разместился дворец. Поскольку барочный ансамбль был включен в позднесредневековую структуру города, в пространственном построении площади сформировалось своеобразное единство постепенно сложившихся, нерегулярных по характеру компонентов и новых, созданных по единому замыслу элементов дворцового ансамбля. Эта примечательная особенность определяет состояние наивысшего развития градостроительной композиции площади, приходящееся на 1768 г. — начало XIX в.

Традиционно площадь была многофункциональна. Ядром торговой функции служили размещенные посередине площади по ее продольной оси торговые ряды. В связи с большими размерами (140×10 м) они охватывали все пространство ансамбля. В XIX в. в здании насчитывалось 142 лавки [319, с. 20]. Благодаря характерному для средневековых структур, органичному размещению корпуса лавок он не препятствовал транзитному движению через площадь по подводящим улицам. На части территории рынка тра-

Рис. 166. Застройка западной стороны площади, Преображенский собор и торговые ряды (построены в начале XX в.) (БГАКФФД)

диционно оставалось открытое пространство для ярмарок. Эти принципы прослеживались также в Гродно, Кричеве, Новогрудке, Поставах.

Посредине западной стороны площади находился храм монастыря бернардинок, а костел латеранских каноников (позже — Преображенский собор) фиксировал наиболее короткую, северную сторону. Высказывается мнение о перестройке этих зданий из православных церквей XVI в. [319, с. 10, 11], что косвенно подтверждается ориентацией их апсид на восток. Административно-общественное назначение площади представлено ратушей и почтой. Своеобразным функциональным элементом служила группа нескольких заезжих домов в северо-западной части ансамбля. На наиболее подробном плане Слонима 1796 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22595) показана разнообразная конфигурация их участков, симметричное или свободное размещение и различные размеры построек, указаны имена владельцев. В середине XIX в. упоминаются четыре заезжих дома и корчмы [43, ч. 2, с. 52]. Массовое индивидуальное жилье сосредоточивалось на юго-западной оконечности площади. В жилых домах располагалась часть торговых функций ансамбля; возможно, здесь находились две аптеки [43, ч. 2, с. 52].

Культовые доминанты размещались так, что улицы ориентировались на части храмов, выделенные архитектурными акцентами. В систему взаимоувязанных трасс и элементов застройки входили и удлиненные пространства площади по обе стороны от торговых рядов. Улица Мостовая, ведущая из заречья, на удаленном отрезке была направлена на иезуитский костел, расположенный в другом районе центра. По мере приближения к площади она приобретала ориентацию на апсиду латеранского костела. Затем, вблизи примыкания к ансамблю, зрительно завершалась башней костела бернардинок. Наконец, эта улица, органично переходя в восточный проход вдоль торговых рядов, визуально замыкалась портиком ратуши и, одновременно, расположенной вдали башней костела бернардинцев. В композиционном завершении этого вытянутого пространства находился и доминиканский храм поблизости от площади. В противоположном направлении восточный проход вдоль корпуса лавок ориентировался на апсиду латеранского костела.

Рис. 167. Слоним. Брама перед костелом бернардинок. Фото 1960-х годов

Улица Спасская была направлена на возвышающийся фронтон главного фасада латеранского храма, а западный проход вдоль торговых рядов зрительно завершался выступающим трансептом этого костела. В обратном направлении западный проход визуально замыкался брамой доминиканского монастыря. Кроме того, зритель на территории и вблизи площади имел возможность наблюдать осевое замыкание других отходящих от ансамбля трасс. Улица Береговая ориентировалась на главный фасад синагоги, а короткая улочка, связывающая площадь с парадным курдонером резиденции Огинского, композиционно завершалась одной из построек дворцового комплекса.

Приведенные примеры и подобные ситуации в пределах всего города позволяют сделать вывод, что общий для градостроительного искусства разных эпох принцип ориентации улиц на доминанты в условиях позднесредневековой объемно-пространственной структуры Слонима реализовывался с использованием следующих приемов:

последовательное, многоэтапное завершение перспективы улицы разными акцентами в процессе движения по трассе; в XVIII — первой половине XIX в. в малом по территории Слониме с относительно короткими улицами таких ориентиров насчитывалось до 8;

одновременное двойное и тройное завершение одного визуально-планировочного направления; при этом высота замыкающих акцентов возрастала по мере удаления от зрителя;

наличие трасс, на всем протяжении имеющих двухстороннее замыкание; при движении по ним в обоих направлениях перспектива улицы фиксировалась доминантой;

выбор как ориентиров оси трассы элементов сооружений, разных по композиционной значимости: башня костела, фронтон или барочный щипец главного фасада, апсида, боковой придел храма, плоскостной элемент фасада, брама ограды и др.;

типологическое разнообразие взаимного положения объемных элементов и нацеленных на них улиц: перпендикулярная или под острым углом направленность на фасад; ориентация на торец стены барочного щипца, возвышающегося над основным объемом храма.

В композиции ансамбля прослеживалось четыре условных высотных уровня. Первый уровень образовали одноэтажные здания высотой до верха кровли 8—9 м, второй — разная по градоформирующей роли двухэтажная застройка: развитые в плане жилые корпуса монастыря бернардинок, частично видные с площади, другие здания (высота 13—16 м). К третьему уровню относились основные объемы культовых сооружений, высота которых до конька кровли составляла 18—20 м. Четвертый уровень — башенные завершения храмов, а также колокольня (в XIX в.), являвшиеся основным фактором формирования городского силуэта. Высота башни бернардинского костела до основания креста была около 35 м, колокольни и купола над средокрестием Преображенского собора — 28—30 м.

Следует указать, что метод обобщенного определения высотных уровней, или ярусов пространственной композиции города, был применен М. П. Кудрявцевым при анализе панорам застройки Москвы XVII в. и позволил выявить пять ярусов. Гносеологическим истоком данного принципа формообразования поселения явилась природная ярусность рельефа местности и высоты растительности.

Рис. 168. Торговые ряды, Преображенский собор и застройка восточной стороны площади. Фото начала XX в. (БГАКФФД)

Чертой слонимского ансамбля, характерной для малых городов со средневековой в основе пространственной структурой, был не выраженный контраст между высотами культовых доминант и рядовой застройки. Для костела бернардинок и одноэтажной застройки пропорция составляла в среднем около 4:1, соотношение с двухэтажными зданиями — около 2,4:1. Для латеранского храма в XVIII в. пропорция с одноэтажной застройкой была 2,8:1, с двухэтажной — всего лишь 1,7:1. (Для сравнения, в ансамбле главной площади Полоцка это отношение для иезуитского костела и двухэтажной фоновой застройки составляло 4:1, что объяснялось в первую очередь большими материальными возможностями ордена и соответственно размерами храма.)

В асимметричной композиции площади воплощен принцип равновесия основных архитектурных масс. Пространственными ориентирами помимо культовых зданий служили крупные западный и южный корпуса дворца, а также двухэтажная ратуша с высокой кровлей, возможно имевшая башню. Система этих разнохарактерных по объемам доминант была композиционно уравновешена: латеранский костел и ратуша размещались на противоположных коротких сторонах площади, а в срединной части длинных сторон, также напротив, располагались костел бернардинок и дворец. Рассматриваемое равновесие можно определить как парное, поскольку каждому акцентирующему элементу одной стороны соответствовал элемент на противоположной. Торговые ряды служили своеобразной объемной осью, подчеркивающей крестообразный характер этих умозрительных связей.

Одно из проявлений средневекового характера ансамбля, сохранявшееся и в последующем, — отсутствие главного сооружения с бесспорно преобладающей ролью. Несмотря на различные размеры в плане, латеранский и бернардинский храмы в объемно-пространственном отношении были примерно равнозначны. Та же ситуация прослеживалась и в других ансамблях, сформировавшихся без общей предварительно задуманной художественной идеи. В них смысловое выделение зодчим-профессионалом, как и, вероятно, понимание потребителем, ведущего в функциональном и эстетическом аспектах здания слабо вы-

ражено, а иногда неоднозначно и зависит от придания большего или меньшего значения местоположению, высоте, развитости силуэта или декоративной насыщенности фасадов. В отличие от таких комплексов площади Нового времени — ренессансные, барочные и классицистические — всегда имели ярко обозначенную главную или единственную доминанту (Несвиж, Полоцк, Ворняны, Чечерск и др.).

Строительство дворца расширило визуальное пространство площади в поперечном направлении. Расстояние от его западного корпуса до монастыря бернардинок составило более 100 м. Система садов, водоемов, парковых сооружений и другого благоустройства перед западным и южным фасадами дворца, очевидно, была отделена от площади оградой. На плане 1796 г. показаны два входных павильона — со стороны площади и улицы Береговой. Однако, наиболее вероятно, объекты ландшафтной архитектуры участвовали в художественном решении всего зрительного пространства форума. Сильное понижение рельефа к каналу Огинского и открытое пространство перед южным корпусом дворца определили и другую важнейшую черту ансамбля площади — композиционную связь с ландшафтом поймы р. Щары.

На примере площади прослеживается существенная особенность нерегулярных средневековых структур. Внутреннее пространство ансамбля не было единым и складывалось из нескольких относительно самостоятельных визуальных зон, каждая со своей доминантой. Формирование торговой площади как нескольких отдельных пространств, разных по функции и архитектурному облику, свойственно и средневековому русскому градостроительству [441, с. 285].

В слонимском ансамбле одно такое пространство, где проводились ярмарки, было зоной композиционного влияния латеранского костела и ограничивалось помимо храма группой заезжих домов, почтой, другими постройками. Второе — зона зрительного преобладания бернардинского храма — формировалось также заезжими домами, торговыми рядами, жильем. Третье, самое большое и открытое к пойме — территория визуального доминирования дворца — фиксировалось, кроме того, ратушей, торговыми лавками, жилыми строениями и аустерией. Рассматриваемые пространства ограничивались в основном первым ярусом застройки, тогда как поверх его сохранялись видовые связи с высотными сооружениями города в целом.

До строительства дворца внутренние пространства площади носили в основном «камерный», затесненный застройкой характер. Свойство нерегулярной структуры заключалось в том, что площадь как свободное городское пространство была слабо выражена. Оно имело производное значение, подчиненное внутренним пространствам зданий и задачам наилучшего восприятия основных сооружений. В отношении русского и западноевропейского градостроительства эта закономерность отмечена А. В. Буниным: «… происхождение древнерусских городских площадей было идентичным возникновению площадей в средневековых западноевропейских городах. И там и здесь строились в первую очередь здания, а в интересах этих зданий (и чаще всего храмов) оставлялось незастроенным окружающее их пространство, которое и служило для тех или иных общественных целей» [66, т. 1, с. 307].

Специфичный нюанс в облик ансамбля привносила еще одна черта, оригинальная по сравнению с большинством других площадей. Она заключалась в приеме организации пространства культовыми доминантами, которые выходили на площадь апсидами и композиционно были «отвернуты» от нее. Как упоминалось, вероятно, это определилось каноном ориентации на восток алтарей храмов, в XVI в. бывших православными. Для площадей Нового времени и некоторых средневековых типично формирование пространства главным фасадом храма, традиционно сосредоточивающим средства художественной выразительности. Пространство слонимской площади организовывалось лаконичными полукружиями апсид, а вертикальные элементы костелов, зрительно удаленные от периметра площади, образовали второй план в восприятии ансамбля.

Развитие застройки площади в первой половине XIX в., с одной стороны, представляло собой деградацию архитектурной среды, с другой — накопление новых, художественно примечательных компонентов. В начале XIX в. дворец был частично разрушен. На плане Слонима 1825 г. (СКМ, 490, инв. 2285) показаны только южный и западный его корпуса, а прилегающая к площади территория пришедшего в упадок сада оставалась незастроенной. Лишь в течение второй половины XIX в. была занята зданиями свободная восточная сторона площади. Тем самым, спонтанно был воссоздан древний характер пространственного решения ансамбля, существовавший до возведения дворцового комплекса М. Огинского.

В первой половине XIX в. постановка смысловых акцентов в завершении видовых перспектив городских коммуникаций сохранилась как устойчивая традиция. Изменялись замыкающие здания, сооружались новые доминанты, но принцип оставался неизменным, имея значение канона. В 1849–1851 гг. латеранский костел, переосвященный в православный Преображенский собор, перестроен в русском стиле по проекту архитектора А. Чагина [323, с. 49; 712, с. 54]. Перед главным фасадом в завершении Спасской улицы сооружена трехъярусная колокольня, обозреваемая также с улицы Мостовой. Так, рассмотренная выше цепочка последовательно сменявшихся видов на доминанты при движении к площади по Мостовой улице дополнилась еще одним компонентом. Вертикальным акцентом стала и православная часовня на новой торговой площади, организованной на территории снесенного доминиканского монастыря. Она разместилась на замыкании сразу трех видовых направлений, главным из которых служил западный проход вдоль торговых рядов.

Преемственным подходом отличалось строительство в конце 1840-х годов новых торговых рядов в стиле позднего классицизма, размещенных на месте сгоревших деревянных. По периметру протяженный корпус имел открытую колоннаду дорического ордера с широким ритмом опор. Примечательной чертой было устройство посередине здания крытого проезда, размещенного по оси костела бернардинок. Возникли новые эффектные видовые точки на храм. Из проема одновременно обозревались апсида с высоко размещенной фигурной лепной рамой, возможно для образа Девы Марии, а вторым планом на той же оси — башня костела. С помощью проезда восточный и западный проходы вдоль рядов были функционально и композиционно увязаны между собой. Использованный прием послужил продолжением в процессе развития ансамбля распространенной традиции выделения осевых видовых направлений.

В середине XIX в. композиция площади синтезировала средневековую планировочную основу и объемно-пространственные барочные элементы XVII–XVIII вв., массовую застройку, в которой, вероятно, преобладалч классицистические черты. Художественное единство обусловилось не формированием по общему предварительному замыслу, а постепенным преемственным развитием, учетом при строительстве каждого нового здания особенностей сложившейся среды. Такому единству способствовала общность масштаба рядовых зданий, вызванная сходством размеров их земельных участков и близостью материальных возможностей застройщиков, а также традиционность применяемых планировочных, объемных и декоративных решений.

Архитектурная иконография по площади середины XIX в. весьма ограничена. Изобразительных же материалов конца столетия сохранилось немало. Основываясь на них, можно с большой долей вероятности установить градостроительную типологию жилых зданий, существовавшую на 30–40 лет раньше. Это правомерно в связи с устойчивостью мест разрушавшихся и восстанавливаемых построек, свойственной малым городам и местечкам стабильностью во времени типов жилья, распространенностью стилевого изменения сооружения при сохранении общего объемного решения. При этом учтем известные аналоги второй половины XVIII — первой половины XIX в.

Одно- и двухэтажные здания, вмещавшие жилые и общественные функции, разделялись на объемно-пространственные типы. К первому из них относился одноэтажный дом, выходящий длинной стороной на площадь. Ко второму — двухэтажное здание, также обращенное длинной стеной к площади. На главных фасадах построек этих типов ритм проемов и пластических элементов образовывал выразительные композиционные темы. Торцевые фасады, видные с площади, имели декоративно оформленные фронтоны. Объемному многообразию способствовали разные уклоны крыш, обращенных к пространству площади. Третий тип, характерный для малых городских поселений, — одноэтажный дом с мансардой, ориентированный продольной осью перпендикулярно линии застройки площади. Главный торцевой фасад венчался треугольным фронтоном, который в различных сочетаниях прорезался оконными и слуховыми проемами той или иной конфигурации, концентрировал элементы декора — карнизные и подоконные тяги, модульоны, сандрики, лопатки и др. Здания этого типа формировали специфичный «зубчатый» силуэт застройки. К четвертому типу относился одноэтажный дом с мезонином, размещенный продольной осью вдоль стороны площади. По форме он близок помещичьим сельским усадебным домам, что вносило оригинальные образные черты в городской по своей природе ансамбль. Если другие здания были каменными, то большинство домов этого типа деревянные. Мезонин по оси сим-

Рис. 169. Преображенский собор и колокольня (слева). Фото начала XX в. (БГАКФФД)

метрии фасада завершался фронтоном, а в одном из домов был сооружен асимметрично, фланкируя фасад. Здания всех типов размещались на линии застройки и определяли многоосевую композицию периметра площади.

В слонимском ансамбле прослеживается особенность, типичная для площадей белорусских городов разной величины. Хотя площадь концентрировала функции, большинство зданий не блокировались с целью максимального использования ее периметра, а размещались с малыми промежутками (от 2 до 15 м в десяти случаях). Встречалось и примыкание торцевыми стенами (в пяти случаях). Таким образом, возникали прямые и обратные зрительные связи между внутренним пространством площади и другими городскими комплексами. Сочетание типов массовых зданий, разновысотность застройки, различие интервалов между сооружениями придавали сложность и объемность линейной композиции сторон площади.

Рассмотрим также некоторые стилевые, декоративно-пластические особенности застройки, способствовавшие ее гармонизации в ансамблевое решение. В качестве главного элемента раннебарочного костела бернардинок из пространства площади воспринималась полукруглая стена апсиды, украшенная лишь тонкими профилями карниза и лепной рамой, полуциркульные очертания которой подчеркивали тему полукружия. Высокая кровля, перекрывающая однонефное сооружение, со стороны апсиды осознавалась как монументальная коническая форма, увенчанная миниатюрной башенкой с крестом. Брама-звонница на линии застройки площади была смещена с оси костела и не препятствовала его обозрению. Ажурным силуэтом и богатой пластикой она контрастировала с апсидой и также решалась с использованием циркульных и овальных форм. Композиционная тема окружности сосредоточивалась на оси симметрии сооружения и развивалась снизу вверх: полукруглая арка портала — криволинейный карниз над ней — лучковые сквозные проемы — полуциркульный карниз на фронтоне. Высоты проемов уменьшались по направлению снизу вверх. Криволинейные абрисы боковых волют гармонично увязывались с контуром рамы на апсидной стене.

Так, первый план восприятия с площади формировали звонница и глухая ограда, второй — основной объем храма, третий — трехъярусная башня костела, увенчанная вытянутым восьми-

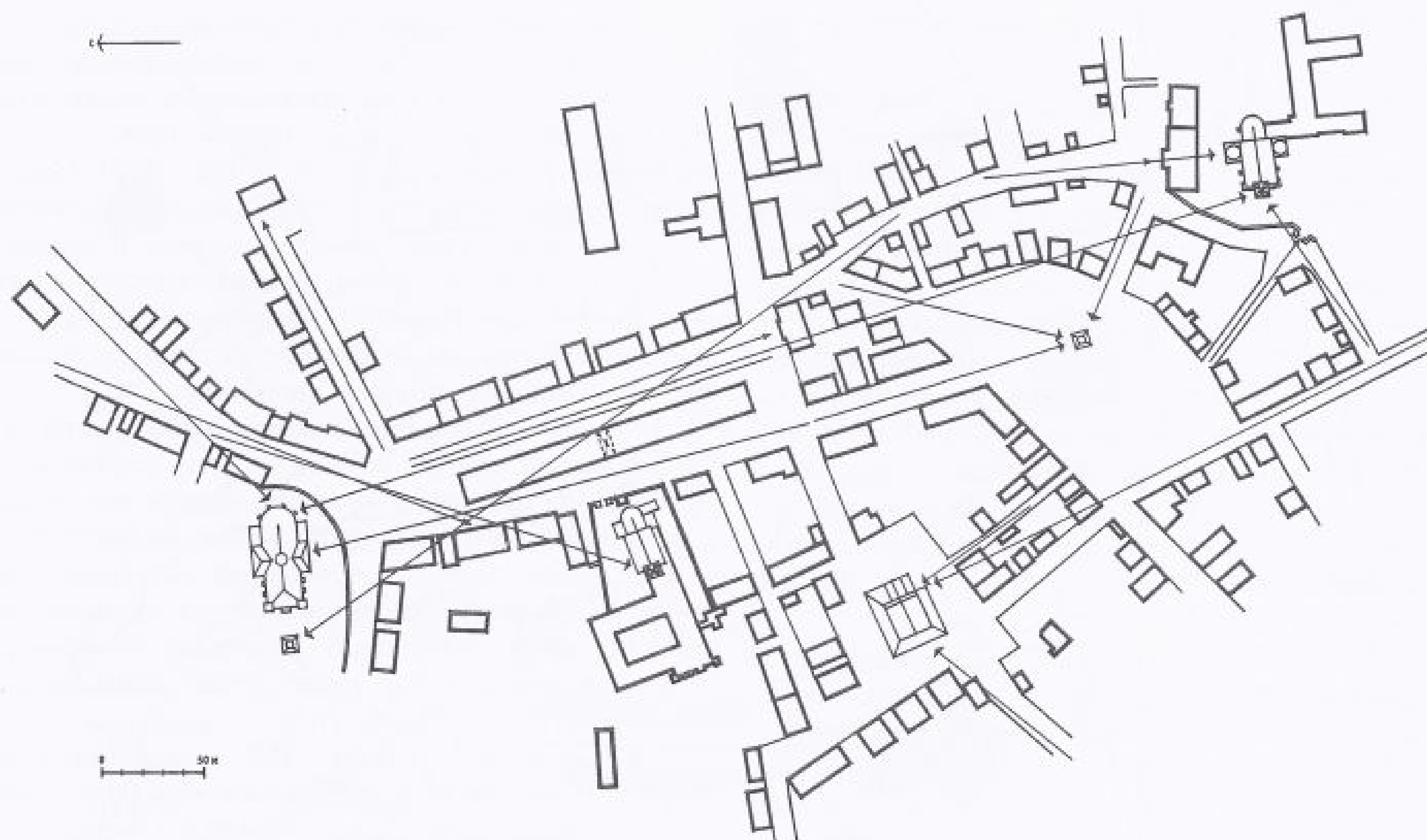

Рис. 170. Слоним. План ансамблей центра во второй половине XIX в. (реконструкция автора)

гранным куполом. Подкупольный ярус башни был обработан нишами и проемами наиболее интенсивно и вместе с завершением выполнял роль акцентного элемента общей композиции. Третьим планом воспринимались и двухэтажные корпуса жилого монастырского здания.

Вообще, для архитектурного образа Слонима XVII — первой половины XIX в. свойственна стилистика раннего барокко, представленного несколькими крупными сооружениями. Одно из них — костел латеранских каноников. Монументальные упрощенные формы, лаконичный декор, большая композиционная роль плоскости стены, а также особенности восприятия с площади определили его сходство с костелом бернардинок. Если элементами бернардинского комплекса, концентрировавшими средства художественной выразительности, были брама и башня храма, то в латеранском костеле ими служили барочные щиты главного фасада и боковых приделов, имитирующие известный стилевой прообраз — завершение фасада храма Иль Джезу в Риме. Щипец южного придела был главным акцентом сооружения при обозрении с площади и, как упоминалось, замыкал видовую перспективу прохода вдоль торговых рядов.

Результатом перестройки храма в русском стиле было изменение градостроительной роли сооружения. Достигнуто впечатление многобашенной и многоглавой композиции, численного доминирования в силуэте ансамбля площади пространственно рассредоточенных луковичных завершений. Вместо одного вертикального элемента — барочного щита главного фасада — появилось четыре — основной барабан с куполом над средокрестием, два малых барабана с куполами на главном фасаде и колокольня. При этом проявилось стремление к созданию ансамблевого единообразия застройки площади. Большой барабан собора имел в плане восьмигранные очертания в виде квадрата со срезанными углами, чем по формальному приему напоминал башню костела бернардинок. Купол также был восьмигранным, соответствуя восьмигранности купола бернардинского храма. Аналогично были выполнены малые главки.

По тому же принципу — квадрат со скошенными углами — решен третий ярус колокольни и шатер над ним. Не случайно и использование на ее фасадах трех полуциркульных арочных проемов, расположенных соответственно ярусам друг над другом. Вертикальный ряд из трех проемов и преобладание циркульных кривых, как отмечалось, характерны для брамы-звонницы женского бернардинского монастыря. Применение пологих фронтонов укрепляло связь этих

двух разновременных и разномасштабных сооружений.

Как стилистически примечательный элемент застройки упомянем классицистическую ратушу, возможно, являвшуюся более ранним реконструированным зданием. Ее архитектурный облик вносил черты гражданственности, строгой торжественности в образный строй ансамбля. К фасадной стене ратуши был близко приставлен плоский четырехколонный портик, который послужил органичным градостроительным решением в затесненных условиях размещения ратуши на линии застройки улицы, пересекающей площадь. (Здание, нанесенное на планы Слонима 1796, 1798 и 1825 гг., было выявлено автором монографии в 1974 г. как сохранившийся объект [555].)

По значению в структуре поселения, своей конфигурации и размещению основных сооружений слонимской площади близок главный форум Бобруйска до преобразования города под крепость. Еще в большей мере ансамбль приобрел периферийное положение и также ориентировался вдоль реки, что типично для площадей рассматриваемого вида. Торг получил почти идеальные линзообразные очертания, чему способствовало использование рельефа местности (см. рис. 25).

Отметим некоторые черты бобруйской площади. В разделе 2.2 отмечалось, что планировка всего города может быть определена как рядовая с направленными к реке улицами. Возможно, одной из причин образования веретеноподобного торга было формирование этой сетки параллельных коммуникаций, которые пронизывали всю территорию поселения и функционально требовали выхода на главную площадь. Последняя вынужденно приобрела удлиненные очертания, обеспечивая примыкание почти всех городских улиц. Ее длина — около 260 м, наибольший поперечный размер — 43 м.

Общность со Слонимом наблюдается в фиксации середины протяженного пространства небольшим замком, хотя здесь он непосредственно входил в застройку площади. Во второй половине XVIII в. замок уже пришел в упадок. На его продольной оси, перпендикулярной берегу реки и площади, размещались униатская Николаевская церковь и звонница перед ней. Оба эти деревянные сооружения, находясь на более высоких отметках, обозревались из всех видовых точек на площади.

Общая закономерность удлиненных рынков — трактовка главного торгового здания в виде протяженного корпуса, ориентированного вдоль рынка. По инвентарям города 1620 и 1638 гг., оно включало 75 лавок [4, т. 25, с. 121—152]. Однако в отличие, например, от Слонима и Кричева торговые ряды примкнули к стороне площади, к замковым укреплениям, оставив свободным ее внутреннее пространство. Одноэтажное вытянутое здание создавало контраст стоящим позади него вертикалям церкви и звонницы.

С противоположной стороны площади, на углу с главной улицей находился дом старосты — одна из построек его многочисленных владений. Это административное сооружение по масштабу, очевидно, выделялось в рядовой застройке периметра площади. Характерный для удлиненных рынков прием постановки доминант по концам веретена проявился в закреплении лишь одной оконечности, где около 1620 г. сооружен парафиальный костел [211, с. 25]. Наподобие слонимского ансамбля наблюдалась умозрительная крестовидная схема расположения основных элементов застройки, в данном случае незавершенная, возможно находившаяся на стадии формирования. Поперечная ось объединяла замок с церковью и звонницей и резиденцию старосты, а на продольной оси размещался приходский костел. Юго-восточная оконечность площади еще не закрепилась архитектурным объемом. В XVI—XVII вв. Бобруйск являлся значительным городом, уже в 1540 г. обозначенным на карте Европы. Он имел магдебургское право [163, с. 96], а следовательно, и ратушу на рыночной площади. Местоположение здания неизвестно, можно допустить, что оно подчеркивало крестообразную схему размещения доминант.

На рынке сосредоточивалось жилье зажиточных мещан. В середине XVII в. дворы здесь были бóльших размеров (2, 55 прута = 60, 44 м^2), чем на многих улицах, где их площадь иногда снижалась до 0,5 прута (11,85 м^2). На городских участках огородов не было; последние находились у оборонительной стены с внешней стороны и вдоль дорог за брамами [4, т. 25, с. 121—152; 626, с. 38]. Таким образом, рядовая застройка периметра площади размещалась более просторно и, вероятно, была более крупной сравнительно с другими районами города.

Принцип завершения доминантами площади уличных перспектив проявлялся в виде различных приемов. Например, при движении по широкой (около 9 саж.) главной улице примеча-

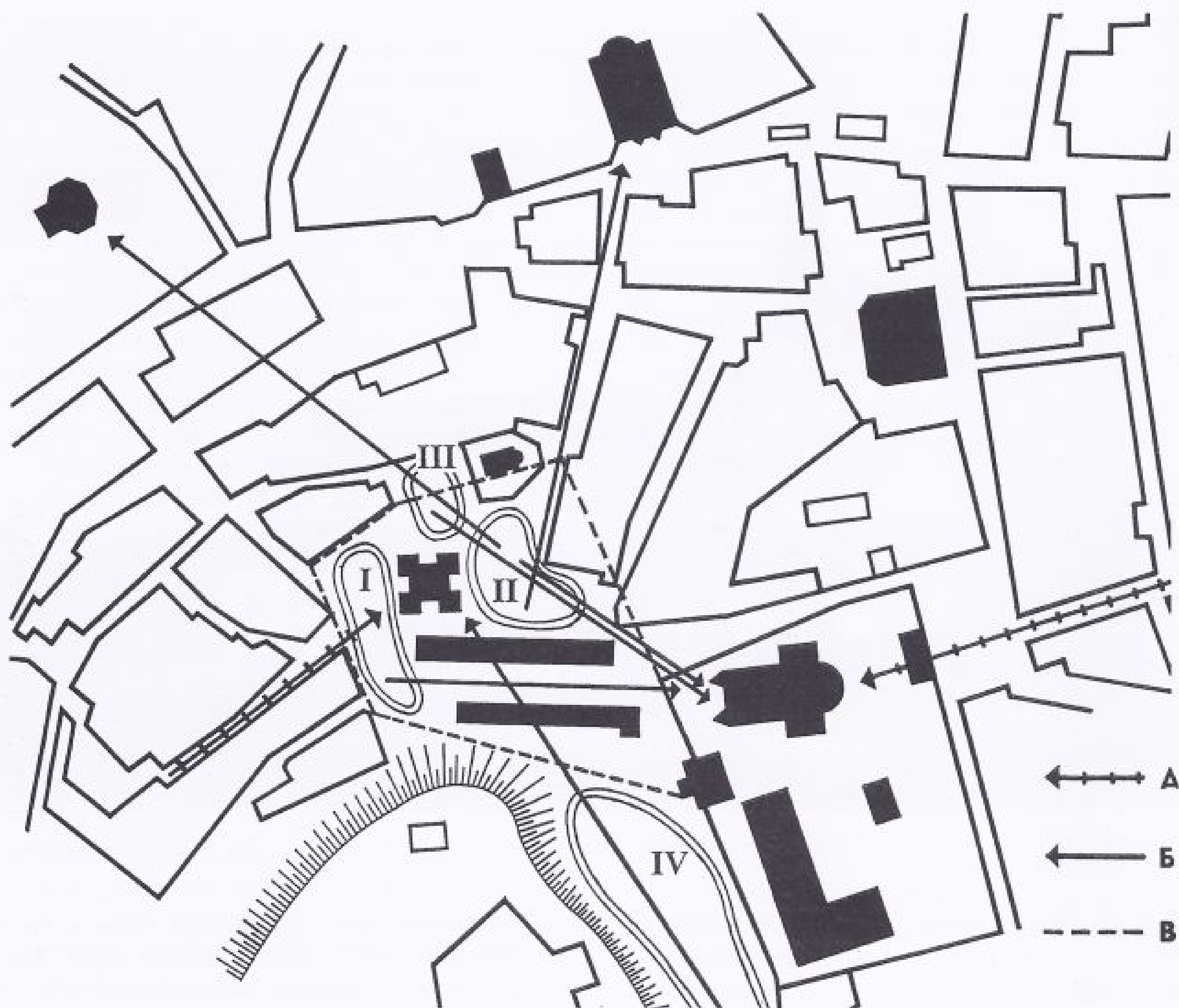

Рис. 171. Пинск. Главная площадь неправильной многоугольной конфигурации (по планам РГВИА): *А* — видовые направления на доминанты вдоль улиц; *Б* — видовые направления на доминанты из относительно обособленных пространств площади; *В* — идеализированный контур площади

тельно одновременное обозрение Николаевской церкви и звонницы в пределах линий застройки этой магистрали. Кроме функциональной и художественной данный принцип играл религиозно-символическую роль. Культовые сооружения разных конфессий, являясь носителями идеологического начала, были по масштабу сопоставимы с общественными пространствами средневековых по характеру площадей и улиц. С этим связана неоднозначность частей храма при их восприятии из внутригородских пространств. Слонимский ансамбль демонстрировал придание преобладающего идейного смысла элементам культовых зданий, возможно считавшимся наиболее сакрализованными — главному алтарю, снаружи выраженному полукружием апсиды, средокрестию и боковым каплицам, проявленным во внешнем облике выступающими объемами приделов. Похожая семантическая нацеленность прослеживается и в структуре бобруйской площади, продольная видовая ось которой ориентировалась на трансепт и апсиду парафиального костела. Эти объемные элементы служили объектом направленного восприятия из внутреннего пространства площади, тогда как вертикаль башни главного фасада возвышалась несколько сбоку над силуэтом жилой застройки юго-западной стороны. Далее, при выходе на короткую улицу, связывавшую торг с соседней культовой площадью, ориентация видовой оси менялась, улица получала направление одновременно на башни главных фасадов приходского и иезуитского храмов.

Завершая рассмотрение веретенообразных площадей, можно предположить, что иногда чертой их формирования была постепенная застройка внутреннего пространства, вызванная интенсификацией функциональных процессов и уплотнением застройки центра по мере развития города.

Рис. 172. Пинск. Коллегиум иезуитов, позже православный Богоявленский монастырь (по А. И. Миловидову)

Это влекло уменьшение территории площади, изменение ее композиции и планировочного вида. Например, гипотетически, треугольная площадь XVIII в. — Низкий рынок возле минского детинца — представляла собой часть древней миндалевидной площади. Абрисы улиц, ограничивавших территорию этой протоплощади, образовывали правильные линзообразные очертания, а фиксация концов веретена храмами составляла картину, типичную для данного вида рынков (см. рис. 76, 77).

Если веретенообразных площадей сравнительно немного, то комплексы застройки с неправильной многоугольной конфигурацией преобладали над другими видами, будучи представленными большим числом подгрупп и всеми функциональными типами. Рассмотрим несколько наиболее примечательных типологически разных комплексов.

В Пинске сложные очертания главного торга при их идеализации сводятся к достаточно простой четырехугольной фигуре. Функциональное зонирование площади типично. В срединной части сформирована административно-торговая зона: ратуша островного положения и два протяженных корпуса торговых рядов, а вдоль периметра размещена жилая застройка мещан и земян. В XVI в., как свидетельствуют инвентари города, на сторонах площади было 115 участков домовладений, старостинская конюшня, богадельня [626, с. 255]. Важнейшим функциональным компонентом служил иезуитский коллегиум — бесспорная доминанта по занимаемой территории, масштабу и числу зданий, композиционному значению. Коллегиум и культовая зона Николаевской церкви располагались по периметру форума.

В соответствии с принципом восточнославянского градостроительства торговище находилось непосредственно возле замка. Прослеживалось и свойственное средневековым в своей основе площадям появление внутри них нескольких живописных камерных пространств, определяемых застройкой первого высотного уровня. Другой важной чертой комплекса служило особое значение направленных видовых перспектив. Использован распространенный принцип постановки основных сооружений в визуальном завершении улиц. Созданы прямые и обратные зрительные связи — доминанты на площади размещались на замыкании улиц, а некоторые расходящиеся от нее направления ориентировались на вертикали в других частях центра. Применен и специфичный прием — расположение застройки так, что она

формировала внутренние пространства, композиционно нацеленные на ведущие здания площади или за ее пределами.

Последняя особенность наиболее интересна. Каждое из обособленных пространств получило преобладающую ориентацию на ту или иную удаленную от него доминанту. Часть пространства I и удлиненная зона между торговыми рядами композиционно нацеливались на главный фасад иезуитского костела. Оригинальность главного фасада этого двухбашенного храма достигалась двумя высокими, изогнутыми в плане стенами. Они прорезались аркадами и были пристроены к углам башен наподобие ажурных крыльев, визуально охватывающих пространство площади. На втором ярусе в основаниях башен и в качестве центрального межбашенного щита ордерными средствами условно изображены три строения, размещавшиеся по треугольной схеме. Они представляли собой треугольные фронтоны, покоящиеся на стойках-пилястрах, между которыми помещалось по одному оконному проему в барочном обрамлении. Центральная иллюзорная конструкция была наиболее крупной и располагалась выше боковых. Можно предположить, что таким путем в пластической композиции фасада формально выражен символ Св. Троицы и, одновременно, образ храма как дома Божьего.

Для пространства II, во многом формируемого боковым фасадом Николаевской церкви и восточным фасадом ратуши, свойственно направленное восприятие на большой центричный храм православного монастыря. Храм эффектно обрамлялся объемами магистрата и церкви, образуя видовую картину тесной группы высотных сооружений с богатым силуэтом. Фланкирующие плоскости фасадов церкви и ратуши сходились примерно под 90°, усиливая перспективное сокращение и тем самым иллюзорно увеличивая масштаб монастырского храма. В противоположном направлении, за счет заужения абриса плана, пространство ориентировалось на видный с угла, что наиболее благоприятно, иезуитский костел. Очевидно, из этой представительной и декоративно оформленной части площади, ограниченной всеми основными зданиями, осуществлялся вход в магистрат.

Архитектурное решение пинской ратуши неизвестно. Анализ плана города 1794 г. позволяет утверждать, что она принадлежала к наиболее примечательному в объемно-пространственном отношении центричному типу. Его традиционная, повторяющаяся особенность — более или менее выраженная тенденция к построению плана в виде квадрата с выдвинутыми вперед угловыми частями, в которых находились большие помещения, либо в виде пяти квадратных частей, где к основной, центральной симметрично примыкали четыре угловых. Известные примеры первой из указанных разновидностей — здания магистратов в Чечерске и Чаусах. Ратуша второй разновидности кроме Пинска построена в Белостоке (Польша).

Аналогичны условия восприятия в малом пространстве III, откуда иезуитский храм обозревался также наиболее эффектно, с угла, в живописном обрамлении одного из ратушных фасадов и главного фасада церкви св. Николая. Как в пространстве II, плоскости фасадов ратуши и церкви сходились под 90°, иллюзорно возвеличивая видный между ними костельный объем. В обратном направлении был виден православный храм подобно тому, как обозревался иезуитский костел из пространства II. Так, общность условий восприятия свидетельствовала о своеобразной черте комплекса площади. Она заключалась в преднамеренном формировании трехэлементных видовых картин высотных доминант, в которых крайние объемы призваны художественно обрамлять и иллюзорно возвеличивать центральный, а вся группа образовывала развитую силуэтную композицию.

Наконец, и пространство IV характеризовалось ориентированностью перспектив. С одной стороны ограниченное валом замка, с другой — трехэтажным корпусом коллегиума, оно завершалось объемом ратуши с башней, видным над горизонтом торговых рядов, и меньшим, в силу удаленности, силуэтом униатской церкви. Наилучшее понимание объемно-пластических качеств ратуши обеспечивалось ее восприятием с угла.

Пространством IV площадь получала визуальное раскрытие, видовой коридор к реке, что было мало распространено в белорусском градостроительстве XVIII в. Это определяло общность центра Пинска и примеров из древнерусского градостроительного искусства — главный торг был открыт к природному окружению. Другой чертой единства с русским зодчеством явилось воплощение в ансамбле принципа равновесия. Огромная масса костела с двумя башнями зрительно уравновешивалась в противоположной части площади двумя меньшими объемами — однобашенной ратушей и церковью.

Среди комплексов, которые не формировались укреплением на участке детинца и отличались

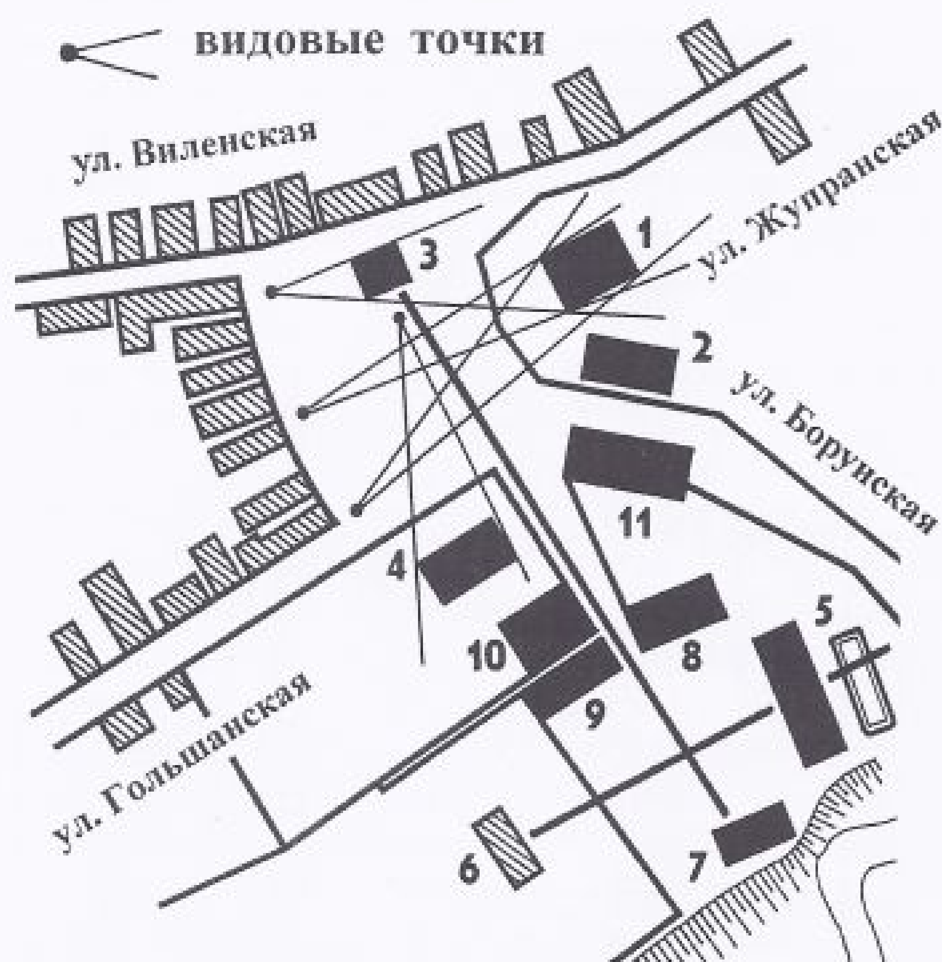

Рис. 173. Ошмяны. Главная площадь неправильной многоугольной конфигурации (по плану 1798 г., РГВИА): доминиканский монастырь: *1* — костел, *2* — жилое здание; *3* — ратуша; *4* — приходский костел; *5* — дворец старосты; *6* — усадебная постройка; *7* — дом сеймиков уездной шляхты; *8* — городской и земский суд; *9* — почта; *10* — «кофейный дом»; *11* — старостинская корчма

замкнутым внутренним пространством, интересна главная площадь Ошмян. Живописность градостроительных форм проявилась в похожем скруглении западной и восточной сторон, как бы очерченных из одной точки за пределами площади, незначительном схождении северной и южной сторон. Ясна причина сложения описанной меньшим радиусом восточной стороны, огибающей доминиканский монастырь. В этом месте на площади, закрепленном храмом, поворот более чем на 90° делала проходившая через город дорога из Минска в село Боруны. Противоположная сторона органично получила такую же кривизну, сохраняя просторным центр площади. Принцип подчинения линий застройки трассам движения подтверждается и неизменной закономерностью — независимо от своей функции здание островной постановки всегда оставляло свободными пути прямого транзитного перемещения через площадь, определяемые подводящими улицами.

Как рассмотрено в разделе 2.2, функциональные зоны центра и высотные акценты города формировали в плане крестообразные схемы. Близкий прием двух взаимно перпендикулярных умозрительных осей заложен и в размещении доминант площади. Одна из них определилась ратушей и приходским костелом, стоящими параллельно и напротив друг друга в северной и южной частях комплекса, другая — продольной осью доминиканского храма, как бы разделяющей территорию площади пополам.

Наличие самобытного художественного замысла подтверждается целенаправленной организацией по принципам живописности и контраста регламентирующих условий восприятия основных сооружений. Из внутреннего пространства комплекса доминиканский костел обозревался почти исключительно главным фасадом. При выходе на площадь по Виленской улице объем ратуши визуально перекрывал доминиканский храм, который затем, в процессе перемещения к продольной оси площади, неожиданно открывался зрителю фронтальной проекцией. При выезде на площадь по Гольшанской улице в связи с сильным ракурсом боковой фасад костела также почти не воспринимался. На противоположной стороне Борунская улица в месте примыкания к площади фланкировалась корпусами старостинской корчмы и монастырских келий так, что видимость храма сбоку была затруднена. В районе выхода на площадь улицы Жупранской апсидный и боковой фасады костела имели лишь специфичный «уличный» характер обозрения. Приходский костел, параллельный доминиканскому, наоборот, был обращен к площади боковым фасадом, а главный воспринимался в сильном перспективном сокращении. И только с видовых площадок возле самих костелов другой храм был виден с угла, в ракурсе, наиболее эффектном для понимания объемной структуры и фасадной пластики.

Можно заключить, что преобладающее восприятие католических храмов основывалось на приеме «фасадности», некой плоскостности, сценичности главных видовых картин. Идея всестороннего обозрения объема в процессе движения воплотилась слабо и носила, вероятно, вынужденный ситуацией характер. В рассматриваемом случае особенности восприятия костелов, конечно, во многом обусловились ориентацией алтарей на восток. В католицизме встречаются, однако, многочисленные отступления от этого богословского канона.

Главный культовый, торговый и ратушный комплекс города функционально-планировочно тесно связывался с административной площадью. Она была организована на месте древнего замка, имела элементы симметрии в застройке и при-

Рис. 174. Новогрудок. Костел доминиканцев и дворец Радзивиллов в ансамбле застройки главной площади. Фото 1920—1930-х годов

надлежала к бездоминантным пространственно открытым площадям. В ее построении проявилась общая для города традиция создания крестоподобных структур. На оси запад — восток размещалась резиденция старосты, помимо жилья, вероятно, предназначенная для приемов посетителей и других административных функций. По этой оси площадь наподобие курдонера раскрывалась к ландшафту усадебного комплекса, где за пределами площади, но на той же оси находилась одна из его построек. Ось подчеркивалась и расположением рыбного пруда прямоугольной формы с обратной стороны старостинского дворца.

Другая композиционная ось закреплялась домом сеймиков уездной шляхты на южной стороне площади, а на северной — проходила по улице между двумя симметрично поставленными зданиями городского и земского суда и почты, завершаясь ратушей на главной площади. Очевидна семантическая связь двух общественных властей — монархически-дворянской, воплощенной административным комплексом, и мещанской, городского самоуправления, олицетворявшегося магистратом. Значение оси усиливалось размещением по обе стороны от нее на равных расстояниях доминиканского и парафиального костелов.

В целом в системе площадей прослеживалось профессиональное понимание композиционных задач, знание мирового градостроительного искусства, желание привнести в местный материал самобытную трактовку известных в планировочной практике приемов. Например, короткая улица (около 100 м), связывавшая площади, заметно сужалась к административному комплексу, маломасштабное пространство которого после попадания в него из зауженной части улицы по контрасту воспринималось более обширным. При выезде на эту площадь эффект усиливался дальнейшим расширением ее визуального пространства в перпендикулярном направлении путем раскрытия в сторону ландшафта фольварка. Наоборот, при выходе с административной площади обратная перспектива расширявшейся улицы зрительно приближала застройку главного форума, создавая иллюзию более тесного объединения площадей. Интересно, что в топонимике рассматриваемая улица Замковая, где, в частности, размещался «кофейный дом», понималась

Рис. 175. Новогрудок. Костел францисканцев (позже — церковь св. Николая) и жилая историческая застройка главной площади. Фото начала 1970-х годов

как элемент главной торговой площади. На плане 1798 г. территория улицы обозначена словом «рынок».

Среди нерегулярных средневековых в основе площадей особый функциональный тип составляли культовые комплексы. Их пространство могло быть открытым к природному окружению. В Бобруйске одну сторону площади неправильной четырехугольной конфигурации занимал парафиальный костел, противоположную — коллегиум иезуитов (см. рис. 25). Коллегиум основан в 1625 г., костел св. Петра и Павла сооружен в 1747 г. по проекту Т. Жебровского. Позади храма размещались Г-образный двухэтажный учебный, жилой и подсобный корпус, здание школы, где действовал театр, участок сельскохозяйственных угодий с несколькими постройками. На протяжении XVII и XVIII вв. при коллегиуме работали архитекторы-иезуиты В. Дягилевич, К. Металаковский, Т. Жебровский, Г. Ленкевич, Ф. Кареу и ряд мастеров разных строительных специальностей [22, с. 63; 734, с. 231].

Северо-западную часть площади формировала старостинская усадьба, здание которой располагалось в глубине двора. Рядом размещался похожий по планировке другой старостинский двор. Возле приходского костела на площадь выходили угловое сооружение, вероятно богадельня, и усадьба плебана, имевшая планировку в виде образованного постройками курдонера.

Храмы, доминировавшие в композиции поселения, формировали при этом малое, затесненное пространство площади, в чем проявилась традиция западноевропейского средневекового градостроительства. Для него, однако, не была характерна визуальная связь внутреннего пространства площади с окружающей городской и природной средой, свойственная древнерусским городам. Синтез этих двух начал определил возникновение подобных комплексов как регионально специфичной градостроительной формы.

Костелы фланкировали открывающееся к реке пространство и размещались осями взаимно перпендикулярно, образуя лаконичную напряженную композицию. При восприятии извне такая постановка объемов обеспечивала им активную силуэтоформирующую роль. Обозрение вдоль осей костелов из любых видовых точек давало картину протяженного бокового фасада одного из храмов в сочетании со стройным фасадом другого — главным или апсидным.

Иезуитский костел, относясь к учреждениям закрытого типа, тем не менее главным и двумя боковыми фасадами непосредственно выходил на площадь и улицу. Такой прием в условиях малых культовых площадей показывает, что фа-

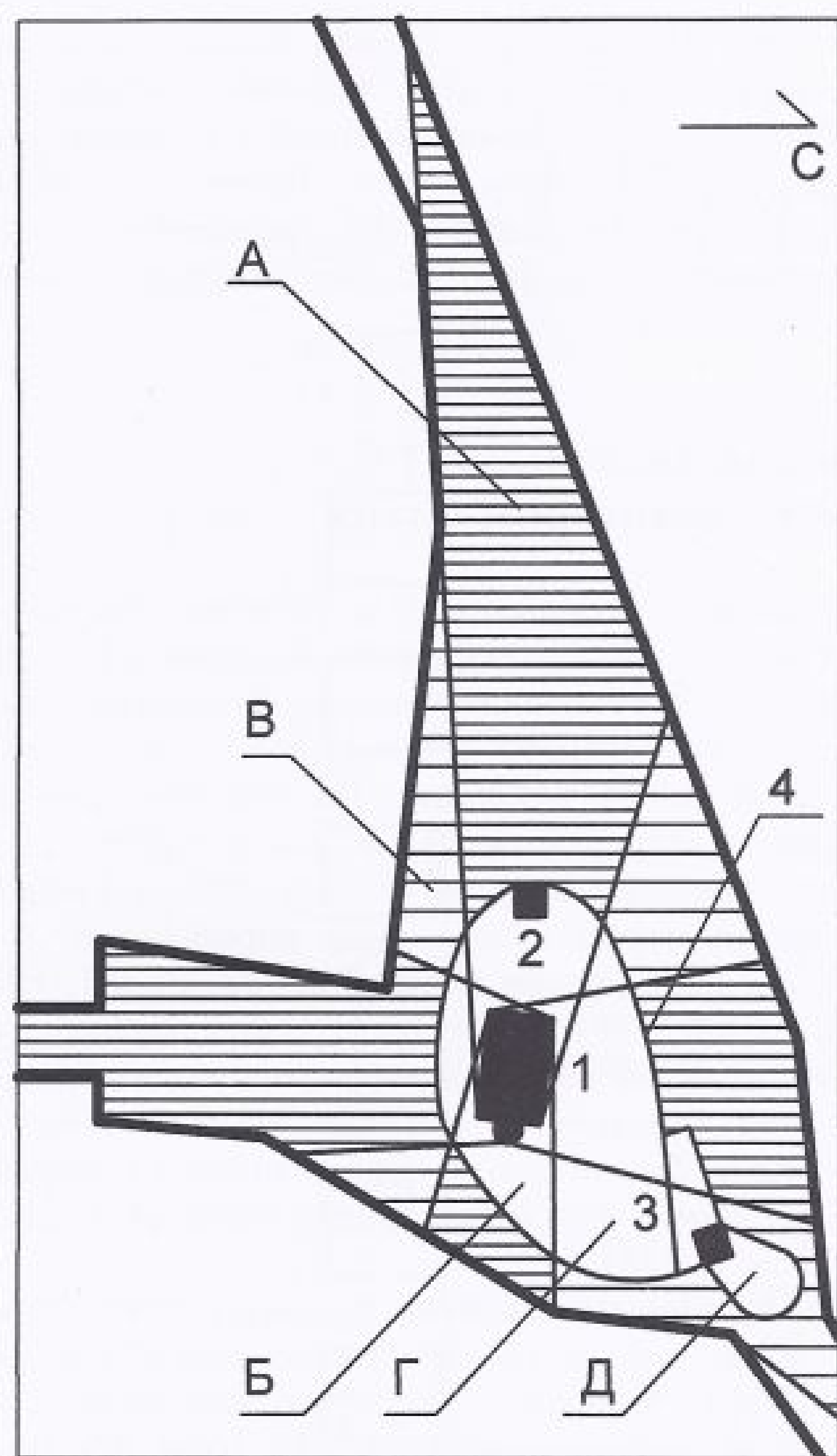

Рис. 176. Вилейка. Главная площадь треугольной конфигурации (по плану конца XVIII в., РГВИА): *1* — униатская церковь, *2* — колокольня, *3* — жилой дом священника (?), *4* — ограда; *А* — зоны преобладания фронтального и близкого к нему восприятия фасадов храма с общественной территории, *Б* — зоны преобладания фронтального и близкого к нему восприятия фасадов храма с церковного участка, *В* — зоны углового восприятия храма с общественной территории, *Г* — зоны углового восприятия храма с церковного участка, *Д* — условная зона затрудненного восприятия храмового комплекса

садная пластика со своей ордерной темой приближалась к зрителю, концентрировала внимание, проявляла в образе ансамбля важную роль архитектурной детали.

Рассмотрим также один из наиболее самобытных видов площадей — комплексы треугольной конфигурации. Вероятно, процесс формообразования проходил следующим путем. Несколько межселенных дорог, трассировка которых связана с причинами появления и развития данного города вообще, пересекались на плоском, удобном для общественных функций участке. Коммуникации сходились не в одной точке, образуя простой перекресток, а пересекаясь между собой, занимали определенную зону. Такая ситуация естественна, поскольку число переходивших в улицы дорог могло доходить до десятка. Образовавшиеся небольшие, неправильной формы участки между перекрестками в силу своей конфигурации были неудобны для размещения жилой застройки с земельными наделами. К тому же они оказывались на территории высокой общественной активности в геометрическом центре поселения и естественно начинали использоваться как открытое пространство для торговых операций или для постановки важных общественных зданий. Если указанная зона пересечения коммуникаций по характеру приближалась к треугольнику, то соответствующую форму приобретала и площадь. Закономерность образования треугольной площади в месте смыкания двух или более улиц подтверждается опытом других градостроительных культур. Например, подобная конфигурация площади вблизи главного торга наблюдалась в Путивле XVIII в. [441, с. 47].

Иногда сложившаяся площадь подвергалась регулированию путем строгого спрямления линий застройки сторон (Новогрудок). Формирование площадей, имеющих три стороны и три угла, как особого вида может быть также обусловлено религиозным сознанием, соблюдением священного числа три, символически связанного с христианским понятием Св. Троицы.

Примером главного торга треугольных очертаний является площадь Вилейки в конце XVIII в. Две сходящиеся под углом улицы переходили в основную магистраль поселения. С такой трассировкой естественным было использование перекрестка под общественные функции, расширение его за счет острого углового участка, неудобного для усадебных наделов. Свободное, без предвзятой геометризованной схемы формирование планировки проявилось в овальных, плавных очертаниях огороженного участка церкви, способствующих беспрепятственному круговому движению, как бы обтекающему участок. Типичным приемом было сохранение обширной, не занятой постройками территории для ведения торговли.

Восприятие храма подчинялось определенному замыслу. Несмотря на возможность всестороннего обозрения, здание размещено с учетом абриса площади так, что преобладало фронтальное восприятие его фасадов, а видовые точки на объем с угла были второстепенными. Сопоставление размеров зон в пределах площади, из которых

осуществлялось угловое и фронтальное обозрение, указывает на заметную разницу в пользу последнего. Это различие усиливается, если учесть только наиболее посещаемую территорию площади вне церковного участка и ухудшение углового восприятия с северо-востока в связи с постановкой здесь строения, очевидно жилого дома священника. Приемом улучшения видимости южного фасада церкви, всегда хорошо освещаемого, служило расширение подводящей к площади улицы до размера длины храма. Вытянутость на запад треугольника площади увеличивала зону фронтального обозрения главного фасада здания и колокольни перед ним.

4.3. Принципы композиции ансамблей с регулярным средневековым характером плана

Наиболее яркий пример ансамбля, возведенного на регулярном планировочном субстрате средневекового генезиса, представляет собой торговая площадь местечка Поставы. Это уникальное произведение барокко рассматривалось в ряде исследований. Накоплен фактологический материал, иллюстрирующий условия его строительства и архитектуру отдельных зданий [26, 160, 201, 312]. Осталась невыявленной, однако, система художественных свойств ансамбля, творческие принципы образования градостроительных форм.

Поставы, принадлежавшие Деспотам-Зеновичам, сложились на берегах двух озер, образованных р. Мяделкой. По инвентарю 1628 г., существовала рыночная площадь с костелом и плебанией, корчмой, шестью жилыми дворами. Известны две расходившиеся от площади улицы. Одна вела к усадьбе южнее поселения, вторая, с Николаевской церковью, — в заречную часть местечка. В XVI — начале XVII в. вся застройка была деревянной, включая храмы и помещичью усадьбу [626, с. 276].

В 1720 г. имение перешло в собственность рода Тызенгаузов. В 1770-х годах А. Тызенгауз организовал в Поставах крупное мануфактурное производство с приглашением иностранных рабочих, попытался превратить имение в один из центров культурно-промышленного преобразования края. Тызенгауз, как и ряд других общественных деятелей близкой к распаду Речи Посполитой, видел выход из экономического кризиса в искусственном внедрении промышленности в отсталое хозяйство страны. В дальнейшем его предприятия потерпели крах, поскольку натуральное хозяйство не обеспечивало сбыта товаров, а крепостной труд на мануфактурах был непроизводителен [201, с. 3, 22].

Застройка местечка существенно видоизменилась. На торговой площади сооружен ансамбль жилых и общественных зданий, автором которого считается итальянский архитектор Джузеппе де Сакко, с 1773 г. постоянно живший в Гродно. Сакко был руководителем строительства королевских мануфактур в ВКЛ, возглавлял строительную школу в Гродно. По его проектам сооружены дворец Тызенгауза (в соавторстве), Августовская и Станиславовская усадьбы в Гродно, реконструирован гродненский королевский дворец, созданы другие постройки [22, с. 381, 603; 712, с. 266, 387]. Существует также мнение, что проект поставского ансамбля принадлежит немецкому архитектору Иоганну Мёзеру, который служил у Тызенгауза и спроектировал комплекс жилых домов для иностранных рабочих в Гродно [723, с. 155].

К настоящему времени ансамбль почти утрачен: из 22 зданий сохранилось 8, два из них перестроены. Автором монографии выполнены графические реконструкции на 70-е годы XVIII в. плана площади в М 1:500, фасадов застройки ее южной, западной, северной сторон и торговых рядов в М 1:100. Реконструкции основаны на изучении литературных источников, планов города конца XVIII в. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21563) и 1798 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21529, ч. 3, л. 21), современной геодезической съемки территории, архитектурного облика и данных технической инвентаризации сохранившихся зданий.

Материалы, иллюстрирующие планировку местечка до проведения ансамблевого строительства, отсутствуют. Тем не менее очевидно, что при реконструкции 1770-х годов могли быть только расширены магистрали или выровнены некоторые линии застройки площади и улиц, тогда как общая схема плана более древняя. Конфигурация площади приближалась к прямоугольнику со сторонами 87, 98, 189 и 197 м. К его углам подходили четыре улицы, каждая из которых, с небольшим отклонением, была трассирована как продолжение стороны площади в одном на-

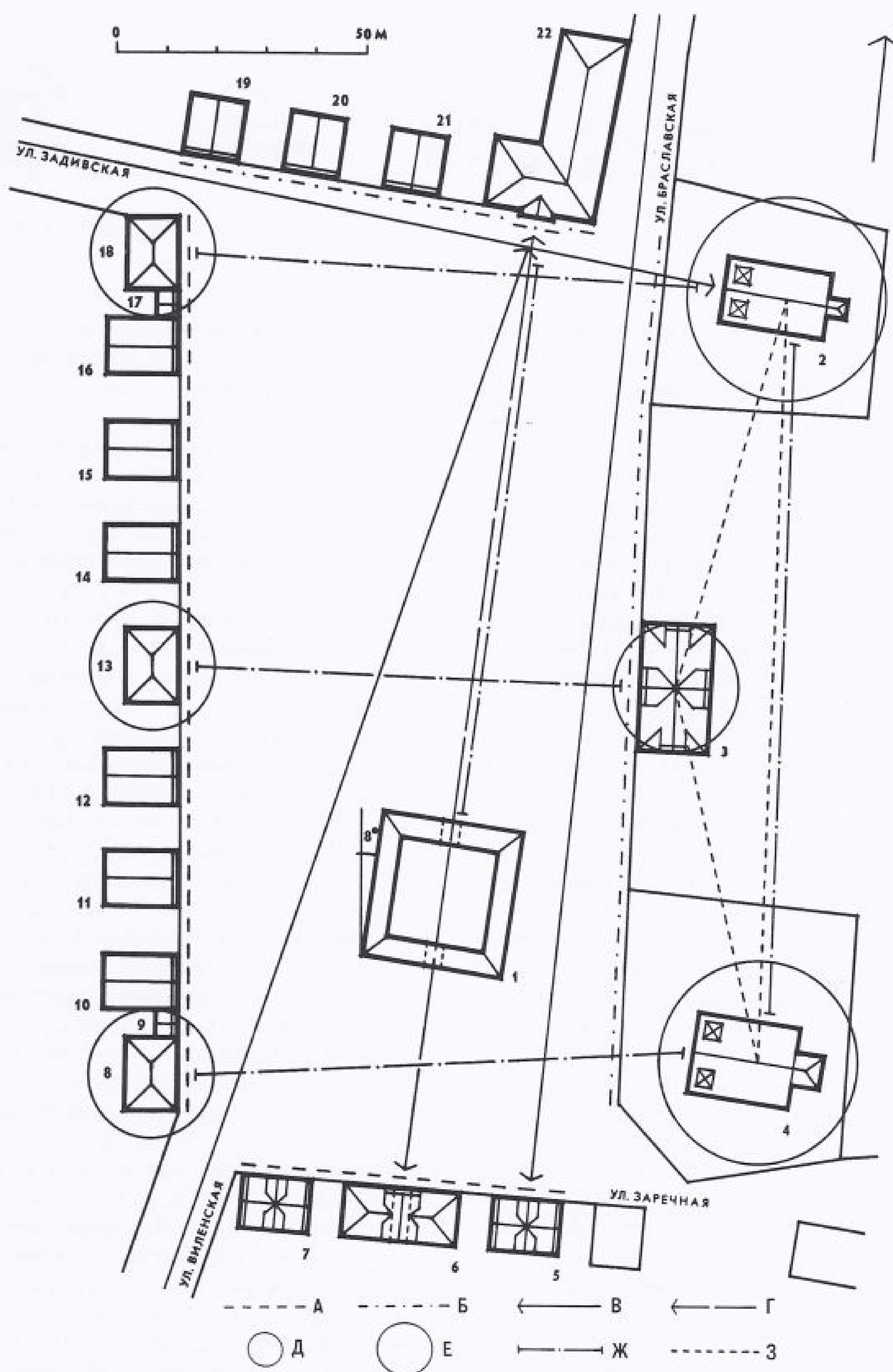

Рис. 177. Поставы. План торговой площади в 1770-х годах (реконструкция автора). Анализ композиции: *1* — торговые ряды, *2* — приходский костел, *3* — школа, *4* — униатская церковь, *5, 7* — гостиницы, *6* — кафе, *8* — лечебница и земская канцелярия, *9, 17* — служебные строения, *10—12, 14, 16, 19—21* — жилые дома ремесленников, *13* — суд и городская канцелярия, *15, 18* — заезжие дома, *22* — аустерия; *А* — симметричные стороны площади, *Б* — асимметричные стороны, *В* — видовые оси улиц, ориентированные на акценты застройки, *Г* — видовая ось, проходящая через проемы торговых рядов, *Д, Е* — сооружения соответственно второго и третьего высотных уровней, *Ж* — парное композиционное равновесие доминант, *З* — композиционное равновесие трех доминант

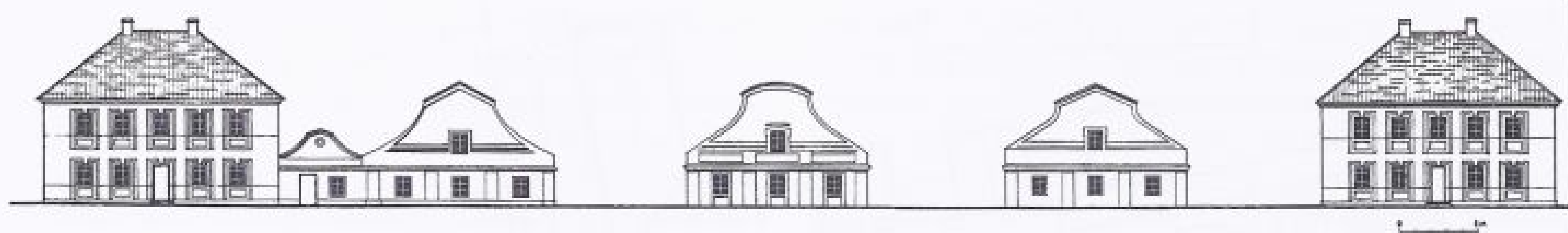

Рис. 178. Поставы. Фасад застройки западной

правлении. Такой прием, напоминающий свастику, типичен для четырехугольных средневековых площадей Западной и Центральной Европы [66, т. 1, с. 166]. Он обеспечивал визуальную замкнутость перспективам вдоль подводящих улиц и пространству самого рынка, что было одной из художественных целей средневекового градостроителя. Анализируемый прием с той или иной спецификой планировочных абрисов использован в композиции Большого рынка в Мейссене [66, т. 1, с. 173], Соборной площади в Равенне [169, с. 78], площади Санто Пьетро в Мантуе [169, с. 78], Нового рынка в Вене [169, с. 195], Старого рынка в Стралзунде [702, с. 124, 125], культовой площади возле иезуитского коллегиума в Пинске, а также упоминается Камилло Зитте [169, с. 194, 195].

С другой стороны, возникновение новой планировки поставского центра в 1770-е годы, время переходное от барокко к классицизму, характерное сосуществованием чисто барочных и классицистических планировочных и объемно-пластических композиций, крайне маловероятно. Причина тому — выраженная асимметрия пространственной схемы площади с примыкающими улицами и положения резиденции Тызенгауза относительно магистрали — оси, соединяющей ее с рынком, тогда как в рассматриваемую эпоху понятие изящного неразрывно связывалось с идеей симметрии.

Среди площадей других городов ансамбль отличался редкой полифункциональностью и включал торговые ряды, приходский костел, униатскую церковь, школу, кафе («кафенгауз»), две гостиницы, аустерию, заезжие дома, суд, здание лечебницы и канцелярии, жилые дома иноземных рабочих. Состав застройки свидетельствовал о гражданском, светском характере ансамбля.

Композиция застройки южной и западной сторон была симметричной, а северной и восточной — асимметричной. Асимметрично в пространстве площади размещались также квадратные в плане торговые ряды с внутренним двором. Так, в организации застройки на основе художественного противопоставления использованы симметрия и асимметрия. В общей асимметричной структуре заключены развитые симметричные группы зданий.

Условно выделим уникальные и рядовые элементы композиции. К первым относились: торговые ряды — главное здание ансамбля; центрично размещенная на восточной стороне школа; фланкирующие эту сторону деревянные костел и церковь; кафе — расположенное на оси симметрии основное здание южной стороны; аустерия — асимметрично размещенная главная постройка северной стороны. Рядовые элементы были созданы на основе типизации объемно-планировочных и пластических решений зданий, что явилось отражением социально обусловленных тенденций в градостроительстве барокко XVIII в. Типизация сочеталась с вариантностью декоративных элементов. Прослеживалось три типа рядовых построек: обращенный к площади торцевым барочным щипцом одноэтажный жилой дом ремесленника, выходящее на площадь длинной стороной двухэтажное общественное здание, обращенная к площади длинной стороной одноэтажная общественная постройка с мансардой.

Применение двух симметричных и двух асимметричных композиций застройки сторон площади дополнялось приемом общности объемно-планировочного типа рядовых зданий на симметричной и асимметричной сторонах, а именно — на западной и северной использован одноэтажный дом с торцевым щипцом. Кроме того, применен прием отличия типа рядовых зданий на симметричных сторонах — двухэтажное общественное здание встречается только на западной стороне, одноэтажное с мансардой — только на южной.

В основе образа ансамбля лежало активное использование ритмических построений. Наиболее сложная композиция застройки западной стороны основывалась на двойном применении ритма. Более крупный ритмический ряд образовали однотипные двухэтажные здания — два крайних и одно центральное. Ритм меньшего

стороны площади (реконструкция автора)

масштаба формировался шестью одноэтажными домами, размещенными с интервалами в осях 20 м (модуль М). С таким же шагом три здания этого типа располагались на северной стороне, а расстояние 25 м в осях было между крайним типовым домом и аустерией. Ритм южной стороны, образованный двумя типовыми одноэтажными гостиницами и кафе, также определился шагом 25 м (модуль М 1). Расстояние между всеми постройками западной и северной сторон было одинаковым — 8,5 м, на южной стороне оно составило 6 м. Кроме двойного ритма особенностями застройки западной стороны были сложный, живописный силуэт и выразительный контраст двух типов рядовых построек, а также зрительное усиление флангов этой стороны блокировкой трех разнохарактерных зданий в единые угловые группы.

Справа и слева от центрального двухэтажного здания на западной стороне размещалось по три одноэтажных дома с почти одинаковыми щипцами. Средние в группах дома венчались овальной формой щипца, остальные имели треугольное завершение. Эта особенность еще более усиливала ритмический характер всей композиции. Интересно отметить прием создания симметричных «триад» близких по пропорциям зданий, характерный для градостроительства барокко и раннего классицизма при формировании застройки площадей. Примером служат также группы из трех административных зданий на противоположных сторонах главной площади Полоцка, созданные в конце XVIII в. губернским архитектором Иваном Зигфриденом. Здесь средние в группах здания тоже выделялись криволинейной формой фронтона.

В 1770-х годах высотными сооружениями ансамбля служили деревянные костел и церковь, воздвигнутые еще до тызенгаузовской реконструкции. На основе упомянутых планов Постав конца XVIII в. можно установить размеры и конфигурацию храмов. Приходский костел был построен в 1516 г., в 1760 г. уничтожен пожаром, а в 1784 г. уже существовал новый двухбашенный деревянный костел [201, с. 6]. Униатская церковь относится к 1713 г. [312, с. 154]. Впоследствии, в 1849 г. на месте деревянной церкви сооружена каменная в псевдорусском стиле.

Очевидно, в композиции ансамбля выделялись три условных высотных уровня, к первому из которых относилась одноэтажная жилая и общественная застройка, ко второму — двухэтажные общественные здания, к третьему — культовые постройки с башенным завершением. При этом, наиболее вероятно, двухэтажные здания примерно соответствовали по высоте основным горизонтальным объемам храмов. Элементы второго и третьего уровней, доминирующие по отношению к фоновому первому уровню, образовали равновесную структуру архитектурных масс, в которой каждому из трех доминирующих элементов одной стороны площади соответствовал элемент на противоположной. Принцип равновесия прослеживался также в отдельно взятой асимметричной композиции застройки восточной стороны, где доминанты формировали треугольную в плане схему. Визуально уравновешены между собой были и крупные одноэтажные объемы торговых рядов и аустерии. Асимметрично разме-

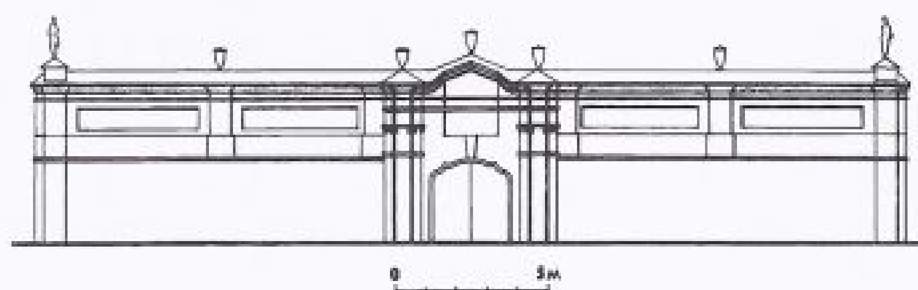

Рис. 179. Поставы. Северный фасад торговых рядов (реконструкция автора)

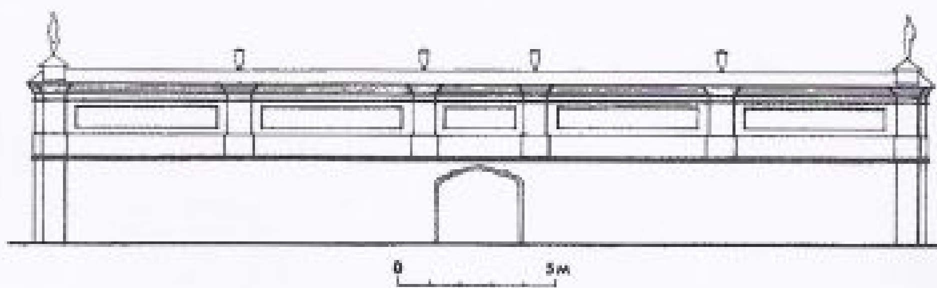

Рис. 180. Поставы. Западный и восточный фасад торговых рядов (реконструкция автора)

щенным в пространстве площади рядам гармонично соответствовал также асимметричный в застройке северной стороны корпус аустерии. Таким образом, принцип равновесия воплощался в ансамбле в целом, в решении сторон площади как его законченных, целостных составляющих, а также в композиционных связях между отдельными доминирующими элементами. Равновесие последних целесообразно определить как парное, поскольку наиболее ясно противопоставлялись два разнохарактерных или однохарактерных элемента между собой.

Асимметричное положение торговых рядов обеспечивало организацию в северной части площади пространства для ярмарок, проводившихся 5 раз в год. Рынок сосредоточивал приезжее сельское население и по воскресеньям. Поворот здания на 8° по отношению к продольной оси площади облегчал диагональное транзитное движение. Как уже отмечалось, такая постановка сооружения, отражающая органичную зависимость композиции от специфики функциональной организации, представляла собой традицию, характерную для средневековых площадей и воплощенную в позднебарочном ансамбле.

Анализ размещения здания торговых лавок выявил и другие особенности. Средневековая традиция постановки дополнялась геометризованным подходом Нового времени к определению места сооружения. Его геометрический центр находился посередине внутреннего двора и точно на пересечении диагоналей, одна из которых соединяла оконечности фасадов ансамблевой застройки западной и южной сторон, а другая — край фасада застройки южной стороны с углом здания школы. Этот же центр находился на пересечении других диагоналей: соединявшей юго-западный угол площади с серединой фасада школы и связывавшей юго-восточный угол площади с углом одного из домов на западной стороне. Через этот центр проходила и прямая между северо-восточным углом площади и углом здания кафе.

Кроме того, внешние фасадные плоскости южной и северной входных арок торговых рядов тоже были спроектированы на пересечении соответственно двух пар диагоналей, которые соединяли важные точки планировочного построения ансамбля. Через геометрический центр торговых рядов и середины порталов проходила и ось, связывавшая середины фасадов зданий кафе и аустерии. Анализ свидетельствует, что в планировочной композиции площади в качестве приема формообразования использована система узловых точек, призванных упорядочить построение, отразить в структуре ансамбля определенный авторский замысел (точки 1, 2, 3).

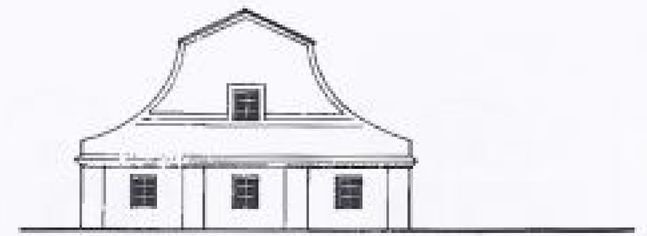

Рис. 181. Поставы. Фасад застройки

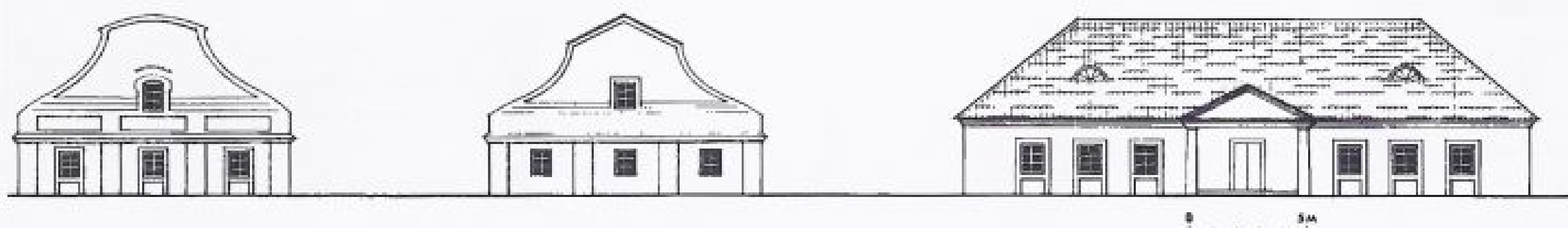
Другим формальным приемом была взаимоувязка граней архитектурных объемов. Например, плоскость северного фасада торговых рядов ориентировалась на центр главного фасада одного из жилых домов, а плоскость бокового фасада последнего — на угол здания торговых лавок. Такие совпадения плоскостей, осей и линий архитектурных объемов прослеживаются в композиционном взаимодействии торговых рядов, жилых зданий и церкви.

Пространство ансамбля зрительно преобладало над архитектурными массами, что, однако, более свойственно градостроительству классицизма, чем барокко. Отношение высоты одноэтажной застройки к ширине площади — около 1:12, а к длине — 1:25. Для двухэтажных зданий эти пропорции 1:8 и 1:17. Так, характерные для ансамбля соотношения высотных и планировочных размеров для всей застройки, за исключением храмов, находились в пределах приблизительно от 1:8 до 1:25.

Прослеживался также типичный для градостроительства как средневекового, так и Нового времени принцип завершения уличных перспектив важными в архитектурном отношении, но разными по типу и градостроительной роли сооружениями. Улица Задивская ориентировалась на главный фасад костела, Виленская — на пор-

Рис. 182. Поставы. Фасад застройки южной стороны площади (реконструкция автора)

северной стороны площади (реконструкция автора)

тик аустерии, перспективу улицы Браславской завершал мезонин гостиницы. Система композиционных связей дополнялась оригинальным приемом — портик аустерии, обе брамы торговых рядов и портал кафе находились на одной визуальной оси, обеспечивавшей восприятие через проемы в торговых корпусах архитектурных акцентов фасадов аустерии и кафе.

Кроме того, важная черта площади — отсутствие сплошного фронта застройки сторон. Очевидно, свободная постановка объемов вызвана желанием максимально увеличить масштаб ансамбля при ограниченных материальных возможностях и необходимостью организации удобных для пользования земельных участков у зданий. Подобное размещение застройки, вообще характерное для малых городов и местечек, отражало их большие территориальные ресурсы и обусловливало развитые зрительные связи между элементами городской среды. Ансамбль визуально связывался с близлежащими водоемами и францисканским монастырем на противоположном берегу.

Ансамблевое единообразие застройки достигалось не только средствами объемно-пространственной композиции, но и декоративным решением в упрощенных формах позднего барокко, использованием приемов архитектурного убранства, общих для разных типов рядовых зданий и уникальных построек. К ним относились протяженные ниши аттика (торговые ряды; жилые дома, средние в группах трех однотипных зданий), сходные наличники с подоконной нишей (средние в группах жилые дома; общественные здания, за исключением торговых рядов), замковый камень наличника (общественные здания западной и южной сторон).

Как и в Поставах, на регулярной планировочной основе, которая по генезису являлась средневековой, а по времени возникновения относилась к XVI — первой половине XVII в., сложился ряд барочных и барочно-классицистических ансамблей. В их составе застройка более ранних стилевых эпох была в целом фрагментарной (главные площади Бреста, Гродно, Минска, частновладельческих поселений Гольшан и Ружан). Схемы планов рассматриваемого класса площадей разнообразны, но обладали чертами, отличавшими их от регулярных форумов ренессанса, барокко и классицизма. Дополнительно к указанным выше стилевым особенностям отметим возникновение пространственно открытых решений, что в целом не свойственно главным общественным ансамблям с нерегулярной планировкой в белорусских городах и как с нерегулярной, так и регулярной — в средневековой Западной

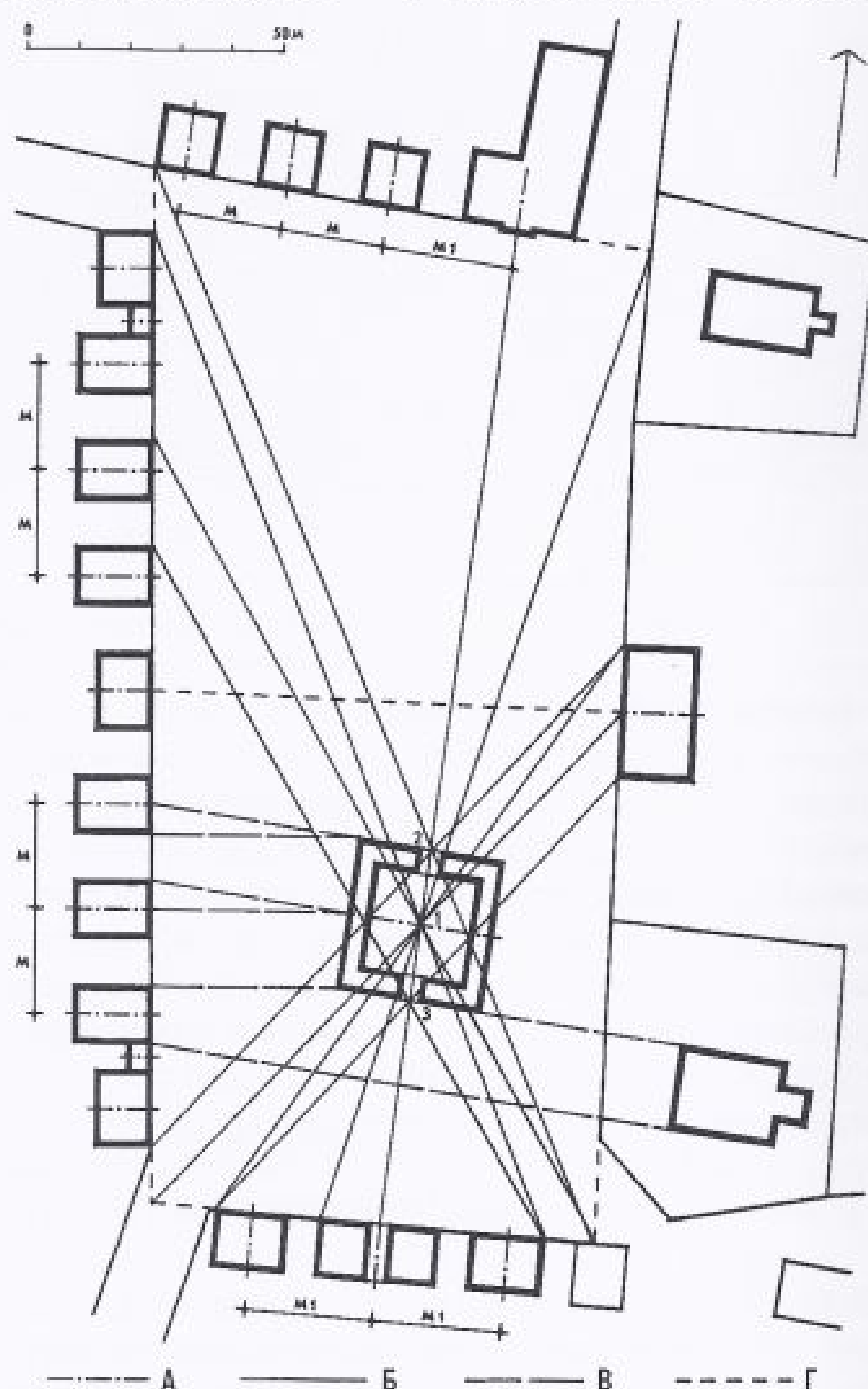

Рис. 183. Поставы. План торговой площади в 1770-х годах (реконструкция автора). Анализ композиции: *А* — планировочные оси зданий тызенгаузовской постройки; *Б* — линии построения, иллюстрирующие принцип узловых точек; *В* — линии построения, иллюстрирующие принцип взаимосвязи граней и осей архитектурных объемов; *Г* — другие условные линии планировочного построения

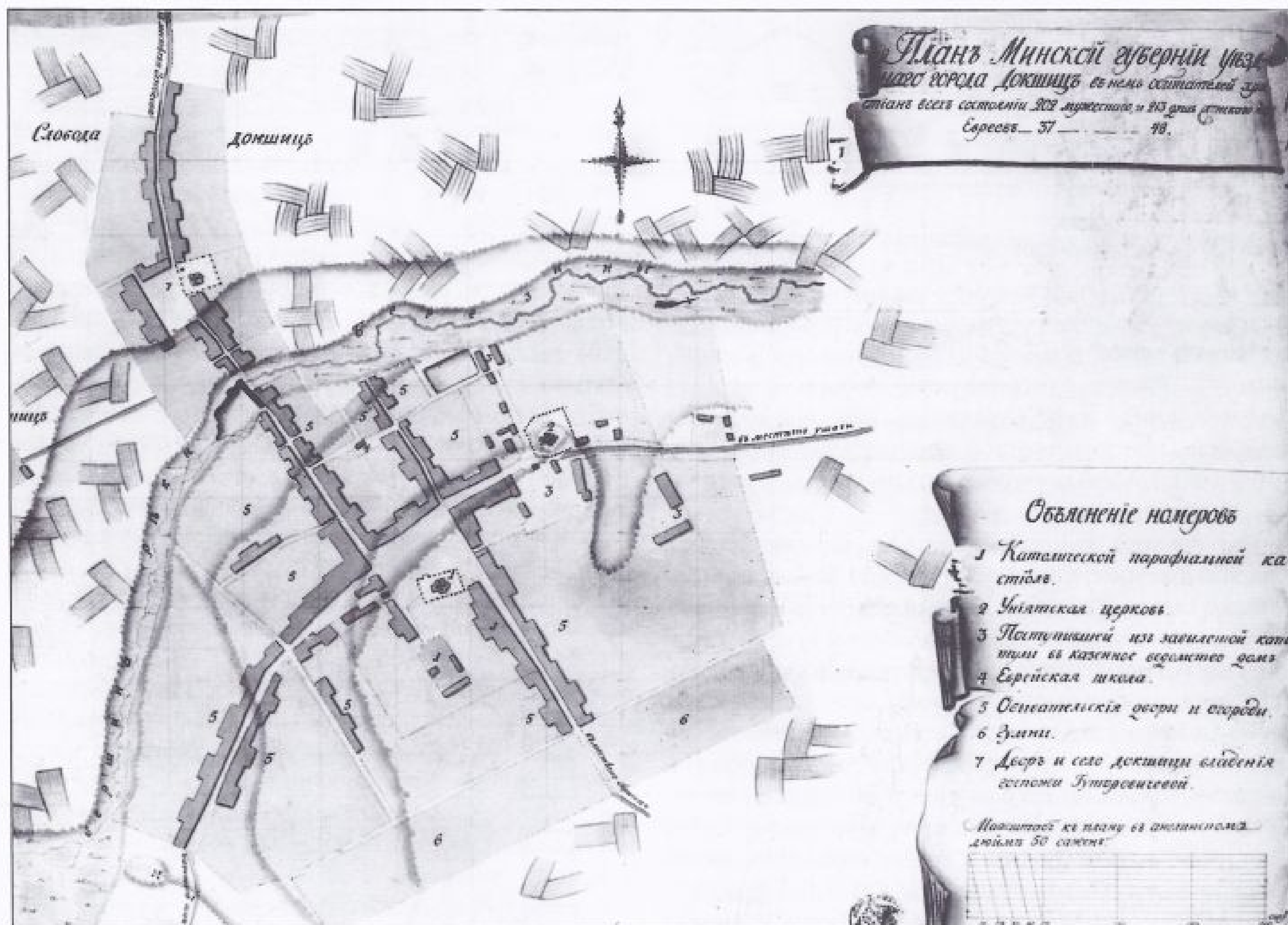

Рис. 184. Докшицы. План конца XVIII в. (РГВИА)

и Центральной Европе. Близкая к прямоугольнику или трапеции площадь могла быть композиционно обращена к другим архитектурным комплексам и природному ландшафту длинной или короткой стороной (предхрамовые площади у костела в Давид-Городке и Ильинской церкви в Орше). Вероятно, такое качество наблюдается благодаря сравнительно позднему появлению градостроительного элемента в готической традиции, когда определенное распространение в регионе уже получили ренессансные пространственные приемы, а в европейских странах — и барочные.

Судя по картографическим источникам конца XVIII в., строго симметричные относительно одной либо двух осей схемы встречались не часто. Отклонения от симметрии, очевидно, обусловливались учетом при разбивке площади и прилегающих улиц опорной ситуации, особенностями творческого подхода профессионалов — зодчих и землемеров, осуществлявших планировочные мероприятия, а также упоминавшимися символико-теологическими соображениями (семь улиц, расходящихся от углов квадратной площади, вместо четных восьми). Композиции не с осевой, а центральной симметрией плана закладывались редко (Поставы и др.).

Своего рода образцом служила симметрия схемы относительно оси, возможно с малым нарушением, когда к двум соседним углам примыкало по две улицы — продолжение сторон площади, а к двум другим — по одной (Докшицы — главный рынок; Дубровно — главная, затем культовая площадь; Несвиж — торг заречного предместья «Нового города»). К типичным приемам асимметричной компоновки улиц, подводящих к прямоугольной площади, относились: две трассы отходят от одного угла и по одной — от остальных (Друя — Старый рынок, Заславль, Чериков — основные площади); к каждому углу прилегает одна магистраль, не образуя при этом ни осевой, ни центральной симметрии общей схемы (Несвиж — торговая площадь предместья Казимиров); только к трем углам подходит по улице (Старый Мядель — основной торг).

Рис. 185. Клецк. Застройка главной площади. Фото 1930-х годов

Создавались и достаточно оригинальные, выразительные решения, например: присоединение трех параллельных коммуникаций только к одной из сторон площади (Большая Берестовица — ратушная площадь); Н-образная схема, заключавшаяся в размещении площади наподобие перемычки между двумя рядом проложенными улицами (Гродно — Немецкий рынок); формирование площади в виде курдонера перед храмом, одной стороной прилегающей к магистрали (Докшицы — слободская культовая площадь). Примечательно, что при общей ортогональной схеме, когда улица трактовалась как продолжение стороны прямоугольной или трапециевидной площади, нередко наблюдались аномалии. Магистраль трассировалась под небольшим углом к стороне площади. Ничего подобного не прослеживалось в идеально регулярных, иногда «жестких» по образу планиметрических построениях барокко и особенно классицизма.

4.4. Принципы композиции ансамблей с ренессансной планировочной основой

Показательным примером, позволяющим выполнить композиционный анализ, служит главная площадь Полоцка — один из наиболее крупных и монументальных ансамблей с целостной пространственной организацией. Многие из составлявших его сооружений по отдельности рассматривались в литературе [204, с. 21—25; 205, с. 8—13; 214, с. 43—45]. Однако ансамбль в целом не анализировался, оставались неизвестными его композиционные особенности как единого гармоничного образования, облик некоторых зданий был не выяснен.

В XI—XIII вв. Полоцк имел обычную для восточнославянских городов структуру и включал Верхний замок (детинец, кремль, град), Нижний замок (окольный город) и Великий посад вдоль Двины. Очевидно, торговая площадь размещалась на плоском участке у стен Верхнего замка

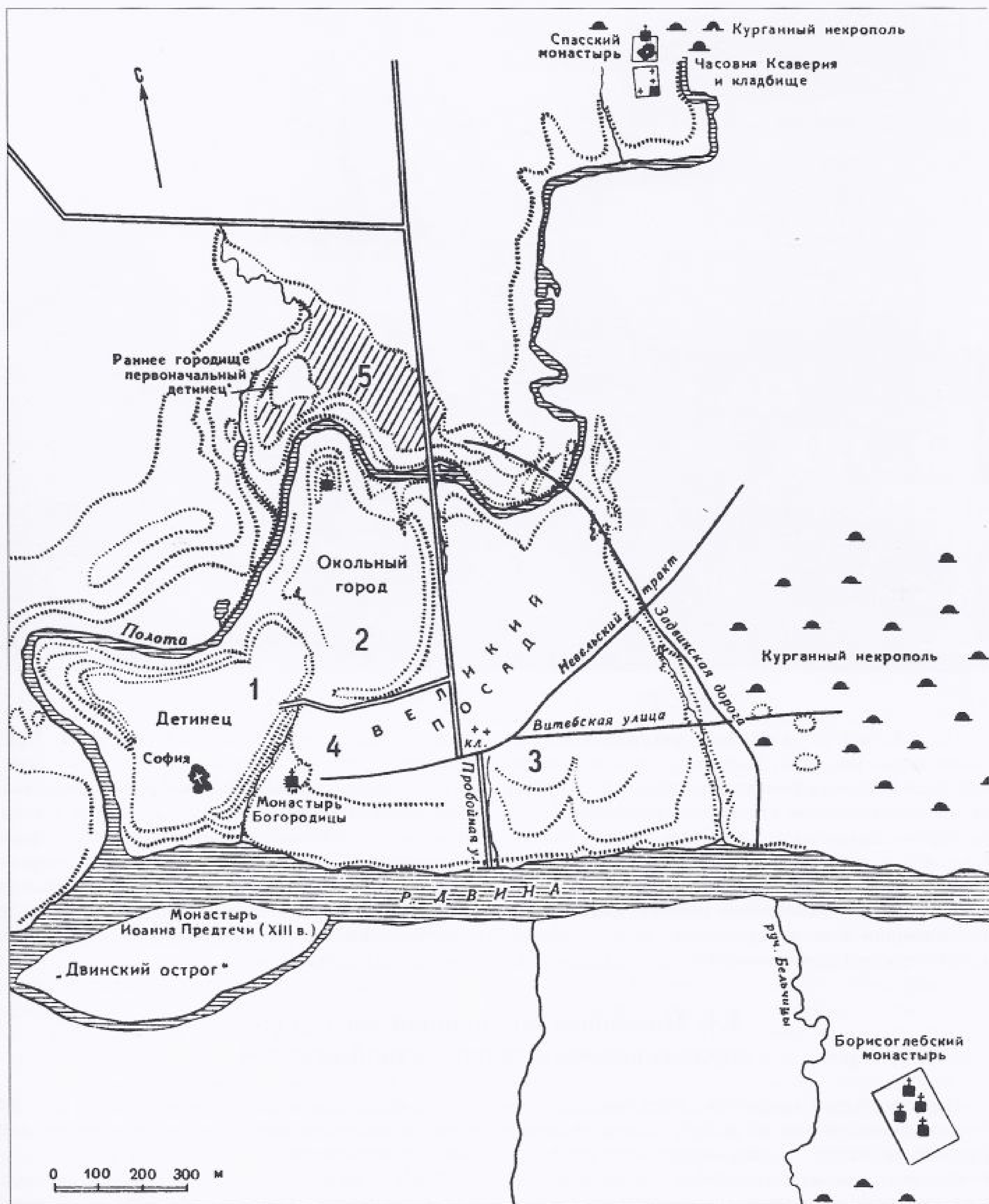

Рис. 186. Полоцк в XIII в. (схема Л. В. Алексеева): *1* — Верхний замок; *2* — Нижний замок; *3* — Великий посад; *4* — территория торговой площади (предположение Ю. В. Чантурия); *5* — местоположение селища второй половины I тысячелетия до н. э.

Рис. 187. Полоцк. План 1707 г. (РГВИА): *1* — Верхний замок; *2* — Нижний замок; *3* — Великий посад; *4* — территория площади; *5* — коллегиум иезуитов XVII в., *6* — монастырь бернардинцев; *7* — Заполотье; *8* — собор св. Софии; *9* — Красная (Королевская) башня; *10* — Богоявленский монастырь

в соответствии с типичным принципом «град — торг — посад», а в застройку ее, возможно, входил монастырь Богородицы, известный по опубликованным исследованиям [6, с. 135; 74, с. 40, 41].

Трансформацию городского центра в XIV—XV вв. под влиянием западноевропейского градостроительства, перемещение главной площади от Верхнего замка в глубь территории Великого посада проследить трудно из-за отсутствия данных. Вероятно, в застройку площади Нового времени входил один из древнейших в ВКЛ кальвинский сбор первой половины XVI в., упоминаемый в исторических источниках [439, с. 503]. Во второй половине XVII в. на месте сожженного в 1660 г. сбора построен деревянный иезуитский коллегиум [34, с. 87]. На рисунке Полоцка 1707 г. (РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 22367) он показан как главное здание площади, а на ее северной стороне изображен бернардинский монастырь, основанный еще в 1498 г. [34, с. 92]. В XVIII в. на месте бернардинского монастыря сооружен доминиканский.

Высказывается суждение, что прямоугольная конфигурация площади, как и в целом ортогональная планировочная структура города, были созданы в период войны России с Речью Посполитой одновременно со строительством в 1654—1663 гг. укреплений, когда Полоцк отстраивался русскими зодчими как город-крепость [141, с. 90]. Однако, наиболее вероятно, прямоугольная планировка, свойственная внутренним территориям крепостей Возрождения, тогда уже существовала, будучи созданной еще до войны, в конце XVI — первой половине XVII в. в контексте общего процесса преобразования древних городов на основе градостроительных идей Нового времени. Такого же мнения придерживается и польский исследователь А. Ю. Барановски [644].

О ренессансном характере планировки площади и примыкающих улиц свидетельствует план Полоцка 1778 г. [463, с. 428], составленный до его реконструкции в эпоху классицизма. Несмотря на отсутствие четкой регулярности линий застройки, хорошо прослеживается близкая к симметричной композиционная схема рынка. С вос-

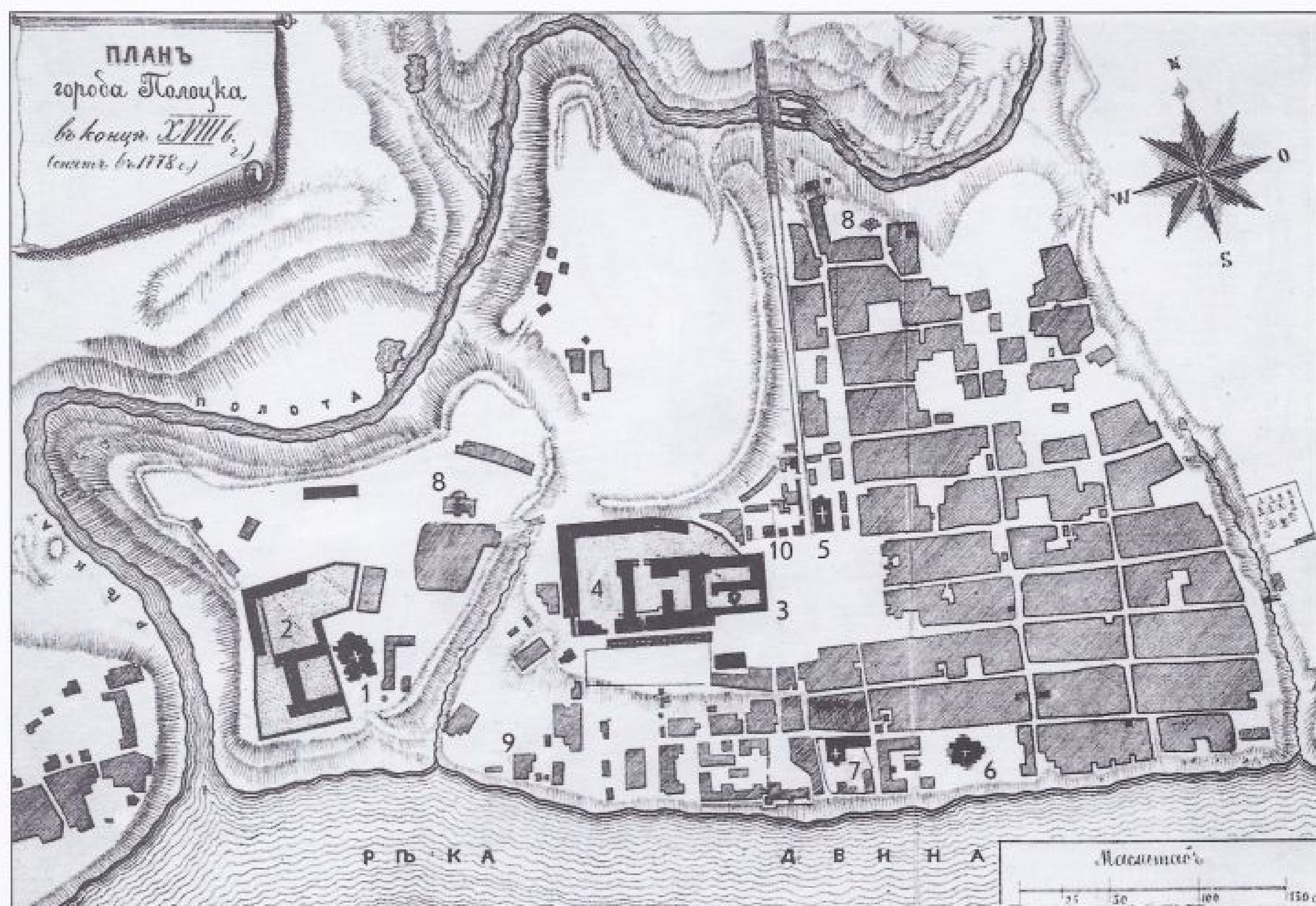

Рис. 188. Полоцк. Фиксационный план 1778 г. (по А. П. Сапунову): *1* — собор св. Софии; *2* — постройки монастыря базилиан; *3* — костел св. Стефана; *4* — постройки коллегиума иезуитов; *5* — монастырь доминиканцев; *6* — Богоявленский монастырь; *7* — монастырь францисканцев; *8* — деревянные иезуитские костелы; *9* — синагога; *10* — административные здания

тока, севера и юга к нему подходило по три улицы, что типично для ренессанса (по документу 1778 г. одно из северных направлений, упиравшееся в вал Нижнего замка, очевидно, уже утрачено), а главная осевая магистраль визуально завершалась иезуитским храмом на западной стороне площади. Наиболее вероятно, средняя из трех южных улиц ранее трассировалась несколько восточнее, вдоль стены францисканского костела, находясь в створе средней из трех северных улиц. Это подтверждается размещением приблизительно на одной прямой осей доминиканского и францисканского храмов, а также характерным изломом южной стороны площади в месте примыкания утраченной улицы.

В первой половине XVIII в. (к 1745 г.) на месте деревянного сооружен каменный иезуитский костел св. Стефана, а во второй половине XVIII в. вместо сгоревших в 1750 г. деревянных построены каменные корпуса коллегиума. При этом, как можно предположить по плану 1778 г., крайние западные из трех улиц, подводивших к площади с юга и севера, оказались размещенными на одной линии с главным фасадом храма. В системе высотных сооружений города иезуитский костел стал главным.

После присоединения Полоцка к России начался новый период формирования площади, характерный широкомасштабным строительством общественных зданий. Застройка города проводилась по проекту регулярной перепланировки 1778 г.(РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 25, д. 2459, л. 1). В начальной стадии осуществления он был незначительно изменен проектом И. Зигфридена 1793 г. (РГИА, ф. 485, оп. 1, д. 241). Площадь стала основным звеном трехчастной структуры центра, включившего также две торговые площади. Сформировалась близкая к симметричной система площадей, объединенных тремя парадными магистралями.

Рис. 189. Полоцк. Фиксационный план конца XVIII в., составленный до регулярной перепланировки города (РГАВМФ)

Сложение главной площади в последней четверти XVIII в. было относительно кратковременным. До образования в 1776 г. Полоцкой губернии здесь существовали провинциальные учреждения — магистрат с торговыми рядами, канцелярия, соляной магазин, почта и др., не формировавшие целостной застройки. После 1776 г. новые губернские учреждения создали архитектурный ансамбль [205, с. 8, 9]. Если в XVII—XVIII вв. площадь характеризовалась культовой в сочетании с учебной, торговой, административной и другими функциями, то в конце XVIII в. ее роль как административного центра усилилась, а торговая функция была ликвидирована. По проекту И. Зигфридена на северной и южной сторонах построены одинаковые группы из трех зданий, а в 1783 г. — дворец генерал-губернатора и каменные службы при нем [205, с. 9, 10]. В 1774 г. заложен каменный доминиканский костел Божьей Матери, в 1781 г. — монастырский корпус, занявшие место сгоревшей деревянной обители и достроенные к 1804 г. На восточной стороне площади возведены два административных здания с одинаковыми фасадами.

В итоге реконструкции первоначальные, опорные барочные элементы, размещавшиеся в ортогональной системе планировки XVI—XVII вв., посредством классицистической застройки объединились в законченное пространственное целое. В основу идейного содержания ансамбля легло противопоставление и одновременно единство культового католического начала, дополненного его просветительской, миссионерской функцией, и административно-политической власти, олицетворявшей историческую значимость новой государственности.

В 1812—1830 гг. в зданиях коллегиума находилась иезуитская академия наук. В 1831—1833 гг. комплекс реконструирован архитектором А. Порта для размещения кадетского корпуса [74, с. 38, 49]. Костел был переименован в Николаевский собор, а площадь названа Корпусной. Наличие

Рис. 190. Проект перепланировки Полоцка 1793 г. Архитектор И. Зигфриден (РГИА)

Рис. 191. Полоцк. Вид на застройку центра с Верхнего замка. Рисунок конца XVIII в.

духовного, а затем военного учебного заведения усиливало общественное значение площади. В 1850 г. на ней сооружен отлитый из чугуна обелиск в честь взятия Полоцка русскими войсками в 1812 г. [439, с. 502], благодаря чему обогатилось смысловое содержание ансамбля, получившего также и мемориальный характер.

Выполним анализ композиции площади. К настоящему времени ансамбль утрачен, в перестроенном виде сохранилось лишь пять зданий (три из них — здание губернского магистрата, дом губернатора, а также здание верхней и нижней расправы, губернской канцелярии — в 1973 г. были выявлены автором монографии как сохранившиеся памятники [555]). Материалом для анализа служили: выполненные автором графические реконструкции плана ансамбля в М 1:1000 и в М 1:200 его продольного и поперечного разрезов на конец XVIII в. и середину XIX в., карто- и иконографические документы, результаты натурного исследования. Реконструкция плана основана на изучении современной геосъемки территории и исторических планов Полоцка (РГИА, ф. 485, оп. 1, д. 241; РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 25, д. 2455; ф. 3 л., оп. 25, д. 2459; РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21528, ч. 5, л. 54; ф. 846, оп. 16, д. 21574, л. 2; ПКМ, досоветский период, д. 2431/17, кн. 1; [463, с. 428]), фасадов застройки — на изучении современного состояния, сведении к единому масштабу архивных чертежей отдельных зданий с привязкой их к рельефу местности, а также построении фасадов сооружений по рисункам и фотографиям XIX — начала XX в. (Иезуитский коллегиум — РГВИА, ф. 418, оп. 1, д. 171, л. 1, 2; БГАКФФД, № 24257, 24263, 29942, 050549; ПКМ, досоветский период, д. 256, кн. 1, д. 429, кн. 1, д. 730/6, кн. 1, д. 730/8, кн. 1; [204, с. 22—24]. Доминиканский монастырь — БГАКФФД, № 29958; ПКМ, досоветский период, д. 730/6, кн. 1. Общественные здания — [205, с. 9—12; 214, с. 44—45]).

Основное пространство площади приближалось к квадрату, составляя 120×130 м. Так, подобно рассмотренной выше рыночной площади Чечерска, полоцкий форум спроектирован с использованием приема «живого квадрата». Размещение иезуитского костела соответствовало его

Рис. 192. Полоцк. Вид на застройку центра с левого берега Двины. Фото 1889–1891 гг. (БГАКФФД)

доминирующей роли — он располагался на продольной оси ансамбля, служившей одновременно планировочной осью города. Ориентация на храм на большом протяжении главной магистрали (ул. Витебская, затем Александровская) подчеркивала его значение в структуре центра и города в целом.

Примыкающие к площади улицы, за исключением Замкового переулка, формировали симметричную схему. Фасады одинаковых групп из трех зданий на северной и южной сторонах были строго симметричны. В общую композицию органично включены асимметричные элементы — доминиканский монастырь и дворец генерал-губернатора. Асимметричным компонентом служило и камерное пространство прямоугольного парадного двора перед коллегиумом, составлявшее единое целое с главным пространством площади. Асимметрия обогащала художественную организацию ансамбля, лишала его однообразия при сохранении основной композиционной идеи симметрии городского центра.

Пропорциональный анализ позволил установить применение принципа равенства основных планировочных и высотных размеров ансамбля, а также ограниченное использование модульности элементов застройки и пространств. При проектировании классицистической планировочной композиции модулем служила ширина главного фасада существовавшего иезуитского костела (12 литовских саженей, или около 24 м), которая составила 1/5 ширины площади (120 м). Создание храма именно в такой пропорции с форумом представляется не случайным. В плане ансамбля костел семантически как бы находился во главе структуры площади, возглавляя ее пространственное поле. Необходимо упомянуть исследования православной средневековой и более поздней иконописи, которые свидетельствуют об эстетически совершенном «золотом делении» прямоугольного поля иконы на пять частей по ширине и высоте с композиционным выявлением срединной, одной пятой доли. Важно, что 1/5 ширины иконы соответствовала диаметру нимба, символа совершенства и бесконечности божества. Кроме того, этот диаметр использовался как модуль в построении всего сакрализованного изображения [592, с. 196–200].

Не исключено, что при формировании плана ансамбля ассоциативно преломились распространенные смысловые и пропорциональные особенности древней иконописи. Плоскость прямоуголь-

Рис. 193. Полоцк. Застройка Александровской (Витебской) улицы. Фото начала XX в. (БГАКФФД)

ной площади могла образно соотноситься с полем иконы, а возглавлявший ее храм — с нимбом. Правда, вышеуказанные исследования касаются православных синайских VI в., галицких XIV—XVI вв., константинопольских, московских и новгородских икон XII—XVI вв. [592, с. 200]. Однако неизвестно, какую конфессию исповедовал автор планировочного решения, установивший соотношения частей ансамбля, увязывая вновь создаваемые северный и южный фронт застройки форума с уже существовавшим иезуитским костелом. Нет сведений также, в какой пропорции между собой находились размеры первоначальных прямоугольной площади эпохи Возрождения и деревянного иезуитского костела второй половины XVII в.

К композиционному модулю ансамбля приближались расстояния между осями административных зданий на южной и северной сторонах — 23,5 м. Удвоенному модулю равнялась длина фасада дворца генерал-губернатора. При этом протяженность фасада группы трех административных зданий — 60 м — составляла половину ширины площади.

Высотное построение ансамбля основывалось на выразительном контрасте масс и силуэта иезуитского костела и малоэтажной фоновой застройки, формировавшей целостный периметр площади. Коллегиум, будучи одним из крупнейших в Беларуси, отличался и большими размерами храма. Высота башен до основания креста составляла около 53 м. Высота же административных зданий до верха кровли — 13,5 м. Отношение высот доминанты и рядовой застройки — приблизительно 4:1 — определяло эффектное противопоставление архитектурных форм.

Роль второстепенной доминанты играл доминиканский костел. Соответственно был задуман его главный фасад высотой около 27 м. Он не имел башен, завершался барочным щитом и в целом отличался компактным силуэтом. Отношение высот храма и периметральной фоновой застройки — примерно 2:1 (облик этого храма, хорошо видного вдали на рисунке города 1812 г. — БГАКФФД, № 29958 — воссоздан с определенной степенью приближения и с учетом аналогов — безбашенных костелов XVIII в.). Таким образом, в основу высотной композиции элементов ансамбля — главной и второстепенной доминант и большей части рядовых объектов — положена лаконичная пропорция, включавшая удвоения 4:2:1.

Рис. 194. Полоцк. Вид на застройку восточной стороны площади с Николаевского собора. Фото 1889–1891 гг. (БГАКФФД)

Значение фонового, протяженного элемента застройки имело также Г-образное здание коллегиума, ограничивающее парадный двор у костела. Для организации этого удаленного от центральной части площади пространства художественно обоснованно было применение более высоких, чем остальная фоновая застройка, трехэтажных корпусов, композиционно уравновешивающих расположенный по диагонали доминиканский костел. Так, ансамблю свойственны четыре высотных уровня: два уровня культовых доминант и два — рядовой общественной и жилой застройки.

Рассмотрим особенности архитектурного объема иезуитского костела, повлиявшие на пропорциональный строй ансамбля в целом. Высота храма равнялась его длине (53 м). Ширина по главному фасаду была равна высоте до верха венчающего карниза — 24 м, тем самым первый ярус выходящего на площадь фасада вписывался в квадрат со стороной, равной модулю планировочного построения ансамбля. Модулю равнялась и высота расположенных над средокрестием большого и малого барабанов с куполом до основания креста. Принцип совпадения размеров пространственно-планировочных членений проявился также в равенстве высоты основного объема костела до верха фронтона (28 м) и расстояния от вертикальной оси башни до планировочной оси трансепта. Другим проявлением служит равенство общей высоты храма расстоянию от его главного фасада до оси крайнего из трех административных зданий.

Башни костела имели четырехъярусную структуру. Высоты ярусов составляли 24, 13, 9, 4 м, а высота шлема башни — пятого условного яруса — 2 м. Эти размеры в незначительном приближении образовали пропорцию, также включавшую удвоения — 12:6:4:2:1. Главный фасад доминиканского храма имел трехъярусное построение, ступенчатый силуэт с выразительным барочным щитом. Высоты составляли пропорцию ориентировочно 17,0 м : 6,6 м : 3,4 м или 5 : 2 : 1. Доминанты отличались как типом объемно-планировочной структуры (двухбашенная трехнефная базилика с трансептом и куполом над средокрестием и безбашенная трехнефная базилика), так и пропорциональным строем высотной композиции.

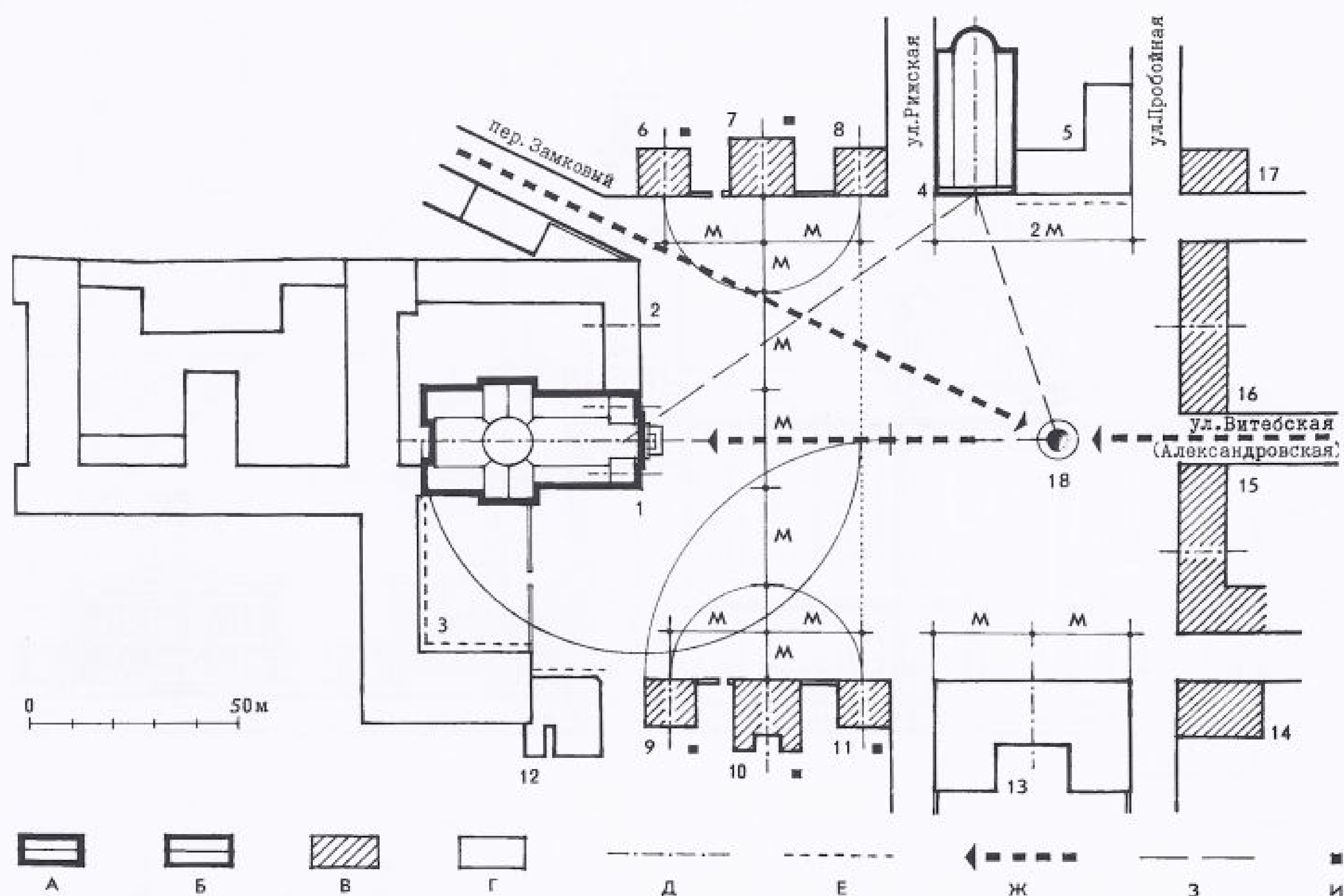
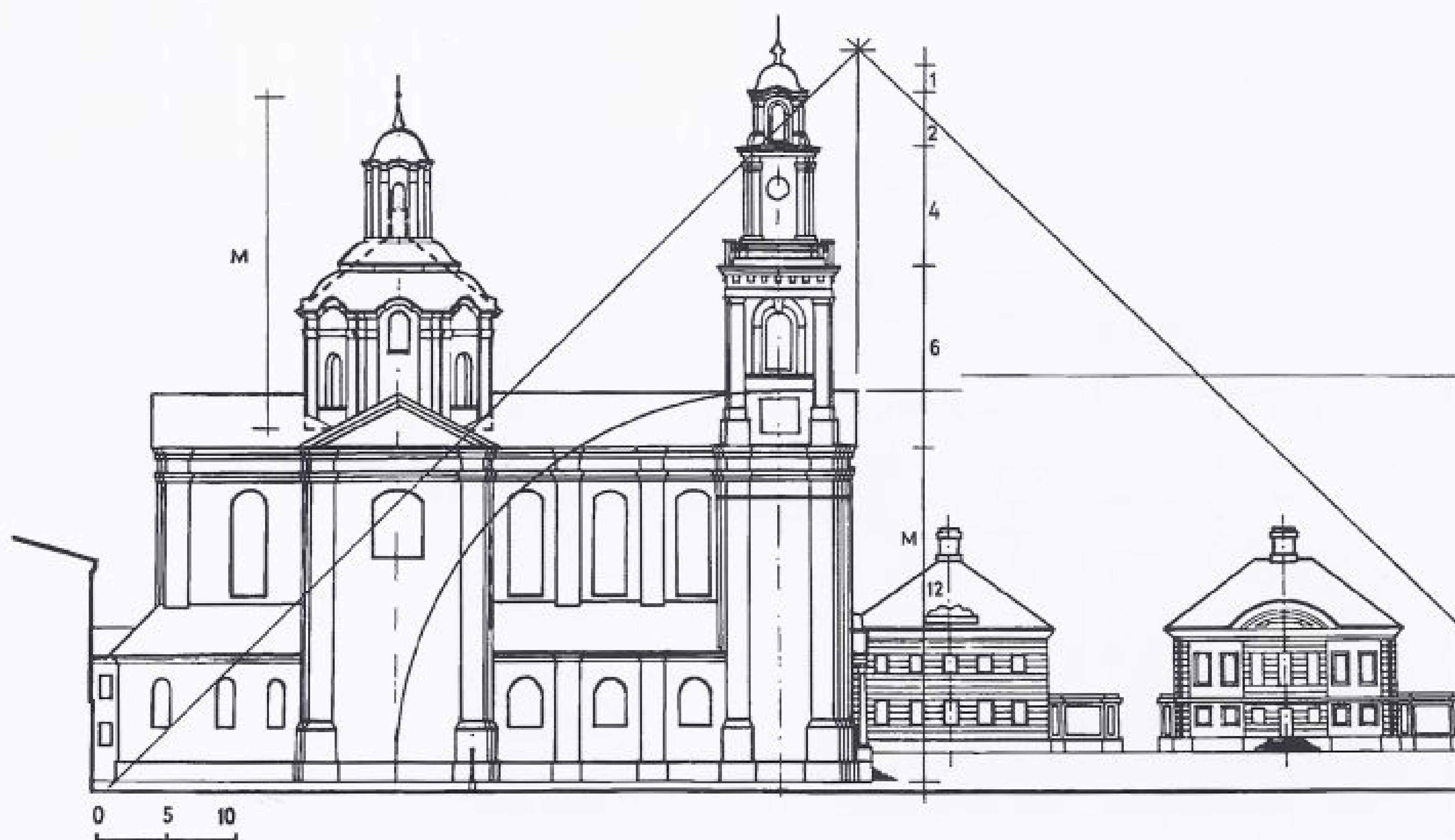

Рис. 195. Полоцк. План площади в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. (реконструкция автора). Анализ композиции: *1* — костел иезуитов, *2* — конвикт, *3* — театр, училище, типография, книжная лавка, картинная галерея, музей, лаборатории, *4* — доминиканский костел Божьей Матери, *5* — жилое здание монастыря доминиканцев, *6* — дом коменданта, *7* — дом вице-губернатора, *8* — уездный и нижний земский суд, *9* — губернский магистрат, *10* — дом губернатора, *11* — верхняя и нижняя расправа, губернская канцелярия, *12* — казенная аптека, *13* — дом генерал-губернатора, *14* — полиция и гауптвахта, *15* — наместническое правление, казенная палата, приказ общественного призрения, совестный суд, уездное казначейство, *16* — гражданская и уголовная палаты, верхний земский суд, *17* — общественное здание, *18* — памятник в честь взятия Полоцка русскими войсками в 1812 г.; *А* — главная доминанта, *Б* — второстепенная доминанта, *В* — симметричные относительно оси площади элементы застройки, *Г* — асимметричные элементы застройки, *Д* — планировочные оси зданий с симметричными фасадами, *Е* — фасады без акцентированных осей, *Ж* — визуальные направления вдоль улиц, ориентированных на доминанты, *З* — стороны треугольника, образованного доминантами, *И* — сохранившиеся к настоящему времени здания

Приемом же их объединения служило то, что второстепенная доминанта была почти приравнена по высоте к основной части (до верха фронтона) главной доминанты. Другой прием гармонизации — использование родственных композиционно-декоративных решений порталов. Они представляли собой приближенные по масштабу к человеку портики; над антаблементами были устроены протяженные балконы. Малый ордер портика эффектно контрастировал с большим ордером общей фасадной композиции. Ансамблевому единству способствовал лучковый фронтон, первоначально украшавший портал иезуитского костела и повторенный на фасадах центральных из трех административных зданий. Использовались и другие сходные формы.

Таким образом, равенство размеров композиционных членений и модульность дополнялись тактично введенным подобием объемно-пространственных форм. Следует отметить оригинальную особенность, проявлявшуюся при анализе фасадных проекций ансамбля и в процессе визуального восприятия реальных архитектурных форм. Длина фасада крайних из трех административных зданий (13,5 м) была спроектирована равной наружной ширине трансепта иезуитского храма и соответственно ширине главного восьмигранного барабана над средокрестием, а высота

м м м
0 5 10

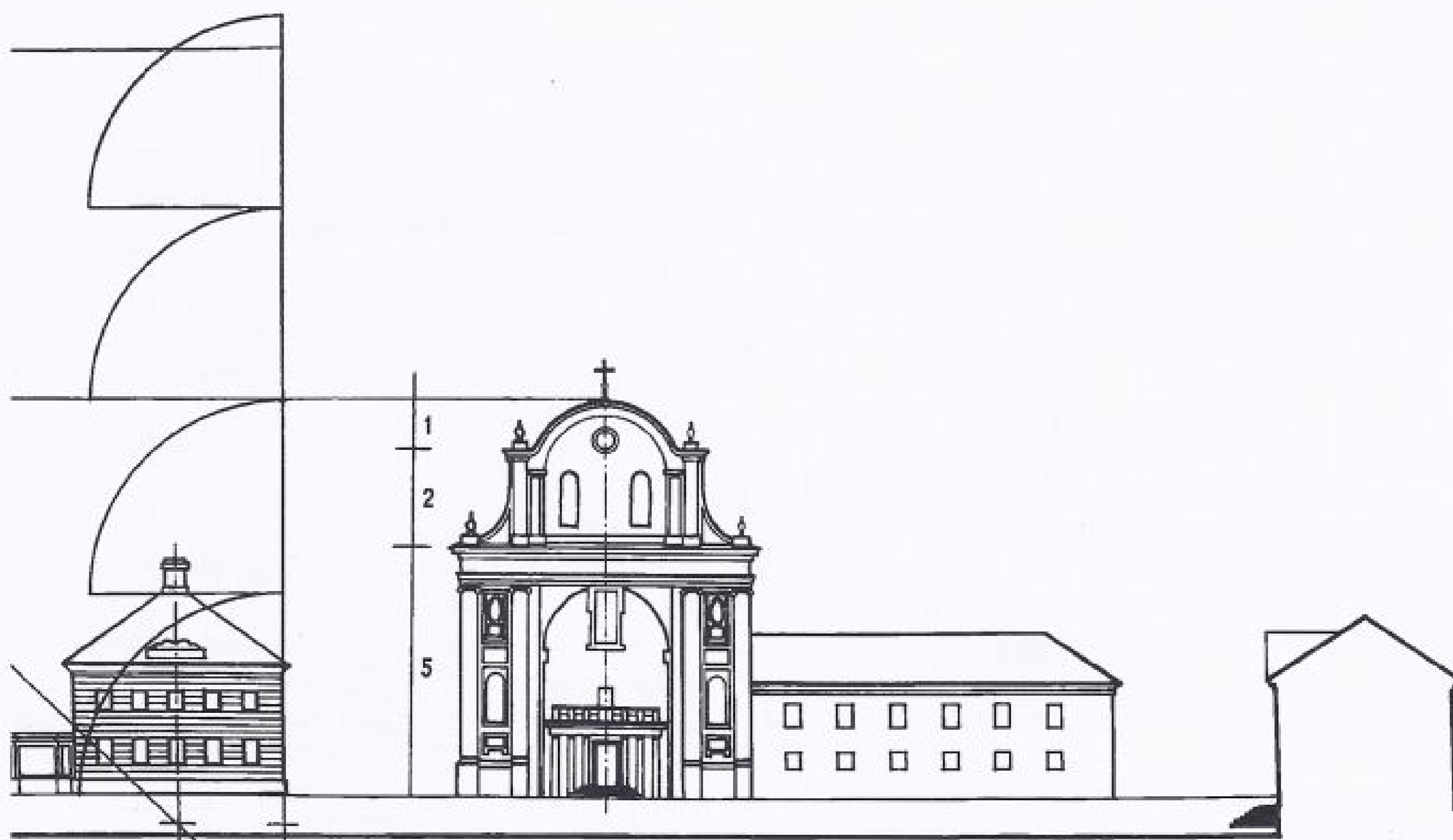

Рис. 196. Полоцк. Продольный разрез ансамбля культово-административной площади в последней четверти XVIII в., вид на север (реконструкция автора). Анализ композиции

Рис. 197. Полоцк. Поперечный разрез ансамбля культово-административной площади в первой половине XIX в., вид на запад (реконструкция автора). Анализ композиции

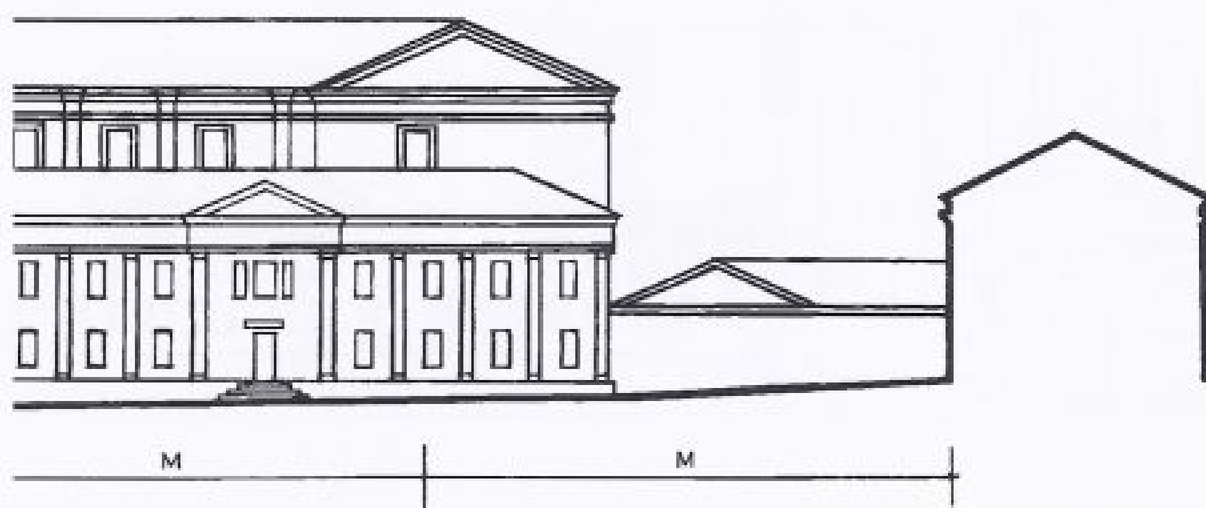

Рис. 198. Полоцк. Схема использования прямого подобия архитектурных форм в ансамбле площади в последней четверти XVIII в.: *1* — большой ордер, *2* — поэтажные пилястры, *3* — портал, *4* — двухъярусная композиция фасада, *5* — двухэтажный объем, *6* — наличники, *7* — руст, *8* — лучковый фронтон, *9* — треугольный фронтон

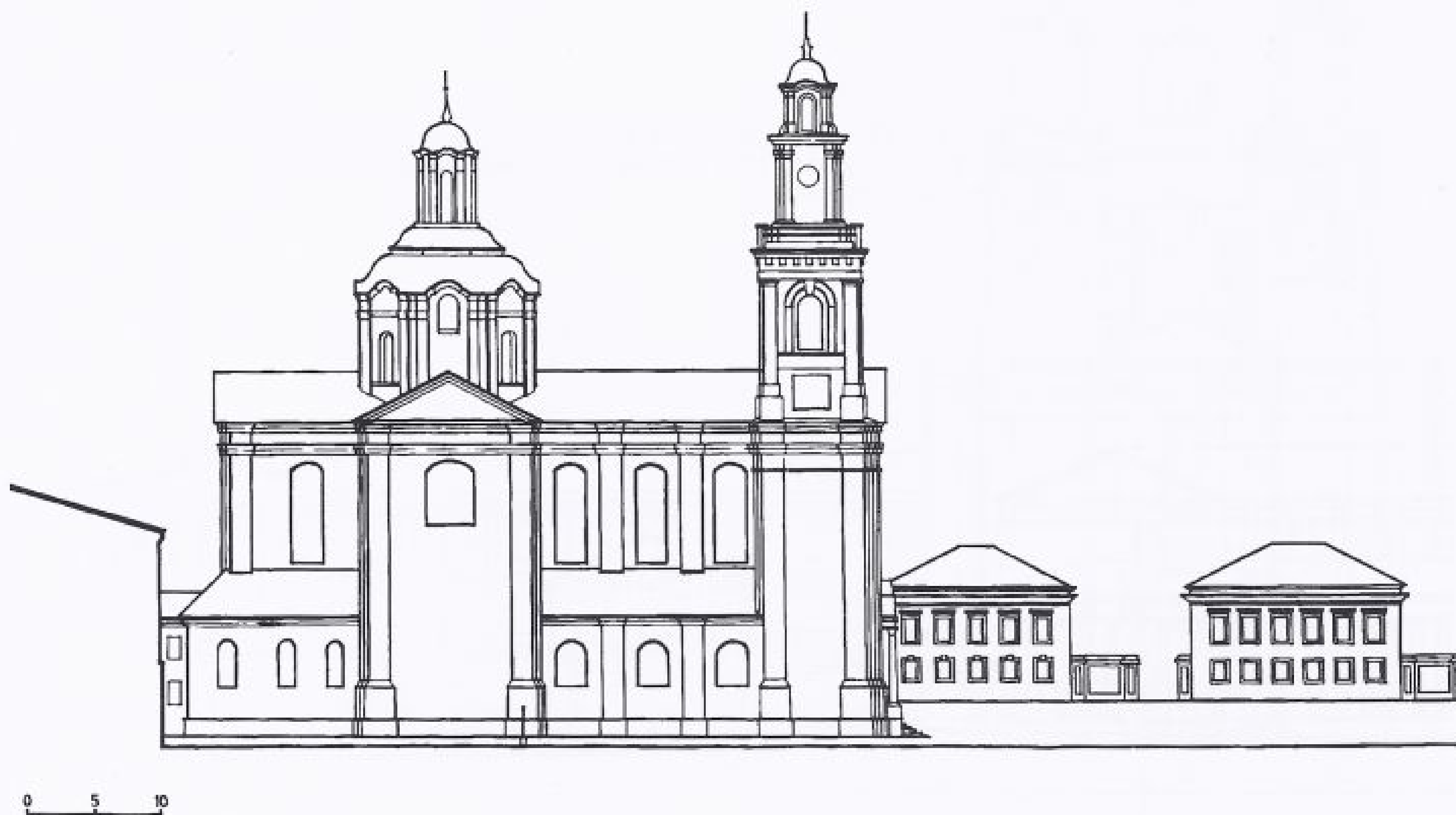

Рис. 199. Полоцк. Продольный разрез ансамбля культово-административной площади

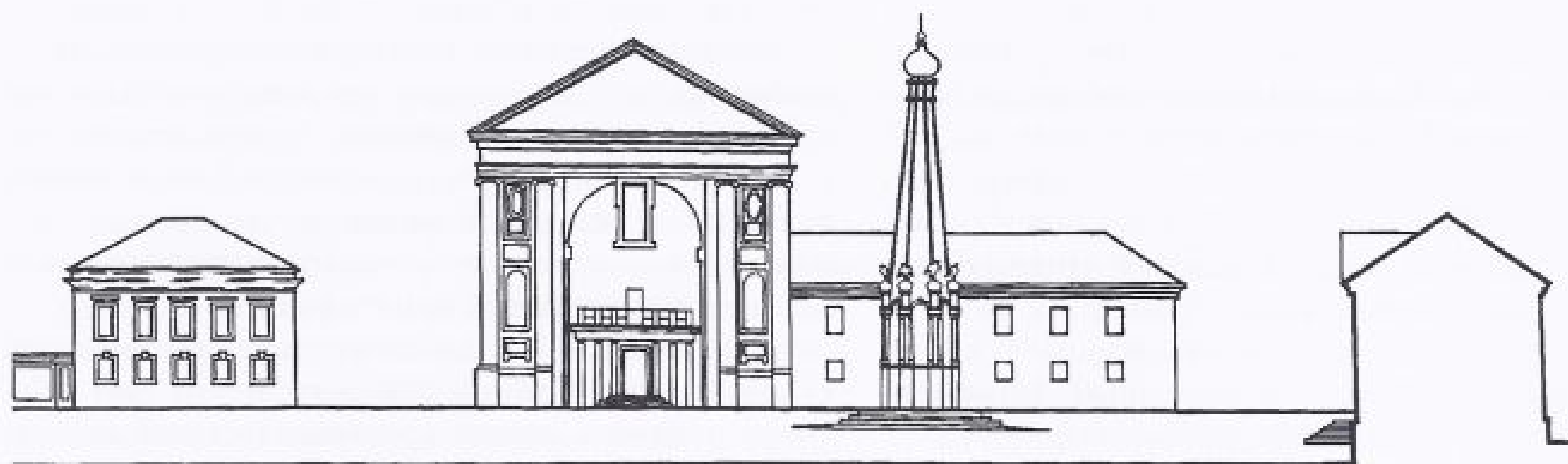
их фасадов до карниза (около 9 м) — равной высоте этого барабана. Высота же кровли административных зданий (около 5 м) равнялась высоте барочного шатра между главным и малым барабанами. Так, фасад типового общественного здания вписывался в фасадную проекцию завершенного шатром главного восьмерика. Рассмотренные примеры свидетельствуют, что использованный для гармонизации композиции принцип подобия разделялся на прямое подобие архитектурных элементов и реже применявшееся подобие пропорций разнохарактерных по своей природе объемно-пространственных форм.

Целостность ансамбля во многом обусловилась единой этажностью большинства гражданский построек — 2 этажа, общим характерным ритмом крыш. Три здания на северной и южной сторонах объединялись между собой глухой оградой, что еще более упорядочивало композицию площади. В отличие от их компактных объемов, где в крайних постройках длина фасада равнялась его высоте до верха кровли, художественно оправданы были два протяженных корпуса на восточной стороне, создававшие контраст более дробному решению зданий северной и южной сторон.

Горизонтальными элементами, зрительно объединявшими рядовые здания площади, служили карнизы над первыми этажами домов вице-губернатора и губернатора, составлявшие единое целое с карнизом по верху ограды, а также аналогичные карнизы зданий генерал-губернатора, казенной аптеки, административных построек восточной стороны.

Главные фасады большинства сооружений имели симметричное построение с активно акцентированной осью. Композиция ансамбля в целом была многоосевой; в отличие от всех зданий, имевших одну ось, фасад иезуитского костела характеризовался трехосевой структурой, что соответствовало его главенствующей роли. Кроме того, ансамбль включал здания с асимметричными фасадами или лишенными акцентированных осей (корпус доминиканского монастыря, Г-образное здание коллегиума). Эти исключительные элементы застройки располагались в плане площади по диагонали, подчиняясь принципу равновесия.

В декоративно-стилевом отношении композиция ансамбля основывалась на сочетании пластически богатой архитектуры барокко культовых зданий и форм раннего классицизма гражданских построек. Облик главной доминанты был относительно лаконичен: «Наружное архитектурное оформление очень сдержанно, почти скупо, но общие размеры сооружения и его стройные

в середине XIX в., вид на север (реконструкция автора)

пропорции придают костелу особую выразительность, устремленность вверх, к изящным главкам башен. Степень декоративной обработки увеличивается по направлению кверху вместе с уменьшением размеров отдельных элементов. Благодаря этому костел не перегружен, как многие современные ему памятники, декоративными элементами и в то же время ему присущи высотность и вертикализм, характерные для «виленского барокко». Здесь этот стиль нашел выражение не в декоративных деталях, а в силуэте и в общей компоновке масс здания» [204, с. 22].

Интересной особенностью служит то, что массивный по пропорциям нижний ярус главного фасада иезуитского храма решен предельно лаконично, имеет минимум оконных проемов и на большой высоте лишен горизонтальных поясов. Эта монументальная часть фасада создает необходимый художественный контраст более дробному, объемно и пластически расчлененному решению окружающей малоэтажной застройки, которая зрительно сочетается в основном с нижним ярусом костела. Этот же прием служил иллюзорному возвеличиванию главной доминанты. Кроме того, для создания эффекта приближенности храма к зрителю, находящемуся в любой точке площади, впечатления, что сооружение как бы «подавляет» собой все внутреннее визуальное пространство форума, преднамеренно укрупнена пластика главного фасада костела, как в нижнем ярусе, так и в композиционном решении башен. Примечательно, что указанные художественные приемы, воплощенные в типичном ансамбле Нового времени, в своей принципиальной основе применялись, например, в русском средневековом градостроительстве XV–XVII вв. [281, с. 156–158, 163].

В середине XIX в. ансамбль был перестроен. Высокий барочный щит доминиканского костела заменен на лаконичный фронтон. Группы из трех общественных зданий утратили осевые акценты, которые раньше образовывались плоским ризалитом и лучковым фронтоном среднего дома, их фасады лишились рустовки и стали почти одинаковыми. Окна приобрели рельефные наличники, кровли были понижены. Декор административных зданий восточной стороны также приведен в соответствие со стилистикой позднего классицизма. На их примере прослеживается свойственный ансамблю прием асимметрии деталей при симметрии основных компонентов. Главные фасады были почти одинаковы, однако северный корпус имел пилястры на центральном ризалите и крайних частях фасада, а южный отличался междуэтажным поясом.

Указанный прием может свидетельствовать о смысловых связях композиции ансамбля с древнерусским зодчеством. А. Новицкий, рассматривая идею художественного равновесия, или «закон баланса» в русской архитектуре, как один из его приемов отмечал симметричное положение весьма схожих зданий или частей зданий, в облик которых намеренно внесено незначительное отличие. Среди других приемов – равновеликость построек или их фрагментов с сильно различающимися формами и деталировкой; одинаковость архитектурных масс композиционно взаимодействующих сооружений и контраст их пропорционального строя; баланс между одним крупным и двумя-тремя малыми объемами [350, с. 295–297 – цит. по 281, с. 151].

Можно говорить об осознанном преломлении средневековой традиции в идеологии российского классицизма, попытке ассимиляции католической образности основы ансамбля новой государственностью и культурой.

Примером гармоничного подхода, дальнейшего преемственного формирования застройки служило размещение обелиска в память Отечественной войны 1812 г. Монумент поставлен по тому же принципу, что и костел, на замыкании перспективы главной магистрали. При этом композиционный эффект усилился пространственным развитием этого принципа, включением нового элемента, который принял подчиненную роль по отношению к основной доминанте. Памятник не ухудшил, а обогатил, дополнил восприятие храма с главной улицы. На продольной оси площади обелиск расположился в единственно возможном в функциональном и художественном отношениях месте, создав равновесный треугольник вертикальных акцентов: иезуитский костел – доминиканский костел – монумент, и завершил видовую перспективу вдоль Замкового переулка. Постановка обелиска в створе поперечной Пробойной улицы затруднила бы движение на перекрестке, а в створе Рижской – создала бы неуравновешенность пространственной композиции доминант в пределах ансамбля, ухудшила обозрение главного храма с площади за счет чрезмерного приближения памятника к его фасаду.

При анализе продольного разреза ансамбля художественная обоснованность места для обелиска подтверждается пространственной связью с доминиканским монастырем. Вертикаль памятника воспринимается на фоне упрощенной плоскости монастырского корпуса, зрительно не «накладываясь» и не соприкасаясь с фасадом косте-

ла. Лаконичная по силуэту и компактная в плане форма монумента органично соответствовала его развитому в объемно-пространственном отношении окружению, сложной композиционной структуре периметра площади.

Художественные достоинства, образное богатство ансамбля позволяют отметить его важное место в истории зодчества, причисляя площадь к лучшим произведениям градостроительного искусства на территории Беларуси.

К ансамблям, планировочные основы которых созданы в конце XVI — первой половине XVII в., относился и рынок Быхова. Однако его композиция не вполне типична для ренессансных городов, отличавшихся небольшими относительно всей селитебной территории площадями компактной формы, часто близкими к квадрату и пространственно замкнутыми. Быховская же площадь более свойственна барокко благодаря следующим особенностям: огромные для малого поселения размеры; специфичная градостроительная роль в качестве доминирующей композиционной оси городского плана; проявлявшаяся в планировке тенденция к раскрытию внутреннего пространства, хотя и перекрытого бастионным валом (эта сторона площади формировалась только Троицкой церковью, по обе стороны от которой сохранялись свободные от застройки участки); протяженная видовая перспектива на магнатскую резиденцию, что выявляло типологическую близость к барокко.

Как рассмотрено в разделе 2.4, высотные сооружения создали в плане города крестоподобную схему. Примечательно, что в конце XVIII в. посередине рынка в месте пересечения ветвей пространственного креста построено каменное здание гауптвахты в соответствии с ренессансной традицией центричной постановки доминанты на площади. Это свидетельствует о творческой культуре, распространении преемственных методов развития ансамбля, наводит на мысль о возможном наличии в начале XVII в. на этом участке функционально и эстетически значимого элемента.

Вышеуказанные барочные композиционные черты позволяют причислить площадь к типу, переходному от Возрождения к барокко, отнести ее к своего рода маньеристическому градостроительному произведению. Однако, кроме того, наблюдается свойство, которое генетически увязывает ансамбль с предшествующей Новому времени эпохой, со средневековыми комплексами. Культовые здания (синагога, церковь в южной части рынка) размещались на небольшом удалении от сторон площади при сохранении композиционной роли доминант в ее внутреннем пространстве, хорошей видимости верхних частей храмов над горизонтом массовой застройки периметра площади. Примерами служат средневековые главные площади Бобруйска, Гомеля, Ивенца, Мозыря, Новогрудка, торгово-культовая площадь Троицкого посада Минска, площадь культового назначения у Богоявленской церкви в Витебске и др. Быховская синагога одновременно организовывала маломасштабную почти квадратную площадь, типичную для общественного центра еврейской городской общины XVI—XIX вв.

4.5. Принципы композиции ансамблей классицизма

Среди ансамблей, созданных в эпоху классицизма в итоге преемственной реконструкции территории со средневековой планировкой, центральные площади Витебска являются наиболее крупным, композиционно развитым ансамблем и служат ярким образцом градостроительства эпохи Просвещения.

Площади рассматривались в ряде работ. Опубликован фактологический материал, отражающий некоторые приемы их организации и архитектуру отдельных сооружений [209; 585]. Однако остались невыявленными многообразные свойства ансамбля — композиционно планировочные, пространственные, объемно-пластические. К настоящему времени застройка почти утрачена: из трех десятков зданий сохранилось несколько более или менее перестроенных. Автором впервые выполнены реконструкция плана ансамбля в М 1:1000, а также, в приближенном виде, реконструкция фасада застройки восточных сторон ратушной и культово-административной площадей в М 1:200. Графические реконструкции основаны на документальных планах города и его центральной части — [417, л. 259] (1778 г.); РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 21574, л. 3 (1778 г.), д. 21528, ч. 5, л. 53 (1798 г.); НИАБ, ф. 1437, оп. 1, д. 7746 (1784 г.), ф. 2496, оп. 1, д. 435 (1904 г.); РГАДА, ф. 1356, оп. 1, д. 54/122, 55/123 (1785 г.); РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 260, л. 1 (между 1797 и 1802 гг.), ф. 1293, оп. 168, д. 22 (начало XIX в.) и оп. 166, д. 5 (1838 г.); РГАВМФ, ф. 3 л., оп. 23, д. 2698 (1853 г.). Использованы чертежи фасадов и планов зданий на ратушной и культово-административной площадях [209, с. 139—141,

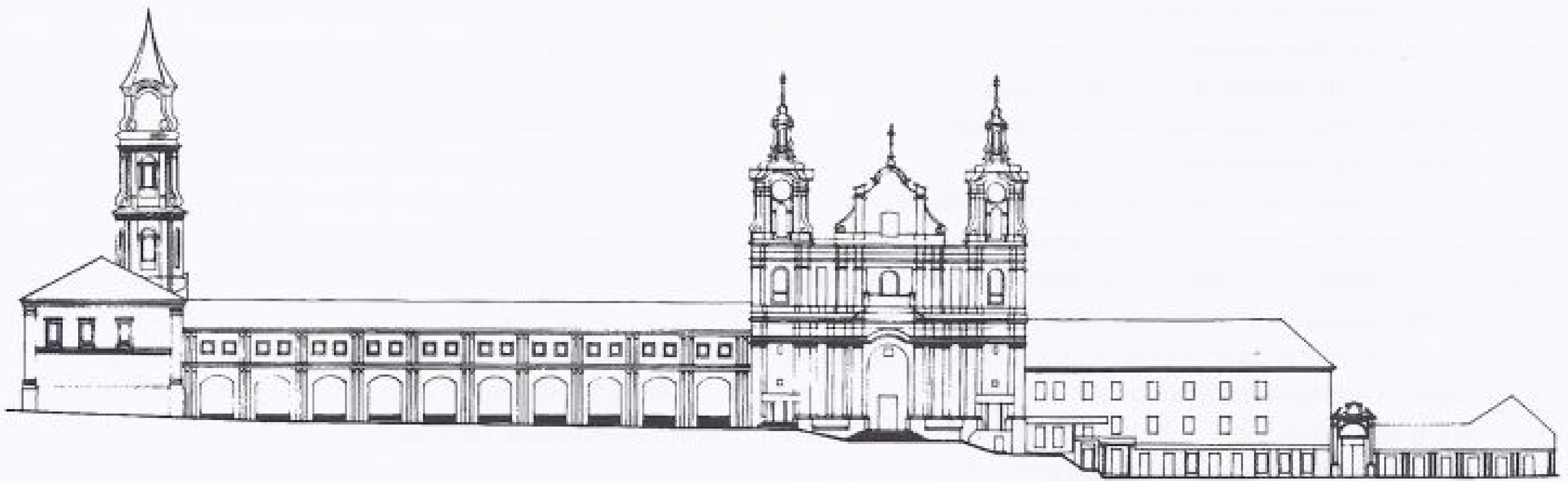

Рис. 200. Витебск. Фасад застройки восточных сторон ратушной и административно-культовой

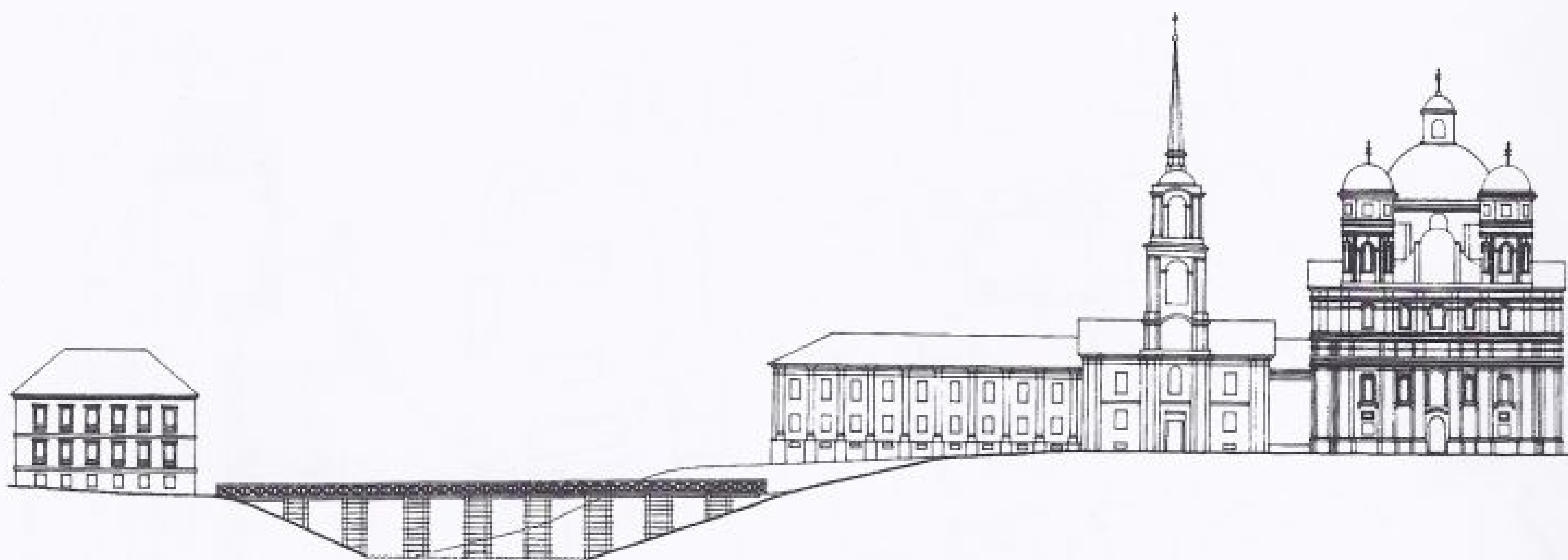
145; 214, с. 37; 585, с. 28—31, 56, 57], иконографические материалы, иллюстрирующие застройку ансамбля, письменные источники, современная геодезическая съемка территории, данные натурного исследования.

Ансамбль протяженностью около полукилометра и шириной 250 м примечателен мастерством решения градостроительных задач в условиях сложной топографии местности и затесненности опорной застройки, профессиональным воплощением самобытного замысла, а также использованием в новой композиции художественных качеств существующих барочных храмов. Еще в начале 1770-х годов была только одна, ратушная площадь нерегулярной планировки, в плане близкая к треугольнику. На одном углу размещалось старое здание магистрата, в другом — Введенская церковь. На южной оконечности площади, у моста через Витьбу с одной стороны возвышалась Воскресенская церковь, с противоположной — бернардинский монастырь. Середину площади занимали торговые лавки (см. рис. 38).

Автором установлено, что относительно кратковременное создание трех площадей в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. делится на три этапа. Первый этап — организация в 1772—1774 гг. трапециевидной площади перед иезуитским коллегиумом, противоположная сторона которой сформировалась 1—2-этажным зданием «полиции, воеводского и почтового дворов» и стоящим в линию с ним корпусом торговых лавок. Обе постройки изображены на фиксационном плане Витебска, составленном между 1772 и 1774 гг. (РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 261). Здание полиции, воеводы и почты сооружено на основе типового проекта 1772 г. почтовой станции И. Е. Старова [209, с. 148]. После образования в 1796 г. Витебской губернии это здание использовалось как дом вице-губернатора, а еще в 1780 г. [209, с. 148] симметрично ему на месте торговых лавок начато строительство такого же дома для коменданта, позже — для губернатора. Оба административных корпуса объединились общими воротами во двор, создав ансамблевую группу. Ее авторство приписывается И. Зигфридену [22, с. 587]. Обширное регулярное пространство созданного трапециевидного форума было открыто к ландшафту Витьбы и старой ратушной площади.

Второй этап — радикальное преобразование около 1775 г. площади перед зданием магистрата. В этом году вместо старой южнее ее построена новая ратуша, а Введенская церковь разобрана. Срединное пространство освобождено от торговых лавок, а к бернардинскому костелу и Воскресенской церкви пристроены 2-этажные классицистические здания гостиного двора, оформившие длинные стороны площади. Ансамбль унаследовал очертания треугольника, но изменил пространственную схему. Вместо попарного размещения четырех доминант (ратуша — Введенский храм и Воскресенская церковь — бернардинский костел) было оставлено композиционное сочетание только последней пары и образована осевая видовая картина, завершенная новой ратушей. Поскольку пространство площади между корпусами гостиного двора расширялось к ратуше, при ее восприятии возникала обратная перспектива, благодаря которой вытянутая площадь казалась короче, а здание магистрата — приближенным к ее середине.

Применение этого приема подтверждает идеологию преемственного осознания зодчими клас-

площадей в первой половине XIX в. (реконструкция автора)

сицизма явлений практики мирового градостроительства, наличия связей с западным искусством. Известный пример — площадь Капитолия в Риме, созданная по замыслу Микеланджело в 1536—1700 гг., где ширина между симметрично размещенными корпусами музеев древностей увеличивается и тоже по направлению к ратуше, которой служил дворец Сенатора [66, т. 1, с. 276—279]. Объемный тип витебской ратуши идентичен барочному шедевру, вероятно вообще явившемуся прообразом магистратских зданий подобной композиции. Почти совпадали и размеры пространств: ширина между корпусами капитолийского ансамбля, формирующими обратную перспективу, — от 40 до 60 м [66, т. 1, с. 277], на витебской площади — от 42 до 57 м. В обоих случаях фланкирующие сооружения имели по первому этажу протяженные лоджии. Наконец, оба ансамбля пространственно открыты в сторону, противоположную ратуше.

Налицо и традиционализм по отношению к наследию русской архитектуры. Решение площади обнаруживает общность с особенностями застройки Москвы XVII в.: «Излюбленным приемом усиления роли композиционных доминант является их зрительное увеличение путем создания своеобразной «обратности» видимой перспективы застройки. Эта «обратность» ... как бы приближает зрителя к цели движения, «притягивая» к ней» [281, с. 159].

На плане города, датируемом между 1797 и 1802 гг. (РГИА, ф. 1399, оп. 1, д. 260, л. 1), изображены симметрично пристроенные к торцам ратуши небольшие объемы, не показанные на других документах и впоследствии снесенные. Они размещались в плоскости главного фасада, были вдвое у́же основного корпуса и, возможно, одинаковые по архитектуре. Расстояние от них до зданий гостиного двора, фланкирующих площадь, было малым, около 7 м, а торцы корпусов гостиного двора составляли одну линию с главным ратушным фасадом. Все это позволяет предположить, что проезды с площади на расходящиеся от нее улицы по обе стороны от ратуши перекрывались арками. Последние служили продолжениями открытых лучковых аркад на первом этаже гостиного двора, благодаря чему усиливалась ансамблевость всей застройки. Так, часть площади с обратной перспективой восприятия, вероятно, имела композицию, типичную для площадей Возрождения и барокко, с аркадами по периметру в первых торговых этажах.

Третий этап создания системы площадей — начало XIX в. — отличался преемственностью реконструктивной политики конца предшествующего столетия. Перед северным фасадом здания магистрата образована трапециевидная торговая площадь, связанная со старым рынком не только боковыми улицами, но и сквозным проездом по центру ратуши под башней. Организация в первом этаже здания этого проема (ширина более 4 м. — *Ю. Ч.*), упоминаемого Н. Я. Никифоровским как «сквозные, достаточные для проезда ворота под ратушей» и заложенного во второй половине XIX в. [348, с. 56], является малоизвестным и важнейшим обстоятельством. Оно косвенно свидетельствует о предварительном существовании уже в начале 1770-х годов ансамблевого замысла по созданию системы связанных общественных пространств с формированием площади у обратного фасада магистратского здания, функционально и визуально объединенной с главным рынком. Благодаря организации последней

Рис. 201. Витебск. План ансамбля центральных площадей в первой половине XIX в. (реконструкция автора). Анализ композиции: *1* — ратуша; *2* — церковь Воскресения; *3* — гостиный двор; монастырь бернардинцев: *4* — костел св. Антония, *5* — жилое здание; коллегиум иезуитов: *6* — костел св. Ксаверия, *7* — звонница, *8* — жилое и учебное здание, *9* — школа; *10* — дом губернатора; *11* — дом вице-губернатора; *12* — улица Великая; *13* — улица Успенская; *А* — архитектурные доминанты; *Б* — линии, отмечающие отрезки равной протяженности; *В* — окружности и радиусы, иллюстрирующие кратность расстояний; *Г* — геометрические фигуры, выявляющие конфигурацию площадей; *Д* — направление пространственного раскрытия ансамбля к Двине; *Е* — видовые оси, ориентированные на доминанты; *Ж* — оптимальный угол обозрения; Т1, Т2 — специфичные видовые точки

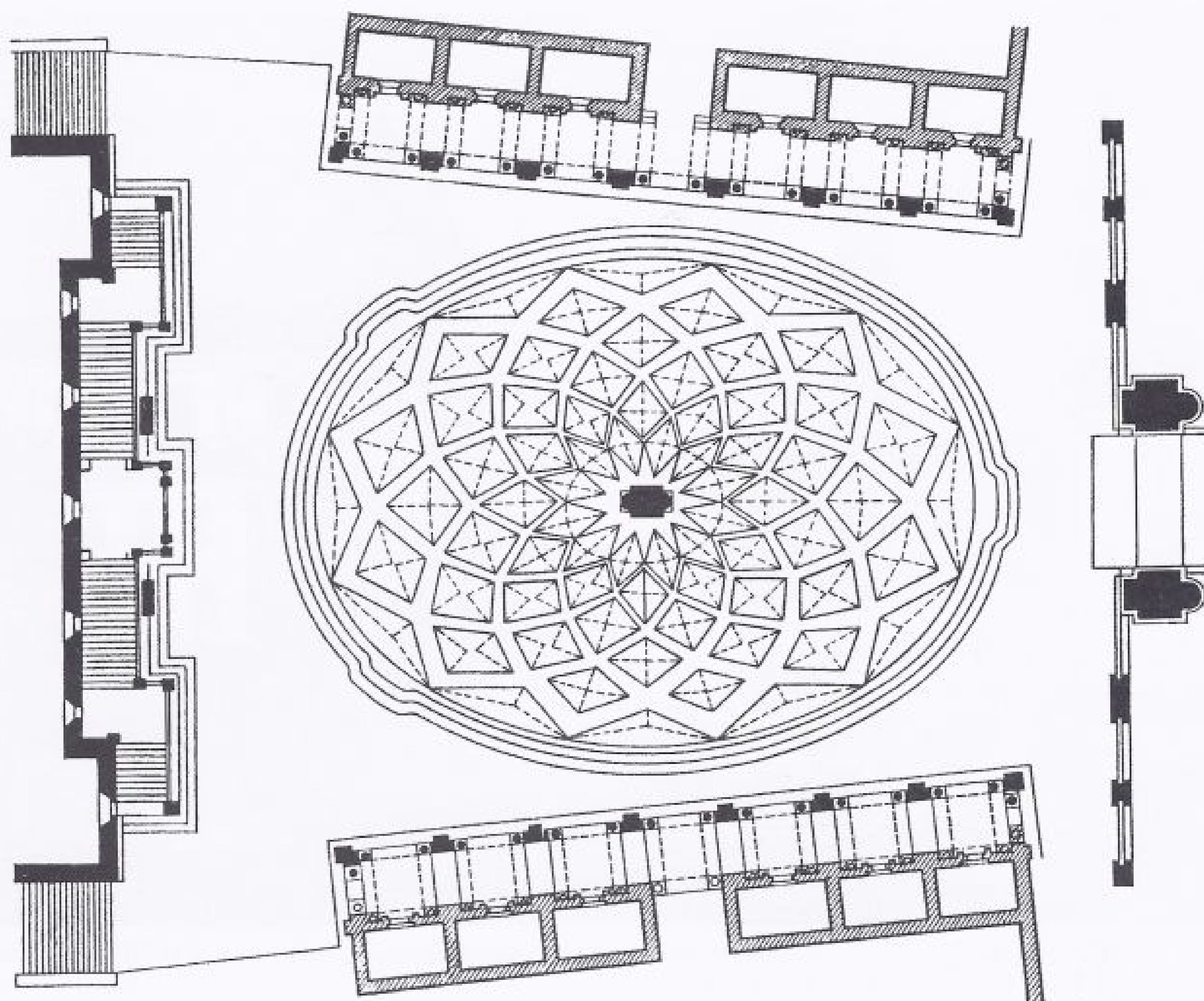

Рис. 202. Рим. Площадь Капитолия (по А. В. Бунину)

из трех центральных площадей вся система композиционно-пространственно объединилась с базилианским монастырем и площадью перед ним, которая связалась с новым торговым форумом короткой широкой улицей.

Преобразование и территориальное развитие ансамбля отражают классицистические принципы и приемы, реализовывавшиеся при реконструкции градостроительных объектов со средневековой нерегулярной планировкой и нацеленные на гармонизацию асимметрично развернутых в пространстве форм в понимании эстетики классицизма. К этим принципам и приемам, обнаруженным в исследовании и дополняющим уже известные, общие стилеобразующие каноны, относятся:

единство размеров элементов застройки или пространств, общих по природе или разнохарактерных;

ограниченное использование модульности объемов и пространств с принятием в качестве модуля важного параметра одного из существовавших зданий;

применение в планировочной композиции удвоений и утроений; соотношение высот доминирующих и фоновых сооружений – от 3,8:1 до 2,6:1;

совпадение или другая взаимоувязка осей построения;

сложная асимметричная пространственная композиция с отдельными симметричными элементами;

метод регулирования, «идеализации» неправильной средневековой планировочной основы формированием упрощенных повторяющихся геометрических фигур, образно близких между собой по начертанию (треугольник, трапеция);

тенденция к взаимной перпендикулярности осей построения, «ортогонализации» живописного целого, направленной на его упорядочение;

подобие композиционных схем, образование стереотипа решения отдельных составляющих ансамбля;

тенденция пространственного раскрытия частей ансамбля друг к другу, к природному окружению и иным городским комплексам;

формирование осевых визуальных направлений внутри площадей и с использованием пря-

Рис. 203. Витебск. Вид на ратушную площадь с юга. Рисунок второй половины XIX в. (по Н. Я. Никифоровскому)

мых и обратных зрительных связей вдоль подводящих улиц;

организация узловых видовых точек, дающих специфичные эффекты восприятия, различие критериев установления таких точек;

поддержка сложившегося в эпоху барокко принципа неповторяемости числа высотных элементов в объемной композиции доминант.

Остановимся на некоторых принципах. Например, дома губернатора и вице-губернатора приравнены по длине к иезуитскому костелу. Расстояние от северного фасада ратуши до северной стороны новой торговой площади равнялось протяженности от этого же фасада до продольной оси бернардинского костела, а также сумме ширины последнего и длины примыкающего гостиного двора. Отрезок от южного фасада здания магистрата до той же северной стороны торговой площади приравнен к меньшему основанию трапеции, образуемой этой площадью, и к протяженности главного фасада коллегиума. Длина Воскресенской церкви, совпадающая с длиной ратуши (13 саж.) принята как модуль и использована несколько раз. В расстояние от середины здания магистрата до северной стороны торговой площади модуль укладывался трижды, а окружность с центром посередине ратуши и радиусом-модулем определила оси проходов между двумя площадями.

Протяженность группы домов губернатора и вице-губернатора вдвое больше ширины культово-административной площади. Расстояние от середины главного фасада ратуши до центра звонницы коллегиума втрое превышало отрезок от ратушного фасада до северной стороны торговой площади. Этому же отрезку равны расстояния от звонницы до угла культово-административной площади и до середины фасада иезуитской школы. Наконец, учитывая священность числа три в христианском богословии, можно предположить, что этим обстоятельством вызвано повышенное внимание зодчих XVII–XVIII вв., еще до классицистической реконструкции, к взаимному положению наиболее сакрализованных частей храмов — главных алтарей. Отрезок между центрами апсидных стен Воскресенской церкви и бернардинского костела укладывался точно три раза в расстояние от этой точки церкви до аналогичной точки иезуитского храма.

Утроения и удвоения, заложенные в расстояния между культовыми зданиями, наблюдались и в градостроительстве Древней Руси. Такой закономерности подчинялись четыре храма в Старой Рязани XII в. Отрезок между Успенским и Борисоглебским соборами был вдвое меньше, чем расстояние от последнего до Спасского собора, и втрое меньше, чем до Благовещенской церкви [441, с. 120, 121].

Увязка планировочных осей витебского ансамбля проявилась в размещении ворот комплекса зданий губернатора и вице-губернатора напротив звонницы, венчавшей вход в коллегиум посередине длины его фасада. Поперечная ось, упорядочившая пространство площади, отчасти уподобилась поперечной оси ратушной площади, образованной осью бернардинского костела и совпадающей с ней плоскостью фасада Воскресенской церкви. Середина фасада дома вице-губернатора расположилась, с небольшим отступлением, на оси иезуитского костела.

До реконструкции ратушная площадь принадлежала к характерному для средневековья треугольному типу. В свойственной романтизму манере эта специфика была освоена: насколько позволяла опорная ситуация и возможности новых формируемых компонентов ансамбля, треугольная конфигурация была предельно идеализирована. Здание магистрата разместилось под прямым углом к корпусу гостиного двора. Продолжения плоскости фасадов этого корпуса и костела св. Антония с одной стороны, а плоскости фасада западного здания гостиного двора — с другой сошлись при въезде на мост через Витьбу в точке посередине его ширины.

Наличие острых углов образно сближало построения в виде треугольника и трапеции, в связи с чем, вероятно, последняя и легла в основу структуры культово-административного и торгового форумов. Принципом создания торговой площади было формальное уподобление уже существовавшей культово-административной. Если последняя представляла собой равнобедренную трапецию, то новая площадь приближалась к трапеции с нарушенной параллельностью оснований и почти равными боковыми сторонами. Короткие основания трапеций были одинаковы. Большее основание трапеции новой площади также спроектировано равным большему основанию административного форума за вычетом ширины прилегающей к нему Великой улицы. На этих сторонах обеих площадей располагалась 2-этажная жилая и общественная застройка, которая образовывала развивающийся по горизонтали ритм объемов примерно одинаковой высоты. В обоих случаях в композиции застройки сторон выделена главная ось. Ширина новой площади по оси, проходящей через центр башни ратуши и середину проезда в ратушный двор, равнялась ширине культово-административного форума по его главной поперечной оси (24 саж.).

Целенаправленно сформированное сходство этим не исчерпывается. Боковая сторона площади у коллегиума организована жилой застройкой, а напротив посередине ширины площади с 1814 г. [348, с. 102] примыкал каменный мост, по своей функциональной роли равнозначный важной улице. Трасса же старого деревянного моста проходила восточнее. Въезд на него вблизи коллегиума раньше был оформлен каменными воротами с часовней [209, с. 144].

Аналогично решалась и вновь созданная площадь — боковая сторона образовалась сплошным фронтом массовой застройки, а к середине противоположной стороны подходила широкая и короткая Успенская улица, связывая форум с пространством Двины. Смысловое подобие дополнялось общим приемом композиционного завершения отходящих от площадей улиц двухбашенным храмом. Видовое направление вдоль моста ориентировалось под острым углом на фасад бернардинского костела, а Успенская улица, также под острым углом, — на боковой фасад базилианской церкви на берегу Двины.

Так, создание новой площади в результате развития сложившихся площадей центра подтверждает свойственную классицизму первой половины XIX в. идеологию романтизма, следование традиционным региональным чертам и предшествующему опыту регулярной перепланировки и застройки последней четверти XVIII в., творческую интерпретацию самобытных качеств средневекового планировочного субстрата.

Средством достижения целостности ансамбля была организация внутри него направленных видовых перспектив, которые завершались композиционно активными элементами. Ратушная и административная площади были несколько повернуты относительно друг друга. Эта черта, связанная с топографией местности, инициировала создание зодчими своеобразных условий восприятия застройки. Продольная ось ратушной площади, параллельная восточной стороне и проходящая через центр здания магистрата, ориентировалась точно на звонницу и башни иезуитского костела, которые воспринимались в завершении главной пер-

спективы площади. С другой стороны, продольная ось, проходящая посередине административной площади параллельно ее восточной и западной сторонам, математически точно завершилась центром фасада бернардинского костела.

Встречающийся в градостроительстве барокко и классицизма прием наиболее эффектных видовых точек, обозначаемых разными композиционными способами, свойствен и витебскому ансамблю. Оси ратушного и торгового форумов не составляли прямую, а были несколько изломаны. Поэтому с торговой площади звонница и башни костела св. Ксаверия не были видны через арку здания магистрата, а только из определенной точки при входе под нее они неожиданно открывались для обозрения в перспективе проема. Другая узловая точка, рассчитанная зодчим, — пересечение осей ратушной площади и бернардинского костела. Из этой точки ратуша воспринималась под горизонтальным углом зрения, приближающимся к оптимальному, — 27°.

В композиции ансамбля выразительно противопоставлялись группы вертикалей. Архитектурные объемы ратуши, бернардинского и Воскресенского храмов зрительно уравновешивались массами иезуитского костела и звонницы. Важной чертой была многобашенность, большое число вертикальных элементов застройки. При этом высоты доминант различались незначительно. Главенствующее звено композиции — башня ратуши «зрительно воспринималась больше своих размеров благодаря тому, что в двухэтажном корпусе ратуши линии пилястр большого ордера под башней ... подчеркивали, что она начинается от уровня земли» [209, с. 138].

В первой половине XIX в. доминанты обладали отличительными чертами, наглядно подчеркивавшими их индивидуальность, что выразилось в неповторяемости числа высотных элементов. Одной вертикалью характеризовалась ратуша, двумя башнями — бернардинский костел, двумя башнями и куполом (сооружен в 1840-х годах) — Воскресенская церковь, двумя башнями, куполом и звонницей — иезуитский костел. Это усиливало живописные свойства объемно-пространственной композиции площадей.

Сочетание форм храма Воскресения и костела св. Антония свидетельствовало о тонком понимании пластических возможностей архитектуры, определяемых градостроительной ситуацией. Е. Д. Квитницкой отмечено, что «в отличие от большинства костелов Белоруссии наружный фасад этого костела (бернардинского. — *Ю. Ч.*) имеет

Рис. 204. Варшава. Костел св. Креста (по Н. Рафальскому, Я. Мореку)

развивающиеся в ширину очертания. Возможно, что эта распластанность была вызвана большим протяжением самой ратушной площади, для которой был необходим растянутый по горизонтали фасад. Вероятно, узкий участок обусловил и небольшое протяжение костела в глубину» [209, с. 142].

Специфика пропорций костела заключалась в необычно большом расстоянии между башнями главного фасада, что явилось приемом, подчеркивавшим композиционную тему протяженности площади вдоль ландшафтных рубежей — Двины и Витьбы. Художественная обоснованность такого решения в условиях ритма объемов вдоль оси подтверждается сравнением с аналогами. Близкую структуру фасада, в особенности широкий «интерколумний» двух башен, имеет костел св. Креста 1679—1696 гг. в Варшаве архитектора Ю. Белотти [96, вкладка на с. 364, 365; 434, с. 103, 174], формирующий участок улицы Краковское предместье и который, возможно, послужил прототипом витебского храма.

По контрасту главный фасад Воскресенской церкви имел удлиненные по вертикали пропор-

Рис. 205. Витебск. Вид на дом вице-губернатора и Николаевский собор (костел иезуитов) с улицы Великой. Фото 1872—1883 гг. (БГАКФФД)

ции, более стройные и высокие башни. Их «интерколумний», в противоположность костелу, был весьма малым. Тем самым подчеркивался ограниченный, сжатый характер развития пространства в поперечном направлении, соответствующий узкому перешейку между двумя реками. С этой идеей корреспондировалась четырехъярусность, расчлененность широких пониженных башен костела и трехъярусность, обобщенность изящных церковных вертикалей.

Застройка ратушной и административно-культовой площадей в качестве двух составляющих единого ансамбля обладала самостоятельными пропорциональными особенностями развития композиции по вертикали. Башни ратуши, бернардинского и Воскресенского храмов, понимаемые не как надстройки над основной частью здания, а как пластически выделенные иллюзорные объемы, начинающиеся от уровня земли, имели три монументальных яруса. В ратуше и костеле св. Антония они дополнялись наверху низким четвертым ярусом. Три основных яруса в каждом из сооружений близки между собой по высоте и лишь постепенно уменьшались снизу вверх. Это пропорциональное свойство было общим для всех трех доминант старого рынка.

Совершенно иными отношениями характеризовалась высотная структура костела и звонницы коллегиума (перестроены в 1843 г.). Вопрос об осуществлении перестройки барочной колокольни в классическом стиле по проекту 1841 г. окончательно не выяснен. Е. Д. Квитницкая указывает на проведение такой реконструкции в 1843 г. [209, с. 146]. Н. Я. Никифоровский публикует рисунок 1864 г. с изображением уже видоизмененного костела и колокольни в формах барокко, свидетельствующий, что в этом году она еще не перестраивалась, тогда как в 1872 г. подверглась сносу [348, с. 32].

Башни храма, также трактуемые как начинающиеся от земли элементы, имели по четыре яруса до куполов. До главного венчающего кар-

Рис. 206. Кобрин. Главная площадь — один из примеров реконструкции рынка с готической планировкой в эпоху классицизма. Фото конца XIX — начала XX в.

низа следовал высокий ярус, затем низкий, а выше карниза — снова большой ярус и малый. Пропорции этих двух пар ярусов были разные, образуя цепочку: очень высокий — низкий — высокий — низкий. Аналогично развертывалась по вертикали композиция четырехъярусной звонницы, где тоже наблюдалась указанная последовательность. Соотношения высот нижней и верхней пар ярусов близки к их пропорциям в костеле.

Барочное декоративное убранство всесторонне иллюстрирует принцип единства в многообразии. В частности, при всем различии конкретных художественных решений бернардинский и иезуитский костелы имели общие черты композиции плоскостей главного фасада. В обоих случаях до венчающего карниза создана двухъярусная ордерная структура, над которой возвышались верхи башен и фигурный щит между ними. При этом антаблемент, разделяющий первый и второй ярусы, решен в одинаковой манере как широкая полоса, многократно раскрепованная горизонтальными профилями на всю длину фасада. Ансамблевость усматривается и в общности высотного построений фасадов гостиного двора и двухэтажных домов губернаторов и вице-губернаторов по принципу «низкий ярус на высоком».

В застройке ратушной площади объединяющей темой служили вертикально поставленные волюты, наподобие контрфорсов поддерживающие углы верхних ярусов башен ратуши, бернардинского и Воскресенского храмов. Взаимоувязка форм наблюдается в применении сходных лучковых завершений арок галерей гостиного двора и высоких окон боковых фасадов церкви Воскресения. Близки по образу были и шлемовидные подкрестовые навершия на башнях, имевшие пластически напряженный контур — двухъярусный в бернардинском и трехъярусный в Воскресенском храмах.

Подытоживая анализ витебского ансамбля, следует заключить, что его формирование стало примечательным явлением культового и гражданского зодчества, возникшим в границах общего пространства городского центра, примером воплощения романтизированного замысла, включения барочного наследия в сферу классицистической культуры.

Образцом принципиально иного произведения классицизма является система основных площадей Бобруйска. Если в Витебске усложненная планировочно-пространственная композиция обусловилась методом интерпретации исходных структурных особенностей ядра центра, то бобруйский ансамбль, созданный почти на полстолетия позже, но тоже на территории сложившейся застройки, отразил стремление к более строгому

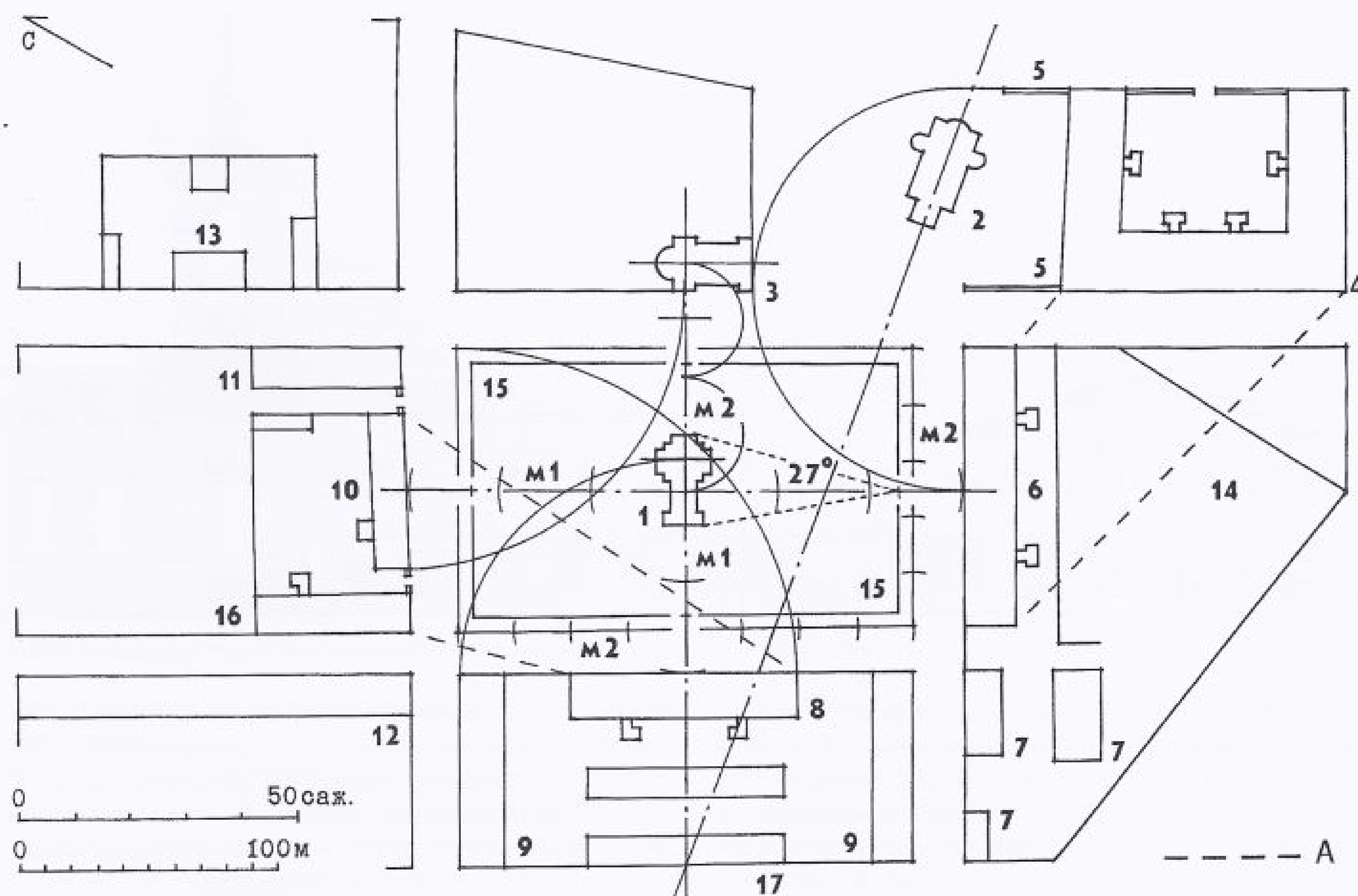

Рис. 207. Бобруйск. План ансамбля Соборной и культовой площадей в 1830-х годах (реконструкция автора). Анализ композиции: *1* — собор Александра Невского 1822—1827 гг.; *2* — приходский костел; *3* — костел иезуитов, позже цейхгауз; *4* — 3-этажный корпус госпиталя 1829—1835 гг.; *5* — баллюстрады; *6* — 2-этажный корпус госпиталя 1819—1822 гг.; *7* — служебные строения; *8* — здание штаба и обер-офицеров 1820—1824 гг.; *9* — генеральские дома; *10* — здание коменданта с императорской квартирой 1823—1827 гг.; *11* — дом купца Торлецкого 1817 г.; *12* — казарма; *13* — присутственные места 1829 г.; *14* — ботанический сад; *15* — ряды деревьев; *16* — флигель комендатского дома 1817—1818 гг.; *17* — офицерское здание; М1 — модуль, равный длине собора; М2 — модуль, равный ширине собора; *А* — линии, отмечающие фасады равной протяженности

порядку. Воплотилась созидательная воля творца новейшего города-крепости, пренебрегающего ценностными качествами опорной ситуации. Здесь романтизация ориентировалась не вовнутрь, на углубленное осознание конкретных свойств самого объекта проектирования, а вовне, на освоение абстрактно понимаемых идеальных образцов, типичных для средневековья и уходящих корнями в греческую античность.

В настоящем исследовании впервые выполнены реконструкции плана и поперечного разреза ансамбля соборного и культового форумов на 1830-е годы, анализ его планировочного и высотного построения, особенностей восприятия. Ныне планировка и застройка площадей в значительной мере утрачены. Не сохранились собор Александра Невского, приходский костел, госпитальный корпус на Соборной площади, другие сооружения; сильно перестроены фрагменты иезуитского костела. Графическое восстановление плана ансамбля в М 1:2000, поперечного разреза центральной части Соборной площади в М 1:200, а также композиционный анализ основывались на изучении современной геодезической съемки территории, отмеченных в главе 3 планов Бобруйска, чертежей фасадов и планов сооружений (собор — РГВИА, ф. 349, оп. 3, д. 6154, 6156, 6158; здание штаба и дома офицеров — там же, д. 6017; двухэтажное здание госпиталя — там же, д. 6014; трехэтажное здание госпиталя — там же, д. 6232, 6235; дом коменданта с примыкающими корпусами — там же, д. 6136, 6137, а также — НИАБ, ф. 1477, оп. 1, д. 349), текстовых источников [211, 213, 214].

Ансамбль характеризует примечательные аспекты творческого подхода классицизма, иллюстрирует ретроспективные влияния и примененные А. Е. Штаубертом, свойственные стилю новые

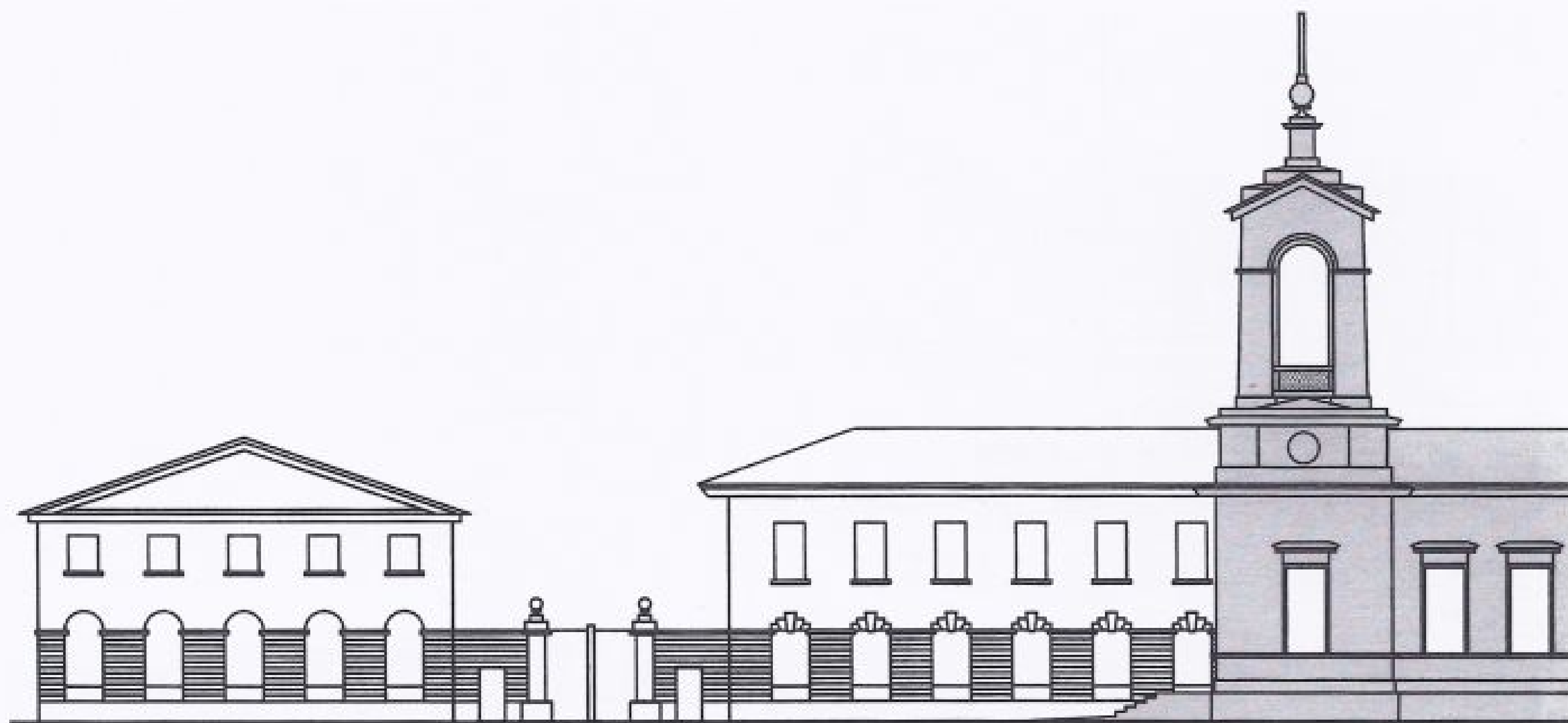

Рис. 208. Бобруйск. Поперечный разрез центральной части Соборной площади

композиционные приемы. Использование особенностей готической планировки носило не ярко выраженный характер, не подобие цитирования, а осуществлялось в виде нюансного внесения отдельных формальных элементов в типичную классицистическую композицию, стилевые образные черты которой доминировали над средневековыми реминисценциями.

Прием сопряжения прямоугольных, разных по размерам площадей вызывает ассоциации с угловым примыканием в средневековую эпоху центральных площадей, чаще всего ратушной и культовой. Как и в готической структуре, от углов главного форума отходило семь коммуникаций. На восточном углу формальную роль одной из улиц условно выполняла маломасштабная культовая площадь с приходским и иезуитским костелами. Западный угол сознательно отмечен только одной улицей, хотя градостроительная ситуация нерегулярного города до реконструкции и логика новой, классицистической композиции свидетельствуют о хорошей возможности трассировки и здесь двух магистралей.

Все здания ансамбля спроектированы А. Е. Штаубертом по единому замыслу и построены за короткий промежуток времени. От старой застройки центра остались лишь приходский и иезуитский храмы, мастерски включенные в новую регулярную композицию. Пропорциональный анализ ансамбля свидетельствует о всемерном осуществлении зодчим принципа жесткой геометризации, образно созвучной военному назначению города в целом и его отдельных частей. Проектный метод А. Е. Штауберта основывался на применении целочисленных размеров, использовании как планировочного модуля существенного параметра ансамбля, равенстве основных размеров разных по композиционной роли объемов или пространств, совпадении планировочных осей элементов застройки.

Длина Соборной площади составляла ровно 100 саж., ширина — 71 саж. У костельной площади эти размеры были 56 и 37 саж. Поперечная ось главной площади, совпадающая с основной осью собора Александра Невского, была изначально «привязана» к оси трансепта иезуитского храма, а середина главного фасада одного из домов для обер-офицеров разместилась на продолжении продольной оси приходского костела.

В качестве модулей планировочной композиции площади заложены длина (17,0 саж.) и ширина (10,0 саж.) собора. С большой вероятностью можно предположить, что длина собора спроектирована равной протяженности стоящего по соседству иезуитского костела. Последний сохранился к настоящему времени в перестроенном виде, без апсиды, восполнение которой по изображению храма на плане Бобруйска конца XVIII в. дает длину костела, равную длине церкви Александра Невского.

С небольшим приближением длина храма укладывалась шесть раз по длине площади, а расстояние от точки пересечения ее продольной и поперечной осей, находящейся внутри храма, до юго-западной стороны площади составляло две его длины. Ширина собора равнялась отрезку от упомянутой точки до наружной поверхности его северо-восточной стены. Так, от данной точки до

в 1830-х годах. Вид на северо-запад (реконструкция автора)

оси главной городской магистрали размещалось три ширины храма и еще одна ширина укладывалась от оси магистрали до продольной оси иезуитского костела. Вдоль сторон площади были посажены по два плотных ряда деревьев, каждый из которых образовывал прямоугольник. Стороны большего прямоугольника кратны ширине собора, составляя восемь и пять таких модулей.

Принцип повторяемости размеров объемов и пространств широко и разнообразно применен в композиции ансамбля. Протяженности главных фасадов трехэтажного здания госпиталя на Минской улице и двухэтажного больничного корпуса на Соборной площади спроектированы одинаковыми. Равнялись между собой длины зданий штаба и коменданта с торцом флигеля. Расстояние от угла спроектированного, но не построенного генеральского дома до середины главного фасада штаба равно отрезку от последнего до средокрестия церкви Александра Невского. Расстояние от того же угла до дальней стены штабного здания приравнено к длине короткой стороны площади за вычетом ширины основной магистрали. Равны между собой отрезки от северного угла площади до средокрестия иезуитского костела и до западной стены дома коменданта. Оконечность балюстрады, пристроенной к трехэтажному зданию госпиталя, трактована как центр окружности, радиус которой составляют отрезки до середины двухэтажного больничного корпуса, до главного фасада иезуитского храма, до аналогичной короткой балюстрады с противоположной стороны здания.

Уровень обеих площадей был примерно на этаж выше уровня земли перед главным фасадом трехэтажного больничного здания, в связи с чем появились две подпорные стенки с балюстрадами по верху — вдоль Минской улицы и на северовосточном фасаде госпиталя.

Многоаспектность творческого подхода А. Е. Штауберта подтверждается и анализом высотной композиции, также выявляющим систему примененных приемов. Новые, созданные в первой половине XIX в. объемно-пространственные элементы подвергнуты жесткому регулированию путем организации единого горизонта венчающего карниза всех основных сооружений. Высота до верха карниза зданий коменданта, штаба и госпиталя на Соборной площади составляла 4 саж., а до конька кровли — 5 саженей 1 аршин. Второстепенные компоненты ансамбля — дом Торлецкого и флигель для чиновников при здании коменданта — были до венчающего карниза на 2 арш. ниже указанных сооружений.

Трехэтажный госпиталь размещался ниже уровня площади, к которой от западного угла госпитального здания по Минской улице вел пандус. Однако относительно площади высота этого сооружения до венчающего карниза также равнялась 4 саж. Той же высоты спроектирован и основной объем собора до верха главного карниза. Тем самым, главная доминанта всей композиции возвышалась над фоновой застройкой ансамбля лишь за счет звонницы и полусферического купола над средокрестием.

В соотношениях определенных частей собора, а также храма и застройки периметра площади заложены одинаковые пропорции, что способствовало художественному единению разнородных архитектурных форм. Для такого типа общности зодчим целенаправленно выбраны наиболее важные для зрительного восприятия характеристики, осознаваемые в первую очередь, обусловливающие в целом силуэт и основные членения объема церкви.

Отношение между высотами собора до конька двухскатной кровли и до верха креста звонницы равно пропорции между высотами до главного карниза и до верха креста на куполе (0,40). Для композиции здания горизонтальный уровень конька был важен как силуэтоформирующий, а также фиксирующий прямолинейный верх щитоподобного притвора и основание звонницы. Значение уровня венчающего карниза усиливалось крыльями трансепта, благодаря чему этот уровень зрительно сопоставлялся в первую очередь с силуэтом купола над средокрестием. Аналогично вышеприведенной пропорции соотношение между высотами до конька кровли и до верха звонницы без тумбы с крестом равнялось соотношению высот до венчающего карниза и до верха купола (0,53). Изящная ампирная конструкция, включавшая круглую тумбу, декорированную гирляндами и завершенную крестом на шаре, была выполнена одинаково на звоннице и куполе, но имела разные пропорции.

Кроме пропорциональной общности в высотной структуре храма заложены удвоения и утроения. Высота собора до одного из заметных горизонтальных членений — карниза на подкрестовой тумбе звонницы — вдвое превышала конек крыши, а до верха креста — втрое превышала уровень главного карниза. Высота же до карниза на подкрестовой тумбе купола равнялась удвоенной высоте до главного венчающего карниза.

Художественной целостности ансамбля способствовало единство пропорционального строя собора и застройки периметра площади. Главной чертой высотной композиции фасадов всех гражданских зданий была антитеза низкого рустованного первого этажа и гладкой поверхности второго. Отношение высот этих ярусов без цоколя — 1:2 — было близко пропорции, наглядно характеризующей вертикальное построение храма: отношению высоты купола с низким стилобатом и высоты от уровня земли кубического подкупольного объема, соответствующей коньку кровли — 1:2,2. Можно предположить, что зодчий, используя при проектировании принцип общности основных пропорций, исключил цоколь из подобного расчета. Если для гражданских зданий по периметру Соборной площади уровни крыш и венчающих карнизов, а также высоты ярусов фасадов должны были быть едиными, то высоты цоколей могли различаться в связи с естественным на обширной территории площади понижением рельефа в ту или иную сторону.

Другая пропорция, показательно иллюстрирующая силуэт доминанты, — отношение вертикальных размеров купола без стилобата и звонницы без тумбы с крестом — тоже составляла 1:2,2.

В классицистическом решении бобруйского собора следует отметить также черты романтизма. В архитектурном образе прослеживались традиции построения формы культового католического зодчества XVII—XVIII вв. Наподобие костелов этого периода храм имел сильно вытянутый основной объем, пересекаемый также удлиненным трансептом, в связи с чем сооружение значительно отличалось от русских православных церквей с компактным, часто центричным объемом. Стены звонницы имели небольшой наклон, что вызывало ассоциации с контрфорсами костельных башен. Эти черты, а также круглые проемы наподобие амбразур на аттике притвора, в целом укрупненный масштаб элементов корреспондировались с тонко выраженным средневековым образом всей композиции города. Нельзя не отметить и попытку придать «народность» формам звонницы, приблизиться к особенностям колоколен и башен сельских деревянных церквей.

Таким образом, исследование застройки Соборной площади, как и других произведений барочно-классицистического градостроительства, показывает всестороннее воплощение ансамблевого принципа единства в многообразии, проникнутого глубоко осознанными пропорциональными соотношениями. Подтверждается закономерность, изложенная, например, А. Ф. Лосевым: «Эстетический предмет … должен быть единством, но это единство не мешает бесконечному разнообразию его элементов, так что единство это проявляется в виде проникающей всю эстетическую предметность живой пропорциональности. Эстетический предмет с начала до конца ритмичен, и его ритмика не только видима и осязаема, но и математически оформлена» [цит. по 592, с. 194, 201].

Интересно сравнить некоторые композиционные свойства позднеклассицистической застройки Соборной площади и барочно-классицистическо-

го ансамбля административного форума Полоцка. Примечательно, как по прошествии нескольких десятилетий изменилась трактовка категории архитектурного масштаба. В Полоцке иезуитский костел как главная доминанта выделялся в фоновой застройке огромными абсолютными и относительными размерами. Однако масштаб ордерной обработки фасадов был хоть и крупнее, но все же близок масштабу декора созданных позднее административных зданий. Главенствующий объем выявлен приемом количественного наращивания элементов его общей архитектурной массы, сложности убранства, в частности, что особенно характерно, числа фасадных ярусов.

Художественные средства выделения доминирующего сооружения в ампирном ансамбле Бобруйска, интерпретация архитектурного масштаба во многом противоположны. Как упоминалось, высоты собора и большинства гражданских зданий до венчающих карнизов были одинаковы, а над горизонтом застройки сторон площади возвышались только звонница и купол. Эти обстоятельства сочетались с предельным укрупнением, монументализацией масштаба элементов церкви в их соотнесении с человеком и, главное, с деталировкой всего периметра площади. Один ярус фасада собора с крупными оконными проемами и значительной композиционной ролью стены равнялся двум ярусам фасадов двухэтажных административных зданий с более мелкими масштабными членениями. Брутальная упрощенность свойственна и решению звонницы, имеющей только один 8-метровый ярус ажурной структуры с весьма скромной раскреповкой. Такой контраст «внутрисилуэтных» масштабов церкви и окружающих ее построек служил у А. Е. Штауберта путем образного возвеличивания храма.

Анализ ансамбля позволяет утверждать, что его автор обладал знанием законов восприятия. В плане площади вытянутый объем собора размещен поперек ее продольной оси алтарем на северо-восток. Учитывая неукоснительное соблюдение классической ортогональной системы планировки и исходя из традиций церковного догмата, следовало бы предположить постановку храма скорее вдоль оси площади апсидой на юго-восток. Очевидно, в данном случае эстетические соображения главенствовали и обусловили логичные для удлиненной площади условия обозрения собора. Протяженные боковые фасады свободно воспринимались вдоль ее продольной оси с больших расстояний, а хорошее обозрение узких главного и апсидного фасадов обеспечивалось малыми расстояниями до сторон площади.

Ряды деревьев ограничивали ажурным барьером пространство вокруг церкви, немногим меньшее самой площади. В местах входа в это условное пространство с четырех направлений по осям площади находились узловые, лучшие точки восприятия собора. Угол видимости из них храма по наибольшему измерению был оптимальным, составляя около 27°. При обзоре бокового фасада большим измерением служила длина церкви, а главного и алтарного фасадов — ее высота. Так, свойственный классицизму вообще принцип, когда образ целого может постигаться не в процессе растянутого во времени восприятия, а при первом взгляде, фронтально, дополнялся эффектом неожиданности благодаря хорошему обзору храма только после попадания внутрь «ландшафтного» пространства и, кроме того, под наилучшим углом зрения для внезапно открывавшейся видовой картины.

4.6. Градостроительные особенности застройки улиц и других комплексов

В периоды позднего барокко, становления и развития классицизма кроме площадей планировочный каркас города в качестве линейных элементов составляли улицы, а узловых — замковые и дворцовые комплексы, монастыри и приходские храмы. Узловые элементы часто определяли собой квартал — планировочно целостную единицу территории. Как отмечалось, в эстетическом отношении комплексы застройки улиц уступали площадям, редко поднимаясь до уровня произведений градостроительного искусства. Подробное же изучение замков, дворцов, монастырей и храмов разных конфессий составляет предмет самостоятельных архитектуроведческих исследований, связанных с изучением функциональных, объемно-планировочных типов зданий. Тем не менее в настоящей работе рассмотрены отдельные примечательные аспекты, связанные с формированием улиц, отмечены градостроительные особенности узловых сооружений планировочного каркаса.

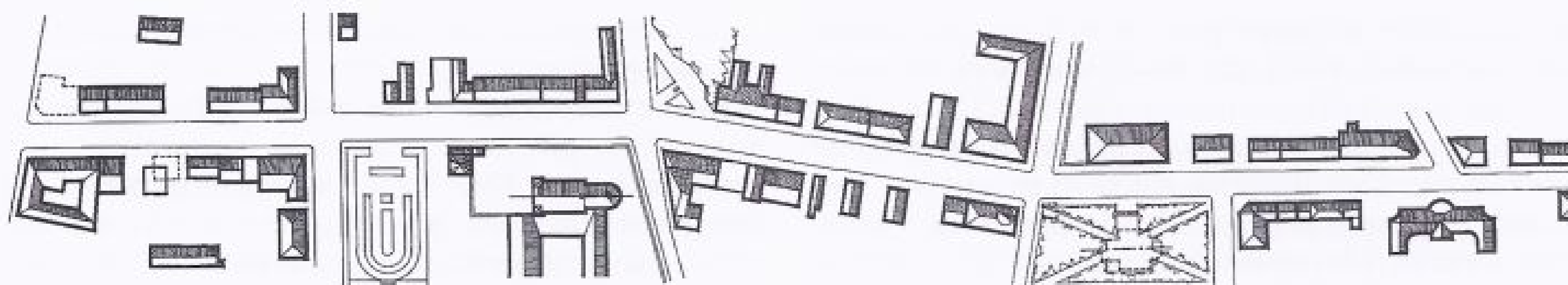

Рис. 209. Пинск. Главная, веерная улица во второй половине XIX — начале XX в. (При перепланировке в период классицизма линии застройки улицы почти не изменились. Характер размещения зданий во второй половине XIX в. в основном сохранился от предшествующего времени.)

Рис. 210. Пинск. Застройка главной улицы. Фото начала XX в. (БГАКФФД)

По планировочной роли в нерегулярной структуре улицы дифференцируются на шесть групп, рассмотрение которых удобнее начать с наиболее сложной схемы — веерно-ветвистой полукольцевой. Первую группу составляют веерные улицы, центром схождения которых служат замок и прилегающий к нему торг. Если главная площадь удалена от участка детинца, то оба эти компонента имеют большее или меньшее значение геометрических центров тяготения веерных улиц. Подобные направления связывали городскую территорию с замком и площадью, являясь также продолжениями межселенных дорог.

Веерные магистрали — наиболее ранние по происхождению в процессе развития города. Сложение вдоль них застройки предопределило в дальнейшем освоение межрадиальных территорий с формированием улиц других типов. Спецификой веерной коммуникации было наличие в головной части основного городского ансамбля, а в периферийной — выход на окраину селитьбы или примыкание к ветвистым улицам. Поэтому при движении по магистрали типично постепенное наращивание или убывание средств художественной выразительности, различие облика среды противоположных концов улицы.

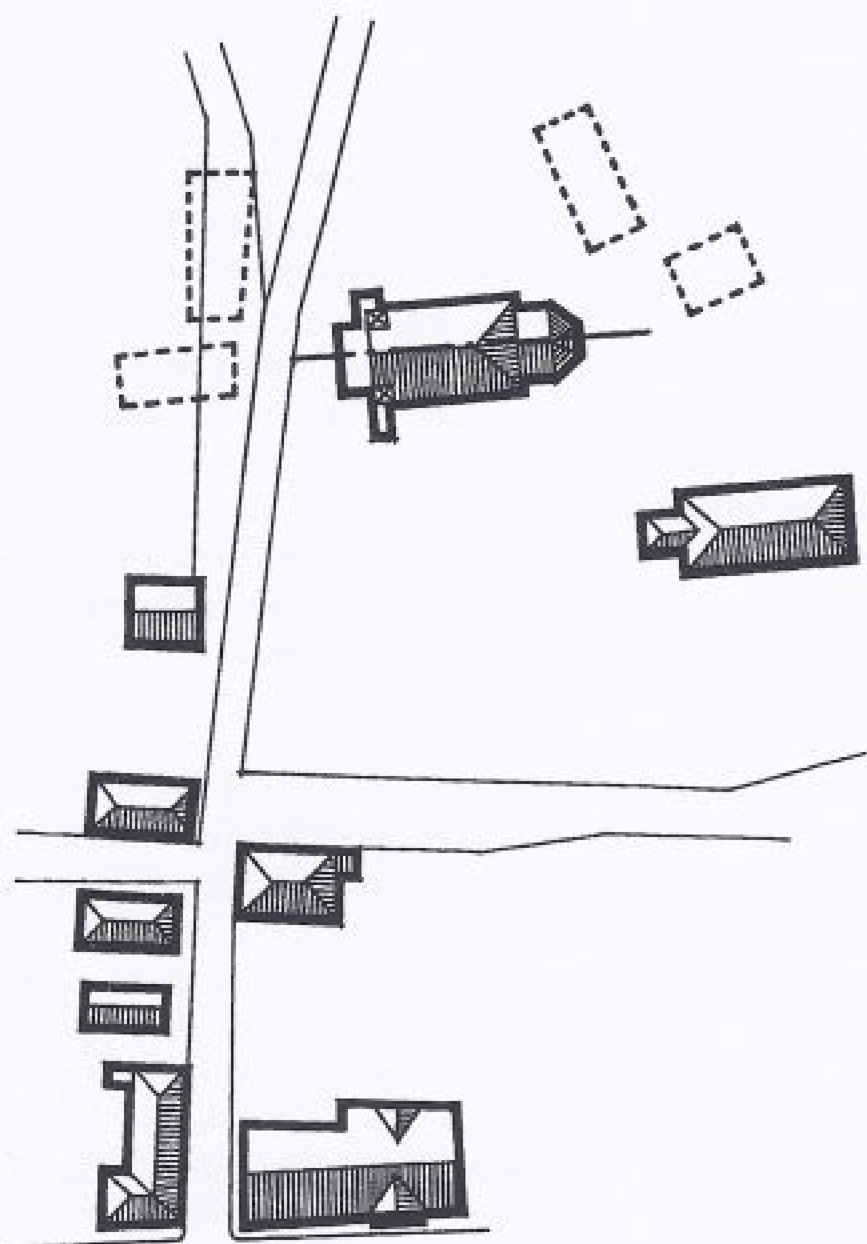

Рис. 211. Новогрудок. Веерная улица в первой половине XIX в.

По картографическим документам во всех городах существовала как функционально-планировочная категория главная, наиболее интенсивно используемая улица. В центрических системах ею всегда являлась веерная коммуникация. Показателем главенства служили: выход на торг; трассировка в лучших ландшафтных условиях; сосредоточение вдоль трассы наибольшего, сравнительно с другими улицами, числа католических монастырей и приходских храмов разных христианских конфессий; значительная ширина и протяженность; размещение представительного жилья — городских дворцов, иногда с просторным усадебным участком, а также каменных мещанских домов, которые вблизи рынка, монастырей и других функциональных узлов, вероятно, имели торговые помещения; большая в сопоставлении с остальными коммуникациями плотность застройки по фронту улицы; композиционная содержательность.

В Пинске культовые и другие комплексы вдоль главной магистрали образовывали монументальный ритмический ряд в массовой, фронтальной по характеру застройке. Расстояние между ними

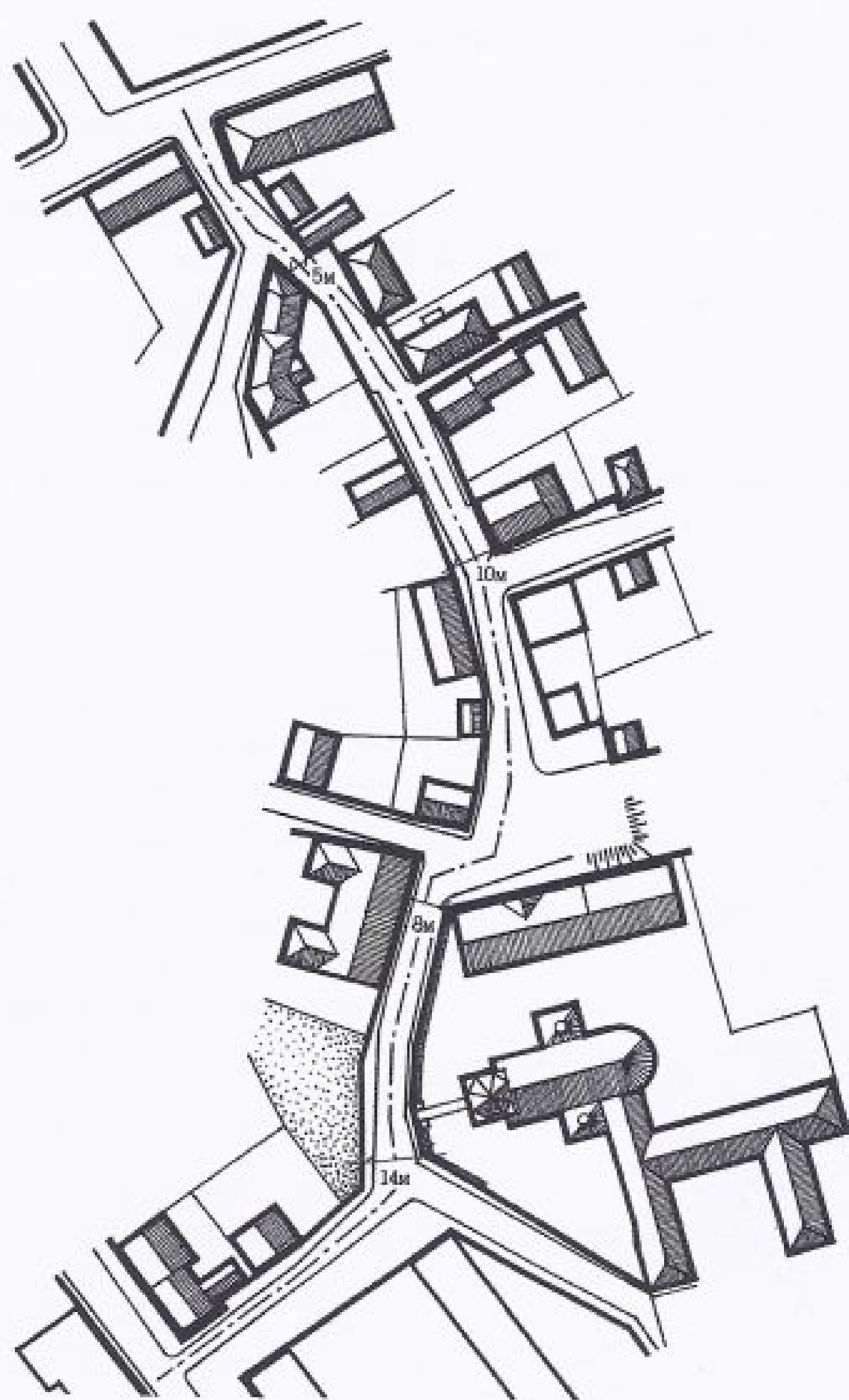

Рис. 212. Слоним. Дуговая улица во второй половине XIX — начале XX в.

уменьшалось от центра к периферии по мере уменьшения их градоформирующего значения. Узловые элементы существенно различались по структуре, а общими их чертами служили: размещение на ближайшей к реке стороне улицы, что ярко выразило композиционную неравновесность доминант, воспринимаемую при движении по трассе; включение в комплексы садовых массивов; усиление художественной роли доминант постановкой на линии застройки или вблизи нее, ориентацией участков улицы последовательно на разные акцентные сооружения. Это свидетельствовало об ансамблевой основе градостроительного творчества XVII—XVIII вв. при создании отдельных компонентов города, обусловленной сходными функциональными запросами, апробированными архитектурными традициями, единым пониманием эстетических ценностей города и стремлением к их достижению. В поселениях с различными

типами систем планировки главной могла быть невеерная коммуникация. Однако во всех случаях последняя включала кроме жилой культовую функцию.

Вторая группа — ветвистые улицы в веерно-ветвистых структурах. В Пинске веерные коммуникации раздваивались только один раз, после пересечения первой линии оборонительных сооружений. Здесь ветвистые направления — короткие улицы, выводящие на городскую периферию, значение которых подчеркивалось размещением на них монастырей. В Витебске происходило растроение веерной трассы, а затем растроение одной из ветвистых улиц и раздвоение другой.

Третья группа включает протяженные полукольцевые магистрали, образовавшиеся в XVIII в. на месте ликвидированных земляных валов и рвов. Возникновение улиц обусловлено прибрежным ландшафтом больших рек Приднепровья и Полесья: одна сторона — плоское плато с ровной береговой кромкой, другая — обширная пойма с заливными лугами и речными протоками, где строительство не велось. Одна-две оборонительные линии на плато минимально необходимой длины естественно обретали вид концентрических полуокружностей.

Четвертая группа — дуговые улицы большей или меньшей протяженности, возникновение которых не связано с существованием или ликвидацией земляных валов и рвов. Они сложились в силу необходимости соединения веерных направлений между собой и с селитебными территориями. В городах без внешних поясов укреплений дуговые улицы имели важное градоформирующее значение, объединяя, однако, не более четырех-пяти радиусов, тогда как полукольцевые магистрали пересекали все веерные трассы. В отличие от вышерассмотренных типов дуговые улицы являлись почти исключительно жилыми образованиями (более развитая типология улиц, связывающих веерные и ветвистые направления, требуется для русского средневекового градостроительства: кольцевые, полукольцевые, сегментные, «условно прямые» [441, с. 280]).

Типологизацию улиц продолжим на материале нецентрических планировок. К пятой группе относятся коммуникации, которые целесообразно определить как структуроформирующие. Их взаиморасположение обусловливало собой тип планировки (одноуличный, двухуличный, Т-образный и т. д.). Магистрали отличались большой протяженностью, носили, как правило, культовую и жилую функции; среди них всегда была главная городская трасса. Специфика восприятия архитектурной среды при движении по ней от периферии к центру — последовательное усиление значения композиционных узлов, а затем, миновав главную площадь или систему основных площадей, снижение его к окраине.

Шестая группа — короткие улицы-связки и переулки с жилой функцией. Они встречались в различных центрических и нецентрических системах и примыкали к элементам уличной сети любой из перечисленных групп. Такими коммуникациями являлись поперечные отрезки в ребристых структурах, переулки, соединявшие основные магистрали в двухуличных планировках, второстепенные трассы, лежавшие между структуроформирующими направлениями в перекрестных и прямоугольно-прямолинейных схемах, и др.

Если типология улиц в условиях свободно сложившейся планировки многообразна, то в городах регулярных средневековых и Нового времени выделяются только три группы коммуникаций. Это всегда существовавшая главная магистраль; улицы, имевшие важное значение в пределах посада или части поселения; локальные коммуникации малой протяженности с жилой функцией.

Наряду со структурной типологией улиц следует обратить внимание на другие черты этих комплексов. Художественная специфика улиц в отличие от таких элементов города, как площади и кварталы, наиболее ярко осознавалась в движении. На примере главной коммуникации одноуличной планировочной системы рассмотрим эстетическую привлекательность среды, поэтапно раскрывавшуюся при перемещении по трассе.

В Витебске основная магистраль Нижнего замка и Задунавья Великая-Задунавская проходила по гребню холма. Общественные комплексы размещались вдоль трассы по принципу композиционного равновесия, справа, слева или на ее оси. К ним относились: группа из униатского храма (перестроенная Благовещенская церковь XII в.), приходского и доминиканского костелов; культово-административный форум; площадь перед зданиями городской думы; церковь Иоанна Предтечи; Покровская церковь. Численное преобладание маломасштабных пространственных узлов с южной стороны улицы восполнялось превалирующей художественной ролью культово-административного ансамбля с северной стороны (см. рис. 39, 44, 45).

При движении городская среда воспринималась в величественных картинах, поражавших чередованием архитектурных и ландшафтных пей-

зажей, ближних, средних и дальних планов, игрой объемов и сочетаниями фасадного декора. В головной части улицы на бровке обрывов над Двиной и Витьбой живописно разворачивалась веерная композиция приходского, Благовещенского и доминиканского храмов. Их продольные оси пересекались в одной точке, вероятно, на утраченной к концу XVIII в. древней торговой площади у валов Верхнего замка. Противоположные фасады ориентировались к природным пространствам. С улицы же под разными ракурсами эффектно обозревались тесно стоящие объемы. Зритель, проходящий между ними как в пропилеи, наблюдал по-разному обращенные к нему фасадные плоскости, башни, полукружие апсиды, а далеко впереди в просвете пропилей по оси улицы возвышался бернардинский храм. Этот вид обогащался контрастом масштабности малой, пластично разработанной Благовещенской церкви и массивных и цельных, более крупных костелов.

Дальнейшее движение слева сопровождалось картинами высокого рельефа Верхнего замка над жилыми усадьбами. Справа в разрывах массовой застройки был виден овраг Витьбы, покрытый зеленью, и поднимающийся за ним склон Заручавья. Поначалу перспективу Великой улицы замыкал иезуитский костел, возвышавшийся над рядовыми строениями и который в пределах поперечного профиля уличной застройки воспринимался в сильном ракурсе лишь боковым фасадом. Трасса делала плавный поворот и видовая ось уже завершалась вертикалью колокольни коллегиума, а через несколько десятков метров следующий изгиб снова ориентировал зрителя на костел, но видный между застроенными сторонами магистрали с угла, наиболее эффектно, главным и боковым фасадами.

Неожиданно тесное пространство улицы открывалось с одной стороны глубокой перспективой площадей — культово-административной и, далее, ратушной. Очевидно, контраст впечатлений в этой ситуации был очень велик. При выходе с улицы на площадь сперва был виден, по всей своей протяженности, иезуитский коллегиум, причем особо благоприятно, с небольшого расстояния и с угла, поражая богатством ордерного декора, игрой светотени и цветовых сочетаний. Перед зрителем выстраивались лаконичный фасад жилого и учебного корпуса, высотный акцент многоярусной колокольни, пластичные поверхности главного и бокового фасадов храма, увенчанных башнями с барочными шлемами и большим куполом на барабане.

По мере выхода на середину ширины площади осознавалось величие развернувшейся в пространстве композиции, идея завершения глубинной перспективы площадей бернардинским костелом на другом берегу Витьбы, а продвинувшись дальше — осевое замыкание этой разноплановой картины главной ратушной вертикалью, фланкированной этим костелом и церковью Воскресения.

Миновав площадь и попав снова в затесненное уличное пространство, зритель получал очередной путевой ориентир — храм Иоанна Предтечи на противоположной стороне рукава Витьбы, в Задунавье. Движение к этой визуальной цели сопровождалось пониманием равновесного, гармоничного расположения открытых пространств площадей — слева остался культово-административный форум, справа от улицы раскрывалась прямоугольная площадь у зданий городской думы. За мостом через проток Витьбы следовало движение вверх по рельефу без высотного ориентира, а затем, после плавного поворота трасса замыкалась Покровской церковью.

Не менее эффектно чередование архитектурных пейзажей при движении по улице в обратном направлении. Но поскольку путник перемещался уже от периферии к центру, резко увеличивалось число дальних ориентиров, композиционно завершавших перспективу трассы. При этом важна нацеленность того или иного ее отрезка одновременно на две-три стоящие на разном удалении доминанты. Объемы храмов зрительно не накладывались, несколько отступая от умозрительной оси в обе стороны, а визуально блокировались в единую группу или располагались друг над другом на разных уровнях рельефа, чем усиливался смысловой и художественный эффект оформления уличных видовых картин.

Следование по Великой улице сопровождалось великолепными городскими пейзажами справа и слева от трассы на дальних планах. Поскольку Нижний замок находился на дне природного амфитеатра, прилегающие районы воспринимались снизу вверх и, наоборот, на участке улицы в Задунавье обозрение в разрывах жилой застройки осуществлялось сверху вниз. На фоне холмов, покрытых усадебными садами и деревянной застройкой, зеленых склонов извилистых оврагов Витьбы и ручья Дуная контрастно выделялись многочисленные, преобладающих светлых тонов объемы храмов с красными черепичными кровлями, усложненным изящным силуэтом многоярусных башен и куполов. Высотные акценты костелов и униатских церквей противо-

20 — 2227

поставлялись горизонталям административных и торговых зданий, монастырских корпусов с высокими, также черепичными или гонтовыми крышами.

При восприятии с небольших расстояний средством художественной выразительности выступала богатая, профессионально разработанная ордерная пластика барокко, иногда со скульптурными сюжетами, иллюзорно разрушающая плоскость стены, а также лаконичная полихромия, представленная сочетанием белых полуколонн, пилястр, антаблементов, карнизов, наличников, других декоративных элементов и ярко-охристого, голубовато-серого или розоватого фона стен.

Следует обратить дополнительное внимание на упомянутую особенность обозрения доминант в перспективе улицы, визуально сблокированных в единую группу. Такая иллюзорная состыковка разноудаленных объемов при восприятии из определенных, специально задуманных видовых точек, вероятно, являлась закономерностью. Подобная ситуация наблюдалась и в Слониме. При подъезде к городу со стороны Жировичского монастыря башня костела бернардинцев находилась строго в створе дороги, а в городе при дальнейшем движении к его центру — замыкала перспективу улицы. Кроме того, на протяженном участке трассы архитектурные объемы доминирующих сооружений — костелов бернардинцев и бернардинок с монастырскими корпусами, латеранских каноников и синагоги воспринимались единой стеной, зрительно блокируясь в общий объем. При обозрении с улицы между архитектурными массами не было или почти не было промежутков, что доказывается лучами зрения, проведенными из видовых точек касательно контуров зданий в плане.

Во второй половине XVIII — первой половине XIX в. узлами планировочного каркаса города служили замковые, дворцовые и монастырские комплексы. Замки различались генезисом, функциональным и композиционным значением в городской структуре, планировочно-пространственными особенностями, а также состоянием в рассматриваемый период.

Самую многочисленную группу составляли относительно небольшие замки нерегулярной планировки, которые возникли на детинцах X—XIII вв. и в последующем являлись важными компонентами общественного центра поселения. Они многократно разрушались во время военных действий и перестраивались на протяжении XIV—XVIII вв., будучи в основном деревянными. Восприятие застройки замка часто дополнялось близко расположенными храмами бывшего окольного города. Показателен Пинск, где на внешней стороне широкого рва вокруг детинца сформировался пояс из шести доминант. Вместе с сооружениями замка они образовали композиционно активную группу объемов с развитым силуэтом шатров крепостных башен, барочных звонниц иезуитского костела, шатровых или башенных завершений униатских церквей и ратуши.

После Северной войны замки потеряли оборонную функцию и к концу XVIII в. пришли в упадок, сохраняя формообразующую роль в планировке города. Они существенно влияли на образ поселения, представляя собой величественные холмы с остатками насыпных валов, фрагментами древних сооружений, следами рвов у подножья. В социально-функциональной организации городов замки еще имели большое значение. Накануне классицистической реконструкции наблюдались следующие направления использования замковых территорий:

размещение губернских, уездных и городских административных служб, производственно-деловых учреждений (чертежная, типография и др.), складов (провиантские магазины), соседствующих с экстенсивной массовой застройкой;

полностью жилое назначение, возможно, с крупными усадьбами, например, бывшего королевского старосты;

сочетание интенсивного жилого использования с культовым;

преобладание культовой функции, существование монастырей и приходских храмов;

строительство дворца или использование по жилому и общественному назначению сохранившегося комплекса древних сооружений.

Регулярная перепланировка повлекла дальнейшее снижение градостроительного значения замка. Например, если в Пинске по первым проектам он сохранялся как элемент ландшафта с отдельными постройками, то по решению 1856 г. замок ликвидировался. Тем не менее в середине XIX в. на площадке замкового холма иногда создавались городские сады, включавшиеся в структуру центра и используемые для отдыха различными слоями общества.

Замки с геометрически правильным планом создавались в XIV—XVI вв. как государственные опорные пункты решения военных задач на стратегически важных направлениях и часто давали начало формированию городского поселения. Селитебные территории уже не имели характерной для древнерусского города иерархической структуры укрепленных районов. Подобно дру-

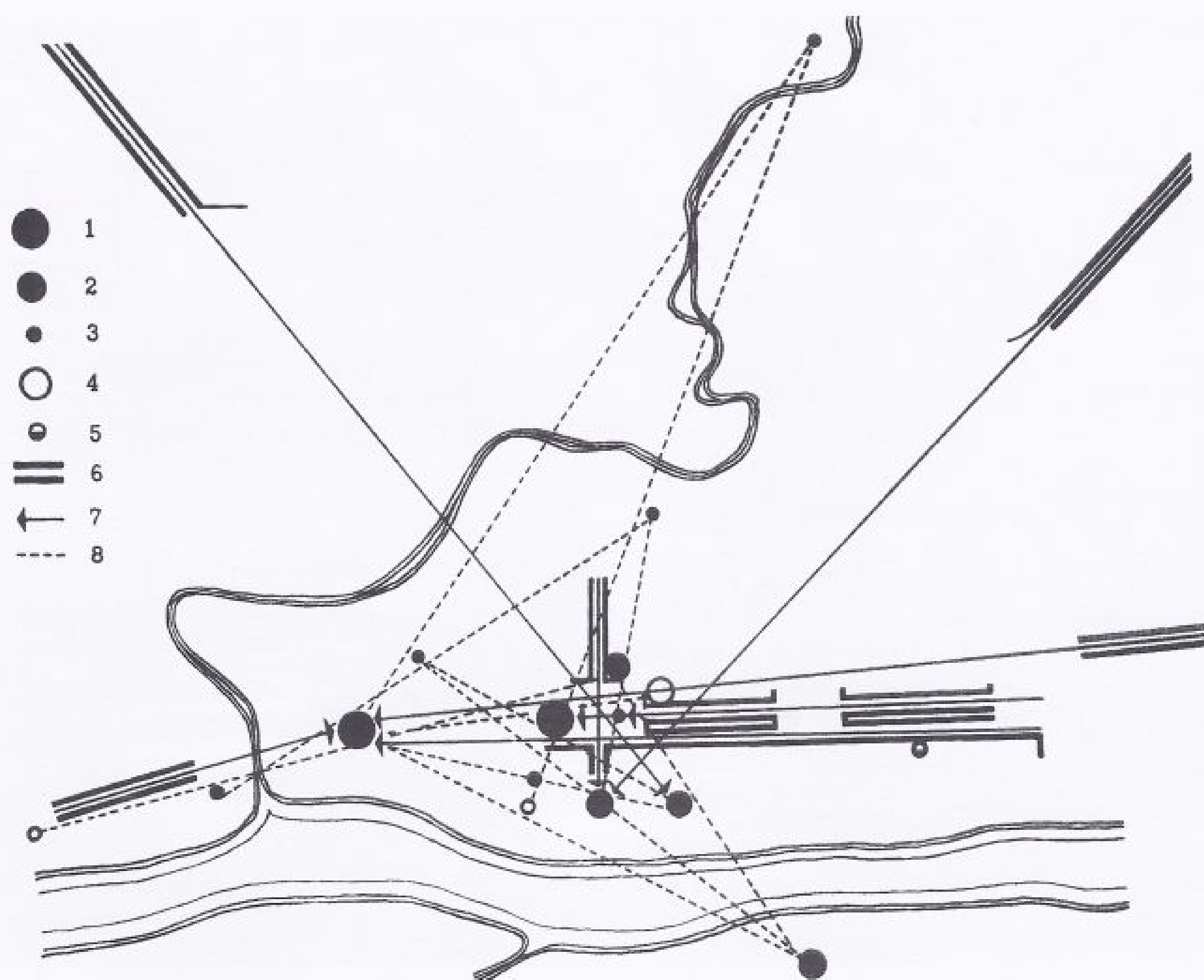

Рис. 213. Типология монастырских и приходских культовых комплексов по значению в композиции поселения во второй половине XVIII— первой половине XIX в. (на примере Полоцка): *1* — первый тип; *2* — второй тип; *3* — третий тип; *4* — утраченные храмы XVI — начала XVIII в.; *5* — храмы конца XIX — начала XX в.; *6* — участки улиц, ориентированные на доминанты; *7* — осевые видовые направления вдоль улиц и дорог; *8* — визуальные оси, вдоль которых размещены доминанты

гим замкам, в XVIII в. эти крепости потеряли оборонительное значение и пришли в упадок. В Борисове, например, на месте укрепления расположилась усадьба старосты с симметричной компоновкой корпусов и обширным двором, а позже построена тюрьма. В конце XVIII — первой половине XIX в. хорошей сохранностью отличались крупные замки, сооруженные в XVI—XVII вв. в ренессансной традиции как резиденция магнатской фамилии. Иногда главным зданием крепости, также уже не выполнявшей военной функции, служил не дворец феодала, а храм.

Среди дворцовых комплексов следует выделить значительные по масштабу ансамбли с парком, иногда сооруженные на месте замка в эпохи барокко или классицизма и часто служившие фактором градообразования в процессе развития поселения. Они являлись определяющими компонентами его структуры, выдающимися художественными произведениями и были свойственны частновладельческим городам и местечкам (Бешенковичи, Ворняны, Желудок, Коссово, Ружаны). Особенность таких ансамблей — удаление от жилой массовой застройки, во многом как традиция, исходящая от принципа разъединения замка и селитьбы в частновладельческом городе.

Другую группу составляли дворцы, возможно с садом и подсобными флигелями, сооруженные в застройке площадей и улиц. Они формировали квартал или его часть и служили жильем состоятельных дворян, иногда дополнительно к основной загородной резиденции. Положение подобных дворцов в планировочной структуре разнообразно, а основной фактор их размещения — наличие у владельцев или возможность приобретения земельных участков в наиболее аттрактивных зонах центров или примечательных ландшафтных условиях. Дворцы включались в компози-

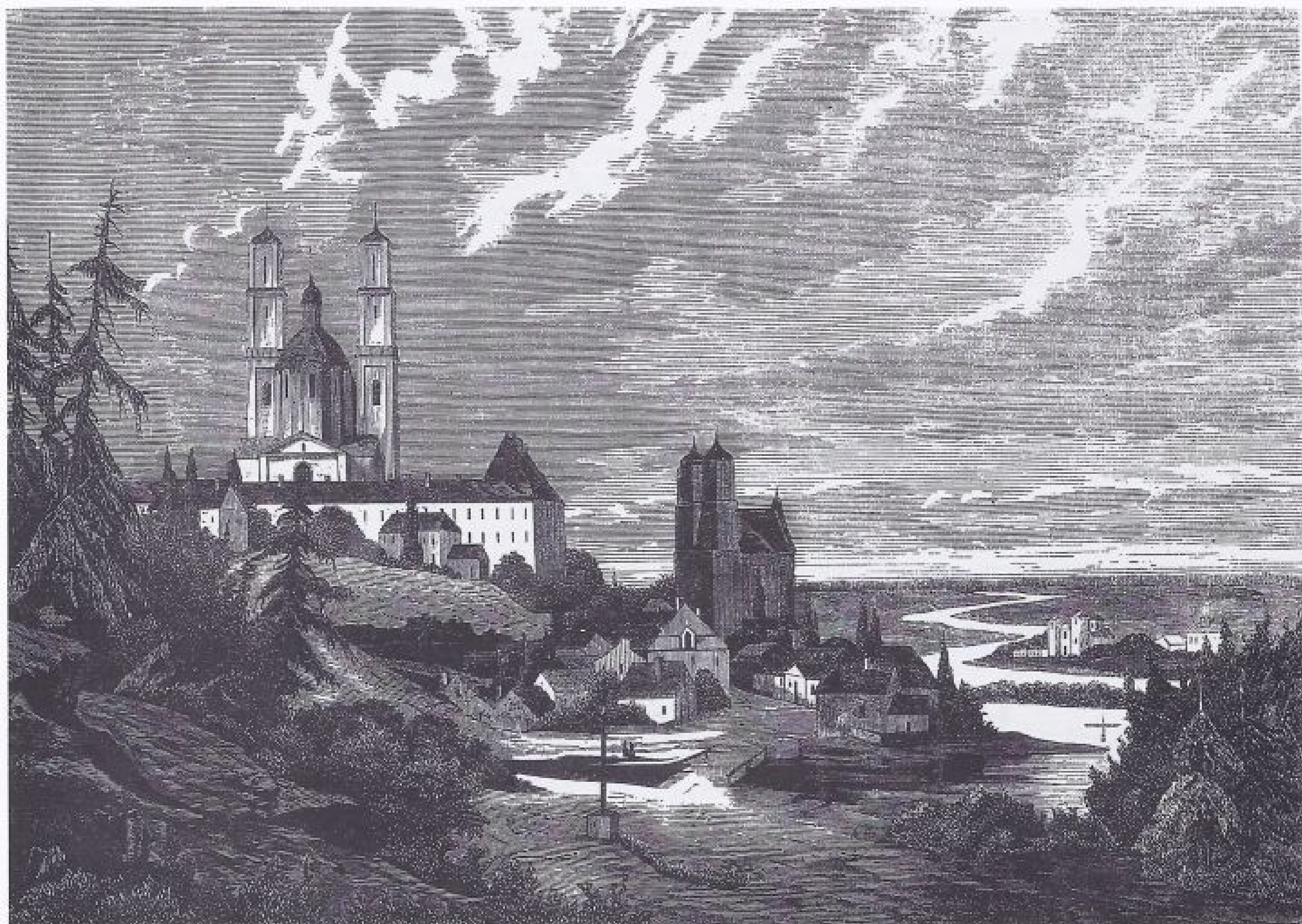

Рис. 214. Полоцк. Вид на монастыри от Верхнего замка. Рисунок второй половины XVIII в. (архив В. А. Чантурия)

цию главных площадей (резиденции Радзивиллов в Гродно, Несвиже и Новогрудке, Бжостовского — в Гродно), в застройку основных магистралей (дворцы Бутримовича в Пинске, Массальского и Сапеги в Гродно), второстепенных улиц (дворцы Муравского, Огинского и Сангушки в Гродно). Иногда градоформирующая роль таких ансамблей уникальна, например на Городнице в Гродно. Как и в других европейских регионах, наблюдалась тенденция тяготения дворцовых комплексов к природным пространствам больших и малых рек.

Рассматривая пространственно целостные узлы городской структуры, следует особо отметить католические и униатские монастыри. Они служили важным фактором культурологического своеобразия и эстетической ценности градостроительной формы белорусских поселений. Типологическими образцами для монастырей обеих конфессий служили выдающиеся примеры европейского зодчества. Выявление генезиса, сакрально-семантических и художественных закономерностей архитектуры католических и униатских ансамблей, обобщение богатейшего опыта ее становления и развития с учетом синтеза искусств является темой самостоятельного большого исследования. Исходя из задач настоящей монографии, ограничимся фиксацией только градостроительных неизвестных или малоизвестных особенностей обителей (научные знания о барочном культовом зодчестве Беларуси в последнее десятилетие существенно пополнены работами Т. В. Габрусь и И. Н. Слюньковой [82, 83, 494 и др.]).

Монастырские, а также приходские культовые комплексы с определенной долей условности можно разделить на три типа по значению в композиции поселения, приняв в качестве критериев: размеры комплекса (площадь занимаемой территории, число, величина в плане и высота сооружений); место в природном ландшафте и планировочной структуре поселения; условия визуального восприятия из внешних и внутренних городских пространств [187, с. 17—19; 188, с. 22—26].

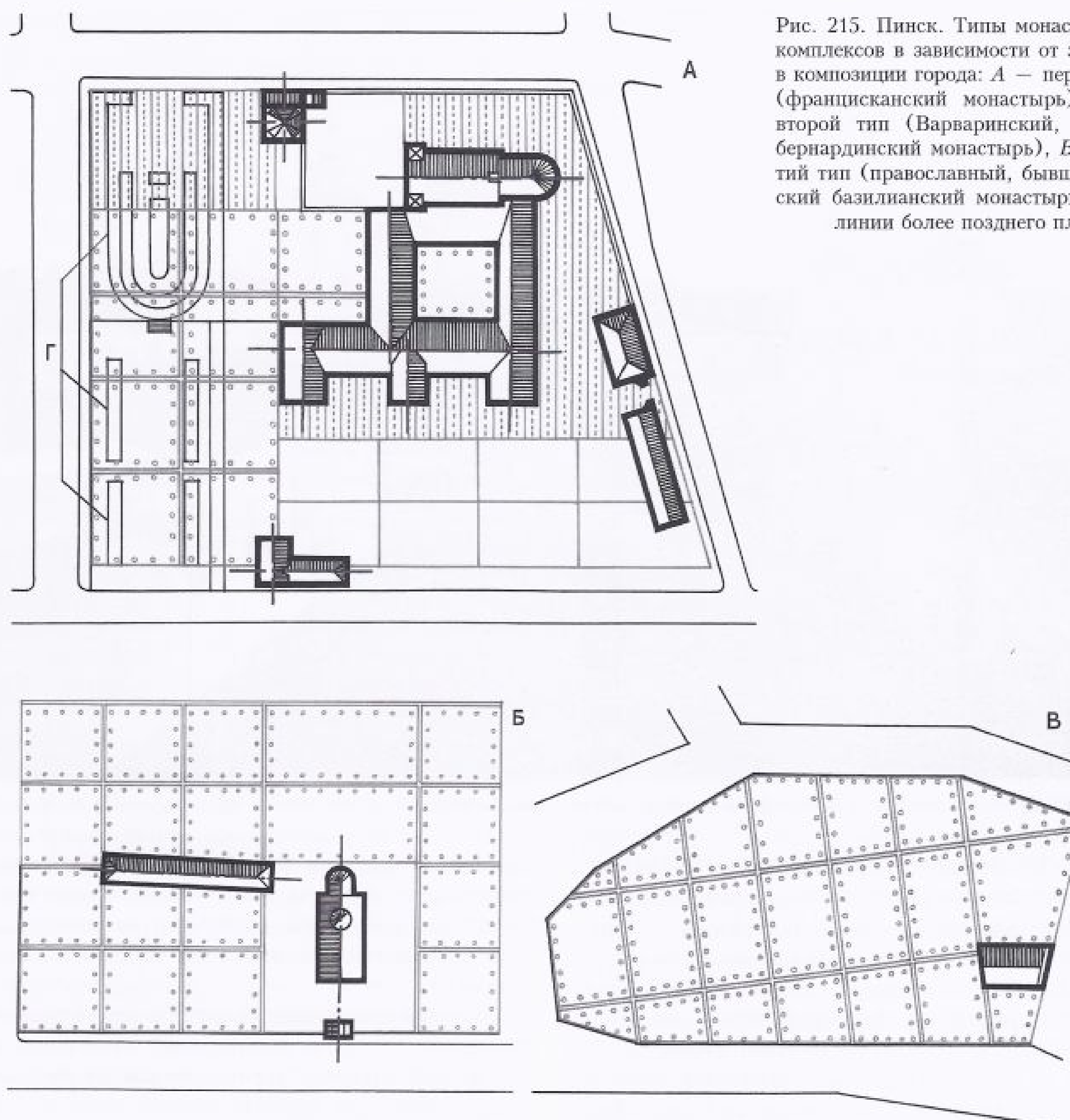

Рис. 215. Пинск. Типы монастырских комплексов в зависимости от значения в композиции города: *А* — первый тип (францисканский монастырь), *Б* — второй тип (Варваринский, бывший бернардинский монастырь), *В* — третий тип (православный, бывший женский базилианский монастырь), *Г* — линии более позднего плана

Например, в Полоцке к первому типу относились заметно преобладавшие компоненты пространственной структуры города — иезуитский и базилианский монастыри. Они представляли собой крупнейшие по масштабу, развитые по планировочной организации и составу помещений ансамбли (соответственно 210×160 м и примерно 140×120 м), являлись главными в застройке общественного центра и размещались на высоком плато, визуально связываясь с пространством рек. Характерной чертой обозрения этих комплексов из внешних городских пространств была их хорошая видимость со всех направлений, хотя наилучшим образом они воспринимались с акватории большой реки и противоположного берега. Особенности обозрения из внутренних пространств заключались в наличии протяженных уличных перспектив, завершенных храмами, а также в возможности всестороннего, почти кругового восприятия вертикального акцента ансамбля с прилегающих к нему участков и из многих произвольно выбранных дальних видовых точек поверх горизонта массовой застройки.

Для архитектурных комплексов второго типа свойственны небольшая территория, меньшее число и размеры построек — храма и одного-двух монастырских корпусов. По месту в планировочной структуре комплексы играли роль существенных элементов, подчиненных основным доми-

Рис. 216. Витебск. Монастыри бернардинцев, иезуитов и церковь Воскресения. Фото начала XX в. (архив В. А. Чантурия)

нантам. Полоцкие Богоявленский (160×50 м) и францисканский (70×60 м) монастыри занимали рядовое положение в застройке улицы, доминиканский (90×50 м) — служил второстепенным по размещению акцентирующим объектом площади. Восприятие храмов было более ограниченным, осуществлялось под острым углом зрения с улиц, на которые они выходили главными фасадами. Если сооружения первого типа завершали протяженные магистрали, то объекты второго типа в основном замыкали отрезки второстепенных направлений, тем не менее активно формируя панорамы города.

Маломасштабные объемно-пространственные элементы третьего типа (деревянные иезуитские костелы, кирка) окружались затесняющей их жилой застройкой, отличались фрагментарным обозрением из внутренних городских пространств, иногда хорошо воспринимаясь из внешних, например долины р. Полоты.

Так, комплексы первого типа организовывали пространство поселения в целом, имея общегородское значение, ведущие здания второго типа формировали композицию крупных районов, третьего — служили локальными акцентами небольших участков застройки. Иерархия проявлялась и в общем силуэте, характерном трехступенчатым членением высот вертикальных акцентов. Аналогичная картина наблюдалась в Пинске и других городах.

Распространенные состав и структура монастырского квартала следующие: чаще всего, один храм, как правило размещенный на периферии территории для придания ему максимального значения в композиции прилегающих улиц либо площади; основной одно-, трехэтажный корпус или корпуса, во многих случаях примыкающие к костелу, с большим набором различных помещений, часто с квадратным замкнутым и другими внутренними дворами; группа подсобных зданий, фруктовый сад и иные насаждения; глухая ограда с брамами, охватывающая комплекс.

Общей закономерностью было наличие главной стороны квартала, наиболее представительного его фасада, а также возведение построек в ортогональной системе планировочных осей. Последнее в условиях нерегулярной городской среды выделяло монастыри как образования совершенно иного характера, а в ситуациях прямоугольной готической, ренессансной или барочной

Рис. 217. Орша. Монастырь тринитариев, перестроенный под православный собор и городское училище. Реконструкция фасада застройки на начало XX в.

уличной сети гармонично включало их в планировочно-пространственный контекст поселения.

Перечисленные черты комплексов в целом представляют каноническую структуру католического монастыря средневековой Европы, восходящую к XIII–XIV вв. Интересен сакральный смысл, традиционно закладываемый в сочетание взаимно перпендикулярных осей плана, в квадратную конфигурацию внутреннего двора (клуатра). Подобные дворы были одним из самых распространенных приемов монастырского зодчества в белорусских городах (иезуитский и бернардинский монастыри Витебска, мужской бернардинский и бригитский Гродно, женский и мужской бернардинские Минска, францисканский и доминиканский Пинска, женский бернардинский Слонима и др.).

Выше отмечалось, что число четыре, равное числу сторон квадрата и прямоугольника, почиталось как священное. Кубическое или близкое к нему пространство, заключенное в стенах клуатра, также осмыслялось в качестве устойчивой формы совершенства и постоянства [137, с. 44]. Различным граням куба придавались значения определенных нравственных категорий. Северная сторона символизировала милосердие и сострадание, южная — изобилие, западная — богатство, восточная — знание. Эти категории осознавались в антагонизме с их противоположностями — соответственно с грехом, бесплодием, нищетой, невежеством. Более того, семантика закладывалась и в развитие пространства условного куба по вертикали: верх — жизнь, мир, добро, низ — смерть, распри, зло [677, цит. по 137, с. 47]. В средневековье клуатр и весь ансамбль монастыря с садом — символом Эдема — рассматривались как идеальная модель мира, совершенное этико-эстетическое пространство, предельно огражденное от окружения — «упорядоченное и украшенное, обжитое и дружественное человеку — в противоположность «тьме внешней» (Евангелие от Матфея, 22, 13), лежащему за стенами хаосу» [1, с. 364; 137, с. 44].

Однако следует дополнить, что в XVI–XVIII вв. особенностью монастырей стало сочетание двух противоположных начал. С одной стороны, комплекс внутренне замкнут в функциональном и пространственном отношениях, огорожен от прилегающей среды глухой стеной, с другой — выражена тенденция включения монастыря в общественную жизнь города и соседних поселений, в видовые картины архитектурного пейзажа. Как отмечено, костел и главный корпус за стеной сильно приближены к площади или улицам и воспринимались отсюда из ближних точек; иногда храм непосредственно выходил на площадь главным фасадом.

Возведение католических и униатских монастырей обусловило самобытность белорусского градостроительства XVI–XVIII вв., его культурную многослойность. На характерном для древних восточнославянских княжеств вообще градостроительном субстрате, таком, например, как веерно-ветвистая полукольцевая планиро-

вочная система, существовали архитектурные ансамбли, типичные для средневековой Западной и Центральной Европы.

Примечательно, что общность христианской веры и большинства положений богословской догматики не определили похожесть структуры католических, униатских, многих православных белорусских и, с другой стороны, православных русских монастырей. Свойственные градостроению Руси трактовка всего комплекса во образ горнего Иерусалима с центральной постановкой собора, символизирующего престол Св. Троицы, размещением келий — «жилищ праведных» — по периметру прямоугольного плана, а также вообще концентричность зон застройки и обязательная ориентация на восток Святых ворот в монастырь [441, с. 300, 301] не наблюдались в обителях белорусских городов.

Принадлежность храма XVII—XVIII вв. к тому или иному католическому ордену либо его униатская конфессиональность в определенной мере обусловливали объемную композицию, главным образом принципы построения силуэта. К ним относились: наличие и число башен, присутствие колокольни, декоративного щипцового завершения, купола на барабане. Причины, очевидно, кроются в следовании установившимся традициям ордена, которые могли носить региональный и интернациональный характер, в цитировании выдающихся и почитаемых архитектурных первообразов. Вероятно, существовали и предписания со стороны Ватикана, касающиеся материально-образной атрибутики того или иного церковного братства, созданного на сюжетно-теологической основе.

Черты храмовых композиций, свойственные тому или иному ордену, могут увязываться с существованием местных архитектурных школ при некоторых монастырях, хотя авторство большинства культовых зданий неизвестно. Кроме преподавания слушателям курсов зодчества архитекторы, входившие в служебный штат монастыря, вероятно, выполняли проекты для самой обители и за ее пределами. Например, при Витебском иезуитском коллегиуме известны архитекторы, работавшие в различные годы, — В. Дягилевич (1694—1695), М. Скоковски (1794—1796), профессор архитектуры К. Ангиолини (1786—1801) [734, с. 259]. В Витебске обучали зодчеству и в школе пиарского монастыря, в связи с чем под 1801 г. упоминается преподаватель Ш. Савицкий [712, с. 269].

Отметим особенности храмов некоторых орденов. Костелы иезуитского ордена в Витебске,

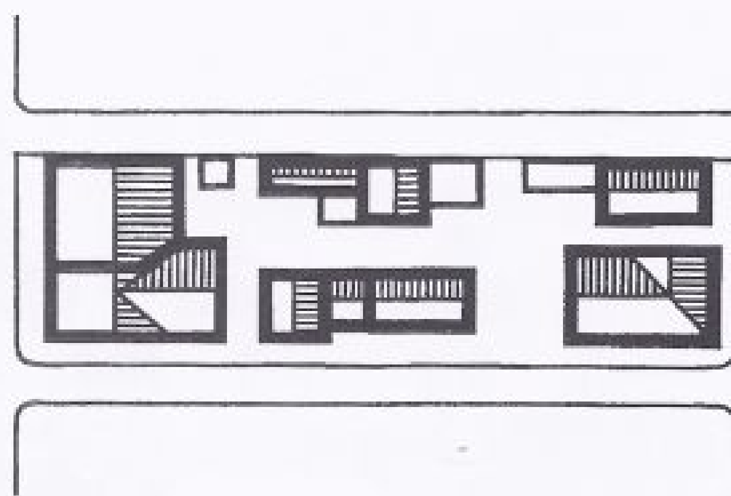

Рис. 218. Слоним. Жилой квартал преимущественно сплошной застройки

Гродно, Полоцке при всем различии облика имели неизменно повторяющиеся черты: две башни главного фасада большой высоты с четырех- или пятиярусной композицией и купол на барабане над средокрестием. Один из первых в ВКЛ иезуитских храмов, несвижский, как и последующие, обладает барабаном с куполом, однако главный фасад решен в виде высокого щита. Получившая развитие позднейшая схема хорошо корреспондировалась с претензией ордена на главенствующую идейную и художественную роль в облике города, поскольку обеспечивала большое число и ярусность вертикальных акцентов костельного объема, создавала предпосылки для особо живописного, контрастного сочетания разнохарактерных форм. Безкупольные иезуитские храмы также всегда отличались двумя башнями по главному фасаду.

Костелы францисканского ордена характеризовались иными композиционными типами. В первом из них башни отсутствовали (Гольшаны, Гродно) или были невелики (Пинск), а превалирующее значение приобретал монументальный барочный щипец. Другая особенность — применение пристроенной или отдельно стоящей колокольни, важного высотного элемента всего монастырского ансамбля, что эстетически обоснованно для поддержки слабо выраженной в этом типе темы вертикализма (Гродно, Пинск). Второй тип отличался двумя башнями над входной частью здания с тремя-пятью ярусами, а купол не использовался (Ивенец, Полоцк).

В костелах доминиканского ордена часто наблюдалась безбашенная композиция, где основным носителем средств художественной выразительности тоже выступал богато декорированный щит, помещенный над притвором, иногда дополненный по сторонам второстепенными вертикальными акцентами (Брест, Минск, Новогрудок, Полоцк).

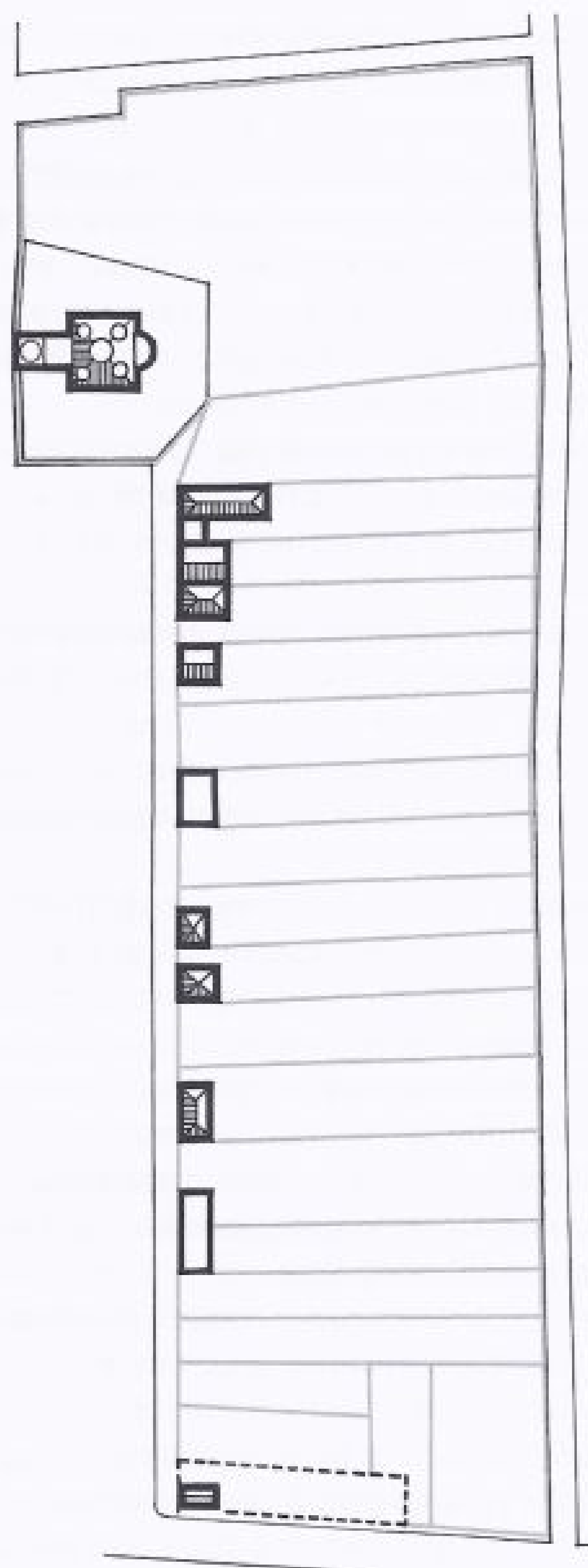

Рис. 219. Мир. Квартал преимущественно усадебной застройки

В отличие от перечисленных бернардинский орден располагал костелами самых разнообразных композиционно-силуэтных схем. Известны примеры двухбашенных решений (Витебск, Дубровно, Ивье, женский монастырь в Минске, Могилев, Мозырь, Мстиславль, Орша, Полоцк, Слуцк), однобашенных (Друя, женский монастырь в Гродно, два монастыря в Слониме), безбашенных с декоративным щипцом (мужской монастырь в Бресте, Воложин, мужской монастырь в Минске, Несвиж, Пинск), безбашенных со щитом и пристроенной колокольней (Березино, мужской монастырь в Гродно). Иконография по ряду утраченных бернардинских храмов второй половины XVIII в. опубликована в [29].

Территории между линейными и узловыми компонентами планировочного каркаса города являлись почти полностью жилыми зонами. Жилые кварталы следует разделить на типы в зависимости от способа застройки. К первому типу относились кварталы преимущественно сплошной застройки. Она сложилась по периметру кварталов как сплошной фронт фасадов, в ряде случаев с малыми промежутками между домами. Внутриквартальная территория была занята небольшими дворами с подсобными постройками.

Второй тип — кварталы преимущественно усадебной застройки, которые отличались размещением жилых зданий по периметру с интервалами между собой и значительными усадебными участками. Здания выходили на линию застройки улицы, но встречалось и расположение домов зажиточных горожан с отступом от линии застройки и организация перед ними части территории усадьбы.

Участок при рядовом жилом доме обычно был занят садом, огородом и хозяйственными постройками, число которых по планам конца XVIII и первой половины XIX в. изменялось от 1 до 6. Как правило, земельный надел имел прямоугольную конфигурацию. Меньшей стороной он выходил на площадь или улицу, большая сторона определяла его длину. В Мире, например, участки приобрели конфигурацию вытянутых полос земли. Длина участков была примерно одинаковой, а ширина могла изменяться.

Площади наделов варьировались в зависимости от состоятельности владельца и, как прослежено выше на примере Пинска, от места в плане города. В Слониме на Ружанской улице площади участков составляли от 910 м^2 (42,6 саж. × 21,3 саж.) до 1820 м^2 (42,6 саж. × 42,6 саж.). Массовое городское жилье в кварталах обоих типов характеризовалось малым масштабом и имело один-два этажа, иногда с мансардой или мезонином [555, с. 164—167].

В завершении настоящей главы, посвященной композиции основных комплексов застройки, обратимся еще раз к площадям как наиболее ценным объектам и дадим им краткую характеристику. В результате исследования определены ведущие свойства и разработана типология комплексов застройки площадей. Прослежены также процессы формирования и выявлена система принципов и приемов композиции наиболее примечательных ансамблей, основное содержание которой заключается в следующем.

В Беларуси получила распространение планировочная форма, известная в западно- и центральноевропейском средневековом градостроительстве, — площадь веретенообразных (чечевицевидных, линзоподобных) очертаний.

Основными принципами композиции слонимского барочно-классицистического ансамбля «длинного рынка» как примечательного примера рассматриваемых объектов являлись:

предположительно, обусловленность веретенообразного вида площади вытянутой конфигурацией зоны пересечения межселенных коммуникаций возле замка в условиях прибрежной холмистой местности;

ориентация улиц на доминанты с использованием различных приемов — при движении многоэтапное завершение перспективы улицы разными акцентами (до 8), одновременное двойное и тройное замыкание одного направления зданиями разной высоты, наличие трасс с двухсторонним завершением, выбор как ориентиров оси коммуникации разных элементов сооружений, многообразие взаимного положения объемов и направленных на них улиц;

уровневость высотной композиции и применение как частного приема четырех высотных уровней — одноэтажная, двухэтажная застройка, основные объемы храмов, звонницы; а также прием нюансной пропорции между высотами доминант и рядовых зданий;

равновесие основных архитектурных масс с использованием приема парности элементов двух длинных, а также двух коротких сторон площади; прием трактовки торговых рядов как оси, подчеркивающей крестообразный характер этих связей;

отсутствие общего внутреннего пространства, несколько относительно самостоятельных пространств, каждое из которых в случае рассматриваемого ансамбля обладало доминантой; их формирование по принципу нацеленности перспективы на ведущие здания площади или за ее пределами;

наличие в середине XIX в. типов массовых жилых построек — одноэтажное или двухэтажное здание, обращенное длинной стороной к площади; одноэтажный с мансардой дом, торцевым фасадом с фронтоном выходящий на площадь; одноэтажное здание с мезонином, размещенное продольной осью вдоль площади; распространение типов на архитектуру всего города.

Композиционными приемами также служили:

единство в композиции застройки свободно сложившихся, средневековых по характеру элементов и нового, созданного по регулярному замыслу барочного дворцово-паркового ансамбля, открытого к пространству площади;

в качестве проявления средневекового характера ансамбля отсутствие высотного сооружения с бесспорно преобладающей ролью, что свойственно и ряду других средневековых площадей, в отличие от большинства ансамблей Нового времени, имевших выраженную главную доминанту;

организация пространства ансамбля апсидными и боковыми фасадами храмов и зрительное удаление от ее периметра башен культовых сооружений.

Выдающееся градостроительное произведение последней четверти XVIII в. — ансамбль главной площади Постав с застройкой в стиле барокко на регулярной планировочной основе средневекового характера, отличался принципами композиции:

типизация строительства с формированием трех типов зданий: обращенный к площади торцевым барочным щипцом одноэтажный жилой дом, выходящее на площадь более длинным фасадом двухэтажное общественное здание, обращенная к площади длинным фасадом одноэтажная общественная постройка с мезонином; сочетание типизации с вариантностью декора и его ансамблевое единообразие;

модульность планировочного решения сторон площади и использование в качестве приема двух модулей; активное применение ритма с формированием большого и малого метрических рядов;

уровневость высотной композиции и применение как частного приема трех высотных уровней — одноэтажная застройка, двухэтажная застройка и основные объемы храмов, звонницы;

равновесие, воплощенное различными приемами — в ансамбле в целом (формирование застройки на всех сторонах, примыкание улиц к каждому углу площади, размещение доминирующих элементов на противоположных длинных сторонах, равная этажность на противоположных коротких сторонах), в застройке сторон как законченных составляющих ансамбля (симметрия западной и южной сторон, равновесная треугольная в плане схема архитектурных масс восточной стороны), в пространственных связях отдельных элементов композиции (парное равновесие между объектами первого высотного уровня, второго и третьего, а также третьего между собой);

системность умозрительных линий построения — геометризованный подход с применением

приема узловых точек планировочного построения и обозрения, приема взаимосвязи граней и осей архитектурных объемов.

Использованы также композиционные приемы:

равнозначное воплощение на основе контраста симметрии и асимметрии в организации застройки; общность типа зданий на симметричной и асимметричной сторонах, отличие типов на симметричных сторонах;

создание симметричных систем из трех элементов в композиции застройки сторон площади, в целом тенденция троичных комбинаций внутри художественной структуры ансамбля; зрительное усиление флангов стороны площади блокировкой трех разнохарактерных зданий в асимметричные угловые группы.

Барочно-классицистический ансамбль административно-культовой площади Полоцка, воздвигнутый на ренессансной планировочной основе, характеризовался принципами композиции:

симметрия пространственной организации с четким выделением главного сооружения — одновременно главной доминанты города; как частный прием — включение отдельных асимметричных элементов, обогащавших композицию ансамбля при сохранении принципа симметрии;

равенство основных планировочных и высотных размеров построения ансамбля, направленное на гармонизацию композиции;

ограниченно примененная модульность элементов застройки и пространств;

контраст с использованием различных приемов — в соотношениях по объему, высоте, характеру силуэта доминант и рядовых зданий; в пространственных связях между рядовыми постройками; в сочетании многоосевой структуры фасада главного сооружения и одноосевом построении фасадов остальных зданий; в соподчинении лаконично оформленных монастырских корпусов пластически развитым барочным фасадам храмов; в укрупнении декора иезуитского костела и измельчении архитектурного убранства соседних зданий, что служило приемом иллюзорного увеличения его объема;

равновесие, воплощенное различными приемами, из которых наиболее выразительные — равновесие по треугольной и диагональной схемам;

подобие, разделявшееся на приемы прямого подобия архитектурных элементов и подобия пропорций разнохарактерных по природе объемно-пространственных форм.

Приемами композиции ансамбля также являлись:

удвоения в пропорциях высот главной, второстепенной доминант и рядовой застройки — 4:2:1; в развитой ярусной структуре главной доминанты — 12:6:4:2:1;

единая этажность фоновых построек по периметру площади;

сходный масштаб фасадов фоновых построек;

объединение групп зданий глухой оградой для усиления пространственной целостности.

Среди ансамблей эпохи классицизма выдающимся образцом служат ратушная, культово-административная и торговая площади Витебска. Они созданы в результате преемственного преобразования территории с нерегулярным средневековым характером планировки как интерпретация исходных структурных особенностей ядра городского центра. На примере площадей прослеживаются принципы композиции асимметричных градостроительных форм, свойственные эстетике классицизма:

единство размеров элементов застройки или пространств, общих по природе или разнохарактерных;

ограниченно использованная модульность объемов и пространств с принятием в качестве модуля важного параметра одного из существовавших зданий;

системность умозрительных линий построения с применением приемов совпадения осей, а также их взаимной перпендикулярности, «ортогонализации» живописного целого для его упорядочения;

асимметрия пространственной организации с использованием приема включения отдельных симметричных элементов;

регулирование, романтизированная идеализация неправильной средневековой планировочной основы формированием упрощенных повторяющихся геометрических фигур, образно близких между собой по начертанию (треугольник, трапеция);

подобие на основе приема единства композиционных схем, образования стереотипов решения отдельных составляющих ансамбля;

видовое раскрытие частей ансамбля между собой, к природному окружению и другим городским комплексам;

организация визуальных осей с применением приемов их формирования внутри площадей и с использованием прямых и обратных зрительных связей вдоль подводящих улиц;

организация узловых точек восприятия (приемы неожиданного видового раскрытия городского

пейзажа, фиксации оптимального угла обозрения главного здания ансамбля);

сочетание единства и дифференцированности в декоративном убранстве фасадов.

Композиционными приемами также служили:

удвоения и утроения в планировочной композиции;

развитие сложившейся в эпоху барокко неповторяемости числа высотных акцентов в объемной композиции доминант.

В отличие от ансамбля Витебска в застройке Соборной и культовой площадей Бобруйска классицистическая романтизация ориентирована не «вовнутрь», на осознание закономерностей объекта реконструкции, а «вовне», на освоение абстрактных образцов, свойственных средневековью и уходящих корнями в греческую античность. Принципами композиции площадей являлись:

асимметрия художественного построения ансамбля с использованием приема включения отдельных симметричных составляющих, «симметрии в асимметрии»;

жесткая геометризация плана, образно созвучная военному назначению города: использование целочисленных размеров, а как модулей — длины и ширины главного сооружения; равенство основных размеров разных по градостроительной роли объемов или пространств; тесная увязка композиционных осей зданий и их групп, в том числе создаваемых и существующих;

романтическая нацеленность проектного метода на идейно-художественное освоение и интерпретацию средневековых форм посредством приемов: сопряжение, похожее на примыкание углом двух прямоугольных площадей разной функции; типичная для готической планировки трассировка семи улиц от углов площади, где роль одной из них выполняло пространство малой площади; исторические реминисценции XVII—XVIII вв. в архитектурном образе храма;

строгое регулирование высотной композиции с применением приемов единого горизонта венчающего карниза всех основных новых сооружений, доминирования собора по вертикали лишь за счет звонницы и купола;

одинаковые пропорции частей композиции собора, а также храма и застройки периметра Соборной площади, способствующие художественному единению форм.

Использованы также композиционные приемы:

удвоения и утроения в пропорциональном строе собора;

формирования системы наилучших точек восприятия ведущей доминанты под оптимальным углом зрения.

Соборная площадь иллюстрировала эволюцию категории архитектурного масштаба, принципа выделения главного сооружения в рамках развития классицизма от этапа становления стиля до ампира 1830-х годов. В полоцкой культово-административной площади как барочно-классицистическом произведении доминанта выявлялась среди фоновых строений огромными абсолютными и относительными размерами, наращиванием элементов архитектурной массы, сложностью убранства, числом фасадных ярусов. В бобруйском же ансамбле основное здание преобладало за счет предельного укрупнения, монументализации масштаба, брутальной упрощенности частей композиции сравнительно с детализировкой периметра площади при вертикальном акцентировании над единым горизонтом сравнительно невысоких форм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании автором предпринята попытка выполнить теоретическое обобщение процессов развития градостроительства Беларуси в исторический период второй половины XVI — первой половины XIX в., раскрыть содержание средневекового, ренессансного, барочного и классицистического планировочного искусства. В монографии выявлены свойства пространственной организации городских поселений и их основных комплексов застройки, отражающие значение национальной градостроительной культуры. Полученные в итоге исследования новые теоретические результаты способствуют развитию историко-архитектурной науки. Наиболее важные из них заключаются в следующем.

На основе большого фактологического материала, серии аналитических разработок, типологий и обобщений широко и подробно показана градостроительная культура Беларуси, продемонстрированы ее исторически значимые достижения. Охарактеризована пространственная организация городских поселений, общественных центров, отдельных комплексов застройки. Выполнены графические реконструкции планов и фасадов ансамблей, графоаналитические разработки; введены в научный обиход новые документы. Указанные материалы позволили значительно дополнить существовавший преимущественно текстологический и иллюстративно-фиксационный подход к изучению градостроительства.

В монографии разработано, в контексте европейской архитектуры, целостное научное представление об эволюции градостроительства Беларуси во второй половине XVI — первой половине XVIII в., включавшего три направления: свободно сложившиеся, нерегулярные планировочные структуры, возникшие в X—XIII вв. и развивавшиеся преемственно; средневековые по характеру (готические), регулярные структуры XVI — первой половины XVII в.; ренессансные структуры конца XVI — первой половины XVII в. Это позволило обоснованно определить градостроительство рассматриваемого периода как единое и синтетическое по содержанию явление национального зодчества.

Выполнена обобщающая историко-теоретическая характеристика градостроительных направлений с выявлением системы концептуальных отличительных и общих свойств их развития.

Определены основные признаки средневековых нерегулярных планировочных структур древнерусского генезиса: неправильные очертания линий застройки с произвольно изменяющейся шириной улиц, площадей, кварталов; многообразие типов систем планировки по конфигурации уличной сети и городских поселений по особенностям укреплений; закономерность сложения группы трех связанных разнофункциональных площадей центра.

Установлено, в отношении большей части Беларуси, существование готического направления градостроительства, происходящего из Западной Европы XIII—XIV вв. Подтверждены и дополнены признаки структур: прямолинейные очертания линий застройки, общий замысел и ортогональная планировка города или района, квадратная или Г-образная площадь с отходящими от углов улицами — продолжениями сторон, тяготение композиционных осей площади к сторонам. В большой группе поселений готическая планировка выявлена и дифференцирована по генезису.

Обнаружено распространение, установлены идейные основоположения и композиционные признаки ренессансных планировочных структур: прямолинейные линии застройки; общий замысел города; римско-античные традиции трассировки основных осей в виде четырехконечного или Т-образного креста с повтором пропорций кардо и декумануса, постановкой высотных крепостных ворот по концам осей и созданием на их пересечении прямоугольной площади симметричной схемы; планировочные приемы итальянского маньеризма; всепроникающая геометризация ком-

позиции (равенство размеров; узловые точки, оси, окружности построения).

Прослежены общие свойства развития градостроительных направлений:

закономерности взаимоположения замка и главной торговой площади, отражающие степень трансформации древнерусских основ структуры под влиянием западноевропейского зодчества;

закономерности формирования в планах городов художественно организованных схем размещения храмов (концентрические окружности или полуокружности с радиусами, треугольники с выделением главного, крестообразная фигура, линейная зигзагоподобная конфигурация);

принципы композиционного равновесия и неравновесия архитектурных масс и пространств;

приемы подобия разных по природе градостроительных элементов в пределах поселения.

Разработана система научных воззрений на градостроительство классицизма второй половины XVIII — первой половины XIX в. как типологически, структурно-планировочно и эстетически содержательный феномен, освоивший исторический опыт художественного мышления.

Выявлены методы реконструкции городских поселений и их элементов в зависимости от степени преемственности существовавшей структуры, типы планировок по конфигурации уличной сети. Определены функциональные и художественные приемы эстетического единообразия города и живописности планиметрических стереотипов. Установлены типы структур общественных центров, приемы организации главного проспекта. В классицистическом градостроительстве обнаружена тенденция романтизма, представленного двумя направлениями: медиевистским, включившим две художественные ветви (интерпретации традиций средневековой нерегулярной и готической планировки), и ренессансным, воспроизводящим каноны структуризации планов Возрождения.

Определены особенности пространственной организации центров поселений, представляющие градостроительную идеологию стиля: преемственность культурных традиций; модульность и углубленная геометризация планировочных композиций; образная торжественность объемно-пространственных решений; формирование системы эффектных, узловых зрительных точек; выверенная сценографичность видовых картин.

Выполнены многоуровневые типологические построения с разработкой сводной типологии комплексов застройки площадей второй половины XVIII — первой половины XIX в., включающей их исходные типологии по функции, времени образования планировочной основы, пространственным признакам.

По функции выделены площади: главная, торговая, культовая, административная и др. По времени образования планировочной основы площади дифференцированы на классы: I) с нерегулярной средневековой основой, формировавшейся в XI—XVIII вв.; II) с готической или ренессансной основой XVI—XVII вв.; III) с барочной основой второй половины XVIII в.; IV) площади, планировка которых преобразована или создана в период классицизма во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Класс IV по генетическим особенностям разделен последовательно на подклассы и группы. Разработана, по предложенной методике, многоуровневая типология площадей по пространственным признакам с установлением критериев: время образования планировочной основы, главный отличительный планировочный признак, наличие замковых сооружений, число культовых и гражданских доминант, застроенное или свободное внутреннее пространство, замкнутое или открытое внутреннее пространство, специфичные морфологические признаки. Каждый из уровневых критериев определил последовательно классы, виды, подвиды, типы, подтипы, группы, подгруппы объектов с установлением 132 подгрупп как низовых типологических единиц (табл. 3).

Прослежены процессы формирования и обнаружена система принципов и приемов композиции наиболее примечательных ансамблей площадей, что позволило выявить их как произведения искусства и в качестве значимой составляющей градостроительства второй половины XVIII — первой половины XIX в.

Основные принципы заключаются в следующем: дискретность внутреннего пространства площади; системность умозрительных линий построения; равенство и целочисленность размеров; ограниченные модульность и типизация; единство пропорций; разнохарактерное подобие; ритм; контраст; равновесие, часто по парной и треугольной схемам; высотная уровневость; организация по разным критериям узловых точек пространственного построения и восприятия; формирование визуальных осей; геометрическая идеализация при реконструкции; тенденция романтизма; и др. Наиболее важные приемы: удвоения и утроения в пропорциональном строе, троичные комбинации, неповторяемость элементов, сочетания симметрии и асимметрии и др.

Выявлена система символов сакрализации города, означающих уподобление раннехристианским столицам и воплощение теологических понятий. В Полоцке: треугольный план наподобие Константинополя и во образ Св. Троицы; семь возвышенностей, занятых городом, наподобие Рима и Константинополя; размещение Софийского собора на холме мыса в древнейшей крепости, соотношение места храма и очертания большей акватории, ориентация его фасадов к компонентам окружающего природного ландшафта, восприятие собора в завершении осевых видов вдоль акваторий наподобие Константинополя; последовательность — церковь XI—XIII вв., Софийский собор, ворота башни городской стены, ручей с переездом, сад, иезуитский костел, наподобие храмов Гроба Господня и «Святая Святых», Золотых ворот, потока Кедрон, Гефсиманского сада и часовни Вознесения Господня в Иерусалиме. В Несвиже это квадратный план, три доминирующих элемента с каждой стороны, главный элемент в центре квадрата во образ Небесного Иерусалима.

Выделены связанные священная нумерология и фигуративный подход. Числа три, четыре, семь, двенадцать символизировали богословские понятия. Выявлены особенности: трехчастный план города, района; расположение объектов по треугольной схеме, тройственность таких схем; три фокуса схождения улиц; ориентация трех улиц на каждый храм; три главные доминанты; треугольные площади; семь и двенадцать отходящих от площади улиц, храмов в кольцах доминант, бастионов; и др. Фигуративный подход обнаружен в формировании креста (схема размещения доминант, структура общественного центра и кварталов вокруг площади), города в виде квадрата (символ опоры мироздания) и круга (символ совершенства Божества), использовании языческих знаков (зигзаг в композиции ансамблей крепости — оберег от молнии, или огнестрельного оружия).

Определены черты общности белорусского и русского градостроительства до середины XVIII в.: типы нерегулярных планировок, уличная сеть некоторых детинцев, особенности размещения храмов (создание художественной темы пространственного амфитеатра, завершение перспектив коммуникаций, формирование осей доминантами с их постановкой по обе стороны вблизи оси, образование групп из двух-трех сооружений), принцип композиционного равновесия, семантико-теологическая основа структур.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица 1

Периодизация возникновения городских поселений

Поселение	Время заселения территории по археологическим данным с последующим непрерывным формированием поселения. Первое упоминание в письменных источниках
1	2
Эпохи Киевской Руси (вторая половина IX — начало XII в.), феодальной раздробленности (XII—XIII вв.) и более ранний период	
Бобруйск	XI в., 1387 г.
Борисов (на новом месте)	XIII в., середина XV в.
Брагин	XII в., 1147 г.
Браслав	IX в., 1065 г.
Брест	XI в., 1019 г.
Быхов	X в., 1393 г.
Витебск	VI в., 974 г.
Волковыск	X в., 1252 г.
Гомель	IX в., 1142 г.
Гродно	Конец X в., 1127 г.
Давид-Городок	Начало XII в., XIV в.
Дисна	XI в., 1563 г.
Заславль	X в., 1127 г.
Каменец	X в., 1276 г.
Клецк	Конец X в., 1127 г.
Кобрин	XI в. (по преданию) и 1287 г.
Койданово (Крутогорье)	XI в., 1146 г.
Копысь	XI в., 1056 г.
Кричев	Конец XI в., 1136 г.
Логойск	X в., 1078 г.
Лоев	XI в., 1505 г.
Любча	Середина XIII в.
Минск	Вторая половина XI в., 1067 г.
Могилев	XII в., 1267 г. (по преданию)
Мозырь	XII в., 1155 г.
Мстиславль	XII в., 1136 г.
Новогрудок	Конец X в., 1044 г.

Продолжение табл. 1

1	2
Новый Мядель	X в., 1463 г.
Орша	X в., 1067 г.
Петриков	X в. (по преданию) и XV в.
Пинск	XI в., 1097 г.
Полоцк	862 г.
Пропойск	XI в., 1136 г.
Речица	Конец X в., 1213 г.
Рогачев	1142 г.
Свирь	XIII в. (по преданию)
Слоним	Первая половина XI в., 1252 г.
Слуцк	IX в., 1116 г.
Столин	XII–XIII вв.
Стрешин	XII в., вторая половина XIV в.
Сураж	IX в., 1570 г.
Туров	X в., 980 г.
Чечерск	X в., 1159 г.
Средневековый и ранний ренессансный период Великого княжества Литовского (вторая половина XIII в. – 1569 г.)	
Белыничи	Середина XVI в.
Береза	1477 г.
Березино	1501 г.
Бешенковичи	1447 г.
Большая Берестовица	Начало XVI в.
Верхнедвинск	1386 г.
Видзы	Середина XV в.
Воложин	XIV в.
Ворняны	1391 г.
Высокое	XIV в.
Глубокое	1514 г.
Глуск	Вторая половина XV в.
Гольшаны	Конец XVI в., около 1280 г.
Городок	Вторая половина XIII в.
Докшицы	1407 г.
Дрогичин	1452 г.
Друя	1386 г.
Дубровно	Начало XVI в.
Дятлово	1440–1450-е годы
Желудок	Вторая половина XV в.
Жировичи	Вторая половина XV в.
Иваново	XIV в.
Ивенец	Вторая половина XV в.
Ивье	Первая половина XV в.
Игумен	1387 г.
Климовичи	XIV в.
Копыль	1274 г.
Кореличи	1395 г.
Коссово	1494 г.
Крупки	Середина XVI в.
Лельчицы	XVI в.

Продолжение табл. 1

1	2
Лепель	1439 г.
Лида	1320—1330-е годы, 1380 г. (по другим данным, 1180 г.)
Логишин	1552 г.
Ляховичи	XV в.
Миоры	1514 г.
Мир	1395 г.
Несвиж	1446 г.
Новый Свержень	XVI в., 1568 г.
Озеры	1398 г.
Островец	XV в., 1468 г.
Ошмяны	1340-е годы (по другим данным, XI в.)
Паричи	XVI в.
Порозово	XV в.
Поставы	1522 г.
Пружаны	1487 г.
Радошковичи	1447 г.
Ружаны	1552 г.
Сенно	1525 г.
Скидель	XVI в.
Смоляны	XV в.
Сморгонь	XV в.
Старый Мядель	1454 г.
Столбцы	Первая половина XVI в.
Толочин	1433 г.
Уваровичи	Конец XV в.
Ушачи	XVI в.
Хойники	1512 г.
Хотимск	1430 г.
Чаусы	Середина XVI в.
Шерешево	1380 г.
Шклов	Первая половина XVI в.
Щучин	XVI в.
Ренессансный, барочный и классицистический период Речи Посполитой (1569—1795 гг.), классицистический период Российской империи (1772 г. — середина XIX в.)	
Антополь	1718 в.
Бабиновичи	Конец XVI в.
Белица (на новом месте)	1785 г.
Вилейка	1599 г.
Ельск	XVI в.
Краснополье	1784 г.
Любань	XVI в.
Наровля	XVIII в.
Чериков	Вторая половина XVI в.

П р и м е ч а н и е. Сведения приводятся по энциклопедическим изданиям. При отсутствии в них археологических данных приводится только первое упоминание в письменных источниках.

Таблица 2

Городские поселения с регулярной планировкой средневекового генезиса, созданной в XVI — первой половине XVII в.

Города, во второй половине XVIII в. имевшие готическую композицию плана	Города, во второй половине XVIII в. частично имевшие готическую композицию плана
1	2
Брестская обл.	
Береза*	Брест
Давид-Городок	Высокое
Иваново	Кобрин
Коссово	Ляховичи
Логишин	Пинск
Пружаны	Шерешево
Ружаны	
Витебская обл.	
Глубокое	Видзы
Дисна*	Витебск (предположительно)
Докшицы	Друя*
Дубровно	Лепель
Миоры	Орша
Поставы	Перебродье*
Сенно*	Смоляны
Толочин	Ушачи*
Гомельская обл.	
Ельск	Хойники
Лельчицы	
Паричи	
Петриков	
Уваровичи	
Гродненская обл.	
Дятлово	Большая Берестовица
Еремичи*	Гольшаны
Ивье*	Гродно
Любча*	Жировичи*
Нехневичи*	Кореличи
Озеры*	Слоним*
Островец	
Скидель*	
Сморгонь*	
Минская обл.	
Березино	Голынка*
Борисов	Заславль
Воложин	Минск
Клецк*	Новый Мядель
Койданово	Радошковичи
Копыль	Слуцк
Крупки	Старый Мядель*

Продолжение табл. 2

1	2
Любань	
Столбцы*	
Червень	
Могилевская обл.	
Белыничи	Могилев
	Чаусы*
	Чериков

Примечания: 1) приводится современное административно-территориальное деление; 2) знаком * указаны поселения, наличие в которых регулярной планировки впервые отмечено В. Ревеньской и другими авторами.

Таблица 3

СВОДНАЯ ТИПОЛОГИЯ КОМПЛЕКСОВ ЗАСТРОЙКИ ПЛОЩАДЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Типология площадей по времени образования планировочной основы

Класс I	Класс II	Класс III	Класс IV			
			Площади, планировка и застройка которых преобразованы или созданы в период классицизма во второй половине XVIII — первой половине XIX в.			
Средневековая нерегулярная планировочная основа	Готическая или ренессансная планировочная основа XVI—XVII вв.	Барочная планировочная основа второй половины XVIII в.	со средневековой нерегулярной планировочной основой, подвергнутой реконструкции		с готической или ренессансной планировочной основой	новые площади на свободной или застроенной территории
			сохранившие общие черты существовавшей планировочной основы	с коренным изменением существовавшей планировочной основы		
1	2	3	4	5	6	7
Главная площадь городского поселения						
Волковыск Ивенец Климовичи. Главная площадь до конца XVIII в., затем — культового назначения Лида Новогрудок Слоним Ошмяны Хотимск	Белыничи Большая Берестовица Борисов Быхов Видзы Воложин Высокое Глубокое Глуск Гольшаны Гродно Дисна Докшицы Друя Дятлово Заславль Ивье Мир Несвиж Новый Мядель Пружаны Ружаны Старый Мядель Толочин	Ворняны Желудок Щучин	Вилейка. Главная площадь до начала XIX в., затем — культового назначения Витебск. Ратушная площадь Минск. Нижний рынок. Главная площадь до начала XVI в., затем — торгово-культовая Пинск	Бобруйск. Площадь ликвидирована Гомель Кричев. Площадь ликвидирована Копысь. Площадь ликвидирована Лепель. Главная площадь до конца XVIII в., затем — торговая Мозырь Мстиславль. Площадь ликвидирована Речица. Площадь ликвидирована Рогачев Орша Туров Чечерск	Брест. Площадь ликвидирована Давид-Городок. Главная площадь до начала XIX в., затем — культового назначения Дубровно. Главная площадь до конца XVIII в., затем — культового назначения Игумен Кобрин Минск. Верхний рынок Полоцк Чаусы. Главная площадь до конца XVIII в., затем — торгово-культовая Чериков	Бабиновичи Белица Бобруйск. Соборная площадь Брест. Площадь Кобринского форштадта Вилейка. Главная площадь с начала XIX в. Городок Давид-Городок Дрисса Дубровно Климовичи Копысь Лепель Мстиславль Речица Сураж Чаусы

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
Торгово-культовые площади						
Витебск. Основная площадь Задвинского посада. Утрачена к концу XVIII в. до регулярной перепланировки Лида. Площадь у Крестовоздвиженского костела Могилев. Площадь перед Троицкой церковью в Троицком посаде. Утрачена к концу XVIII в. до регулярной перепланировки				Минск. Площадь перед парафиальным костелом и Троицким монастырем в Троицком посаде. Ликвидирована при реконструкции Могилев. Площадь Покровского посада Могилев. Площадь Луполовского предместья Орша. Площадь Заоршинского посада «для продажи разных продуктов»	Брест. Площадь у синагоги. Ликвидирована при реконструкции	Минск. Рынок перед киркой и церковью архиерейского двора Могилев. Площадь перед Воскресенской церковью, иезуитским, фарным и кармелитским костелами
Площади преимущественно торгового назначения						
Ошмяны. Рынок на ул. Виленской	Друя. Старый рынок Несвиж. Площадь Нового города Несвиж. Площадь предместья Казимиров			Орша. Площадь Наднепровского посада «для продажи разных продуктов» Туров. Приречный торг	Орша. Площадь Наднепровского посада. Ликвидирована при реконструкции	Бабиновичи. Сенная площадь Белица. Рыбная и мясная площадь Белица. Хлебная и соляная площадь Белица. Сенная площадь Бобруйск. Площадь Минского форштадта Бобруйск. Площадь Слуцкого форштадта Витебск. Полоцкая площадь Витебск. Могилевский рынок Витебск. Смоленская площадь Витебск. Площадь Задвинского посада при въезде в город

Витебск. Площадь перед северным фасадом ратуши						
Городок. Соляная площадь						
Городок. Торговая площадь района расселения еврейской общины						
Игумен						
Климовичи. Площадь с хлебными и мясными рядами						
Климовичи. Площадь с соляным магазином и гауптвахтой						
Копысь. Площадь для хлебной торговли						
Копысь. Площадь в юго-западной части города						
Лепель. Площадь в южной части города						
Мстиславль. Площадь для гостиного двора и торговых рядов						
Мстиславль. Площадь для хлебных и мясных рядов						
Мстиславль. Площадь в северо-восточной части города						
Полоцк. Основная торговая площадь						
Полоцк. Площадь в восточной части города						
Полоцк. Площадь Задвинского посада						
Полоцк. Площадь северного посада						
Рогачев. Площадь при въезде со стороны Могилева						
Сураж. Площадь для хлебных рядов						

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
						Сураж. Торговая площадь района расселения еврейской общины Чаусы. Площадь с хлебными и мясными рядами Чаусы. Площадь с соляным магазином Чериков. Площадь для хлебных и мясных рядов, соляного магазина и гауптвахты Чериков. Сенная и дровяная площадь
Площади преимущественно культового назначения						
Витебск. Площадь перед Успенской церковью монастыря базилианов Витебск. Площадь у церквей Иоанна Богослова и Рождественской. Утрачена к концу XVIII в. до регулярной перепланировки Витебск. Площадь возле пиарского монастыря. Утрачена к концу XVIII в. до регулярной перепланировки Витебск. Площадь перед монастырем базилианок Волковыск. Площадь возле униатской церкви Волковыск. Площадь перед иезуитским костелом Гродно. Площадь у базилианского монастыря	Белыничи. Площадь у синагоги Видзы. Площадь перед иезуитским костелом Докшицы. Площадь слободы Докшица Друя. Площадь возле доминиканского монастыря Несвиж. Площадь перед иезуитским коллегиумом Несвиж. Площадь у бернардинского монастыря Несвиж. Площадь возле синагоги Полоцк. Площадь у Богоявленского монастыря. Утрачена к концу XVIII в. до регулярной перепланировки Толочин. Синагогальный комплекс	Гродно. Площадь перед киркой	Бобруйск. Площадь возле иезуитского и приходского костелов Витебск. Площадь перед униатской Рождественской церковью	Брест. Площадь перед бернардинскими костелами. Ликвидирована при реконструкции Брест. Площадь возле униатской Николаевской церкви. Ликвидирована при реконструкции Брест. Площадь у доминиканского монастыря. Ликвидирована при реконструкции Брест. Площадь перед базилианским монастырем. Ликвидирована при реконструкции Быхов. Площадь у Троицкой церкви Витебск. Площадь возле Богоявленской церкви. Ликвидирована при реконструкции Витебск. Площадь у Петропавловской церкви. Ликвидирована при реконструкции	Борисов. Площадь у синагоги Быхов. Синагогальная площадь Давид-Городок. Площадь перед костелом Орша. Площадь возле Ильинской церкви. Ликвидирована при реконструкции Пинск. Площадь у синагоги района Каролин. Ликвидирована при реконструкции Чериков. Синагогальная площадь. Ликвидирована при реконструкции	Витебск. Площадь перед Троицкой (позже Покровской) церковью Витебск. Площадь возле Николаевской Завитьбенской церкви Гомель. Площадь перед синагогой Дубровно. Площадь у Покровской церкви Могилев. Площадь Иосифского собора Орша. Площадь перед базилианским монастырем Речица. Площадь у Воскресенской церкви, доминиканского костела и присутственных мест Рогачев. Площадь возле Михайловской церкви Чечерск. Площадь у Троицкого костела и церкви Рождества Богородицы

Гродно. Площадь возле синагоги Друя. Площадь у Спасской церкви Новогрудок. Площадь перед бернардинским монастырем Новогрудок. Площадь у Борисоглебской церкви Новогрудок. Синагогальная площадь Ошмяны. Площадь возле синагоги Полоцк. Площадь у Софийского собора. Частично утрачена к концу XVIII в. Слоним. Площадь перед приходским костелом Слоним. Площадь возле доминиканского костела Слоним. Площадь у синагоги Чаусы. Площадь перед приходской церковью				Витебск. Площадь перед Николаевской церковью. Ликвидирована при реконструкции Копысь. Площадь возле Преображенской церкви. Ликвидирована при реконструкции Кричев. Площадь главного культового ансамбля города. Ликвидирована при реконструкции Кричев. Площадь возле церкви Богородицы. Ликвидирована при реконструкции Кричев. Площадь у церкви Георгия Победоносца. Ликвидирована при реконструкции Кричев. Площадь «паперти» у Спасской церкви. Ликвидирована при реконструкции Кричев. Площадь перед синагогой. Ликвидирована при реконструкции Лепель. Площадь возле униатской церкви. Ликвидирована при реконструкции Минск. Площадь в замке. Ликвидирована при реконструкции Минск. Площадь перед синагогой. Ликвидирована при реконструкции Мстиславль. Площадь возле бернардинского монастыря. Ликвидирована при реконструкции		Чечерск. Площадь перед Преображенской церковью Чечерск. Площадь перед Вознесенской церковью

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5	6	7
				Мстиславль. Площадь перед Афанасьевской церковью. Ликвидирована при реконструкции Пинск. Площадь с восточной стороны иезуитского коллегиума. Ликвидирована при реконструкции Пинск. Площадь у синагоги. Ликвидирована при реконструкции Речица. Площадь перед униатской церковью. Ликвидирована при реконструкции		
Площади другого общественного назначения						
Волковыск. Административная площадь Гродно. Площадь перед корчмой в Заманье. Утрачена к середине XIX в.		Гродно. Система двух административных парадных площадей перед дворцом Тызенгауза и домом администратора Гродно. Площадь военно-производственного и учебного назначения района Городница Ошмяны. Административная площадь возле резиденции старосты		Брест. Дворцовая площадь перед резиденцией Чарторыйских. Ликвидирована при реконструкции Быхов. Площадь перед почтовым домом на выезде из города. Ликвидирована при реконструкции Витебск. Дворцовая площадь у резиденции генерал-губернатора		Белица. Площадь для административных и лечебных учреждений, торговли хлебом Бобруйск. Площадь военных парадов Витебск. Культово-административная площадь перед иезуитским коллегиумом Витебск. Административная площадь у зданий городской думы. Утрачена к середине XIX в.

						Гомель. Площадь с деловыми, торговыми и лечебными учреждениями в северной части центра. В середине XIX в. занята бульваром
						Гомель. Дворцовая площадь перед домами Н. П. Румянцева
						Минск. Площадь учебного назначения на Троицкой горе перед зданием духовной семинарии
						Могилев. Манежная площадь
						Пинск. Площадь с деловыми, торговыми и другими учреждениями в восточной части центра
						Чаусы. Площадь транспортной функции на въезде со стороны Могилева
						Чериков. Административная площадь

Продолжение табл. 3

Типология площадей по пространственным признакам

Критерии классификации			
Критерии классификации	***Время образования планировочной основы***	**Класс**	**1**
	Главный отличительный планировочный признак площади	**Вид**	**2**
	Наличие сооружений замка в застройке площади	**Подвид**	**3**
	Число культовых и гражданских высотных доминант	**Тип**	**4**
	Прием застроенного или свободного внутреннего пространства площади	**Подтип**	**5**
	Прием замкнутого или открытого внутреннего пространства площади к ландшафту и другим архитектурным комплексам	**Группа**	**6**
	Специфичные признаки площади	**Подгруппа**	**7**
	Назначение площади		**8**

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа					
2	Веретенообразная конфигурация					
3	Сооружения замка входят в застройку площади					Замок не входит в застройку площади
4	Однодоминантная площадь	Двухдоминантная площадь	Трехдоминантная площадь		Четырехдоминантная площадь	Двухдоминантная площадь
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений		Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство
6	Замкнутое внутреннее пространство					
7	Продольная ось площади ориентирована на замок. Доминанта размещена во внутреннем пространстве (Кричев)	Замок размещен посередине стороны площади. Одна доминанта сооружена на оконечности «веретена», другая — у стороны площади (Бобруйск)	Замок размещен примерно посередине стороны площади, две доминанты — на оконечностях «веретена», третья — на стороне напротив замка (Слоним)	Замок размещен посередине стороны площади, две доминанты — на оконечностях «веретена», третья — в центре площади (Минск, Низкий рынок в XII–XV вв., гипотеза)	Замок размещен примерно посередине стороны площади, две доминанты — на оконечностях «веретена», третья — на стороне напротив замка, четвертая — в центре площади (Слоним, XVI–XVII вв., гипотеза)	Одна доминанта размещена на оконечности «веретена», другая — у стороны площади (Витебск, площадь перед церквами Иоанна Богослова и Рождественской в последней четверти XVIII в.)
8	Главная					Преимущественно культовая

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа					
2	Неправильная многоугольная конфигурация					
3	Сооружения замка входят в застройку площади					
4	Однодоминантная площадь		Трехдоминантная площадь		Четырехдоминантная площадь	Пятидоминантная площадь
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений			Свободное внутреннее пространство
6	Замкнутое внутреннее пространство		Открытое внутреннее пространство			
7	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику, доминанта — у короткой стороны (Гомель, конец XVIII в.)	Площадь на территории детинца (Минск, конец XVIII в.)	Площадь сложной конфигурации. Доминанты размещены по принципу курдонера, обращенного к ландшафту или другим комплексам (Копысь, последняя четверть XVIII в.; Пинск, последняя четверть XVIII в.)	Площадь сложной Г-образной конфигурации. Доминанты находятся в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Орша, площадь Заоршинья в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанты размещены по принципу курдонера, обращенного к ландшафту или другим комплексам (Витебск, последняя четверть XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанты размещены по принципу курдонера, обращенного к ландшафту или другим комплексам (Могилев)
8	Главная	Преимущественно культовая	Главная	Культово-торговая	Главная	

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа				
2	Неправильная многоугольная конфигурация				
3	Замок не входит в застройку площади				
4	Доминанты отсутствуют				
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство			
6	Замкнутое внутреннее пространство			Открытое внутреннее пространство	
7	Площадь сложной Г-образной конфигурации (Речица, конец XVIII в.)	Площадь сложной конфигурации (Гродно, площадь Заneманья в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику (Брест, площадь перед дворцом Чарторыйских в последней четверти XVIII в.)	Площадь сложной Г-образной конфигурации (Быхов, последняя четверть XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику (Ошмяны, площадь перед резиденцией старосты в конце XVIII в.)
8	Главная	Площадь перед корчмой	Дворцовая	Площадь перед почтой	Преимущественно административная

Продолжение табл. 3

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа					
2	Неправильная многоугольная конфигурация					
3	Замок не входит в застройку площади					
4	Однодоминантная площадь					
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений					
6	Замкнутое внутреннее пространство					
7	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику, доминанта — у короткой стороны (Волковыск; Кобрин, последняя четверть XVIII в.)	Площадь сложной Г-образной конфигурации. Доминанта — на стороне площади (Климовичи, последняя четверть XVIII в.; Рогачев, последняя четверть XVIII в.)	Площадь размещена внутри квартала, приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанта — во внутреннем пространстве площади (Брест, площадь перед Николаевской униатской церковью в конце XVIII в.; Кричев, площадь у Георгиевской церкви в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанта — во внутреннем пространстве (Витебск, площадь у Рождественской церкви в конце XVIII в.; Кричев, площадь перед Спасской церковью в последней четверти XVIII в.; Лепель, площади — главная и перед униатской церковью в конце XVIII в.; Речица, площадь возле униатской церкви в конце XVIII в.; Чаусы, площадь заречной слободы)	Маломасштабная синагогальная площадь, приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанта — во внутреннем пространстве (Новогрудок, Ошмяны)	Площадь сложной Г-образной конфигурации. Доминанта — во внутреннем пространстве (Хотимск)
8	Главная		Преимущественно культовая	Преимущественно культовая; главная	Преимущественно культовая; торгово-культовая	Главная

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа			
2	Неправильная многоугольная конфигурация			
3	Замок не входит в застройку площади			
4	Однодоминантная площадь			
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений			
6	Открытое внутреннее пространство			
7	Площадь сложной конфигурации. Доминанта — во внутреннем пространстве (Мстиславль, площадь перед Афанасьевской церковью в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанта — во внутреннем пространстве (Кричев, площадь у церкви Богородицы в последней четверти XVIII в.)	Площадь сложной конфигурации. Доминанта — на стороне площади (Волковыск)	Маломасштабная синагогальная площадь сложной конфигурации. Доминанта — на стороне площади (Лида)
8	Преимущественно культовая		Преимущественно административная	Преимущественно культовая

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа				
2	Неправильная многоугольная конфигурация				
3	Замок не входит в застройку площади				
4	Однодоминантная площадь				
5	Свободное внутреннее пространство				
6	Замкнутое внутреннее пространство		Открытое внутреннее пространство		
7	Площадь сложной Г-образной конфигурации. Доминанта — на стороне площади (Гродно, площадь перед базилианским монастырем; Орша, главная площадь в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанта — на стороне площади (Брест, площадь возле базилианского монастыря в конце XVIII в.; Витебск, площадь перед Петропавловской церковью в конце XVIII в.; Волковыск, площади возле иезуитского костела, перед униатской церковью; Друя, площадь у Спасской церкви в Старом городе; Новогрудок, площадь возле Борисоглебской церкви; Пинск, площадь у восточного фасада иезуитского коллегиума в конце XVIII в.; Слоним, площадь возле доминиканского монастыря)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанта — в части площади, противоположной пространственному раскрытию (Климовичи, площадь перед униатской церковью; Полоцк, площадь у Софийского собора в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Пространственное раскрытие осуществляется сбоку от доминанты (Брест, площадь возле доминиканского монастыря в конце XVIII в.)	Площадь сложной Г-образной конфигурации с двух- или трехсторонним раскрытием пространства (Витебск, площади у женского и мужского базилианских монастырей)
8	Главная; преимущественно культовая	Преимущественно культовая			

Продолжение табл. 3

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа					
2	Неправильная многоугольная конфигурация					
3	Замок не входит в застройку площади					
4	Двухдоминантная площадь					
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений		Свободное внутреннее пространство			
6	Замкнутое внутреннее пространство				Открытое внутреннее пространство	
7	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Одна доминанта — на стороне, другая — во внутреннем пространстве (Витебск, площадь у пиарского монастыря и Задвинской Николаевской церкви в конце XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Обе доминанты — во внутреннем пространстве (Копысь, площадь возле Преображенской церкви в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанты находятся в одной части площади, образуя неравновесную композицию (Брест, площадь перед бернардинскими монастырями в конце XVIII в.; Могилев, площадь Покровского посада в последней четверти XVIII в.; Мстиславль, площадь перед бернардинским монастырем в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанты размещены в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Новогрудок, площадь у бернардинского и францисканского монастырей)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанты находятся в части площади, противоположной пространственному раскрытию, образуя неравновесную композицию (Витебск, площадь возле Спасских униатских церквей в последней четверти XVIII в.)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанты размещены в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Бобруйск, площадь возле иезуитского и парафиального костелов в конце XVIII в.; Витебск, основная площадь Задвинского посада в последней четверти XVIII в.)
8	Преимущественно культовая		Торгово-культовая; преимущественно культовая	Преимущественно культовая		Преимущественно культовая; торгово-культовая

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа					
2	Неправильная многоугольная конфигурация					
3	Замок не входит в застройку площади					
4	Трехдоминантная площадь				Четырехдоминантная площадь	
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений			Свободное внутреннее пространство	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	
6	Замкнутое внутреннее пространство			Открытое внутреннее пространство	Замкнутое внутреннее пространство	
7	Площадь сложной Г-образной конфигурации. Одна доминанта — у стороны площади, две — во внутреннем пространстве (Витебск, площадь перед Благовещенской церковью, доминиканским и приходским костелами)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Одна доминанта — во внутреннем пространстве, две — на сторонах (Ошмяны)	Площадь сложной Г-образной конфигурации. Одна доминанта — во внутреннем пространстве, две — возле сторон (Лида)	Площадь приближается к правильному четырех- или пятиугольнику. Доминанты сгруппированы у стороны площади, образуя неравновесную композицию (Могилев, площадь Луполовского предместья в последней четверти XVIII в.)	Площадь сложной конфигурации. Доминанты размещены у сторон площади в ее противоположных частях, создавая предпосылки равновесной композиции (Мстиславль, последняя четверть XVIII в.)	Площадь сложной конфигурации. Одна доминанта — у стороны, три — во внутреннем пространстве (Кричев, главный культовый ансамбль в последней четверти XVIII в.)
8	Преимущественно культовая	Главная		Торгово-культовая	Главная	Преимущественно культовая

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа						
2	Треугольная конфигурация						
3	Сооружения замка входят в застройку площади		Замок не входит в застройку площади				
4	Однодоминантная площадь	Трехдоминантная площадь	Доминанты отсутствуют	Однодоминантная площадь			
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство		Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство		
6	Замкнутое внутреннее пространство						Открытое внутреннее пространство
7	Доминанта размещена в противоположной от замка части площади, взаимодействуя с ним по принципу композиционного равновесия (Лида, площадь перед Крестовоздвиженским костелом)	Одна доминанта — на территории замка, две — в противоположной части площади, взаимодействуя с ним по принципу композиционного равновесия (Мозырь, конец XVIII в.)	Улицы примыкают к углам площади (Ошмяны, рынок на улице Виленской)	Доминанта — во внутреннем пространстве (Вилейка, площадь возле униатской церкви; Кричев, площадь у синагоги в последней четверти XVIII в.)	Доминанта — на стороне площади в удалении от мест примыкания улиц (Минск, Нижний рынок в последней четверти XVIII в.)	Доминанта — на углу площади в месте примыкания улиц (Могилев, площадь перед Троицкой церковью в Троицком посаде в последней четверти XVIII в.)	Доминанта — на углу площади в месте примыкания улиц (Витебск, площадь перед Богоявленской церковью в последней четверти XVIII в.)
8	Торгово-культовая	Главная	Преимущественно торговая	Главная; преимущественно культовая	Торгово-культовая		Преимущественно культовая

Продолжение табл. 3

1	Средневековая нерегулярная планировочная основа				
2	Треугольная конфигурация			Периметр площади пространственно не оформлен	
3	Замок не входит в застройку площади				
4	Двухдоминантная площадь		Трехдоминантная площадь	Доминанты отсутствуют	Однодоминантная площадь
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений			Признак отсутствует	
6	Замкнутое внутреннее пространство			Признак отсутствует	
7	Доминанты размещены на сторонах в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Минск, площадь перед парафиальным костелом и Троицким монастырем в Троицком посаде в последней четверти XVIII в.)	Доминанты сгруппированы на сторонах в одной части площади, образуя неравновесную композицию (Ивенец, Новогрудок)	Одна доминанта — у стороны площади, две — во внутреннем пространстве (Друя, площадь у доминиканского монастыря, костела св. Антония и Петропавловской церкви)	Условное пространство площади имеет вытянутый характер (Белица, последняя четверть XVIII в.)	Доминанта занимает периферийное положение в группах застройки (Бабиновичи, последняя четверть XVIII в.)
8	Торгово-культовая	Главная	Преимущественно культовая	Главная	

1	Средневековая регулярная или ренессансная планировочная основа					
2	Прямоугольная, трапециевидная или близкая к ним конфигурация					
3	Сооружения замка входят в застройку площади			Замок не входит в застройку площади		
4	Доминанты отсутствуют	Двухдоминантная площадь	Четырехдоминантная площадь	Доминанты отсутствуют		
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений		Свободное внутреннее пространство	
6	Замкнутое внутреннее пространство	Открытое внутреннее пространство	Замкнутое внутреннее пространство			
7	Улицы примыкают к углам и сторонам площади (Глуск)	Доминанты сгруппированы в одной части маломасштабной площади, образуя неравновесную композицию (Давид-Городок, площадь перед костелом в конце XVIII в.)	Каждая из доминант размещена у одной из четырех сторон площади, формируя попарно равновесную композицию (Быхов, последняя четверть XVIII в.)	Улицы примыкают к углам площади (Высокое, Толочин)	Улицы примыкают к углам площади (Друя, Старый рынок; Несвиж, площадь Нового города; Несвиж, площадь предместья Казимиров)	Улицы примыкают к углам и сторонам площади (Орша, площадь Заднепровского посада в последней четверти XVIII в.)
8	Главная	Преимущественно культовая	Главная		Преимущественно торговая	

<table>
<tr><td>1</td><td colspan="5">Средневековая регулярная или ренессансная планировочная основа</td></tr>
<tr><td>2</td><td colspan="5">Прямоугольная, трапециевидная или близкая к ним конфигурация</td></tr>
<tr><td>3</td><td colspan="5">Замок не входит в застройку площади</td></tr>
<tr><td>4</td><td colspan="5">Однодоминантная площадь</td></tr>
<tr><td>5</td><td colspan="5">Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений</td></tr>
<tr><td>6</td><td colspan="5">Замкнутое внутреннее пространство</td></tr>
<tr><td>7</td><td>Доминанта — на стороне площади, торговые ряды — во внутреннем пространстве (Видзы, Гольшаны)</td><td>Доминанта и торговые ряды — во внутреннем пространстве (Друя; Дятлово; Чериков, последняя четверть XVIII в.)</td><td>Во внутреннем пространстве размещена только доминанта (Белыничи, площадь у синагоги; Гродно, площадь возле синагоги; Новый Мядель, главная площадь, предположительно)</td><td>Доминанта (синагога) — во внутреннем пространстве, примыкает к стороне, образуя П-образное пространство (Пинск, площадь перед главной синагогой в конце XVIII в.; Пинск, площадь возле синагоги предместья Каролин в конце XVIII в.; Слоним; Чериков, последняя четверть XVIII в.)</td><td>Во внутреннем пространстве находится доминанта (синагога) и 1—3 отдельно стоящих объема (школа и др.) (Борисов, первая половина XIX в.; Брест, конец XVIII в.; Ивье, предположительно; Мир; Несвиж; Ружаны; Толочин)</td></tr>
<tr><td>8</td><td colspan="2">Главная</td><td>Главная; синагогальная</td><td colspan="2">Синагогальная</td></tr>
</table>

<table>
<tr><td>1</td><td colspan="4">Средневековая регулярная или ренессансная планировочная основа</td></tr>
<tr><td>2</td><td colspan="4">Прямоугольная, трапециевидная или близкая к ним конфигурация</td></tr>
<tr><td>3</td><td colspan="4">Замок не входит в застройку площади</td></tr>
<tr><td>4</td><td colspan="4">Однодоминантная площадь</td></tr>
<tr><td>5</td><td>Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений</td><td colspan="3">Свободное внутреннее пространство</td></tr>
<tr><td>6</td><td>Открытое внутреннее пространство</td><td colspan="2">Замкнутое внутреннее пространство</td><td>Открытое внутреннее пространство</td></tr>
<tr><td>7</td><td>Доминанта — во внутреннем пространстве (Полоцк, площадь у Богоявленской церкви в 1770-х годах)</td><td>Доминанта — у стороны площади (Видзы, площадь перед иезуитским костелом; Докшицы, слободская предхрамовая площадь; Старый Мядель, главная площадь)</td><td>Доминанта размещена посередине стороны площади (доминантно-осевая композиция) (Большая Берестовица, Докшицы, Заславль)</td><td>Доминанта — у стороны площади (Орша, площадь перед Ильинской церковью в последней четверти XVIII в.)</td></tr>
<tr><td>8</td><td>Преимущественно культовая</td><td>Главная; торгово-культовая; преимущественно культовая</td><td>Главная</td><td>Преимущественно культовая</td></tr>
</table>

Продолжение табл. 3

1	Средневековая регулярная или ренессансная планировочная основа					
2	Прямоугольная, трапециевидная или близкая к ним конфигурация					
3	Замок не входит в застройку площади					
4	Двухдоминантная площадь					
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений				Свободное внутреннее пространство	
6	Замкнутое внутреннее пространство					
7	Доминанты размещены на сторонах в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Гродно)	Одна доминанта — во внутреннем пространстве, другая — на стороне площади (Несвиж)	Доминанты — во внутреннем пространстве (Давид-Городок, конец XVIII в.; Игумен)	Доминанты размещены на сторонах, образуя неравновесную композицию площади (Белыничи)	Доминанты находятся на сторонах в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Дубровно, главная, позже культовая площадь; Полоцк, главная площадь до середины XIX в.)	Доминанты сгруппированы в одной части площади, образуя неравновесную композицию (Несвиж, площадь перед иезуитским коллегиумом)
8	Главная				Главная; преимущественно культовая	Преимущественно культовая

1	Средневековая регулярная или ренессансная планировочная основа						
2	Прямоугольная, трапециевидная или близкая к ним конфигурация				Сложная Г-образная конфигурация с использованием прямых углов		
3	Замок не входит в застройку площади						
4	Трехдоминантная площадь			Семидоминантная площадь	Однодоминантная площадь	Трехдоминантная площадь	
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений		Свободное внутреннее пространство	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	
6	Замкнутое внутреннее пространство						
7	Две доминанты находятся на сторонах площади, третья — во внутреннем пространстве (Полоцк, середина XIX в.)	Доминанты — во внутреннем пространстве (Борисов, конец XVIII в.)	Доминанты сгруппированы в одной части площади, создавая неравновесную композицию (Брест, конец XVIII в.)	Две доминанты размещены во внутреннем пространстве, остальные на сторонах площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Минск, Верхний рынок)	Доминанта размещена в углу площади, наиболее благоприятном для обозрения (Несвиж, площадь перед бернардинским монастырем)	Доминанты находятся на сторонах в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Дисна)	Одна доминанта — во внутреннем пространстве, две — на сторонах площади (Пружаны)
8	Главная				Преимущественно культовая	Главная	

1	Барочная планировочная основа						
2	Прямоугольная или трапециевидная конфигурация				Усложненная конфигурация		
3	Замок не входит в застройку площади						
4	Доминанты отсутствуют	Однодоминантная площадь		Двухдоминантная площадь	Доминанты отсутствуют		Однодоминантная площадь
5	Свободное внутреннее пространство			Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство		Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений
6	Открытое внутреннее пространство	Замкнутое внутреннее пространство	Открытое внутреннее пространство		Замкнутое внутреннее пространство		
7	Композиция с одной осью симметрии (Гродно, площадь перед дворцом администратора)	Композиция маломасштабной площади с одной осью симметрии, на которой размещена доминанта (доминантно-осевая симметричная композиция) (Гродно, площадь перед киркой)	Композиция с одной осью симметрии, на которой расположена доминанта (доминантно-осевая симметричная композиция) (Ворняны)	Одна доминанта — на стороне площади, другая — во внутреннем пространстве (Щучин)	Площадь криволинейных очертаний (Гродно, площадь перед дворцом Тызенгауза)	Правильная восьмиугольная конфигурация (Гродно, производственно-учебная площадь Городницы)	Правильная овальная конфигурация. Доминанта — у стороны площади (Желудок)
8	Дворцовая	Преимущественно культовая	Главная		Дворцовая	Производственно-учебного назначения	Главная

Продолжение табл. 3

1	Площади классицизма					
2	Прямоугольная или трапециевидная конфигурация					
3	Сооружения на территории замка входят в застройку площади				Замок не входит в застройку площади	
4	Двухдоминантная площадь			Четырехдоминантная площадь	Бездоминантная площадь	
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство			Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	
6	Замкнутое внутреннее пространство	Открытое внутреннее пространство			Замкнутое внутреннее пространство	
7	Доминанты сгруппированы в одной части площади на ее сторонах и образуют неравновесную композицию (Мозырь)	Доминанты размещены в противоположных частях симметричной площади, создавая предпосылки равновесной композиции. Пространственное раскрытие осуществляется по стороне, лишенной доминант (Чечерск, площадь у церкви Рождества Богородицы и Троицкого костела)	Доминанты находятся в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции. Пространственное раскрытие осуществляется по двум сторонам, лишенным доминант (Речица, площадь перед присутственными местами, Воскресенским собором и доминиканским костелом в 1830-х годах)	Доминанты размещены в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции. Пространственное раскрытие осуществляется по стороне с двумя доминантами (Гомель, середина XIX в.)	Конфигурация площади и подводящих улиц симметрична (Чериков, площадь с хлебными и мясными рядами, соляным магазином)	Конфигурация площади и подводящих улиц симметрична. На противоположные стороны выходят по три улицы (Климовичи, площади: главная; для хлебной и мясной торговли; с соляным магазином и гауптвахтой; Копысь, главная площадь; Лепель, торговая площадь в южной части города; Мстиславль, площади: для присутственных мест; торговая с гостиным двором; торговая в юго-западной части города; Рогачев, главная площадь)
8	Главная	Преимущественно культовая	Культово-административная	Главная	Преимущественно торговая	Главная; преимущественно торговая

1	Площади классицизма		
2	Прямоугольная или трапециевидная конфигурация		
3	Замок не входит в застройку площади		
4	Бездоминантная площадь		
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений		
6	Замкнутое внутреннее пространство	Открытое внутреннее пространство	
7	Улицы диагонально выходят на углы площади (Дубровно)	Конфигурация площади и подводящих улиц симметрична (Белица, площади: главная; для хлебной торговли, административных и других учреждений; Бобруйск, торговые площади Минского и Слуцкого форштадтов; Мстиславль, площадь с хлебными и мясными рядами; Чаусы, площадь с соляным магазином и гауптвахтой)	Конфигурация площади и подводящих улиц симметрична. Пространственное раскрытие осуществляется по двум сторонам (Копысь, хлебная площадь с цейхгаузом)
8	Главная	Главная; преимущественно торговая	Преимущественно торговая

1	Площади классицизма				
2	Прямоугольная или трапециевидная конфигурация				
3	Замок не входит в застройку площади				
4	Бездоминантная площадь				
5	Свободное внутреннее пространство				
6	Замкнутое внутреннее пространство				
7	Конфигурация площади и подводящих улиц симметрична (Белица, площадь для рыбной и мясной торговли; Полоцк, торговые площади Задвинского и северного посадов; Речица, главная площадь; Чаусы, площадь при въезде с могилевской дороги; Чериков, сенная и дровяная площадь)	Конфигурация площади и подводящих улиц асимметрична (Бобруйск, площадь военно-хозяйственного и жилого назначения в крепости; Витебск, Смоленский рынок; Могилев, площадь перед экзерциргаузом; Орша, восточная торговая площадь Наднепровья)	Конфигурация площади и подводящих улиц симметрична. На противоположные стороны выходят по три улицы (Дрисса, главная площадь; Лепель, главная площадь; Минск, площадь учебного назначения на Троицкой горе; Полоцк, основная торговая площадь)	Улицы диагонально выходят на углы площади (Витебск, Могилевский и Полоцкий рынки; Полоцк, центральная площадь Заполотья)	Прямоугольная площадь крестообразно пересекается двумя улицами (Бабиновичи, площадь для продажи «крестьянских» товаров; Витебск, площадь в северо-восточной части города; Копысь, торговая площадь в юго-западном районе)
8	Главная; преимущественно торговая	Преимущественно торговая; военно-хозяйственного и жилого назначения	Главная; преимущественно торговая; преимущественно учебного назначения	Преимущественно торговая	

Продолжение табл. 3

1	Площади классицизма						
2	Прямоугольная или трапециевидная конфигурация						
3	Замок не входит в застройку площади						
4	Бездоминантная площадь			Однодоминантная площадь			
5	Свободное внутреннее пространство			Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений			
6	Открытое внутреннее пространство			Замкнутое внутреннее пространство			
7	Конфигурация площади и подводящих улиц симметрична (Белица, площадь для торговли хлебом и солью в южной части города; Витебск, административная площадь у зданий городской думы в конце XVIII в.; Городок, площадь для торговли солью и другими товарами; Сураж, площадь «для хлебных рядов»; торговая площадь района расселения еврейской общины)	Конфигурация площади и подводящих улиц асимметрична (Витебск, Дворцовая площадь; торговая площадь Задвинья при въезде в город; Гомель, площадь с деловыми, торговыми и лечебными учреждениями в северной части центра; Городок, торговая площадь в районе расселения еврейской общины; Могилев, торговая площадь Луполовского предместья; Полоцк, торговая площадь восточной части города)	Конфигурация площади и подводящих улиц симметрична. На противоположные стороны выходят по три улицы (Рогачев, торговая площадь при въезде по могилевской дороге)	Доминанта — на стороне площади (Бабиновичи, главная площадь; Городок, главная площадь; Орша, главная площадь; Чаусы, торгово-культовая площадь)	Доминанта — во внутреннем пространстве (Бешенковичи; Борисов, 1830-е годы; Игумен; Чериков)	Доминанта — во внутреннем пространстве. На противоположные стороны площади симметрично выходят по три улицы (Климовичи; Чаусы; Чечерск)	Конфигурация маломасштабной площади и подводящих улиц симметрична. Доминанта — во внутреннем пространстве (Витебск, площадь перед Николаевкой Завитьбенской церковью; Чечерск, площади у Вознесенской и Преображенской церквей)
8	Преимущественно торговая; административная	Дворцовая; преимущественно торговая	Преимущественно торговая	Главная; торгово-культовая	Главная		Преимущественно культовая

1	Площади классицизма						
2	Прямоугольная или трапециевидная конфигурация						
3	Замок не входит в застройку площади						
4	Однодоминантная площадь						
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений			Свободное внутреннее пространство			
6	Открытое внутреннее пространство			Замкнутое внутреннее пространство		Открытое внутреннее пространство	
7	Доминанта — во внутреннем пространстве (Витебск, площадь у Богоявленской церкви; Сураж, главная площадь)	Внутреннее пространство площади с расположенной в нем доминантой имеет Г-образный характер (Бобруйск, площадь перед приходским костелом; Быхов, площадь возле Троицкой церкви; Витебск, площадь у Рождественской церкви)	Доминанта — во внутреннем пространстве. Пространственное раскрытие осуществляется частью стороны площади (полуоткрытая площадь) (Бобруйск, Соборная площадь)	Доминанта — в углу площади или вблизи него (Дубровно, площадь перед Покровской церковью; Чаусы, площадь у кармелитского монастыря; Чериков, административно-культовая площадь)	Доминанта — посередине стороны площади (доминантно-осевая композиция) (Витебск, торговая площадь у северного фасада ратуши; Игумен, торговая площадь перед костелом; Мстиславль, торговая площадь в северо-восточной части города)	Доминанта — посередине стороны площади. Пространственное раскрытие осуществляется по противоположной стороне (доминантно-осевая композиция) (Сураж, площадь перед присутственными местами)	Доминанта — на стороне площади. Пространственное раскрытие осуществляется по соседней примыкающей стороне (Лепель, площадь перед униатской церковью в северной части города; Орша, площадь возле базилианского монастыря)
8	Преимущественно культовая; главная	Преимущественно культовая	Главная	Преимущественно культовая; административно-культовая	Преимущественно торговая	Главная	Преимущественно культовая

Продолжение табл. 3

1	Площади классицизма						
2	Прямоугольная или трапециевидная конфигурация						
3	Замок не входит в застройку площади						
4	Двухдоминантная площадь			Трехдоминантная площадь			Пятидоминантная площадь
5	Свободное внутреннее пространство			Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство		Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений
6	Замкнутое внутреннее пространство		Открытое внутреннее пространство	Замкнутое внутреннее пространство		Открытое внутреннее пространство	Замкнутое внутреннее пространство
7	Площадь имеет конфигурацию в виде трапеции, на коротком основании — доминанты, образующие неравновесную композицию (Могилев, площадь у Вознесенской церкви в Покровском посаде)	Доминанты находятся в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Минск, рынок перед киркой и церковью архиерейского двора)	Площадь имеет конфигурацию в виде трапеции, на коротком основании — доминанты, образующие неравновесную композицию. Пространственное раскрытие осуществляется по боковой стороне трапеции (Витебск, площадь возле иезуитского коллегиума)	Доминанты находятся во внутреннем пространстве площади (Борисов)	Доминанты размещены на разных сторонах площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Мстиславль)	Доминанты расположены по принципу курдонера, обращенного к ландшафту или другим комплексам (Витебск, ратушная площадь)	Доминанты размещены у сторон в противоположных частях площади, создавая предпосылки равновесной композиции (Могилев, площадь перед Воскресенской церковью, иезуитским и кармелитским костелами и другими храмами в конце XVIII в.)
8	Торгово-культовая		Культово-административная	Главная			Культово-торговая

1	Площади классицизма				
2	Усложненная, но геометрически ясная конфигурация				
3	Замок не входит в застройку площади				
4	Доминанты отсутствуют		Однодоминантная площадь		
5	Свободное внутреннее пространство		Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений	Свободное внутреннее пространство	
6	Замкнутое внутреннее пространство		Открытое внутреннее пространство	Замкнутое внутреннее пространство	
7	Конфигурация площади — сочетание двух неправильных трапеций (Белица, сенная и дровяная площадь)	Конфигурация площади — сочетание прямоугольника и треугольника (Гомель, площадь перед домами Н. П. Румянцева)	Треугольная конфигурация. Доминанта — во внутреннем пространстве (Витебск, площадь возле Троицкой церкви)	Треугольная конфигурация. Доминанта — на стороне площади (Гомель, площадь у синагоги)	Конфигурация площади — правильный овал. Доминанта находится в части овала с большим радиусом (Могилев, площадь перед Иосифским собором)
8	Преимущественно торговая	Дворцовая	Преимущественно культовая		

1	Площади классицизма			
2	Неправильная конфигурация, обусловленная учетом при реконструкции существовавшей планировки			
3	Сооружения на территории замка входят в застройку площади		Замок не входит в застройку площади	
4	Доминанты отсутствуют	Однодоминантная площадь		
5	Во внутреннем пространстве отдельно расположено сооружение или группа сооружений			Свободное внутреннее пространство
6	Открытое внутреннее пространство			
7	Неправильная конфигурация площади. Пространственное раскрытие осуществляется по двум направлениям (Чериков, площадь с цейхгаузом и хлебным магазином)	Площадь сложной Г-образной конфигурации. Доминанта размещена в углу площади (Пинск)	Доминанта — на стороне площади (Мозырь)	Доминанта — в углу площади (Орша, рынок в Заоршинье; Рогачев, площадь перед Михайловской церковью)
8	Преимущественно складского назначения	Главная		Торгово-культовая; преимущественно культовая

ЛИТЕРАТУРА*

1. **Аверинцев С. С.** Рай // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1982. Т. 2. С. 363—366.

2. **Адамаў У. У.** Бешанковіцкі сад // Віцебшчына: Зб. арт. Віцебск: Выд. Віцеб. Акруговага Тавар. Краязнаўства, 1925. Т. 1. С. 167—168.

3. **Адзярыха М.** Апісанне Койданаўскага замку // Наш край. 1926. № 1 (4). С. 37—40.

4. **Акты**, издаваемые Виленской комиссией для разбора древних актов: В 39 т. Вильна: Виленская Археографическая комиссия, 1865—1915. Т. 1—39.

5. **Алексеев Л. В.** К истории и топографии древнейшего Витебска // Советская археология. 1964. № 1. С. 99—111.

6. **Алексеев Л. В.** Полоцкая земля в IX—XIII вв.: Очерки истории Северной Белоруссии. М.: Наука, 1966. 296 с.

7. **Аляксееў Л. В.** Старажытны Мсціслаў // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1971. № 1. С. 25—31.

8. **Алексеев Л. В.** По Западной Двине и Днепру в Белоруссии. М.: Искусство, 1974. 144 с.

9. **Алексеев Л. В.** Смоленская земля в XI—XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии. М.: Наука, 1980. 264 с.

10. **Алферова Г. В.** К вопросу о строительстве городов в Московском государстве в XVI—XVII вв. // Архитектурное наследство: Национальное своеобразие зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1980. Вып. 28. С. 20—28.

11. **Алферова Г. В., Харламов В. А.** Киев во второй половине XVII века: Историко-архитектурный очерк. Киев: Навукова думка, 1982. 159 с., Прилож.

12. **Алферова Г. В.** Русские города XVI—XVII веков. М.: Стройиздат, 1989. 216 с.

13. **Андерс В.** Восстановление пространственного организма исторического города на примере Старого Города в Эльблонге // Архитектура мира: Материалы VI Междунар. конф. по истории архитектуры «Запад—Восток: 2000 лет архитектурной книге» / Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева, НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1997. Вып. 6. С. 123—129.

14. **Аникиевич К. Т.** Сенненский уезд Могилевской губернии: Опыт описания в географическом, историческом, этнографическом, бытовом, промышленном и статистическом отношении... Могилев: Изд. Могил. губ. статист. комитета, 1907. 148+2 с.

15. **Антипов В. Г.** Парки Белоруссии. Мн.: Урожай, 1975. 152 с.

16. **Антонович В. Б.** Очерк истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия (Отт. из Унив. извест. 1878 г.). Киев: Унив. тип., 1878. Вып. 1. 156 с.

17. **Анцев М. В.** Экскурсия Витебской ученой архивной комиссии 14 мая 1911 г. в местечко Бешенковичи. Витебск: Оттиск из «Витеб. губ. ведомостей». 1911. № 112. 16 с.

18. **Арсеньев К. И.** Путевые заметки о Западной и Юго-Западной России // Журнал Министерства внутренних дел. 1845. Ч. II. № 9. С. 391—413; Ч. 12. № 10. С. 86—107, № 11. С. 211—231.

19. **Археографический** сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси: В 14 т. Вильно: Изд. Управл. Виленского учебн. округа, 1867—1904. Т. I—XIV.

20. **Архитектурные** ансамбли Москвы XV — начала XX веков: Принципы художественного единства / Под ред. Т. Ф. Саваренской. М.: Стройиздат, 1997. 471 с.

21. **Архитектурный** ансамбль как форма реализации синтеза: Сб. тр. / Л. Кириллова, А. Бабуров, Г. Сомов и др.; Под ред. И. А. Азизян, Л. И. Кирилловой. М.: ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, 1990. 200 с.

22. **Архітэктура** Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. Мн.: БелЭн, 1993. 620 с.

23. **Атрушкевич М. М.** Городские реформы в Белоруссии во второй половине XVIII — первой половине XIX в.: Учеб. пособие. Мн.: Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка, 1999. 67 с.

24. **Афанасьев К. Н.** Построение архитектурной формы древнерусскими зодчими. М.: Изд. АН СССР, 1961. 271 с.

25. **Афанасьев К. Н.** Математика Брунеллески // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: личность в истории архитектуры» / НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1995. Вып. 4. С. 102—108.

---

* Литературные источники приведены по алфавиту. Работы одного и того же автора даны в хронологическом порядке.

26. **Багласов С. Г.** Ансамбль XVIII века на центральной площади Постав // Строительство и архитектура Белоруссии. 1974. № 2. С. 41—43.

27. **Балдин В. И.** Загорск: История города и его планировки. Архитектурные памятники города. М.: Стройиздат, 1981. 159 с.

28. **Баравы Р. В.** Да гісторыі замка ў Смалянах // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1971. № 3. С. 16—21.

29. **Баравы Р. В., Якімовіч Ю. А.** Каштоўны дакумент па гісторыі беларускай графікі і архітэктуры XVIII ст. // Помнікі культуры: Новыя адкрыцці: Зб. арт. Мн.: Навука і тэхніка, 1985. С. 113—122.

30. **Баранов Н. Н.** Силуэт города. Л.: Стройиздат, 1980. 184 с.

31. **Бархин М. Г.** Город: Структура и композиция. М.: Наука, 1986. 263 с.

32. **Баршаускас И. М.** Закономерности образования и развития комплексов и ансамблей в архитектуре Литовской ССР: Автореф. дис. ... д-ра архитек. / Каунас. политех. ин-т. Каунас, 1970. 59 с.

33. **Батюшков П. Н.** Белоруссия и Литва: Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб.: Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1890. XXII+376+183 с.

34. **Без-Корнилович М. О.** Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся. СПб.: Тип. III отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1855. VIII+356 с.

35. **Безсонов С. В.** Исторические связи архитектуры России, Украины и Белоруссии в XIV—XVII вв. // Зодчество Украины: Сб. ст. Киев: Изд-во Акад. архитек. УССР, 1954. С. 251—270.

36. **Беккер А.** О сохранении градостроительных систем прошлого // Теория и практика реставрационных работ: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1972. Сб. 3. С. 21—24.

37. **Беларусы:** У 8 т. Т. 2. Дойлідства / А. І. Лакотка; Ін-т мастацтвазн., этнагр. і фальклору. Мн.: Тэхналогія, 1997. 391 с.

38. **Белинцева И.** Особенности регулярной планировки Кенигсберга в XIII—XX вв. // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: искусство композиции в истории архитектуры» / НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т, Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева. М., 1996. Вып. 5. С. 117—123.

39. **Беляев И. Д.** Рассказы из русской истории: Кн. 4, ч. I: История Полотска, или Северо-Западной Руси от древнейших времен до Люблинской унии. М.: Синод. тип., 1872. 456 с.

40. **Бібліяграфія па гісторыі Беларусі:** Феадалізм і капіталізм / М. Г. Крэканэ, А. А. Сакольчык, Ю. І. Бібіла; Пад рэд. Е. І. Карнейчыка, С. А. Шчарбакова. Мн.: Ін-т гіст. АН БССР, Дзярж. бібл. БССР імя У. І. Леніна, Фунд. бібл. імя Я. Коласа АН БССР, 1969. 437 с.

41. **Библия:** Книги Священного писания Ветхого и Нового завета (Канонические). Helsinki: Avainsanoma ry., б/г. 925+296 с.

42. **Бобровский П. О.** Историко-статистический очерк города Гродно // Памятная книжка Гродненской губернии на 1860 год: Сб. ст. Гродно: Грод. губ. статист. комит., 1860. С. 69—132.

43. **Бобровский П.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Гродненская губерния. Ч. 2. Приложения. СПб.: Тип. Департамента Ген. штаба, 1863. VI+302+72 с.

44. **Бобровский П.** Историческая монография г. Гродно // Вестник Западной России. 1866. Т. 3. Кн. 7. С. 28—43.

45. **Бондаренко И. А.** Черты иерархии в древнерусской градостроительной традиции // Традиции и новаторство в градостроительстве Российской Федерации: Сб. ст. М.: ЦНИИПградостроительства, 1986. С. 58—63.

46. **Бондаренко И. А.** Русский город и его «нерусские черты»: К проблеме изучения национального своеобразия в истории градостроительства // История архитектуры: объект, предмет и метод исследования: Тр. / ЦНИИПградостроительства. М., 1988. С. 83—92.

47. **Бондаренко И. А.** Реальное и идеальное в структуре средневекового города // Вопросы истории архитектуры: Сб. ст. М.: ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, 1990. С. 5—11.

48. **Бондаренко И. А.** Красная площадь Москвы. М.: Стройиздат, 1991. 296 с.

49. **Бондаренко И. А.** Образ Нового Рима в архитектуре Москвы // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 87—92.

50. **Бондаренко И. А.** Реконструкция Соборной площади Московского Кремля в конце XV — начале XVI в. и творческий метод итальянских мастеров // Архитектурное наследство: Проблемы стиля и метода в русской архитектуре: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1995. Вып. 38. С. 193—213.

51. **Бондаренко И.** Идеальная композиция древнерусского города // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: искусство композиции в истории архитектуры» / НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т, Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева. М., 1996. Вып. 5. С. 22—28.

52. **Бондаренко И. А.** Числа, буквы и слова в архаической картине мира: К постановке проблемы // Архитектура в истории русской культуры: Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1996. С. 12—28.

53. **Бондаренко И. А.** Ансамбль столичного Кремля (XV—XVII вв.) // Архитектурно-градостроительное развитие Москвы (Архитектурное наследство. № 42): Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1997. С. 26—51.

54. **Бондаренко И. А.** Средневековая Русь: Художественное единство древнерусского города // Художественные модели мироздания: Взаимодействие искусств в истории мировой культуры: Сб. ст. М.: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 1997. Кн. I. С. 175—195.

55. **Бондаренко И. А.** Формирование градостроительной структуры средневековой Москвы // Архитектурно-градостроительное развитие Москвы (Архитектурное наследство. № 42): Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1997. С. 7—25.

56. **Брикнер А.** Путешествие императрицы Екатерины II в Могилев в 1780 г. // Русский вестник. 1881. Август. С. 459—509.

57. **Бринкман А. Э.** Площадь и монумент как проблема художественной формы. М.: Изд-во Всесоюз. акад. архитектуры, 1935. 296 с.

58. **Брунов Н. И.** Очерки по истории архитектуры: В 2 т. М.; Л.: Academia, 1935—1937. Т. 2: Греция—Рим—Византия. 1935. 623 с.

59. **Брэжго Б.** Замкі Віцебшчыны. Вільня: Друк. Я. Левіна, 1933. 38 с.

60. **Бубноўскі Д. С.** Гісторыя горадабудаўнічага развіцця г. п. Мір // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследаванні: Зб. арт. Мн.: Навука і тэхніка, 1989. С. 136—141.

61. **Будрейка Э. С.** Расцвет в архитектуре классицизма Литвы: (Творчество Лауринаса Стуоки-Гуцевичуса): Автореф. дис. ... д-ра архитек. / Ин-т живописи, скульпт. и архитек. им. И. Е. Репина. Л., 1965. 42 с.

62. **Булгак В. А., Кебец Л. И., Клемантович Н. Н.** Вилейка: Историко-экономический очерк. Мн.: Беларусь, 1984. 80 с.

63. **Булгаковский Д.** Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии. Вильна: Тип. М. Б. Жирмунского, 1882. 19 с.

64. **Бунин А., Круглова М.** Архитектурная композиция городов. М.: Акад. архитектуры СССР, 1940. 240 с.

65. **Бунин А. В.** Особенности архитектурно-планировочного развития средневековых городов Центральной и Западной Европы // Исследования по истории архитектуры и градостроительства: Тр. / Моск. архитек. ин-т. М.: Высш. шк., 1964. Вып. 1. С. 65—145.

66. **Бунин А. В., Саваренская Т. Ф.** История градостроительного искусства: В 2 т. 2-е изд. М.: Стройиздат, 1979. Т. 1, 2.

67. **Бусева-Давыдова И. Л., Баталов А. Л.** О методологии изучения символики архитектуры // История архитектуры: Объект, предмет и метод исследования: Сб. ст. / ЦНИИПградостроительства. М., 1988. С. 92—99.

68. **Бусева-Давыдова И. Л.** К интерпретации идейного замысла Коломенского дворца // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 28—31.

69. **Валаханович А. И., Кулагин А. Н.** Дзержинщина: Прошлое и настоящее. Мн.: Наука и техника, 1986. 199 с.

70. **Васілеўскі Д.** З гісторыі Воршы // Наш край. 1926. № 2—3 (5—6). С. 53, 54.

71. **Васілеўскі Д.** Помнікі старасвеччыны на Аршаншчыне // Наш край. 1927. № 2 (17). С. 40—44.

72. **Васілеўскі Д.** Экскурсійныя аб'екты Аршаншчыны (Матар'ялы) // Наш край. 1929. № 4 (43). С. 16—21.

73. **Васильев Ю. М.** Эволюция города Даугавпилса (Динабурга) в XVI—XVIII веках // Архитектура и градостроительство в Латвийской ССР: Сб. ст. Рига: Зинатне, 1971. Вып. II. С. 89—120.

74. **Викентьев В. П.** Полоцкий кадетский корпус: Исторический очерк 75-летия его существования. Полоцк: Тип. Х. В. Клячко, 1910. 396+XLIVс.

75. **Виноградов Л.** Гомель: Его прошлое и настоящее: 1142—1900 гг. Гомель: ИПП «Сож»: факсим. воспроизвед. изд. 1900 г., 1992. 48 с.

76. **Витебская** губерния: Историко-географический и статистический обзор / Под ред. В. М. Долгорукова. Витебск: Губ. тип., 1890. Вып. 1. 388 с.

77. **Воронина В. Л.** Соразмерность и форма в архитектуре // Архитектурное наследство: Проблемы композиции и мастерства: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1988. Вып. 35. С. 142—154.

78. **Воронин Н. Н.** Древнее Гродно (По материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.). М.: Изд. АН СССР, 1954. 240 с.

79. **Воронов А. А.** Объект истории архитектуры как теоретическая проблема // История архитектуры: Объект, предмет и метод исследования: Сб. ст. / ЦНИИПградостроительства. М., 1988. С. 4—11.

80. **Всеобщая** история архитектуры: В 12 т. / Гос. ком. по граждан. строит-ву и архитек. при Госстрое СССР, ЦНИИ теории и истории архитектуры; Гл. ред. Н. В. Баранов. М.: Стройиздат, 1966—1977. Т. 1—12.

81. **Габрусь Т., Чантурыя Ю.** Зруйнаваная Ворша // Спадчына. 1993. № 5. С. 56—62.

82. **Габрусь Т. В.** Новыя звесткі аб грамадзянскіх пабудовах Нясвіжа канца XVI ст. // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння: Зб. арт. Мн.: Навука і тэхніка, 1994. С. 169—179.

83. **Габрусь Т. В.** Абрысы станаўлення стылю барока ў манументальным дойлідстве Беларусі // Барока ў беларускай культуры і мастацтве: Зб. арт. Мн.: Беларуская навука, 1998. С. 65—80.

84. **Галенчанка Г.** Альбом Бернардоні: Новая крыніца па гісторыі архітэктуры і будаўніцтва ў Нясвіжы (канец XVI — пачатак XVII ст.) // Ад Полацка і Нясвіжа — да Падуі і Венецыі: Матэрыялы ўрачыстага адкрыцця мемарыяльн. дошкі Ф. Скарыне ў Падуанскім універ-це і Першай беларус.-італьян. навук. канф., якая адбылася ў Венецыі ў кастр. 1992 г. / Міжнар. асацыяц. беларусістаў, Нац. навук.-асветн. цэнтр імя Ф. Скарыны. Мн., 1994. С. 79—86.

85. **Ганжын А.** Мястэчка Чачэрск, Гомельскай акругі (геаграфічна-гістарычны нарыс) // Наш край. 1927. № 1 (16). С. 59–61.

86. **Гаряев Р. М.** Особенности постановки архитектурных доминант в русском градостроительстве // Вопросы охраны, реставрации и пропаганды памятников истории и культуры: Тр. / Мин-во культуры РСФСР, НИИкультуры. М., 1976. Вып. IV. С. 138–157.

87. **Гаусман М.** Исторический очерк местечка Турова, прежней столицы удельного Туровского княжества. Мн.: Тип. губ. правл., 1877. 31 с.

88. **Гашимов М. М., Гриченок Т. А., Флякс Я. В.** Волковыск: Историко-экономический очерк. Мн.: Беларусь, 1978. 95 с.

89. **Гейденштейн Р.** Записки о Московской войне (1578–1582 гг.). СПб.: Изд. Археографич. комис., 1889. 336 с.

90. **Гибянский И. Г.** Граф Антоний Тизенгауз и Гродненские королевские мануфактуры: Очерк по экон. истории Польши в эпоху Станислава Августа (1764–1795) на основании архив. источников. Петроград: Тип. Р. Г. Шредера, 1916. XII+64+I с.

91. **Гидион З.** Пространство, время, архитектура. 3-е изд. М.: Стройиздат, 1984. 455 с.

92. **Гісторыя** беларускага мастацтва: У 6 т. /Акад. навук БССР, Ін-т мастацтвазн., этнаграф. і фальклору; Гал. рэд. С. В. Марцэлеў. Мн.: Навука і тэхніка, 1987–1994. Т. 1–6.

93. **Глебов И.** Город Слуцк // Виленский календарь на 1905 простой год: Сб. ст. Вильна: Тип. «Русский почин», 1904. С. 53–82.

94. **Глинка Ю. И., Заславский Е. Л., Чантурия Ю. В.** Программа разработки и осуществления в XI пятилетке проектов регенерации городской застройки, имеющей важное историко-архитектурное значение. Мн.: БелНИИПградостроительства, 1982. 52 с.

95. **Годлевский Н., Решетникова Н**. Пропорции пирамиды Хеопса в Гизе // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад–Восток: искусство композиции в истории архитектуры» / НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т, Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева. М., 1996. Вып. 5. С. 228–235.

96. **Гольдзамт Э. А., Швидковский О. А.** Градостроительная культура европейских социалистических стран. М.: Стройиздат, 1985. 480 с.

97. **Гомель:** Историко-экономический очерк / Е. Д. Диренок и др. Мн.: Наука и техника, 1972. 229 с.

98. **Горбачевский И. Д.** Лепельский уезд Витебской губернии. Витебск: Губ. тип., 1895. 38 с.

99. **Горюнов В. С.** Классицизм и романтизм в архитектуре конца XVIII – начала XIX в.: К проблеме взаимодействия // Проблемы истории архитектуры: Тез. докл. Всесоюз. науч. конф., Суздаль, 1991 г. / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1990. Ч. II. С. 79–81.

100. **Грабарь И.** История русского искусства: В 6 т. М.: Изд. І. Кнебель, б/г. Т. III: История архитектуры: Петербургская архитектура в XVIII и XIX веке. Б/г. 584 с.

101. **Градостроительство:** Учеб. пособие / А. В. Бунин, Л. А. Ильин, Н. Х. Поляков, В. А. Шквариков; Под ред. В. А. Шкварикова. М.: Изд-во Акад. архитектуры СССР, 1945. 327 с.

102. **Грицкевич А. П.** Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.: Социально-экономическое исследование истории городов. Мн.: Наука и техника, 1975. 248 с.

103. **Грицкевич А. П.** Древний город на Случи. Мн.: Полымя, 1985. 158 с.

104. **Гродно** во 2-й половине прошлого столетия // Памятная книжка Гродненской губернии на 1869 год: Сб. ст. Гродно: Грод. губ. статист. комит., 1869. С. 13–27.

105. **Грудницкий В.** Предисловие к летописи Пинского Феодоровского собора, заключающее в себе сказание о гражданской и церковной судьбе г. Пинска // Минские епархиальные ведомости. 1874. № 5. С. 145–157; № 6. С. 180–184.

106. **Грушевский А.** Пинское Полесье XIV–XVI вв.: Исторические очерки. Киев: Тип. Импер. ун-та св. Владимира акцион. об-ва печат. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1903. II+192+IV+194 с.

107. **Грушевский А. С.** Города Великого княжества Литовского в XIV–XVI вв.: Старина и борьба за старину. Киев: Тип. Импер. ун-та св. Владимира акцион. об-ва печат. и изд. дела Н. Т. Корчак-Новицкого, 1918. 240 с.

108. **Грушка Э.** Развитие градостроительства. Братислава: Изд. Словацкой акад. наук, 1963. 660 с.

109. **Грыгаровіч І. І.** Беларуская іерархія. Мн.: БелЭн, 1992. 101 с.

110. **Гуляницкий Н. Ф.** О композиции зданий в ансамблевой застройке Москвы периода классицизма // Архитектурное наследство: Проблемы архитектурного ансамбля: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1976. Вып. 24. С. 20–40.

111. **Гуляницкий Н. Ф.** Градостроительные особенности Петербурга и черты русской архитектуры середины XVIII в. // Архитектурное наследство: Региональные черты зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1979. Вып. 27. С. 12–21.

112. **Гуляницкий Н. Ф.** Исторические уроки взаимодействия нового и традиционного в русском градостроительстве // Традиции и новаторство в градостроительстве Российской Федерации: Сб. ст. М.: ЦНИИПградостроительства, 1986. С. 45–58.

113. **Гуляницкий Н. Ф.** Крестовокупольный храм Древней Руси и грекоантичная традиция // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад–Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 165–172.

114. **Гуляницкий Н. Ф.** XVIII век в русской архитектуре (эпоха, стиль, градостроительный метод) // Архитектурное наследство: Проблемы стиля и метода в русской архитектуре: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1995. Вып. 38. С. 61–82.

115. **Гуляницкий Н. Ф.** Архитектурно-градостроительное развитие Москвы в эпоху классицизма // Архитектурно-градостроительное развитие Москвы (Архитектурное наследство. № 42): Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1997. С. 102–143.

116. **Гуревич Ф. Д.** Древний Новогрудок (посад — окольный город). Ленинград: Наука, Ленинград. отдел., 1981. 159 с.

117. **Гуревич Ф. Д.** Древние города Белорусского Понеманья. Мн.: Полымя, 1982. 47 с.

118. **Дакументы** па архітэктуры і картаграфіі Беларусі ў архівах Санкт-Пецярбурга і Вільні / У. М. Дзянісаў, В. Р. Кукуня, М. В. Плакса, Н. І. Пятровіч. Мн.: БелЭн, 1994. 151 с.

119. **Дембовецкий А. С.** Опыт описания Могилевской губернии...: В 3 кн. Могилев: Тип. Губ. правления, 1882–1884. Кн. 1–3.

120. **Денисов В. Н.** Площадь Свободы в Минске. Мн.: Полымя, 1985. 79 с.

121. **Дзянісаў У. М., Пазняк З. С.** Мінскі кляштар дамініканцаў // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследаванні: Зб. арт. Мн.: Навука і тэхніка, 1989. С. 124–130.

122. **Де Пулле М.** Станислав Август Понятовский в Гродно и Литва в 1794–1797 годах. 2-е изд. СПб.: Тип. Майкова, 1871. IV+253+II с.

123. **Дмитриев М.** Собрание дальнейших исторических сведений о Новогрудке, со смерти Свенторога (1270) // Вестник Императорского русского географического общества. 1859. № 6. С. 66–72.

124. **Добрицына И. А.** Европейское барокко и русская загородная усадьба // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 38–45.

125. **Довгялло Д.** Город Лепель // Виленский календарь на 1905 простой год: Сб. ст. Вильна: Тип. «Русский Почин», 1904. С. 82–93.

126. **Довгялло Д. И.** Лепель, уездный гор. Витебской губ.: Хроника минувшей жизни. Витебск: Губ. типолитограф., 1905. VI+105+II с.

127. **Довгялло Д. И.** Радошковичи, заштатный город Виленской губернии: Историко-статистический очерк // Памятная книжка Виленской губернии на 1908 год: Сб. ст. Вильна: Вилен. губ. статист. комит., 1907. Отдел. 3. С. 2–51.

128. **Довгялло Д. И.** Пинский Лещинский монастырь в 1588 г. // Минская старина: Тр. / Минский церковный историко-археологический комитет. Мн., 1909. Вып. 1. С. 97–124.

129. **Даўгяла З. І.** Polociae moenia: Гістарычна-тапаграфічны нарыс полацкіх умацаванняў: Адбітак з «Запісак аддзелу гуманітарных навук», 1928. Кн. 3. Т. 2. Мн.: Выд. Ін-та беларус. культуры, 1928. 31 с.

130. **Даўгяла З. І.** Заслаўе на Меншчыне // Запіскі аддзелу гуманітарных навук: Зб. арт. Мн.: Выд. Ін-та беларус. культуры, 1928. Кн. 5. С. 91–121.

131. **Даўгяла З. І.** Аршанскі замак: Экскурс у гісторыю ўзнікнення яго ўмацаванняў // Запіскі аддзелу гуманітарных навук: Працы археалагічнай камісіі: Зб. арт. Мн.: Выд. Ін-та беларус. культуры, 1930. Кн. 2. Т. 2. С. 47–55.

132. **Даўгяла З. І.** Барысаўскі замак // Запіскі аддзелу гуманітарных навук: Працы археалагічнай камісіі: Зб. арт. Мн.: Выд. Ін-та беларус. культуры, 1930. Кн. 2. Т. 2. С. 263–267.

133. **Даўгяла З. І.** Стары Менск // Наш край. 1928. № 1. С. 8–15, № 2. С. 6–13, № 3. С. 10–19.

134. **Доўнар-Запольскі М. В.** Гісторыя Беларусі. Мн.: БелЭн, 1994. 512 с.

135. **Древняя Русь:** Город, замок, село: Сб. ст. / Отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 431 с.

136. **Дружчыц В.** Места Менск у канцы XV і пачатку XVI ст. // Працы Беларускага Дзяржаўнага Універсітэта. 1926. № 12. С. 1–22.

137. **Душкина Н. О.** Проблемы этики в архитектуре: Опыт формирования архитектурной среды в Оксфорде и Кембридже // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: античная традиция в архитектуре» /ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 38–47.

138. **Душкина Н.** Ансамбль Бата: Опыт стратиграфического анализа // Архитектура мира: Материалы VII Междунар. конф. по истории архитектуры «Запад—Восток: архитектурные школы Нового и Новейшего времени» / Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева, НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1998. Вып. 7. С. 41–49.

139. **Евсина Н. А.** Архитектурная теория в России второй половины XVIII — начала XIX века. М.: Наука, 1985. 256 с.

140. **Евсина Н. А.** Архитектурная мысль в России XVIII века: Науч. докл. ... д-ра искусствовед.: 18.00.01 / Гос. ин-т искусствознан. М., 1996. 46 с.

141. **Егоров Ю. А.** Градостроительство Белоруссии. М.: Гос. изд-во лит. по строит-ву и архитек., 1954. 284 с.

142. **Ягораў Ю. А.** Да пытання аб горадабудаўнічай гісторыі Мінска ў XVII–XVIII і першай палавіне XIX ст. // Весці Акад. навук БССР. 1955. № 3. С. 14–32.

143. **Жаровина Г. П.** Чечерский бельведер // Неман. 1983. № 9. С. 142–145.

144. **Жаровіна Г. П., Чарняўскі І. М., Демура І. В.** Помнікі Чачэрска. Мн.: Полымя, 1985. 12 с.

145. **Живописная** Россия / Под общ. ред. П. П. Семенова. СПб.: Изд. М. Вольфа, 1882. Т. 3. 490+VI с.

146. **Жудро Ф. А.** Спасский монастырь в Могилеве. Могилев: Типолитограф. Ш. Фридланда, 1892. 25 с.

147. **Жудро Ф.** Белыничский Рождество-Богородицкий монастырь. Могилев на Днепре: Литограф. Ш. Фридланда, 1894. 21 с.

148. **Жудро Ф. А.** Богоявленский братский монастырь в г. Могилеве. Могилев: Тип. Могилев. губ. правл., 1899. 52 с.

149. **Жудро Ф. А., Сербов И. А., Довгялло Д. И.** Город Гомель: Географическо-статистический очерк // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского Географического общества: Сб. ст. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1911. Кн. 2. С. 292—353.

150. **Загорульский Э. М.** Древний Минск. Мн.: Гос. изд. БССР, 1963. 119 с.

151. **Загорульский Э. М.** Возникновение Минска. Мн.: Изд-во БГУ, 1982. 358 с.

152. **Зандберга Р. Я.** Методика исследования истории строительства средневековой Риги по аномалиям ее планировочной структуры // Материалы к пленуму Научно-методического совета по охране памятников культуры по проблеме «Преемственное развитие городов в процессе их переустройства» / Мин. культуры СССР. М., 1971. С. 90—93.

153. **Зандберга Р. Я.** Исследование планировки и застройки исторического центра города (Рига) // Методика и практика сохранения памятников архитектуры: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1974. С. 33—39.

154. **Зандберга Р. Я.** Архитектурно-планировочное развитие средневековой Риги: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / ЦНИИЭПжилища. М., 1974. 22 с.

155. **Зарембска Т.** Историко-градостроительные исследования к генеральным планам реконструкции старинных городов // Город и время: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1973. С. 218—235.

156. **Заславский Е. Л., Чантурия Ю. В.** Проблема регенерации исторических центров населенных мест БССР // Вопросы строительства и архитектуры: Респ. межведомств. сб. Мн.: Вышэйш. шк., 1984. Вып. 3. С. 37—41.

157. **Захватович Я.** Польская архитектура до половины XIX столетия. Варшава: Budownictwo i architektura, 1956. 32 с. +500 ил.

158. **Захватович Я.** Польская архитектура. Варшава: Аркады, 1967. 545 с.

159. **Заяц Ю. А.** Заславль в эпоху феодализма. Мн.: Навука і тэхніка, 1995. 207 с.

160. **Збор** помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць. Мн.: БелСЭ, 1985. 496 с.

161. **Збор** помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гомельская вобласць. Мн.: БелСЭ, 1985. 383 с.

162. **Збор** помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Гродзенская вобласць. Мн.: БелСЭ,1986. 371 с.

163. **Збор** помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Магілёўская вобласць. Мн.: БелСЭ,1986. 408 с.

164. **Збор** помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінская вобласць. Мн.: БелСЭ, 1987. Кн. 1. 284 с.; Кн. 2. 308 с.

165. **Збор** помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. Мн.: БелСЭ, 1988. 333 с.

166. **Зверуго Я. Г.** Древний Волковыск: X—XIV вв. Мн.: Наука и техника, 1975. 143 с.

167. **Зверуго Я. Г.** Верхнее Понеманье в IX—XIII вв. Мн.: Наука и техника, 1989. 208 с.

168. **Зеленский Н.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. СПб.: Военная тип., 1864. Ч. 2. VIII+V+701 с.

169. **Зитте К.** Художественные основы градостроительства. М.: Стройиздат, 1993. 255 с.

170. **Зоненберг Х.** История города Брест-Литовска: 1016—1907: По достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям. Варшава: Тип. П. Кобринца в Брест-Литовске, 1908. 104 с.

171. **Зорин Н.** Минувшее и настоящее города Полоцка. Полоцк, 1910. 36 с.

172. **Ігнатоўскі У. М.** Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мн.: Беларусь, 1992. 190 с.

173. **Иконников А., Степанов Г**. Основы архитектурной композиции: Учеб. для вузов. М.: Искусство, 1971. 224 с.

174. **Иконников А. В.** Архитектура города: Эстетические проблемы композиции. М.: Стройиздат, 1972. 216 с.

175. **Иконников А. В.** XVII век — к искусству ансамбля и ансамблю искусств // Вопросы теории архитектуры: Образ мира в архитектуре: Сб. ст. / Под ред. И. А. Азизян. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1995. С. 125—168.

176. **Иконников А. В.** Отречение от идеальной гармонии // Вопросы теории архитектуры: Образ мира в архитектуре: Сб. ст. / Под ред. И. А. Азизян. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1995. С. 98—124.

177. **Иконников А. В.** Историзм в архитектуре. М.: Стройиздат, 1997. 559 с.

178. **Историко-градостроительное** обоснование проекта регенерации исторического района г. Чечерска: Отчет о НИР / БелНИИПградостроительства; Рук. Ю. В. Чантурия. № ГР 02.90.0025048. Мн., 1989. 76 с.

179. **Историко-градостроительное** обоснование проекта регенерации исторической застройки г. Слонима: Отчет о НИР / БелНИИПградостроительства; Рук. Ю. В. Чантурия. № ГР 01.89.0082369. Мн., 1989. Т. 1. 258 с.; Т. 2. 11 ил. табл.

180. **Историко-статистическое** описание девяти уездов Минской губернии. Мн.: Минск. губ. статист. комитет, 1870. Вып. 1. 436 с.

181. **Историко-юридические** материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией п. д. архивариуса сего архива М. Веревкина. Витебск: Типолитогр. Г. А. Малкина, 1893. Вып. 24. IV+516+XXXVI с.

182. **Историко-юридические** материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией п. д. архивариуса сего архива Дм. Ив. Довгялло. Витебск: Губ. типолитогр., 1901. Вып. 29. IV+472+68+XXXI с.

183. **Исторические** заметки о городах Северо-Западного края // Виленский календарь на 1890 простой год: Сб. ст. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1889. С. 184—220.

184. **Исторические** заметки о городах Северо-Западного края: Уездные города и замечательные местечки // Виленский календарь на 1892 год: Сб. ст. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1891. С. 197—218.

185. **Исторические** заметки о городах Северо-Западного края: Уездные города и замечательные местечки // Виленский календарь на 1893 год: Сб. ст. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1892. С. 225—266.

186. **Историческое** развитие планировки и застройки Витебска (формирование пространственной структуры города и основных архитектурных комплексов): Отчет о НИР / БелНИИПградостроительства; Рук. Ю. В. Чантурия. № ГР 01.85.0015702. Мн., 1984. 70 с.

187. **Историческое** развитие планировки и застройки г. Гродно (анализ пространственно-планировочной структуры): Отчет о НИР / БелНИИПградостроительства; Рук. Ю. В. Чантурия. № ГР 01.88.0089883. Мн., 1988. 70 с.

188. **Историческое** развитие планировки и застройки г. Полоцка: Отчет о НИР / БелНИИПградостроительства; Рук. Ю. В. Чантурия. № ГР 01.84.0051809. Мн., 1984. 63 с.

189. **История** русской архитектуры: Учеб. для вузов / В. И. Пилявский, Т. А. Славина, А. А. Тиц и др.; Под общ. ред. Ю. С. Ушакова, Т. А. Славиной. 2-е изд., доп. СПб.: Стройиздат, 1994. 600 с.

190. **Каганов Г.** Рим на Неве: Об «античности» петербургской архитектуры второй половины XVIII века // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: искусство композиции в истории архитектуры» / НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т, Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева. М., 1996. Вып. 5. С. 39—44.

191. **Калнин В. В.** Мирский замок. Мн.: Полымя, 1986. 63 с.

192. **Калнин В. В.** Городница — городской ансамбль XVIII века // Строительство и архитектура Белоруссии. 1988. № 4. С. 34—36.

193. **Каменева Т. Е.** Принципы перепланировки русских городов во второй половине XVIII века: Автореф. дис. ... канд. искусствовед.: 18.00.01 / ВНИИискусствознания. М., 1985. 21 с.

194. **Караткевіч В. Б., Кулагін А. М.** Помнікі Слоніма. Мн.: Навука і тэхніка, 1983. 103 с.

195. **Каргер М. К.** Новый памятник зодчества XII века в Турове // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии: Тр. / Ин-т археолог. АН СССР. М., 1965. Вып. 100. С. 130—138.

196. **Каспяровіч М.** Асноўныя моманты гісторыі беларускага дойлідства // Полымя. 1927. № 5. С. 183—191.

197. **Каханоўскі Г. А.** Вілейка: Гісторыка-эканамічны нарыс. Мн.: Беларусь, 1974. 110 с.

198. **Каханоўскі Г. А.** Археалогія і гістарычнае краязнаўства Беларусі ў XVI—XIX стст. Мн.: Навука і тэхніка, 1984. 120 с.

199. **Кацер М. С.** Белорусская архитектура: Исторический очерк. Мн.: Гос. изд-во БССР, 1956. 120 с.

200. **Квитницкая Е. Д.** Строительство Тызенгауза в Гродно // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Гос. изд. лит. по строит., архитек. и строит. материалам, 1958. Вып. 11. С. 21—42.

201. **Квитницкая Е. Д.** Строительство Тызенгауза в Поставах // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Гос. изд. лит. по строит., архитек. и строит. материалам, 1961. Вып. 13. С. 3—32.

202. **Квитницкая Е. Д.** Планировка Гродно в XVI—XVIII вв. // Сб. ст. М.: Изд. лит. по стр-ву, 1964. Вып. 17. С. 11—38.

203. **Квитницкая Е. Д.** Коллегиумы Белоруссии XVII в. // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Изд. лит. по строит., 1969. Вып. 18. С. 3—17.

204. **Квитницкая Е. Д.** Белорусские коллегиумы XVIII в. // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Изд. лит. по строит., 1972. Вып. 19. С. 12—26.

205. **Квитницкая Е. Д.** Административные здания Белоруссии конца XVIII в. // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Изд. лит. по строит., 1972. Вып. 20. С. 3—16.

206. **Квітніцкая А. Д.** Стары Слонім // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1972. № 4. С. 25—29.

207. **Квітніцкая А. Д.** Кляштар у Картузскай Бярозе // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1973. № 4. С. 19—23.

208. **Квитницкая Е. Д.** Типовое проектирование в Белоруссии в конце XVIII в. // Архитектурное наследство: Малоизученные проблемы архитектуры народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1973. Вып. 21. С. 88—99.

209. **Квитницкая Е. Д.** Приемы формирования торгово-административного центра Витебска в XVIII в. // Архитектурное наследство: Теоретические воззрения и творческие методы зодчих народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1974. Вып. 22. С. 136—149.

210. **Квитницкая Е. Д.** Могилевский Спасский монастырь // Архитектурное наследство: Проблемы архитектурного ансамбля: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1976. Вып. 24. С. 104—115.

211. **Квитницкая Е. Д.** Планировка Бобруйской крепости // Архитектурное наследство: Проблемы градостроительства IV–XIX вв.: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1976. Вып. 25. С. 25–34.

212. **Квитницкая Е. Д.** Монастыри Бреста XVII–XVIII вв. // Архитектурное наследство: Региональные черты зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1979. Вып. 27. С. 108–121.

213. **Квитницкая Е. Д.** Госпитали Белоруссии в первой половине XIX в. // Архитектурное наследство: Малоизученные вопросы зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1982. Вып. 30. С. 46–59.

214. **Квитницкая Е. Д.** Центры городов Белоруссии в XVI — первой половине XIX в. // Архитектурное наследство: Самобытность и влияния в зодчестве народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1983. Вып. 31. С. 28–50.

215. **Кириллов В. В.** Зарождение русского регулярного градостроительства: Строительство Тобольска с конца XVI до начала XVIII вв.: Автореф. дис. ... канд. искусствовед. / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1965. 23 с.

216. **Кириллов В. В.** Русский город эпохи барокко: Культурный и эстетический аспект // Русский город (исследования и материалы): Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. Вып. 6. С. 127–162.

217. **Кириченко Е. И.** Архитектурные теории XIX века в России. М.: Искусство, 1986. 344 с. +32 л.

218. **Кириченко Е. И.** Восток и Запад: истоки русского искусства конца XIX — начала XX века // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад–Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 70–74.

219. **Кириченко Е. И.** Идеи духовного возрождения в градостроительстве и храмовом зодчестве России XIX — начала XX века // Художественные модели мироздания: Взаимодействие искусств в истории мировой культуры: Сб. ст. М.: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 1997. Кн.1. С. 251–259.

220. **Киркор А.** Очерк городов Виленской губернии // Памятная книжка Виленской губернии на 1851 год: Сб. ст. Вильна: Вилен. губ. статист. комит., 1851. Ч. 2. С. 1–61.

221. **Киткаускас К.-Н. И.** Комплекс зданий Вильнюсского Нижнего замка (Исследования и вопросы охраны): Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / ЦНИИ теории и истории архитек. М., 1980. 19 с.

222. **Кішык Ю. Н.** Сілуэтныя кампазіцыі Мсціслава // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1972. № 3. С. 27–29.

223. **Кішык Ю. Н.** Гродна сярэдневяковы // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1974. № 4. С. 23–28.

224. **Кишик Ю. Н.** Анализ развития высотной композиции города // Архитектура СССР. 1975. № 2. С. 42–46.

225. **Кишик Ю. Н.** Традиции и проблемы формирования силуэта города // Строительство и архитектура Белоруссии. 1975. № 3. С. 34–37.

226. **Кишик Ю. Н.** Об эстетической оценке исторической застройки городов Белоруссии // Строительство и архитектура Белоруссии. 1978. № 1. С. 7–10.

227. **Кишик Ю. Н.** Особенности пространственной организации Витебска в XVI–XVIII вв. // Строительство и архитектура Белоруссии. 1981. № 1. С. 20–21.

228. **Кишик Ю. Н.** Об ансамблевости застройки городов Белоруссии // Строительство и архитектура Белоруссии. 1981. № 4. С. 7–9.

229. **Кишик Ю. Н.** Разработка моделей пространственной организации крупных городов системой высотных доминант // Строительство и архитектура Белоруссии. 1987. № 2. С. 6–8.

230. **Кишик Ю. Н.** Преемственность в пространственной организации крупного города // Строительство и архитектура Белоруссии. 1990. № 5. С. 1,2.

231. **Кишик Ю. Н.** Рельеф и композиция города // Строительство и архитектура Белоруссии. 1990. № 6. С. 8,9.

232. **Кишик Ю. Н.** Высотное построение белорусских городов к концу XVIII в. // Архитектурное наследство: Традиции и творческие методы в зодчестве народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1990. Вып. 37. С. 67–79.

233. **Кишик Ю. Н.** Традиции русского и западноевропейского градостроительства и воссоздание композиционных особенностей средневековых белорусских городов // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад–Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» /ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 116–120.

234. **Кишик Ю. Н.** О целостности городской композиции: Система ведущих зданий в средневековых белорусских городах // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад–Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 183–187.

235. **Кішык Ю. Н.** Панарама старага Віцебска. Мн.: Полымя, 1995. 135 с.

236. **Кишик Ю. Н.** Пространственная организация градостроительной структуры Витебска в XIV–XVII вв. // Архитектурное наследство: Сб. ст. / НИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1996. Вып. 40. С. 56–62.

237. **Кишик Ю. Н.** Градостроительные особенности Могилева в XVI–XVIII вв. // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: НИИ теории архитектуры и градостр-ва, 1996. Вып. 41. С. 90–96.

238. **Клейн Э. М., Довгялло Д. И., Белоцерковец И. Е.** Город Борисов. Вильна: Изд. Сев.-Зап. отделен. Русск. геогр. об-ва, 1910. 38 с.

239. **Князев К. Ф.** Русское градостроительное наследие. М.: Знание, 1972. 48 с.

240. **Казлоў Л., Цітоў А.** Беларусь на сямі рубяжах. Мн.: Беларусь, 1993. 71 с.

241. **Козловский П. Г.** Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в.: (Центральная и западная зоны). Мн.: Наука и техника, 1974. 184 с.

242. **Колосок Б. В.** Градостроительное наследие Луцка: Развитие древнего города и проблема преемственности: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / ЦНИИ теории и истории архитек. М., 1981. 27 с.

243. **Копысский З. Ю.** Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Мн.: Наука и техника, 1966. 227 с.

244. **Копысский З. Ю.** Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI — первой половине XVII в. Мн.: Наука и техника, 1975. 191 с.

245. **Корева А.** Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Виленская губерния. СПб.: Тип. И. Огризко, 1861. VIII+VI+805+III с.

246. **Корзун Э. С.** Гольшаны. Мн.: Полымя, 1987. 87 с.

247. **Коркунов М. А.** Карта военных действий между русскими и поляками в 1579 году и тогдашние планы города Полоцка и окрестных крепостей // Журнал Министерства народного просвещения. 1837. № 8. С. 235—249.

248. **Коротковский А. Э.** Введение в архитектурно-композиционное моделирование: Учеб. пособ. М.: Моск. архитек. ин-т, 1975. 303 с.

249. **Косточкин В. В.** О «регулярной» планировке в крепостной архитектуре Русского государства // Ежегодник института истории искусств: 1957 г.: Архитектура и живопись: Сб. ст. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 83—137.

250. **Кострикин Н. Д.** План города как основа формирования его художественного образа: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Моск. архитек. ин-т. М., 1977. 22 с.

251. **Коялович М.** Гродно: Из путевых наблюдений во время поездки по западной России. СПб.: Тип. Департ. Уделов, 1887. 24 с.

252. **Коялович М.** Поездка в середину Белоруссии. СПб.: Тип. Департ. Уделов, 1887. 18 с.

253. **Краўцэвіч А.** Майстар — наш продак. Мн.: Народ. асвета, 1990. 88 с.

254. **Краўцэвіч А. К.** Гарады і замкі Беларускага Панямоння XIV—XVII стст.: Планіроўка, культурны слой. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. 171 с.

255. **Краўцэвіч А. К., Якшук Г. М.** Стары Мір. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. 85 с.

256. **Кравцов С. Р.** Образ Вселенной и образ Времени в композиции галицийских городов-магдебургий // Проблемы истории архитектуры: Тез. докл. всесоюз. науч. конф., Суздаль, 1991 г. / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1990. С. 29—31.

257. **Кравцов С. Р.** Из градостроительной истории Ивано-Франковска // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Architectura, 1992. Вып. 39. С. 130—134.

258. **Кравцов С. Р.** Принципы регулярного градостроительства Галичины XIV—XVII веков: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. 24 с.

259. **Краснянский В. Г.** Город Мстиславль (Могилевской губернии). Вильно: Изд. Сев.-зап. отделен. Импер. русск. геогр. об-ва, 1912. 100 с.

260. **Красьнянскі В.** «Чартёж» месца Віцебску 1664 г. як дакументальны помнік да гісторыі беларускага драўлянага будаўніцтва. (З планамі і рысункамі работы А. Брадоўскага) // Запіскі аддзелу гуманітарных навук: Працы камісіі гісторыі мастацтва: Зб. арт. Мінск: Выд. Ін-та беларус. культуры, 1928. Кн. 6. Т. 1. Сшыт. 1. С. 39—93.

261. **Красовицкий П. М.** Памятники церковной старины в Витебской губернии и их охранение // Полоцко-Витебская старина: Сб. ст. Витебск: Изд. Витеб. Учен. Архив. Комиссии, 1911. Кн. 1. Ч. 1. С. 1—64.

262. **Красовский И. С.** Некоторые особенности градостроительной структуры Киева середины XII в. // Архитектурное наследство: Проблемы градостроительства IV—XIX вв.: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1976. Вып. 25. С. 12—19.

263. **Краткие** исторические сведения о губернских городах Виленского генерал-губернаторства // Памятная книжка Виленского генерал-губернаторства на 1868 год: Сб. ст. / Под ред. А. М. Сементовского. СПб.: Изд. Витеб. губ. статист. комит., 1868. С. 3—42.

264. **Краткое** историческое описание городов Гродненской губернии // Памятная книжка Гродненской губернии на 1880 год: Сб. ст. Гродно: Грод. губ. статист. комит., 1880. Ч. 3. С. I—XXXII.

265. **Крашенинникова Н. Л.** Принципы регулярной планировки городов-крепостей России XVIII в. на примере Оренбурга // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1973. Вып. 21. С. 14—23.

266. **Крашенинникова Н. Л.** Строительство русских крепостей XVIII в. по «образцовым» проектам // Архитектурное наследство: Проблемы градостроительства IV—XIX вв.: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1976. Вып. 25. С. 72—78.

267. **Кринский В. Ф., Ламцов И. В., Туркус М. А.** Элементы архитектурно-пространственной композиции: Учеб. пособ. М.: Изд-во лит. по строит-ву, 1968. 168 с.

268. **Круглова М. Г.** Монументы в архитектуре городов. М.: Гос. изд-во лит. по строит-ву и архитек., 1952. 124 с.

269. **Крукоўскі А.** Старадаўні Тураў і яго ваколіцы // Наш край. 1926. № 8—9 (11—12). С. 51—55.

270. **Крукоўскі А. Я.** Горад Мазыр і яго ваколіцы // Наш край. 1927. № 3 (18). С. 16—28.

271. **Кудрявцева Т. Н.** Структура и композиционные особенности слободы русского города XVI—XVII вв. // Архитектурное наследство: Композиционные приемы и традиции: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1984. Вып. 32. С. 13—25.

272. **Кудрявцева Т. Н.** Композиция улиц древнерусских городов // Архитектурное наследство: Город и его застройка: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1985. Вып. 33. С. 14—22.

273. **Кудрявцева Т. Н.** Древнерусский город и византийское законодательство // Архитектурное наследство: Русская архитектура: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1988. Вып. 36. С. 144—155.

274. **Кудрявцев М. П.** Использование рельефа в русском градостроительстве на примере Москвы XVII в. // Архитектурное наследство: Малоизученные проблемы архитектуры народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1973. Вып. 21. С. 3—13.

275. **Кудрявцев М. П.** Пространственная композиция центра Москвы XVII в. // Архитектурное наследство: Проблемы градостроительства IV—XIX вв.: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1976. Вып. 25. С. 19—24.

276. **Кудрявцев М. П., Кудрявцева Т. Н.** Ландшафт в композиции древнерусского города // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1980. Вып. 28. С. 3—12.

277. **Кудрявцев М. П.** Москва в конце XVII века: Анализ градостроительной композиции: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / ЦНИИ теории и истории архитектуры. М., 1981. 24 с.

278. **Кудрявцев М. П.** Опыт приведения композиции Москвы конца XVII в. к идеализированной схеме // Архитектурное наследство: Малоизученные вопросы зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1982. Вып. 30. С. 13—23.

279. **Кудрявцев М. П.** Некоторые принципы и композиционные приемы градостроительства Москвы XVII в. // Архитектурное наследство: Город и его застройка: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1985. Вып. 33. С. 23—30.

280. **Кудрявцев М. П.** Системы приречных ансамблей Москвы XVII в. // Архитектурное наследство: Преемственность и влияния в архитектуре народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1986. Вып. 34. С. 17—25.

281. **Кудрявцев М. П.** Москва — Третий Рим: Историко-градостроительное исследование. М.: Сол Систем, 1994. 256 с.

282. **Кудряшов В. И.** Гродно. М.: Гос. изд. лит. по строит., архитек. и строит. материалам, 1960. 128 с.

283. **Куза А. В.** Социально-историческая типология древнерусских городов X—XIII вв. // Русский город: Исследования и материалы: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. Вып. 6. С. 4—36.

284. **Кулагин А. Н.** Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии: Вторая половина XVIII — начало XIX в. Мн.: Наука и техника, 1981. 134 с.

285. **Кулагин А. Н.** Архитектура и искусство рококо в Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1989. 240 с.

286. **Кулагін А. М.** Каталіцкія храмы на Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. Мн.: БелЭн, 2000. 216 с.

287. **Кушнярэвіч А. М.** Культавае дойлідства Беларусі XIII—XVI стст.: Гістарычнае і архітэктурна-археалагічнае даследаванне. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. 152 с.

288. **Лаврецкий Г.** Полоцк — второй Иерусалим?! Посвящается 3000-летию Иерусалима // Архитектура и строительство. 1996. № 4. С. 30—32.

289. **Лавров В. А.** Развитие планировочной структуры исторически сложившихся городов. М.: Стройиздат, 1977. 176 с.

290. **Лавровская И. Б.** Судьба памятников истории и архитектуры Бреста (XIV—XIX вв.) // Архитектура и строительство Белоруссии. 1991. № 4. С. 41—44; № 6. С. 28, 29, 42—45.

291. **Лаппо И. И.** Полоцкая ревизия 1552 г. М.: Изд. Импер. об-ва истории и древностей российск. при Моск. ун-те, 1905. XXII+238 с.

292. **Лаппо И. И.** Описание полоцких владычных, монастырских и церковных земель ревизорами 1580 года. М.: Изд. Импер. об-ва истории и древностей российск. при Моск. ун-те, 1907. IV+25 с.

293. **Левко О. Н.** Витебск XIV—XIX вв.: Стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств. Мн.: Наука и техника, 1984. 120 с.

294. **Левко О. Н.** Средневековая Орша и ее округа: Историко-археологический очерк. Орша: Бел. добров. об-во охраны памят. истории и культуры, 1993. 51 с.

295. **Лисенко Л. М.** Гармонические построения в архитектуре церквей Кижского погоста // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1969. Вып. 18. С. 125—134.

296. **Лихачев Д. С.** Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского Кремля: Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 17—23.

297. **Лозицкий А. И.** Пинск XVI столетия. Мн.: Навука і тэхніка, 1994. 53 с.

298. **Локотко А. И.** Система построения форм в деревянном зодчестве Белоруссии / Архитектура и строительство Белоруссии. 1990. № 1. С. 33—36.

299. **Локотко А. И.** Белорусское народное зодчество: Середина XIX—XX в. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. 287 с.

300. **Лакотка А. І.** Пад стрэхамі прашчураў. Мн.: Полымя, 1995. 384 с.

301. **Лакотка А. І.** Мястэчкі Беларусі // Мастацтва. 1998. № 10. С. 67—72.

302. **Лакотка А. І.** Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры. Мн.: Ураджай, 1999. 366 с.

303. **Лукомский Г.** Гомельская усадьба княгини И. И. Варшавской, графини Паскевич-Эриванской // Столица и усадьба. 1913. № 1. С. 4—10.

304. **Лысенко П. Ф.** Археологическое изучение городов Туровской земли // Древности Белоруссии: Материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.) / Акад. наук БССР. Ин-т истории. Мн., 1966. С. 258—275.

305. **Лысенко П. Ф.** К вопросу об исторической топографии древнего Пинска // Вопросы истории и археологии: Материалы X конф. молодых ученых по обществен. наукам (июнь 1966 г.) / Акад. наук БССР. Отдел обществ. наук. Мн., 1966. С. 280—291.

306. **Лысенко П. Ф.** Города Туровской земли. Мн.: Наука и техника, 1974. 199 с.

307. **Лысенко П. Ф.** Берестье. Мн.: Наука и техника, 1985. 399 с.

308. **Любавский М. К.** Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М.: Изд. Об-ва истории и древностей российск., 1910. 376 с.

309. **Лютый А. М.** Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII — первой половине XIX в. Мн.: Навука і тэхніка, 1987. 181 с.

310. **Мараш Я. Н., Чантурыя Ю. У.** Навагрудак // Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1988. С. 430, 431.

311. **Материалы** для истории древних православных церквей в Гродне // Памятная книжка Гродненской губернии на 1866 год: Сб. ст. Гродно: Грод. губ. статист. комит., 1866. Отдел. 1. С. 1—36.

312. **Материалы** по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии. Витебск: Изд. А. Сапунова и кн. В. Друцкого-Любецкого, 1896. 264+144+33 с.

313. **Мейер А.** Описание Кричевского графства 1786 года // Могилевская старина: Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей» / Под ред. Е. Р. Романова. Могилев-Губернский: Тип. Губ. правл., 1901. Вып. II, 1900—1901 годы. С. 86—137.

314. **Мелешко В. И.** Слоним: Исторический очерк. Мн.: Гос. изд-во БССР, 1962. 80 с.

315. **Мелешко В. И.** Могилев в XVI — середине XVII в. Мн.: Наука и техника, 1988. 262 с.

316. **Меркулова И. Ю., Мокеев Г. Я.** Трансформация древнерусских городов // Архитектурное наследство: Преемственность и влияния в архитектуре народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1986. Вып. 34. С. 8—16.

317. **Микишатьев М. Н.** Голландия и Россия: к вопросу отражения культурных контактов в русской архитектуре конца XVII — начала XVIII века // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» /ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 31—38.

318. **Микулёнис С. А.** Исследования комплекса памятников оборонного зодчества Тракай и вопросы его охраны: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Ин-т истории искусств. М., 1975. 47 с.

319. **Милаковский М.** Описание города Слонима. Гродно: Тип. Губ. правл., 1891. 30 с.

320. **Миловидов А.** Пинский Богоявленский, бывший братский монастырь: Из истории православья на Полесье // Виленский календарь на 1897 год: Сб. ст. Вильна: Тип. Вил. Св.-Дух. Братства, 1896. С. 185—211.

321. **Миловидов А. И.** Церковно-археологические памятники города Пинска. Мн.: Тип. Соломонова, 1898. 16 с.

322. **Миловидов А. И.** Пинский Богоявленский второклассный монастырь: 1800—1900 гг. Мн.: Тип. Соломонова, 1900. 18 с.

323. **Миловидов А. И.** Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М. Н. Муравьеве: По архивным материалам. Вильно: Тип. «Русский почин», 1913. 52 с.

324. **Милютин Д. М.** Гродна в 1794, 1975 и 1796 годах. Гродна: Губ. тип., 1905. 88 с.

325. **Михайлова М. Б.** Античный элемент в формировании города Возрождения: Теория и практика // Античное наследие в культуре Возрождения: Сб. ст. М.: Наука, 1984. С. 214—220.

326. **Михайлова М. Б.** Соборные площади новых городов юга России периода классицизма // Архитектурное наследство: Русская архитектура: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1988. Вып. 36. С. 187—202.

327. **Михайлова М. Б.** Античное наследие в практике реконструкции европейских городов периода классицизма // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 62—67.

328. **Михайлова М. Б.** Площади классицизма: Типология // Архитектурное наследство: Проблемы стиля и метода в русской архитектуре: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1995. Вып. 38. С. 83—101.

329. **Михайловский Е. В.** Планировка города как памятник архитектуры // Памятники архитектуры и современная городская застройка: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1973. С. 19—44.

330. **Могытыч Р. И.** К вопросу о планировке Львовского среднеместья // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Architectura, 1992. Вып. 39. С. 135—138.

331. **Мокеев Г. Я.** Москва — памятник древнерусского градостроительного искусства // Наука и жизнь. 1969. № 9. С. 28—32.

332. **Мокеев Г. Я.** Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян // Архитектурное наследство: Национальное своеобразие и взаимовлияния архитектуры народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1975. Вып. 23. С. 3—13.

333. **Мокеев Г. Я.** Типология древнерусских городов // Архитектурное наследство: Проблемы градостроительства IV—XIX вв.: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1976. Вып. 25. С. 3—11.

334. **Мокеев Г. Я.** Системные элементы планировки древней Москвы // Архитектурное наследство: Малоизученные вопросы зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1982. Вып. 30. С. 5—12.

335. **Мокеев Г. Я., Меркулова И. Ю.** Кашин XVI—XVII вв. и города сходного типа // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1988. Вып. 36. С. 163—174.

336. **Морозов В. Ф.** Комплекс Богоявленского монастыря в Полоцке: К вопросу о творчестве Д. Кваренги в Белоруссии // Строительство и архитектура Белоруссии. 1978. № 2. С. 29—31.

337. **Морозов В. Ф.** Дворец Румянцевых-Паскевичей в Гомеле // Архитектурное наследство: Малоизученные вопросы зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1982. Вып. 30. С. 37—45.

338. **Морозов В. Ф.** Гомель классический: Эпоха. Меценаты. Архитектура. Мн.: Четыре четверти, 1997. 336 с.

339. **Морозов В. Ф.** Классицизм в архитектуре Беларуси: Дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01. Мн., 2001. 348 с.

340. **Морозов И. В.** Архитектурная герменевтика: Текстологические аспекты теории архитектуры: Учебное пособие. Мн.: Пейто, 1999. 264 с.

341. **Москалевич Р.** М-ко Логойск, его историческая судьба в церковном и гражданском отношении // Вестник Западной России. 1870. Т. 2. Кн. 4. С. 1—14.

342. **Музеи** и памятники старины // Обзор Могилевской губернии за 1910 год: Сб. ст. Могилев: Могил. губ. статист. комит., 1911. С. 84—87.

343. **Мульчевская С. П.** Варнянскі «ўзорны ансамбль» // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1977. № 3. С. 35—36.

344. **Мяцельскі А. А.** Старадаўні Крычаў: Гістарычна-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. Мн.: Бел. навука, 2003. 167 с.

345. **Нетылькин А. Т.** Пинск: Исторический очерк. Мн.: Гос. изд-во БССР, 1961. 75 с.

346. **Нивич Я.** Туров, Мин. г. // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества: 1913: Сб. ст. Вильна: Тип. И. Завадзского, 1914. Кн. 4. С. 217—223.

347. **Никитин А. С., Зальцман Е. Е.** Мозырь: Историко-экономический очерк. Мн.: Беларусь, 1973. 96 с.

348. **Никифоровский Н. Я.** Странички из недавней старины города Витебска: Воспоминания старожила. Мн.: Полымя, 1995. 149 с.

349. **Никифоровский Н. Я., Довгялло Д. И.** Никольская церковь в Задвинской слободке м. Бешенковичи Лепельского уезда с фасадом и планом ея, сделанным с фотографии И. Ю. Сабин-Гуса. Витебск: Губ. типолитография, 1899. 10 с.

350. **Новицкий А.** История русского искусства с древнейших времен. М.: Изд. В. Н. Линд, 1903. Т. 1.

351. **«Образцовые»** проекты в жилой застройке русских городов XVIII—XIX вв. / Белецкая Е., Крашенинникова Н., Чернозубова Л., Эрн И. М.: Гос. изд. по строит-ву, архитек. и строит. материалам, 1961. 206 с.

352. **Объемно-пространственная** композиция: Учеб. пособие для вузов / А. В. Степанов, В. И. Мальгин, Г. И. Иванова и др.; Под ред. А. Ф. Степанова. М.: Стройиздат, 1993. 256 с.

353. **Ожегов С. С.** Типовое и повторное строительство в России в XVIII—XIX веках. М.: Стройиздат, 1984. 168 с.

354. **Описание** поездки в Пинск // Минская старина: Тр. / Минский церковный историко-археологический комитет. Мн., 1911. Вып. 2. С. 250—254.

355. **Орловский Е. Ф.** Очерк истории города Гродно, составленный на основании печатных источников. Гродно: Тип. Губ. правл., 1889. 76 с.

356. **Орловский Е. Ф.** Гродненская старина: Гор. Гродно. Гродно: Изд. авт., 1910. 346 с.

357. **Орша:** Историко-экономический очерк / Ю. И. Драгун, М. А. Грусман, З. А. Журавлева и др. 2-е изд., перераб. и доп. Мн.: Беларусь, 1967. 135 с.

358. **Осмоловский М. С.** Практика советского градостроительства. Минск. М.: Гос. изд-во лит. по строит-ву и архитек., 1952. 111 с.

359. **Основы** формирования архитектурно-художественного облика городов / Под ред. В. Н. Белоусова, Л. Н. Кулаги. М.: Стройиздат, 1981. 191 с.

360. **Оттиски** видов храмов, священных предметов, городов Северо-Западного края, народных типов Витебской губернии и предметов древности. Витебск: Губ. тип., 1891. 53 с.

361. **Очерки** по археологии Белоруссии: В 2 ч. / Г. В. Штыхов, П. Ф. Лысенко, Я. Г. Зверуго и др. Мн.: Наука и техника, 1970, 1972. Ч. 1,2.

362. **Павлинов А. М.** Деревянные церкви в г. Витебске // Труды девятого археологического съезда в Вильне, 1893: Сб. ст. / Под ред. граф. Уваровой и С. С. Слуцкого. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. Т. 1. С. 19—25.

363. **Павлов Н. Л.** Идея столпа-молнии в архитектуре индоевропейцев // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостроит-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 182—185.

364. **Павлов Н. Л.** Архаические представления о пространстве и времени в европейской традиции античного ордера // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостроит-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 178—180.

365. **Павловский К., Витвицкий М**. Историческая ценность городских комплексов и их охрана // Город и время: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1973. С. 236—252.

366. **Паевский Л. С.** Город Брест-Литовск и его древние храмы: Исторический очерк. Гродно: Тип. Губ. правл., 1894. 107 с.

367. **Паевский Л.** Каменец-Литовск и его древние храмы: Исторический очерк // Виленский календарь на 1896 год: Сб. ст. Вильна: Тип. Св.-Дух. Прав. Братства, 1895. С. 231—244.

368. **Памятники** архитектуры в структуре городов СССР / Под ред. А. В. Иконникова, Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1978. 208 с.

369. **Памятники** архитектуры Москвы: Кремль. Китай-город. Центральные площади / Под ред. М. В. Посохина, В. И. Балдина, В. В. Богданова, Л. А. Давида, С. М. Земцова, В. Н. Иванова, В. Я. Либсона, Г. В. Макаревича, С. М. Матвеева, С. С. Подъяпольского, А. А. Савина, Н. Н. Соболева, Ю. С. Яралова. М.: Искусство, 1982. 503 с.

370. **Памяць:** Бабруйскі раён. Мн.: БелЭн, 1998. 608 с.
371. **Памяць:** Барысаў. Барысаўскі раён. Мн.: БелЭн, 1997. 800 с.
372. **Памяць:** Бераставіцкі раён. Мн.: Белта, 1999. 624 с.
373. **Памяць:** Браслаўскі раён. Мн.: Паліграфафармленне, 1998. 712 с.
374. **Памяць:** Брэст: У 2 кн. Мн.: Белта. Кн.1. 1997. 576 с.
375. **Памяць:** Брэсцкі раён. Мн.: Белта, 1998. 574 с.
376. **Памяць:** Верхнядзвінскі раён: У 2 кн. Мн.: Паліграфафармленне. Кн. 1. 1999. 526 с.
377. **Памяць:** Гісторыка-дакументальная хроніка Бешанковіцкага раёна. Мн.: БелСЭ, 1991. 423 с.
378. **Памяць:** Гісторыка-дакументальная хроніка Быхаўскага раёна. Мн.: БелСЭ, 1990. 576 с.
379. **Памяць:** Гісторыка-дакументальная хроніка Глыбоцкага раёна. Мн.: БелЭн, 1995. 456 с.
380. **Памяць:** Гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна. Мн.: БелСЭ, 1989. 439 с.
381. **Памяць:** Гісторыка-дакументальная хроніка Пружанскага раёна. Мн.: БелЭн, 1992. 456 с.
382. **Памяць:** Гісторыка-дакументальная хроніка Рагачоўскага раёна. Мн.: БелЭн, 1994. 535 с.
383. **Памяць:** Гісторыка-дакументальная хроніка Талачынскага раёна. Мн.: БелСЭ, 1988. 654 с.
384. **Памяць:** Гісторыка-дакументальная хроніка Хойніцкага раёна. Мн.: БелЭн, 1993. 383 с.
385. **Памяць:** Глускі раён. Мн.: Белта, 1999. 640 с.
386. **Памяць:** Гомель: У 2 кн. Мн.: Белта. Кн.1. 1998. 608 с.
387. **Памяць:** Гродна. Мн.: БелЭн, 1999. 712 с.
388. **Память:** Историко-документальная хроника Березовского района. Мн.: БелСЭ, 1987. 440 с.
389. **Памяць:** Клецкі раён. Мн.: Маст. літ., 1999. 624 с.
390. **Памяць:** Клімавіцкі раён. Мн.: Універсітэцкае, 1995. 648 с.
391. **Памяць:** Крупскі раён. Мн.: БелЭн, 1999. 640 с.
392. **Памяць:** Лепельскі раён. Мн.: Беларусь, 1999. 640 с.
393. **Памяць:** Мазыр. Мазырскі раён. Мн.: Маст. літ., 1997. 574 с.
394. **Памяць:** Міёрскі раён. Мн.: Бел. навука, 1998. 630 с.
395. **Памяць:** Мінскі раён. Мн.: БелЭн, 1998. 640 с.
396. **Памяць:** Мсціслаўскі раён. Мн.: Полымя, 1998. 608 с.
397. **Памяць:** Нараўлянскі раён. Мн.: Белта, 1998. 448 с.
398. **Памяць:** Орша. Аршанскі раён: У 2 кн. Мн.: БелЭн, 1999. Кн. 1. 384 с.
399. **Памяць:** Орша. Аршанскі раён: У 2 кн. Мн.: БелЭн, 2000. Кн. 2. 528 с.
400. **Памяць:** Рэчыцкі раён: У 2 кн. Мн.: Беларусь, 1998. Кн. 1. 503 с.
401. **Памяць:** Слаўгарадскі раён. Мн.: Белта, 1999. 592 с.
402. **Памяць:** Петрыкаўскі раён. Мн.: Ураджай, 1995. 640 с.
403. **Памяць:** Чачэрскі раён. Мн., 2000. 622 с.
404. **Памяць:** Чэрыкаўскі раён. Мн.: Вышэйш. шк., 1994. 660 с.
405. **Памяць:** Шклоўскі раён. Мн.: Універсітэцкае, 1998. 510 с.
406. **Пастухов А. В.** Концепция символического каркаса городской среды: Автореф. дис. ... канд. архит.: 18.00.01 / Моск. архит. ин-т. М., 1989. 24 с.
407. **Пашуто В. Т.** Образование Литовского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 531 с.
408. **Пех Г. И.** Раскопки древнего Слонима // Древности Белоруссии: Материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий (1966 г.) /Акад. наук БССР, Ин-т истории. Мн., 1966. С. 275–279.
409. **Пилипенко М. Ф.** Возникновение Белоруссии: Новая концепция. Мн.: Беларусь, 1991. 143 с.
410. **Писцовая** книга бывшего Пинского староства, составленная по повелению короля Сигизмунда Августа в 1561–1566 годах пинским и кобринским старостой Л. Войною. Вильно: Тип. А. И. Зака, 1874. Ч. 1. X+8+423 с.
411. **Писцовая** книга Гродненской экономии с прибавлениями, изданная Виленской комиссией для разбора древних актов: В 2 ч. Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1881–1882. Ч. II. 1882. 606 с.
412. **Писцовая** книга Пинского и Клецкого княжеств, составленная пинским старостой С. Хвальчевским в 1552–1555 годах. Вильно: Изд. Виленск. археол. комиссии, 1884. XXXII+714 с.
413. **Пичета В. И.** Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 815 с.
414. **Пламеницкая О. А.** Особенности средневековой застройки центра Каменца-Подольского // Архитектурное наследство: Город и его застройка: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1985. Вып. 33. С. 52–61.
415. **Пламеницкая О. А.** К вопросу об эволюции планировочной структуры Каменца-Подольского // Архитектурное наследство: Традиции и творческие методы в зодчестве народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1990. Вып. 37. С. 48–57.
416. **Плужников В. И.** Термины российского архитектурного наследия: Словарь-глоссарий. М.: Искусство, 1995. 159 с.
417. **Полное** собрание законов Российской империи: Собр. 1-е. Книга чертежей и рисунков: Планы городов. СПб.: Тип. II отделен. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1839. 417 л.
418. **Полное** собрание законов Российской империи: Собр. 2-е. Т. XXVI. Отд. 2, 1851. СПб.: Тип. II отделен. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1852. 387+75+34 с. + 65 л.

419. **Полное** собрание законов Российской империи: Собр. 2-е. Т. XXXI. Отд. 2. Приложения. СПб.: Тип. II отделен. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1856. 792+44+6+44+13+103+4 с. + 99 л.

420. **Полное** собрание законов Российской империи: Собр. 2-е. Т. XXXVII. Отд. 3. 1862. Приложения. СПб.: Тип. II отделен. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1865. 545+137 с. + 50 л.

421. **Полоцк:** Исторический очерк. 2-е изд., доп. / АН БССР. Ин-т истории. Мн.: Наука и техника, 1987. 320 с.

422. **Полоцко-Витебская** старина. Витебск: Изд. Витебск. ученой архивн. комиссии, 1916. Вып. 3. 2+330 с.

423. **Попова Ю. Е.** Проблемы восприятия ренессансного города // Городская среда: Материалы Всесоюз. науч. конф. «Современные проблемы формирования городской среды», Суздаль, 1989 г. / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Союз архитекторов СССР. М., 1989. С. 122–131.

424. **По России** и Польше в исходе XVIII века: Путевые впечатления англичанина: 1779–1785 гг. // Русская старина. 1907. Август. С. 291–307; Сентябрь. С. 617–642.

425. **Посох Г.** Видзы: Опыт историко-статистического описания. Ковна: Изд. Ковен. губ. статистич. комитета, 1895. 13 с.

426. **Проскурякова Т. С.** О регулярности в русском градостроительстве XVII–XVIII вв. // Архитектурное наследство: Национальное своеобразие зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1980. Вып. 28. С. 37–46.

427. **Проскурякова Т. С.** О преемственности в русском градостроительстве второй половины XVIII в. // Архитектурное наследство: Город и его застройка: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1985. Вып. 33. С. 40–51.

428. **Проскурякова Т. С.** «Запад–Восток» в контексте архитектурной науки // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад–Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостроит-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 186–187.

429. **Протоиерей Лев Лебедев.** Богословие Русской земли как образа Обетованной земли Царства Небесного (на некоторых примерах архитектурно-строительных композиций XI–XVII веков) // Тысячелетие Крещения Руси: Международ. церков. науч. конф. «Богословие и духовность», Москва, 11–18 мая 1987 г. / Моск. Патриархия. М., 1989. С. 140–175.

430. **Пруцын О. И., Рымашевский Б., Борусевич В.** Архитектурно-историческая среда. М.: Стройиздат, 1990. 408 с.

431. **Путевые** заметки стольника П. А. Толстого о Могилевской губернии (1697–1699 гг.) // Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей»: Сб. ст. / Под ред. Е. Р. Романова. Могилев: Тип. губ. правл., 1900. Вып. 1, 1898 и 1899 гг. С. 43–49.

432. **Равдина Т. В.** Раскопки в Пинске // Советская археология. 1966. № 1. С. 285–290.

433. **Ранинский Ю. В.** Историко-теоретические основы преемственности в развитии архитектурного ансамбля: Дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01. М., 1981. 328 с. +Прилож.

434. **Рафальский П., Морек Я**. Варшава. Варшава: Интерпресс, 1987. 176 с.

435. **Ревзин Г. И.** К проблеме романофильского направления в архитектуре русского ампира: Тезисы // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад–Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостроит-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 103–106.

436. **Рекомендации** по составлению проектов планировки городов УССР с историко-архитектурными заповедниками и комплексами памятников архитектуры. Киев: КиевНИИПградостроительства, 1971. 138 с.

437. **Романов Е. Р.** Чечерск в 1629–1726 гг. // Могилевская старина: Сборник статей «Могилевских губернских ведомостей» / Под ред. Е. Р. Романова. Могилев-Губернский: Тип. Губ. правл., 1901. Вып. II, 1900 и 1901 гг. С. 151–156.

438. **Романовский И.** Положение гор. Слонима в Литовском государстве. Гродно: Гродн. губ. тип., 1895. 20 с.

439. **Россия:** Полное географическое описание нашего отечества. Верхнее Поднепровье и Белоруссия / Под ред. В. П. Семенова. СПб.: Изд. Девриена, 1905. Т. 9. IV+620 с.

440. **Рудницкий А. М.** Исторические районы в современном ансамбле городов: По материалам западных областей УССР // Известия высших учебных заведений: Строительство и архитектура. 1966. № 4. С. 147–157.

441. **Русское** градостроительное искусство: Древнерусское градостроительство X–XV веков / Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1993. 392 с.

442. **Русское** градостроительное искусство: Градостроительство Московского государства XVI–XVII веков / Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1994. 318 с.

443. **Русское** градостроительное искусство: Петербург и другие новые российские города XVIII – первой половины XIX веков / Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1995. 403 с.

444. **Русское** градостроительное искусство: Москва и сложившиеся русские города XVII – первой половины XIX веков / Под общ. ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1998. 439 с.

445. **Русское** градостроительное искусство: Градостроительство России середины XIX – начала XX века: Общая характеристика и теоретические проблемы / Под общ. ред. Е. И. Кириченко. М.: Прогресс – Традиция, 2001. 340 с.

446. **Ручинская Т. В.** Объемно-пространственная структура Москвы конца XVIII – первой половины XIX веков и ее связь с природным ландшафтом: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Моск. архитек. ин-т. М., 1996. 25 с.

447. **Рындзюнский П. Г.** Основные факторы городообразования в России второй половины XVIII в. // Русский город: Историко-методологический сборник: Сб. ст. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 105–127.

448. **Рычков П. А.** Градостроительное искусство Западной Украины XV–XIX веков: Дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01. М., 1993. 321+356+142 с.

449. **Рычков П. А.** Градостроительное искусство Западной Украины XV–XIX веков: Автореф. дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01 / ВНИИ теории архитектуры и градостр-ва. М., 1993. 64 с.

450. **Рычков П. А.** Градостроительная эволюция Станислава в XVII–XIX вв. // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1996. Вып. 41. С. 81–89.

451. **Рябинин И. С.** Местечко Бешенковичи (Витеб. губ.): Сб. ст. Витебск: Изд. Витеб. Учен. Архивн. Комиссии, 1912. Вып. II. С. 217–248.

452. **Рябушина И. А.** Композиция древнерусского ансамбля на примере монастырей XV–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / ЦНИИ теории и истории архитек. М., 1985. 20 с.

453. **Саваренская Т. Ф.** Основные направления в развитии теории западноевропейского градостроительного искусства XVII–XIX вв.: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения: 18.00.01 / ВНИИ искусствознания. М., 1979. 40 с.

454. **Саваренская Т. Ф.** История градостроительного искусства: Рабовладельческий и феодальный периоды. М.: Стройиздат, 1984. 376 с.

455. **Саваренская Т. Ф.** Западноевропейское градостроительство XVII–XIX веков: Эстетические и теоретические предпосылки. М.: Стройиздат, 1987. 191 с.

456. **Саваренская Т. Ф., Швидковский Д. О., Петров Ф. А.** История градостроительного искусства: Поздний феодализм и капитализм. М.: Стройиздат, 1989. 391 с.

457. **Саваренская Т. Ф.** Эвритмия в архитектуре Петербурга Пушкинской поры // Архитектура в истории русской культуры: Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1996. С. 144–147.

458. **Самцэвiч В.** Барысаў // Наш край. 1927. № 2(17). С. 45–50.

459. **Самцэвiч В. М.** Лагойск (Менскай акругi) // Наш край. 1928. № 4. С. 25–32.

460. **Сапунов А. П.** Исторические сведения о Витебских замках // Памятная книжка Витебской губернии на 1881 г.: Сб. ст. Витебск: Тип. Витебск. губ. правл., 1881. С. 143–176.

461. **Сапунов А.** Витебская старина: В 5 т. Витебск: Тип. Губ. правл., 1883–1888. Т. I–V.

462. **Сапунов А.** Заметка о коллегии и академии иезуитов в Полоцке. Витебск: Тип. Губ. правл., 1890. 34 с.

463. **Сапунов А.** Река Западная Двина: Историко-географический обзор. Витебск: Типо-литография Г. Малкина, 1893. IV+512+LXIX с.

464. **Сапунов А. П.** Витебский Успенский собор в связи с событиями из религиозной жизни витеблян: Публ. лекц., читан. в зале гор. думы 23 янв. 1894 г. Витебск: Губ. тип., 1894. 19 с.

465. **Сапунов А.** Полоцк, Витебск и Минск в 20-х годах прошлого века. Витебск: Губ. типо-литография, 1901. 28 с.

466. **Сапунов А.** Могилев в двадцатых годах прошлого века // Могилевская старина: Сборник статей «Могилевских Губернских Ведомостей» / Под ред. Е. Р. Романова. Могилев-Губернский: Тип. Губ. правл., 1901. Вып. II, 1900–1901 годы. С. 138–141.

467. **Сапунов А. П.** Памятники времен древних и новейших в Витебской губернии. Витебск: Изд. Губ. стат. комитета, 1903. 96+2+15 с.

468. **Сапунов А. П.** Церковь во имя Святого пророка Ильи в гор. Витебске. Витебск: Губ. типо-литограф., 1904. 8+8 с.

469. **Сапунов А. П.** «Чертеж» города Витебска 1664 года (Отдельные оттиски из «Трудов Витеб. Учен. Архивн. Комиссии»). Витебск: Тип. насл. М. Б. Неймана, 1910. 1+32+2 с.

470. **Сапунов А. П.** Пребывание Императрицы Екатерины II в Полоцке // Полоцко-Витебская старина: Сб. ст. Витебск: Изд. Витеб. Ученой Архивн. Комиссии, 1916. Вып. III. С. 55–67.

471. **Свод** памятников истории и культуры Белоруссии: Брестская область. Мн.: БелСЭ, 1990. 424 с.

472. **Севергин В. М.** Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1802 году. СПб.: Импер. Акад. наук, 1803. 224 с.

473. **Севергин В. М.** Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, технические и другие примечания, учиненные во время проезда через оные в 1803 году. СПб.: Импер. Акад. наук, 1804. 168 с.

474. **Семенов П. П.** Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5 т. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1863–1885. Т. 1–5.

475. **Сементовский А. М.** Витебск и уездные города Витебской губернии. СПб.: Тип. Вульфа, 1864. 136 с.

476. **Сементовский А.** Витебск: Исторический очерк // Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год: Сб. ст. / Под ред. А. М. Сементовского. СПб.: Изд. Витеб. губ. статист. комит., 1864. С. 43–116.

477. **Сементовский А.** Историко-статистические сведения об уездных городах Витебской губернии // Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год: Сб. ст. / Под ред. А. М. Сементовского. СПб.: Изд. Витеб. губ. статистич. комитета, 1864. С. 117–176.

478. **Сементовский А. М.** Белорусские древности. СПб.: Типо-литография Н. Стефанова, 1890. Вып. I. XI+131 с.

479. **Сербов И. А.** Поездка по Полесью летом 1912 г. // Записки Северо-Западного отдела Императорского Русского географического общества: 1913 г.: Сб. ст. Вильна: Тип. И. Завадзкого, 1914. Кн. 4. С. 70–102.

480. **Сергачев С.** План города Ушачи конца 18 века // Архитектура и строительство. 1999. № 2. С. 32–35.

481. **Символика** чисел: Сб. тр. / О. Диксон, Р. Шваллер де Любич, Дж. Р. Скиннер. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1996. 288 с.

482. **Скуратовский Г. М.** Основные теоретические проблемы пропорционирования в архитектуре: Автореф. дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01 / Моск. архитек. ин-т. М., 1996. 42 с.

483. **Славина Т. А.** Закономерности архитектурного наследования: На материале истории русской архитектуры: Автореф. дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01 / Ин-т живописи, скульпт. и архитектуры им. И. Е. Репина. Л., 1984. 40 с.

484. **Случевский К. К.** По северо-западу России. Т. 2: По западу России. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1897. 608+XII с.

485. **Слюнченко В. Г.** Главная площадь древнего Полоцка // Строительство и архитектура Белоруссии. 1990. № 1. С. 37,40.

486. **Слюнькова И. Н.** Роль образцовой схемы в перепланировке городов Восточной Белоруссии конца XVIII века // Строительство и архитектура Белоруссии. 1987. № 2. С. 28, 29.

487. **Слюнькова И. Н.** Архитектурные памятники Мстиславля // Архитектурное наследство: Русская архитектура: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1988. Вып. 36. С. 245–249.

488. **Слюнькова І. М.** Мастацкія прынцыпы рускага класіцызму ў архітэктуры Магілёўскай семінарыі // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследаванні: Зб. арт. Мн.: Навука і тэхніка, 1989. С. 130–136.

489. **Слюнькова И. Н.** Градостроительное развитие феодальной Орши // Архитектурное наследство: Традиции и творческие методы в зодчестве народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1990. Вып. 37. С. 58–66.

490. **Слюнькова И. Н.** Архитектура городов Верхнего Приднепровья XVII – середины XIX в. Мн.: Навука і тэхніка, 1992. 144 с.

491. **Слюнькова І. М.** Малавядомая карта верхняга цячэння Заходняй Дзвіны XVI ст. // Помнікі мастацкай культуры Беларусі эпохі Адраджэння: Зб. арт. Мн.: Навука і тэхніка, 1994. С. 179–184.

492. **Слюнькова И. Н.** Зарождение и развитие регулярных принципов в градостроительстве Верхнего Приднепровья // Архитектурное наследство: Проблемы стиля и метода в русской архитектуре: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1995. Вып. 38. С. 291–302.

493. **Слюнькова И. Н.** Особенности градостроительного развития Динабурга // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1996. Вып. 40. С. 83–91.

494. **Слюнькова И. Н.** Монастыри восточной и западной традиций: Наследие архитектуры Беларуси. М.: Прогресс – Традиция, 2002. 600 с.

495. **Смолина Н. И.** Традиции симметрии в архитектуре. М.: Стройиздат, 1990. 344 с.

496. **Смолина Н. И.** Идеальный город Шо и античная риторическая традиция: «говорящая архитектура» К. Н. Леду // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад–Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 71–79.

497. **Смородский А.** Летопись города Минска: Краткий перечень известий о городе Минске с древнейших времен // Памятная книжка Минской губернии на 1892 год: Сб. ст. Мн., 1891. Отдел IV. С. 125–166.

498. **Соболь В. Е.** Историко-археологическое изучение Минска XII–XVIII вв. // Древности Белоруссии и Литвы: Сб. ст. Мн.: Наука и техника, 1982. С. 157–164.

499. **Собрание** древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Мн.: Губ. тип., 1848. XLVIII+402 с.

500. **Солоневич Л.** Краткий исторический очерк Гродненской губернии за сто лет ее существования: 1802–1902. Гродно: Губ. тип., 1901. 106 с.

501. **Спельскис А. Р.** Особенности развития градостроительства Литвы: Автореф. дис. ... д-ра архитектуры / Белорус. политех. ин-т. Мн., 1967. 38 с.

502. **Список** памятников истории и культуры республиканского значения Белорусской ССР: В 2 кн. Мн.: БелСЭ, 1990. Кн. 1, 2.

503. **Степанов А. В., Иванова Г. И., Нечаев Н. Н.** Архитектура и психология: Учеб. пособ. М.: Стройиздат, 1993. 295 с.

504. **Столпянский Н.** Девять губерний Западно-русского края... СПб.: Изд. В. Дерикера, 1866. XVI+200 с.

505. **Стригалев А. А.** «Город Солнца» Кампанеллы как идеал миропорядка // Художественные модели мироздания: Взаимодействие искусств в истории мировой культуры: Сб. ст. М.: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 1997. Кн. 1. С. 137–147.

506. **Стукалич В. К.** Белоруссия и Литва: Очерки из истории городов в Белоруссии. Витебск: Губ. тип., 1894. 23+63 с.

507. **Супрун В. Р.** За смугаю часу: Даследаванні і меркаванні. Мн.: Полымя, 1994. 143 с.

508. **Сяргеенка Я.** Бабынавічы // Наш край. 1926. № 2–3 (5–6). С. 56–58.

509. **Таннер Б.** Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 году / Пер. с латин., примеч. и прилож. И. Ивакина. М.: Университ. тип., 1891. XI+202+1 с.

510. **Тарасаў С. В.** Полацк IX–XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія. Мн.: Беларуская навука, 1998. 183 с.

511. **Тарасенко В. Р.** Древний Минск: По письменным источникам и данным археологических раскопок 1945—1951 гг. // Материалы по археологии БССР: Тр. /АН БССР, Ин-т истории, Сектор археологии. Мн., 1957. Т. 1. С. 182—257.

512. **Тверской Л. М.** Русское градостроительство до конца XVII века: Планировка и застройка русских городов. М.: Гос. изд-во лит. по строит-ву и архитек., 1953. 216 с.

513. **Тихомиров М. Н.** Древнерусские города. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Госполитиздат, 1956. 480 с.

514. **Тиц А. А.** Архитектура, стандарт, красота. Киев: Будівельнік, 1972. 131 с.

515. **Ткачоў М. А.** Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII—XVIII стст. Мн.: Навука і тэхніка, 1978. 142 с.

516. **Ткачев М. А., Колединский Л. В.** Итоги археологического изучения Витебска в 1976—1980 гг. // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвящ. 1500-летию Киева. Мн.: Наука и техника, 1983. С. 69—71.

517. **Ткачев М. А.** Замки Белоруссии. Мн.: Полымя, 1987. 222 с.

518. **Ткачоў М. А.** Замкі і людзі. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. 184 с.

519. **Товаров А. В.** Историко-статистическая справочная книга Минской епархии: Историко-статистический обзор городов, церквей и приходов Минской епархии. Мн., 1903. 205 с.

520. **Топографические** примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в Белорусские наместничества. СПб.: Импер. Акад. наук, 1780. 133 с.

521. **Трацевский В. В.** История архитектуры народного жилища Белоруссии: Учеб пособ. для вузов. Мн.: Вышэйш. шк., 1989. 191 с.

522. **Трацевский В. В.** Архитектурный ансамбль Ворнян // Материалы 50-й науч.-техн. конф. профессоров, препод., науч. работников, аспирант. и студен. Белорус. гос. политех. академии. Мн., 1994. С. 161.

523. **Трегубова Т. А.** Планировка средневекового Львова: Опыт историко-градостроительного анализа: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / Ин-т истории искусств. М., 1973. 24 с.

524. **Труды** Витебской ученой архивной комиссии / Витеб. ученая архивн. комиссия. Витебск: Тип. насл. М. Б. Неймана, 1909—1910. Кн. I. 276 с.

525. **Труды** Минского губернского статистического комитета: Историко-статистическое описание девяти уездов Минской губернии. Вып. 1. Мн.: Тип. Губ. правл., 1870. 2+456 с.

526. **Трусов О. А., Чернявский И. М., Кравцевич А. К.** Архитектурно-археологическое изучение Мирского замка и г. п. Мир // Советская археология. 1986. № 4. С. 216—235.

527. **Трусов О. А.** Памятники монументального зодчества Белоруссии XI—XVII вв.: Архитектурно-археологический анализ. Мн.: Наука и техника, 1988. 160 с.

528. **Трусаў А. А., Собаль В. Е., Здановіч Н. І.** Стары замак у Гродне XI—XVIII стст.: Гісторыка-археалагічны нарыс. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. 152 с.

529. **Турчинович А.** Столетие Гродненской губернии: Исторический очерк: 1802—1902 гг. // Виленский календарь на 1903 г. Вильно: Тип. Св.-Духов. Братства, 1902. С. 171—191.

530. **Урбанович Я., Чантурия Ю**. Охрана и использование культурно-исторического наследия. Ochrona i wykorzystanie dziedzictwa kulturowego // Условия территориальной организации приграничного региона Беларуси и Польши. Podstawy zagospodowania przestrzennego regionów przygranicznych Polski i Białorusi / Потаев Г., Сулига Я., Клевко Э. и др. Варшава; Минск: IGPiK, 1995. С. 24—26, 30—32.

531. **Ушаков Ю. С.** Ансамбль в народном зодчестве русского Севера: Пространственная организация, композиционные приемы, восприятие. Л.: Стройиздат, 1982. 168 с.

532. **Федоров А. Н.** Образно-символическая система композиции древнерусского города: Автореф. дис. ... канд. архит.: 18.00.01 / Ин-т живописи, скульпт. и архит. им. И. Е. Репина. Л., 1990. 21 с.

533. **Федорук А. Т.** Садово-парковое искусство Белоруссии. Мн.: Ураджай, 1989. 247 с.

534. **Фулканелли.** Тайны готических соборов. М.: REFL-book, Ваклер, 1996. 227 с.

535. **Хозеров И. М.** Белорусское и смоленское зодчество XI—XIII вв. Мн.: Навука і тэхніка, 1994. 151 с.

536. **Христианство:** Словарь / Под общ. ред. Л. Н. Митрохина и др. М.: Республика, 1994. 559 с.

537. **Хроника** белорусского города Могилева, составленная и писанная Александром Трубницким, регентом Могилевской магдебургии во II-й пол. XVIII века, а в I-й пол. XIX века продолженная его сыном, губернским секретарем Михаилом Трубницким / Пер. с польск. Н. Гортынский. М.: Университет. тип., 1887. 142 с.

538. **Цапенко М.** Архитектура Левобережной Украины XVII—XVIII веков. М.: Стройиздат, 1967. 235 с.

539. **Целеш В.** Гарады Беларусі на старых паштоўках. Мн.: Беларусь, 1998. 256 с.

540. **Центральный** государственный исторический архив БССР: Минск: Путеводитель / Под ред. З. Ю. Копысского и др. Мн.: Полымя, 1974. 336 с.

541. **Центральный** исторический архив Белорусской ССР: Гродно: Путеводитель / Под ред. З. Ю. Копысского и др. Мн.: Архив. упр. при СМ БССР, 1965. 80 с.

542. **Центральный** государственный исторический архив СССР в Ленинграде: Путеводитель / Под ред. С. Н. Валка, В. В. Бедина. Л.: Глав. архив. управл., 1956. 607 с.

543. **Чантурия В. А.** Архитектура Белоруссии конца XVIII — начала XIX века. Мн.: Изд-во Мин. высш., сред. спец. и проф. образования БССР, 1962. 168 с.

544. **Чантурия В. А.** Исследование архитектурного наследия Белоруссии: Дис. ... д-ра архитектуры. Мн., 1965. 688 с.

545. **Чантурия В. А.** История архитектуры Белоруссии: Дооктябрьский период: Учеб. для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. Мн.: Вышэйш. шк., 1985. 295 с.

546. **Чантурия В. А.** Памятники архитектуры и градостроительства Белоруссии. Мн.: Полымя, 1986. 240 с.

547. **Чантурия Ю. У.** Гістарычны цэнтр Навагрудка // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1974. № 1. С. 23—26.

548. **Чантурия Ю. В.** Историко-культурные комплексы Новогрудка, Несвижа, Мира — перспективных центров туризма Белоруссии // Охрана памятников культуры и их использование в целях туризма: Тез. докл. конф., Ростов-Ярославский, 23—24 апр. 1975 г. / Госгражданстрой СССР, Науч.-метод. совет по охране памятников культуры М-ва культуры СССР. М., 1975. С. 68—72.

549. **Чантурыя Ю. У.** Гісторыка-горадабудаўнічыя комплексы Беларусі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1976. № 3. С. 33—36.

550. **Чантурия Ю. В.** Научно-методические указания по учету историко-архитектурного наследия при составлении проектов планировки центров городов БССР. Мн.: Госстрой БССР, 1976. 44 с.

551. **Чантурия Ю. В.** Памятники архитектуры в городах Белоруссии. Мн.: Беларусь, 1977. 46 с.

552. **Чантурия Ю. В.** Методика определения территорий исторических центров средних и малых городов БССР с ценным культурным наследием // Строительство и архитектура Белоруссии. 1979. № 1. С. 24—26.

553. **Чантурыя Ю. У.** Планіровачная сістэма гістарычнага цэнтра Пінска // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1980. № 3. С. 35—38.

554. **Чантурия Ю. В.** Методические рекомендации по выявлению территорий исторических центров городов Белорусской ССР. Мн.: БелНИИПградостроительства, 1980. 98 с.

555. **Чантурия Ю. В.** Историко-градостроительные комплексы в центрах средних и малых городов Белоруссии: К проблеме освоения культурного наследия: Дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01. Мн., 1981. 250 с.

556. **Чантурия Ю. В.** Учет градостроительного наследия в генеральных планах и проектах детальной планировки центров белорусских городов // Строительство и архитектура Белоруссии. 1983. № 4. С. 10—13.

557. **Чантурия Ю. В.** Традиции и преемственность при регенерации исторических центров городских поселений БССР // Строительство и архитектура Белоруссии. 1985. № 3. С. 6—12.

558. **Чантурия Ю. В.** Преобразование функциональной и пространственной организации исторических улиц // Строительство и архитектура Белоруссии. 1987. № 2. С. 8—10.

559. **Чантурия Ю. В.** Исследование градостроительных традиций при реконструкции исторического центра Полоцка // Градостроительство: Респ. межведомст. науч.-техн. сб. Киев: Будівельнік, 1987. Вып. 39. С. 75—82.

560. **Чантурия Ю. В.** Архитектурно-планировочная и пространственная организация исторических центров // Рекомендации по совершенствованию территориальной организации Белорусской ССР: Архитектурно-планировочная и пространственная организация общественных центров городских поселений / Ю. В. Шпит, Г. А. Потаев, Е. Л. Заславский и др. Мн.: Полымя, 1987. Гл. 4. С. 33—46.

561. **Чантурия Ю. В.** Проблемы и опыт реконструкции исторически сложившихся районов больших городов: Проблемы больших городов. Обзорная информация. М.: Моск. гор. территор. центр науч.-техн. информ. и пропаганды, 1987. Вып. 4. 34 с.

562. **Чантурия Ю. В.** Методические рекомендации по пространственной организации городской среды при реконструкции исторических районов населенных мест Белорусской ССР. Мн.: БелНИИПградостроительства, 1988. 66 с.

563. **Чантурыя Ю. У.** Архітэктура Беларусі ў 15—16 стст. // Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1988. С. 241—243.

564. **Чантурыя Ю. У.** Гродна (архітэктура) // Францыск Скарына і яго час: Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1988. С. 311—312.

565. **Чантурия Ю. В.** Реконструкция исторических районов городов // Общественные центры городских населенных мест БССР: Опыт формирования, проблемы и направления развития / Е. Л. Заславский, Ю. В. Чантурия, О. В. Базакуца, А. Е. Роговин / Под общ. ред. Е. Л. Заславского. Мн.: Вышэйш. шк., 1991. Гл.5. С. 135—168.

566. **Чантурыя Ю. У.** Слонім // Архітэктура Беларусі: Энцыклапедычны даведнік. Мн., 1993. С. 440, 441.

567. **Чантурия Ю. В.** Композиция архитектурного ансамбля главной площади Полоцка в конце XVIII—XIX в. // Архитектура и строительство Беларуси. 1993. № 5. С. 21—24; № 6. С. 21—24.

568. **Чантурия Ю. В.** Ансамбль главной площади Полоцка в конце XVIII—XIX вв. // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостр-ва, 1996. Вып. 41. С. 111—118.

569. **Чантурия Ю.** Композиция ансамбля площади в белорусском градостроительстве второй половины XVIII в. // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: искусство композиции в истории архитектуры» / НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т, Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева. М., 1996. Вып. 5. С. 148—154.

570. **Чантурия Ю.** Ансамбль торговой площади в Поставах. Вторая половина XVIII в. // Архитектура и строительство. 1997. № 1. С. 30—33.

571. **Чантурия Ю.** Польские архитектурные издания 1920—1930-х годов в историографии белорусского градостроительства // Архитектура мира: Материалы VI Междунар. конф. по истории архитек. «Запад—Восток: 2000 лет

архитектурной книге» / Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева, НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1997. Вып. 6. С. 130—141.

572. **Чантурыя Ю. У.** Архітэктурны ансамбль плошчы ў горадабудаўніцтве барока // Барока ў беларускай культуры і мастацтве / Пад рэд. В. Ф. Шматава. Мн.: Бел. навука, 1998. С. 81—101; 2001. С. 81—101; 2005. С. 82—102.

573. **Чантурыя Ю.** Гарады і час // Страчаная спадчына / Габрусь Т., Кулагін А., Чантурыя Ю. і інш. Мн.: Полымя, 1998. С. 231—345; Беларусь, 2003. С. 231—345.

574. **Чантурия Ю.** Особенности исторических городских районов и опыт их реконструкции // Архитектура и строительство. 1998. № 2. С. 43, 44.

575. **Чантурия Ю. В.** Предпосылки преемственности в реконструкции исторических районов городов // Региональное и городское планирование. 1996: Сб. ст. / БелНИИПградостроительства. Мн., 1998. С. 105—114.

576. **Чантурия Ю. В.** Пространственная организация и композиционные закономерности белорусских городов в конце XVIII — первой половине XIX в. // Градостроительство и архитектура: Современность и перспективы: Сб. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. политех. академия, Архитек. факультет. Мн., 1998. Ч. 2. С. 20—22.

577. **Чантурия Ю.** Восстановление облика барочно-классицистических ансамблей со средневековой планировочной основой (на примере площадей Витебска XVIII — первой половины XIX века) // Архитектура и строительство. 1998. № 5—6. С. 20—23.

578. **Чантурия Ю.** Градостроительство классицизма в Белоруссии: творческие направления, особенности губерний // Архитектура мира: Материалы VII Междунар. конф. по истории архитек. «Запад—Восток: архитектурные школы Нового и Новейшего времени» / Гос. науч.-исслед. музей архитек. им. А. В. Щусева, НИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1998. Вып. 7. С. 96—101.

579. **Чантурия Ю. В.** Исследование ренессансных городов-крепостей конца XVI — первой половины XVII в. в Беларуси // Материалы междунар. 53-й науч.-техн. конф. профессоров, препод., науч. работников и аспирант. Белорус. гос. политех. акад. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. политех. акад. Мн., 1999. Ч. 3. С. 156.

580. **Чантурия Ю. В.** Классицистический город Беларуси: Структурные и идейно-художественные закономерности // Архитектура и строительство. 2000. № 2. С. 26—28; № 3. С. 21—23.

581. **Чантурия Ю. В.** Типология нерегулярных систем планировки белорусских городов и местечек XVIII в. // Материалы междунар. науч.-техн. конф., ч. 8 / Бел. гос. политех. академия. Мн., 2000. С. 79.

582. **Чантурия Ю. В.** Развитие градостроительства Беларуси (вторая половина XVI — первая половина XIX в.): Дис. ... д-ра архитектуры: 18.00.01. Мн., 2003. 453 с.

583. **Чарняўская Л., Чарняўскі І.** Нясвіж: З мінулага // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1988. № 1. С. 21—24.

584. **Чарняўская Т. І.** Архітэктура Магілёва: З гісторыі планіроўкі і забудовы горада. Мн.: Навука і тэхніка, 1973. 95 с.

585. **Чарняўская Т. І.** Архітэктура Віцебска: З гісторыі планіроўкі і забудовы горада. Мн.: Навука і тэхніка, 1980. 112 с.

586. **Чернявская Т. И., Петросова Е. Ю.** Памятники архитектуры Минска XVII — начала XX в. Мн.: Наука и техника, 1984. 152 с.

587. **Чепко В. В.** Города Белоруссии в первой половине XIX века: Экономическое развитие. Мн.: Изд-во БГУ, 1981. 143 с.

588. **Чернявский И. М.** Пречистенская церковь XII в. в Гродно // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. Мн.: Наука и техника, 1983. С. 119—121.

589. **Чиняков А. Г.** О некоторых особенностях древнерусского градостроительства // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Гос. изд-во лит. по строит., архит. и строит. матер., 1960. Вып. 12. С. 3—22.

590. **Шаблюк В. В.** Планировка местечек Верхнего Понеманья XVI—XVIII веков // Архитектура и строительство Беларуси. 1992. № 2. С. 28, 29.

591. **Шаблюк В. У.** Сельскія паселішчы Верхняга Панямоння XIV—XVIII стст. Мн.: Бел. навука, 1996. 118 с.

592. **Шамардина Н. В.** Античные системы пропорционирования и композиционные принципы средневековой живописи // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 193—201.

593. **Швидковский Д. О.** К вопросу реконструкции ансамбля Царского Села Ч. Камероном // Архитектурное наследство: Город и его застройка: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1985. Вып. 33. С. 62—68.

594. **Швидковский Д. О.** Англо-русские связи в архитектуре второй половины XVIII — начала XIX столетия: Автореф. дис. ... д-ра искусствовед.: 18.00.01 / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1994. 47 с.

595. **Швидковский Д. О.** Античность и архитектурные вкусы Екатерины II // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: античная традиция в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва, Моск. архитек. ин-т. М., 1994. Вып. 3. С. 92—95.

596. **Швидковский Д. О.** Архитектура и монументальное искусство Великой Французской революции // Художественные модели мироздания: Взаимодействие искусств в истории мировой культуры: Сб. ст. М.: НИИ теории и истории изобразит. искусств, 1997. Кн.1. С. 223—235.

597. **Швидковский О. А.** Градостроительная культура Социалистической Чехословакии. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 391 с.

598. **Шебякин В.** Несколько слов о местечке Гомеле // Иллюстрация. 1848. № 26. С. 20—24.

599. **Шевелев И. Ш., Марутаев М. А., Шмелев И. П.** Золотое сечение: Три взгляда на природу гармонии. М.: Стройиздат, 1990. 343 с.

600. **Шелепин И. В.** Прошлое и настоящее города Вилейки: По поводу исполнившегося столетия. Вильна: оттиск с «Виленского вестника» за 1896 г., № 30, 32; 1896. 24 с.

601. **Шешельгис К. К., Юркштас В. И.** Архитектура и градостроительство средневековой Литвы // Сквозь века: К истокам культуры народов СССР: Сб. ст. М.: Знание, 1986. Вып. 2. С. 213—224.

602. **Шибеко З. В., Шибеко С. Ф.** Минск: Страницы жизни дореволюционного города. Мн.: Полымя, 1990. 352 с.

603. **Ширяев Е. Е.** Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. 119 с.

604. **Шквариков В. А.** Очерк истории планировки и застройки русских городов. М.: Гос. изд-во лит. по строит. и архитектуре, 1954. 204 с.

605. **Шпилевский П.** Путешествие по Полесью и Белорусскому краю. Мн.: Полымя, 1999. 251 с.

606. **Шп-ский К. В., А. О. Т.** Исторические заметки о городах Северо-Западного края // Виленский календарь на 1891 простой год: Сб. ст. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1890. С. 184—200.

607. **Шп-ский К. В.** Туровское княжество: Исторический очерк // Виленский календарь на 1891 простой год: Сб. ст. Вильно: Тип. А. Г. Сыркина, 1890. С. 152—163.

608. **Штыхов Г. В., Лысенко П. Ф.** Древнейшие города Белоруссии. Мн.: Наука и техника, 1966. 84 с.

609. **Штыхов Г. В.** Города Белоруссии по летописям и раскопкам: IX—XIII вв. Мн.: Полымя, 1975. 32 с.

610. **Штыхов Г. В.** Древний Полоцк: IX—XIII вв. Мн.: Наука и техника, 1975. 136 с.

611. **Штыхов Г. В.** Города Полоцкой земли: IX—XIII вв. Мн.: Наука и техника, 1978. 160 с.

612. **Шчакаціхін М.** Замак у Рагачэве // Наш край. 1926. № 10—11 (13—14). С. 26—33.

613. **Шчакаціхін М.** Нарысы з гісторыі беларускага мастацтва. Мн.: Навука і тэхніка, 1993. 336 с.

614. **Шчакаціхін М. М.** Помнікі старадаўняе архітэктуры XVII—XVIII стагоддзяў у Менску // Запіскі Аддзелу гуманітарных навук: Працы / Ін-т Бел. Культ. Менск, 1928. Кн. 6, т. 1. С. 1—38.

615. **Шынкевіч А. М.** Аршанская даўніна. Мн.: Полымя, 1992. 142 с.

616. **Щенкова О. П.** Китай-город — торговый центр Москвы в конце XVIII — первой половине XIX в. // Архитектурное наследство: Город и его застройка: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1985. Вып. 33. С. 31—39.

617. **Щенкова О. П.** Архитектура Китай-города Москвы периода классицизма // Архитектурное наследство: Русская архитектура: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1988. Вып. 36. С. 175—186.

618. **Щенкова О. П.** Функции столичного центра Москвы за пределами Кремля: XVII в. // Архитектурно-градостроительное развитие Москвы (Архитектурное наследство. № 42): Сб. ст. М.: НИИ теории архитек. и градостроит-ва, 1997. С. 52—74.

619. **Щенков А. С.** Структура русских исторических городов и система градостроительных ориентиров: На материалах городов XVI — первой половины XIX в.: Автореф. дис. ... канд. архитектуры: 18.00.01 / ЦНИИ теории и истории архитек. М., 1980. 17 с.

620. **Щенков А. С.** Опыт реконструкции плана Твери конца XVII в. // Архитектурное наследство: Национальное своеобразие зодчества народов СССР: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1980. Вып. 28. С. 29—36.

621. **Щенков А. С.** Структура русских городов XVI—XVII вв. и их эстетическое восприятие // Архитектурное наследство: Композиционные приемы и традиции: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1984. Вып. 32. С. 3—12.

622. **Щербицкий О. В.** Город Брест-Литовский: Исторический очерк. Вильна: Тип. «Артель печатного дела», 1913. 48 с.

623. **Энцыклапедыя** гісторыі Беларусі: У 6 т. Мн.: БелЭн, 1993—2003. Т. 1—6.

624. **Энцыклапедыя** літаратуры і мастацтва: У 5 т. Мн.: БелСЭ, 1984—1987. Т. 1—5.

625. **Якімовіч Ю. А.** Драўляныя замкі Беларусі XVI—XVIII стст. // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: Новыя даследаванні: Зб. арт. Мн.: Навука і тэхніка, 1989. С. 120—124.

626. **Якимович Ю. А.** Зодчество Белоруссии XVI — середины XVII в.: Справочное пособие. Мн.: Навука і тэхніка, 1991. 368 с.

627. **Яковлев В. В.** История крепостей: Эволюция долговременной фортификации. СПб.: Полигон, 1995. 312 с.

628. **Янкявичене А. С.** Архитектура общественных сооружений средневековой Литвы: Автореф. дис. ... канд. архитектуры / Каунас. политех. ин-т. Каунас, 1963. 18 с.

629. **Янкявичене А. С.** Некоторые сооружения Вильнюса XVI в. // Архитектурное наследство: Сб. ст. М.: Стройиздат, 1964. Вып. 17. С. 3—10.

630. **Янкявичене А.** Взаимодействие архитектурных культур на территории Великого княжества Литовского в XV — I пол. XVI в. // Архитектура мира: Материалы конф. «Запад—Восток: взаимодействие традиций в архитектуре» / ВНИИ теории архитек. и градостр-ва. М., 1993. Вып. 2. С. 14—18.

631. **Яргина З. Н., Косицкий Я. В., Владимиров В. В., Гутнов А. Э., Микулина Е. М., Сосновский В. А.** Основы теории градостроительства. М.: Стройиздат, 1986. 326 с.

632. **Яргина З. Н.** Эстетика города. М.: Стройиздат, 1991. 366 с.

633. **Ярославцев С. И.** Город Климовичи Могилевской губернии: Географ.-статист. очерк. Вильна: Изд. Сев.-Зап. отделен. Импер. Рус. географ. об-ва, 1914. 35 с.

634. **Abramowicz Wł.** Storony Nowogródzkie. Lida: Ziemi Lidzkiej, 1938. 136 s.
635. **Aftanazy R.** Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: Cz. I. Wielkie Księstwo Litewskie, Inflanty, Kurlandia: W 4 t. Wyd. drugie, przejrzane i uzepeł. Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991—1993. T. 1—4.
636. **Alexandrowicz St.** Miasteczka Białorusi i Litwy jako ośrodki handlu w XVI i 1 połowie XVII wieku // Rocznik Białostocki. 1961. T. 1. S. 61—127.
637. **Alexandrowicz St.** Opis zabudowy miasteczka Lubcza nad Niemnem z 1644 r. // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1962. R. 10. N 3—4. S. 617—636.
638. **Alexandrowicz St.** Mapa Wielkiego Księstwa Litewskiego Tomasza Makowskiego z 1613 r. t. zw. «Radziwillówka» jako źródło do dziejów Litwy i Białorusi // Studia źródłoznance: Zb. art. Warszawa; Poznań: Państwowe Wyd. naukowe, 1965. T. X. S. 33—67.
639. **Alexandrowicz St.** Miasta Białorusi w XVI i pierwszej połowie XVII wieku // Kwartalnik historyczny. 1968. R. LXXV. Z. 2. S. 411—420.
640. **Alexandrowicz St.** Geneza i rozwój siecy miasteczek Białorusi i Litwy do połowy XVII w. // Acta Bałtico-Sławica. 1970. N VII. S. 47—108.
641. **Alexandrowicz St.** Nowe źródło ikonograficzne do oblezewia Połocka w 1579 r. // Kwartalnik historii kultury materialnej. 1971. N 1. S. 3—29.
642. **Baczkowski D., Życkar I.** Nasze kościóły: Opis ilustrowany wszystskich kościółow i parafji znajdujacych się na obszarach dawnej Polski i ziemiach przyległych: Archidjecezja Mohilowska. Warszawa; Peterburg: Druk. K. Pietkowskiego, 1913. T. 1. 18 c.
643. **Baliński M., Lipiński T.** Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym. Wyd. 2-e, popr. i uzupełn. Warszawa: Nakł. Druk. S. Orgelbranda i Synow, 1886. T. IV. 876+XIII s.
644. **Baranowski A. J.** Urbanistyka Połocka w okresie baroku // Kwartalnik architektury i urbanistyki. 1994. T. XXXIX. Z. 1. S. 25—34.
645. **Bernatowicz T.** Ogród i miasto: Z dziejów kształtowania się przestrzeni publicznej Osi Saskiej w XIX wieku // Historyczne place Warszawy: Urbanistyka, architektura, problemy konserwatorskie: Materjały sesji naukowej, Warszawa, 3—4 list. 1994 / Bibl. towarzystwa opieki nad zabytkami. Warszawa, 1995. S. 96—104.
646. **Bernatowicz T.** «Biblioteka jest jedna ozdoba»: Mikolaj Radziwill i książki // Badania księgozbiorów Radziwillów: Materjały miedzynarod. sesji / Min. Kultury i Sztuki. Warszawa, 1996. S. 35—54.
647. **Bernatowicz T.** «Nesvisium metropolis ducatus». Nieznany przykład urbanistyki manierystycznej // Artes atque humaniora: Studia Stanislao Mossakowski sexagenario dicata: Zb. art. Warszawa: In-t sztuki Polsk. Akad. nauk, 1998. S. 161—167.
648. **Bernatowicz T.** Monumenta variis Radivillorum: Wyposażenie zamku nieświeskiego w swetle źródeł archiwalnych. Poznań: Bogucki Wyd. Naukowe, 1998. Cześć I: XVI—XVII wieku. 94+26 s.
649. **Brinkmann A. E.** Stadtbaukunst. Berlin, 1920.
650. **Brinkmann A. E.** Deutshe Stadtbaukunst in der Vergangenheit. Frankfurt a/m: Frankfurter Verlags-anstalt A.-G., 1921. 199 s.
651. **Chłopicki E.** Notatki z różnoczasowych podróży po kraju przez Edwarda Chłopickiego (Inflanty, Żmudź, Litwa, Pobereże). Warszawa: Druk. Ch. Kelter und S. Rotkmükl, 1863. 142+1 s.
652. **Confurius G.** Sabbioneta // Klar und Lichtvoll wie eine Regel: Planstädte der Neuzeit vom 16. Bis 18. Jahrhundert. Karlsruhe, 1990.
653. **Cornell T., Mattews J.** Atlas of the Roman World. New York: Facts On File, 1996. 240 p.
654. **Czanturija J.** Kompozycja zespołu głównego placu Połocka na prełomie XVIII i XIX wieku // Kwartalnik architektury i urbanistyki. 1994. T. XXXIX. Z. 1. S. 35—46.
655. **Czapska A.** Zasady sytuowania założeń barokowych w miasteczkach Podlaskich od połowy wieku XVII po wieku XVIII // Rocznik Białostocki. 1970. T. IX (1968—1969). S. 84—145.
656. **Dąbrowski St.** Artyści na dworze Antoniego Tyzenhauza: Przyczynki archiwalne // Biuletyn naukowe. 1933. N 3. S. 134—140.
657. **Dyczkowski A.** Słonim: Historia i zabytki. Warszawa: Wyd. Fund. «Historia pro Futuro», Warszaw. Oficyna Wyd. «Gryf», 1992. 21 s.
658. **Gantner J.** Grundformen der europäischen Stadt. Wien, 1928.
659. **Geisler W.** Die deutsche Stadt. Stuttgart, 1924.
660. **Goldberg G.** Zarys dziejów miasta Słonima z ilustracjami i planem miasta. Słonim: Druk. Spółdz. «Express», 1934. 64 s.
661. **Gradmann R.** Schwäbische Städte. Z. d. Ges. f. Erdkunde, 1916.
662. **Gruszecki A.** Fortyfikacja zamku w Nieświeżu // Kwartalnik architektury i urbanistyki. 1965. T. 10. Z. 2. S. 141—145.
663. **Guerquin B.** Zamki w Polsce. Warszawa: Arkady, 1974. 322 s.
664. **Hedeman O.** Historja powiatu Brasławskiego. Wilno: Nakł. sejmiku Brasław., 1930. 484 s.
665. **Hedeman O.** Dzisna i Druja: Magdeburskie miasta. Wilno: Nakł. T-wa przyjaciól nauk w Wilnie, 1934. 8+486+3 s.

666. **Hedeman O.** Głębokie: Szkic dziejów. Wilno: Nakł. oddziału Polsk. t-wa krajoznawczego w Głębokiem, 1935. 59 s.

667. **Herbst S.** Zamość. Warszawa: Budown. i architektura, 1954. 128 s.

668. **Hoenig A.** Deutscher Stadtbau in Böhmen. Berlin, 1921.

669. **Horoszkiewicz R.** Krótki zarys dziejów Brześcia n/b. Brześć nad Bugem: Druk. «Brygada», 1926. 16 s.

670. **Horoszkiewicz R.** Pińsk i jego okolice. Pińsk: Nakł. oddziału Pińskiego P. T. K., 1926. 29 s.

671. **Horoszkiewicz R.** Notatki historyczne o niektorych miejscowościach powiatu Pińskiego. Pińsk: Nakł. oddziału Pińskiego P. T. K., 1926. 38 s.

672. **Horoszkiewicz R.** Powiat Stoliński: Notatki historyczne. Brześć nad Bugem: Nakł. Inst. szerzenia praktycznej wiedzy rolniczej, 1930. 31 s.

673. **Horoszkiewicz R.** Tradycje ziemi Pińskie. Wyd. 2-e, uzupełn. Warszawa: Główna Księgarnia Wojskowa, 1935. 55 s.

674. **Jakimowicz R.** Dawidgródek. Pińsk: Polskie t-wa krajoznawcze w Dawidgródku i Pińsku, 1939. 47 s.

675. **Jakubowski J.** Tomasz Makowski sztycharz i kartograf Nieświeski: Przyczynek do dziejów sztuki i nauki na Litwie. Warszawa: Wyd. Inst. dla badania ziem wschodnich Rzeczypospol. Polsk., 1923. 31 s.

676. **Jankowski Cz.** Powiat Oszmiański: Materjały do dziejów ziemi i ludzi: W 4 cz. Petersburg; Kraków: Druk. Anczyca i Spółki, 1896—1898. Cz. I—IV.

677. **Jobes G.** Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols. New York, 1962.

678. **Jodkowski J.** Grodno, z 28 ilustracjami i planem miasta. Wilno: Nakł. księgarni J. Zawadzkigo z udziałem zapomogi dep. sztuki min. W. R. i O. P., 1923. 119 s.

679. **Jodkowski J.** Grodno i okolice w zaraniu dziejów Litwy i Rusi nad Niemnem. Grodno: Zakł. Graficzne L. Mejlachowicza, 1928. 11 s.

680. **Jodkowski J.** Śródmieśce Grodzieńskie dawne a dzisiejsze. Grodno: Osodne odbicie z «Nowego Dzennika Kresowego», 1930.

681. **Jodkowski J.** Ulice grodzieńskie w świetle historji i topołogji. Grodno: Osobne odbicie z «Nowego Dziennika Kresowego», 1931. 12 s.

682. **Jonkajtys-Luba G.** Plac Krasińskich // Historyczne place Warszawy: Urbanistyka, architektura, problemy konserwatorskie: Materjały sesji naukowej, Warszawa, 3—4 list. 1994 / Bibl. towarzystwa opieki nad zabytkami. Warszawa, 1995. S. 89—95.

683. **Jonkajtys-Luba G.** Kształty architektoniczne placu Józefa Piłsudskiego // Historyczne place Warszawy: Urbanistyka, architektura, problemy konserwatorskie: Materjały sesji naukowej, Warszawa, 3—4 list. 1994 / Bibl. towarzystwa opieki nad zabytkami. Warszawa, 1995. S. 105—116.

684. **Kaczorowski B.** Grodno: Historia i zabytki. Warszawa: Wyd. Fund. «Historia pro Futuro», Warszaw. Oficyna Wyd. «Grif», 1991. 39 s.

685. **Kaczorowski B.** Nowogródek: Historia i zabytki. Warszawa: Wyd. Fund. «Historia pro Futuro», Warszaw. Oficyna Wyd. «Gryf», 1992. 32 s.

686. **Kalamajska-Saeed M.** Portrety i zabytki książat Olelkowiczów w Słucku: Inwentaryzacja Józefa Smolińskiego z 1904 r. Warszawa: Min-wo kultury i sztuki, 1996. 96 s.

687. **Kalinowski W.** Miasta Polskie w XVI i pierwszej połowie XVII wieku // Kwartalnik architektury i urbanistyki. 1963. T. VIII. Z. 3—4. S. 167—225.

688. **Kalinowski W.** Zarys historii budowy miast w Polsce do połowy XIX wieku. Toruń: Wyd. uniwersytetu M. Kopernika, 1966. −65 s.

689. **Kalinowski W.** Problemy ochrony i konserwacji zabytkowych układów przestrzennych miast i osiedli: Skrypty i teksty pomocnicze. Toruń: Uniwersytet M. Kopernika, 1971. 65 s. +109 il.

690. **Kałnin W. W.** Nurt barokowy w twórczości J. S. Beckera architekta domu Sapiehów // Kultura artystyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego w epoce baroku: Zb. art. Warszawa: Instytut kultury, 1995. S. 213—228.

691. **Klaiber Ch.** Die Grundrissbildung der deutschen Stadt im Mittelalter. Berlin, 1912.

692. **Kleinas M.** Lietuvos miesteliu aikšćiu formos // Valstybińes LTSR architektúros paminklu apsaugos inspekcijos metraštis. Vilnius: Lietuvos TSR ministru tarybos Valstybinis statybos ir architekturos reikalu komitetas, 1958. S. 95—105.

693. **Kłos J.** Wilno, przewodnik krajoznawczy. Wilno, 1929.

694. **Korzon T.** Wewnetrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764—1794): W 6 t. Kraków; Warszawa: Nakł. ks-ni Paprockiego, 1897—1898. T. II. 1987. 428 s. +16 tabl.

695. **Korzon T.** Mińsk w połowie XIX wieku: Ze wspomnień osobistych. Warszawa, 1906. 20 s.

696. **Kościałkowski St.** Antoni Tyzenhauz: Podskarbi nadworny litewski: W 2 t. Londyn: Wyd. Spoleczności Akadem. Un-tu Stef. Batorego w Londyne, 1970—1971. T. 1, 2.

697. **Kowalczyk J.** Sebastiano Serlio a sztuka polska. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakł. narodowy im. Ossolińskich, 1973. 358 s. + 216 il.

698. **Kozaczewski T.** Z zagadnień urbanistycznych Środy Ślaskiej // Kwartalnik architektury i urbanistyki. 1962. T. VII. Z. 4. S. 331—349.

699. **Król A.** Zamek królewski w Warszawe: Od końca XIII wieku do roku 1944. Warszawa: Państwowy Instytut Wyd., 1969. 251 s.

700. **Krótka** nauka budownicza dworów, palaców, zamków podług nieba i zwyczaj polskiego / Oprac. A. Miłobędzki. Wrocław: Zakł. Im. Ossolińskich, 1957. 124+53 s.
701. **Kuncewicz A.** Plany przeglądowe miast Polskich. Warszawa: Wyd. zakł. architektury Polskiej, 1929. 33+G s.
702. **Lässig K., Linke R., Rietdorf W., Wessel G.** Straben und Plätze. Berlin: Veb Verlag für Bauwessen, 1968. 212 s.
703. **Lavedan P.** Histoire de l'Urbanisme. Paris, 1926.
704. **Lewicka M.** Place i placyki staromiejskie — zarys historyczny // Historyczne place Warszawy: Urbanistyka, architektura, problemy konserwatorskie: Materjały sesji naukowej, Warszawa, 3—4 list. 1994 / Bibl. towarzystwa opieki nad zabytkami. Warszawa, 1995. S. 11—26.
705. **Lietuvos** TSR urbanistikos paminklai / A. Miškinis, A. Baliulis. Vilnius: Mokslas, 1979. 142 s.
706. **Lileyko J.** Historyczne place Warszawy — źródła ich dekompozycji // Historyczne place Warszawy: Urbanistyka, architektura, problemy konserwatorskie: Materjały sesji naukowej, Warszawa, 3—4 list. 1994 / Bibl. towarzystwa opieki nad zabytkami. Warszawa, 1995. S. 156—165.
707. **Lileyko J.** Przebudowa Starego Zamku w Grodnie na cele sejmowe w latach 1673—1678 // Kultura artystyczna Wielkiego Księstwa Litewskiego w epoce baroku: Zb. art. Warszawa: Instytut kultury, 1995. S. 129—145.
708. **Łopalewski T.** Miedzy Niemnem a Dźwina: Ziemia Wileńska i Nowogródzka. Poźnań: Wyd. Polskie «R. Wegner»; Warszawa; Kraków: Państ. Wyd. Naukowe, 1990. 237 s. (Przedruk).
709. **Łorentz St.** Wycieczki po województwie Wileńskiem. Wilno: Nakł. oddzialu Wileńskiego P. T. K., 1932. 83 s.
710. **Łorentz St.** Wycieczki słonimskie. Słonim: Nakł. Oddziału Słonimskiego P. T. K., 1933. 39 s.
711. **Łorentz St.** Z materialów do historji architektury na ziemiach B. Wielkiego księstwa Litewskiego // Prace i materjały sprawozdawcze sekcji historji i sztuki Towarzystwa przyjaciól nauk w Wilnie. Wilno, 1938—1939. T. III. S. 335—348.
712. **Łoza St.** Architekci i budowniczowe w Polsce. Warszawa: Budownictwo i architektura, 1954. 428 s.
713. **Łowmiańska M.** Wilno przed najazdem moskiewskiem 1655 r. Wilno: Wyd. magistratu m. Wilna, 1929. 200 s.
714. **Maertens G.** Kgl. Baurath. Der optische Masstab oder die Theorie und Praxis des ästhetischen Sehen in den Bildenden Künsten. Berlin, 1884.
715. **Maliszewski E.** Przewodnik po gubernji Grodzieńskiej: Zarys statystyczno-opisowy. Warszawa: Wyd. Straży Kresowej, 1919. 39 s.
716. **Marczak M.** Przewodnik po Polesiu. Brześć n/b.: Nakł. oddziału P. T. K., 1935. 160 s.
717. **Markowski F.** Zamek Mikołaja Krysztofa Radziwiłła Sierotki w Nieświeżu // Kwartalnik architektury i urbanistyki. 1964. T. IX. Z. 2. S. 155—172.
718. **Mielke R.** Das deutsche Dorf // Aus Natur und Geisteswelt, 1907.
719. **Mieszkowski Z.** Polscy teoretycy architektury: XVI—XIX w. Kraków: Nauka dla Wszystkich, 1972. 36 s.
720. **Miłobędzki A.** Zarys dziejów architektury w Polsce. Wyd. drugie. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1968. 366 s.
721. **Miškinis A.** Lietuvos miesteliu išplanavimo ir erdvinės struktūros charakteristika // Lietuvos TSR architektūros klausimai. Vilnius: Mintis, 1974. T. IV. S. 103—166.
722. **Morełowski M.** Zarysy syntetyczne sztuki Wileńskiej od gotyki do neokłasycyzmu. Wilno: Grafika, 1938—1939. 368 s.
723. **Morozow W.** Cechy kłasycyzmu w planach posiadlości królewskich ekonomii grodzieńskiej końca XVIII wieku // Kłasycyzm i kłasycyzmy: Zb. art. Warszawa: Wyd. naukowe PWN, 1994. S. 145—158.
724. **Nasze** kościóły: Archidjecezja Minska / Pod red. ks. J. Żyskara. Warszawa; Druk. P Laskauera, 1906. 20 s.
725. **Nasze** kościóły: Archidjecezja Mohylowska / Pod red. ks. J. Żyskara. Warszawa: Druk. P. Laskauera, 1912. 26 s.
726. **Orda N.** Album wydoków gubernij Grodzienskiej, Wileńskiej, Minskiej, Koweńskiej, Wołyńskiej, Podolskiej, Kijowskiej, Witebskiej i Mochilowskiej, w trzech seryach... Warszawa: Litograf. M. Fajansa, 1876. 92 s.
727. **Orda N.** Album widoków historycznych Polski: Zrysowany z natury. Gdańsk: Oficyna Wydawnicza, 1991. 140 s.
728. **Ossendowski F.** Polesie. Poznań: Wyd. Polskie «R. Wegner», 1934. 202 s.
729. **Paszenda J.** Kościół Bożego Ciala (pojezuicki) w Nieświeżu // Kwartalnik architektury i urbanistyki. 1976. T. XXIX. Z. 3. S. 198—201.
730. **Pawłowicz E.** Nowogródek w XIX wieku. Lwów: Nakł. autora. 1902. 171 s.
731. **Pilypaitis A., Baršauskas J.** XVI—XVII a. lietuvos nauju ir rekonstruotu miestu centru užstatymo planingumas // Lietuvos TSR architekturos klausimai. Vilnius: Mintis, 1966. T. III. S. 288—323.
732. **Poëte M.** Introduction a l'Urbanisme.
733. **Polesie:** Fotografie z lat dwudziestych i trzydziestych / Skład. G. Ruszczyk. Warszawa: Inst. Sztuki Polsk. Akad. Nauk, 1996. 247 s.
734. **Popłatek J., Paszenda J.** Słownik jezuitów artystów. Kraków: Wyd. Apostolstwa modlitwy, 1972. 299 s.
735. **Ptaśnik J.** Miasta i mieszczaństwo w dawnej Polsce. 2-e wyd. Warszawa: Państ. in-t wydawniczy, 1949. VII+ 438 s.
736. **Ptaśnik J.** Miasta w Polsce. Lwów: H. Altenberg. Księgarnia wyd., b/r. 176 s.
737. **Pućinś E.** Rigas pilsētas centra attistibas posmi feodalaja laikmetá // Latvijas PSR architekturas mantojums. Riga: Latvijas PSR zinātnu Akademijas izdevnieciba, 1958. T. 1. S. 29—58.
738. **Raulinaitis R.** Gynybinės Kauno miesto sienos // Lietuvos TSR architektūros klausimai. Vilnius: Valst. politin. ir moksl. literat. leidykla, 1964. T. II. S. 192—206.

739. **Remer J.** Wilno i województwo Wilenskie // Polska w krajobrazie i zabytkach: Zb. art. Warszawa: Złotnicki, 1930. T. II. S. 115—122.

740. **Rewieńska W.** O najstarszym rynku wileńskim // Ziemia. 1928. N 8. S. 114—116.

741. **Rewieńska W.** Bereza Kartuska, wybrane pozdzialy z antropogeografii miasteczka Bereza Kartuska... Wilno: Wyd. z zasiłku Funduszu Kultury Nar., 1934. 64+10 s.

742. **Rewieńska W.** Miasta i miasteczka w północno-wschodniej Polsce. Wilno: Drukarnia artystyczne «Grafika», 1938. 145 s.

743. **Rouba N.** Przewodnik po Litwie i Bialejrusi. Wilno: Wyd. «Kurjera Litew.», 1912. 216 s.

744. **Rozanów M.** Powiat Prużański: Szkic historyczny. Prużana: Nakł. druk. Prużańsk. Powiat. Związku Miedzykomunalnego, 1935. 144 s.

745. **Samsonowicz H.** Plac Krasińskich — zarys historyczny // Historyczne place Warszawy: Urbanistyka, architektura, problemy konserwatorskie: Materjały sesji naukowej, Warszawa, 3—4 list. 1994 / Bibl. towarzystwa opieki nad zabytkami. Warszawa, 1995. S. 66—80.

746. **Schlemüller W.** Dyaryusz podróży polskiej na sejm grodzieński roku pańskiego 1752 odbytej // Litwa i Ruś. 1912. Kwiecień. T. II. Z. 1. S.1—27.

747. **Seges R.** Nieśwież: Historia i zabytki. Warszawa: Wyd. Fund. «Historia pro Futuro», Warszaw. Ofic. Wyd. «Gryf», 1991. 24 s.

748. **Siennicki J., Karczewski A**. Województwo Poleskie // Polska w krajobrazie i zabytkach: Zb. art. Warszawa: Złotnicki, 1930. T. II. S. 94—106, 193—232.

749. **Słownik** geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich: W 14 t. / Pod red. F. Sulimiershiego, B. Cheobowskiego, W. Walewskiego. Warszawa: Nakł. W. Walewskiego, 1880—1895. T. I—XIV.

750. **Sosnowski O.** Powstanie, układ i cechy charakterystyczne seici ulicznej na obszarze wielkiej Warszawy // Studia do dziejów sztuki w Polsce: Zb. art. Warszawa, 1930. T. II. S. 35—37.

751. **Sosnowski O.** O planach osiedli sprzeżonych w Polsce // Biuletyn Historii Sztuki i Kultury. 1935. N 2. R. IV. S. 69—78.

752. **Spelskis A.** XVI—XX a. pradžios lietuvos miestu planavimo vystymasis // Lietuvos TSR architektūros klausimai. Vilnius: Mintis, 1966. T. III. S. 253—287.

753. **Studnicki W.** Z przeszłości ziemi Wileńskiej // Wilno i Ziemia Wileńska: Zb. art. Wilno: Wyd. wojewódz. komitetu regional., 1930. S. 155—172.

754. **Syrokomla W.** Wędrówki po moich niegdyś okolicach: Wspomnienia, studja historyczne i obyczajowe. Wilno: Nakł. i Druk. J. Zawadzkiego, 1853. 248 s.

755. **Syrokomla W.** Mińsk // Teka Wileńska. 1857. N 1. S.1—60; N 2. S. 61—132.

756. **Syrokomla W.** Wycieczki po Litwe w promieniach od Wilna: Do Oszmiany—do Kiernowa — do Kowna. T. II. Wilno: Nakł. A. Assa, 1860. 156 s.

757. **Szabłowski J.** Domniemana roła Sabbionety w sztuce polskiej okresu manieryzmu // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiełłońskiego: Prace z historii sztuki. Kraków: Nakł. Univers. Jagiełł., 1962. Prace 45. Z. 1. S. 105—142.

758. **Szafer T. P.** Ze studiów nad planowaniem miast w Polsce XVIII i pocz. XIX w. // Studia z historii budowy miast: Prace Instytutu urbanistyki i architekury. Warszawa: Budownictwo i architektura, 1955. R. V. Z. 1/14. S. 47—81.

759. **Szkurłat A.** Plac Trzech Krzyży—zarys historyczny // Historyczne place Warszawy: Urbanistyka, architektura, problemy konserwatorskie: Materjały sesji naukowej. Warszawa, 3—4 list. 1994 / Bibl. towarzystwa opieki nad zabytkami. Warszawa, 1995. S. 130—149.

760. **Szymanski St.** Urbanistyczno-architektoniczne formowanie się Grodna w okresie od XIV do XVIII wieku // Rocznik Białostocki. 1970. T. IX (1968—1969). S. 237—263.

761. **Šešelgis K.** Miestu ir miesteliu išplanavimas ir užstatymas // Lietuviu liaudies architektura. Vilnius: Mintis, 1968. T. II. S. 8—27.

762. **Tauroginski B. Nieśwież.** Warszawa, 1937. 71 s.

763. **Tauroginski B.** Dane archiwalne o artystach na dworze książat Radziwiłłów XVI—XIX w. S. 19—23 (Национальная библиотека Беларуси. Отдел редкой книги, рукописей и старопечатных изданий, N 096/14354).

764. **Tołwiński T**. Urbanistyka. Warszawa, 1934.

765. **Trzebiński W.** Ze studiów nad historią budowy miast prywatnych w Polsce wieku Oświecenia // Studia z historii budowy miast: Prace Instytutu urbanistyki i architektury. Warszawa: Budownictwo i architektura, 1955. R. V. Z. 1/14. S. 83—123.

766. **Tszebiński W.** Działalność urbanistyczna magnatów i szlachty w Polsce XVIII wieku. Warszawa: Państ. wyd. naukowe, 1962. 179 s.

767. **Wisłocki A., Karczewski A.** Województwo Nowogródzkie // Polska w krajobrazie i zabytkach: Zb. art. Warszawa: Złotnicki, 1930. T. II. S. 123—137, 273—320.

768. **Wojciechowski J.** Stary zamek w Grodnie. Warszawa: Odbitka z «Biuletynia historii sztuki i kultury», 1938. 270 s.

769. **Zaborski B.** O kształtach wsi w Polsce i ich rozmieszczeniu. Kraków: Nakł. polskiej Akad. umiejętności, 1926—1927. 122 s.

770. **Zabytki** urbanistyki i architektury w Polsce: Odbudowa i konserwacja: Miasta historyczne / Pod red. W. Kalinowskiego. Warszawa: Arkady, 1986. 646 s.

771. **Zarębska T.** Teoria urbanistyki włoskiej XV i XVI wieku. Warszawa: Państ. wyd. naukowe, 1971. 246 s.

772. **Zarębska T.** Początki polskiego piśmiennictwa urbanistycznego. Warszawa; Łódź: Państ. wyd. naukowe, 1986. 475 s.

773. **Zarębska T.** Wczesne etapy kształtowania placu przed Zamkiem Królewskiem // Historyczne place Warszawy: Urbanistyka, architektura, problemy konserwatorskie: Materjały sesji naukowej, Warszawa, 3—4 list. 1994 / Bibl. towarzystwa opieki nad zabytkami. Warszawa, 1995. S. 27—56.

774. **Zmigrodzki J.** Nowogródek i okolice. Wyd. 3-e. Nowogródek: Nakł. Nowogródz. oddziału P. T. K., 1931. 124 s.

775. **Żarynowie M. i J.** Głębokie: Historia i zabytki. Warszawa: Wyd. Fund. «Historia pro Futuro», Warszaw. Ofic. Wyd. «Gryf», 1992. 16 s.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

БГАКФФД — Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов (г. Дзержинск)
ГИЭМ — Глубокский историко-этнографический музей (г. Глубокое)
МБП — Музей Белорусского Полесья (г. Пинск)
НИАБ — Национальный исторический архив Беларуси (г. Минск)
НИАБГ — Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно
ОРРНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург)
ПКМ — Полоцкий краеведческий музей (г. Полоцк)
ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи
РГАВМФ — Российский государственный архив военно-морского флота (г. Санкт-Петербург)
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РМИР — Республиканский музей истории религии (г. Гродно)
СКМ — Слонимский краеведческий музей (г. Слоним)
д. — дело
оп. — опись
ф. — фонд

Чантурия Юрий Владимирович — доктор архитектуры, старший научный сотрудник, профессор кафедр «Философские учения» и «Градостроительство» Белорусского национального технического университета, член-корреспондент Белорусской академии архитектуры, лауреат премии им. В. А. Короля Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь. Автор многочисленных научно-исследовательских и нормативно-методических изданий по истории и теории градостроительства, проблемам реконструкции исторических городских районов, в том числе более 30 монографий и зарубежных публикаций. Член авторских коллективов свыше 70 генеральных и детальных планов городов, проектов регенерации территорий с памятниками культуры.

СОДЕРЖАНИЕ

Научное издание

Чантурия Юрий Владимирович

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО БЕЛАРУСИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

СРЕДНЕВЕКОВОЕ НАСЛЕДИЕ, РЕНЕССАНС, БАРОККО, КЛАССИЦИЗМ

Редактор

Анна Алексеевна Баранова

Художник

Елена Степановна Забавская

Художественные редакторы

Виктор Анатольевич Жаховец

Виктор Владимирович Минько

Технический редактор

Татьяна Васильевна Летьен

Компьютерная верстка

Нина Ивановна Кашуба

Подписано в печать 02.09.2005 г. Формат 60×90 1/8. Бум. мелованная.
Гарнитура Кудряшевская. Офсетная печать. Усл. печ. л. 47,0. Усл. кр.-отт. 49,0. Уч.-изд. л. 41,71.
Тираж 1000 экз. Заказ 2227.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский дом «Белорусская наука». ЛИ № 02330/0131569 от 11.05.2005 г.
220141. Минск, ул. Ф. Скорины, 40.

ОАО «Полиграфкомбинат имени Я. Коласа». 220600, Минск, Красная, 23.

рисунка	№ стр.	пункта	Название рисунка/схемы (все, кроме фото)
125	194	Бабиновичи	Проектный план конца XVIII в.
96	163	Бат	Схема планировки ансамблей
59	99	Беларусь	Схема размещения городских поселений с регулярной средневековой и ренессансной планировкой
84	135	Белыничи	Фиксационный план 1810 г.
138	206	Бешенковичи	План первой половины XIX в.
25	66	Бобруйск	План конца XVIII в. (РГВИА)
26	66	Бобруйск	Двухчастность планировочной структуры города
27	67	Бобруйск	Идеализированная схема композиционного неравновесия доминант
154	223	Бобруйск	Проект планировки Бобруйска
155	225	Бобруйск	Схема пространственно-планировочной композиции города
156	227	Бобруйск	Планировочная структура центра Бобруйска в середине XIX в.
157	228	Бобруйск	Идеализированная схема градостроительной композиции центра города в пределах крепости
158	229	Бобруйск	Ансамблевая жилая и общественная застройка внутрикрепостной территории. 1818 г.
207	297	Бобруйск	План ансамбля Соборной и культовой площадей в 1830-х годах
208	298-299	Бобруйск	Поперечный разрез центральной части Соборной площади в 1830-х годах. Вид на северо-запад
67	112	Борисов	План конца XVIII в. (РГВИА)
159	231	Борисов	Проектный план начала XIX в.
114	182	Братислава	Схемы планов Черикова, Братиславы, Наумбурга
21	60	Брест	План города в 1657 г. (прорисовка по гравюре Э. Дальберга 1659 г.)
22	61	Брест	План конца XVIII в. (РГВИА)
72	119	Быхов	План крепости, составленный между 1778 и 1780 гг.
73	121	Быхов	План 1781 г.
74	123	Быхов	Город-крепость Быхов в начале XVII в.
75	124	Быхов	Идеализированная схема градостроительной композиции крепости в начале XVII в.
131	200	Быхов	План середины XIX в.
20	60	Видзы	План 1798 г. (РГВИА)
12	53	Вилейка	План конца XVIII в. (РГВИА)
176	263	Вилейка	Главная площадь треугольной конфигурации [по плану конца XVIII в.]
37	78	Витебск	"Чертеж города Витебска" 1664 г.
38	79	Витебск	План Витебска, составленный между 1772 и 1774 гг. (РГИА)
39	80	Витебск	классицистическую сеть улиц и площадей
40	81	Витебск	Схема композиции высотных доминант в XVIII - начале XIX в. (реконструкция автора)
41	81	Витебск	Схема композиции высотных доминант в XVIII - начале XIX в. (реконструкция автора)
42	82	Витебск	Церковь Богоявления. Фото начала XX в.
43	82	Витебск	Церковь св. Ильи. Рисунок Д. Струкова второй половины XIX в.
44	83	Витебск	Центральная зона Витебска на плане начала XIX в. (РГИА)
45	84	Витебск	Планировочная структура центра Витебска в XVIII в. (реконструкция автора)
98	166	Витебск	План 1821 г.
99	167	Витебск	План 1820-х годов
100	168	Витебск	Проектный план первой половины XIX в.
101	169	Витебск	Планировочная структура центра Витебска в первой половине XIX в.
200	288-289	Витебск	половине XIX в.
201	290	Витебск	План ансамбля центральных площадей в первой половине XIX в.
203	292	Витебск	Вид на ратушную площадь с юга. Рисунок второй половины XIX в.
18	58	Волковыск	План 1798 г. (РГВИА)
19	59	Волковыск	План центра в конце XVIII - начале XIX в. (реконструкция автора)
61	101	Высокое	План 1795 г. (РГВИА)
65	105	Глубокое	Застройка торговой площади. Вдали - костел Св. Троицы. Фото 1920-1930-х годов
89	139	Глуск	План 1812 г.
130	199	Гомель	Фиксационный план начала XX в.
91	153	Городница	План около 1780 г.
129	198	Городок	Проектный план первой половины XIX в.
46	85	Гродно	План 1758 г. (РГВИА)
47	86	Гродно	Центральная часть Гродно на плане 1795 г. (РГВИА)
48	87	Гродно	План начала XIX в. (РГИА)
49	88	Гродно	План 1824 г. (РГИА)
50	89	Гродно	План центральной части Гродно 1831 г.
51	90	Гродно	Схема композиции высотных культовых доминант в XVIII в. (реконструкция автора)
53	91	Гродно	Ратуша с торговыми рядами и костел иезуитов. Фото 1930-х годов
54	92	Гродно	Монастырь бернардинок, позже - мужской Борисоглебский монастырь. Фото начала XX в. (РМИР)
55	92	Гродно	Дворец А. Тызенгауза (РГИА)
56	93	Гродно	автора)
60	100	Давид-Городок	План 1798 г. (РГВИА)
70	116	Дисна	План конца XVIII в.
184	270	Докшицы	План конца XVIII в.
13	53	Дрогичин	План местечка в середине XIX в. (реконструкция автора)
62	102	Друя	План XVII в. (по О.Хедеману)
135	203	Дубровно	Проектный план 1811 г.
95	162	Желудок	План местечка Желудок в первой половине XIX в.
7	47	Иерусалим	Иерусалим (по М.П. Кудрявцеву)
126	195	Климовичи	Проектный план 1798 г.
3	45	Константинополь	Константинополь. Схема плана города византийского периода (по М.П. Кудрявцеву)
4	45	Константинополь	Идеализированная схема композиции Константинополя (по М.П. Кудрявцеву)
5	46	Константинополь	Схема плана Константинополя и Босфорского пролива (по Н.И. БруновуXX
127	196	Копысь	Проектный план начала XIX в.
24	65	Кричев	Кричев (веерно-дуговая система планировки). План 1788 г. (РГВИА)
90	152	Кунстова	План Кунстовы
128	197	Лепель	Проект перепланировки 1798 г.
9	50	Лида	План 1798 г. (РГВИА)
10	51	Лида	Идеализированная схема градостроительной композиции
11	52	Лида	восприятии застройки
76	125	Минск	План 1793 г.
77	126	Минск	План конца XVIII в.
139	208-209	Минск	Проект перепланировки Минска, составленный между 1793 и 1800 гг.
140	210	Минск	Проект перепланировки 1809 г.
141	211	Минск	Проектный план 1817 г.
142	212	Минск	Фиксационный план первой половины XIX в.
143	213	Минск	Схема размещения высотных доминант в XVIII в. и в начале XIX в. [до 1809 г.]
144	213	Минск	Ратуша. Чертеж 1825 г.
86	137	Мир	План центральной части Мира 1831 г.
87	137	Мир	Анализ особенностей пространственной композиции
219	313	Мир	Квартал преимущественно усадебной застройки
104	172	Могилев	Проект перепланировки начала XIX в.
105	173	Могилев	План Могилева середины XIX в.
106	174-175	Могилев	Преобразование центральной зоны Могилева с ликвидацией части земляных укреплений. 1808 г.
107	176	Могилев	Вид на центр Могилева с запада. Рисунок XIX в.
108	176	Могилев	Вид на ратушу и пойменную территорию Днепра с севера. Фото начала XX в.

109	177	Могилев	Здание губерного правления и дом губернатора. Фото начала XX в.
110	178	Могилев	Бывший костел иезуитов и застройка северо-западной стороны площади. Фото начала XX в.
111	179	Могилев	Комплекс построек духовной семинарии и резиденции архиерея в первой половине XIX в.
28	68	Мозырь	План конца XVIII в. (РГВИА)
29	69	Мозырь	Центр города в конце XVIII в. (по плану РГВИА)
124	193	Мстиславль	Проект перепланировки 1778 г.
69	114	Мядель Новый и Старый	План XIX - начала XX в. (реконструкция автора)
114	182	Наумбург	Схемы планов Черикова, Братиславы, Наумбурга
80	131	Несвиж	Панорама города Т. Маковского, около 1604 г.
81	132	Несвиж	План начала XIX в.
82	133	Несвиж	План 1586 г.
83	134	Несвиж	План Несвижа в конце XVI - начале XVII в.
160	244	Нова Весь	Нова Весь
30	70	Новогрудок	Новогрудок (веерно-полукольцевая система планировки). План 1834 г. (РГАВМФ)
211	303	Новогрудок	Веерная улица в первой половине XIX в.
57	95	Орша	Развитие планировочной структуры Орши в XVI-XVIII вв. (реконструкция автора)
132	201	Орша	Проект перепланировки 1778 г.
133	202	Орша	План середины XIX в.
217	311	Орша	фасада застройки на начало XX в.
16	56	Ошмяны	План 1798 г. (РГВИА)
17	57	Ошмяны	Схема размещения высотных доминант в первой половине XIX в.
173	260	Ошмяны	Главная площадь неправильной многоугольной конфигурации [по плану 1798 г.]
31	72-73	Пинск	План 1784 г. (РГВИА)
32	74	Пинск	Схема размещения высотных доминант в первой половине XVIII в. (реконструкция автора)
33	74	Пинск	автора)
34	75	Пинск	Костел св. Станислава коллегиума иезуитов. Фото 1920-30-х годов (архив В.А. Чантурия)
35	76	Пинск	Костел Успения Девы Марии и колокольня монастыря францисканцев
36	77	Пинск	Костел монастыря доминиканцев. Фото начала XX в. (МБП)
146	215	Пинск	План конца XVIII в.
147	216	Пинск	Проект планировки 1800 г.
148	217	Пинск	Проектный план 1856 г.
171	257	Пинск	Главная площадь неправильной многоугольной конфигурации
172	258	Пинск	Коллегиум иезуитов, позже православный Богоявленский монастырь [по Миловидову]
209	302	Пинск	Главная, веерная улица во второй половине XIX - начале XX в.
215	309	Пинск	Типы монастырских комплексов в зависимости от значения в композиции города
6	46	Полоцк	Реконструкция территории древнего Полоцка (по Г.В. Штыхову)
8	48	Полоцк	в.
102	170	Полоцк	Проект перепланировки 1788 г.
103	171	Полоцк	Проектный план первой половины XIX в.
186	272	Полоцк	Полоцк в XIII в.
187	273	Полоцк	План 1707 г.
188	274	Полоцк	Фиксационный план 1778 г.
189	275	Полоцк	Фиксационный план конца XVIII в., составленный до регулярной перепланировки города
190	276	Полоцк	Проект перепланировки Полоцка 1793 г.
191	277	Полоцк	Вид на застройку центра с Верхнего замка. Рисунок конца XVIII в.
192	278	Полоцк	Вид на застройку центра с левого берега Двины. Фото 1889-1891 гг.
194	280	Полоцк	Вид на застройку восточной стороны площади с Николаевского собора. Фото 1889-1891 гг.
195	281	Полоцк	План площади в последней четверти XVIII - первой половине XIX в.
196	282-283	Полоцк	на север
197	282-283	Полоцк	запад
198	284	Полоцк	четверти XVIII в.
199	284-285	Полоцк	Продольный разрез ансамбля культово-административной площади в середине XIX в., вид на севе
213	307	Полоцк	второй половине XVIII - первой половине XIX в. [на примере Полоцка]
214	308	Полоцк	Вид на монастыри от Верхнего замка. Рисунок второй половины XVIII в.
177	265	Поставы	План торговой площади в 1770-х годах
178	266-267	Поставы	Фасад застройки западной стороны площади
179	267	Поставы	Северный фасад торговых рядов
180	267	Поставы	Западный и восточный фасад торговых рядов
181	268-269	Поставы	Фасад застройки северной стороны площади
182	268	Поставы	Фасад застройки южной стороны площади
183	269	Поставы	План торговой площади в 1770-х годах
71	117	Пружаны	План 1803 г.
152	221	Речица	Центр города в 1830 г.
202	291	Рим	Площадь Капитолия
14	54	Рогачев	План 1783 г. (РГАДА)
15	55	Рогачев	Прорисовка плана города 1783 г. (РГАДА)
122	191	Рогачев	Проектный план конца XVIII - начала XIX в.
123	192	Рогачев	Общественный центр конца XVIII - начале XIX в.
58	96	Слоним	План 1796 г. (РГВИА)
162	246	Слоним	План ансамблей центра Слонима в 1790-х годах
163	247	Слоним	Фасад застройки части западной стороны главной площади в начале XX в.
165	248	Слоним	Вид на монастырь бернардинок с севера. Фото начала XX в.
170	255	Слоним	План ансамблей центра во второй половине XIX в.
218	312	Слоним	Жилой квартал преимущественно сплошной застройки
78	127	Слуцк	План начала XIX в.
79	128	Слуцк	План города в XVII - начале XVIII в.
136	204	Сураж	Проект перепланировки первой половины XIX в.
137	205	Сураж	Главная площадь
64	104	Толочин	План 1810 г. (РГВИА)
153	222	Туров	План первой половины XIX в.
93	159	Фрамполь	Схема
23	62-63	Хотимск	План конца XVIII в. (РГВИА)
68	113	Чаусы	Центр города в конце XVIII в. (реконструкция автора)
118	188	Чаусы	Проектный план начала XIX в.
119	189	Чаусы	Проект перепланировки начала XIX в.
120	190	Чаусы	Ратуша. Чертежи первой половины XIX в.
121	190	Чаусы	Идеализированная схема развития общественного центра Чаус в конце XVIII - первой половине XI
113	181	Чериков	Проект перепланировки 1778 г.
114	182	Чериков	Схемы планов Черикова, Братиславы, Наумбурга
115	183	Чериков	Общественный центр в конце XVIII - начале XIX в.
116	184	Чечерск	План конца XVIII в.
117	186-187	Чечерск	Панорама Чечерска в первой половине XIX в.
94	161	Щучин	План конца XVIII - первой половины XIX в.
1	42		Типология нерегулярных систем планировки
2	43		Схема размещения типов нерегулярных систем планировки

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЛИТЕРЪ.
Монастыри.
Семинарія.
Школы.
жидовская новая
жидовская старая
строеніе.
Тиможня.
Почтовой домъ.
Соляной магазинъ.
Провіантской магазинъ.
Каменныя лавки.
Острогъ.
богадельня.
и площадь.
для баталіона.
площадьми.
баталіонной лазаретъ.
жидовской лазаретъ.
Пороховой погребъ.
Карантинъ.
дорога
Река Полота
слобода
Маштабъ
О ВО ПРИСОЕДИНЕННОЙ

ПЛАНЪ ГОРОДУ ПОЛОЦКУ КАКЪ НЫНѢ ВЫСТРОЕНО И ВЫСТРАЕВАЕТСЯ

Изъясненіе знаковъ.

Кварталы противъ апробованнаго плана всякихъ знаки, каменное строеніе темночерно, деревянное строеніе старое свѣтло черно, а новое деревянное строеніе деревянною краскою.

Кварталы покрыты зеленою красною знакитъ форштатъ законною расположенной по сле прожекта городскаго плана съ деревяннымъ строеніемъ.

Каменныя церкви.

Деревянныя церкви.

Реки и островъ.

Горы.

Почтовыя дороги.

Малыя дороги.

Пахатная земля.

Сенокосъ.

река Двина

2
З
76 САЖ. !
3М
30 САЖ.
8 САЖ.
42 САЖ.
8 САЖ.
3
4
8 САЖ.
10 САЖ.
3М
10 САЖ.
30 САЖ
Ж
42 САЖ.
10 САЖ
10 САЖ
7
56 САЖ.
142 САЖ.
Е
10 САЖ
Д
М
10 САЖ
10 САЖ
1
2h
138 САЖ.
56 САЖ.
Г
В
10 САЖ
54 САЖ.
10 САЖ
54 САЖ.
10 / САЖ
54 САЖ.
54 САЖ.
10 САЖ
54 САЖ.
10 САЖ
10 САЖ
5
Б
8 САЖ.
6
30 САЖ.
3М
30 САЖ. 3М
56 САЖ.
10 САЖ
А

ISBN 985-08-0658-3

